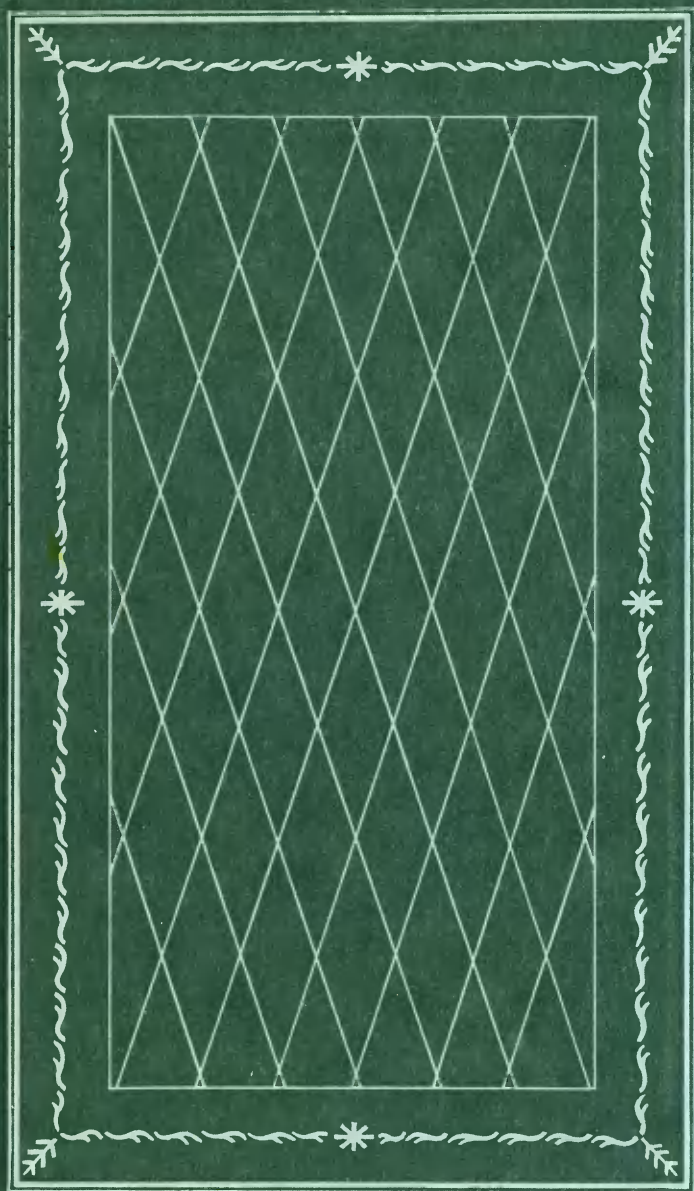
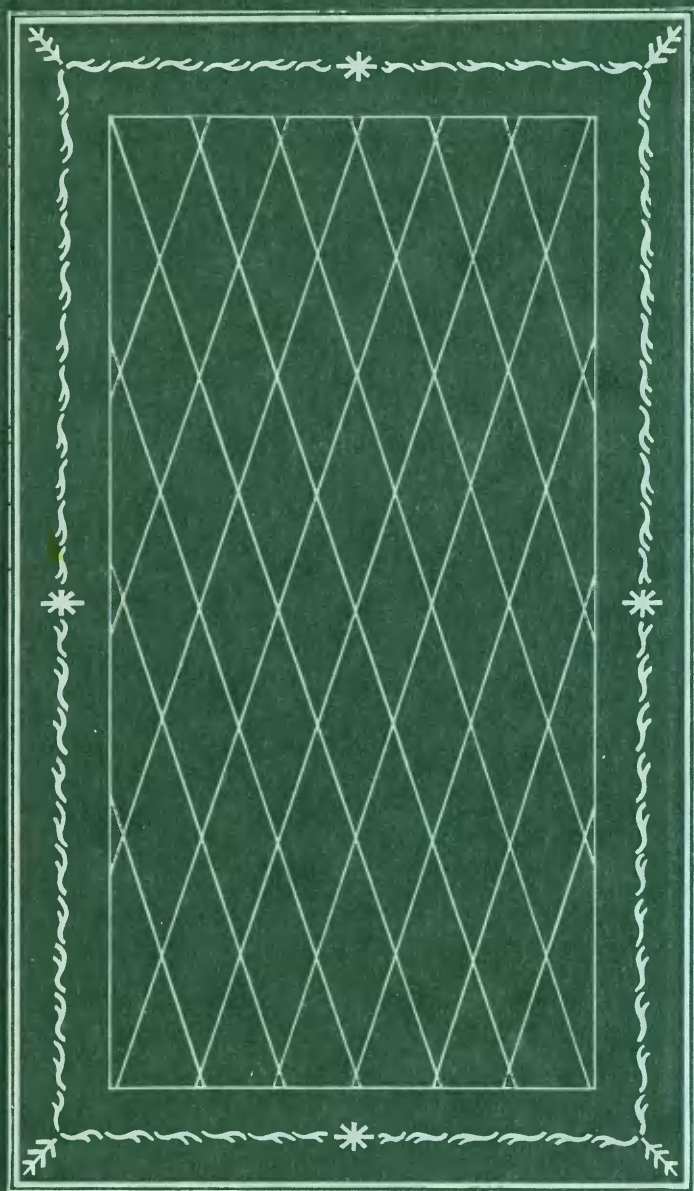


*МАРИНА
ЦВЕТАЕВА*

МАРИНА
ЦВЕТАЕВА

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА







МАРИНА ЦВЕТАЕВА



БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА МАКСИМОМ ГОРЬКИМ В 1931 ГОДУ

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

ИЗДАНИЕ

ТРЕТЬЕ

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ



ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1990

Редакционная коллегия

Ю. А. Андреев (*главный редактор*),

И. В. Абашидзе, Г. П. Бердников, А. Н. Болдырев,
Р. Г. Гамзатов, Н. М. Грибачев, М. А. Дудин, А. В. Западов,
Е. А. Исаев, М. К. Каноат, Д. С. Лихачев, Э. Б. Межелайтис,
А. А. Михайлов, Л. М. Мкртчян, Б. И. Олейник, А. И. Павловский,
С. А. Рустам, Н. Н. Скатов, М. Танк

*Вступительная статья,
составление, подготовка текста
и примечания
Е. Б. КОРКИНОЙ*

Редактор Л. Г. Чащина

Ц $\frac{4702010202-301}{083(02)-90}$ 423—90

ISBN 5-265-01485-3

© Е. Б. Коркина: вступ.
статья, составление,
примечания, 1990.

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Имя Марины Цветаевой, наряду с именами Владимира Маяковского, Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама, Сергея Есенина, Владислава Ходасевича, Бориса Пастернака, определяет целую эпоху русской поэзии первой трети XX века. Сейчас, в преддверии и по прошествии столетних юбилеев названных поэтов, их имена перестают быть только собственными именами реальных людей, а становятся названиями поэтических миров, сила воздействия которых на духовную жизнь последующих поколений с течением времени все возрастает.

Судьба поэта в такой же степени определяется особенностями его личности, как и его поэзия. А вернее, личность-поэзия-судьба образуют неразрывное триединство поэтического мира, все члены которого равнозначны и соподчинены.

Поэтическая индивидуальность Марины Цветаевой многолика, мироощущение противоречиво, судьба глубоко трагична, а поэтический мир целен и един. Полное описание его — дело будущего, но некоторые предварительные очерки можно сделать уже сейчас.

1

Вместе со своим поэтическим поколением Марина Цветаева принадлежит к переломной эпохе, заключающей в себе, по выражению Блока, «начала и концы». Эпоха эта, отмеченная всеобщим кризисом и нарастающим революционным движением, сформировала и личность Цветаевой.

Марина Ивановна Цветаева родилась в Москве 26 сентября 1892 года, который для русской литературы был ознаменован двумя событиями «конца» и «начала»: в этом году умер последний великий лирик XIX века — Фет и впервые заявило о себе новое литературное движение — символизм: в октябре 1892 года Д. С. Мережковский вы-

ступил с публичной лекцией «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». Новому течению, обратившему поэзию от «общественных вопросов» к проблемам личности и индивидуализму, суждено было перерастить рамки только литературного направления и стать определяющим мироощущением эпохи.¹

Год выхода в свет первой книги Цветаевой — 1910 — отмечен в истории русской поэзии как год объявленного кризиса символизма и подготовки вступления на поэтическую сцену авангардных течений.

Сопоставление этих двух дат позволяет наглядно представить историческую почву и духовную атмосферу, в которых сформировалась личность поэта, совместившая в себе признаки «концов» и «начал» и, в силу особенностей своего развития, совместившая их весьма причудливо.

Первые две книги Цветаевой — «Вечерний альбом» (М., 1910) и «Волшебный фонарь» (М., 1912) — «по духу — одна книга» (определение автора в 1925 г.) — книги детские, как тематически и хронологически, так и по авторскому пониманию их возрастной границы: следующая за ними книга называется «Юношеские стихи». Детские книги Цветаевой интересны сейчас прежде всего тем, что их замкнутый мир сохранил образ юного автора-героя, круг чтения и круг чувств, определивших своеобразие личности поэта. Лирика Цветаевой юных лет — книжного происхождения, однако не в смысле своего соотношения с распространенными в современной ей поэзии лирическими стереотипами — стиль Цветаевой и в начальную пору был независим от литературных подражаний и влияний. Книжность сказалась в жизненном опыте автора, в отборе впечатлений, в усвоении чужого душевного опыта. Об особенностях мироощущения, рожденного книжным «воспитанием чувств», точно сказал Руссо: «(...) я не только с чрезвычайной легкостью научился читать и понимать прочитанное, но и приобрел исключительное для своего возраста знание страстей. У меня еще не было ни малейшего представления о вещах, а уже все чувства были мне знакомы. Я еще ничего не постиг — и уже всё перечувствовал. Волнения, испытываемые мною одно за другим, не извращали

¹ Проблема соотношения в русской литературе модернизма, декадентства и символизма до сих пор окончательно не решена. Большинство исследователей, вслед за Л. Я. Гинзбург (а точнее — вслед за Вяч. Ивановым), собственно символистами называет поэтов 1900-х годов, а первых русских символистов — поэтов 1890-х годов — принято называть декадентами. Термином же «модернизм» обычно обозначается вся эпоха 1890-х — 1910-х годов. Цветаева в 1926 г. внесла свой вклад в терминологическую смуту: «Я бы «декадент» вела от декады, десятилетия. У каждого десятилетия — свои «декаденты!» («Благонамеренный». Брюссель. 1926, № 2 — статья «Поэт о критике»).

разума, которого у меня еще не было; но они образовали его на особый лад и дали мне о человеческой жизни понятия самые странные и романтические; ни опыт, ни размышления никогда не могли как следует излечить меня от них».¹

Такое мироощущение — трудное бремя, главным образом потому, что разрушает естественные связи индивидуума с реальностью, совпадающую с течением окружающей действительности. «Книги мне дали больше, чем люди, — писала Цветаева М. А. Волошину 18 апреля 1911 года. — Я мысленно всё пережила, всё взяла. Мое воображение всегда бежит вперед. Я раскрываю еще не распустившиеся цветы, я грубо касаюсь самого нежного и делаю это невольно, не могу не делать! Значит я не могу быть счастливой?»²

Цветаева пережила в юности страстные увлечения книгами Э. Ростана, К. Бальмонта, В. Брюсова, и эти события внутренней жизни по интенсивности и чистоте горения не могли сравниться ни с какими событиями ее внешней жизни. Тогда сложилось убеждение в приоритете внутренней жизни, «под веками», по ее определению, над любой реальностью, убеждение, не опровергнутое последующими годами «опыта и размышлений».

Известна способность явлений культуры быть «программой» для моделирования личности. Для юной Марины Цветаевой такими «моделями» стали русская художница Мария Башкирцева, которой посвящен «Вечерний альбом», и представительница немецкого романтизма Беттина Брентано, многотомные эпистолярные романы которой были в эти годы настольными книгами Цветаевой.³

В ранней юности Цветаева впитала психологические основы немецкого романтизма, раскрепощающие, расширяющие и утверждающие личность. В учении немецких романтиков о творчестве как преодолении границ своего «я», о самопознании как пределе духовной деятельности — истоки стремления поэтического мира Цветаевой к сфере «безграничного», к регенерации и метаморфозам ее лирического «я», к расширению сферы личного опыта, к творческому самораспорению в небытии.

Необходимо сразу отметить внелитературную установку поэтического дебюта Цветаевой. Свою первую книгу она издала «по при-

¹ Ж.-Ж. Руссо. Исповедь. М., 1949. С. 36.

² «Ежегодник РО Пушкинского Дома на 1975 год». Л., 1977. С. 163—164. Публикация В. П. Купченко.

³ В настоящее время три книги с многочисленными пометами Цветаевой 1910—1912 годов хранятся в б-ке ЦГАЛИ, это — «Clemens Brentanos Frühlingskranz», «Bettina v. Arnim. Die Gündertode» и «Bettina v. Arnim. Goethe's Briefwechsel mit einem Kinde».

чинам, литературе посторонним, поэзии же родственным, — взамен письма к человеку, с которым была лишена возможности сноситься иначе. Литератором я так никогда и не сделалась, начало было знаменательно». ¹ Книга, однако, была ею послана для отзывов и получила одобрение ведущих поэтов той поры — В. Брюсова, Н. Гумилева, М. Волошина.

На сторонний взгляд, отзывы (особенно Гумилева и Волошина) были очень доброжелательными, критические замечания весьма скромными, поэтому появление во второй книге Цветаевой — «Волшебном фонаре» (1912) — сразу трех полемических стихотворений: «Эстеты», «В. Я. Брюсову» и «Литературным прокурорам» — кажется чрезмерно самолюбивой реакцией на «критику». Однако интересны сейчас эти стихотворения не своей полемической направленностью, а тем, что в них впервые выражены взгляды Цветаевой на поэзию и дело поэта.

Цветаева решительно отвергает символистское (а точнее — брюсовское) восприятие мира как фантома и жизни как повода для литературных упражнений и утверждает жизненно серьезный, а не литературный характер своей поэзии, ставшей для нее лирическим дневником жизни, которую невозможно изменить по приговору «литературных прокуроров».

Через год Цветаева выпускает сборник «Из двух книг» — избранное из «Вечернего альбома» и «Волшебного фонаря» — и предпосылает ему «Предисловие», датированное январем 1913 года, в котором определенно формулирует свои взгляды на задачу творчества. По духу это совершенно акмеистская «программа»:

«Всё это было. Мои стихи — дневник, моя поэзия — поэзия собственных имен.

Все мы пройдем. Через пятьдесят лет все мы будем в земле. Будут новые лица под вечным небом. И мне хочется крикнуть всем еще живым:

Пишите, пишите больше! Закрепляйте каждое мгновение, каждый жест, каждый вздох! Но не только жест — и форму руки, его кинувшей; не только вздох — и вырез губ, с которых он, легкий, слетел.

Не презирайте «внешнего»! Цвет ваших глаз так же важен, как их выражение; обивка дивана — не менее слов, на нем сказанных. Записывайте точнее! Нет ничего не важного! Говорите о своей комнате: высока она, или низка, и сколько в ней окон, и какие на них занавески, и есть ли ковер, и какие на нем цветы?..

Цвет ваших глаз и вашего абажура, разрезательный нож и узор

¹ Цветаева М. Проза. Нью-Йорк, 1953. С. 217—218.

на обоях, драгоценный камень на любимом кольце,— всё это будет телом вашей оставленной в огромном мире бедной, бедной души».¹

Поэтическая задача, выраженная в этом «литературном манифесте», опиралась на новую практику, которая начала реализовываться в завершающих «Волшебный фонарь» пьесах и последовательно осуществлялась далее — в стихах 1913—1914 годов, вошедших в «Юношеские стихи», третью, неизданную книгу Цветаевой. В этих произведениях Цветаева сближается с тем общим «эстетизмом» эпохи, выражением которого стал акмеизм. Современник писал об этом явлении: «Да и не эстетизм это на самом деле, а просто взгляд такой на мир, когда знаешь, что смотришь в последний раз, когда любовно и точно стараешься запечатлеть каждую подробность уходящего. Эстетизм этот наш был любовью ко всему,— к каждой вещи, к каждому звуку, к каждой мысли, к каждому движению души человеческой».²

Однако, несмотря на сближение реализма раннего творчества Цветаевой с акмеизмом и на выявившееся впоследствии духовное родство психологической природы, идейного комплекса и словаря Цветаевой с символизмом, от слишком тесных сопоставлений приходится отказаться. Цветаеву в разное время относили то к «эпигонам символизма», то к «эпигонам акмеизма»³, и в этом смысле судьба ее сопоставима с литературной судьбой Вл. Ходасевича, о чем он сам писал в отрывках из автобиографии 1933 года: «Мы же с Цветаевой, которая, впрочем, моложе меня, выйдя из символизма, ни к чему и ни к кому не пристали, остались навек одинокими, «дикими». Литературные классификаторы и составители антологий не знают, куда нас прикнуть».⁴

Цветаева формально не принадлежала ни к какому литературному направлению и школе не столько потому, что она фактически к ним никогда не принадлежала, сколько по отсутствию у нее установки на восприятие ее стихов в каком бы то ни было литературном ряду. Но логика внутреннего развития вела Цветаеву от реализма «Волшебного фонаря» и «Юношеских стихов» к символизму (разумеется, индивидуальной его модификации) «Верст», «Разлуки», поэмы «На Красном коне».

¹ Цветаева М. Из двух книг. М.: Оле-Лукояе, 1913. С. 3.

² Данилов Ю. Последние римляне // «Воля России». Прага. 1924, № 18/19. С. 115.

³ См., например: Совсун В. Акмеизм или адамизм // «Лит. энциклопедия». М., 1929. Т. I. Стб. 73; Селивановский А. Очерки русской поэзии XX века // «Лит. учеба». 1934, № 7. С. 8.

⁴ Ходасевич Вл. Младенчество // «Возрождение». Париж. 1933, 12 окт., № 3054; перепеч. в: «Воздушные пути». Нью-Йорк. 1965, № 4. С. 101.

В «Юношеских стихах» место книжных героев заняли реальные люди, но творческий метод не изменился, то есть внутренних изменений, несмотря на изменения внешней жизни в связи с замужеством и рождением дочери, не произошло.¹ Место Герцога Рейхштадтского занял Сергей Эфрон, в котором любящий взор прозревает все таланты и героическое будущее:

Вашего полка драгун,
Декабристы и версальцы!
И не знаешь — так он юн —
Кисти, шпаги или струн
Просят пальцы.

Новым в «Юношеских стихах» предстал культ собственной личности, вызванный, вероятно, в большой степени восхищенным признанием ее со стороны близких людей.² Эгоцентризм этих стихотворений демонстративен и безудержен и в то же время трогателен и наивен.

Осенью 1914 года реальная жизнь разрушила «сказку»: Цветаева пережила трагическое в своей жизненной безысходности увлечение, которое внутренне переменяло ее. Это событие, отраженное в цикле стихотворений 1914—1915 годов «Подруга», Цветаева впоследствии назвала «первой катастрофой» своей жизни. Пережитое страдание выжгло инфантилизм из ее стихов, и вторая половина «Юношеских стихов» — начало зрелой Цветаевой, переход к «Верстам».

Трудно сказать, как сложилась бы литературная судьба этих двух книг, если бы они были изданы своевременно. Но «Юношеские стихи» при жизни Цветаевой никогда не были изданы, а «Версты» увидели свет только в 1922 году. О причинах своего почти десятилетнего отсутствия в литературе Цветаева написала в 1931 году в заметке «Моя судьба — как поэта»:

...в до-революционной России самовольная, а отчасти *невольная* (курсив здесь и далее принадлежит Цветаевой. — Е. К.) исключенность из литературного круга — из-за раннего замужества с *нелитератором* (NB! редкий случай), раннего и страстного материнства, а главное — из-за рожденного отвращения ко всякой кружковщине. Встречи с поэтами (Эллисом, Максом Волошиным, О. Мандель-

Ср. в этой связи заглавия двух стихотворений «Волшебного фонаря»: «Из сказки — в жизнь», посвященного свадебному путешествию А. Тургеневой и А. Белого, и «Из сказки — в сказку» — своему замужеству.

² См., например, рассказ «Волшебница» в кн.: Э ф р о н С. Детство. М.: «Оле-Лукойе», 1912.

штамом, Тихоном Чурилыным) не — поэта, а — человека, и еще больше — женщины: женщины, *безумно* любящей стихи. Читатель меня не знал, потому что после двух первых — самонапечатанных, без издательства — детских книг — из-за той же литературной оторванности и собственной особенности: ненавидела, например, стихи в журналах — нигде не печаталась. Первые стихи в журнале — в «Северных записках», потому что очень просили и очень понравились издатели, — в порядке дружбы. Сразу слава среди поэтов. До широкого круга не дошло, потому что журнал был новый — и скоро кончился. *Всё скоро кончилось...*¹

Цветаева недаром отмечает свое сотрудничество в петербургском журнале «Северные записки», дело здесь не в одной личной симпатии. Знакомство с издателями — Софьей Исааковной Чацкиной и Яковом Львовичем Сакером — и поездка по их приглашению в Петроград зимой 1915—1916 года не только разрушила литературное одиночество Цветаевой, но и вызвала в ее творческом сознании тему Москвы, расширившуюся впоследствии до темы народной стихии в «Верстах», «кумашной Руси» в «Ремесле» и фольклорных поэмах 1920—1922 годов.

Важно отметить в приведенной записи и самохарактеристику Цветаевой: в эти годы она ощущает себя не поэтом, а «женщиной, *безумно* любящей стихи». Для периода «лирического дневника» и «поэзии собственных имен» эта характеристика распространяется и на лирическое «я» поэзии Цветаевой.

В цикле «Подруга», занимающем в «Юношеских стихах» срединное положение, произошло углубление личности лирического «я». Нарастание внутреннего напряжения душевной жизни и усложнение мироощущения происходят на глазах читателя без видимых драматических поворотов лирического сюжета, и за пределы цикла выходит уже другая личность — лирическая героиня «Верст». Одно из последних стихотворений «Юношеских стихов» — «Быть в аду нам, сестры пыльные...» — вполне могло бы войти в «Версты». Освобождение личности, открытость жизни, принятие множественности ее путей, в том числе и таких, которые требуют нарушения традиционных нравственных запретов и ведут к трагическим последствиям, — вот что отличает «Версты» в психологическом плане. Это освобождение привело к изменению характера лирической героини, открывшей в себе и в мире внутреннее противоречие этических императивов, обустраивающее трагизм человеческого бытия.

Разительная перемена произошла в творческом методе и стиле Цветаевой. В «Верстах» предстает уже не «поэзия собственных имен», а мифологизация всего лирического комплекса — лирического сю-

¹ ЦГАЛИ. Фонд 1190, оп. 3, ед. хр. 20, л. 42.

жета, личности лирической героини, образов лирических героев книги.

Сейчас, в исторической перспективе, «Версты» кажутся одним из вершинных достижений поэзии Цветаевой.¹ Ритмическая и интонационная свобода, психологическая широта, стилистическая гибкость, языковое богатство, исторический фон образуют такое гармоническое единство, которому трудно подобрать аналогии в позднейшем творчестве Цветаевой. Это — книга-заповедник, сохранившая на своих страницах приметы навсегда ушедшей жизни и целые пласты исчезнувшей лексики.

Над синевой подмосковных рош
Накрапывает колокольный дождь.
Бредут слепцы калужскою дорогой,—
Калужской — песенной — прекрасной, и она
Смывает и смывает имена
Смиранных странников, во тьме поющих Бога.

(«Стихи о Москве», 6)

В этом стихотворении до современного читателя, живущего в мире, где давно нет ни этих рош, ни колоколов, ни слепцов, ни крестов на груди, доносится утраченное содержание понятия «Святая Русь» и осуществляется «связь времен».

В трех стихотворных циклах «Верст» — «Стихи о Москве», «Стихи к Блоку», «Стихи к Ахматовой» — и в стихотворениях февраля-марта 1916 года, обращенных к Осипу Мандельштаму, Цветаева создает свой образ Москвы. Все эти произведения обращены к поэтам-петербуржцам и написаны после поездки Цветаевой в город, о котором Иннокентий Анненский написал:

Сочинил ли нас царский указ?
Потопить ли нас шведы забыли?
Вместо сказки в прошедшем у нас
Только камни да страшные были.

(«Петербург»)

В последние месяцы «петербургского периода» русской истории, в противоположность и в противовес «миражу» Петербурга, тради-

¹ Поэт А. Мсжиров написал недавно: «⟨...⟩ бессмертие ее (Цветаевой. — Е. К.) — в первом издании «Верст», книги нерукотворной...» // «Лит. газета». 1984, 31 окт., № 44.

ционному после Гоголя, Достоевского и Андрея Белого, Цветаева создает в «Верстах» московскую «сказку» допетровской эпохи

У меня в Москве — купола горят!
У меня в Москве — колокола звонят!
И гробницы в ряд у меня стоят,—
В них царицы спят, и цари.

(«Стихи к Блоку», 5)

«Огромный странноприимный дом», со своими исконными русскими святынями: «пятисоборным кругом Кремля», Иверской часовней, мощами целителя Пантелеймона, с сорока сороками церквей, их золотыми куполами, серебряным звоном в радостные праздники Благовещения и Пасхи — такова Москва цветаевских «Верст».

В «Верстах» — истоки цветаевского символизма. Лирический сюжет книги построен на ключевых словах-символах народной поэзии. Многозначный образ птицы (возлюбленный в образе птицы, душа — птица, волшебные птицы фольклора), перстень как символ любви, ветер как образ стихии, — вот образы-символы стихотворения, открывающего «Версты» («Отмыкала ларец железный...»), и проходящие затем через всю книгу.

В «Верстах» создаются и первые «именные» циклы Цветаевой — отражения ее поэтическим сознанием образов поэтов-современников — Блока и Ахматовой. Собственно, самой первой попыткой этого рода была поэма 1914 года «Чародей», входившая в «Юношеские стихи» и запечатлевшая образ старшего друга сестер Цветаевых — поэта-символиста Эллиса. В целом, «Чародей» не выходит за рамки реализма «Волшебного фонаря» и «Юношеских стихов». Подробности жизни цветаевского дома в Трехпрудном переулке — интерьеры залы, мезонина, вечерние визиты Эллиса, совместные беседы, чаепития, прогулки по Тверскому бульвару — это «лирический дневник», но сам герой мифологизирован. Здесь впервые проявилась особенность душевной оптики Цветаевой, определяющая ее видение и отражение людей и стилистику ее произведений этого рода — «Стихов к Блоку», «Стихов к Ахматовой» и других. В этих опытах неплототворно искать реальные черты героев. Семиотическая природа этих текстов сравнима с природой древних хроник — гиперболизированных в силу ритуала. В портретах своих современников Цветаева использует средства героического эпоса:

Жерло заговорившей Этны —
Его заговоривший рот.

(«Чародей»)

Ты черную насылаешь метель на Русь,
И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы.
И мы шарахаемся, и глухое: ох! —
Стотысячное — тебе присягает: Анна
Ахматова!

(«Стихи к Ахматовой», 1)

Ты проходишь на Запад Солнца,
Ты увидишь вечерний свет...
Свете тихий — святые славы —
Вседержитель моей души.

(«Стихи к Блоку», 3)

Человек изображается Цветаевой как явление природы, стихийное бедствие, историческое событие, сверхъестественная сила. Однако не в одной только душевной оптике автора причина, немаловажен и выбор портретируемых, где действует «избирательное сродство»: герои этого типа произведений — поэты, и их портреты в огромной степени портреты лирических субъектов их поэзии, то есть не реальных людей, а поэтических миров.

Мифологизации подвергается в «Верстах» и образ лирической героини, сливающейся с населением цветаевской Москвы — «странноприимного дома»: бродягами, нищими, уличными певцами, ворами, юродивыми, преступниками — представителями деклассированных низов. Лирическая героиня «Верст» — самозванка, кабацкая царица, богомолка за Гришку Отрепьева, подстрекательница поджогов и смуты — плоть от плоти и дух от духа стихии низовой народной жизни, опасной, затаенной стихии.

В мироощущении Цветаевой совершенно отсутствует сознание «дворянской отчужденности от народа», свойственное Блоку и отчасти Ахматовой, она свободна как от комплекса трагической вины русской интеллигенции перед народом, так и от идеализации патриархального народного быта, присущей Клюеву, Есенину и другим «новокрестьянским» поэтам, связанным с ним генетически. Идеалом народной жизни для Цветаевой является стихийная вольница Степана Разина, странничество и вольное бродяжничество. Просторы России, к которым Цветаева пришла в «Верстах», сопоставимы с «трагическим простором» «Пепла» Андрея Белого.¹ Это сходство коренится, думается, в

¹ Д о л г о п о л о в Л. К. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л., 1988. С. 163.

общем для обоих поэтов сознании социального одиночества, «выпадения из быта».¹

Приобщение поэта к стихии народной жизни произошло в 1916 году, накануне революции, и событийность эпохи определяет дух этой книги. Как и «Сестра моя — жизнь» Бориса Пастернака, «Версты» Марины Цветаевой — не о революции, но обе книги — явления революционного времени, ибо они открывают поворот индивидуального сознания и душевной жизни навстречу катастрофическим переменам и их последствиям.

2

Отношения поэта со своим временем всегда не просты, а в эпохи социальных катастроф исполнены особого драматизма. Поэтический дар — инвариантен, вариантен мир. А он может повернуться к поэту такой стороной, что ничего, кроме ненависти и проклятий, у него не вызовет, как, например, у Бодлера. Но вариантна и личность поэта. Одна и та же эпоха заставляет Некрасова служить «злобе дня», а Фета обращает к своему внутреннему миру.

По психологическому складу Цветаева была человеком с врожденной посадкой «спиной к лошадям» (см. ее рассказ «Башня в плюще»), она всегда жила «назад», вспять настоящему. Прошлое становилось для нее «утраченным раем». Ее мироощущение лирического поэта было враждебно массовому сознанию, а поэтический мир сосредоточен на личности поэта. Эти индивидуальные особенности необходимо должны учитываться при рассмотрении сложных и трагических взаимоотношений поэта с миром.

В 1921 году в статье «Русская поэзия и революция» Илья Эренбург разделил современных русских поэтов на четыре группы в соответствии с их отношением к революции. Цветаева и Бальмонт зачис-

Ср. слова старшей современницы обоих поэтов Е. К. Герцык: «Переживаю сейчас мысленно необычайно творческое десятилетие, первое десятилетие века — символизм и т. д. — и, чтобы оно осуществилось, сколько должно было расти в разных уголках страны таких выпавших из быта, какими были мы с Аней» («Современные записки». Париж, 1936. Кн. 61. С. 352). Приведенный фрагмент заимствован из публикации «Письма оттуда», где автор письма скрыт за литерой X. Реалии писем позволяют раскрыть как имя корреспондента, так и имя адресата — по-видимому, это В. С. Гриневич, близкая подруга сестер Герцык и знакомая Цветаевой. Аня — сестра автора писем — поэтесса Аделаида Герцык.

лены им в первую группу — отрицающих революцию.¹ Но в этом — только часть правды. Сознательно Цветаева не могла принять свершившееся в России, как человек, преданный прошлому, как романтик, защищающий гибнущее и побежденное, и как лирический поэт, отшатавшийся от власти организованных масс. Были этому неприятию и причины личного характера.² Однако не менее сильным, чем сознательное отталкивание, было бессознательное притяжение, которое выразилось в самой органичной для поэта области — в поэтике. Вообще тема революции отразилась в творчестве Цветаевой многообразно: в демократизации языка и образной системы, в поэтизации стихийности, в романтизации «белого движения» (последнее отчасти было обусловлено биографически — муж Цветаевой всю гражданскую войну воевал в Добровольческой армии).

Революционные годы отмечены интенсивностью духовной жизни Цветаевой и творческим ростом. С 1917 по 1922 год созданы стихотворения, объединенные впоследствии в книги «Лебединый стан», вторые «Версты» (сборник включил в себя только часть лирики этих лет), «Ремесло»; написаны фольклорные поэмы — «Царь-Девница», «Переулочки», начаты неоконченный «Егорушка» и завершенный уже в Чехии «Молодец»; создан целый ряд драматических произведений — «Червонный Валет», «Каменный Ангел», «Метель», «Приключение», «Фортуна», «Феникс». Все это время Цветаева ведет подробные дневниковые записи, из материала которых в первые годы жизни за границей она создала такие образцы документальной прозы, как «Мои службы», «Октябрь в вагоне», а также составила тематические подборки записей — «О любви», «О благодарности», «О Германии».

В стихотворениях книги «Лебединый стан» запечатлена лирическая хроника событий февраля-октября 1917 года и гражданской войны. Для романтического сознания Цветаевой характерно восприятие событий 1917 года в России в образах Великой французской революции: Андрей Шенье, Консьержерия, «Дворянин, дорогу дровосеку!», эшафот, чернь. Исторический идеал Цветаевой — в прошлом,

¹ К «безусловно принявшим революцию» Эренбург отнес только Брюсова, Маяковского и пролетарских поэтов; Пастернак, Ахматова, Мандельштам, Волошин, Вяч. Иванов и сам Эренбург — в группе тех, кто «стареется ее понять и осмыслить». Блок, Белый и Есенин «готовы принять революцию, пока она отвечает их собственным религиозным и иным чаяниям» («Летопись Дома Литераторов». 1921, 15 нояб., № 2. С. 8.)

² Дочь Цветаевой, А. С. Эфрон, в ответ на печатные утверждения о том, что «Цветаева не поняла и не приняла революцию», приводила факт смерти от голода в феврале 1920 года своей младшей сестры, добавляя: «куда уж понятнее и непереносимее».

в русской жизни допетровской эпохи, отсюда и трибунная риторика стихотворения «Петру», и образы боярыни Морозовой и Стрельчихи, выражающие всю силу (и обреченность) сопротивления насильственным преобразованиям.

Линия «Лебединого стана», романтизирующая «белое движение», была продолжена в стихотворных циклах «Георгий» и «Благая весть», в обих «Новогодних» (застольных песнях), вошедших в «Ремесло». Несмотря на то, что все эти произведения направлены к конкретному адресату, символика их не индивидуальна, а принадлежит времени.¹

Вторые «Версты» (М.: «Костры», 1922) объединяют избранную лирику Цветаевой 1917—1920 годов, расположенную в двух разделах. В первом разделе собраны стихотворения цыганской темы, несущей с собой поэтику гаданий, заклинаний, ворожбы. Тема творчества — основная тема второго раздела книги. Она сопрягается здесь с другими темами, обогащающими основную: темой духа, души-Психси, бессмертия, Страшного Суда.

В картине Страшного Суда самоощущение лирической героини «пред ликом Господа и всех святых» спокойное и бесстрашное: оправдание ее жизни в том, что она не уклонилась от своего призвания, несмотря на всю тяжесть его.

Творческой стихией лирического «я» во вторых «Верстах» утвер-

¹ Приведем для примера стихотворение современника Цветаевой поэта-добровольца Ивана Савина:

Оттого высоки наши плечи,
А в котомках акриды и мед,
Что мы, грозной дружины предтечи,
Славословим крестовый поход.

Оттого мы в служенье суровом
К Иордану святому зовем,
Что за нами, крестьящими словом,
Будет Вонн, крестьящий мечом.

Да взлетят белокрылые латы!
Да сверкнет золотое копье!
Я, немеркнувшей славы глашатай,
Отдал Господу сердце свое.

Да придет! Высокие плечи
Преклоняя на белом лугу,
Я походные песни, как свечи,
Перед ликом России зажгу.

Цит. по: Т е р а п и а н о Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека. Париж — Нью-Йорк, 1987. С. 203.

ждается огонь — это один из ключевых образов-символов книги. С ним связана и тема бессмертия, предстающая здесь в образе огненного вознесения («Любовь! Любовь! И в судорогах и в гробе...»).

Стихотворения последнего года жизни Цветаевой в России (1921—1922) объединены в вышедшей в 1923 году в Берлине книге «Ремесло». Ее основной лирический сюжет составляет последовательность событий внешней и внутренней жизни: разлука с мужем, отсутствие известий о его судьбе, осознание его дела как подвига Святого воина (цикл «Георгий»), «благая весть» о том, что он жив, утверждение его своей земной долей и долгом («Как по тем донским боям...»), стремление к встрече. Но этими темами «Ремесло», конечно, не исчерпывается. Это книга — рубежа, поворота жизни, поэтому такое место в ней занимают темы отказа, отречения, прощания, жертвы, обновления.

Вообще 1921 год в жизни Цветаевой — год рубежа и поворота. Он начался для нее поэмой «На Красном коне», ознаменовавшей глубокое изменение лирического «я». В поэме утверждается неразрывная связь лирической героини с неким Всадником на Красном коне, являющимся ее двойником-гением-вожатым, в жертву которому приносится самое важное в человеческой судьбе — любовь, потомство и сама жизнь. Символический смысл поэмы, связанной со многими темами стихотворений вторых «Верст», допускает толкования разного уровня. Самое ближайшее и простое понимание: это поэма о жертвенном характере поэтического призвания. Опубликованная впервые в книжечке «Разлука» (Берлин, 1922) совместно с одноименным циклом, впоследствии вошедшим и в «Ремесло», поэма «На Красном коне» бросает ответ и на цикл, который от такого соседства раскрывает свое неявное содержание. Цикл «Разлука» снабжен посвящением — «Сереже», что ориентирует читателя на понимание его как произведения о разлуке с мужем, во всяком случае — лирической героини с лирическим героем. И этому пониманию не противоречат стихотворения цикла, кроме двух срединных — пятого и шестого. В них говорится о разлуке с ребенком, от которого лирическую героиню неумолимо увлекает некая сила. Присутствие ребенка в этом контексте объясняют неоконченные стихотворения цикла, где его образ, правда, странно двоится: «Ребенок, у ног моих бьющий в ладоши», «Как будто не отрок у ног, а любовник», «Ровесник мой, (<...> мне постепенно станешь сыном». Нечеткий образ того, с кем разлука неминуемо предстоит, определяет и временное пространство цикла — это не настоящее время, и не будущее, это вечное время поэзии, где герой цикла одновременно и ребенок, и любовник, и ровесник, и сын, а лирическая героиня с ее «бесстрастием каменноокой камен» — не смертная женщина, а Сивилла, и р а з л у к а, таким образом, не просто биографическая разлука с мужем и не общепоэтическая разлука лирических

героев, а вечная разлука поэта со своей человеческой долей, с жизнью вообще. Даже если в реальности жизнь еще сулит и встречу, и рождение сына — вечная разлука осознана наперед.

Весь трагизм своего явления в мир Цветаева выразила в 1921 году в стихотворении «Роландов рог»¹:

Как некий шут о злом своем уродстве,
Я повествую о своем сиротстве...

За князем — род, за серафимом — сонм,
За каждым — тысячи таких, как он,

Чтоб, пошатнувшись, — на живую стену
Упал и знал — что тысячи на смену!

Солдат — полком, бес — легионом горд,
За вором — сброд, а за шутом — всё горб.

Так, наконец, усталая держаться
Сознанием: перст и назначением: драться,

Под свист глупца и мещанина смех —
Одна из всех — за всех — противу всех! —

Стою и шлю, закаменев от взлету,
Сей громкий зов в небесные пустоты.

И сей пожар в груди тому залог,
Что некий Карл тебя услышит For!

В этом стихотворении символически отражена не столько судьба — то есть повторяющаяся цепь жизненных ситуаций, обусловленных данным типом личности, сколько самое духовное ядро, сущность бытия этой личности.

«Ремесло» — трагическая книга, прежде всего потому, что тема отказа и отречения коснулась в ней первостепенных жизненных ценностей.

«Лебединый стан» писался как непосредственный отклик на события, в «Ремесле» гражданская тема осмыслиется отстраненно, ретро-

¹ Это стихотворение было закончено и опубликовано в 1932 году и тогда же вызвало высокую оценку Вл. Ходасевича, назвавшего его «гениальным» («Возрождение». Париж, 1932, 27 окт. С. 4.)

спективно. Поражению «белого дела» посвящен трагический «По-
смертный марш». Обреченность выражена в композиции стихотворе-
ния: припев марша идет на убыль, как удаляющиеся голоса поющих
его, уходящих в небытие, и последняя строка стихотворения — два
начальных слова припева и тире — включает наступившую тишину
смерти в свой контекст. Смерть уравнивает всех, и для поэта в граж-
данской войне победителей нет — таков, думается, смысл стихотво-
рений «Переселенцами...», «Пуще, чем женщина...», «Сомкнутым
строем...». Прошедшие годы изменили мир и изменили поэта. Итогом
этих лет стали строки, написанные десятилетие спустя: «Той России —
нету, Как и той меня». В 1922 году из Москвы уезжала не «женщина,
безумно любящая стихи», а «выкорчеванный от дружб и приязней
дух» — поэт Марина Цветаева.

3

В одном из стихотворений книги «Ремесло» говорится об «эк-
спорте» революции, несомой русскими беженцами в благополучный
мир Запада.

Переселенцами —
В какой Нью-Йорк?
Вражду вселенскую
Взвалив на горб —

Ведь и медведи мы!
Ведь и татары мы!
Вшами изъедены
Идем — с пожарами!

Покамест — в долг еще!
А там, из тьмы —
Сонмы и полчища
Таких, как мы...

(«Переселенцами...»)

Эта тема, с разной степенью полноты, отразилась в двух поэмах
Цветаевой 1925—1926 годов — «Крысолове» и «Лестнице». «Крысо-
лов» — романтическая поэма о несовместимости искусства с жизнью,
по определению автора: «лирическая сатира — на быт».¹

Сатирическая направленность поэмы разделяется на два русла:
население города Гаммельна подвергается тотальному осмеянию

¹ Цветаева М. Неизданные письма. Париж 1972. С. 159.

во всех своих социально-бытовых проявлениях — здесь романтическая ирония Цветаевой усугубляется до сарказма, в главах же, посвященных крысиному нашествию, тональность сатиры совершенно иная — сарказм в них сменяется юмором и филологической игрой. Благонравие, бережливость, упорядоченность жизни гаммельнцев, их семейные и профессиональные традиции, отсутствие воображения и тому подобные невинные и полезные качества вызывают революционно-романтические реплики автора о взрыве гаммельнского миропорядка. Старорежимный Гаммельн, предоставляющий своим обитателям только один, завещанный традицией, путь жизни, враждебен революционному романтику, каким выступает здесь автор, объединяющий себя с не допущенными в Гаммельн «нищими, гениями, рифмачами, Шуманами, музыкантами, каторжниками» — потенциальными революционерами, взрывателями гаммельнского быта, защитниками множественности путей, открываемых для каждой личности революцией.

Коллективный образ крыс в поэме многозначен. Соединяя в себе черты Красной и Белой армий, армия крыс более всего близка анархической вольнице времен гражданской войны в России. Один из слухов в обывательской разногласии о крысиной напасти прямо указывает на то, что крысы — это русская эмиграция в Европу: «Из краев каких-то русских, Кораблем, говорят». Вернее всего сказать, что крысы — не исторически реальная, а абстрактная сила, хтоническое начало, и еще вернее — поэтическая сила, вызвавшая к жизни эту поэму. «Ритмы «Крысолова» мне продиктованы крысами. Весь «Крысолов» по приказу крыс. Крысо-приказ, а не приказ поэтической задачи», — писала Цветаева четыре года спустя в очерке «Наталья Гончарова».

«Крысолов» — торжество романтической иронии Цветаевой. Авторская ирония играет здесь своей поэтической силой в приемах макаронического стиля, травестирования общих мест, свободного нарушения хода повествования, реплик *à part*. Избыточная сила иронии сгущается в отдельные «оды». Кроме обозначенной ремаркой «Оды пуговнице», явно выделяются не названные «Ода запаху» во второй главе, «Ода мере» в третьей, с лейтмотивом филнстерской мудрости «Zuviel ist ungesund», и романтическое утверждение личности — «Ода букве „я“». Иронические эти оды, равно как и весь тон повествования, размывают границу между игрой слов и выражением кровного убеждения, свивают причудливые арабески, провоцируя принять действительное за желаемое, убеждение за заблуждение, Красную армию за Белую, Крысолова за Крысолюба, утверждая единственный незбылемый принцип романтической иронии — относительность всего и вся. Однако в верности этому принципу у Цветаевой есть одно ограничение: относительно все, кроме Лирики-Музыки, она — абсо-

лютна, и партия Флейты в поэме — единственная свободная от иронии область.

Поэма «Лестница» представляет собой редкое в творчестве Цветаевой явление — попытку выйти за рамки собственной личности, на которой по преимуществу был сосредоточен ее поэтический мир.

В ноябре 1925 года Цветаева покинула Чехию, где прожила первые годы после отъезда из России, и переехала в Париж. 6 февраля 1926 года состоялся первый литературный вечер Марины Цветаевой, имевший большой успех и упрочивший ее положение в парижских русских литературных кругах. Незадолго до этого вечера в «Последних новостях» была напечатана статья Михаила Осоргина «Поэт Марина Цветаева», в которой говорилось, что «она — среди поэтов живых, творящих, ищущих, способных к движению, не топчущихся на месте и не робких — лучший сейчас русский поэт, <...> величайший искусник и изумительный мастер стиха».¹

Знакомство с критиком Д. П. Святополк-Мирским, ставшим ревностным пропагандистом поэзии Цветаевой, участие в новом журнале «Версты», основание которого не оставило равнодушной ни эмигрантскую, ни советскую печать, и, наконец, возникшая весной 1926 года тройственная переписка Бориса Пастернака, Марины Цветаевой и Райнера-Мария Рильке — вот некоторые события внешней и внутренней жизни Цветаевой в период создания поэмы «Лестница». Она была задумана повествовательной поэмой о жизни эмигрантской бедноты, но за время своей творческой истории замысел существенно изменился, претерпев различные влияния. Творческий импульс, полученный от прочтения рукописей первых двух глав поэмы Пастернака «Девятьсот пятый год», обратил Цветаеву к предыстории обитателей парижской черной лестницы. Эта историко-революционная линия была впоследствии выделена в отдельное произведение, и под заглавием «Несбывшаяся поэма» читатель найдет ее в настоящем издании. «Лестница» испытала на себе влияние «Попытки комнаты», «С Моря» и еще ряда неосуществившихся произведений лета 1926 года, писавшихся Цветаевой одновременно. Главный пафос поэмы «Лестница» — бунт вещей против человека, природы против цивилизации. Сейчас в этой теме видится предчувствие грядущего экологического кризиса, вызванного потребительским отношением людей к окружающему миру, утратой ими нравственных критериев и чувства «благоговения перед жизнью».

¹ «Последние новости». Париж. 1926, 21 янв.

Для поэтов поколения Цветаевой, Пастернака, Мандельштама, как правило, характерна резкая эволюция поэтического метода. Последовательное чтение книг лирики Цветаевой позволяет увидеть границы стилистических периодов, а также структурное единство поэтического мира в целом, построенного на лейтмотивах, ключевых словах-символах, пронизанного автореминисценциями. В связи с этим для понимания поэтического мира Цветаевой возрастает значение контекста в самом широком виде (что, разумеется, первоочередной задачей делает доступность всех творческих текстов поэта).

Книга «После России» продолжает тему отказа и отречения от жизни, начатую в «Ремесле». Однако здесь эта тема становится доминирующей — и уже не только на уровне риторики, а на всех уровнях поэтики. Поэтический мир Цветаевой обесцвечивается, делается безлюдным, беспредметным, содержание произведений становится все более закрытым, стиль — эзотерическим.

Отречение от земного выражается в «После России» прежде всего в категориях «бесцветности» и «бесплотности». Любви к плоти в смысле блоковского признания («Мы любим плоть, и вкус ее, и цвет, И душный, смертный плоти запах») или тяги к «плотности» Ключева или Нарбута Цветаева была лишена. Не было в ее поэзии и той идеализации чувственного мира, эстетического любования земной прелестью, которую мы видим и в «щуче с голубым пером» Державина, и в «вишен спелых сладостном агате» Кузмина. Но в «Юношеских стихах» было множество любовно запечатленных деталей внешнего мира: и «светло-золотистые дыни», и «севрские фигурки над пышущим камельком», и «золотой фый», и «плюшевый плед», и многое другое.

В «После России» невозможно найти и трудно себе представить наличие подобных подробностей, потому что это не реальный, а идеальный мир. Идеальное и раньше присутствовало в поэзии Цветаевой, но тогда оно только называлось, проявляясь лишь на риторическом уровне, теперь же, по мере отречения лирического «я» от внешнего мира ради мира идеального, первый дается метонимично, отдельными условными знаками, тогда как идеальный мир описывается все более подробно, детализированно, многочисленными рядами уподоблений, можно сказать, что идеальное у Цветаевой меблируется «земными приметами». В этом пристальном внимании к подробностям внутренней жизни она достигла удивительной изощренности поэтического зрения. В самом начале книги есть стихотворение, в котором наиболее ярко отразился новый метод изобразительности, характерный для всего периода поэзии Цветаевой 1922—1925 годов.

Леты слепотекущий всхлип.
Долг твой тебе отпущен: слит
С Летою,— еле-еле жив
В лепете сребротекущих ив.

Ивовый сребролетейский плеск
Плачущий... В слепотекущий склеп
Памятей — перетомилась — спрячь
В ивовый сребролетейский плач.

На плечи — сребро-сухим плащом
Старческим, сребро-сухим плющом
На плечи — перетомилась — ляг,
Ладанный слеполетейский мрак

Маковый...
— ибо красный цвет
Старится, ибо пурпур — сед
В памяти, ибо выпив всю —
Сухостями теку.

Тусклостями: ушербленных жил
Скупостями, молодых сивилл
Слепостями, головных истом
Седостями: свинцом.

(«Леты слепотекущий всхлип...»)

Внутреннее состояние душевной усталости, ущерба жизненных сил передано в этом стихотворении при помощи пейзажа: еле заметное течение Леты, загробной реки забвения, еле слышный шелест сухой листвы деревьев на ее берегах, ладанный мрак воздуха, вечный сон всего окружающего — таков ландшафт души лирического «я». Доминирующий колорит этого запредельного, сновидческого ландшафта определяется седым, серебряным и сизым цветами. Цвета жизни — пурпурный, красный — даны в виде отрицания, превращенными в седой цвет, который собственно и не цвет, а его отсутствие, пепел прежнего цвета.

В портретах лирической героини и ее спутников мы не найдем прежних «земных примет», их заменили символические знаки — «чужие имена»: Офелия, Давид, Азраил, Елена, Ахилл и тому подобные. Да и портретов нет, их заменили ландшафты души, пейзажи ее состояний («Сахара», «Раковина», «Расщелина»).

Изменение образности в «После России» особенно разительно. В русле общего процесса отстранения лирического «я» от жизни про-

исходит постепенное вытеснение ключевых образов-символов прежней Цветаевой — души-Психеи, бессонницы, ветра, солнца, огня — прямо противоположными. Главным символом бессмертной сущности поэта предстает не душа, а голова.

*Голова устала от чувств...
(«Мореplаватель»)*

*Голос, бьющийся в прахе
Лбом — о кротость Твою...
(«Заводские», 2)*

*У меня к тебе наклон лба,
Дозирующего вер—ховья.
(«Наклон»)*

Образ ветра, характерный для поэзии Цветаевой прежних лет, — символ движения и свободы, сменяют в «После России» статичные образы горы, пещеры, пустыни, раковины, несущие в себе признаки высоты, твердости, сухости, пустоты, безжизненности, самодостаточности.

«После России» — последняя книга Марины Цветаевой, и это определялось отнюдь не внешними, а глубоко внутренними причинами. Ощущение оскудения прежнего непрерывного лирического тока Цветаева почувствовала еще в начале 1925 года, записав в черновой тетради: «Для других я еще — Кастальский ток, для себя — иссякла».¹ Внутренними же причинами обусловлен и переход с середины 20-х годов почти сплошь к произведениям большой формы. Готовя «После России» в 1927 году к изданию, Цветаева написала в письме к Пастернаку: «Даю ее как последнюю лирическую, знаю, что последнюю. Без грусти. То, что можешь — не должно делать. Вот и всё. Там я всё могу. Лирика (смеюсь, — точно поэмы не лирика! Но условимся, что лирика — отдельные стихи) служила мне верой и правдой, спасая меня, вывозя меня, топя меня и заводя каждый час по-своему, по-моёму. Я устала разрываться, разбиваться на куски Озириса. ...От поэмы к поэме промежутки реже, от разу до разу, рана зарастает. Большие вещи — stable, fixe ², лирика — разовое, поденное, вроде нищенствования или грабежа своего счастливого часа».³

¹ ЦГАЛИ. Фонд 1190, оп. 3, ед. хр. 12, л. 88.

² Прочное, устойчивое (франц.). — *Ред.*

³ ЦГАЛИ. Фонд 1190, оп. 3, ед. хр. 15, л. 10 об.

Во многом, как видно, переход к поэмам был актом защиты от случайностей жизни, во многом — актом волевого усилия направления лирической стихии по определенным руслам, «целенаправленного разряда поэтической энергии», по выражению Мандельштама.

5

Цикличность произведений — важнейшая особенность поэзии Цветаевой, свидетельствующая о высокой степени концентрации ее поэтического сознания на одной теме. Эта особенность распространяется и на произведения большой формы. Поэмы Цветаевой 1926—1927 года по признакам однородной символики и стилистики, а также общего лирического сюжета составляют цикл, включенный в общий всем этим произведениям контекст переписки Цветаевой, Пастернака и Рильке летом 1926 года.

Внутри себя — хронологически и по обращенности адресатам — цикл поэм 1926—1927 года делится на две части: «Попытка комнаты» и «С Моря», написанные весной 1926 года и обращенные к Пастернаку, составляют первую часть, «Новогоднее» и «Поэма Воздуха», созданные в 1927 году и связанные с образом Рильке, — вторую.

Лейтмотивом целостного текста переписки и поэм была мечта о встрече, а основной тон был задан темой смерти. Борьбой этих двух тем и победой последней определяется движение и содержание поэм Цветаевой.

Поводом к созданию «С Моря» и «Попытки комнаты» послужило письмо Пастернака, в котором он описал Цветаевой свой сон о встрече с ней.

Тема сна — вообще одна из основных тем поэтического мира Цветаевой, а мотив встречи во сне появляется еще в «Вечернем альбоме»:

Всё лишь на миг, что людьми создается,
Блекнет восторг новизны,
Но неизменной, как грусть, остается
Связь через сны.

Я не молю: «О, Господь, уничтожи
Муку грядущего дня!»
Нет, я молю: «О пошли ему, Боже,
Сон про меня!»

(«Связь через сны»)

В ранней поэзии Цветаевой одним из ключевых образов-символов была бессонница — как максимальное присутствие в жизни, а сон и смерть в ее творческом сознании были родственны:

Ходит Сон с своим серпом,
Ходит Смерть с своей косой —
Царь с царицей, брат с сестрой.

Начиная с «Дочери Иaira» во вторых «Верстах» тема бессонницы начинает вытесняться темой сна — отсутствия в реальной жизни и максимально возможного присутствия в ином мире. Мир сна становится для Цветаевой в период «После России» миром иной реальности, где возможны истинные проявления лирического «я», и он сближается с миром творчества.

При очень трезвом уме, склонности к тщательному анализу явлений и отсутствию мистицизма, Цветаева на протяжении всей жизни испытывала интерес к сфере бессознательного, иррационального, стихийного. Чрезвычайно мало ценя так называемый жизненный опыт, она придавала огромное значение генетической памяти. В ее рабочих тетрадях постоянно встречаются записи снов, гаданий, необъяснимых явлений. Связи между законами сна и законами искусства осмысливались ею на протяжении многих лет. «Есть вещи, которые можно только во сне, — записывает Цветаева в 1925 году. — Те же — в стихах. Некая зашифрованность сна и стиха, вернее: обнаженность сна = зашифрованность стиха. Что-то от семи покрывал, внезапно сорванных. Под седьмым покрывалом — ничего: Ничто: воздух: Психея. Будемте же любить седьмое покрывало: „искусство“». ¹

Мир сна и мир творчества — это пограничная между двумя мирами, видимым и невидимым, область, управляемая одними и теми же законами, обратными законам действительности. «Мир стихов, особый, ни на что не похожий, — читаем в записи Цветаевой от 25-26 апреля 1934 года, — ничему здесь не соответствующий, в который я погружаюсь как в С О Н, тоже и так же ничему не соответствующий, навстречу (как в колодец) той мне, существенной, насущной, нигде кроме как там не существующей и забываемой мной сразу, как вы-гружаюсь». ² Эти наблюдения Цветаевой близки исследованиям природы сновидений П. А. Флоренского, определявшего

¹ ЦГАЛИ. Фонд 1190, оп. 3, ед. хр. 12, л. 83.

² ЦГАЛИ. Фонд 1190, оп. 3, ед. хр. 24, л. 85 об. Все графические выделения в тексте записи принадлежат Цветаевой.

сон как «первую и простейшую ступень жизни в невидимом» и называвшего «художество» «оплотненным сновидением».¹

«С Моря» и «Попытка комнаты» — поэмы о встречах во сне. Отсюда — логика сновидений в построении обеих поэм, их «обратное время», их постоянно изменяющееся пространство, скорость преобразований. «Обратное время» действует в самых первых строках «С Моря», когда героиня, подхваченная немислимым в реальности сочетанием противоположных направлений ветра («С Северо-Южным»), попадает в прошлое, в тот самый сон героя, который ему давно приснился и о котором она узнала из его письма. Логiku ассоциаций поэмы, однажды поняв, расшифровать нетрудно, и усилия читателя будут вознаграждены открытиями, предвосхищать которые бессмысленно, — они у каждого будут свои. Отметим только удивительный финал «С Моря»: конец сна, то есть исчезновение изображения, передано превращением черт лица героини в черты ландшафта, расширяющегося за пределы емкости зрения героя.

Трансформация темы встречи в тему смерти происходит во второй поэме цикла — «Попытке комнаты». Сигналом к этому служит описание четвертой стены комнаты, где должна произойти встреча героев. Эта стена невидима, ибо находится за спиной автора, и, возможно, никакой стены и нет («Кто же знает, спиной к стене?»), потому что с той стороны ощущается все усиливающийся сквозняк («Сквозит. Дует. Парусом ходит»). В зеркале четвертая стена отражается бесконечным коридором. И из этой стены, созданной напряжением ожидания, должен появиться герой поэмы.

Та стена, из которой ты
Вырос — поторопилась с прошлым —
Между нами еще абзац
Целый. Вырастешь как Данзас —
Сзади.

Ибо Данзасом та,
Званным, избранным, с часом, с весом,
(Знаю имя: спина хребта!)
Входит в комнату — не Дантесом.
Оборот головы. — Готов?
Так и ты через десять строф,
Строк.

Предшествующая появлению героя тема дуэли и смерти Пушкина уподобляет героя «Попытки комнаты» Данзасу, который для

¹ Священник Павел Флоренский. Иконостас (1922 г.) // «Богословские труды». Сб. IX. М., 1972. С. 83—89.

Пушкина является вестником неминуемой, подготовленной, назначенной на определенный день и час смерти.

Думается, что вне контекста переписки Цветаевой и Пастернака, а также вне контекста общего лирического сюжета поэзии Цветаевой, эти поэмы лишены самостоятельного интереса — так сильна их обращенность к одному адресату и закрытость образной системы для непосвященных. Но в обоих данных контекстах они необходимое звено, без которого наше представление о поэтическом мире Цветаевой не было бы цельным.

«Новогоднее» и «Поэма Воздуха», составляющие вторую часть цикла поэм 1926—1927 годов, связаны с образом Рильке. Он был не просто любимым поэтом Цветаевой, а стал для нее примером духовного преодоления времени, оправданием современности, воплощением сущности поэзии. Переписка с Рильке летом 1926 года была событием в духовной жизни Цветаевой. В конце декабря 1926 года Рильке умер. Поэма «Новогоднее» представляет собой последнее письмо к Рильке — на тот свет — и целиком построена на темах летней переписки поэтов.¹

Первоначальный замысел «Поэмы Воздуха» также связан с образом Рильке и помечен в тетради Цветаевой 7 февраля 1927 года, днем окончания «Новогоднего». Сюжет поэмы — посмертный путь лирического «я». Каждому этапу пути — изменению пространства, соответствует трансформация «я», теряющего постепенно все земные ощущения. Последний этап — небесная твердь, не является ни концом пути, ни завершением трансформации, а лишь указывает направление бесконечному движению ввысь.

6

В 30-е годы творчество Цветаевой принимает преимущественно мемориальный характер. В это время написана основная часть ее прозы. «Хлыстовки», «Дом у Старого Пимена», «Мать и Музыка», «Отец и его музей» и другие представляют собой автобиографические очерки и отрывки «семейной хроники». «Пленный Дух», «Живое о живом», «Нездешний вечер», «Повесть о Сонечке» — литературные портреты современников: Андрея Белого, Максимилиана Волошина, Михаила Кузмина, актрисы С. Е. Голлидей. Эти литературные портреты вернее было бы назвать литературными памятниками, как по содержанию, так и по импульсу, вызвавшему их написание, — обычно им было известно о смерти героя очерка. Воскрешая в своей лирической прозе ушедший мир и ушедших людей, Цветаева погружается в прошлое, которое становится для нее вариантом иного мира.

¹ См.: «Дружба народов». 1987, № 6—9.

Обращение Цветаевой в 30-е годы к прозе объясняют обычно внешними причинами: нужно было зарабатывать, стихов не печатали, пришлось перейти к прозе. Вероятно, отчасти это так и было,¹ но только отчасти. Лирика Цветаевой 30-х годов, за редкими исключениями, опубликована при жизни поэта, но дело в том, что сама лирика была редким исключением в творчестве Цветаевой этих лет; за все 30-е годы едва наберется тридцать названий лирических произведений Цветаевой. По ее признанию, стихи для нее всегда были «усугублением чувств»; в 30-е годы преобладающими чувствами поэта были негодование и горечь, и вполне понятно, что эти чувства не всегда хватало сил «усугублять». Тема прошлого стала для Цветаевой защитой от современности, разлад с которой с годами только углублялся.

Теме «поэт и время» посвящена одноименная статья Цветаевой 1932 года и несколько стихотворений 30-х годов, главное из них — на тему А. К. Толстого — «Двух станов не боец...». В 1931 году, в уже цитированной заметке «Моя судьба — как поэта», Цветаева писала: «Мое время меня как действующую силу — смелó и смело бы — во всякой стране. <...>Я ему не подошла идейно, как и оно мне. «Нам встречи нет, мы в разных станах». <...>Мало того, оно меня оврáжило и, естественно, огромчйло, мне часто пришлось говорить (орать) на *его* языке — *его* голосом («несвоим голосом»), которому предпочитаю — собственный, которому — тишину».²

Стихотворение «Двух станов не боец...» занимает особое место в лирике Цветаевой 30-х годов. Оно стоит в ряду стихотворений русской поэзии, объединенных идеей пушкинского «Памятника». Произведения этой темы отличает пафос самоутверждения и обращенность в будущее. Необычна для Цветаевой насыщенность этого стихотворения образами и реминисценциями поэтической традиции прошлого века. Эпиграф из А. К. Толстого относит читателя в середину XIX века к полемике западников и славянофилов о путях развития России; слово Ли́ра (с прописной буквы) заставляет вспомнить «Колеблемый треножник» Владислава Ходасевича, где он говорит об «иных словах, с которыми связана драгоценнейшая традиция и которые вводишь в свой стих с опаской, не зная, имеешь ли внутреннее право на них — такой особый, сакраментальный смысл имеют они

¹ В 1932 году закрылся журнал «Воля России», безотказно печатавший все произведения Цветаевой во все годы своего существования; в 30-е годы редкий номер самого крупного журнала русской эмиграции — «Современных записок» — выходил без стихов Цветаевой, но объем стихотворного отдела его был ограничен.

² ЦГАЛИ. Фонд 1190, оп. 3, ед. хр. 20, л. 42.

для нас»; ¹ пушкинская реминисценция («Зависеть от царя, зависеть от народа — Не всё ли нам равно?») и цитата из Пушкина: «Ты царь. Живи один» — все это знаки духовного наследия, принятого Цветаевой и пронесенного через всю жизнь.

Если в середине 20-х годов лирика Цветаевой утратила свое героическое начало, так восхищавшее Д. П. Святотополк-Мирского, вместе с утратой героя (Георгия — рыцаря Долга, Святого Воина), разочаровавшегося в своем прошлом, то эта потеря компенсировалась тогда чувством духовного родства с поэтом-единомышленником, полнота внимания и понимания которого поддерживала Цветаеву в самые трудные времена. В середине 30-х годов ей пришлось лишиться и этой опоры. Встреча с Борисом Пастернаком в Париже в июне 1935 года, когда он в составе советской делегации приехал на антифашистский конгресс в защиту культуры, разочаровала Цветаеву до горьких слез. «А плакала я потому,— объясняет она в письме к Н. С. Тихонову,— что Борис, лучший лирический поэт нашего времени, на моих глазах предавал Лирику, называя всего себя и *всё* в себе — болезнью. (Пусть — «высокой». Но он и этого не сказал. Не сказал также, что эта болезнь ему дороже здоровья и, вообще — дороже,— реже и дороже радия. Это, ведь, мое единственное *убеждение*: убежденность)».²

В следующем году это разочарование усугубилось до горечи. В феврале 1936 года было опубликовано выступление Пастернака на Пленуме писателей в Белоруссии «О скромности и смелости», в котором он, говоря о том, что «поэты — это целые системы мышления, производительные или крутящиеся вхолостую», приходил в уныние от стахановских обещаний со стороны собратьев по цеху, однако сам счел возможным обещать «коснуться иных тем и положений, общих всем нам», оговорившись, что будет пока писать о них «плохо с прежней своей точки зрения», пока не свыкнется с их «новизной».³

«Ты был бы собой,— писала Цветаева Пастернаку,— если бы на своем пленуме провозгласил юношеское вещание, сорокалетнее безумие и бессрочное бессмертие Гёльдерлина. <...> Но ты — слаб. Ты, к сожалению,— лиана (которая не помнит своей Африки!) <...> То, что у вас считается бесстрашием (очевидно, так надо понимать твою речь) — не у «нас» (у нас — нет), не у нас, в Париже, а у

Ходасевич этого слова так и не назвал. Мы узнаем его из статьи С. Парнок «Ходасевич» (1922 г.): «Идея лиры в пушкинском, то есть сакраментальном смысле, зачастую становится утомительной даже для лучших из нас» (ЦГАЛИ. Фонд 1276, оп. 1, ед. хр. 6.)

² «Поэзия». 1983, № 37. С. 144.

³ «Лит. газета». 1936, 24 февр.

нас — в *Лирике*... Ничего ты не понимаешь, Борис (о лиана, забывшая Африку!) — ты Орфей, пожираемый зверями: пожрут они тебя...

Знаю, что тебе — трудно. Но Новалису в банке тоже было трудно. И Гёльдерлину — в дядьках. И Гете — в Веймаре (настаиваю).

Я знаю, что я своими *делами* больше права, чем вы с вашими словами {...}».¹

В 1936 году Цветаева завершает свою последнюю поэму — историческую хронику «Поэма о Царской Семье». Это произведение (от которого сохранились только фрагменты), как и поэма «Перекоп», было для Цветаевой исполнением поэтического долга своего поколения перед памятью побежденных и уничтоженных социальной катастрофой.

«История народа принадлежит поэту». Смысл этих пушкинских слов подразумевает, что поэт со своим высоким строем души, преданностью вечным ценностям, может воосстановить справедливость и исправить жестокость времени. Эпохи гражданских войн характеризуются обостренной жестокостью нравов. Враг не только физически уничтожается, но и стирается из исторической памяти народа. Взгляд же поэта способен увидеть эпоху как сплав, из которого не вырвать составляющих. Героями революции для Цветаевой были не только «красные», но и «белые», не только победители, но и жертвы, — протагонисты одного исторического действия, герои *своего* времени.

В рамках творческого метода Цветаевой возврат к темам прошлого обусловил возврат к прежним средствам поэтики. И невольно напрашивается простая догадка об эволюции стиля Цветаевой: реальность исчезла из ее поэзии, потому что из жизни ушло все, что она любила и любовно запечатлевала. Когда же она вернулась к прошлому в памяти, к ней вернулась и бывшая свобода голоса.

Утверждая свое духовное родство с исчезающим психологическим типом человека XIX века (цикл «Отцам»), Цветаева не надеялась на «благодать сочувствия» от новой породы людей («активных», как их называл Блок). Они, по ее мнению, несли с собой материализм, бездушие, закрепощение личности.

Накануне своего возвращения на родину Цветаева застала порабощение Европы тоталитарным режимом германского фашизма и прокляла его в «Стихах к Чехии». Приехав в июне 1939 года в Москву, она в первые же месяцы пережила арест дочери и

ЦГАЛИ. Фонд 1190, оп. 3, ед. хр. 26, л. 160 об.— 161 об. (курсив Цветаевой).

мужа. Когда-то ей хотелось «за стихами кончить дни, как за ветвями бузины», но в мире уже не оставалось угла для той «тайной свободы», в которой только и может существовать поэт. И на такой мир Цветаева ответила окончательным отказом. Ее жизнь оборвалась 31 августа 1941 года в Елабуге.

Составляя в Москве, в конце 1940 года, за несколько месяцев до смерти, свою последнюю книгу стихов, Цветаева сделала два отступления от хронологического порядка. Стихотворение «Писала я на аспидной доске...», обращенное к мужу, она поставила на первом, открывающем книгу листе, как посвящение ко всей книге. В этом было утверждение верности своей человеческой судьбе. Вторая перестановка коснулась стихотворения «Молвь»: оно снято со своего места и поставлено последним в книге, заключая ее. Таким образом, первыми словами последней книги стихов Марины Цветаевой были: «*Писала я...*», заключительными: «*Неодолимые возгласы плоти: Ох! — Ах! — Эх!*». Этой кольцевой композицией Цветаева в последний раз утвердила свою верность поэтической речи — письменной и устной. Воистину — *Я и в предсмертной икоте останусь поэтом!*

Е. Б. Коркина

[АВТОБИОГРАФИЯ]

Марина Ивановна Цветаева.

Родилась 26 сентября 1892 г., в Москве. Отец — Иван Владимирович Цветаев — профессор Московского университета, основатель и собиратель Музея изящных искусств (ныне Музея изобразительных искусств), выдающийся филолог. Мать — Мария Александровна Мейн — страстная музыкантша, страстно любит стихи и сама их пишет. Страсть к стихам — от матери, страсть к работе и к природе — от обоих родителей.

Первые языки: немецкий и русский, к семи годам — французский. Материнское чтение вслух и музыка. Ундина, Рустем и Зораб, Царевна в зелени — из самостоятельно прочитанного. Нелло и Патраш. Любимое занятие с четырех лет — чтение, с пяти лет — писание. Всё, что любила, — любила до семи лет, и больше не полюбила ничего. Сорока семи лет от роду скажу, что всё, что мне суждено было узнать, — узнала до семи лет, а все последующие сорок — осознавала.

Мать — сама лирическая стихия. Я у своей матери старшая дочь, но любимая — не я. Мною она гордится, вторую — любит. Ранняя обида на недостаточность любви.

Детство до десяти лет — старый дом в Трехпрудном переулке (Москва) и одинокая дача Песочная, на Оке, близь города Тарусы Калужской губернии.

Первая школа — музыкальная школа Зограф-Плаксиной в Мерзляковском переулке, куда поступаю самой младшей ученицей, неполных шести лет. Следующая — IV гимназия, куда поступаю в подготовительный класс. Осенью 1902 г. уезжаю с больной матерью на Итальянскую Ривьеру, в городок Nervi, близь Генуи, где впервые знакоюсь с русскими революционерами и понятием Революции. Пишу Революционные стихи, которые печатают в Женеве. Весной 1902 г. поступаю во французский интернат в Лозанне, где

остаюсь полтора года. Пишу французские стихи. Летом 1904 г. еду с матерью в Германию, в Шварцвальд, где осенью поступаю в интернат во Фрейбурге. Пишу немецкие стихи. Самая любимая книга тех времен — «Лихтенштейн» В. Гауфа. Летом 1906 г. возвращаюсь с матерью в Россию. Мать, не доехав до Москвы, умирает на даче Песочная, близь города Тарусы.

Осенью 1906 г. поступаю в интернат московской гимназии Фон-Дервиз. Пишу Революционные стихи. После интерната Фон-Дервиз — интернат Алферовской гимназии, после которого VI и VII класс в гимназии Брюхоненко (приходящей). Летом — за границей, в Париже и в Дрездене. Дружба с поэтом Эллисом и филологом Нилендером. В 1910 г., еще в гимназии, издаю свою первую книгу стихов — «Вечерний Альбом» — стихи 15, 16, 17 лет — и знакомлюсь с поэтом М. Волошиным, написавшим обо мне первую (если не ошибаюсь) большую статью. Летом 1911 г. еду к нему в Коктебель и знакомлюсь там со своим будущим мужем — Сергеем Эфроном, которому 17 лет и с которым уже не расстаюсь. Замуж за него выхожу в 1912 г. В 1912 г. выходит моя вторая книга стихов «Волшебный фонарь» и рождается моя первая дочь — Ариадна. В 1913 г. — смерть отца.

С 1912 по 1922 г. пишу непрерывно, но книг не печатаю. Из периодической прессы печатаюсь несколько раз в журнале «Северные записки».

С начала революции по 1922 г. живу в Москве. В 1920 г. умирает в приюте моя вторая дочь, Ирина, трех лет от роду. В 1922 г. уезжаю за границу, где остаюсь 17 лет, из которых 3 с половиной года в Чехии и 14 лет во Франции. В 1939 г. возвращаюсь в Советский Союз — вслед за семьей и чтобы дать сыну Георгию (родился в 1925 г.) родину.

Из писателей любимые: Сельма Лагерлёф, Зигрид Ундсет, Мэри Вебб.

С 1922 г. по 1928 г. появляются в печати следующие мои книги: в Госиздате «Царь-Девца», «Версты» 1916 г. и сборник «Версты»; в Берлине, в различных издательствах, — поэма «Царь-Девца», книги стихов «Разлука», «Стихи к Блоку», «Ремесло» и «Психея», в которые далеко не входит всё написанное с 1912 по 1922 г. В Праге, в 1924 г., издаю поэму «Молодец», в Париже, в 1928 г., книгу стихов «После России». Больше отдельных книг у меня нет.

В периодической прессе за границей у меня появляются: лирические пьесы, написанные еще в Москве: «Фортуна», «Приключение», «Конец Казановы», «Метель». Поэмы: «Поэма Горы», «Поэма конца», «Лестница», «С Моря», «Попытка комнаты», «Поэма Воздуха», две части трилогии «Тезей»: I ч. «Ариадна», II ч. «Федра»,

«Новогоднее», «Красный бычок», поэма «Сибирь». Переводы на французский язык: «Le Gags» (перевод моей поэмы «Молодец» размером подлинника) с иллюстрациями Н. Гончаровой, переводы ряда стихотворений Пушкина, переводы русских и немецких революционных, а также и советских песен. Уже по возвращении в Москву перевела ряд стихотворений Лермонтова. Больше моих переводов не издано.

Проза: «Герой труда» (встреча с В. Брюсовым), «Живое о живом» (встреча с М. Волошиным), «Пленный Дух» (встреча с Андреем Белым), «Наталья Гончарова» (жизнь и творчество), повести из детства: «Дом у Старого Пимена», «Мать и Музыка», «Черт» и т. д. Статьи: «Искусство при свете совести», «Лесной царь». Рассказы: «Хлыстовки», «Открытие Музея», «Башня в плюше», «Женях», «Китаец», «Сказка матери» и многое другое. Вся моя проза — автобиографическая.

(Январь 1940 г., Голицыно).

СТИХОТВОРЕНИЯ
1907—1925

1. ВСТРЕЧА

Вечерний дым над городом возник,
Куда-то вдаль покорно шли вагоны,
Вдруг промелькнул, прозрачней анемоны,
В одном из окон полудетский лик.

На веках тень. Подобием короны
Лежали кудри... Я сдержала крик:
Мне стало ясно в этот краткий миг,
Что пробуждают мертвых наши стоны.

С той девушкой у темного окна
— Виденьем рая в сутолке вокзальной —
Не раз встречалась я в долинах сна.

Но почему была она печальной?
Чего искал прозрачный силуэт?
Быть может ей — и в небе счастья нет?..

2. ДОРТУАР ВЕСНОЙ

Ане Ланиной

О весенние сны в дортуаре,
О блужданье в раздумье средь спящих,
Звук шагов, как нарочно, скрипящих,
И тоска, и мечты о пожаре.

Неспокойны уснувшие лица,
Газ заботливо кем-то убавлен,
Воздух прян и как будто отравлен,
Дортуар — как большая теплица.

Тихи вздохи. На призрачном свете
Все бледны. От тоски ль ожидания,
Оттого ль, что солгали гаданья,
Но тревожны уснувшие дети.

Косы длинные, а руки так тонки!
Бред внезапный: «От вражеских пушек
Войско турок»... Недвижны иконки,
Что склонились над снегом подушек.

Кто-то плачет во сне, не упрямо...
Так слабы эти детские всхлипы!
Снятся девочке старые липы
И умершая, бледная мама.

Расцветает в душе небылица.
Кто там бродит? Неспящая поздно?
Иль цветок, воскресающий грозно,
Что сгубила весной теплица?

3. КАК МЫ ЧИТАЛИ «LICHTENSTEIN»

Тишь и зной, везде синеют сливы,
Усыпительно жужжанье мух,
Мы в траве уселись, молчаливы,
Мама Lichtenstein читает вслух.

В пятнах губы, фартучек и платье,
Сливу руки нехотя берут.
Ярким золотом горит распястье
Там, внизу, где склон дороги крут.

Ульрих — мой герой, а Георг — Асин,
Каждый доблестью пленить сумел:
Герцог Ульрих так светло-несчастен,
Рыцарь Георг так влюбленно-смел!

Словно песня — милый голос мамы,
Волшебство творят ее уста.
Ввысь уходят ели, стройно-прямые,
Там, на солнце, нежен лик Христа...

Мы лежим, от счастья молчаливы,
Замирает сладко детский дух.
Мы в траве, вокруг синеют сливы,
Мама Lichtenstein читает вслух...

4. МАМЕ

В старом вальсе штраусовском впервые
Мы слышали твой тихий зов,
С той поры нам чужды все живые
И отраден беглый бой часов.

Мы, как ты, приветствуем закаты,
Упиваясь близостью конца.
Всё, чем в лучший вечер мы богаты,
Нам тобою вложено в сердца.

К детским снам клонясь неустойчиво,
(Без тебя лишь месяц в них глядел!)
Ты вела своих малюток мимо
Горькой жизни помыслов и дел.

С ранних лет нам близок, кто печален,
Скучен смех и чужд домашний кров...
Наш корабль не в добрый миг отчален
И плывет по воле всех ветров!

Всё бледней лазурный остров — детство,
Мы одни на палубе стоим.
Видно грусть оставила в наследство
Ты, о мама, девочкам своим!

5. НОВОЛУНЬЕ

Новый месяц встал над лугом,
Над росистой межой.
Милый, дальний и чужой,
Приходи, ты будешь другом.

Днем — скрываю, днем — молчу.
Месяц в небе, — нету мочи!

В эти месячные ночи
Рвусь к любимому плечу.

Не спрошу себя: «Кто ж он?»
Всё расскажут — твои губы!
Только днем объятья грубы,
Только днем порыв смешон.

Днем, томима гордым бесом,
Лгу с улыбкой на устах.
Ночью ж... Милый, дальний... Ах!
Лунный серп уже над лесом!

Октябрь 1909
Таруса

6. В ПАРИЖЕ

Дома до звезд, а небо ниже,
Земля в чаду ему близка.
В большом и радостном Париже
Всё та же тайная тоска.

Шумны вечерние бульвары,
Последний луч зари угас,
Везде, везде всё пары, пары,
Дрожанье губ и дерзость глаз.

Я здесь одна. К стволу каштана
Прильнуть так сладко голове!
И в сердце плачет стих Ростана
Как там, в покинутой Москве.

Париж в ночи мне чужд и жалок,
Дороже сердцу прежний бред!
Иду домой, там грусть фиалок
И чей-то ласковый портрет.

Там чей-то взор печально-братский,
Там нежный профиль на стене.
Rostand и мученик Рейхштадтский
И Сара — все придут во сне!

В большом и радостном Париже
Мне снятся травы, облака,
И дальше смех, и тени ближе,
И боль как прежде глубока.

*Июнь 1909
Париж*

7. МОЛИТВА

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.

Ты мудрый, Ты не скажешь строго:
— «Терпи, еще не кончен срок».
Ты сам мне подал — слишком много!
Я жажду сразу — всех дорог!

Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
И амазонкой мчаться в бой;

Гадать по звездам в черной башне,
Вести детей вперед, сквозь тень...
Чтоб был легендой — день вчерашний,
Чтоб был безумьем — каждый день!

Люблю и крест, и шелк, и каски,
Моя душа мгновений след...
Ты дал мне детство — лучше сказки
И дай мне смерть — в семнадцать лет!

*26 сентября 1909
Гаруса*

8. ЕЩЕ МОЛИТВА

И опять пред Тобой я склоняю колени,
В отдаленье завидев Твой звездный венец.
Дай понять мне, Христос, что не все только тени,
Дай не тень мне обнять, наконец!

Я измучена этими длинными днями
Без заботы, без цели, всегда в полумгле...
Можно тени любить, но живут ли тенями
Восемнадцати лет на земле?

И поют ведь, и пишут, что счастье вначале!
Расцвести всей душой бы ликующей, всей!
Но не правда ль: ведь счастья нет, вне печали?
Кроме мертвых, ведь нету друзей?

Ведь от века зажженные верой иною
Укрывались от мира в безлюдье пустынь?
Нет, не надо улыбок, добытых ценою
Осквернения высших святынь.

Мне не надо блаженства ценой унижений.
Мне не надо любви! Я грущу — не о ней.
Дай мне душу, Спаситель, отдать — только тени
В тихом царстве любимых теней.

*Осень 1910
Москва*

9. «КУРЛЫК»

Детство: молчание дома большого,
Страшной колдуньи оскаленный клык;
Детство: одно непонятное слово,
Милое слово «курлык».

Вдруг беспричинно в парадной столовой
Чопорной гостье покажешь язык
И задрожешь и заплачешь под слово,
Глупое слово «курлык».

Бедная Fräulein в накидке лиловой,
Шею до боли стянувший башлык,—
Всё воскресает под милое слово,
Детское слово «курлык».

10. ЗА КНИГАМИ

«Мама, милая, не мучь же!
Мы поедem или нет?»
Я большая,— мне семь лет,
Я упряма,— это лучше..

Удивительно упряма:
Скажут нет, а будет да.
Не поддамся никогда,
Это ясно знает мама.

«Поиграй, возьмиcь за дело,
Домик строй». — «А где картон?»
«Что за тон?» — «Совсем не тон!
Просто жить мне надоело!

Надоело... жить... на свете,
Все большие — палачи,
Давид Копперфильд...» — «Молчи!
Няня, шубу! Что за дети!»

Прямо в рот летят снежинки...
Огонечки фонарей...
«Ну, извозчик, поскорей!
Будут, мамочка, картинки?»

Сколько книг! Какая давка!
Сколько книг! Я все прочту!
В сердце радость, а во рту
Вкус соленого прилавка.

11. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ДАМА

Серый ослик твой ступает прямо,
Не страшны ему ни бездна, ни река...
Милая Рождественская дама,
Увези меня с собою в облака!

Я для ослика достану хлеба,
(Не увидят, не услышат, — я легка!)
Я игрушек не возьму на небо...
Увези меня с собою в облака!

Из кладовки, чуть задремлет мама,
Я для ослика достану молока.
Милая Рождественская дама,
Увези меня с собою в облака!

12. ДЕТСКИЙ ДЕНЬ

Утро... По утрам мы
Пасмурны всегда.
Лучшие года
Отравляют гаммы.

Ждет опасный путь,
Бой и бриллианты, —

Скучные диктанты
Не дают вздохнуть!

Сумерки... К вечерне
Слышен дальний звон.
Но не доплетен
Наш венец из терний.

Слышится: «раз, два!»
И летят из детской
Песенки немецкой
Глупые слова.

13. ДИКАЯ ВОЛЯ

Я люблю такие игры,
Где надменны все и злы.
Чтоб врагами были тигры
И орлы!

Чтобы пел надменный голос:
«Гибель здесь, а там тюрьма!»
Чтобы ночь со мной боролась,
Ночь сама!

Я несусь,— за мною пасти,
Я смеюсь,— в руках аркан...
Чтобы рвал меня на части
Ураган!

Чтобы все враги — герои!
Чтоб войной кончался пир!
Чтобы в мире было двое:
Я и мир!

14. ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗ

У нас за робостью лица
Скрывается иное.
Мы непокорные сердца.
Мы молоды. Нас трое.

Мы за уроком так тихи,
Так пламенны в манеже.
У нас похожие стихи
И сны одни и те же.

Служить свободе — наш девиз,
И кончить, как герои.
Мы тенью Шиллера клялись.
Мы молоды. Нас трое.

15. ТОЛЬКО ДЕВОЧКА

Я только девочка. Мой долг
До брачного венца
Не забывать, что всюду — волк
И помнить: я — овца.

Мечтать о замке золотом,
Качать, кружить, трясти
Сначала куклу, а потом
Не куклу, а почти.

В моей руке не быть мечу,
Не зазвенеть струне.
Я только девочка, — молчу.
Ах, если бы и мне

Взглянув на звезды знать, что там
И мне звезда зажглась
И улыбаться всем глазам,
Не опуская глаз!

16. В РАЮ

Воспоминанье слишком давит плечи,
Я о земном заплачу и в раю,
Я старых слов при нашей новой встрече
Не утаю.

Где сонмы ангелов летают стройно,
Где арфы, лилии и детский хор,
Где всё покой, я буду беспокойно
Ловить твой взор.

Виденья райские с усмешкой провожая,
Одна в кругу невинно-строгих дев,
Я буду петь, земная и чужая,
Земной напев!

Воспоминанье слишком давит плечи,
Настанет миг,— я слез не утаю...
Ни здесь, ни там,— нигде не надо встречи,
И не для встреч проснемся мы в раю!

17

Aeternum vale! * Сброшен крест!
Иду искать под новым бредом
И новых бездн и новых звезд,
От поражения — к победам!

Aeternum vale! Дух окреп
И новым сном из сна разбужен.
Я вся — любовь, и мягкий хлеб
Дареной дружбы мне не нужен.

Aeternum vale! В путь иной
Меня ведет иная твердость.
Меж нами вечною стеной
Неумолимо встала — гордость.

18. ИЗ СКАЗКИ В ЖИЗНЬ

Хоть в вагоне темном и неловко,
Хорошо под шум колес уснуть!
Добрый путь, Жемчужная Головка,
Добрый путь!

* Навек прощай! (лат.). — *Ред.*

Никому — с участием или гневно —
Не позволь в былое заглянуть,
Добрый путь, погибшая царевна,
Добрый путь!

19. В. Я. БРЮСОВУ

Улыбнись в мое «окно»,
Иль к шутам меня причисли,—
Не изменишь, всё равно!
«Острых чувств» и «нужных мыслей»
Мне от Бога не дано.

Нужно петь, что всё темно,
Что над миром сны нависли...
— Так теперь заведено.—
Этих чувств и этих мыслей
Мне от Бога не дано!

20. ВОЛШЕБСТВО

Чуть полночь бьют куранты,
Сверкают диаманты,
Инкогнито пестро.
(Опишешь ли, перо,
Волшебную картину?)
Заслышав каватину,
Раздвинул паутину
Лукавый Фигаро.

Коралловые гребни
Вздымаются волшебней
Над клубом серых змей;
Но губки розовой,
Чем алые кораллы.
Под музыку из залы
Румянец бледно-алый
Нахлынул до бровей.

Везде румянец зыбкий,
На потолке улыбки,
Улыбки на стенах...

Откормленный монах
Глядит в бутылку с ромом.
В наречье незнакомом
Беседует с альбомом
Старинный альманах.

Саксонские фигурки
Устраивают жмурки.
«A vous, marquis, veuillez!»
Хохочет chevalier...*
Бесшумней силуэты,
Безумней пируэты,
И у Антуанэты
Срывается колье!

21. НА ВОЗУ

Что за жалобная нота
Летней ночью стук телег.
Кто-то едет, для кого-то
Далеко ночлег.

Целый день шумели грабли
На откосе, на лужке.
Вожжи новые ослабли
В молодой руке.

Счастье видится воочью:
В небе звезды,— сны внизу.
Хорошо июльской ночью
На большом возу!

Завтра снова будет круто:
Знай работай, знай молчи.
Хорошо ему, кому-то,
На возу в ночи!

* «Берегитесь, маркиз!»
Хохочет шевалье... (франц.).— *Ред.*

22. ВОЖДЯМ

Срок исполнен, вожди! На подмостки
Вам судеб и времен колесо!
Мой удел — с мальчуганом в матроске
Погонять золотое серсо.

Ураганом святого безумья
Поднимайтесь, вожди, над толпой!
Всё безумье отдам без раздумья
За весеннее: «Пой, птичка, пой».

23—27. О К А

1

Волшебство немецкой феерии,
Томный вальс, немецкий и простой...
А луга покинутой России
Зацвели куриной слепотой.

Милый луг, тебя мы так любили,
С золотой тропинкой у Оки...
Меж стволов снуют автомобили,—
Золотые майские жуки.

2

Ах, золотые деньки!
Где уголки потайные,
Где вы, луга заливные
Синей Оки?

Старые липы в цвету,
К взрослому миру презренье
И на жаровне варенье
В старом саду.

К Богу идут облака;
Лентой холмы огибая,
Тихая и голубая
Плещет Ока.

Детство верни нам, верни
Все разноцветные бусы,—
Маленькой, мирной Тарусы
Летние дни.

3

Всё у Боженьки — сердце! Для Бога
Ни любви, ни даров, ни хвалы...
Ах, золотая дорога!
По бокам молодые стволы!

Что мне трепет архангельских крылий?
Мой утраченный рай в уголке,
Где вереницею плыли
Золотые плоты по Оке.

Пусть крыжовник незрелый, несладкий,—
Без конца шелухи под кустом!
Крупные буквы в тетрадке,
Поцелуи без счета потом.

Ни в молитве, ни в песне, ни в гимне
Я забвенья найти не могу!
Раннее детство верни мне
И березки на тихом лугу.

4

Бежит тропинка с бугорка,
Как бы под детскими ногами,
Всё так же сонными лугами
Лениво движется Ока;

Колокола звонят в тени,
Спешат удары за ударом,
И всё поют о добром, старом,
О детском времени они.

О, дни, где утро было рай
И полдень рай и все закаты!
Где были шпагами лопаты
И замком царственным сарай.

Куда ушли, в какую даль вы?
Что между нами пролегло?
Всё так же сонно-тяжело
Качаются на клумбах мальвы...

5

В светлом платьице, давно-знакомом,
Улыбнулась я себе из тьмы.
Старый сад шумит за старым домом...
Почему не маленькие мы?

Почернела дождевая кадка,
Вензеля на рубчатой коре,
Заросла крокетная площадка,
Заросли тропинки на дворе...

Не целуй! Скажу тебе, как другу:
Целовать не надо у Оки!
Почему по скошенному лугу
Не помчаться наперегонки?

Мы вдвоем, но, милый, не легко мне,—
Невозвратное меня зовет!
За Окой стучат в каменоломне,
По Оке минувшее плывет...

Вечер тих,— не надо поцелуя!
Уж на клумбах задремал левкой...
Только клумбы пестрые люблю я
И каменоломню над Окой.

28. ИЗ СКАЗКИ — В СКАЗКУ

Всё твое: тоска по чуду,
Вся тоска апрельских дней,
Всё, что так тянулось к небу,—
Но разумности не требуй.
Я до самой смерти буду
Девочкой, хотя твоей.

Милый, в этот вечер зимний
Будь, как маленький, со мной.
Удивляться не мешай мне,
Будь, как мальчик, в страшной тайне
И остаюсь помоги мне
Девочкой, хотя женой.

29. ЛИТЕРАТУРНЫМ ПРОКУРОРАМ

Всё таить, чтобы люди забыли,
Как растаявший снег и свечу?
Быть в грядущем лишь горсточкой пыли
Под могильным крестом? Не хочу!

Каждый миг, содрогаясь от боли,
К одному возвращаюсь опять:
Навсегда умереть! Для того ли
Мне судьбою дано всё понять?

Вечер в детской, где с куклами сяду,
На лугу паутинную нить,
Осужденную душу по взгляду...
Всё понять и за всех пережить!

Для того я (в проявленном — сила)
Всё родное на суд отдаю,
Чтобы молодость вечно хранила
Беспокойную юность мою.

30

Посвящаю эти строки
Тем, кто мне устроит гроб.
Приоткроют мой высокий,
Ненавистный лоб.

Измененная без нужды,
С венчиком на лбу,—
Собственному сердцу чуждой
Буду я в гробу.

Не увидят на лице:
«Всё мне слышно! Всё мне видно!
Мне в гробу еще обидно
Быть как все».

В платье белоснежном — с детства
Нелюбимый цвет!—
Лягу — с кем-то по соседству?—
До скончанья лет.

Слушайте! — Я не приемлю!
Это — западня!
Не меня опустят в землю,
Не меня.

Знаю!— Всё сгорит до тла!
И не приютит могила
Ничего, что я любила,
Чем жила.

*Весна 1913
Москва*

Солнцем жилки на́литы — не кровью —
 На руке, коричневой уже.
 Я одна с моей большой любовью
 К собственной моей душе.

Жду кузнечика, считаю до ста,
 Стебелек срываю и жую...
 — Странно чувствовать так сильно и так просто
 Мимолетность жизни — и свою.

15 мая 1913

Идите же!— Мой голос нем,
 И тщетны все слова.
 Я знаю, что ни перед кем
 Не буду я права.

Я знаю: в этой битве пасть
 Не мне, прелестный трус!
 Но, милый юноша, за власть
 Я в мире не борюсь.

И не оспаривает Вас
 Высокородный стих.
 Вы можете — из-за других —
 Моих не видеть глаз,

Не слепнуть на моем огне,
 Моих не чуять сил...
 Какого демона во мне
 Ты в вечность упустил!

Но помните, что будет суд,
 Разящий, как стрела,
 Когда над головой блеснут
 Два пламенных крыла!

11 июля 1913

1

Мы быстры и наготове,
 Мы остры.
 В каждом жесте, в каждом взгляде, в каждом
 слове,—

Две сестры.

Своенравна наша ласка
 И тонка,
 Мы из старого Дамаска —
 Два клинка.

Прочь, гумно и бремя хлеба,
 И волы!
 Мы — натянутые в небо
 Две стрелы.

Мы одни на рынке мира
 Без греха,
 Мы — из Вильяма Шекспира
 Два стиха.

11 июля 1913

2

Мы — весенняя одежда
 Тополей.
 Мы — последняя надежда
 Королей.

Мы на дне старинной чаши,
 Посмотри:
 В ней твоя заря, и наши
 Две зари.

И, прильнув устами к чаше,
 Пей до дна.
 И на дне увидишь наши
 Имена.

Светлый взор наш смел и светел
И во зле.
— Кто из вас его не встретил
На земле?..

Охраняя колыбель и мавзолей —
Мы — последнее виденье
Королей.

11 июля 1913

35—36. С *⟨ЕРГЕЮ⟩ Э ⟨ФРОНУ⟩*

1

Есть такие голоса,
Что смолкаешь, им не вторя,
Что предвидишь чудеса.
Есть огромные глаза
Цвета моря.

Вот он встал перед тобой:
Посмотри на лоб и брови
И сравни его с собой.
— То усталость голубой,
Ветхой крови.

Торжествует синева
Каждой благородной веной.
Жест царевича и льва
Повторяют кружева
Белой пеной.

Вашего полка — драгун,
Декабристы и версальцы!
И не знаешь — так он юн! —
Кисти, шпаги или струн
Просят пальцы.

19 июля 1913

2

Как водоросли Ваши члены,
Как ветви мальмэзонских ив...
Так Вы лежали в брызгах пены,
Рассеянно остановив

На светло-золотистых дынях
Аквамарин и хризопраз
Сине-зеленых, серо-синих,
Всегда полузакрытых глаз.

Летели солнечные стрелы
И волны — бешеные львы.
Так Вы лежали, слишком белый
От нестерпимой синевы...

А за спиной была пустыня,
И где-то станция Джанкой...
И тихо золотилась дыня
Под Вашей длинною рукой.

Так, драгоценный и спокойный,
Лежите, взглядом не даря,
Но взглянете — и вспыхнут войны,
И горы двинутся в моря,

И новые зажгутся луны,
И лягут яростные львы —
По наклоненью Вашей юной,
Великолепной головы.

1 августа 1913

37. БАЙРОНУ

Я думаю об утре Вашей славы,
Об утре Ваших дней,
Когда очнулись демоном от сна Вы,
И богом для людей.

Я думаю о том, как Ваши брови
Сошлись над факелами Ваших глаз,
О том, как лава древней крови
По Вашим жилам разлилась.

Я думаю о пальцах, очень длинных,
В готических перстнях,
И обо всех — в аллеях и гостиных —
Вас жаждущих глазах.

И о сердцах, которых — слишком юный —
Вы не имели времени прочесть,
В те времена, когда всходили луны,
И гасли в Вашу честь.

Я думаю о полутемном зале,
О бархате, склоненном к кружевам,
О всех стихах, какие бы сказали
Вы — мне, я — Вам.

Я думаю еще о горсти пыли,
Оставшейся от Ваших губ и глаз...
О всех глазах, которые в могиле.
О них и нас.

24 сентября 1913
Ялта

38. АЛЕ

Ах, несмотря на гаданья друзей,
Будущее — непроглядно!
В платьице — твой вероломный Тезей,
Маленькая Ариадна!

Аля! — Маленькая тень
На огромном горизонте.
Тщетно говорю: не троньте!
Будет день —

Милый, грустный и большой,
День, когда от жизни-рядом
Вся ты оторвешься взглядом
И душой.

День, когда с пером в руке
Ты на ласку не ответишь.
День, который ты отметишь
В дневнике.

День, когда летя вперед,
— Своенравно! — Без запрета! —
С ветром в комнату войдет —
Больше ветра!

Залу, спящую на вид,
И волшебную, как сцена,
Юность Шумана смутит,
И Шопена...

Целый день — на скакуне,
А ночами — черный кофе,
Лорда Байрона в огне
Тонкий профиль.

Метче гибкого хлыста —
Остроумье наготове,
Гневно сдвинутые брови
И уста.

Прелесть двух огромных глаз,
— Их угроза, их опасность —
Недоступность — гордость — страстность
В первый раз...

Благородным без границ
Станет профиль — слишком белый,
Слишком длинными ресниц
Станут стрелы,

Слишком грустными — углы
Губ изогнутых и длинных.
И движенья рук невинных —
Слишком злы.

Ворожит мое перо!
— Аля! Будет всё, что было:
Так же ново и старо,
Так же мило.

Будет (с сердцем не воюй,
Грудь Дианы и Минервы!)
Будет первый бал и первый
Поцелуй.

Будет «он» (ему сейчас
Года три или четыре...)
— Аля! — Это будет в мире —
В первый раз.

*13 ноября 1913
Феодосия*

День августовский тихо таял
В вечерней золотой пыли.
Неслись звенящие трамваи,
И люди шли.

Рассеянно, как бы без цели,
Я тихим переулком шла.
И — помнится — тихонько пели
Колокола.

Воображая Вашу позу,
Я всё решала по пути:
Не надо — или надо — розу
Вам принести.

И всё приготавлила фразу,
Увы, забытую потом!
И вдруг — совсем неожиданно! — сразу! —
Тот самый дом.

Многоэтажный, с видом скуки...
Считаю окна, вот подъезд.
Невольным жестом ищут руки
На шее — крест.

Считаю серые ступени,
Меня ведущие к огню.
Нет времени для размышлений!
Уже звоню.

Я помню точно рокот грома,
И две руки свои, как лед.
Я называю Вас. — Он дома,
Сейчас придет.

—

Пусть с юностью уносят годы
Всё незабвенное с собой!
Я буду помнить всё разводы
Цветных обоев.

И бисеринки абажура,
И шум каких-то голосов,
И эти виды Порт-Артура,
И стук часов.

Миг, длительный по крайней мере —
Как час. Но вот шаги вдали.
Скрип раскрывающейся двери —
И Вы вошли.

И было сразу обаянье.
Склонился, королевски-прост.
И было страшное сиянье
Двух темных звезд.

И их, огромные, прищуря
Вы не узнали, нежный лик,
Какая здесь играла буря
Еще за миг!

Я героически боролась,
— Мы с Вами даже ели суп!—
Я помню заглушенный голос,
И очерк губ,

И волосы, пушистей меха,
И — самое родное в Вас!—
Прелестные морщинки смеха
У длинных глаз.

Я помню — Вы уже забыли!—
Вы — там сидели, я — вот тут.
Каких мне стоило усилий,
Каких минут —

Сидеть, пуская кольца дыма,
И полный соблюдать покой...
Мне было прямо нестерпимо
Сидеть такой!

Вы эту помните беседу
Про климат и про букву ять?
Такому странному обеду
Уж не бывать.

Вполоборота, в полумраке
Смеюсь, сама не ожидав:
«Глаза породистой собаки...
Прощайте, граф!»

Потерянно, совсем без цели,
Я темным переулком шла.
И, кажется, уже не пели
Колокола.

17 июня 1914

40

Война, война! — Кажденья у киотов
И стрекот шпор.
Но нету дела мне до царских счетов,
Народных ссор.

На кажется-надтреснутом канате
Я — маленький плясун.
Я — тень от чьей-то тени. Я — лунатик
Двух темных лун.

*16 июля 1914
Москва*

41—55. ПОДРУГА

1

Вы счастливы? — Не скажете! — Едва ли!
И лучше, — пусть!
Вы слишком многих, мнится, целовали.
Отсюда — грусть.

Всех героинь шекспировских трагедий
Я вижу в Вас.
Вас, юная трагическая лэди,
Никто не спас.

Вы так устали повторять любовный
Речитатив.

Чугунный обод на руке бескровной —
Красноречив.

Я Вас люблю! — Как грозовая туча
Над Вами — грех!
За то, что Вы язвительны, и жгучи,
И лучше всех.

За то, что мы, что наши жизни — разные
Во тьме дорог,
За Ваши вдохновенные соблазны
И темный рок,

За то, что Вам, мой демон крутолобый,
Скажу прости,
За то, что Вас — хоть разорвись над гробом! —
Уж не спасти.

За эту дрожь, за то, что — неужели
Мне снится сон? —
За эту ироническую прелесть,
Что Вы — не он.

16 октября 1914

2

Под лаской плюшевого пледа
Вчерашний вызываю сон.
Что это было? — Чья победа?
Кто побежден?

Всё передумываю снова,
Всем перемучиваюсь вновь.
В том, для чего не знаю слова,
Была ль любовь?

Кто был охотник? Кто — добыча?
Всё дьявольски-наоборот!
Что понял, длительно мурлыча,
Сибирский кот?

В том поединке своеволий
Кто в чьей руке был только мяч?
Чье сердце — Ваше ли, мое ли —
Летело вскачь?

И все-таки — что ж это было?
Чего так хочется и жаль?
— Так и не знаю: победила ль?
Побеждена ль?

23 октября 1914

3

Сегодня таяло, сегодня
Я простояла у окна.
Ум — отрезвленной, грудь свободней,
Опять умиротворена.

Не знаю, почему. Должно быть
Устала попросту душа,
И как-то не хотелось трогать
Мятежного карандаша.

Так простояла я — в тумане—
Далекая добру и злу,
Тихонько пальцем барабания
По чуть звенящему стеклу.

Душой не лучше и не хуже,
Чем первый встречный — этот вот,—
Чем перламутровые лужи,
Где расплескался небосвод,

Чем пролетающая птица,
И попросту бегущий пес.
И даже нищая певица
Меня не довела до слез.

Забвенья милое искусство
Душой усвоено уже.
— Какое-то большое чувство
Сегодня таяло в душе.

24 октября 1914

Вам одеваться было лень,
И было лень вставать из кресел.
— А каждый Ваш грядущий день
Моим весельем был бы весел!

Особенно смущало Вас
Идти так поздно в ночь и холод.
— А каждый Ваш грядущий час
Моим весельем был бы молод!

Вы это сделали без зла,
Невинно и непоправимо.
— Я Вашей юностью была,
Которая проходит мимо.

25 октября 1914

Сегодня, часу в восьмом,
Стремглав по Большой Лубянке,
Как пуля, как снежный ком
Куда-то промчались санки.

Уже прозвеневший смех...
Я так и застыла взглядом:
Волос рыжеватый мех,
И кто-то высокий — рядом!

Вы были уже с другой,
С ней путь открывали санный,
С желанной и дорогой,—
Сильнее, чем я — желанной!

Мир — весел и вечер лих!
Из муфты летят покупки...
Так мчались вы в снежный вихрь,
Взор к взору и шубка к шубке.

И был жесточайший бунт,
И снег осыпался бело.
Я около двух секунд
— Не более — вслед глядела.

И гладила длинный ворс
На шубке своей — без гнева.
— Ваш маленький Кай замерз,
О Снежная Королева!

26 октября 1914

6

Как весело сиял снежинками
Ваш серый, мой соболий мех,
Как по рождественскому рынку мы
Искали ленты, ярче всех.

Как розовыми и несладкими
Я вафлями объелась, — шесть!
Как всеми рыжими лошадками
Я умилялась в Вашу честь.

Как рыжие поддевки — парусом,
Божась, сбывали нам тряпье,
Как на чудных московских барышень
Дивилось глупое бабье.

Как в час, когда народ расходится,
Мы нехотя вошли в собор,
Как на старинной Богородице
Вы приостановили взор.

Как этот лик с очами хмурыми
Был благостен и изможден,
В киоте с круглыми амурами
Елисаветинских времен.

Как руку Вы мою оставили,
Сказав: «О, я ее хочу!»
С какою бережностью вставили
В подсвечник — желтую свечу...

— О светская, с кольцом опаловым
Рука! — О, вся моя напасть! —
Как я икону обещала Вам
Сегодня ночью же украсть.

Как в монастырскую гостиницу
— Гул колокольный и закат,—
Блаженные, как именинницы,
Мы грянули, как полк солдат.

Как я Вам хорошетъ до старости
Клялась, и просыпала соль,
Как трижды мне — Вы были в ярости!—
Червонный выходил король.

Как голову мою сжимали Вы,
Лаская каждый завиток,
Как Вашей брошечки эмалевой
Мне губы холодил цветок.

Как я по Вашим узким пальчикам
Водила сонною щекой,
Как Вы меня дразнили мальчиком,
Как я Вам нравилась такой...

Декабрь 1914

7

Ночью над кофейной гущей
Плачет, глядя на Восток.
Рот невинен и распушен,
Как чудовищный цветок.

Скоро месяц, юн и тонок,
Сменит алую зарю.
Сколько я тебе гребенок
И колечек подарю!

Юный месяц между веток
Никого не устерег.
Сколько подарю браслетов
И цепочек, и серег!

Как из-под тяжелой гривы
Блещут яркие зрачки!
— Спутники твои ревнивы?—
Кони кровные легки!

6 декабря 1914

Свободно шея поднята,
 Как молодой побег.
 Кто скажет имя, кто — лета,
 Кто — край ее, кто — век?

Извилина неярких губ
 Капризна и слаба,
 Но ослепителен уступ
 Бетховенского лба.

Светло-коричневым кольцом
 Слегка оттенены,
 Владычествуют над лицом
 Глаза, как две луны.

До умильности чист
 Истаявший овал.
 Рука, к которой шел бы хлыст
 И — в серебре — опал.

Рука, ушедшая в шелка,
 Достойная смычка,
 Неповторимая рука,
 Прекрасная рука.

10 января 1915

Ты проходишь своей дорогою,
 И руки твоей я не трогаю,
 Но тоска во мне — слишком вечная,
 Чтоб была ты мне — первой встречною.

Сердце сразу сказала: «Милая!»
 Всё тебе — наугад — простила я,
 Ничего не зная — даже имени!
 О люби меня, о люби меня!

Вижу я по губам — извилиной,
 По надменности их усиленной,
 По тяжелым надбровным выступам:
 Это сердце берется — приступом!

Платье — шелковым, черным панцирем,
Голос с чуть хрипотцой цыганскою,
Всё в тебе мне до боли нравится,—
Даже то, что ты не красавица!

Красота, не увянешь за лето!
Не цветок,— стебелек из стали ты,
Злее злого, острее острого,
Увезенный — с какого острова?

Опахалом чудишь, иль тросточкой,—
В каждой жилке и в каждой косточке,
В форме каждого злого пальчика,—
Нежность женщины, дерзость мальчика.

Все усмешки стихом парируя,
Открываю тебе и миру я,
Всё, что нам в тебе уготовано,
Незнакомка с челом Бетховена!

14 января 1915

10

Могу ли не вспоминать я
Тот запах White Rose и чая,
И севрские фигурки
Над пышащим камельком...

Мы были: я — в пышном платье
Из чуть золотого фая,
Вы — в вязаной черной куртке
С крылатым воротником.

Я помню, с каким вошли Вы
Лицом, без малейшей краски,
Как встали, кусая пальчик,
Чуть голову наклоня.

И лоб Ваш властолюбивый
Под тяжестью рыжей каски.
— Не женщина и не мальчик,
Но что-то сильнее меня!

Движением беспричинным
Я встала, нас окружили.
И кто-то, в шутилом тоне:
— «Знакомьтесь же, господа».

И руку движеньем длинным
Вы в руку мою вложили
И нежно в моей ладони
Помедлил осколок льда.

С каким-то, глядевшим косо,
Уже предвкушая стычку,—
Я полулежала в кресле,
Вертя на руке кольцо.

Вы вынули папиросу,
И я поднесла Вам спичку,
Не зная, что делать, если
Вы взглянете мне в лицо.

Я помню — над синей вазой —
Как звякнули наши рюмки!
— «О будьте моим Орестом!»
И я Вам дала цветок.

Смеясь — над моей ли фразой?—
Из замшевой черной сумки
Вы вынули длинным жестом
И выронили — платок.

28 января 1915

11

Все глаза под солнцем — жгучи,
День не равен дню.
Говорю тебе на случай,
Если изменю:

Чьи б ни целовала губы
Я в любовный час,
Черной полночью кому бы
Страшно не клялась —

Жить, как мать велит ребенку,
Как цветочек цвести,
Никогда ни в чью сторонку
Оком не повесть...

Видишь крестик кипарисный?
— Он тебе знаком!—
Всё проснется — только свистни
Под моим окном!

22 февраля 1915

12

Повторю в канун разлуки,
Под конец любви,
Что любила эти руки
Властные твои,

И глаза — кого-кого-то
Взглядом не дарят!—
Требующие отчета
За случайный взгляд.

Всю тебя с твоей треклятой
Страстью — видит Бог!—
Требующую расплаты
За случайный вздох.

И еще скажу устало,
— Слушать не спеши! —
Что твоя душа мне встала
Поперек души.

И еще тебе скажу я:
— Всё равно — канун!—
Этот рот до поцелуя
Твоего — был юн.

Взгляд — до взгляда — смел и светел,
Сердце — лет пяти...
— Счастлив, кто тебя не встретил
На своем пути!

28 апреля 1915

Есть имена, как душистые цветы,
И взгляды есть, как пляшущее пламя...
Есть темные извилистые рты,
С глубокими и влажными углами.

Есть женщины. — Их волосы, как шлем.
И веер пахнет гибельно и тонко.
Им тридцать лет. — Зачем тебе, зачем
Моя душа спартанского ребенка?!

Вознесение, 1915

Хочу у зеркала, где муть
И сон туманящий,
Я выпытать — куда Вам путь,
И где — пристанище.

Я вижу: мачта корабля,
И Вы — на палубе...
Вы — в дыме поезда... Поля
В вечерней жалобе...

Вечерние поля в росе,
Над ними — вороны...
— Благословляю Вас на все
Четыре стороны!

3 мая 1915

В первой любила ты
Первенство красоты,
Кудри с налетом хны,
Жалобный зов зурны,
Звон — под конем — кремня,
Стройный прыжок с коня,
И — в самоцветных зернах —
Два челночка узорных.

А во второй — другой —
Тонкую бровь дугой,

Шелковые ковры
Розовой Бухары,
Перстни по всей руке,
Родинку на щеке,
Вечный загар сквозь блонды,
И полунощный Лондон.

Третья тебе была
Чем-то еще мила...
— Что от меня останется
В сердце твоём, странница?

14 июля 1915

56. ГЕРМАНИИ

Ты миру отдана на травлю,
И счета нет твоим врагам!
Ну, как же я тебя оставлю,
Ну, как же я тебя предам?

И где возьму благоразумье:
«За око — око, кровь — за кровь!», —
Германия — мое безумье!
Германия — моя любовь!

Ну, как же я тебя отвергну,
Мой столь гонимый Vaterland *,
Где всё еще по Кёнигсбергу
Проходит узколицый Кант,

Где Фауста нового лелея,
В другом забытом городке, —
Geheimrath Goethe ** по аллее
Проходит с веточкой в руке.

Ну, как же я тебя покину,
Моя германская звезда,
Когда любить наполовину
Я не научена, — когда —

* Отечество (нем.). — *Ред.*

** Тайный советник Гёте (нем.). — *Ред.*

От песенок твоих в восторге,
Не слышу лейтенантских шпор,
Когда мне свят святой Георгий
Во Фрейбурге, на Schwabenthor *.

Когда меня не душит злоба
На Кайзера взлетевший ус,—
Когда в влюбленности до гроба
Тебе, Германия, клянусь!

Нет ни волшебней, ни премудрей
Тебя, благоуханный край,
Где чешет золотые кудри
Над вечным Рейном — Лорелей.

1 декабря 1914

57

Безумье — и благоразумье,
Позор — и честь,
Всё, что наводит на раздумье,
Всё слишком есть

Во мне,— все каторжные страсти
Свились в одну!
Так в волосах моих — все масти
Ведут войну.

Я знаю весь любовный шепот,
— Ах, наизусть!—
Мой двадцатидвухлетний опыт —
Сплошная грусть.

Но облик мой — невинно-розов,
— Что ни скажи!—
Я виртуоз из виртуозов
В искусстве лжи.

В ней, запускаемой как мячик,
— Ловимой вновь! —

* Швабские ворота (нем.).— *Ред.*

Моих прабабушек-полячек
Сказалась кровь.

Лгу оттого, что по кладбищам
Трава растет,
Лгу оттого, что по кладбищам
Метель метет...

От скрипки — от автомобиля —
Шелков — огня...
От пытки, что не все любили
Одну меня!

От боли, что не я — невеста
У жениха.
От жеста и стиха — для жеста
И для стиха.

От нежного боа на шее...
И как могу
Не лгать, — раз голос мой нежнее,
Когда я лгу...

3 января 1915

58. АННЕ АХМАТОВОЙ

Узкий, нерусский стан —
Над фолиантами.
Шаль из турецких стран
Пала, как мантия.

Вас передашь одной
Ломаной черной линией.
Холод — в весельи, зной —
В Вашем унынии.

Вся Ваша жизнь — озноб,
И завершится — чем она?
Облачный темен лоб
Юного демона.

Каждого из земных
Вам заиграть — безделица.

И безоружный стих
В сердце нам целится.

В утренний сонный час,
— Кажется, четверть пятого,—
Я полюбила Вас,
Анна Ахматова.

11 февраля 1915

59

Легкомыслие! — Милый грех,
Милый спутник и враг мой милый!
Ты в глаза мои вбрызнул смех,
Ты мазурку мне вбрызнул в жилы!

Научил не хранить кольца,—
С кем бы жизнь меня не венчала!
Начинать наугад с конца,
И кончать еще до начала.

Быть как стебель и быть как сталь
В жизни, где мы так мало можем...
— Шоколадом лечить печаль,
И смеяться в лицо прохожим.

3 марта 1915

60

Сини подмосковные холмы,
В воздухе чуть теплом — пыль и деготь.
Сплю весь день, весь день смеюсь,— должно быть
Выздоровливаю от зимы.

Я иду домой возможно тише.
Ненаписанных стихов — не жаль!
Стук колес и жареный миндаль
Мне дороже всех четверостиший.

Голова до прелести пуста,
Оттого, что сердце — слишком полно!
Дни мои, как маленькие волны,
На которые гляжу с моста.

Чьи-то взгляды слишком уж нежны
В нежном воздухе, едва нагретом...
— Я уже заболеваю летом,
Еле выздоровев от зимы.

13 марта 1915

61

Голоса с их игрой сулящей,
Взгляды яростной черноты,
Опаленные и палящие
Роковые рты,—

О, я с вами легко боролась!
Но,— что делаете со мной
Вы, насмешка в глазах, и в голосе —
Холодок родной!

14 марта 1915

62

В тумане, синее ладана,
Панели — как серебро.
Навстречу летит негаданно —
Развеянное перо.

И вот уже взгляды скрещены,
И дрогнул — о чем моля? —
Твой голос с певучей трещиной
Богемского хрусталя.

Мгновенье тоски и вызова,
Движение — как длинный крик,
И в волны тумана сизого
Окунутый легкий лик.

Всё длилось — одно мгновение.
Отчалила... уплыла...
Соперница! — Я не менее
Прекрасной тебя ждала!

5 сентября 1915

Цветок к груди приколот.
 Кто приколот — не помню.
 Ненасытим мой голод
 На грусть, на страсть, на смерть.

Виолончелью, скрипом
 Дверей, и звоном рюмок,
 И лязгом шпор, и криком
 Вечерних поездов,

Выстрелом на охоте
 И бубенцами троек —
 Зовете вы, зовете,
 Нелюбленные мной!

Но есть еще услада:
 Я жду того, кто первый
 Поймет меня, как надо —
 И выстрелит в упор.

22 октября 1915

Быть в аду нам, сестры пылкие,
 Пить нам адскую смолу,
 Нам, что каждою-то жилкою
 Пели Господу хвалу!

Нам, над люлькой да над прялкою
 Не клонившимся в ночи,
 Уносимым лодкой валкою
 Под полою епанчи.

В тонкие шелка китайские
 Разнаряженным с утра,
 Заводившим песни райские
 У разбойного костра,

Нерадивым рукодельницам,
 — Шей не шей, а всё по швам! —
 Плясовницам и свирельницам,
 Всему миру — господам!

То едва прикрытым рубищем,
То в созвездиях коса.
По острогам, да по гульбищам
Прогулявшим небеса.

Погулявшим в ночи звездные
В райском яблочном саду...
— Быть нам, девицы любезные,
Сестры милые — в аду!

Ноябрь 1915

65

Полнолуние и мех медвежий,
И бубенчиков легкий пляс...
Легкомысленнейший час! — Мне же
Глубочайший час.

Умудрил меня встречный ветер,
Снег умилоствовал мне взгляд.
На пригорке монастырь светел
И от снега — свят.

Вы снежинки с груди собольей
Мне сцеловываете, друг.
Я на дерево гляжу — в поле,
И на лунный круг.

За широкой спиной ямщицкой
Две не встретятся головы.
Начинает мне Господь — сниться,
Отоснились — Вы.

27 ноября 1915

1.

Код шавов шавов — код шавов? —
Шавов, шавов шавов, шавов шавов.

Шавов шавов шавов шавов —
Шавов, шавов шавов шавов!

Код шавов шавов шавов
Шавов, шавов шавов шавов

Шавов, шавов шавов шавов —
Шавов! шавов шавов — шавов шавов.

Код шавов шавов шавов шавов
Шавов, шавов шавов шавов,

Шавов шавов: шавов шавов шавов шавов
— шавов шавов шавов шавов!

Код шавов шавов шавов шавов
Шавов, шавов шавов шавов!

— Шавов шавов шавов шавов шавов.
Шавов! шавов шавов шавов — шавов шавов.

Шавов шавов шавов шавов, шавов шавов шавов...
Шавов, шавов шавов шавов шавов,

Шавов шавов шавов — шавов шавов шавов!

Шавов шавов шавов — шавов шавов!

5. шавов. 1924.

66

Отмыкала ларец железный,
Вынимала подарок слёзный:
С крупным жемчугом перстенок,
С крупным жемчугом.

Кошкой выкралась на крыльцо,
Ветру выставила лицо.
Ветры — веяли, птицы — реяли,
Лебеди — слева, справа — вороны...
Наши дороги — в разные стороны.

Ты отойдешь — с первыми тучами,
Будет твой путь — лесами дремучими,
песками горячими.

Душу — выкричешь,
Очи — выплачешь.

А надо мною — кричать сове,
А надо мною — шуметь траве...

Январь 1916

67

Посадила яблоньку:
Малым — забавоньку,
Старому — младость,
Садовнику — радость.

Приманила в горницу
Белую горлицу:
Вору — досада,
Хозяйке — услада.

Породила доченьку —
Синие оченьки,
Горленку — голосом,
Солнышко — волосом.
— На горе — девицам,
На горе — молодым.

23 января 1916

68

К озеру вышла. Крут берег.
Сизые воды — в снег сбиты,
На́ голос воют. Рвут пасти —
Что звери.

Кинула перстень. Бог с перстнем!
Не по руке мне, знать, кован!
В серебро пены — кань, злато,
Кань с песней.

Ярой дугою — как брызнет!
Встречной дугою — млад-лебедь
Как всполохнется, как взмлет
В день сизый!

6 февраля 1916

69

Никто ничего не отнял —
Мне сладостно, что мы врозь!
Целую Вас через сотни
Разъединяющих верст.

Я знаю: наш дар — неравен.
Мой голос впервые — тих.
Что Вам, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих!

На страшный полет крещу Вас:
— Лети, молодой орел!
Ты солнце стерпел, не щурясь —
Юный ли взгляд мой тяжел?

Нежней и бесповоротней
Никто не глядел Вам вслед...
Целую Вас — через сотни
Разъединяющих лет.

12 февраля 1916

70

Собирая любимых в путь —
Я им песни пою на память,
Чтобы приняли как-нибудь —
Что когда-то дарили сами.

Зеленеющею тропой
Довожу их до перекрестка.
— Ты без устали, ветер, пой!
Ты, дорога, не будь им жесткой!

Туча сизая, слез не лей, —
Как на праздник они обуты!
Ущепи себе жало, змей!
Кинь, разбойничек, нож свой лютый!

Разгорайтесь, костры, в лесах,
Разгоняйте зверей берложьих.
Богородица в небесах,
Вспомяни о моих прохожих!

17 февраля 1916

71

Ты запрокидываешь голову —
Затем, что ты гордец и враль.
Какого спутника веселого
Привел мне нынешний февраль!

Позвякивая карбованцами
И медленно пуская дым,
Торжественными чужестранцами
Проходим городом родным.

Чьи руки бережные трогали
Твои ресницы, красота,
Когда, и как, и кем, и много ли
Целованы твои уста —

Не спрашиваю. Дух мой алчущий
Переборол сию мечту.
В тебе божественного мальчика, —
Десятилетнего я чту.

Помедлим у реки, полощущей
Цветные бусы фонарей.
Я доведу тебя до площади —
Видавшей отроков-царей...

Мальчишескую боль высвистывай,
И сердце зажимай в горсти...
— Мой хладнокровный, мой неистовый
Вольноотпущенник — прости!

18 февраля 1916

72

Откуда такая нежность?
Не первые — эти кудри
Разглаживаю, и губы
Знавала — темней твоих.

Всходили и гасли звезды,
— Откуда такая нежность? —
Всходили и гасли очи
У самых моих очей.

Еще не такие песни
Я слушала ночью темной,
— Откуда такая нежность? —
На самой груди певца.

Откуда такая нежность?
И что с нею делать, отрок
Лукавый, певец захожий,
С ресницами — нет длинней.

18 февраля 1916

Разлетелось в серебряные дребезги —
Зеркало, и в нем — взгляд.
Лебеди мои, лебеди
Сегодня домой летят!

Из облачной выси выпало
Мне прямо на грудь — перо.
Я сегодня во сне рассыпала
Мелкое серебро.

Серебряный клич — звонок.
Серебряно мне — петь.
Мой выкормыш! лебеденок!
Хорошо ли тебе лететь?

Пойду и не скажусь
Ни матери, ни сродникам.
Пойду и встану в церкви,
И помолюсь угодникам
О лебеде молоденьком.

1 марта 1916

Не сегодня-завтра растает снег.
Ты лежишь один под огромной шубой.
— Пожалеть тебя! — у тебя навек
Пересохли губы.

Тяжело ступаешь и трудно пьешь,
И торопится от тебя прохожий.
Не в таких ли пальцах садовый нож
Зажимал Рогожин?

А глаза, глаза на лице твоём!
Два обугленных прошлогодних круга!
Видно отроком — в *невеселый* дом
Завела — подруга.

Мне солнце горит — в полночь!
Мне в полдень занялась — звезда!
Смыкает надо мной — волны
Прекрасная моя беда.

Мне мертвый восстал из праха!
Мне страшный совершился суд!
Под рев колоколов на плаху
Архангелы меня ведут.

16 марта 1916

77

Не ветром ветреным — до — осени
Снята гроздь.
Ах, виноградарем — до — осени
Пришел — гость.

Небесным странником — мне — страннице
Предстал — ты
И речи странные — мне — страннице
Шептал — ты.

По голубым и голубым лестницам
Повел — ввысь.
Под голубым и голубым месяцем
Уста — жглись.

В каком источнике — их — вымою,
Скажи, жрец!
И тяжелой верности с головы моей
Сними венец!

16 марта 1916

78

Гибель от женщины. Вót — знáк
На ладони твоей, юноша!
Дóлу глаза! Молись! Берегись! Враг
Бдит в полúночи.

Не спасет ни песен
Небесный дар, ни надменнейший вырез губ.
Тем ты и люб,
Что небесен.

Ах, запрокинута твоя голова,
Полузакрыты глаза — что? — пряча.
Ах, запрокинется твоя голова —
Иначе.

Голыми руками возьмут — ретив! упрям! —
Криком твоим всю ночь будет край звóнок!
Растреплют крылья твои по всем четырем ветрам,
Серафим! — Орленок! —

17 марта 1916

79

Приключилась с ним странная хворь,
И сладчайшая на него нашла оторопь.
Всё стоит и смотрит ввысь,
И не видит ни звезд, ни зорь
Зорким оком своим — отрок.

А задремлет — к нему орлы
Шумнокрылые слетаются с клекотом,
И ведут о нем дивный спор.
И один — властелин скалы —
Клювом кудри ему треплет.

Но дремучие очи сомкнув,
Но уста полураскрыв — спит себе...
И не слышит ночных гостей,
И не видит, как зоркий клюв
Златоокая вострит птица.

21 марта 1916

80

Устилают — мои — сени
Пролетающих голубей — тени.
Сколько было сердцебиений,
Уверений!

Выхожу на крыльцо: веет,
Подымаю лицо: греет.
Но душа́ уже — не — млеет,
Не жалеет.

На ступеньке стою — верхней,
Развеваются надо мной — ветки.
Скоро купол на той церкви —
Померкнет.

Облаками плывет — Пасха,
Колоколами плывет — Пасха.
В первый раз человек распят —
На Пасху.

22 марта 1916

81

На крыльцо выхожу — слушаю,
На свинце ворожу — плачу.
Ночи душевные,
Скушные.
Огоньки вдали: станица казачья.

Да и в полдень нехорош — пригород:
Тарахтят по мостовой — дрожки,
Просит нищий грошик,
Да ребята гоняют кошку,
Да кузнечики в траве — прыгают.

В черной шали, с большим розаном
На груди — как спадет вечер —
С рыжекудрым, розовым
Развеселым озорем
Разлюбезные — поведу — речи.

Серебром меня не задаривай,
Крупным жемчугом материнским,
Перстеньком с мизинца.
Поченнее хочу гостинца:
Над станицей — зарева!

23 марта 1916

В день Благовещенья
 Руки раскрещены.
 Цветок по́лит чахнувший,
 Окна настежь распахнуты,—
 Благовещенье, праздник мой!

В день Благовещенья
 Подтверждаю торжественно:
 Не надо мне ручных голубей, лебедей, орлят!
 Летите — куда глаза глядят
 В Благовещенье, праздник мой!

В день Благовещенья
 Улыбаюсь до вечера,
 Распростившись с гостями пернатыми.
 — Ничего для себя не надо мне
 В Благовещенье, праздник мой!

23 марта 1916

Канун Благовещенья.
 Собор Благовещенский
 Прекрасно светится.
 Над главным куполом,
 Под самым месяцем,
 Звезда — и вспомнился
 Константинополь.

На серой паперти
 Старухи выстроились,
 И просят милостыню
 Голосами гнусными.
 Большими бусами
 Горят фонарики
 Вкруг Божьей Матери.

Черной бессонницей
 Сияют лики святых,
 В черном куполе
 Оконницы ледяные.

Золотым кустом,
Родословным древом
Никнет паникадило.
— Благословен плод чрева
Твоего, Дева
Милая!

Пошла странствовать
По рукам — свеча.
Пошло странствовать
По устам слово:
— Богородице.

Светла, горяча
Зажжена свеча.

К Солнцу-Матери,
Затерянная в тени,
Воззываю и я, радуясь:
Мать — матери
Сохрани
Дочку голубоглазую!
В светлой мудрости
Просвети, направь
По утерянному пути —
Блага.
Дай здоровья ей,
К изголовью ей
Отлетевшего от меня
Приставь — Ангела.
От словесной храни — пышности,
Чтоб не вышла, как я — хищницей,
Чернокнижницей.

Служба кончилась.
Небо безоблачно.
Крестится истово
Народ и расходится.
Кто — по домам,
А кому — некуда,
Те — Бог весть куда,
Всё — Бог весть куда!

Серых несколько
Бабок древних
В дверях замешкалось,—
Докрещиваются
На самоцветные
На фонарики.

Я же весело —
Как волны валкие
Народ расталкиваю.
Бегу к Москвѣ-реке
Смотреть, как лед идет.

24—25 марта 1916

84

Четвертый год.
Глаза — как лед.
Брови — уже роковые.
Сегодня впервые
С кремлевских высот
Наблюдаешь ты
Ледоход.

Льдины, льдины
И купола.
Звон золотой,
Серебряный звон.
Руки — скрещены,
Рот — нем.
Брови сдвинув — Наполеон! —
Ты созерцаешь — Кремль.

— Мама, куда — лед идет?
— Вперед, лебеденок.
Мимо дворцов, церквей, ворот —
Вперед, лебеденок!
Синий
Взор — озабочен.
— Ты меня любишь, Марина?
— Очень!
— Навсегда?
— Да.

Скоро — закат,
Скоро — назад:
Тебе — в детскую, мне —
Письма читать дерзкие,
Кусать рот.

А лед
Всё
Идет.

24 марта 1916

85

За девками доглядывать, не скис
ли в жбане квас, оладьи не остыли ль,
Да перстни пересчитывать, анис
Ссылая в узкогорлые бутылки,

Кудельную расправить бабке нить,
Да ладаном курить по дому росным,
Да под руку торжественно проплыть
Соборной площадью, гремя шелками, с
крестным.

Кормилица с крикливым петухом
В переднике — как ночь ее повойник! —
Докладывает древним шепотком,
Что молодой — в часовенке — покойник.

И ладанное облако углы
Унылой обволакивает ризой.
И яблони — что ангелы — белы,
И голуби на них — что ладан — сизы.

И странница, прихлебывая квас
Из ковшика, на краёшке лежанки,
О Разине досказывает сказ
И о его прекрасной персиянке.

26 марта 1916

Димитрий! Марина! В мире
 Согласнее нету ваших
 Единой волною вскинутых,
 Единой волною смытых
 Судеб! Имен!

Над темной твоею люлькой,
 Димитрий, над люлькой пышной
 Твоею, Марина Мнишек,
 Стояла одна и та же
 Двусмысленная звезда.

Она же над вашим ложем,
 Она же над вашим троном
 — Как вкопанная — стояла
 Без малого — целый год.

Взаправду ли знак родимый
 На темной твоей ланите,
 Димитрий, — всё та же черная
 Горошинка, что у отрока
 У рóдного, у царевича
 На смуглой и круглой щечке
 Смеясь целовала мать?
 Воистину ли, взаправду ли —
 Нам сызмала деда сказывали,
 Что грешных судить — не нам.

На нежной и длинной шее
 У отрока — ожерелье.
 Над светлыми волосами
 Пресветлый венец стоит.

В Марфиной черной келье
 Яркое ожерелье
 — Солнце в ночи! — горит.

Памятливыми глазами
 Впилась — народ замер.
 Памятливыми губами
 Впилась — в чей? — рот.

Сама инокия
Признала сына!
Как же ты — для нас — не тот!

Марина! Царица — Царю,
Звезда — самозванцу!
Тебя пою,
Злую красу твою,
Лик без румянца.
Во славу твою грешу
Царским грехом гордыни.
Славное твоё имя —
Славно ношу.

Правит моими бурями
Марина — звезда — Юрьевна,
Солнце — среди — звёзд.

Крест золотой скинула,
Чёрный ларец сдвинула,
Маслом святым ключ
Масляный — легко движется.
Чёрную свою книжищу
Вынула чернокнижница.

Знать, уже делать нечего,
Отошел от нее от плечика
Ангел,— пошел несть
Господу злую весть:
— Злые, Господи, вести!
Загубил ее вор-прелестник!

Марина! Димитрий! С миром,
Мятежники, спите, милые.
Над нежной гробницей ангельской
За вас, в соборе Архангельском,
Большая свеча горит.

29—30 марта 1916

1

Облака — вокруг,
 Купола — вокруг.
 Надо всей Москвой
 — Сколько хватит рук! —
 Возношу тебя, бремя лучшее,
 Деревцо мое
 Невесомое!

В дивном граде сем,
 В мирном граде сем,
 Где и мертвой мне
 Будет радостно —
 Царевать тебе, горевать тебе,
 Принимать венец,
 О мой первенец!

Ты постом — говей,
 Не сурьми бровей
 И все сорок — чтѣ —
 Сороков церквей.
 Исходи пешком — молодым шажком! —
 Всѣ привольное
 Семихолмие.

Будет твоѣй черед:
 Тоже — дочери
 Передашь Москву
 С нежной горечью.
 Мне же — вольный сон, колокольный звон,
 Зори ранние
 На Ваганькове.

31 марта 1916

2

Из рук моих — нерукотворный град
 Прими, мой странный, мой прекрасный брат.

По цѣрковке — всё сорок сороков,
 И реющих над ними голубков;

И Спасские — с цветами — воротá,
Где шапка православного снята;

Часовню звёздную — приют от зол —
Где вытертый — от поцелуев — пол;

Пятисоборный несравненный круг
Прими, мой древний, вдохновенный друг.

К Нечаянныя Радости в саду
Я гостя чужеземного сведу.

Червонные возблещут купола,
Бессонные взгремят колокола,

И на тебя с багряных облаков
Уронит Богородица покров,

И встанешь ты, исполнен дивных сил...
— Ты не расскаешься, что ты меня любил.

31 марта 1916

3

Мимо ночных башен
Площади нас мчат.
Ох, как в ночь страшен
Рёв молодых солдат!

Греми, громкое сердце!
Жарко целуй, любовь!
Ох, этот рёв зверский!
Дерзкая — ох! — кровь.

Мой — рот — разгарчив,
Даром, что свят — вид.
Как золотой ларчик
Иверская горит.

Ты озорство прикончи,
Да засвети свечу,
Чтобы с тобой нонче
Не было — как хочу.

31 марта 1916

Настанет день — печальный, говорят!
 Отцарствуют, оплачут, отгорят,
 — Остужены чужими пятаками —
 Мои глаза, подвижные как пламя.
 И — двойника нащупавший двойник —
 Сквозь легкое лицо проступит лик.

О, наконец тебя я удостоюсь,
 Благообразия прекрасный пояс!

А издали — завижу ли и Вас? —
 Потянется, растерянно крестясь,
 Паломничество по дорожке черной
 К моей руке, которой не отдерну,
 К моей руке, с которой снят запрет,
 К моей руке, которой больше нет.

На ваши поцелуй, о, живые,
 Я ничего не возражу — впервые.
 Меня окутал с головы до пят
 Благообразия прекрасный плат.
 Ничто меня уже не вгонит в краску.
 Святая у меня сегодня Пасха.

По улицам оставленной Москвы
 Поеду — я, и побредете — вы.
 И не один дорогою отстанет,
 И первый ком о крышку гроба грянет,—
 И наконец-то будет разрешен
 Себялюбивый, одинокий сон.

И ничего не надобно отныне
 Новопреставленной болярыне Марине.

*11 апреля 1916,
 первый день Пасхи*

Над городом, отвергнутым Петром,
 Перекатился колокольный гром.

Гремучий опрокинулся прибой
 Над женщиной, отвергнутой тобой.

Царю Петру и Вам, о царь, хвала!
Но выше вас, цари, колокола.

Пока они гремят из синевы —
Неоспоримо первенство Москвы.

— И целых сорок сороков церквей
Смеются над гордынею царей!

28 мая 1916

6

Над синевою подмосковных рощ
Накрапывает колокольный дождь.
Бредут слепцы калужскою дорогою —

Калужской, песенной, привычной, и она
Смывает и смывает имена
Смиранных странников, во тьме поющих Бога.

И думаю: когда-нибудь и я,
Устав от вас, враги, от вас, друзья,
И от уступчивости речи русской —

Одену крест серебряный на грудь,
Перекрещусь — и тихо тронусь в путь
По старой по дороге по калужской.

Троицын день, 1916

7

Семь холмов — как семь колоколов,
На семи колоколах — колокольни.
Всех счетом: сорок сороков, —
Колокольное семихолмие!

В колокольный я, во червонный день
Иоанна родилась Богослова.
Дом — пряник, а вокруг плетень
И церковки златоголовые.

И любила же, любила же я первый звон —
Как монашки потекут к обедне,
Вой в печке, и жаркий сон,
И знахарку с двора соседнего.

— Провожай же меня, весь московский сброд,
Юродивый, воровской, хлыстовский!
Поп, крепче позаткни мне рот
Колокольной землей московскою!

8 июля 1916

8

Москва! Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси — бездомный.
Мы все к тебе придем.

Клеймо позорит плечи,
За голенищем — нож.
Издалекá-далече
Ты всё же позовешь.

На каторжные клейма,
На всякую болеть —
Младенец Пантелеймон
У нас, целитель, есть.

А вон за тою дверцей,
Куда народ валит —
Там Иверское сердце,
Червонное, горит.

И льется аллилуйя
На смуглые поля.
— Я в грудь тебя целую,
Московская земля!

8 июля 1916

9

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботный:
Иоанн Богослов.

Мне и доньше
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

16 августа 1916

96

Говорила мне бабка лютая,
Коромыслом от злости гнутая:
— Не дремать тебе в люльке дитятка,
Не белить тебе пряжи вытканной,
Царевать тебе — под заборами,
Целовать тебе, внучка — вóрона.

Ровно облако побелела я:
Вынимайте рубашку белую,
Жеребка не гоните черного,
Не поите попа соборного,
Вы кладите меня под яблоней,
Без моления, да без ладана.

Поясной поклон, благодарствие
За совет, да за милость царскую,
За карманы твои порожние,
Да за песни твои острожные,
За позор пополам со смутю,—
За любовь за твою за лютую.

Как ударит соборный колокол —
Сволокут меня черти вóлоком.
Я за чаркой, с тобою рóспитой
Говорила, скажу и Господу —
Что любила тебя, мальчоночка,
Пуще славы и пуще солнышка.

1 апреля 1916

Да с этой львиною
 Златою россыпью,
 Да с этим поясом,
 Да с этим посвистом —
 Как не бежать за ним
 По бѣлу по свету —
 За этим поясом,
 За этим посвистом!

Иду по улице —
 Народ сторонится:
 Как от разбойницы,
 Как от покойницы.
 Уж знают все, каким
 Молюсь угодникам —
 Да по зелененьким
 Да по часовенкам.

Моя, подруженьки,
 Моя, моя вина.
 Из голубого льна
 Не тките савана.
 На вечный сон за то
 Что не спала одна
 Под дикой яблоней
 Ложусь без ладана.

2 апреля 1916 (Вербная Суббота)

Веселись, душа, пей и ешь!
 А настанет срок —
 Положите меня промеж
 Четырех дорог.

Там, где во поле во пустом
 Воронье да волк,
 Становись надо мной крестом,
 Раздорожный столб!

Не чуралася я в ночи
Окаянных мест.
Высоко́ надо мной торчи,
Безымянный крест.

Не один из вас, дру́ги, мной
Был и сыт и пьян.
С головою меня укрой,
Полевой бурьян.

Не запаливайте свечу
Во церковной мгле.
— Вечной памяти не хочу
На родной земле!

4 апреля 1916

99

Всюду бегут дороги,
По лесу, по пустыне,
В ранний и поздний час.

Люди по ним ходят,
Ходят по ним дроги,
В ранний и поздний час.

Топчут песок и глину
Страннические ноги,
Топчут кремeнь и грязь...

Кто на ветру — убогий?
Всяк на большой дороге —
Переодетый князь!

Треплются их отрепья
Всюду, где небо — сине,
Всюду, где Бог — судья.

Сталкивает их цепи,
Смешивает отрепья
Па́рная колея.

Так по земной пустыне,
Кинув земную пажить
И сторонясь жилья,

Нищенствуют и княжат —
Каторжные княгини,
Каторжные князья.

Вот и сошлись дороги,
Вот мы и сшиблись клином.
Темен, ох, темен час.

Это не я с тобою,—
Это беда с бедою
Каторжная — сошлась.

Что же! Целуй в губы,
Коли тебя, любый,
Бог от меня не спас.

Всех по одной дороге
Поволокут дроги —
В ранний ли, поздний час.

5 апреля 1916

100

Люди на душу мою льстятся,
Нежных имен у меня — святцы.

А восприёмников за душой —
Цельный, поди, монастырь мужской!

Уж и священники эти лстивы!
Каждый-то день у меня крестины!

Этот — орлицей, синицей — тот,—
Всяк по иному меня зовет.

У тяжелейшей из всех преступниц —
Сколько заступников и заступниц!

Лягут со мною на вечный сон
Нежные святцы моих имен.

Звали — равно, называли — разно.
Всё называли, никто не назвал.

6 апреля 1916

Коли милым назову — не соскучишься!
 Богородицей — слыву — Троеручицей:
 Одной — крепости крушу, друга — тамотка,
 Третьей по морю пишу — рыбам грамотку.

А немилый кто взойдет да придвинется,
 Подивится весь народ, что за схимница!
 Филин ухнет, черный кот ошетинится,
 Будешь помнить целый год — чернокнижницу!

Чорт: ползком не продерусь! — а мне едется!
 Хочешь, с зеркальцем пройду — в гололедицу?
 Ради барских твоих нужд — хошь в метельщицы!
 Только в мамки — не гожусь — в колыбельщицы!

Коль похожа на жену — где повойник мой?
 Коль похожа на вдову — где покойник мой?
 Коли суженого жду — где бессонница?
 Царь-Девичество живу — беззаконницей!

6 апреля 1916

Обвела мне глаза кольцом
 Теневым — бессонница.
 Оплела мне глаза бессонница
 Теневым венцом.

То-то же! По ночам
 Не молись — идолам!
 Я твою тайну выдала,
 Идолопоклонница.

Мало — тебе — дня,
 Солнечного огня!

Пару моих колец
 Носи, бледноликая.
 Кликала — и накликала
 Теневой венец.

Мало — меня — звала?
Мало — со мной — спала?

Ляжешь, легка лицом.
Люди поклонятся.
Буду тебе чтецом
Я, бессонница:

— Спи, успокоена,
Спи, удостоена,
Спи, увенчана,
Женщина.

Чтобы — спалось — легче,
Буду — тебе — певчим:

— Спи, подруженька
Неугомонная,
Спи, жемчужинка,
Спи, бессонная.

И кому ни писали писем,
И кому с тобой ни клялись мы...

Вот и разлучены
Неразлучные.
Вот и выпущены из рук
Твои рученьки.

Вот ты и отмучилась.
Милая мученица.

Сон — свят.
Всё — спят.
Венец — снят.

8 апреля 1916

В оны дни ты мне была как мать,
Я в ночи тебя могла позвать,
Свет горячечный, свет бессонный,
Свет очей моих в ночи оны.

Благодатная, вспомяни
Незакатные оны дни,
Материнские и дочерние,
Незакатные, невечерние.

Не смущать тебя пришла — прощай!
Только платья поцелую край,
Да взгляну тебе очами в очи,
Зацелованные в оны ночи.

Будет день — умру — и день — умрешь,
Будет день — пойму — и день — поймешь...
И вернется нам в день прощёный
Невозвратное время оно.

26 апреля 1916

104

Я пришла к тебе черной полночью,
За последней помощью.
Я бродяга, родства не помнящий,
Корабль тонущий.

В слободах моих — междуцарствие,
Чернецы коварствуют.
Всяк рядится в одежды царские,
Псари — царствуют.

Кто земель моих не оспаривал?
Сторожей не спаивал?
Кто в ночи не варил — варева,
Не жег — зарева?

Самозванцами, псами хищными,
Я до тла расхищена.
У палат твоих, царь истинный,
Стою — нищая!

27 апреля 1916

Продаю! продаю! продаю!
 Поспешайте, господа хорошие!
 Золотой товар продаю,
 Чистый товар, не ношенный,
 Не сквозной, не крашенный,—
 Не запрашиваю!

Мой товар — на всякий лад, на всякий вкус.
 — Держись, коробейники! —
 Не дорожусь! не дорожусь! не дорожусь!
 Во что оцените.
 Носи — не сносишь,
 Бросай — не сбросишь.

Эй, товары хороши-то-хороши!
 Эй, выкладывайте красные гроши!
 Да молитесь за помин моей души!

28 апреля 1916

106—112. СТИХИ К БЛОКУ

1

Имя твое — птица в руке,
 Имя твое — льдинка на языке.
 Одно единственное движение губ.
 Имя твое — пять букв.
 Мячик, пойманный на лету,
 Серебряный бубенец во рту.

Камень, кинутый в тихий пруд,
 Всхлипнет так, как тебя зовут.
 В легком щелканье ночных копыт
 Громкое имя твое гремит.
 И назовет его нам в висок
 Звонко щелкающий курок.

Имя твое — ах, нельзя! —
 Имя твое — поцелуй в глаза,

В нежную стужу недвижных век,
Имя твое — поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной, голубой глоток.
С именем твоим — сон глубок.

15 апреля 1916

2

Нежный призрак,
Рыцарь без укоризны,
Кем ты призван
В мою молодую жизнь?

Во мгле — сизой
Стоишь, ризой
Снеговой одет.

То не ветер
Гонит меня по городу,
Ох, уж третий
Вечер я чую вóрога.

Голубоглазый
— Меня — сглазил
Снеговой певец.

Снежный лебедь
Мне пóд ноги перья стелет.
Перья реют
И медленно никнут в снег.

Так, по перьям,
Иду к двери,
За которой — смерть.

Он поет мне
За синими окнами,
Он поет мне
Бубенцами далекими,

Длинным криком,
Лебединым кликом
Зовет.

Милый призрак!
Я знаю, что всё мне снится.
Сделай милость:
Аминь, аминь, рассыпся!
Аминь.

1 мая 1916

3

Ты проходишь на запад солнца,
Ты увидишь вечерний свет.
Ты проходишь на запад солнца,
И метель замечает след.

Мимо окон моих — бесстрастный
Ты пройдешь в снеговой тиши,
Божий праведник мой прекрасный,
Свете тихий моей души!

Я на душу твою — не зарюсь!
Нерушима твоя стезя.
В руку, бледную от лобзаний,
Не вобью своего гвоздя.

И по имени не окликну,
И руками не потянусь.
Восковому, святому лику
Только издали поклонюсь.

И, под медленным снегом стою,
Опущусь на колени в снег,
И во имя твое святое
Поцелую вечерний снег —

Там, где поступью величавой
Ты прошел в гробовой тиши,
Свете тихий, святые славы,
Вседержитель моей души.

2 мая 1916

Зверю — берлога,
 Страннику — дорога,
 Мертвому — дроги.
 Каждому — свое.

Женщине — лукавить,
 Царю — править,
 Мне — славить
 Имя твое.

2 мая 1916

У меня в Москве — купола горят,
 У меня в Москве — колокола звонят,
 И гробницы, в ряд, у меня стоят,
 В них царицы спят, и цари.

И не знаешь ты, что зарей в Кремле
 Легче дышится — чем на всей земле!
 И не знаешь ты, что зарей в Кремле
 Я молюсь тебе — до зари.

И проходишь ты над своей Невой
 О ту пору, как над рекой-Москвой
 Я стою с опущенной головой,
 И слипаются фонари.

Всей бессонницей я тебя люблю,
 Всей бессонницей я тебе внемлю
 О ту пору, как по всему Кремлю
 Просыпаются звонари.

Но моя река — да с твоей рекой,
 Но моя рука — да с твоей рукой
 Не сойдутся, Радость моя, доколь
 Не догонит заря — зари.

7 мая 1916

Думали — человек!
 И умереть заставили.
 Умер теперь. Навек.
 — Плачьте о мертвом ангеле!

Он на закате дня
 Пел красоту вечернюю.
 Три восковых огня
 Треплются, суеверные.

Шли от него лучи —
 Жаркие струны по снегу.
 Три восковых свечи —
 Солнцу-то! светоносному!

О, поглядите,— как
 Веки ввалились темные!
 О, поглядите,— как
 Крылья его поломаны!

Черный читает чтец,
 Топчутся люди праздные...
 — Мертвый лежит певец
 И воскресенье празднует.

9 мая 1916

Должно быть — за той рощей
 Деревня, где я жила.
 Должно быть — любовь проще
 И легче, чем я ждала.

— Эй, идолы, чтоб вы сдохли!
 Привстал и занес — кнут,
 И окрику вслед — охлест,
 И вновь бубенцы поют.

Над валким и жалким хлебом
 За жердью встает — жердь.
 И проволока под небом
 Поет и поет смерть.

13 мая 1916

И тучи оводов вокруг равнодушных кляч,
 И ветром вздутый калужский родной кумач,
 И по́свист перепелов, и большое небо,
 И волны колоколов над волнами хлеба,
 И толк о немце, доколе не надоест,
 И желтый-желтый — за синию рощей — крест,
 И сладкий жар, и такое на всем сиянье,
 И имя твое, звучащее словно: ангел.

18 мая 1916

Руки люблю
 Целовать и люблю
 Имена раздавать
 И еще — раскрывать
 Двери!
 — Настежь — в темную ночь!

Голову сжав,
 Слушать, как тяжкий шаг
 Где-то легчает,
 Как ветер качает
 Сонный, бессонный
 Лес.

Ах, ночь!
 Где-то бегут ключи,
 Ко сну — клонит.
 Сплю почти.
 Где-то в ночи
 Человек тонет.

27 мая 1916

1

О муза плача, прекраснейшая из муз!
 О ты, шальное исчадие ночи белой!
 Ты черную насылаешь метель на Русь,
 И вопли твои вонзаются в нас как стрелы.

И мы шарахаемся, и глухое: ох! —
 Стотысячное — тебе присягает. — Анна
 Ахматова! — Это имя — огромный вздох
 И в глубь он падает, которая безымянна.

Мы коронованы тем, что одну с тобой
 Мы землю топчем, что небо над нами — то же!
 И тот, кто ранен смертельной твоей судьбой,
 Уже бессмертным на смертное сходит ложе.

В певучем граде моем купола горят,
 И Спаса светлого славит слепец бродячий...
 — И я дарю тебе свой колокольный град
 — Ахматова — и сердце свое в придачу!

19 июня 1916

2

Охватила голову и стою,
 — Чтò людские козни! —
 Охватила голову и пою
 На заре на поздней.

Ах, неистовая меня волна
 Подняла на гребень!
 Я тебя пою, что у нас — одна,
 Как луна на небе!

Что, на сердце вóроном налетев —
 В облака вонзилась.
 — Горбоносую — чей смертелен гнев
 И смертельна — милость.

Что и над червонным моим Кремлем
Свою ночь простерла,
Что певучей негою — как ремнем
Мне стянула горло.

Ах, я счастлива! Никогда заря
Не сгорала — чище.
Ах, я счастлива, что тебя даря,
Удаляюсь — нищей,

Что тебя, чей голос — о глубь, о мгла! —
Мне дыханье сузил,
Я впервые именем назвала
Царскосельской Музы.

22 июня 1916

3

Еще один огромный взмах —
И спят ресницы.
О, тело милое! О, прах
Легчайшей птицы!

Что делала в тумане дней?
Ждала и пела...
Так много вздоха было в ней,
Так мало — тела.

Нечеловечески-мила
Ее дремота.
От ангела и от орла
В ней было что-то.

И спит, а хор ее манит
В сады Эдема.
Как будто песнями не сыт
Уснувший демон.

Часы, года, века. Ни нас,
Ни наших комнат.
И памятник, накоренясь,
Уже не помнит.

Давно бездействует метла,
И никнут льстиво
Над Музой Царского Села
Кресты крапивы.

23 июня 1916

4

Имя ребенка — Лев,
Матери — Анна.
В имени его — гнев,
В материнском — тишь.
Вóлосом — он — рыж
— Голова тюльпана! —
Что ж — осанна! —
Маленькому царю.

Дай ему Бог — вздох
И улыбку — матери,
Взгляд — искателя
Жемчугов.
Бог, внимательнее
За ним присматривай:
Царский сын — гадательней
Остальных сынов.

Рыжий львеныш
С глазами зелеными,
Страшное наследье тебе нести!
Северный Океан и Южный
И нить жемчужных
Черных четок — в твоей горсти!

24 июня 1916

5

Сколько спутников и друзей!
Ты никому не вторишь.
Правят юностью нежной сей —
Гордость и горечь.

Помнишь бешеный день в порту,
Южных ветров угрозы,
Рев Каспия — и во рту
Крылышко розы.

Как цыганка тебе дала
Камень в резной оправе,
Как цыганка тебе врала
Что-то о славе...

И — высоко у парусов —
Отрока в синей блузе.
Грѳм мѳря — и грозный зов
Раненой Музы.

25 июня 1916

6

Не отстать тебе. Я — острожник,
Ты — конвойный. Судьба одна.
И одна в пустоте порожней
Подорожная нам дана.

Уж и нрав у меня спокойный!
Уж и очи мои ясны!
Отпусти-ка меня, конвойный,
Прогуляться до той сосны!

26 июня 1916

7

Ты, срывающая покров
С катафалков и с колыбелей,
Разъярительница ветров,
Насылательница метелей,

Лихорадок, стихов и войн,
— Чернокнижница! Крепостница! —
Я слышала грозный вой
Львов, вещающих колесницу.

Слышу страстные голоса —
И один, что молчит упорно,
Вижу красные паруса —
И один — между ними — черный.

Океаном ли правишь путь,
Или воздухом — всею грудью
Жду, как солнцу подставив грудь
Смертоносному правосудью.

26 июня 1916

8

На базаре кричал народ,
Пар вылетал из булочной.
Я запомнила алый рот
Узколицей певицы уличной.

В темном, с цветиками, платке
— Милости удостоиться —
Ты, потупленная, в толпе
Богомолк у Сергей-Троицы.

Помолись за меня, краса
Грустная и бесовская,
Как поставят тебя леса
Богородицею хлыстовскою.

27 июня 1916

9

Златоустой Анне — всея Руси
Искупительному глаголу —
Ветер, голос мой донеси
И вот этот мой вздох тяжелый.

Расскажи, сгорающий небосклон,
Про глаза, что черны от боли,
И про тихий земной поклон
Посреди золотого поля.

Ты, зеленоводный лесной ручей,
Расскажи, как сегодня ночью
Я взглянула в тебя — и чей
Лик узрела в тебе воочью.

Ты, в грозовой выси
Обретенный вновь!
Ты! Безымянный!
Донеси любовь мою
Златоустой Анне — всяя Руси!

27 июня 1916

10

У тонкой проволоки над волной овсов
Сегодня голос — как тысяча голосов!

И бубенцы проезжие — свят! свят! свят! —
Не тем же ль голосом, Господи, говорят.

Стою, и слушаю, и растираю колос,
И темным куполом меня замыкает — голос.

Не этих ивовых плавающих ветвей
Касаюсь истово — а руки твоей!

Для всех в томленье славящих твой подъезд —
Земная женщина, мне же — небесный крест!

Тебе одной ночами кладу поклоны,—
И всё *твоими* очами глядят иконы!

1 июля 1916

11

Ты солнце в выси мне застишь,
Всё звезды в твоей горсти!
Ах, если бы — двери настешь! —
Как ветер к тебе войти!

И залепетать, и вспыхнуть,
И круто потупить взгляд,
И, всхлипывая, затихнуть,
Как в детстве, когда простят.

2 июля 1916

Руки даны мне — протягивать каждому обе —
 — Не удержать ни одной, губы — давать имена,
 Очи — не видеть, высокие брови над ними —
 Нежно дивиться любви и — нежней — нелюбви.

А этот колокол там, что кремлевских тяжёле,
 Безостановочно ходит и ходит в груди,—
 Это — кто знает? — не знаю — быть может — должно
 быть —

Мне загоститься не дать на российской земле.

2 июля 1916

Белое солнце и низкие, низкие тучи,
 Вдоль огородов — за белой стеною — погост.
 И на песке вереницы соломенных чучел
 Под перекладами в человеческий рост.

И, перевесившись через заборные колья,
 Вижу: дороги, деревья, солдаты вразброд.
 Старая баба — посыпанный крупной солью
 Черный ломоть у калитки жует и жует...

Чем прогневили тебя эти серые хаты —
 Господи! — и для чего стольким простреливать грудь?
 Поезд прошел и завыл, и завывали солдаты,
 И запыхал, запыхал отступающий путь...

— Нет, умереть! Никогда не родиться бы лучше,
 Чем этот жалобный, жалостный, каторжный вой
 О чернобровых красавицах.— Ох, и поют же
 Нынче солдаты! О Господи Боже ты мой!

3 июля 1916

В огромном городе моем — ночь.
 Из дома сонного иду — прочь.
 И люди думают: жена, дочь —
 А я запомнила одно: ночь.

Июльский ветер мне метет — путь,
И где-то музыка в окне — чуть.
Ах, нынче ветру до зари — дуть
Сквозь стенки тонкие грудй — в грудь.

Есть черный тополь, и в окне — свет,
И звон на башне, и в руке — цвет,
И шаг вот этот — никому — вслед,
И тень вот эта, а меня — нет.

Огни — как нити золотых бус,
Ночного листика во рту — вкус.
Освободите от дневных уз,
Друзья, поймите, что я вам — снюсь.

17 июля 1916
Москва

129

После бессонной ночи слабеет тело,
Милым становится и не своим, — ничьим.
В медленных жилах еще занывают стрелы —
И улыбаешься людям — как серафим.

После бессонной ночи слабеют руки,
И глубоко равнодушен и враг и друг.
Целая радуга — в каждом случайном звуке,
И на морозе Флоренцией пахнет вдруг.

Нежно светлеют губы, и тень золоче
Возле запавших глаз. Это ночь зажгла
Этот светлейший лик, — и от темной ночи
Только одно темнеет у нас — глаза.

19 июля 1916

130

Нынче я гость небесный
В стране твоей.
Я видела бессонницу леса
И сон полей.

Где-то в ночи подковы
Взрывали траву.
Тяжко вздохнула корова
В сонном хлеву.

Расскажу тебе с грустью,
С нежностью всей
Про сторожа-гуся
И спящих гусей.

Руки тонули в песьей шерсти,
Пес был — сед.
Потом, к шести,
Начался рассвет.

20 июля 1916

131

Вдруг вошла
Черной и стройной тенью
В дверь дилижанса.
Ночь
Ринулась вслед.

Черный плащ
И черный цилиндр с вуалью.
Через руку
В крупную клетку — плед.
Если не хочешь муку
Принять — спи, сосед!

Шаг лунатика. Лик
Узок и ярок.
Горячи
Глаз черные дыры.
Скользнул на колени
Платок нашейный
И вонзились
Острия локтей в острия колен.

В фонаре
Чахлый чадит огарок.

Дилижанс — корабль,
Дилижанс — корабль.
Лес

Ломится в окна.
Скоро рассвет.

Если не хочешь муку
Принять — спи, сосед!

23 июля 1916

132

Искательница приключений —
Искатель подвигов — опять
Нам волей роковых стечений
Друг друга суждено узнать.

Но между нами — океан,
И весь твой лондонский туман,
И розы свадебного пира,

И доблестный британский лев,
И пятой заповеди гнев,—
И эта ветренная лира!

Мне и тогда на земле
Не было места!
Мне и тогда на земле
Всюду был дом.

— А Вас ждала прелестная невеста
В поместье родовом.

По ночам, в дилижансе,
И за бокалом Асти,
Я слагала Вам стансы
О прекрасной страсти.

Гнал веттурино,
Пиньи клонились: — *Salve!*
Звали меня — Коринной,
Вас — Освальдом.

24 июля 1916

1

Села я на подоконник, ноги свесив.
Он тогда спросил тихонечко: — Кто здесь?
— Это я пришла.— Зачем? — Сама не знаю.
— Время позднее, дитя, а ты не спишь.

— Я луну увидела на небе,
Я луну увидела и луч.
Упирался он в твое окошко,—
Оттого, должно быть, я пришла...

О, зачем тебя назвали Даниилом?
Всё мне снится, что тебя терзают львы!

26 июля 1916

2

Наездницы, развалины, псалмы,
И вереском поросшие холмы,
И наши кони смирные бок о бок,
И подбородка львиная черта,
И пасторской одежды чернота,
И синий взгляд, пронзителен и робок.

Ты к умирающему едешь в дом,
Сопровождаю я тебя верхом.
(Я — девочка,— с тебя никто не спросит!)
Поет рожок меж сосенных стволов...
— Что означает, толкователь снов,
Твоих кудрей довременная проседь?

Озерная блеснула синева,
И мельница взметнула рукава,
И отвернув куда-то взгляд горячий,
Он говорит про бедную вдову —
Что надобно любить Иегову —
И что не надо плакать мне — как пла́чу.

Запахло яблонями и дымком
— Мы к умирающему едем в дом —

Он говорит, что в мире всё нам — снится,
Что волосы мои сейчас как шлем...
Что всё пройдет... — молчу — и надо всем
Улыбка Даниила-тайновидца.

26 июля 1916

3

В полнолуние кони фыркали,
К девушкам ходил цыган.
В полнолуние в красной кирке
Сам собою заиграл орган.

По лугу металась паства
С воплями: — Конец земли!
Утром молодого пастора
У органа — мертвого нашли.

На его лице серебряном
Были слезы. Целый день
Притекали данью щедрой
Розы из окрестных деревень.

А когда покойник прибыл
В мирный дом своих отцов —
Рыжая девчонка Библию
Запалила с четырех концов.

28 июля 1916

136

Сегодня ночью я одна в ночи
— Бессонная, бездомная черница! —
Сегодня ночью у меня ключи
От всех дверей единственной столицы!

Бессонница меня толкнула в путь.
— О как же ты прекрасен, тусклый Кремль мой! —
Сегодня ночью я целую в грудь
Всю круглую воющую землю!

Вздымаются не волосы — а мех,
И душный ветер прямо в душу дует.
Сегодня ночью я жалею всех —
Кого жалеют и кого целуют!

1 августа 1916

137

Не моя печаль, не моя забота —
Как взойдет посев.
То не я хочу, то огромный кто-то:
И ангел, и лев.

Стерегу в глазах молодых — истому,
Черноту и жар.
Так от сердца к сердцу, от дома к дому
Вздымаю пожар.

Разметались кудри, разорван ворот —
Пустота! Полет!
Облака плывут, и горящий город
Подо мной плывет.

2 августа 1916

138

Нежно-нежно, тонко-тонко
Что-то свистнуло в сосне,
Черноглазого ребенка
Я увидела во сне.

Так у сосенки у красной
Каплет жаркая смола.
Так в ночи моей прекрасной
Ходит по сердцу пила.

8 августа 1916

Черная как зрачок, как зрачок сосущая
Свет — люблю тебя, зоркая ночь.

Голосу дай мне воспеть тебя, о праматерь
Песен, в чьей длани узда четырех ветров.

Клича тебя, славословя тебя, я только
Раковина, где еще не умолк океан.

Ночь! — Я уже нагляделась в зрачки человека!
Испепели меня, черное солнце — ночь!

9 августа 1916

Бог согнулся от заботы
И затих.
Вот и улыбнулся, вот и
Много ангелов святых
С лучезарными телами
Сотворил.
Есть с огромными крылами,
А бывают и без крыл.

Оттого и плачу много,
Оттого —
Что влюбила больше Бога
Милых ангелов его.

15 августа 1916

И другу на руку легло
Крылатки тонкое крыло.

— Что я поистине крылата
Ты понял, спутник по беде!
Но, ах, не справиться тебе
С моею нежностью проклятой!

И, благодарный за тепло,
Целуешь тонкое крыло.

А ветер гасит огоньки
И треплет пестрые палатки,
А ветер от твоей руки
Отводит крылышко крылатки...

И дышит: душу не губи!
Крылатых женщин не люби!

21 сентября 1916

142

И не плача зря
Об отце и матери — встать, и с Богом
По большим дорогам
В ночь — без собаки и фонаря.

Воровская у ночи пасть:
Стыд поглотит и с Богом тебя разлúчит.
А зато научит
Петь и — в глаза улыбаясь — красть.

И кого-то звать
Длинным свистом на перекрестках черных,
И чужих покорных
Жен под деревьями целовать.

Наливается поле льдом —
Или колосом — всё по дорогам — чудно!
Только в сказке блудный
Сын — возвращается в отчий дом.

10 октября 1916

143

Целую червонные листья и сонные рты:
Летающие листья и спящие рты.
— Я в мире иной не искала корысти.—
Спите, спящие рты.
Летите, летающие листья!

17 октября 1916

Погоди, дружок!
 Не довольно ли нам камень городской толочь?
 Зайдем в погребок,
 Скоротаем ночь.

Там таким — приют,
 Там целуются и пьют, вино и слезы льют,
 Там песни поют,
 Пить и есть дают.

Там в печи — дрова,
 Там тихонечко гуляет в смуглых пальцах — нож.
 Там и я — права,
 Там и ты — хорош.

Там одна — темней
 Темной ночи, и никто-то не подсядет к ней!
 Ох, взгляд у ней!
 Ох, голос у ней!

22 октября 1916

Кабы нас с тобой — да судьба свела —
 Ох, веселые пошли бы по земле дела!
 Не один бы нам поклонился град,
 Ох, мой родный, мой природный, мой безродный брат!

Как последний сгас на мосту фонарь —
 Я кабацкая царица, ты кабацкий царь.
 Присягай, народ, моему царю!
 Присягай его царице, — всех собой дарю!

Кабы нас с тобой — да судьба свела —
 Поработали бы царские на нас колокола,
 Поднялся бы звон по Москве-реке
 О прекрасной самозванке и ее дружке.

Нагулявшись, наплясавшись на земном пиру,
 Покачались бы мы, братец, на ночном ветру...
 И пылила бы дороженька — бела, бела —
 Кабы нас с тобой — да судьба свела!

25 октября 1916

Каждый день всё кажется мне: суббота!
Зазвонят колокола, ты войдешь.
Богородица из золотого киота
Улыбнется — как ты хорош.

Что ни ночь — то чудится мне: под камнем
Я, и камень сей на сердце как длань.
И не встану я, пока не скажешь, пока мне
Не прикажешь: — Девица, встань!

8 ноября 1916

По дорогам, от мороза звонким,
С царственным серебряным ребенком
Прохожу. Всё — снег, всё — смерть, всё — сон.

Небо в розовом морозном дыме.
Было у меня когда-то — имя,
Было — тело, но не всё ли — дым?

Голос был, горячий и глубокий...
Говорят, что тот голубокий
Горностаевый ребенок — мой.

И никто не видит по дороге,
Что давным-давно уж я во гробе
Досмотрела свой огромный сон.

15 ноября 1916

Кто спит по ночам? никто не спит!
Ребенок в люльке своей кричит,
Старик над смертью своей сидит,
Кто молод — с милою говорит,
Ей в губы дышит, в глаза глядит.

Заснешь — проснешься ли здесь опять?
Успеем, успеем, успеем спать!

А зоркий сторож из дома в дом
Проходит с розовым фонарем.
И дробным рокотом над подушкой
Рокочет ярая колотушка:
— Не спи! крепись! говорю добром!
А то — вечный сон! А то — вечный дом!

12 декабря 1916

149

Вот опять окно,
Где опять не спят.
Может — пьют вино,
Может — так сидят.
Или просто — рук
Не разнимут двое.
В каждом доме, друг,
Есть окно такое.

Крик разлук и встреч
Ты, окно в ночь!
Может — сотни свеч,
Может — три свечи...

Нет и нет уму
Моему — покоя.
И в моем дому
Завелось такое.

Помолись, дружок, за бессонный дом,
За окно с огнем!

23 декабря 1916

ВЕРСТЫ

(1917—1920)

Анне Ахматовой

I

В их телегах походных заря:
Мариулы, Марины...

Стихи моей дочери

150

Мировое началось во мгле кочевье:
Это бродят по ночной земле — деревья,
Это бродят золотым вином — грозди,
Это странствуют из дома в дом — звезды,
Это реки начинают путь — вспять!
И мне хочется к тебе на грудь — спать.

14 января 1917

151

Только закрою горячие веки —
Райские розы, райские реки...

Где-то далече,
Как в забытьи,
Нежные речи
Райской змеи.

И узнаю,
Грустная Ева,
Царское древо
В круглом раю.

20 января 1917

Милые спутники, делившие с нами ночлег!
 Версты, и версты, и версты, и черствый хлеб...
 Рокот цыганских телег,
 Вспять убегающих рек —
 Рокот...

Ах, на цыганской, на райской, на ранней заре —
 Помните утренний ветер и степь в серебре?
 Синий дымок на горе,
 И о цыганском царе —
 Песню...

В черную полночь, под пологом древних ветвей
 Мы вам дарили прекрасных, как ночь, сыновей,
 Нищих, как ночь, сыновей...
 И рокотал соловей —
 Славу.

Не удержали вас, спутники чудной поры,
 Нищие неги и нищие наши пиры.
 Жарко пылали костры,
 Падали к нам на ковры —
 Звезды...

29 января 1917

В очи взглянула
 Тускло и грозно.
 Где-то ответил — гром.
 — Ох, молодая!
 Дай погадаю
 О земном талане твоём.

Синие тучи свились в воронку.
 Где-то гремит — гремят!
 Ворожея в моего ребенка
 Сонный вперила взгляд.

— Что же нам скажешь?
 — Всё без обману.

7.

11008

Ах, что за жизнь, за жизнь,

А жизнь — чужая вещь.

Чужая, чужая, чужая, чужая, чужая, чужая

Е. Лозан (Loban) — август 1930 г.

(В. В. Лозан — письмо августа 1930 г. и июня 1931 г. — паки. елики, но сейчас не могу найти. Замечу, что Лозан — Лозан. Переведено в мае 1938 г. в Вильнюс (руки)

... Ох, что же происходит,
Опрокинуты фельды!
Ох, что же происходит,
Полосы на берегах!

Луна

Во Вильнюсе — руны
Побави! Побави! и т.д.
Что падает из нас — итак
Зрели, прав, верно, и верно,
Твои сны и твои сны
Как падают падают
"Восстать, восстать"
"Восстать, восстать" ?

Медон, июнь 1931 г.

— Мне уже поздно,
Ей еще рано.

— Ох, придержи язык, красота!
Что до поры говорить «не верю». —
И распахнула карточный веер
Черная — вся в серебре — рука.

Речью дерзка,
Нравом проста,
Щедро живешь,
Красоты не копишь.
В ложке воды тебя — ох — потопит
Злой человек.

Скоро в ночи тебе путь неожиданный.
Линии — мало,
Мало — талану.
Позолоти!

И вырастает с ударом грома
Черный — на черном — туз.

19 мая 1917

154

В лоб целовать — заботу стереть.
В лоб целую.

В глаза целовать — бессонницу снять.
В глаза целую.

В губы целовать — водой напоить.
В губы целую.

В лоб целовать — память стереть.
В лоб целую.

5 июня 1917

Из-под копыт —
 Грязь летит!
 Перед лицом —
 Шаль, как щит.
 Без молодых
 Гуляйте, сваты!
 Эй, выноси,
 Конь лохматый!

Нé дали воли нам
 Отец и мать —
 Целое поле нам
 Брачная кровать!
 Пьян без вина и без хлеба сыт —
 Это цыганская свадьба мчит!

Полон стакан.
 Пуст стакан.
 Гóмон гитарный, луна и грязь.
 Вправо и влево качнулся стан.
 Князем — цыган!
 Цыганом — князь!
 Эй, господин, берегись,— жжет!
 Это цыганская свадьба пьет.

Там, на вóрохе
 Шалей и шуб —
 Звон и шорох
 Стали и губ.
 Звякнули шпоры,
 В ответ — мониста.
 Скрипнул под чьей-то рукою —
 Шелк.
 Кто-то завыл как волк,
 Кто-то — как бык — храпит.
 — Это цыганская свадьба спит.

25 июня 1917

Заклинаю тебя от злата,
 От полночной вдовы крылатой,
 От болотного злого дыма,
 От старухи, бредущей мимо.

Змеи под кустом,
 Воды под мостом,
 Дороги крестом,
 От бабы — постом.

От шали бухарской,
 От грамоты царской,
 От черного дела,
 От лошади белой!

27 апреля 1918

Я расскажу тебе — про великий обман:
 Я расскажу тебе, как ниспадает туман
 На молодые деревья, на старые пни.
 Я расскажу тебе, как погасают огни
 В низких домах, как пришелец египетских стран
 В узкую дудку под деревом дует цыган.

Я расскажу тебе — про великую ложь.
 Я расскажу тебе, как зажимается нож
 В узкой руке, как вздымаются ветром веков
 Кудри — у юных, и бороды — у стариков.

Рокот веков.
 Топот подков.

22 мая 1918

Пожирающий огонь — мой конь.
 Он копытами не бьет, не ржет.
 Где мой конь дохнул — родник не бьет,
 Где мой конь махнул — трава не растет.

Ох, огонь — мой конь — насытый едок!
Ох, огонь — на нем — насытый ездок!
С красной гривой свились волоса...
Огневая полоса — в небеса!

1 августа 1918

159

Каждый стих — дитя любви,
Нищий незаконнорожденный,
Первенец — у колен
На поклон ветрам — положенный.

Сердцу — ад и алтарь,
Сердцу — рай и позор.
Кто — отец? Может — царь,
Может — царь, может — вор.

1 августа 1918

160

Чтобы помнил не часочек, не годок —
Подарю тебе, дружок, гребешок.

Чтобы помнили подружек мил-дружки —
Есть на свете золотые гребешки.

Чтоб дружочку не пилось без меня —
Гребень, гребень мой, расческа моя!

Нет на свете той расчески чудней:
Струны — зубья у расчески моей.

Чуть притронешься — пойдет трескотня
Про меня одну, да всё про меня.

Чтоб дружочку не спалось без меня —
Гребень, гребень мой, расческа моя!

Чтобы чудился в жару и в поту
От меня ему вершочек — с версту,

Чтоб ко мне ему всё версты — с вершок —
Есть на свете золотой гребешок.

Чтоб дружочку не жилось без меня —
Семиструнная расческа моя!

20 октября 1918

161

Развела тебе в стакане
Горстку жженных волос.
Чтоб не елось, чтоб не пелось,
Не пилося, не спалось.

Чтобы младость — не в радость,
Чтобы сахар — не в сладость,
Чтоб не ладил в тьме ночной
С молодой женой.

Как власы мои златые
Стали серой золой,
Так года твои молодые
Станут белой зимой.

Чтоб ослеп-оглох,
Чтоб иссох, как мох,
Чтоб ушел, как вздох.

21 октября 1918

162

А во лбу моем — знай! —
Звезды горят.
В правой рученьке — рай,
В левой рученьке — ад.

Есть и шелковый пояс —
От всех мытарств.
Головою покоюсь
На Книге Царств.

Много ль нас таких
На святой Руси —
У ветров спроси,
У волков спроси.

Так из края в край,
Так из града в град.
В правой рученьке — рай,
В левой рученьке — ад.

Рай и ад намешала тебе в питье,
День единый теперь — житие твое.

Проводи, жених,
До седьмой версты!
Много нас таких
На святой Руси.

Июль 1919

163

Мой путь не лежит мимо дому — твоего.
Мой путь не лежит мимо дому — ничьего.

А всё же с пути сбиваюсь,
— Особо весной! —
А всё же по людям маюсь,
Как пес под луной.

Желанная всюду гостя:
Всем спать не даю!
Я с дедом играю в кости,
А с внуком — пою.

Ко мне не ревнуют жены:
Я голос и взгляд.
И мне ни один влюбленный
Не вывел палат.

Смешно от щедрот незваных
Мне ваших, купцы!
Сама воздвигаю за ночь —
Мосты и дворцы.

(А что говорю — не слушай!
Всё мелет — бабье!)
Сама поутру разрушу
Творенье свое.

Хоромы — как сноп соломы — ничего!
— Мой путь не лежит мимо дому — твоего.

27 апреля 1920

164

Проста моя осанка,
Нищ мой домашний кров.
Ведь я островитянка
С далеких островов!

Живу — никто не нужен,
Взошел — ночей не сплю.
Согреть чужому ужин —
Жилье свое спалю!

Взглянул — так и знакомый,
Взошел — так и живи!
Просты наши законы:
Написаны в крови.

Луну заманим с неба
В ладонь — коли мила!
Ну а ушел — как не был,
И я — как не была.

Гляжу на след ножевый:
Успеет ли зажечь
До первого чужого,
Который скажет: пить.

Август 1920

Целовалась с нищим, с вором, с горбачом,
 Со всей каторгой гуляла — нипочем!
 Алых губ своих отказом не тружу,—
 Прокаженный подойди — не откажу!

Пока́ молода —
 Всё как с гуся вода!
 Никогда никому — нет! —
 Всегда — да!

Што за дело мне, што рваный ты, босой:
 Без разбору я кошу, как Смерть косо́й.
 Говорят мне, что цыган-ты-конокрад,
 Про тебя еще другое говорят...

А мне что за беда —
 Что с копытом нога!
 Никогда никому — нет! —
 Всегда́ — да!..

Блещут, плещут, хлещут раны — кумачом.
 Целоваться я не стану — с палачом!

*Ноябрь 1920
 Москва*

II

И сказал Господь:
 — Молодая плоть,
 Встань!

И вздохнула плоть:
 — Не мешай, Господь,
 Спать.

Хочет только мира
 Дочь Иаира.

И сказал Господь:
 — Спи.

18 марта 1917

— Только живите! — Я уронила руки,
 Я уронила на руки жаркий лоб.
 Так молодая Буря слушает Бога —
 Где-нибудь в поле, в какой-нибудь темный час.

И на высокий вал моего дыханья
 Властная вдруг — словно с неба — ложится длань.
 И на уста мои — чьи-то уста ложатся.
 — Так молодую Бурю — слушает Бог.

20 июня 1917

Закинув голову и опустив глаза,
 Пред ликом Господа и всех святых — стою.
 Сегодня праздник мой, сегодня — суд.

Сонм юных ангелов смущен до слёз.
 Угрюмы праведники. Только ты,
 На тронном облаке, глядишь, как друг.

Что хочешь — спрашивай. Ты добр и стар
 И ты поймешь, что с эдаким в груди
 Кремлевским колоколом — лгать нельзя.

И ты поймешь, как страстно день и ночь
 Боролись Промысел и произвол
 В ворочающей жернова груди.

Так, смертной женщиной — опущен взор —
 Так, гневным ангелом — закинут лоб —
 В день Благовещенья, у Царских врат,
 Перед лицом твоим — гляди! — стою.

А голос, голубем покинув грудь,
 В червонном куполе обводит круг.

6 марта 1918

Плоти — плоть, духу — дух,
 Плоти — хлеб, духу — весть,
 Плоти — червь, духу — вздох,
 Семь венцов, семь небес.

Плачь же, плоть! Завтра — прах!
 Дух, не плачь. Славься, дух!
 Нынче — раб, завтра — царь
 Всем семи — небесам.

26 апреля 1918

170—171. ПСИХЕЯ

1

Не самозванка — я пришла домой,
 И не служанка — мне не надо хлеба.
 Я — страсть твоя, воскресный отдых твой,
 Твой день седьмой, твое седьмое небо.

Там на земле мне подавали грош
 И жерновов навешали на шею.
 — Возлюбленный! — Ужель не узнаешь?
 Я ласточка твоя — Психея!

2

На тебе, ласковый мой, лохмотья,
 Бывшие некогда нежной плотью.
 Всё истрепала, изорвала, —
 Только осталось, что два крыла.

Одень меня в свое великолепье,
 Помилуй и спаси.
 А бедные истлевшие отрепья —
 Ты в ризницу снеси.

30 апреля 1918

В черном небе — слова начертаны —
 И ослепли глаза прекрасные...
 И не страшно нам ложе смертное,
 И не сладко нам ложе страстное.

В поте — пишуший, в поте — пашущий!
 Нам знакомо иное рвение:
 Легкий огонь над кудрями пляшущий,—
 Дуновение — вдохновения!

1 мая 1918

Благословляю ежедневный труд,
 Благословляю еженощный сон.
 Господню милость — и Господень суд,
 Благой закон — и каменный закон.

И пыльный пурпур свой, где столько дыр...
 И пыльный посох свой, где все лучи!
 Еще, Господь, благословляю — мир
 В чужом дому — и хлеб в чужой печи.

8 мая 1918, канун Николина дня

Слезы, слезы — живая вода!
 Слезы, слезы — благая беда!
 Закипайте из жарких недр,
 Проливайтесь из жарких век.
 Гнев Господень широк и щедр —
 Да снесет его — человек.

Дай разок вздохнуть
 Свежим воздухом.
 Размахни мне грудь —
 Светлым посохом!

13 мая 1918

Руки, которые не нужны
Милому, служат — Миру.
Доблестным званьем Мирской Жены
Нас увенчала — Лира.

Много незваных на царский пир —
Надо им спеть на ужин!
Милый не вечен, но вечен — Мир.
Не понапрасну служим.

23 июня 1918

Как правая и левая рука —
Твоя душа моей душе близка.

Мы смежены, блаженно и тепло,
Как правое и левое крыло.

Но вихрь встает — и бездна пролегла
От правого — до левого крыла!

27 июня 1918

Рыцарь ангелоподобный —
Долг! — Небесный часовой!
Белый памятник надгробный
На моей груди живой.

За моей спиной крылатой
Вырастающий ключарь,
Еженощный соглядатай,
Ежеутренний звонарь...

Страсть, и юность, и гордыня —
Всё сдалось без мятежа,
Оттого что ты рабыне
Первый молвил: — Госпожа!

1 июля 1918

Доблесть и девственность! — Сей союз
 Древен и дивен как смерть и слава.
 Красною кровью своей клянусь
 И головою своей кудрявой —

Ноши не будет у этих плеч,
 Кроме божественной ноши — Мира!
 Нежную руку кладу на меч:
 На лебединую шею Лирь.

14 июля 1918

Так, высоко запрокинув лоб,
 — Русь молодая! — Слушай! —
 Опровергаю лихой поклев
 На Красоту и Душу.

Над кабаком, где грехи, гроши,
 Кровь, вероломство, дыры —
 Встань, Троиединство моей души:
 Лилия — Лебедь — Лира!

14 июля 1918

Что другим не нужно — несите мне!
 Всё должно сгореть на моем огне!
 Я и жизнь маню, я и смерть маню
 В легкий дар моему огню.

Пламень любит — легкие вещества:
 Прошлогодний хворост — венки — слова —
 Пламень — пышет с подобной пищи!
 Вы ж восстанете — пепла чище!

Птица-Феникс — я, только в огне пою!
 Поддержите высокую жизнь мою!
 Высоко горю — и горю до тла!
 И да будет вам ночь — светла!

Ледяной костер, огневой фонтан!
Высоко несу свой высокий стан,
Высоко несу свой высокий сан —
Собеседницы и Наследницы!

20 августа 1918

181

Я счастлива жить образцово и просто:
Как солнце — как маятник — как календарь.
Быть светской пустынноницей стройного роста,
Премудрой — как всякая Божия тварь.

Знать: дух — мой сподвижник, и дух — мой вожатый!
Входить без доклада, как луч и как взгляд.
Жить так, как пишу: образцово и сжато, —
Как Бог повелел и друзья не велят.

9 ноября 1918

182

И не спасут ни стансы, ни созвездья.
А это называется — возмездье
За то, что каждый раз,

Стан разгибая над строкой упорной,
Искала я над лбом своим просторным
Звезд только, а не глаз.

Что самодержцем Вас признав на веру,
— Ах, ни единый миг, прекрасный Эрос,
Без Вас мне не был пуст!

Что по ночам, в торжественных туманах,
Искала я у нежных уст румяных —
Рифм только, а не уст.

Возмездие за то, что злейшим судьям
Была — как снег, что здесь, под левой
грудью —
Вечный апофеоз!

Что с глазу на́ глаз с молодым Востоком
Искала я на лбу своем высоким
Зорь только, а не роз!

7 мая 1920

183

Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе
Насторожусь — прельшусь — смущусь — рванусь.
О, милая! Ни в гробовом сугробе,
Ни в облачном с тобою не прощусь.

И не на то мне пара крыл прекрасных
Дана, чтоб на́ сердце держать луды.
Спеленутых, безглазых и безгласных
Я не умножу жалкой слободы.

Нет, выпростаю руки, — стан упругий
Единым взмахом из твоих пелен,
Смерть, выбью! — Верст на тысячу в округе
Растоплены снега — и лес спален.

И если всё ж — плеча, крыла, колена
Сжав — на погост дала себя увести, —
То лишь затем, чтобы смеясь над тленом
Стихом восстать — иль розаном расцвести!

Ноябрь 1920

184

Знаю, умру на заре! На которой из двух,
Вместе с которой из двух — не решить по заказу!
Ах, если б можно, чтоб дважды мой факел потух!
Чтоб на вечерней заре и на утренней сразу!

Пляшущим шагом прошла по земле! — Неба дочь!
С полным передником роз! — Ни ростка не наруша!
Знаю, умру на заре! — Ястребиную ночь
Бог не пошлет по мою лебединую душу!

Нежной рукой отведя нецелованный крест,
В щедрое небо рванусь за последним приветом.
Прорежь зари — и ответной улыбки прорез...
Я и в предсмертной икоте останусь поэтом!

Декабрь 1920

Москва

185

На кортике своем: Марина —
Ты начертал, встав за Отчизну.
Была я первой и единой
В твоей великолепной жизни.

Я помню ночь и лик пресветлый
В аду солдатского вагона.
Я волосы гоню по ветру,
Я в ларчике храню погоны.

*18 января 1918
Москва*

186

Над церковкой — голубые облака,
Крик вороний...
И проходят — цвета пепла и песка —
Революционные войска.
Ох ты барская, ты царская моя тоска!

Нету лиц у них и нет имен,—
Песен нету!
Заблудился ты, кремлевский звон,
В этом ветреном лесу знамен.
Помолись, Москва, ложись, Москва, на вечный сон!

*2 марта 1917
Москва*

187. ЦАРЮ — НА ПАСХУ

Настежь, настежь
Царские врата!
Сгасла, схлынула чернота.
Чистым жаром
Горит алтарь.
— Христос Воскресе,
Вчерашний царь!

Пал без славы
Орел двуглавый.
— Царь! — Вы были неправы.

Помянет потомство
Еще не раз —
Византийское вероломство
Ваших ясных глаз.

Ваши судьи —
Гроза и вал!
Царь! Не люди —
Вас Бог взыскал.

Но нынче Пасха
По всей стране.
Спокойно спите
В своем Селе,
Не видьте красных
Знамен во сне.

Царь! — Потомки
И предки — сон.
Есть — котомка,
Коль отнят — трон.

*2 апреля 1917,
первый день Пасхи
Москва*

За Отрока — за Голубя — за Сына,
За царевича младого Алексия
Помолись, церковная Россия!

Очи ангельские вытри,
Вспомяни как пал на плиты
Голубь углицкий — Димитрий.

Ласковая ты, Россия, мать!
Ах, ужели у тебя не хватит
На него — любовной благодати?

Грех отцовский не карай на сыне.
Сохрани, крестьянская Россия,
Царскосельского ягненка — Алексия!

*4 апреля 1917,
третий день Пасхи*

Чуть светает —
Спешит, сбегается
Мышиной стаей
На звон колокольный
Москва подпольная.

Покидают норы —
Старухи, вору.
Ведут разговоры.

Свечи горят.
Сходит Дух
На малых ребят,
На полоумных старух.

В полумраке,
Нехотя, кое-как
Бормочет дьяк.

Из черной тряпицы
Выползают на свет Божий —

Е. дождя, обидный
 Все бодушки едят!
 Мой садик — на паром
 Клад, и что-то там — кно.
 Выходит пот с бровей,
 Рокко по беемат.
 Може и безарит
 В. Вое, пошрво — сунот?
 Занево ролае —
 В. ковро ели аи!
 Уж-но, вороват
 Не ели поно
 Справды еи! Коеи
 Утими-ио хая?
 Давиду поати
 В. рожки, лоней
 Помакан, оловки —
 Убо не вробает!
 Кто ес — кереитки
 В. јени, каванки удрев,
 Под, да на монетан —
 Молодой аи —
 Под России — кноу.
 — Кот и поо мек.

Медон, пошр, поно 1931 г.

Гроши нищие,
Гроши острожные,
Потом и кровью добытые
Гроши вдовьи,
Про черный день
Да на помин души
Отложенные.

Так, на рассвете,
Ставят свечи,
Вынимают просфёры —
Старухи, воры:
За живот, за здравие
Раба Божьего — Николая.

Так, на рассвете,
Темный свой пир
Справляет подполье.

10 апреля 1917

190

Из строгого, стройного храма
Ты вышла на визг площадей...
— Свобода! — Прекрасная Дама
Маркизов и русских князей.

Свершается страшная спевка, —
Обедня еще впереди!
— Свобода! — Гулящая девка
На шалой солдатской груди!

26 мая 1917

191

И кто-то, упав на карту,
Не спит во сне.
Повеяло Бонапартом
В моей стране.

Кому-то гремят раскаты:
— Гряди, жених!

Летит молодой диктатор,
Как жаркий вихрь.

Глаза над улыбкой шалой —
Что ночь без звёзд!
Горит на мундире впалом —
Солдатский крест.*

Народы призвал к покою,
Смирил озноб —
И дышит, зажав рукою
Вселенский лоб.

21 мая 1917, Троицын день

192

Голубые, как небо, воды,
И серебряных две руки.
Мало лет — и четыре года:
Ты и я — у Москвы-реки.

Лодки плыли, гудки гудели,
Распоясанный брел солдат.
Ребятишки дрались и пели
На отцовский унылый лад.

На ревнителёв бога Марса
Ты тихонько кривила рот.
Ледяными глазами барса
Ты глядела на этот сброд.

Был твой лик среди этих, темных,
До сиянья, до блеска — бел.
Не забуду — а ты не вспомнишь —
Как один на тебя глядел.

6 июня 1917

* Крест, на каком-то собрании сорванный с груди солдатом и надетый на грудь Керенскому. См. газеты лета 1917 г.

Сабли взмах —
 И вздохнули трубы тяжко —
 Провожать
 Легкий прах.
 С веткой зелени фуражка —
 В головах.

Глуше, глуше
 Праздный гул.
 Отдадим последний долг
 Тем кто долгу отдал — душу.
 Гул — смолк.
 — Слуша—ай! На—кра—ул!

Три фуражки.
 Трубный звон.
 Рвется сердце.
 — Как, без шашки?
 Без погон
 Офицерских?
 Поутру —
 В безымянную дыру?

Смолкли трубы.
 Доброй ночи —
 Вам, разорванные в клочья —
 На посту!

17 июля 1917

Ночь.— Норд-Ост.— Рев солдат.— Рев волн.
 Разгромили винный склад.— Вдоль стен
 По канавам — драгоценный поток,
 И кровавая в нем пляшет луна.

Ошалелые столбы тополей.
 Ошалелое — в ночь — пенье птиц.
 Царский памятник вчерашний — пуст,
 И над памятником царским — ночь.

Гавань пьет, казармы пьют. Мир — наш!
Наше в княжеских подвалах вино!
Целый город, топоча как бык,
К мутной луже припадая — пьет.

В винном облаке — луна. — Кто здесь?
Будь товарищем, красotka: пей!
А по городу — веселый слух:
Где-то двое потонули в вине.

*Последние дни октября
Феодосия*

195

Плохо сильным и богатым,
Тяжко барскому плечу.
А вот я перед солдатом
Светлых глаз не опускаю.

Город буйствует и стонет,
В винном облаке — луна.
А меня никто не тронет:
Я надменна и бедна.

*Конец октября
Феодосия*

196. КОРНИЛОВ

...Сын казака, казак...
Так начиналась — речь.
— Родина. — Враг. — Мрак.
Всем головами лечь.

Бейте, попы, в набат.
— Нечего есть. — Честь.

— Не терять ни дня!
Должен солдат
Чистить коня...

4 декабря 1917

1

Когда рыжеволосый Самозванец
Тебя схватил — ты не согнула плеч.
Где спесь твоя, княгинюшка? — Румянец,
Красавица? — Разумница,— где речь?

Как Петр-Царь, презрев закон сыновний,
Позарился на голову твою —
Боярыней Морозовой на дровнях
Ты отвечала Русскому Царю.

Не позабыли огненного пойла
Буонапарта хладные уста.
Не в первый раз в твоих соборах — стояла.
Всё вынесут кремлевские бока!

9 декабря 1917

2

Гришка-Вор тебя не ополячил,
Петр-Царь тебя не онемечил.
Что же делаешь, голубка? — Плачу.
— Где же спесь твоя, Москва? — Далече.

— Голубочки где твои? — Нет корму.
— Кто унес его? — Да ворон черный.
— Где кресты твои святые? — Сбиты.
— Где сыны твои, Москва? — Убиты.

10 декабря 1917

3

Жидкий звон, постный звон.
На все стороны — поклон.

Крик младенца, рев коровы.
Слово дерзкое царёво.

Плеток свист и снег в крови.
Слово темное Любви.

Голубинный рокот тихий.
Черные глаза Стрельчихи.

10 декабря 1917

200

Кровных коней запрягайте в дровни!
Графские вина пейте из луж!
Единодержцы штыков и душ!
Распродавайте — на вес — часовни,
Монастыри — с молотка — на слом.
Рвитесь на лошади в Божий дом!
Перепивайтесь кровавым пойлом!

Стойла — в соборы! Соборы — в стойла!
В чортову дюжину — календарь!
Нас под рогожу за слово: царь!

Единодержцы грошей и часа!
На куполах вымещайте злость!
Распродавая нас всех на мясо,
Раб худородный увидит — Расу:
Черная кость — белую кость.

*9 марта 1918,
первый день весны
Москва*

201—203. Д О Н

1

Белая гвардия, путь твой высок:
Черному дулу — грудь и висок.

Божье да белое твое дело:
Белое тело твое — в песок.

Не лебедей это в небе стая:
Белогвардейская рать святая
Белым видением тает, тает...

Старого мира — последний сон:
Молодость — Доблесть — Вандея — Дон.

11 марта 1918

2

Кто уцелел — умрет, кто мертв — воспрянет.
И вот потомки, вспомнив старину:
— Где были *вы*? — Вопрос как громом грянет,
Ответ как громом грянет: — На Дону!

— Что делали? — Да принимали муки,
Потом устали и легли на сон.
И в словаре задумчивые внуки
За словом: долг напишут слово: Дон.

17 марта 1918

3

Волны и молодость — вне закона!
Тронулся Дон.— Погибаем.— Тонем.
Ветру веков доверяем снести
Внукам — лихую весть:

Да! Проломилась донская глыба!
Белая гвардия — да! — погибла.
Но покидая детей и жен,
Но уходя на Дон,

Белою стайей летя на плаху,
Мы за одно умирали: хаты!

Перекрестясь на последний храм,
Белогвардейская рать — векам.

Благовещение 1918
Москва

Идет по луговинам лития.
 Таинственная книга бытия
 Российского — где судьбы мира скрыты —
 Дочитана и наглухо закрыта.

И рыщет ветер, рыщет по степи:
 — Россия! — Мученица! — С миром — спи!

17 марта 1918

Трудно и чудно — верность до гроба!
 Царская роскошь — в век площадей!
 Стойкие души, стойкие ребра,—
 Где вы, о люди минувших дней?!

Рыжим татаринoм рыщет вольность,
 С прахом равняя алтарь и трон.
 Над пепелищами — рев застольный
 Беглых солдат и неверных жен.

29 марта 1918

...О, самозванцев жалкие усилия!
 Как сон, как снег, как смерть — святыни — всем.
 Запрет на Кремль? Запрета нет на крылья!
 И потому — запрета нет на Кремль!

*Страстной понедельник
 1918*

1

Андрей Шенье взошел на эшафот.
 А я живу — и это страшный грех.
 Есть времена — железные — для всех.
 И не певец, кто в порохе — поет.

И не отец, кто с сына у ворот
 Дрожа срывает воинский доспех.
 Есть времена, где солнце — смертный грех.
 Не человек — кто в наши дни — живет.

4 апреля 1918

2

Не узнаю в темноте
 Руки — свои иль чужие?
 Мечется в страшной мечте
 Черная Консьержерия.

Руки роняют тетрадь,
 Шупают тонкую шею.
 Утро крадется как тать.
 Я дописать не успею.

4 апреля 1918

209

Коли в землю солдаты всадили — штык,
 Коли красною тряпкой затмили — Лик,*
 Коли Бог под ударами — глух и нем,
 Коль на Пасху народ не пустили в Кремль —

Надо бражникам старым засесть за холст,
 Рыбам — петь, бабам — умствовать, птицам —
 ползть,

* Красный флаг, к(отор)ым завесили лик Николая Чудотворца. Продолжение — известно.

Конь на всаднике должен скакать верхом,
Новорожденных надо поить вином,*

Реки — жечь, мертвецов выносить — в окно,
Солнце красное в полночь всходить должно,
Имя суженой должен забыть жених...

Государыням нужно любить — простых.**

*Третий день Пасхи
1918*

210

Это просто, как кровь и пот:
Царь — народу, царю — народ.

Это ясно, как тайна двух:
Двое рядом, а третий — Дух.

Царь с небес на престол взведен:
Это чисто, как снег и сон.

Царь опять на престол взойдет —
Это свято, как кровь и пот.

*24 апреля 1918,
третий день Пасхи*

211

Орел и архангел! Господень гром!
Не храм семиглавый, не царский дом
Да будет тебе гнездом.

Нет, — Красная площадь, где весь народ!
И — Лобное место сравняв — в поход:
Птенцов — собирать — сирот.

* Поили: г-жу де Жанлис. В Бургундии. Называлось «la miauléе». И жила, кажется, до 90-та лет. Но была ужасная лицемерка.

** Любили.

Народ обезглавлен и ждет главы.
Уж воздуху нету ни в чьей груди.
Архангел! — Орел! — Гряди!

Не зарева рыщут, не вихрь встает,
Не радуга пышет с небес,— то Петр
Птенцам производит смотр.

*24 апреля 1918,
третий день Пасхи*

212

Московский герб: герой пронзает гада.
Дракон в крови. Герой в луче.— Так надо.

Во имя Бога и души живой
Сойди с ворот, Господень часовой!

Верни нам вольность, Воин, им — живот.
Страж роковой Москвы — сойди с ворот!

И докажи — народу и дракону —
Что спят мужи — сражаются иконы.

26 апреля 1918

213

Бог — прав
Тлением трав,
Сухостью рек,
Воплем калек,

Вором и гадом,
Мором и голодом,
Срамом и смрадом,
Громом и градом.

По́пранным Словом.
Проклятым годом.
Пленом царевым.
Вставшим народом.

29 апреля 1918

Семь мечей пронзали сердце
 Богородицы над Сыном.
 Семь мечей пронзили сердце,
 А мое — семижды семь.

Я не знаю, жив ли, нет ли
 Тот, кто мне дороже сердца,
 Тот, кто мне дороже Сына...

Этой песней — утешаюсь.
 Если встретится — скажи.

12 мая 1918

215

Мракобесие. — Смерч. — Содом.
 Берегите Гнездо и Дом.

Долг и Верность спустив с цепи,
 Человек молодой — не спи!

В воротах, как Благая Весть,
 Белым стражем да встанет — Честь.

Обведите свой дом — межой,
 Да не вйдет в него — Чужой.

Берегите от злобы волн
 Садик сына и дедов холм.

Под ударами злой судьбы
 Выше — прадедовы дубы!

24 мая 1918

216

Белизна — угроза Черноте.
 Белый храм грозит гробам и грому.
 Бледный праведник грозит Содому
 Не мечом — а лилией в щите!

Белизна! Нерукотворный круг!
Чан крестильный! Вещие седины!
Червь и чернь узнают Господина
По цветку, цветущему из рук.

Только агнца убоится — волк,
Только ангелу сдается крепость.
Торжество — в подвалах и в вертепах!
И взойдет в Столицу — Белый полк!

25 мая 1918

217

— Где лебеди? — А лебеди ушли.
— А вороны? — А вороны — остались.
— Куда ушли? — Куда и журавли.
— Зачем ушли? — Чтоб крылья не достались.

— А папа где? — Спи, спи, за нами Сон,
Сон на степном коне сейчас приедет.
— Куда возьмет? — На лебединый Дон.
Там у меня — ты знаешь? — белый лебедь...

27 июля 1918

218

Белогвардейцы! Гордиев узел
Доблести русской!
Белогвардейцы! Белые грузди
Песенки русской!

Белогвардейцы! Белые звезды!
С неба не выскрести!
Белогвардейцы! Черные гвозди
В ребра Антихристу!

27 июля 1918

Надобно смело признаться, Лира!
 Мы тяготели к великим мира:
 Мачтам, знаменам, церквам, царям,
 Бардам, героям, орлам и старцам.
 Так, присягнувши на верность — царствам,
 Не доверяют Шатра — ветрам.

Знаешь царя — так псаря не жалуй!
 Верность как якорем нас держала:
 Верность величию — вине — беде,
 Верность великой вине венчанной!
 Так, присягнувши на верность — Хану,
 Не присягают его орде.

Ветренный век мы застали, Лира!
 Ветер в клоки изодрав мундиры,
 Треплет последний лоскут шатра...
 Новые толпы — иные флаги!
 Мы ж остаемся верны присяге,
 Ибо дурные вожди — ветра.

1 августа 1918

220

Если душа родилась крылатой —
 Что ей хоромы — и что ей хаты!
 Что Чингис-Хан ей и что — Орда!
 Два на миру у меня врага,
 Два близнеца, неразрывно-слитых:
 Голод голодных — и сытость сытых!

5 августа 1918

221

Под рокот гражданских бурь,
 В лихую годину,
 Даю тебе имя — мир,
 В наследье — лазурь.

Отыйди, отыйди, Враг!
Храни, Триединый,
Наследницу вечных благ
Младенца Ирину!

26 августа 1918

222

Колыбель, оваянная красным!
Колыбель, качаемая чернью!
Гром солдат — вдоль храмов — за вечерней...
А ребенок вырастет — прекрасным.

С молоком кормилицы рязанской
Он всосал наследственные блага:
Триединство Господа — и флага,
Русский гимн — и русские пространства.

В нужный день, на Божьем солнце ясном,
Вспомнит долг дворянский и дочерний —
Колыбель, качаемая чернью,
Колыбель, оваянная красным!

26 августа 1918

223

Ты дал нам мужества —
На сто жизней!
Пусть земли кружатся
Мы — недвижны.

И ребра — стойкие
На мытарства:
Дабы на койке нам
Помнить — Царство!

Свое подобье
Ты в небо поднял —
Великой верой
В свое подобье.

Так дай нам вздоху
И дай нам поту —
Дабы снести нам
Твои щедроты!

17 сентября 1918

224

Поступью сановнически-гордой
Прохожу сквозь строй престо­на­ро­дья.
На груди — ценою в три уго­дья —
Госпо­дом по­жа­ло­ван­ный ор­ден.

Нынче праздник слуг нелице­мер­ных:
Целый дождь — в подхваченные по­лы!
Это Царь с небесного престо­ла
Ор­де­на­ми оделяет — верных.

Руки прочь, народ! Моя — добыча!
И сияет на груди суровой
Страстный знак Величья и Отличья,
Орден Льва и Солнца — лист клено­вый.

*25 сентября 1918,
Сергиев день*

225

Над черною пучиной водною —
Последний звон.
Лавиною престо­на­ро­д­но­ю
Низринут трон.

Волóчится кровавым вóлоком
Пурпур царей.
Греми, греми, последний колокол
Русских церквей!

Кропите, слéзные жемчужинки,
Трон и алтарь.
Крепитесь, верные со­дру­ж­ни­ки:
Церковь и царь!

Цари земные низвергаются.
— Царствие! — Будь!
От колокола содрогаются
Город и грудь.

26 сентября 1918,
день Иоанна Богослова

226

Бури-вьюги, вихри-ветры вас взлелеяли,
А останетесь вы в песне — белы-лебеди!

Зная, шитое *крестами*, в саван выцвело.
А и будет ваша память — белы-рыцари.

И никто из вас, сынки! — не воротится.
А ведет ваши полки — Богородица!

12 октября 1918

227

Царь и Бог! Простите малым —
Слабым — глупым — грешным — шалым,
В страшную воронку втянутым,
Обольщенным и обманутым,—

Царь и Бог! Жестокой казнию
Не казните Стеньку Разина!

Царь! Господь тебе отплатит!
С нас сиротских воплей — хватит!
Хватит, хватит с нас покойников!
Царский Сын,— прости Разбойнику!

В отчий дом — дороги разные.
Пощадите Стеньку Разина!

Разин! Разин! Сказ твой сказан!
Красный зверь смирён и связан.
Зубья страшные поломаны,
Но за жизнь его за темную,

Да за удаль несуразную —
Развяжите Стеньку Разина!

Родина! Исток и устье!
Радость! Снова пахнет Русью!
Просияйте, очи тусклые!
Веселися, сердце русское!

Царь и Бог! Для ради празднику —
Отпустите Стеньку Разина!

*1-ая годовщина Октября
Москва*

228—229. ПАМЯТИ А. А. СТАХОВИЧА

A Dieu — mon âme,
Mon corps — au Roy,
Mon cœur — aux Dames,
L'honneur — pour moi.*

1

Не от запертых на семь замков пекарен
И не от заледенелых печек —
Барским шагом — распрямляя плечи —
Ты сошел в могилу, русский барин!

Старый мир пылал. Судьба свершалась.
— Дворянин, дорогу — дровосеку! **
Чернь цвела... А вблизи тебя дышалось
Воздухом Осьмнадцатого Века.

И пока, с дворцов срывая крыши,
Чернь рвалась к добыче вожденной —
Вы bon ton, maintien, tenue *** — мальчишек
Обучали — под разгром вселенной!

* Богу — душа,
Жизнь — Королю,
Сердце — жене,
Честь — только мне (франц.).— *Ред.*

** NB! Если бы — дровосеку!

*** Хорошие манеры, выправка, выдержка (франц.).— *Ред.*

Вы не вышли к черни с хлебом-солью,
И скрестились — от дворянской скуки! —
В черном царстве трудовых мозолей —
Ваши восхитительные руки.

Март 1919
Москва

2

Высокой горести моей —
Смиренные следы:
На синей варежке моей —
Две восковых слезы.

В продрогшей цёрковке — мороз,
Пар от дыханья — густ.
И с синим ладаном слилось
Дыханье наших уст.

Отметили ли Вы, дружок,
— Смиреннее всего —
Среди других дымков — дымок
Дыханья моего?

Безукоризненностью рук
Во всем родном краю
Прославленный — простите, друг,
Что в варежках стою!

Март 1919

230. АЛЕ

В шитой серебром рубашечке,
— Грудь как звездами унизана! —
Голова — цветочной чашечкой
Из серебряного выреза.

Очи — два пустынных озера,
Два Господних откровения —
На лице, туманно-розовом
От Войны и Вдохновения.

Ангел — ничего — всё! — знающий,
Плоть — былинкою довольная,
Ты отца напоминаешь мне —
Тоже Ангела и Воина.

Может — всё мое достоинство —
За́ руку с тобою странствовать.
— Помолись о нашем Воинстве
Завтра утром, на Казанскую!

5 июля 1919

231. С<ЕРГЕЮ> Э<ФРОНУ>

Хочешь знать, как дни проходят,
Дни мои в стране обид?
Две руки пилою водят,
Сердце — имя говорит.

Эх! Прошел бы ты по дому —
Знал бы! Та́к в ночи пою,
Точно по чему другому —
Не по дереву — пилою.

И чудят, чудят пилою
Руки — вольные досель.
И метет, метет метлою
Богородица-Метель.

Ноябрь 1919

232

Дорожкой простонародною,
Смиренною, богоугодною,
Идем — свободные, немодные,
Душой и телом — благородные.

Сбылися древние пророчества:
Где вы — Величества? Высочества?

Мать с дочерью идем — две странницы.
Чернь черная навстречу чванится.
Быть может — вздох от нас останется,
А может — Бог на нас оглянется...

Пусть будет — как *Ему* захочется:
Мы не Величества, Высочества.

Так, скромные, богоугодные,
Душой и телом — благородные,
Дорожкой простонародною —
Так, доченька, к себе на родину:

В страну Мечты и Одиночества —
Где *мы* — Величества, Высочества.

1 октября 1918

233. БАЛЬМОНТУ

Пышно и бесстрастно вянут
Розы нашего румянца.
Лишь камзол теснее стянут:
Голодаем как испанцы.

Ничего не можем даром
Взять — скорее гору сдвинем!
И ко всем гордыням старым —
Голод: новая гордыня.

В вывернутой наизнанку
Мантии Врагов Народа
Утверждаем всей осанкой:
Луковица — и свобода.

Жизни ломовое дышло
Спеси не перешибило
Скакуну. Как бы не вышло:
— Луковица — и могила.

Будет наш ответ у входа
В Рай, под деревцем миндальным:
— Царь! На пиршестве народа
Голодали — как гидальго!

Ноябрь 1919

1920 г.

К р е м л ю:

Над твоим черноголовым вёрхом
Вороны кружат...

Ты уходишь день, не открыв Кремля.
Ты плывешь в колокольном звоне...
Из Двадцатого Года уходишь ты,
Вербное Воскресенье!

Благовещение — внук твой —
откроет реку...
— Из Двадцатого Года,
из Двадцатого Века...

(Алины стихи — Москва, весна 1920 г.)

234

Я эту книгу поручаю ветру
И встречным журавлям.
Давным-давно — перекричать разлуку —
Я голос сорвала.

Я эту книгу, как бутылку в волны,
Кидаю в вихрь войн.
Пусть странствует она — свечей под праздник —
Вот так: из длани в длань.

О ветер, ветер, верный мой свидетель,
До милых донеси,
Что еженощно я во сне свершаю
Путь — с Севера на Юг.

Февраль 1920
Москва

235. БЛОКУ

Как слабый луч сквозь черный мóрок адов —
Так голос твой под рокот рвущихся снарядов.*

И вот, в громах, как некий серафим,
Оповещает голосом глухим

— Откуда-то из древних утр туманных —
Как нас любил, слепых и безымянных,

За синий плащ, за вероломства — грех...
И как — вернее всех — тó, глубже всех

В ночь канувшую на дела лихие!
И как *не* разлюбил тебя, Россия!

И вдоль виска — потерянным перстом —
Всё водит, водит... И ещё о том,

Какие дни нас ждут, как Бог обманет,
Как станешь солнце звать — и как *не* встанет...

Так, узником с собой наедине,
(Или ребенок говорит во сне?)

Предстало нам — всей площади широкой! —
Святое сердце Александра Блока.

Апрель 1920

236. ЕХ — СИ-DEVANT **

(ОТЗВУК СТАХОВИЧА)

Хоть сто мозолей — трех веков не скроешь!
Рук не исправишь — топором рубя!
О, откровеннейшее из сокровищ:
Порода! — узнаю Тебя.

* Достоверно: под звуки взрывов с Ходынки и стекольный дождь, под к<отор>ым шли — он на эстраду, мы — в зал. Но, помимо этой достоверности — под рокот рвущихся снарядов. Революции.

** Выбывший из «бывших» (франц.). — *Ред.*

Как ни коптись над ржавой сковородкой —
Всё вокруг тебя твоих Верселей — тишь.
Нет, самую косой косовороткой
Ты шею не укоротишь.

Над снежным валом иль над трубной сажей
Дугой согбен, всё ж — гордая спина!
Не окриком, — всё той же барской блажью
Тебе работа задана.

Выменивай по нищему Арбату
Дрянную сельдь на пачку папирос —
Всё равенство нарушит — нос горбатый:
Ты — горбонос, а он — курнос.

Но если вдруг, утомлено получкой,
Тебе дитя цветок протянет — в дань,
Ты так же поцелуешь эту ручку,
Как некогда — царицы длань.

Июль 1920

237. ПЕТРУ

Вся жизнь твоя — в едином крике:
— На дедов — за сынов!
Нет, Государь Распровеликий,
Распорядитель снов,

Не на своих сынов работал, —
Бесам на торжество! —
Царь-Плотник, не стирая пота
С обличья своего.

Не ты б — всё по сугробам санки
Тащил бы мужичок.
Не гнил бы там на полустанке
Последний твой внучок.*

* В Москве тогда думали, что царь расстрелян на каком-то уральском полустанке.

Не ладил бы, лба не подъямля,
Ребачьих кораблѣв —
Вся Русь твоя святая в землю
Не шла бы без гробов.

Ты под котел кипящий этот —
Сам подложил углей!
Родоначальник — *ты* — Советов,
Ревнитель Ассамблей!

Родоначальник — *ты* — развалин,
Тобой — скиты горят,
Твоею же рукой провален
Твой баснословный град...

Соль высолил, измылил мыльце —
Ты, Государь-кустарь!
Державного однофамильца
Кровь на тебе, бунтарь!

Но нет! Конец твоим затеям!
У брата есть — сестра...
— *На* Интернационал — *за* терем!
За Софью — *на* Петра!

Август 1920

238

Есть в стане моем — офицерская прямоть,
Есть в ребрах моих — офицерская честь.
На всякую мѹку иду не упрямясь:
Терпенье солдатское есть!

Как будто когда-то прикладом и сталью
Мне выправили этот шаг.
Недаром, недаром черкесская талья
И тесный ремѣнный кушак.

А зѹрю заслышу — Отец ты мой рѹдный! —
Хоть райские — штурмом — врата!
Как будто нарочно для сумки походной —
Раскинутых плеч широта.

Всё может — какой инвалид ошалелый
Над люлькой мне песенку спел...
И что-то от этого дня — уцелело:
Я слово беру — на прицел!

И так мое сердце над Рэ-сэ-фэ-сэром
Скрежешет — корми-не корми! —
Как будто сама я была офицером
В Октябрьские смертные дни.

Сентябрь 1920

239

Об ушедших — отошедших —
В горный лагерь перешедших,
В белый стан тот журавлиный —
Голубиный — лебединый —

О тебе, моя высь,
Говорю,— отзовись!

О молодых дубовых рощах
В небо росших — и не выросших,
Об упавших и не вставших,—
В вечность перекочевавших,—

О тебе, наша Честь,
Воздыхаю — дай весть!

Каждый вечер, каждый вечер
Руки вам тяну навстречу.
Там, в просторах голубиных —
Сколько у меня любимых!

Я на красной Руси
Зажилась — вознеси!

Октябрь 1920

240. (ВЗЯТИЕ КРЫМА)

И страшные мне снятся сны:
Телега красная,
За ней — согбенные — моей страны
Идут сыны.

Золотокудрого воздев
Ребенка — матери
Вопят. На паперти
На стяг
Пурпуровый маша рукой беспалой
Вопит калека, тряпкой алой
Горит безногого костыль,
И красная — до неба — пыль.

Колеса ржавые скрипят.
Конь пляшет, взбешенный.
Все окна флагами кипят.
Одно — завешено.

Ноябрь 1920

241

Буду выпрашивать воды широкого Дона,
Буду выпрашивать волны турецкого моря,
Смуглое солнце, что в каждом бою им светило,
Гулкие выси, где ворон, насытившись, дремлет.

Скажет мне Дон: — Не видал я таких загорелых!
Скажет мне море: — Всех слез моих плакать — не
хватит!

Солнце в ладони уйдет, и прокаркает ворон:
Трижды сто лет живу — кости не видел белее!

Я журавлем полечу по казачьим станицам:
Плачут! — дорожную пыль допрошу: провожает!
Машет ковыль-трава вслед, распушила султаны.
Красен, ох, красен кизиль на горбу Перекопа!

Всех допрошу: тех, кто с миром в ту лютую пору
В люльке мотались
Череп в камнях — и тому не уйти от допросу:
Белый поход, ты нашел своего летописца.

Ноябрь 1920

Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь!
 То шатаясь причитает в поле — Русь.
 Помогите — на ногах нетверда!
 Затуманила меня кровь-руда!

И справа и слева
 Кровавые зевы,
 И каждая рана:
 — Мама!

И только и это
 И внятно мне, пьяной,
 Из чрева — и в чрево:
 — Мама!

Все рядом лежат —
 Не развестъ межой.
 Поглядеть: солдат.
 Где свой, где чужой?

Белый был — красным стал:
 Кровь обагрила.
 Красным был — белый стал:
 Смерть побелила.

— Кто ты? — белый? — не пойму! —
привстань!
 Аль у красных пропадал? — Ря—азань.

И справа и слева
 И сзади и прямо
 И красный и белый:
 — Мама!

Без воли — без гнева —
 Протяжно — упрямо —
 До самого неба:
 — Мама!

Декабрь 1920

243. ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

Вопль стародавний,
Плач Ярославны —
Слышите?
С башенной выщечки
Неперерывный
Вопль — неизбывный:

— Игорь мой! Князь
Игорь мой! Князь
Игорь!

Ворон, не сглазь
Глаз моих — пусть
Плачут!

Солнце, мечи
Стрелы в них — пусть
Слепнут!

Кончена Русь!
Игорь мой! Русь!
Игорь!

Лжет летописец, что Игорь опять в дом свой
Солнцем взошел — обманул нас Баян льстивый.
Знаешь конец? Там, где Дон и Донец — плещут,
Пал меж знамен Игорь на сон — вечный.

Белое тело его — ворон клевал.
Белое дело его — ветер сказал.

Подымайся, ветер, по оврагам,
Подымайся, ветер, по равнинам,
Торопись, ветрило-вихрь-бродяга,
Над тем Доном, белым Доном лебединым!

Долетай до городской до стенки,
С кдeй по миру несется плач надгробный.
Не гляди, что подгибаются коленки,
Что тускнеет ее лик солнцеподобный...

— Ветер, ветер!
— Княгиня, весть!
Князь твой мертвый лежит —
За честь!

Вопль стародавний,
Плач Ярославны —
Слышите?
Вопль ее — ярый,
Плач ее, плач —
Плавный:

— Кто мне заздравную чару
Из рук — выбил?
Старой не быть мне,
Под камешком гнить,
Игорь!

Дерном-глиной заткните рот
Алый мой — нонче ж.
Кончен
Белый поход.

23 декабря 1920

244

С Новым Годом, Лебединый стан!
Славные обломки!
С Новым Годом — по чужим местам —
Воины с котомкой!

С пеной у рта пляшет, не догнав,
Красная погоня!
С Новым Годом — битая — в бегах
Родина с ладонью!

Приклонись к земле — и вся земля
Песнию заздравной.
Это, Игорь, — Русь через моря
Плачет Ярославной.

Томным стоном утомляет грусть:
— Брат мой! — Князь мой! — Сын мой!
— С Новым Годом, молодая Русь
За морем за синим!

31 русск<ого> декабря 1920
Москва

II

245—251

1

Вот он — гляди — уставший от чужбин,
Вождь без дружин.

Вот — горстью пьет из горней быстрины,—
Князь без страны.

Там всё ему: и княжество, и рать,
И хлеб, и Мать.

Красно́ твое наследие,— владей,
Друг без друзей!

15 августа 1921
Москва

2

Други его — не тревожьте его!
Слуги его — не тревожьте его!
Было так ясно на лице его:
Царство мое не от мира сего.

Вещие вьюги кружили вдоль жил,
Плечи сутулые гнулись от крыл.
В певчую прорезь, в запекшийся пыл —
Лебедем душу свою упустил!

Падай же, падай же, тяжкая медь!
Крылья извели право: лететь!
Губы, кричавшие слово: ответь!
Знают, что этого нет — умереть!

Зори пьет, море пьет,— в полную сыть
Бражничают.— Панихид не служит!
У навсегда повелевшего быть —
Хлеба достанет его накормить!

15 августа 1921

3

А над равниной —
Крик лебединый.
Мать, ужель не узнала сына?
Это с заоблачной — он — версты,
Это последнее — он — прости.

А над равниной —
Вещая вьюга.
Дева, ужель не узнала друга?
Рваные ризы, крыло в крови...
Это последнее он: Живи!

Над окаянной —
Взлет осиянный.
Праведник душу урвал — осанна!
Каторжник койку-обрел-тепльнь.
Пасынок к Матери в дом.— Аминь.

Август 1921

4

Не проломанное ребро —
Переломленное крыло.

Не расстрельщиками навyleт
Грудь простреленная,— не вынуть

Этой пули.— Не чинят крыл.
Изуродованный ходил.

Цепок, цепок венец из терний!
Что усопшему трепет черни,

Женской лести лебяжий пух...
Проходил, одинок и глух,

Замораживая закаты
Пустотою безглазых статуй.

Лишь одно еще в нем жило:
Переломленное крыло.

Август 1921

5

Без зова, без слова,—
Как кровельщик падает с крыш.
А может быть снова
Пришел,— в колыбели лежишь?

Горишь и не меркнешь,
Светильник немногих недель...
Какая из смертных
Качает твою колыбель?

Блаженная тяжесть!
Пророческий певчий камыш!
О кто мне расскажет,
В какой колыбели лежишь?

«Покамест не продан!» —
Лишь с ревностью этой в уме
Великим обходом
Пойду по российской земле.

Полночные страны
Пройду из конца и в конец.
Где рот-его-рана,
Очей синеватый свинец?

Схватить его! Крепче!
Любить и любить, пока жив!
О кто мне нашепчет,
В какой колыбели лежишь!

Жемчужные зерна,
Кисейная сонная сень.
Не лавром, а терном
Чепца острозубая тень.

Не полог — а птица
Раскрыла два белых крыла.
— И снова родиться,
Чтоб снова метель замела?

Рвануть его! Выше!
Держать! Не отдать его лишь!
О кто мне надышит,
В какой колыбели лежишь!

А может быть ложен
Мой подвиг и даром — труды.
Как в землю положен,
Быть может — проспишь до трубы.

Огромную впалость
Висков твоих — вижу опять.
Такую усталость —
Ее и трубой не поднять!

Державная пажить,
Надежная, ржавая тишь.
Мне сторож покажет,
В какой колыбели лежишь.

22 ноября 1921

6

Как сонный, как пьяный,
Врасплох, не готовясь...
Височные ямы:
Бессонная совесть,

Пустые глазницы:
Мертво и светло.
Сновидца, всёвидца
Пустое стекло.

Не ты ли
Ее шелестящей хламиды

Не вынес —
Обратным ущельем Аида?

Не эта ль,
Серебряным звоном полна,
Вдоль сонного Гебра
Плыла голова...

25 ноября 1921

7

Так, Господи! — И мой обол
Прими на утверждение храма.
Не свой любовный произвол
Пою — своей отчизны рану.

Не скаредника ржавый ларь,—
Гранит, коленами протертый!
Всем отданы герой и царь,
Всем: праведник — певец — и мертвый.

Днепром разламывая лед,
Гробовым не смущаясь тесом,
Русь — Пасхою к тебе плывет,
Разливом тысячеголосым...

Так, сердце, плачь и славословь!
Пусть вопль твой — тысяча который?
Ревнует смертная любовь.
Другая — радуется хору.

2 декабря 1921

III

252—256. ПОДРУГА

Немолкнушим Ave,
Пасхальной обедней —
Прекрасная слава
Подруги последней.

1

Спит, муки твоя — веселье,
Спит, сердца выстраданный рай.
Над Иверскою колыбелью
— Блаженная! — помедлить дай.

Не суетность меня, не зависть
В дом привела,— не воспрети!
Я дитяtko твое восславить
Пришла, как древле — пастухи.

Не тою же ль звездой ведома?
— О серебро-сусаль-слюда! —
Как вкопанная — глянь — над домом,
Как вкопанная — глянь — звезда!

Не радуюсь и не ревную,—
Гляжу — и по сердцу пилой:
Что сыну твоему дарую?
Вот плащ мой — вот и посох мой.

5 декабря 1921

2

В своих младенческих слезах —
Что в ризе ценной,
Благословенна ты в женах!
— Благословенна.

У раздорожного креста
Раскрыл глазочки.
(Ведь тот был тоже сирота,—
Сынок безотчий.)

В своих младенческих слезах —
Что в ризе ценной,
Благословенна ты в слезах!
— Благословенна.

Твой лоб над спящим над птенцом
Чист, бестревожен.
Был благовест тебе венцом,
Благовест — ложем.

Твой стан над спящим над птенцом —
Трепет и древо.
Был благовест ему отцом,—
Радуйся, Дева!

В его заоблачных снегах —
Что в ризе ценной,
Благословенна ты в снегах!
— Благословенна.

8 декабря 1921

3

Огромного воскрылья взмах,
Хлещущий дых:
— Благословенна ты в женах,
В женах, в живых...

Где вестник? Буйно и бело.
— Вихорь? Крыло? —
Где вестник? Вьюгой замело
Весть и крыло.

8 декабря 1921

4

Чем заслужить тебе и чем воздать —
Присноблаженная! — Младенца Мать!

Над стеклянющею поволокой
Вновь подтверждающая: — Свет с
Востока!

От синих глаз его — до синих звезд
Ты, радугою бросившая мост!

Не падаю! Не падаю! Плыву!
И — радугою — мост через Неву!

Жизнеподательница в час кончины!
Царств утвердительница! Матерь Сына!

В хрип смертных мук его — в худую
песнь! —
Ты, первенцево вбросившая: «Есмь!»

9 декабря 1921

Последняя дружба
 В последнем обвале.
 Что нужды, что нужды —
 Как здесь называли.

Над черной канавой,
 Над битвой бурьянной,
 Последнею славой
 Встаешь — безымянной.

На крик его: душно! припавшая: друг!
 Последнейшая, не пускавшая рук.

Последнею дружбой —
 Так сонмы восславят.
 Да та вот, что пить подавала,
 Да та вот —

У врат его царских
 Последняя смена.
 Уста, с синевы
 Сцеловавшие пену.

Та, с судороги сцеловавшая пот,
 На крик его: руку! сказавшая: вот!

Последняя дружба,
 Последнее рядом,
 Грудь с грудью...
 — В последнюю оторопь взгляда
 Рай вбросившая,

Под фатой песнопенной
 Последнею славой
 Пройдешь — покровенной.

Ты, заповеди растоптавшая спесь,
 На хрип его: Мама! солгавшая: здесь!

10 декабря 1921

257—263. УЧЕНИК

1

Быть мальчиком твоим светлоголовым,
— О, через все века! —
За пыльным пурпуром твоим брести в суровом
Плаще ученика.

Улавливать сквозь всю людскую гущу
Твой вздох животворящ
Душой, дыханием твоим живущей,
Как дуновеньем — плащ.

Победоноснее Царя Давида
Чернь раздвигать плечом.
От всех обид, от всей земной обиды
Служить тебе плащом.

Быть между спящими учениками
Тем, кто во сне — не спит.
При первом чернью занесенном камне
Уже не плащ — а щит!

(О, этот стих не самовольно прерван!
Нож черезчур остер!)
И — вдохновенно улыбнувшись — первым
Взойти на твой костер.

2 апреля 1921

Есть некий час — как сброшенная кляжа:
 Когда в себе гордыню укротим.
 Час ученичества, он в жизни каждой
 Торжественно-неотвратим.

Высокий час, когда сложив оружие
 К ногам указанного нам — Перстом,
 Мы пурпур Воина на мех верблюжий
 Сменяем на песке морском.

О этот час на подвиг нас — как Голос
 Вздывающий из своеволия дней!
 О этот час, когда как спелый колос
 Мы клонимся от тяжести своей.

И колос взрос, и час веселый пробил,
 И жерновов возжаждало зерно.
 Закон! Закон! Еще в земной утробе
 Мной вожаемое ярмо.

Час ученичества! Но зрим и ведом
 Другой нам свет,— еще заря зажглась.
 Благословен ему грядущий следом
 Ты — одиночества верховный час!

2 апреля 1921

Солнце Вечера — добрее
 Солнца в полдень.
 Изуверствует — не греет
 Солнце в полдень.

Отрешеннее и кротче
 Солнце — к ночи.
 Умудренное, не хочет
 Бить нам в очи.

Простотой своей — тревожа —
 Королевской,
 Солнце Вечера — дороже
 Песнопевцу!

Распинаемое тьмой
Ежевечерне,
Солнце Вечера — не кланяется
Черни.

Низвергаемый с престола
Вспомни — Феба!
Низвергаемый — не долу
Смотрит — в небо!

О, не медли на соседней
Колокольне!
Быть хочу твоей последней
Колокольной.

3 апреля 1921

4

Пало прениже волн
Бремя дневное.
Тихо взошли на холм
Вечные — двое.

Тесно — плечо с плечом —
Встали в молчанье.
Два — под одним плащом —
Ходят дыханья.

Завтрашних спящих войн
Вождь — и вчерашних,
Молча стоят двойной
Черною башней.

Змия мудрей стоят,
Голубя кротче.
— Отче, возьми в назад,
В жизнь свою, отче!

Через всё небо — дым
Воинств Господних.
Борется плащ, двойным
Вздохом приподнят.

Ревностью взор разъят,
Молит и ропшет...
— Отче, возьми в закат,
В ночь свою, отче!

Празднуя ночи вход
Дышат пустыни.
Тяжко — как спелый плод —
Падает: — Сыне!

Смолкло в своем хлеву
Стадо людское.
На золотом холму
Двое — в покое.

6 апреля 1921

5

Был час чудотворен и полн,
Как древние были.
Я помню — бок о бок — на холм,
Я помню — всходили...

Ручьев ниспадающих речь
Сплеталась предивно
С плащом, ниспадающим с плеч
Волной неизбывной.

Всё выше, всё выше — высот
Последнее злато.
Сновидческий голос: Восход
Навстречу Закату.

8 апреля 1921

6

Всё великолепье
Труб — лишь только лепет
Трав — перед Тобой.

Всё великолепье
Бурь — лишь только щебет
Птиц — перед Тобой.

Всё великолепые
Крыл — лишь только трепет
Век — перед Тобой.

10 апреля 1921

7

По холмам — круглым и смуглым,
Под лучом — сильным и пыльным,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — рдяным и рваным.

По пескам — жадным и ржавым,
Под лучом — жгущим и пьющим,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — следом и следом.

По волнам — лютым и вздутым,
Под лучом — гневным и древним,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — лгущим и лгущим...

12 апреля 1921

264. КН. С. М. ВОЛКОНСКОМУ

Стальная выправка хребта
И вороненой стали волос.
И чудодейственный — слегка —
Чуть прикасающийся голос.

Какое-то скольженье вдоль —
Ввысь — без малейшего нажима...
О дух неуловимый — столь
Язвящий — сколь неуязвимый!

Земли не чующий, ничей,
О безучастие, с которым
— Сиятельный — лишь тень вещей
Следишь высокомерным взором.

В миг отрывающийся — весь!
В лад дышащий — с одной вселенной!
Всегда отсутствующий *здесь*,
Чтоб *там* присутствовать бессменно.

Май 1921

На што мне облака и степи
И вся подсолнечная ширь!
Я раб, свои взлюбивший цепи,
Благословляющий Сибирь.

Эй вы, обратные по трахту!
Поклон великим городам.
Свою застеночную шахту
За всю свободу не продам.

Поклон тебе, град Божий, Киев!
Поклон, престольная Москва!
Поклон, мои дела мирские!
Я сын, не помнящий родства...

Не встанет — любоваться рожью
Покойник, возлюбивший гроб.
Заворожил от света Божья
Меня верховный рудокоп.

20 апреля 1921

Душа, не знающая меры,
Душа хлыста и изувера,
Тоскующая по бичу.
Душа — навстречу палачу,
Как бабочка из хризалиды!
Душа, не съевшая обиды,
Что больше колдунов не жгут.
Как смоляной высокий жгут
Дымящая под власяницей...
Скрежещущая еретица,
— Савонароловой сестра —
Душа, достойная костра!

27 апреля 1921

О первое солнце над первым лбом!
И эти — на солнце прямо —
Дымящие — черным двойным жерлом —
Большие глаза Адама.

О первая ревность, о первый яд
Змеинный — под грудью левой!
В высокое небо вперенный взгляд:
Адам, проглядевший Еву!

Врожденная рана высоких душ,
О Зависть моя! О Ревность!
О всех мне Адамов затмивший Муж:
Крылатое солнце древних!

27 апреля 1921

268

Косматая звезда,
Спешащая в никуда
Из страшного ниоткуда.
Между прочих овец приبلуда,
В златорунные те стада
Налетающая, как Ревность —
Волосатая звезда древних!

27 апреля 1921

269—272. МАРИНА

1

Быть голубкой его орлиной!
Больше матери быть, — Мариной!
Вестовым — часовым — гонцом —

Знаменосцем — льстецом придворным!
Серафимом и псом дозорным
Охранять беспокойный сон.

Сальных карт захватив колоду,
Ногу в стремя! — сквозь огонь и воду!
Где верхом — где ползком — где вплавь!

Тростником — ивняком — болотом,
А где конь не берет,— там лётом,
Все ветра полонивши в плащ!

Черным вихрем летя беззвучным
Не подругою быть — сподручным!
Не единою быть — вторым!

Близнецом — двойником — крестовым
Стройным братом, огнем костровым,
Ятаганом его кривым.

Гул кремлевских гостей незваных.
Если имя твое — Басманов,
Отстранись.— Уступи любви!

Распахнула платок нагрудный.
— Руки настежь! — Чтоб в день свой судный
Не в басмановской встал крови.

28 апреля 1921

2

Трем Самозванцам жена,
Мнишка надменного дочь,
Ты — гордецу своему
Не родившая сына...

В простоволосости сна
В гулкий оконный пролет
Ты гордецу своему
Не махнувшая следом.

На роковой площади
От оплеух и плевков
Ты гордеца своего
Не покрывшая телом.

В маске дурацкой лежал,
С дудкой кровавой во рту,
— Ты, гордецу своему
Не отершая пота...

— Своекорыстная кровь! —
Проклята, проклята будь
Ты — Лжедмитрию смогшая быть
Лжемариной!

28 апреля 1921

3

— Сердце, измена!
— Но не разлука!
И воровскую смуглую руку
К белым губам.

Краткая встряска костей о плиты.
— Гришка! — Димитрий!

Цареубийцы! Псёкровь холопья!
И — повторенным прыжком —
На копыа!

28 апреля 1921

4

— Грудь Ваша благоуханна,
Как розмариновый ларчик...
Ясновельможна панна...
— Мой молодой господарчик...

— Чем заплачу за щедроты:
Темен, негромок, непризнан...
Из-под ресничного взлету
Что-то ответило: — Жизнью!

В каждом пришельце гонимом
Пану мы Иезусу — служим...
Мнет в замешательстве мнимом
Горсть неподдельных жемчужин.

Перлы рассыпались, — слезы!
Каждой ресницей нацелясь
Смотрит, как в прахе елозя
Их подбирает пришелец.

30 апреля 1921

Как разгораются — каким валежником!
 На площадях ночных — святыни кровные!
 Пред самозванческим указом Нежности —
 Что наши доблести и родословные!

С какой торжественною постепенностью
 Спадают выпренные обветшалости!
 О наши прадедовы драгоценности
 Под самозванческим ударом Жалости!

А проще: лоб склонивши в глубь ладонную,
 В сознании низости и неизбежности —
 Вниз по отлогому — по неуклонному —
 Неумолимому наклону Нежности...

Май 1921

274. ПАМЯТИ Т. Ф. СКРЯБИНОЙ,—
СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ЕЙ ЕЩЕ ПРИ ЖИЗНИ.

Бессонница! Друг мой!
 Опять твою руку
 С протянутым кубком
 Встречаю в беззвучно-
 Звонящей ночи.

— Прельстись!
 Пригубь!
 Не ввысь,
 А вглубь
 Веду...
 Губами приголубь...
 Голубка! — Друг!
 Пригубь!
 Прельстись!
 Испей!
 От всех страстей —
 Устой,
 От всех вестей —
 Покой.
 — Подруга! —
 Удостой.

Раздвинь уста!
Всей негой уст
Резного кубка край
Возьми —
Втяни,
Глотни:
— Не будь.—

О друг! Не обессудь.
Прельстись!
Испей!
Из всех страстей
Страстнейшая, из всех смертей
Нежнейшая... Из двух горстей
Моих — прельстись! — испей.

Мир бѣз вести пропал.— В нигде
Затопленные берега.
— Пей, ласточка моя! — На дне
Растопленные жемчуга...

Ты море пьешь,
Ты зори пьешь.
С каким любовником кутеж
С моим
— Дитя —
Сравним?

А если спросят (научу!)
Что, дескать, щечки не свежи,—
С Бессонницей кучу — скажи —
С Бессонницей кучу...

Май 1921

275—282. РАЗЛУКА

Сережѣ

1

Башенный бой
Где-то в Кремле.
Где на земле,
Где —

Крепость моя,
Кротость моя,
Доблесть моя,
Святость моя.

Башенный бой.
Брошенный бой.
Где на земле —
Мой
Дом,
Мой — сон,
Мой — смех,
Мой — свет,
Узких подошв — след.

Точно рукой
Сброшенный в ночь —
Бой.

— Брошенный мой!

Май 1921

2

Уроненные так давно
Вздымаю руки.
В пустое черное окно
Пустые руки
Бросаю в полуночный бой
Часов,— домой
Хочу! — Вот так: вниз головой
— С башни! — Домой!

Не о булыжник площадной:
В шепот и шелест...
Мне некий Воин молодой
Крыло подстелет.

Май 1921

3

Всё круче, всё круче
Заламывать руки!

Меж нами не версты
Земные,— разлуки
Небесные реки, лазурные земли,
Где друг мой навеки уже —
Неотъемлем.

Стремит столбовая
В серебряных сбруях.
Я рук не ломаю!
Я только тяну их
— Без звука! —
Как дерево-машет-рябина
В разлуку,
Во след журавлиному клину.

Стремит журавлиный,
Стремит безоглядно.
Я спеси не сбавлю!
Я в смерти — нарядной
Пребуду — твоей быстроте златоперой
Последней опорой
В потерях простора!

Июнь 1921

4

Смуглой оливой
Скрой изголовье.
Боги ревнивы
К смертной любви.

Каждый им шелест
Внятен и шорох.
Знай, не тебе лишь
Юноша дорог.

Роскошью майской
Кто-то разгневан.
Остерегайся
Зоркого неба.

Думаешь — скалы
Манят, утесы,
Думаешь, славы
Медноголосый

Зов его — в гушу,
Грудью на копья?
Вал восстающий
— Думаешь — топит?

Дольнее жало
— Веришь — вонзилось?
Пуще опалы —
Царская милость!

Плачешь, что поздно
Бродит в низинах.
Не земнородных
Бойся, — незримых!

Каждый им волос
Ведом на гребне.
Тысячеоки
Боги, как древле.

Бойся не тины, —
Тверди небесной!
Ненасытимо —
Сердце Зевеса!

12 июня 1921

5

Тихонько
Рукой осторожной и тонкой
Распутая пути:
Рученки — и ржанью
Послушная, зашелестит амазонка
По звонким, пустым ступеням расставанья.

Топочет и ржет
В осиянном пролете
Крылатый. — В глаза — полыханье рассвета.

Рученки, рученки!
Напрасно зовете:
Меж нами — струистая лестница Леты.

14 июня 1921

6

Седой — не увидишь,
Большим — не увижу.
Из глаз неподвижных
Слезинки не выжму.

На всю твою муку,
Раззор — плач:
— Брось руку!
Оставь плащ!

В бесстрастии
Каменноокой камен,
В дверях не помедлю,
Как матери медлят:

(Всей тяжестью крови,
Колен, глаз —
В последний земной
Раз!)

Не кра́дущимся перешибленным
зверем,—
Нет, каменной глыбою
Выйду из двери —
Из жизни.— О чем же
Слезам течь,
Раз — камень с твоих
Плеч!

Не камень! — Уже
Широтою орлиною —
Плащ! — и уже по лазурным
стремнинам
В тот град осиянный,
Куда — взять
Не смеет дитя
Мать.

15 июня 1921

Ростком серебряным
 Рванулся ввысь.
 Чтоб не узрел его
 Зевес —
 Молись!

При первом шелесте
 Страшись и стой.
 Ревнивы к прелести
 Они мужской.

Звериной челюсти
 Страшней — их зов.
 Ревниво к прелести
 Гнездо богов.

Цветами, лаврами
 Заманят ввысь.
 Чтоб не избрал его
 Зевес —
 Молись!

Всё небо в грохоте
 Орлиных крыл.
 Всей грудью грохайся —
 Чтоб не сокрыл.

В орлином грохоте
 — О клюв! О кровь! —
 Ягненок крохотный
 Повис — Любовь...

Простоволосая,
 Всей грудью — ниц...
 Чтоб не вознес его
 Зевес —
 Молись!

16 июня 1921

Я знаю, я знаю,
 Что прелесть земная,
 Что эта резная,
 Прелестная чаша —
 Не более наша,
 Чем воздух,
 Чем звезды,
 Чем гнезда,
 Повисшие в зорях.

Я знаю, я знаю
 Кто чаше — хозяин!
 Но легкую ногу вперед — башней
 В орлиную высь!
 И крылом — чашу
 От грозных и розовых уст —
 бога!

17 июня 1921

283

М. А. Кузмину

Два зарева! — нет, зеркал!
 Нет, два недуга!
 Два серафических жерла,
 Два черных круга

Обугленных — из льда зеркал,
 С плит тротуарных,
 Через тысячеверстья зал
 Дымят — полярных.

Ужасные! Пламень и мрак!
 Две черных ямы.
 Бессонные мальчишки — так —
 В больницах: Мама!

Страх и укор, ах и аминь...
 Взмах величавый...
 Над каменностью простынь —
 Две черных славы.

Так знайте же, что реки — вспять,
Что камни — помнят!
Что уж опять они, опять
В лучах огромных

Встают — два солнца, два жерла,
— Нет, два алмаза! —
Подземной бездны зеркала:
Два смертных глаза.

19 июня 1921

284. ВЕСТНИКУ

Скрежешут якорные звенья,
Вперед, крылатое жильё!
Покрепче чем благословенье
С тобой — веление мое!

Мужайся, корабельщик юный!
Вперед в лазоревую рожь!
Ты больше нежели Фортуну —
Ты *сердце* Цезаря везешь!

Смирит лазоревую ярость
Ресниц моих — единый взмах!
Дыханием надут твой парус
И не нуждается в ветрах!

Обветренные руки стиснув,
Слежу. — Не верь глазам! — Всё ложь!
Доподлинный и рукописный
Приказ Монархини везешь.

Два слова, звонкие как шпоры,
Две птицы в боевом грому.
То зов мой — тысяча который? —
К единственному одному.

В страну, где солнце правосудья
Одно для нищих и вельмож
— Между рубахою и грудью —
Ты сердце Матери везешь.

20 июня 1921

С⟨ергею⟩ Э⟨фрону⟩

1

Ресницы, ресницы,
 Склоненные ниц.
 Стыдливостию ресниц
 Затменные — солнца в венце стрел!
 — Сколь грозен и сколь ясен! —
 И плащ его — был — красен,
 И конь его — был — бел.

Смущается Всадник,
 Гордится конь.
 На дохлого гада
 Белейший конь
 Взирает вполоборота.
 В пол-ока широкого
 Вслед копыю
 В пасть красную — дико раздув ноздрю —
 Раскосостью огнеокой.
 Смущается Всадник,
 Снисходит конь.
 Издохшего гада
 Дрянную кровь
 — Янтарную — легким скоком
 Минует, — янтарная кровь течет.
 Взнесенным копытом застыв — с высот
 Лебедино поворота.

Безропотен Всадник,
 А конь брезглив.
 Гремучего гада
 Копьем пронзив —
 Сколь скромн и сколь томен!
 В ветрах — высок — седлецо твое,
 Речной осокой — копыцецо твое
 Вот-вот запоет в восковых перстах
 У розовых уст
 Под прикрытьем стрел
 Ресничных,
 Вспоет, вскричит.

— О страшная тяжесть
Свершенных дел!
И плащ его красен,
И конь его бел.

Любезного Всадника,
Конь, блюди!
У нежного Всадника
Боль в груди.
Ресницами жемчуг нижеет...
Святая иконка — лицо твое,
Закатным лучом — копьёцо твое
Из длинных перстов брызжет.
Иль луч пурпуровый
Косит копьем?
Иль красная туча
Взмелась плащом?
За красною тучею —
Белый дом.
Там впустят
Вдвоем
С конем.

Склоняется Всадник,
Дыбится конь.
Всё слабже вокруг копьёца ладонь.
Вот-вот не снесет Победы!
— Колеблется — никнет — и вслед копыю
В янтарную лужу — вослед копыю
Скользнувшему.
— Басенный взмах
Стрел...

Плащ красен, конь бел.

26 июня 1921

2

О тяжесть удачи!
Обида Победы!
Георгий, ты плачешь,
Ты красною девою
Бледнеешь над делом

Своих двух
Внезапно-чужих
Рук.

Конь брезгует Гадам,
Ты брезгуешь гласом
Победным.— Тяжелым смарагдовым маслом
Стекает кровища.
Дракон спит.
На всю свою жизнь
Сыт.

Взлетевшею гривой
Затменное солнце.
Стыдливости детской
С гордынею конской
Союз.
Из седла —
В небеса —
Куст.
Брезгливая грусть
Уст.

Конь брезгует Гадам,
Ты брезгуешь даром
Царевым,— ее подвенечным пожаром.
Церковкою ладанной:
Строг — скуп —
В безжалостный
Рев
Труб.

Трубите! Трубите!
Уж слушать недолго.
Уж нежный тростник победительный — долу.
Дотрубленный долу
Поник.— Смолк.
И облачный — ввысь! —
Столб.

Клонитесь, клонитесь,
Послушные травы!

Зардевшийся под оплеухую славы —
Бледнеет. — Домой, трубачи! — Спит.
До судной трубы! —
Сыт.

28 июня 1921

3

Синие версты
И зарева горние!
Победоносного
Славьте — Георгия!

Славьте, жемчужные
Грозди полуночи,
Дивного мужа,
Пречистого юношу:

Огненный плащ его,
Посвист копья его,
Кровокипящего
Славьте — коня его!

Зычные мачты
И слободы орлии!
Громокипящего
Славьте — Георгия!

Солнцеподобного
В силе и в кротости
Доблесть из доблестей,
Роскошь из роскошей:

Башенный рост его,
Посвист копья его,
Молниехвостого
Славьте — коня его!

Львиные ветры
И глыбы соборные!
Великолепного
Славьте — Георгия!

Змея пронзившего,
Смерть победившего,
В дом Госпожи своей
Конным — вступившего!

Зычный разгон его,
Посвист копыа его,
Преображенного
Славьте — коня его!

Льстивые ивы
И травы поклонные,
Вольнолюбивого,
Узорешенного

Юношу — славьте,
Юношу — плачьте...
Вот он, что розан
Райский — на травке:

Розовый рот свой
На две половиночки —
Победоносец,
Победы не вынесший.

28 июня 1921

4

Из облаков кивающие перья.
Как передать твоё высокомерье,
— Георгий! — Ставленник небесных сил!

Как передать закрепощенный пыл
Зрачка, и трезвенной ноздри раздутой
На всем скаку обузданную смуту.

Перед любезнейшею из красот
Как передать — с архангельских высот
Седла — копыа — содеянного дела

И девственности гневной — эти стрелы
Ресничные — эбеновой масти —
Разящие: — Мы не одной кости!

Божественную ведомость закончив,
Как передать, Георгий, сколь уклончив
— Чуть что земли не тронувший едва —

Поклон,— и сколь пронзительно-крива
Щель, заледеневающая сразу:
— О, не благодарите! — По приказу.

29 июня 1921

5

С архангельской высоты седла
Евангельские творить дела.
Река сгорает, верста смугла.
— О даль! Даль! Дали!

В пронзающей прямизне ресниц
Пожарищем налетать на птиц.
Копыта! Крылья! Сплелись! Свились!
О высь! Высь! Высь!

В заоблачье исчезать как снасть!
Двуочие разевать как пасть!
И не опомнившись — мертвым пасть:
О страсть! — Страсть! — Страсть!

29 июня 1921

6

А девы — не надо.
По вольному хладу,
По синему следу
Один я поеду.

Как был до победы:
Сиротский и вдовый.
По вольному следу
Воды родниковой.

От славы, от гною
Доспехи отмою.
Во славу Твою
Коня напою.

Храни, Голубица,
От града — посевы,
Девуцу — от Гада,
Героя — от девы.

30 июня 1921

7

О всеми ветрами
Колеблемый лотос!
Георгия — робость,
Георгия — кротость...

Очей непомерных
— Широких и влажных —
Суровая — детская — смертная важность.

Так смертная мука
Глядит из тряпья.
И вся непомерная
Тяжесть копья.

Не тот — высочайший,
С усмешкою гордой:
Кротчайший Георгий,
Тишайший Георгий,

Горчайший — свеча моих бдений — Георгий,
Кротчайший — с глазами оленя — Георгий!

(Трепещущей своре
Противший олень.)
— Которому пробил
Георгиев день.

О лотос мой!
Лебедь мой!
Лебедь! Олень мой!

Ты — все мои бденья
И все сновиденья!

Пасхальный тропарь мой!
Последний алтын мой!

Ты, больше чем Царь мой,
И больше, чем сын мой!

Лазурное око мое —
В вышину!
Ты блудную снова
Взнесший жену.

— Так слушай же!..

1 июля 1921

(Не dokonчено за письмом).*

292—296. БЛАГАЯ ВЕСТЬ

С⟨ергею⟩ Э⟨фрону⟩

1

В сокровищницу
Полунощных глубин
Недрогнувшую
Опускаю ладонь.

Меж водорослей —
Ни приметы его!
Сокровища нету
В морях — моего!

В заоблачную
Песнопенную высь —
Двумолнием
Осмелеваюсь — и вот

Мне жаворонок
Обронил с высоты —
Что за морем ты,
Не за облаком ты!

2 июля 1921

* Примеч. авт.— *Ред.*

Жив и здоров!
Громче громов —
Как топором —
Радость!

Нет, топором
Мало: быком
Под обухом
Счастья!

Оглушена,
Устрашена.
Что же взамен —
Вырвут?

И от колен
Вплоть до корней
Вставших волос —
Ужас.

Стало быть жив?
Веки смежив
Дышишь, зовут —
Слышишь?

Вывез корабль?
О мой журавль
Младший — во всей
Стае!

Мертв — и воскрес?!
Вздоху в обрез,
Камнем с небес,
Ломом

По голове,—
Нет, по эфес
Шпагою в грудь —
Радость!

3 июля 1921

Под горем не горбясь,
Под камнем — крылатой —
— Орлом! — уцелев,

Земных матерей
И небесных любовниц
Двойную печаль

Взвалив на плеча,—
Горяча мне досталась
Мальтийская сталь!

Но гневное небо
К орлам — благосклонно.
Не сон ли: в волнах

Сонм ангелов конных!
Меж ними — осанна! —
Мой — снегу белей...

Лилейные ризы,
— Конь вывезет! — Гривой
Вспененные зыби.
— Вал вывезет! — Дыбом
Встающая глыба...
Бог вынесет...
— Ох! —

4 июля 1921

Над спящим юнцом — золотые шпоры.
Команда: вскачь!
Уже по пятам воровская свора.
Георгий, плачь!

Свободною левою крест нашупал.
Команда: вплавь!
Чтоб всем до единого им под купол
Софийский, — правь!

Пропали! Не вынесут сухожилья!
Конец! — Сдались!
— Двумолнием раскрепощает крылья.
Команда: ввысь!

6 июля 1921

5

Во имя расправы
Крепись, мой Крылатый!
Был час переправы,
А будет — расплаты.

В тот час стопудовый
— Меж бредом и былью —
Гребли тяжело
Корабельные крылья.

Меж Сциллою — да! —
И Харибдой гребли.
О крылья мои,
Журавли-корабли!

Тогда по крутому
Эвксинскому берегу
Был топот Побега,
А будет — Победы.

В тот час непосильный
— Меж дулом и хлябью —
Сердца не остыли,
Крыла не ослабли,

Плеча напирали,
Глаза стерегли.
— О крылья мои,
Журавли-корабли!

Птенцов узколищих
Не давши в обиду
Сказалось —
Орлицыно сердце Тавриды.

На крик длинноклювый
— С ерами, с ятью! —
Проснулась —
Седая Монархиня-мать.

И вот уже купол
Софийский — вдали...
О крылья мои,
Журавли-корабли!

Крепитесь! Кромешное
Дрогнет созвездье.
Не с моря, а с неба
Ударит Возмездье.

Глядите: небесным
Свинцом налитая,
Грозна, тяжела
Корабельная стая.

И нету конца ей,
И нету земли...
— О крылья мои,
Журавли-корабли!

7 июля 1921

297. ВОЗВРАЩЕНИЕ ВОЖДЯ

Конь — хром,
Меч — ржав.
Кто — сей?
Вождь толп.

Шаг — час,
Вздых — век,
Взор — вниз.
Все — там.

Враг. — Друг.
Терн. — Лавр.
Всё — сон...
— Он. — Конь.

Конь — хром.
Меч — ржав.
Плащ — стар.
Стан — прям.

3 июля 1921

298—301. О Т Р О К

Геликоню

1

Пустоты отроческих глаз! Провалы
В лазурь! Как ни черны — лазурь!
Игралища для битвы небывалой,
Дарохранительницы бурь.

Зеркальные! Ни зыби в них, ни лона,
Вселенная в них правит ход.
Лазурь! Лазурь! Пустынная до звона!
Книгохранилища пустот!

Провалы отроческих глаз! — Пролеты!
Душ раскаленных — водопой.
— Оазисы! — Чтоб всяк хлебнул и отпил,
И захлебнулся пустотой.

Пью-не напьюсь. Вдох — и огромный выдох,
И крови ропщущей подземный гул.
Так по ночам, тревожа сон Давидов,
Захлебывался Царь Саул.

12 августа 1921

2

Огнепоклонник! Красная масть!
Завороженный и ворожащий!
Как годовалый — в красную пасть
Льва, в пурпуровую кипь, в чашу —

Око и бровь! Перст и ладонь!
В самый огонь, в самый огонь!

Огнепоклонник! Страшен твой бог!
Пляшет твой бог, на смерть ударив!
Думаешь — глаз? Красный всполох —
Око твое! — Перебег зарев...

А пока жив — прядай и сыпь
В самую кипь! В самую кипь!

Огнепоклонник! Не опалюсь!
По мановенью — горят, гаснут!
Огнепоклонник! Не поклонюсь!
В черных пустотах твоих красных

Стройную мощь выкрутив в жгут
Мой это бьет — красный лоскут!

14 августа 1921

3

Простоволосая Агарь — сижу,
В широкоокою печаль — гляжу.

В печное зарево раскрыв глаза,
Пустыни карие — твои глаза.

Забывши верую, купель, потир —
Справа-налево в них читаю Мир!

Орлы и гады в них, и лунный год, —
Весь грустноглазый твой, чужой народ.

Пески и зори в них, и плащ Вождя...
Как ты в огонь глядишь — я на тебя.

Пески не кончатся... Сынок, ударь!
Простой поденщицей была Агарь.

Босая, темная бреду, в тряпье...
— И уж не помню я, что там — в котле!

15 августа 1921

Виноградины тщетно в садах ржавели,
И наложница, тщетно прождав, уснула.
Палестинские жилы! — Смолы тяжёле
Протекает в вас древняя грусть Саула.

Пятидневною раною рот запекся.
Тяжек ход твой, о кровь, приближаясь к сроку!
Так давно уж Саулу-Царю не пьется,
Так давно уже землю пытается око.

Иерихонские розы горят на скулах,
И работает грудь наподобье горна.
И влачат, и влачат этот вздох Саулов
Палестинские отроки с кровью черной.

17 августа 1921

302

Веками, веками
Свергала, взводила.
Горбачусь — из серого камня — Сивилла.

Пустынные очи
Упорствуют в землю.
Уже не пророчу, —
Зубов не разъемлю.

О дряхлом удаве
Презренных сердец —
Лепечет, лепечет о славе юнец.

Свинцовые веки
Смежила — не выдать!
Свинцовые веки
Смеженные — видят:

В сей нищенской жизни —
Лишь час величавый!
Из серого камня — гляди! — твоя слава.

О дряхлом удаве
Презренных сердец —
Лепечет, лепечет о славе юнец.

20 августа 1921

303. ОТРЫВОК ИЗ СТИХОВ К АХМАТОВОЙ

...Но вал моей гордыни польской —
Как пал он! — С златозарных гор
Мои стихи — как добровольцы
К тебе стекались под шатер.

Следя полночные наезды
Бдил добровольческий табун,
Пока беседовали звезды
С Единодержницею струн.

30 августа 1921

304. МАЯКОВСКОМУ

Превыше крестов и труб,
Крещенный в огне и дыме,
Архангел-тяжелоступ —
Здорово в веках, Владимир!

Он возчик и он же конь,
Он прихоть и он же право.
Вздыхнул, поплевал в ладонь:
— Держись, ломовая слава!

Певец площадных чудес —
Здорово, гордец чумазий,
Что камнем — тяжеловес
Избрал, не прельстясь алмазом.

Здорово, булыжный гром!
Зевнул, козырнул — и снова
Оглоблей гребет — крылом
Архангела ломового.

5 сентября 1921

1

Ханский полон
Во сласть изведав,
Бью крылом
Богу побегов.

Спорый бог,
Скорый бог,
Шпоры в бок-бог!

Оповести
Словом и знаком,
Тех усыпи
Хмелем и маком,

Кровом и мраком будь,
Словом и знаком будь,
Пнем и канавой будь,—
Чтоб все ветра им в грудь!

Черный бог,
Ворон-бог,
Полночь-бьет-бог.

Щебнем-травой,
Гребнем-откосом.
Над татарвой
— Тьфу! — над раскосой.

Конь мой земли не тронь,
Лоб мой звезды не тронь,
Вздых мой губы не тронь,
Всадник-конь, перст-ладонь.

Конный бог,
Сонный бог,
Ломом в лоб-бог!

Быстрым ногам —
Крепость и смелость!
По слободам
Век чтобы пелось:

Беглых и бóсых — бог,
Простоволосых — бог,
Взлет, всплеск, всхлест, охлест-бог,
Сам чорт на веслах — бог.

Окрик-бог,
Охлест-бог,
Опрометь-бог!

18 сентября 1921

2

Ни тагана
Нет, ни огня.
На́ меня, на́!
Будет с меня

Конскую кость
Жрать с татарвой.
Сопровождай,
Столб верстовой!

— Где ж, быстрота,
Крест-твой-цепок?
— Крест-мой-цепок
Хан под сапог.

Град мой в крови,
Грудь без креста,—
Усынови,
Матерь-Верста!

— Где ж, сирота,
Кладь-твоя-дом?
— Скарб — под ребром,
Дом — под седлом,

Хан мой — Мамай,
Хлеб мой — тоска.
К старому в рай,
Паперть-верста!

— Что ж, красота,
К Хану строга?

— К Хану строга?
Память долга!

Камнем — мне Хан,
Ямой — Москва.
К ангелам в стан,
Скатерть-верста!

19 сентября 1921

3

Следок твой непытан,
Вихор твой — колтун.
Скрипят под копытом
Разрыв да плакун.

Нетоптанный путь,
Непутевый огонь.—
Ох, Родина-Русь,
Неподкованный конь!

Кумач твой без сбыту,
Палач твой без рук.
Худое корыто
В хоромах — да крюк.

Корою нажрусь,—
Не диковина нонь!
— Ох, Родина-Русь,
Зачарованный конь!

Не вскочишь — не сядешь!
А сел — не пеняй!
Один тебе всадник
По нраву — Мамай!

Раскосая гнусь,
Воровская ладонь...
— Эх, Родина-Русь,
Нераскаянный конь!

25 сентября 1921

Не растеклась еще
 Кровь Иисусова.
 Над безнапраслинкой —
 Времячко Бусово.

Черная кровь
 Из-под ножа.
 Бусом — любовь,
 Бусом — божба.

Знать не дошла еще
 Кровь Голубина.
 Озером — Жаль,
 Полем — Обида.

(Уж не тебя ль,
 Князь мой нелжив?)
 Озером — Жаль,
 Деревом — Див.

Тупит глаза
 Русь моя руса.
 Вороном — Гза,
 Гзак тот безусый,

Хан-тот-лазей,
 Царь-раскрадынь,
 Рознит князей,
 Вдовит княгинь.

— Ослобони меня!
 Хану — рабынюшка!
 В роще обидонька
 Плачет рябинушкой.

Не перечеть
 Той бирюзы.
 Девичья честь —
 Стрелы борзы!

Травушки стоптаны,
 Рученьки розняты.

В поле стыдобушка
Никнет березынькой.

Только и есть —
Два рукава!
Гзакова лесь —
Плеть скакова!

Исполосована
Русь моя русая.
Гзак да Кончак еще,
Вороны Бусовы.

Полный колчан,
Вольный постой.
А по ночам
Мать над дитей:

— Спи, неустан,
Спи, недослух,
Чтоб тебя сам
Хан карнаух!

Хвать — да и в стан!
Каши не даст!
Чтоб тебя сам
Гзак-загребаст!

Так по шатрам,
Через всю Русь:
— Чтоб тебя сам
Бус-удавлюсь!

7 марта 1922

309

Семеро, семеро
Славлю дней!
Семь твоих шкур твоих
Славлю, Змей!

Пустопорожня
Дань земле

Старая кожа
Лежит на пне.

Старая сброшена,—
Новой жди!
Старую кожу
Прохожий, жги!

Чтоб уж и не было
Нам: вернись!
Чтобы ни следу
От старых риз!

Снашивай, сбрасывай
Старый день!
В ризнице нашей —
Семижды семь!

3 октября 1921

310

Блаженны дочерей твоих, Земля,
Бросавшие для боя и для бега.
Блаженны в Елисейские поля
Вступившие, не обольстившись негой.

Там лавр растет,— жестоколист и трезв,
Лавр-летописец, горячитель боя.
— Содружества заоблачный отвес
Не променяю на юдоль любви.

4 октября 1921

311—313. ХВАЛА АФРОДИТЕ

1

Уже богов — не те уже щедроты
На берегах — не той уже реки.
В широкие закатные ворота
Венерины, летите, голубки!

Я ж на песках похолодевших лежа,
В день отойду, в котором нет числа...
Как змей на старую взирает кожу —
Я молодость свою переросла.

4 октября 1921

2

Тщетно, в ветвях заповедных кроюсь,
Нежная стая твоя гремит.
Сластолюбивый роняю пояс,
Многолюбивый роняю мирт.

Тяжкоразящей стрелой тупую
Освободил меня твой же сын.
— Так о престол моего покоя,
Пеннорожденная, пеной сгинь!

5 октября 1921

3

Сколько их, сколько их ест из рук,
Белых и сизых!
Целые царства воркуют вокруг
Уст твоих, Низость!

Не переводится смертный пот
В золоте кубка.
И полководец гривастый льнет
Белой голубкой.

Каждое облако в час дурной —
Грудью круглится.
В каждом цветке неповинном — твой
Лик, Дьяволица!

Бренная пена, морская соль...
В пене и в муке —
Повиноваться тебе доколь,
Камень безрукий?

10 октября 1921

От гнева в печени, мечты во лбу
Богиня Верности, храни рабу.

Чугунным ободом скрепи ей грудь,
Богиня Верности, покровом будь.

Всё сладколичие сними с куста,
Косноязычием скрепи уста...

Запечатленное кости в гробу,
Богиня Верности, храни рабу!

Дабы без устали шумел станок,
Да будет уст ее закон — замок.

Дабы могильного поверх горба:
«Единой Верности была раба!»

На раздорожии, ребром к столбу,
Богиня Верности — распни рабу!

11 октября 1921

С такую силой в подбородок руку
Вцепив, что судорогой вьется рот,
С такую силою поняв разлуку,
Что, кажется, и смерть не разведет —

Так знаменосец покидает знамя,
Так на помосте матерям: Пора!
Так в ночь глядит — последними глазами —
Наложница последнего царя.

11 октября 1921

Молодость моя! Моя чужая
Молодость! Мой сапожок непарный!
Воспаленные глаза сужая,
Так листок срывают календарный.

Ничего из всей твоей добычи
Не взяла задумчивая Муза.
Молодость моя! — Назад не кличу.
Ты была мне ношей и обузой.

Ты в ночи нашептывала гребнем,
Ты в ночи оттачивала стрелы.
Щедростью твоей давясь, как щебнем,
За чужие я грехи терпела.

Скипетр тебе вернув до срока —
Что уже душе до яств и брашна!
Молодость моя! Моя морока-
Молодость! Мой лоскуток кумашный!

5 ноября 1921

317. МУЗА

Ни грамот, ни праотцев,
Ни ясного сокола.
Идет-отрывается,—
Такая далекая!

Под смуглыми веками —
Пожар златокрылый.
Рукою обветренной
Взяла — и забыла.

Подол неподобранный,
Ошмёток оскаленный.
Не злая, не добрая,
А так себе: дальняя.

Не плачет, не сетует:
Рванул — так и милый!
Рукою обветренной
Дала — и забыла.

Забыла — и россыпью
Гортанною, клекотом...
— Храни ее, Господи,
Такую далекую!

6 ноября 1921

Скоро уж из ласточек — в колдуньи!
 Молодость! Простимся накануне...
 Постоим с тобою на ветру!
 Смуглая моя! Утешь сестру!

Полыхни малиновою юбкой,
 Молодость моя! Моя голубка
 Смуглая! Раззор моей души!
 Молодость моя! Утешь, спляши!

Полосни лазоревою шалью,
 Шалая моя! Пошалевали
 Досыта с тобой! — Спляши, ошпарь!
 Золотце мое-прощай-янтарь!

Неспроста руки твоей касаюсь,
 Как с любовником с тобой прощаюсь.
 Вырванная из грудных глубин —
 Молодость моя! — Иди к другим!

7 ноября 1921

Без самовластия,
 С полною кротостью.
 Легкий и ласковый
 Воздух над пропастью.

Выросший сразу,
 — Молнией — в срок —
 Как по приказу
 Будет цветок.

Змееволосый,
 Звездочитый...
 Не смертоносный, —
 Сам без защиты!

Он ли мне? Я — ему?
 Знаю: польщусь...
 Знаю: нечаянно
 В смерть оступлюсь...

7 ноября 1921

Так плыли: голова и лира,
Вниз, в отступающую даль.
И лира уверяла: мира!
А губы повторяли: жаль!

Крово-серебряный, серебро-
Кровавый след двойной лия,
Вдоль обмирающего Гебра —
Брат нежный мой, сестра моя!

Порой, в тоске неутолимой,
Ход замедлялся головы.
Но лира уверяла: Мимо!
А губы ей вослед: Увы!

Вдаль-зыблущимся изголовьем
Сдвигаемые как венцом —
Не лира ль истекает кровью?
Не волосы ли — серебром?

Так, лестницею нисходящей
Речною — в колыбель зыбей.
Так, к острову тому, где слаще
Чем где-либо — лжет соловей...

Где осиянные останки?
Волна соленая — ответь!
Простоволосой лесбиянки
Быть может вытянула сеть? —

18 ноября 1921

Грудь женская! Души застывший вздох,—
Суть женская! Волна, всегда врасплох
Застигнутая — и всегда врасплох
Вас застигающая — видит Бог!

Презренных и презрительных утех
Игралище.— Грудь женская! — Доспех
Уступчивый! — Я думаю о тех...
Об одногрудых тех,— подругах тех!..

22 ноября 1921

1

Не с серебром пришла,
Не с янтарем пришла,—
Я не царем пришла,
Я пастухом пришла.

Вот воздух гор моих,
Вот острый взор моих
Двух глаз — и красный пых
Костров и зорь моих.

Где ладан-воск — тот-мех?
Не оберусь прорех!
Хошь и нищее всех —
Зато первее всех!

За верблюдом верблюду
Гляди: на холм-твой-крут,
Гляди: цари идут,
Гляди: лари несут.

О—поз—дали!

23 ноября 1921

2

Три царя,
Три ларя
С ценными дарами.

Первый ларь —
Вся земля
С синими морями.

Ларь второй:
Весь в нем Ной,
Весь, с ковчегом-с-тварью.

Ну, а в том?
Что в третём?
Что в третём-то, Царь мой!

Царь дает,
— Свет мой свят!
Не понять что значит!

Царь — вперед,
Мать — назад,
А младенец плачет.

23 ноября 1921

324

С〈ергею〉 Э〈фрону〉

Как по тем донским боям,—
В серединку самую,
По заморским городам
Всё с тобой мечта моя.

Со стены сниму кивот
За труху бумажную.
Всё продажное, а вот
Память не продажная.

Нет сосны такой прямой
Во зеленом ельнике.
Оттого что мы с тобой —
Одноколыбельники.

Не для тысячи судеб —
Для единой родимся.
Ближе, чем с ладонью хлеб —
Так с тобою сходимся.

Не унес пожар-потоп
Перстенька червонного!
Ближе, чем с ладонью лоб
В те часы бессонные.

Не возьмет мое вдовство
Ни муки, ни мельника...
Нерушимое родство:
Одноколыбельники.

Знай, в груди моей часы
Как завел — не ржавели.
Знай, на красной на Руси
Всё ж самодержавие!

Пусть весь свет идет к концу —
Достою у всенощной!
Чем с другим каким к венцу —
Так с тобою к стеночке.

— Ну-кошь, до меня охоч!
Не зевай, брательники!
Так вдвоем и канем в ночь:
Одноколыбельники.

30 ноября 1921

325

Так говорю, ибо дарован взгляд
Мне в игры хоровые:
Нет, пурпурные с головы до пят,
А вовсе не сквозные!

Так — довожу: лба осиянный свод
Надменен до бесчувствия.
И если радугую гнется рот —
То вовсе не от грусти.

Златоволосости хотел? Стыда?
Вихрь — и костер лавровый!
И если нехотя упало: *да* —
Нет — их второе слово.

Мнил — проволокою поддержан бег?
Нет, глыбы за плечами!
В полуопущенности смуглых век
Стрел больше чем в колчане!

О, в каждом повороте головы —
Целая преисподня!
Я это утверждаю: таковы,
Да,— ибо рать Господня.

Медновскипающие табуны —
В благовест мы — как в битву!
Какое дело нам до той слюны,
Названной здесь молитвой?!

Путеводители старух? Сирот?
— Всплохи заревые! —
Так утверждаю, ибо настужь вход
Мне в игры хоровые.

1 декабря 1921

326

Необычайная она! Сверх сил!
Не обвиняй меня пока! Забыл!
Благословенна ты! Велел сказать —
Благословенна ты! А дальше гладь
Такая ровная... Постой: меж жен
Благословенна ты... А дальше звон
Такой ликующий...— Дитя, услышь:
Благословенна ты! — А дальше тишь
Такая...

5 декабря 1921

327

Как начнут меня колеса —
В слякоть, в хлипь,
Как из глотки безголосой
Хлынет кипь —
Хрип, кончающийся за морем, что стерт
Мол с лица земли мол...— Мама?
Думал,— чорт!
Да через три ча еще!

10 декабря 1921

Над синеморскою лоханью —
 Воинствующий взлет.
 Божественное задыханье
 Дружб отроческих — вот!

Гадательные диалоги
 Воскрылия с плечом.
 Объятие, когда руки и ноги
 И тело — не при чем.

Реснй—цами — сброшенный вызов:
 Вырвалась! Догоняй!
 Из рук любовниковых — ризы
 Высвобожденный край.

И пропастью в груди (что нужды
 В сем: косное грудь в грудь?)
 Архангельской двуострой дружбы
 Обморочная круть.

12 декабря 1921

329. АХМАТОВОЙ

Кем полосынька твоя
 Нынче выжнется?
 Чернокосынька моя!
 Чернокнижница!

Дни полночные твои,
 Век твой таборный...
 Все работнички твои
 Разом забраны.

Где сподручники твои,
 Те сподвижнички?
 Белорученька моя,
 Чернокнижница!

Не загладить тех могил
 Слезой, славою.
 Один заживо ходил —
 Как удушенный.

Другой к стеночке пошел
Искать прибыли.
(И гордец же был-сокòл!)
Разом выбыли.

Высоко твои братья!
Не докличешься!
Яснооконька моя,
Чернокнижница!

А из тучи-то (хвала —
Диво дивное!)
Соколиная стрела,
Голубиная...

Знать, в два перышка тебе
Пишут тамотка,
Знать, уж вскорости тебе
Выйдет грамотка:

— Будет крылышки трепать
О булыжники!
Чернокрылонька моя!
Чернокнижница!

16 декабря 1921

330. МОСКВЕ

Первородство — на сиротство!
Не спокаюсь.
Велико твое дородство:
Отрекаюсь.

Тем как вдаль гляжу на ближних —
Отрекаюсь.
Тем как твой топчу булыжник —
Отрекаюсь.

Как в семнадцатом-то,
Праведница в белом,
Усмехаючись стояла
Под обстрелом.

Как в осьмнадцатом-то
— А? — следочком ржавым
Всё сынов своих искала
По заставам.

Вот за эту-то — штыками!
Не спокаюсь! —
За короткую за память —
Отрекаюсь.

Драгомилово, Рогожская,
Другие...
Широко ж твоя творилась
Литургия...

А рядочком-то
На площади на главной,
Рванью-ключьями
Утешенные, лавром...

Наметай, метель, опилки:
Снег свой чистый.
Поклонись, глава, могилам
Бунтовщицким.

(Тоже праведники были, —
Не за гривну!)
Красной ране, бедной праведной
Их кривде...

Старопрежнее, на свалку!
Нынче, здравствуй!
И на кровушке на свежей —
Пляс да яства.

Вот за тех за всех за братьей
— Не спокаюсь! —
— Прости, Иверская Мати! —
Отрекаюсь.

30 декабря 1921

Пуще чем женщина
 В час свиданья!
 Лавроиссеченный,
 Красной рванью
 Исполосованный
 В кровь —
 Снег.

Вот они, тесной стальной когортой,
 К самой кремлевской стене приперты,
 В ряд
 Спят.

Лавр — вместо камня
 И Кремль — оградой.
 Крестного знамени
 Вам не надо.
 Как —
 Чтить?

Не удостоились «Со святыми»,
 Не упокоились со святыми.
 Лавр.
 Снег.

Как над Иисовым
 Телом — стража.
 Руки грызу себе, — ибо даже
 Снег
 Здесь
 Гнев. — «Проходи! Над своими разве?!»
 Первою в жизни преступной связью
 Час
 Бьет.

С башни — который? — стою, считаю.
 Что ж это здесь за земля такая?
 Шаг
 Врос.

Не оторвусь! («Отрубите руки!»)
 Пуще чем женщине

В час разлуки —
Час
Бьет.

Под чужеземным бунтарским лавром
Тайная страсть моя,
Гнев мой явный —
Спи,
Враг!

31 декабря 1921

1922 год

332. НОВОГОДНЯЯ

С⟨ергею⟩ Э⟨фрону⟩

Братья! В последний час
Года — за русский
Край наш, живущий — в нас!
Ровно двенадцать раз —
Кружкой о кружку!

За почетную рвань,
За Тамань, за Кубань,
За наш Дон русский,
Старых вер Иордань...
Грянь,
Кружка о кружку!

Товарищи!
Жива еще
Мать — Страсть — Русь!
Товарищи!
Цела еще
В серд—цах Русь!

Братья! Взгляните в даль!
Дельвиг и Пушкин,
Дел и сердец хрусталь...
— Славно, как сталь об сталь —
Кружкой о кружку!

Братства славный обряд —
За наш братственный град
Прагу — до — хрусту
Грянь, богемская грань!
Грянь,
Кружка о кружку!

Товарищи!
Жива еще
Ступь — стать — сталь.
Товарищи!
Цела еще
В серд—цах — сталь.

Братья! Последний миг!
Уж на опушке
Леса — исчез старик...
Тесно — как клык об клык —
Кружкой о кружку!

Добровольная дань,
Здравствуй, добрая брань!
Еще жив — русский
Бог! Кто верует — встань!
Грянь,
Кружка о кружку!

2 января 1922

333. НОВОГОДНЯЯ (ВТОРАЯ)

С〈ергею〉 Э〈фрону〉

Тот — вздохом взлелеянный,
Те — жестоки и смуглы.
Залетного лебедя
Не обижают орлы.

К орлам — не по записи:
Кто залетел — тот и брат!
Вольна наша трапеза,
Дик новогодний обряд.

Гуляй пока хочется
В гостях у орла!
Мы — вольные летчики,
Наш знак — два крыла!

Под гулками сводами
Бои: взгляд о взгляд, сталь о сталь.
То ночь новогодняя
Бьет хрусталем о хрусталь.

Попарное звяканье
Судеб: взгляд о взгляд, грань о грань.
Очами невнятными
Один — в новогоднюю рань...

Не пей, коль не хочется!
Гуляй вдоль стола!
Мы — вольные летчики,
Наш знак — два крыла!

Соборной лавиною
На лбы — новогодний обвал.
Тоска лебединая
В очах твоих Дон ночевал.

Тоска лебединая,
Протяжная — к родине — цепь...
Мы знаем единую
Твою, — не донская ли степь?

Лети, куда хочется!
На то и стрела!
Мы — вольные летчики,
Наш век — два крыла!

5 января 1922

334

Каменногрудый,
Каменнолобый,
Каменнобровый
Столб:
Рок.

Промысел, званье!
Вставай в ряды!
Каменной дланью
Равняет лбы.

Хищен и слеп,
Хищен и глуп.
Милости нет:
Каменногруд.

Ведомость, номер!
Без всяких прочих!
Равенство — мы:
Никаких Высочеств!

Выравнен? Нет?
Кланяйся праху!
Пушкин — на снег,
И Шенье — на плаху.

6 января 1922

335

Алексею Александровичу Чаброву

Не ревновать и не клясть,
В грудь призывая — все стрелы!
Дружба! — Последняя страсть
Недосожженного тела.

В сердце, где белая даль,
Гладь — равноденствие — ближний,
Смертолюбивую сталь
Переворачивать трижды.

Знать: не бывать и не быть!
В зоркости самоуправной
Как черепицами крыть
Молниеоковую правду.

Рук непреложную рознь
Блюсть, костеня от гнева.
— Дружба! — Последняя кознь
Недоказанного чрева.

8 января 1922

По нагориям,
 По восхолмиям,
 Вместе с зорями,
 С колокольнями,

Конь без удержу,
 — Полным парусом! —
 В завтра путь держу,
 В край без праотцев.

Не орлицей звать
 И не ласточкой.
 Не крестите,—
 Не родилась еще!

Суть двужильная.
 Чужедадьная.
 Вместе с пильнями,
 С наковальнями,

Вздых — без одыши,
 Лоб — без огляди,
 В завтра речь держу
 Потом огненным.

Пни да рытвины,—
 Не взялась еще!
 Не судите!
 Не родилась еще!

Тень — вожатаем,
 Тело — за версту!
 Поверх закисей,
 Поверх ржавостей,

Поверх старых вер,
 Новых навыков,
 В завтра, Русь,— поверх
 Внуков — к правнукам!

(Мертвых Китежей
 Что нам — пастбища?)

Возлюбите!
Не родилась еще!

Серпы убраны,
Столы с яствами.
Вместе с судьбами,
Вместе с царствами.

Полукружим,
— Солнцем за море! —
В завтра взор между:
— Есмь! — Адамово.

Дыхом-пыхом — дух!
Одни — поножи.
— Догоняй, лопух!
На седьмом уже!

9 января 1922

337

С⟨ергею⟩ Э⟨фрону⟩

Не похорошела за годы разлуки!
Не будешь сердиться за грубые руки,
Хватающиеся за хлеб и за соль?
— Товарищества трудовая мозоль!

О, не прихорашивается для встречи
Любовь.— Не прогневайся на просторечье
Речей,— не советовала б пренебречь:
То летописи огнестрельная речь.

Разочаровался? Скажи без боязни!
То — выкорчеванный от дружб и приязней
Дух.— В путаницу якорей и надежд
Прозрения непоправимая брешь!

10 января 1922

Верстами — врозь — разлетаются брови.
 Две достоверности розной любви,
 Черные возжи-мои-колеи —
 Дальнородожные брови твои!

Ветлами — вслед — поднимаются руки.
 Две достоверности верной разлуки,
 Кровь без слезы прѣлитая!
 По ветру жизнь! — Брови твои!

Летописи лебединые стрелы,
 Две достоверности белого дела,
 Радугою — в Божьи бои
 Вброшенные — брови твои!

10 января 1922

339. ПОСМЕРТНЫЙ МАРШ

Добровольчество — это добрая воля к смерти...
(Попытка толкования)

И марш вперед уже,
 Трубят в поход.
 О как встает она,
 О как встает...

Уронив лобяной облом
 В руку, судорогой сведенную,
 — Громче, громче! — Под плеск знамен
 Не взойдет уже в залу тронную!

И марш вперед уже,
 Трубят в поход.
 О как встает она,
 О как встает...

Не она ль это в зеркалах
 Расписалась ударом сабельным?
 В едком верезге хрусталя
 Не ее ль это смех предсвадебный?

И марш вперед уже,
Трубят в поход.
О как встает она,
О как —

Не она ли из впалых щек
Продразнилась крутыми скулами?
Не она ли под локоток:
— Третьим, третьим вчера прикуривал?

И марш вперед уже,
Трубят в поход.
О как —

А — в просторах — Норд-Ост и шквал.
— Громче, громче промежду ребрами! —
Добровольчество! Кончен бал!
Послужила вам воля добрая!

И марш вперед уже,
Трубят —

Не чужая! Твоя! Моя!
Всех как есть обнесла за ужином!
— Долгой жизни, Любовь моя!
Изменяю для новой суженой...

И марш —

10 января 1922

340

Завораживающая! Крест
Накрест складывающая руки!
Разочарование! Не крест
Ты — а страсть, как смерть и как разлука.

Развораживающий настой,
Сладость обморочного оплыва...
Что настаивающий нам твой
Хрип, обезголосевшая дива —

Жизнь! — Без голосу вступает в дом,
В полной памяти дает обеты,
В нежном голосе полумужском —
Безголосицы благая Лета...

Уж немногих я зову на ты,
Уж улыбки забываю важность...
— То вдоль всей голосовой версты
Разочарования протяжность.

16 января 1922

341

А и простор у нас татарским стрелам!
А и трава у нас густа — бурьян!
Не курским соловьем осоловелым,
Что похотью своею пьян,

Свищу над реченькою румянистой,
Той реченькою-не старей.
Покамест в неширокие полсвиста
Свищу — пытаться богатырей.

Ох и рубцы ж у нас пошли калеки!
— Алешеньки-то кровь, Ильи! —
Ох и красны ж у нас дымятся реки,
Малиновые полыньи.

В осоловелой оторопи банной —
Хрип княжеский да волчья сыть.
Всей соловьиной глоткой разливанной
Той оторопи не покрыть.

Вот и молчок-то мой таков претихий,
Что вывелась моя семья.
Меж соловьев слезистых — соколиха,
А род веду — от Соловья.

27 января 1922

Слезы — на лисе моей облезлой!
 Глыбой — черезплечные ремни!
 Громче паровозного железа,
 Громче левогрудой стукотни —

Дребезг подымается над щебнем,
 Скрежетом по рощам, по лесам.
 Точно кто вгрызающимся гребнем
 Разом — по семи моим сердцам!

Родины моей широкоскулой
 Матерный, бурлацкий перегар,
 Или же — вдоль насыпи сутулой
 Шепоты и топоты татар.

Или мужичонка, на́ круг должный,
 За косу красу — да о косяк?
 (Может людоедица с Поволжья
 Склабом — о ребяческий костяк?)

Аль Степан всплясал, Руси кормилец?
 Или же за кровь мою, за труд —
 Сорок звонарей моих взбесились —
 И болярыню свою поют...

Сокол-перерезанные пути!
 Шибче от кровавой колеи!
 — То над родиной моею лютой
 Истрадавшиеся соловьи.

28 января 1922

Не приземист — высокоросл
 Стан над выравненностью грядок.
 В густоте кормовых ремесл
 Хоровых не забыла радуг.

Сплю — и с каждым батрацким днем
 Тверже в памяти благодарной,
 Что когда-нибудь отдохнем
 В верхнем городе Леонардо.

27 января 1922

1

Мимо иди!
 Это великая милость.
 Дочь Иаира простилась
 С куклой (с любовником!) и с красотой.
 Этот просторный покроей
 Юным к лицу.

2

В просторах покроя —
 Потерянность тела,
 Посмертная сквозь.

Девушка, не скроешь,
 Что кость захотела
 От косточки врозь.

Зачем, равнодушный,
 Противу закону
 Спешащей реки —

Слез женских послушал
 И отчего стону —
 Душе вопреки!

Сказал — и воскресла,
 И смутно, по памяти,
 В мир хлеба и лжи.

Но поступь надтреснута,
 Губы подтянуты,
 Руки свежи.

И всё как спросонья
 Не имеют конечности.
 И в самый базар

С дороги не тронется
 Отвесной. — То Вечности
 Бессмертный загар.

Привыкнет — и свыкнутся.
И в белом, как надобно,
Меж плавных сестер...

То юную скрытницу
Лавиною свадебной
Приветствует хор.

Рукой его согнута,
Смеется — всё заново!
Всё роза и гроздь!

Но между любовником
И ею — как занавес
Посмертная сквозь.

3—4 февраля 1922

346

На пушок девичий, нежный —
Смерть серебряным загаром.
Тайная любовь промежду
Рукописью — и пожаром.

Рукопись — пожару хочет,
Девственность — базару хочет,
Мраморность — загару хочет,
Молодость — удару хочет!

Смерть, хватай меня за косы!
Подкоси румянец русый!
Татарве моей раскосой
В ножки да не поклонюся!

— Русь!!!

3—4 февраля 1922

На заре — наimedленнойшая кровь,
 На заре — наиявственнейшая тишь.
 Дух от плоти косной берет развод,
 Птица клетке костной дает развод.

Око зрит — невидимейшую даль,
 Сердце зрит — невидимейшую связь...
 Ухо пьет — неслыханнейшую молвь.
 Над разбитым Игорем плачет Див...

17 марта 1922

Переселенцами —
 В какой Нью-Йорк?
 Вражду вселенскую
 Взвалив на горб —

Ведь и медведи мы!
 Ведь и татары мы!
 Вшами изъедены
 Идем — с пожарами!

Покамест — в долг еще!
 А там, из тьмы —
 Сонмы и полчища
 Таких, как мы.

Полураскосая
 Стальная щель.
 Дикими космами
 От плеч — метель.

— Во имя Господа!
 Во имя Разума! —
 Ведь и короста мы,
 Ведь и проказа мы!

Волчьими искрами
 Сквозь вьюжный мех —
 Звезда российская:
 Противу всех!

Отцеубийцами —
В какую дичь?
Не ошибиться бы,
Вселенский бич!

«Люд земледельческий,
Вставай с постелею!»
И вот с расстрельщиком
Бредет расстрелянный,

И дружной папертью,
— Рвань к голытьбе:
«Мир белоскатертный!
Ужо тебе!»

9 февраля 1922

349

Сомкнутым строем —
Противу всех.
Дай же спокойно им
Спать во гробех.

Ненависть,— чти
Смертную блажь!
Ненависть, спи:
Рядышком ляжь!

В бранном их саване —
Сколько прорех!
Дай же им правыми
Быть во гробех.

Враг — пока здоров,
Прав — как упал.
Мертвым — устав
Червь да шакал.

Вместо глазниц —
Черные рвы.
Ненависть, ниц:
Сын — раз в крови!

Собственным телом
Отдал за всех...
Дай же им белыми
Быть во гробех.

9 февраля 1922

350. СУГРОБЫ

Эренбургу

Небо катило сугробы
Валом в полночную муть.
Как из единой утробы —
Небо — и глыбы — и грудь.

Над пустотой переулка,
По сталактитам пещер
Как раскатилось гулко
Вашего имени Эр!

Под занавескою сонной
Не истолкует Вам Брюс:
Женщины — две — и наклонный
Путь в сновиденную Русь.

Грому небесному тесно!
— Эр! — леопардова пасть.
(Женщины — две — и отвесный
Путь в сновиденную страсть...)

Эр! — необорная крепость!
Эр! — через чрево — вперед!
Эр! — в уплотненную слепость
Недр — осиянный пролет!

Так, между небом и нёбом,
— Радуйся же, маловер! —
По сновиденным сугробам
Вашего имени Эр.

10 февраля 1922

Не здесь, где связано,
 А там, где велено.
 Не здесь, где Лазари
 Бредут с постелею,

Горбами вьючными
 О щебень дней.
 Здесь нету рученьки
 Тебе — моей.

Не здесь, где скривлено,
 А там, где вправлено,
 Не здесь, где с крыльями
 Решают — саблями,

Где плоть горластая
 На нас: добей!
 Здесь нету дарственной
 Тебе — моей.

Не здесь, где спрошено,
 Там, где отвечено.
 Не здесь, где крошева
 Промеж — и месива

Смерть — червоточиной,
 И ревность-змей.
 Здесь нету вотчины
 Тебе — моей.

И не оглянется
 Жизнь крутобровая!
 Здесь нет свиданьица!
 Здесь только проводы,

Здесь слишком спутаны
 Концы ремней...
 Здесь нету утрени
 Тебе — моей.

Не двор с очистками —
 Райскими кущами!

Не здесь, где взыскано,
Там, где отпущено,

Где вся расплѣскана
Измена дней.
Где даже слов-то нет:
— Тебе — моей...

12 февраля 1922

352

Широкое ложе для всех моих рек —
Чужой человек
Прохожий, в которого-руки — как в снег
Всей жаркостью век

Виновных,— которому вслед я и вслед,
В гром встречных телег.
Любовник, которого может и нет,
(Вздых прожит — и нет!)

Чужой человек,
Дорогой человек,
Ночлег-человек,
Навек-человек!

— Невемый! — На сале змеином, без свеч,
Хлеб свадебный печь.
В измену! — Руслом расставаний, не встреч
Реке моей бечь.

— В свиданье! — А коли темна моя речь —
Дом каменный с плеч!
Над рвом расставаний, над воркотом встреч —
Реки моей речь...

Простор-человек,
Ниотколь-человек,
Сквозь-пол-человек,
Прошел-человек.

12 февраля 1922

А уж так: ни о чем!
 Не плечом-не бочком,
 Не толчком-локотком,—
 Говорком, говорком.

В горле — легкий громок,
 Голос встречных дорог,
 От судьбы ветерок:
 Говорок, говорок.

От крутой орлиной страсти —
 Перстенок на пальце.
 А замешано то счастье
 На змеином сальце.

А не хошь — не бери!
 Может, ветер в двери,
 Может, встречные три,—
 А и сам разбери!

Хошь и крут мой порог —
 Потрудись, паренек!
 Не с горохом пирог,—
 Сахарок-говорок!

Закажи себе на ужин,
 Господин хороший,
 Закажи себе жемчужин,
 Горловых горошин.

Голубиных тех стай
 Воркот, розовый рай?
 Ай река через край?
 Две руки подставляй!

Может путь-мой-широк
 Покатил перстенок
 Мимо рук — да в сугроб?
 Воркоток-говорок.

Распаял мое запястье
 Ветерок февральский.

А замешано то счастье
На змеином сальце...

В ожерелье — сто бус.
Сорок ртов, один кус.
Ох сокол-мой-безус,
Не божусь, не клянусь!

(Может, гость-хромоног
Костылем о порог?
Вдоль хребта холодок —
Рокоток-говорок!)

Как на красной на слободке
Муж жену зарезал.
А моя добыча в глотке —
Не под грудью левой!

От тебя, палача,
Книзу пламен свеча.
Нашей мглы епанча —
Счастье с лева плеча!..

От румяных от щек —
Шаг — до черных до дрозд!
Шелку ярый шнурок:
Ремешок-говорок!

16 февраля 1922

354

В ворко-клекочущий зоркий круг —
Голуби встреч и орлы разлук.

Ветвь или меч
Примешь из рук?
В щебете встреч —
Дребезг разлук.

17 февраля 1922

Масляница широка!
Масляницу за бока!

Масляница!
Увальница!
Провожайте
Масляницу!

Масляница-слобода!
Мочальная борода!

Снежок сывороточный,
Бочок вывороченный!

В тыщу девятьсот-от
Семнадцатом — счетом
Забралась, растрёпа,
К мужику в окопы.

Восставай, Михалыч!
Твое дело — жалость.
Восставай, Егорыч,
Твое дело — горечь.

Поел, парень, белены,
Пора, парень, за блины!

Масляница!
Бубенница!
Румяная
Труженица!

Над ушком-то гудом:
Пора, брат, за бубен!
А в ладонь-то — зудом:
С кого брат — зарубим.

Товарищество! Товар!
Румяный наш кашевар!

Тисканая!
Глаженая!

Румяная!
Ряженая!

Ротастая —
Твоя купель.
Одна сестра —
На всю артель!

Растерзана,
На круг — рвана!
Кто первый взял —
Тому верна:

На века на вечные:
До первого встречного!

Масляница!
Вафельница!
Румяная
Висельница!

(Блины, вафли,
Сахар, мед!)
Вставай, барин,
Под черед!

Ни пекарен
Вам, ни круп!
Ложись, барин,
Под тулуп!

За наш за труд,
За наш за пот,
Гуляй, Кузьма!
Гуляй, Федот!

Пожрал сенца —
Вались на дичь!
Князьям счета
Строчи, Ильич!

Про наш раззор,
Про горести —
Разборчивей,
Забористей —

На весь забор
Трезвонь, братва!
Така мол нонь
Гармонь пошла.

Висельничек румянист,
Румяный наш гармонист!

Масляница!
Увальница!
Румяная
Кукольника!

Проваливай, прежнее!
Мои дрожжи свежие!
Проваливай! Заново!
Мои дрожжи пьяные!

Подправа из белены —
Пора, парень, за блины!

Зубастые,
Разинские,
Без застав поравенствуем!

Поставцы — подковой,
Икра — жемчугова:
С Богородицыных риз.
Садись, парень, не стыдись!

Масляница!
Бусельница!
Провожайте
Масляницу!

Крути, парень, паклю в жгут!
Нынче масляницу жгут.

Гикалу!
Шугалу!
Хапалу!
Чучелу!

21 февраля 1922

Наворковала,
Наворожила.
Слева-направо
В путь проводила.

Чтоб уж никем уж,
Чтоб ни о ком уж,
Чтоб и у всенощ-
ной — сверх иконок:

Руды-пожары,
Бури-ворожбы —
Поверх державна
Воркота Божья.

Накуковала,
Натосковала.
Чтоб моей славой —
Все тебе скалы,

Чтоб моей силой —
Все тебе реки.
В первый и в третий,
Днесь и навеки...

Чтоб моей левой —
Немощь и помощь.
Чтоб уж никем уж,
Чтоб ни о ком уж...

Наобмирала,
Насоловьила.
Без переправы
В рай — насулила,

(Чтоб моей лестью
Все тебе птицы...)
В рай тот нивесть чей,
В рай тот персидский...

В сласть и в страданье —
Дай — через руку!
Прощай — в свиданье!
Здравствуй — в разлуку!

25 февраля 1922

357

А сугробы подаются,
Скоро расставаться.
Прощай, вьюг-твоих-приютство,
Воркотов приятство.

Веретен ворчливых царство,
Волков белых — рьянство.
Сугроб теремной, боярский,
Столбовой, дворянский,

Белокаменный, приютский
Для сестры, для братца...
А сугробы подаются,
Скоро расставаться.

Ах, в раззор, в раздор, в разводство
Широки — воротцы!
Прощай, снег, зимы сиротской
Даровая роскошь!

Прощай, след неznam, непытан,
Орлов белых свита,
Прощай, грех снежком покрытый,
По снегам размытый.

Горбуны-горбы-верблюдцы —
Прощай, домочадцы!
А сугробы подаются,
Скоро расставаться.

Голытьбе с любовью долог
День весенний, звонный.
Где метель: покров-наш-полог,
Голова приклонна!

Цельный день грызет, докучня,
Леденцовы зерна.
Дребезга, дрызга, разлучня,
Бойня, живодерня.

День — с ремень, ноченька куца:
Ни начать, ни взяться...
А сугробы подаются,
Скоро расставаться...

В две руки беру — за обе:
Ну — не оторвуся!
В две реки из ям-колдобин —
Дорогие бусы.

Расколдован, разморожен
Путь, ручьям запродан.
Друг! Ушли мои ворожбы
По крутым сугробам...

Не гляди, что слезы льются:
Вода — может статься!
Раз сугробы подаются —
Пора расставаться!

27 февраля 1922

358

Ранне-утреня,
Поздне-вечерня,
Крепко стукана,
Не приручёна,

Жарко сватана,
В жены не взята,—
Я дорога твоя
Невозвратна.

Много-пытанная,
Чутко-слуханная,
Зорко-слеженная,
Неудержанная!

Уж закачана
Плачем и ливнем!
Даром трачены,
Звонкие гривны!

Даром продана,
Мощь черноземна!
Я хвороба твоя
Неудремна.

(Твоя тайная грусть,
Твоя тайная грызть,
Безхозяйная Русь,
Окаянная жызть!)

Вечно — из дому,
Век — мимо дому,
От любезного
В лес — к дорогову!

Берегись, простота светлоруса!
Из-под полоза — птицей урвуся!

Вон за ту вон за даль,
Вон за ту вон за синь,
Вон за ту вон за сквозь,
Грива вкось, крылья врозь.

Эй, хорошие!
Не довелось!
Разворочена,
Простоволоса,

— Лжемариною
В сизые гряды! —
Я княгиня твоя
Безоглядна...

(Не гордыня ли
Неодоленна твоя,
Немоленна твоя?
Проваленна твоя!)

По целковому
— Аль? — да на брата!
Колесована —
Не распозната;

Не дорога —
Мечта твоя сонна,
Недотрога твоя
Необгонна.

Вон то дерево!
Вон то зарево!
Вон то курево!
Вон то марево!

4 марта 1922

359

Возле любви —
Темные смуты:
Ровно бы лютню
Кто ненароком
Краем плаща.

(Ровно бы руки
К вам на плеча.)

Как паутиною
Перепутан
Воздух — чуть ступишь...

Как паутиною
Перетянут
Голос — чуть вскричешь...

Возле любви —
Тихие вихри:
(Наш — или ихний?)

Возле любви —
Целые сонмы:
(Наш — или темный?)

Возле любви —
Шепот и шелест.
Возле любви —
Шепчут и стелят...

Тушат и светят,
Спущены веки,
Спутаны вехи,
Смуты и смехи...

Гей, пострелёныш!
Плеть моя хлестка!
Вся некрещеность!
На перекресток!

Рознь — на порожек!
Гордость — в околыш!
Ревность — под полог!
Щекот и щелок.

Но круговая
— Сверху — порука
Крыл.

5 марта 1922

360

От меня — к неведомому
Оскользь, молвь негласная.
Издадека — дремленный,
Издадека — ласканный...

У фаты завесистой
Лишь концы и затканы!
Отпусти словеснице
Оскользь, слово гладкое!

(Смугловистым ящером
Ишь — в меха еловые!)
Без ладони — лашенный,
За глаза — целованный!

Даль — большая вольница,
Верстовым — как рученькой!
Велика раскольница
Даль, хужей — прилучница!

Сквозь замочну скважину
В грудь — очьми оленьими.
Через версты — глаженный,
Ковыли — лелеянный!

За турецким за морем
Дом с цветными стеклами.
От меня — к незнакому
Выскоч — ух! — высоконький!

Сверх волны обманчивой
В грудь — дугою лютою!
Через хляби — няньчанный,
Берега — баюканный...

Таковы известьица
К Вам — с Руси соломенной!
Хороша словесница:
Две руки заломлены!

Не клейми невежею
За крыло подрублено!
Через копыя — неженный,
Лезвия — голубленный...

Март 1922

ТЕТРАДКА ПЕРВАЯ

От сего, что поэт есть творитель не наследует, что он лживец: ложь есть слово против разума и совести, но поэтическое вымышление бывает по разуму так, как вещь могла и долженствовала быть.

Тредьяковский

1922

Берлин

361

Есть час на те слова.
Из слуховых глушизн
Высокие права
Выстукивает жизнь.

Быть может — от плеча,
Протиснутого лбом.
Быть может — от луча,
Невидимого днем.

В напрасную струну
Прах — взмах на простыню.
Дань страху своему
И праху своему.

Жарких самоуправств
Час — и тишайших просьб.
Час безземельных братств,
Час мировых сиротств.

11 июня 1922

Лютая юдоль,
 Дольняя любовь.
 Руки: свет и соль.
 Губы: смоль и кровь.

Левогрудый гром
 Лбом подслушан был.
 Так — о камень лбом —
 Кто тебя любил?

Бог с замыслами! Бог с вымыслами!
 Вот: жаворонком, вот: жимолостью,
 Вот: пригоршнями: вся — выплеснута
 С моими дикостями — и тихостями,
 С моими радугами заплаканными,
 С подкрадываньями, забарматываньями...

Милая ты жизнь!
 Жадная еще!
 Ты запомни вжим
 В правое плечо.

Щебеты во тьмах...
 С птицами встаю!
 Мой веселый вмах
 В летопись твою.

12 июня 1922

Так, в скудном труженичестве дней,
 Так, в трудной судорожности к ней,
 Забудешь дружественный хорей
 Подруги мужественной своей.

Ее суровости горький дар,
 И легкой робостью скрытый жар,
 И тот беспроволочный удар,
 Которому имя — даль.

Все древности, кроме: дай и мой,
Все ревности, кроме той, земной,
Все верности,— но и в смертный бой
Неверующим Фомой.

Мой неженка! Сединой отцов:
Сей беженки не бери под кров.
Да здравствует левогрудый ков
Немудрствующих концов!

Но может, в щебетах и в счетах
От вечных женственностей устав —
И вспомнишь руку мою без прав
И мужественный рукав.

Уста, не требующие смет,
Права, не следующие вслед,
Глаза, не ведающие век,
Исследующие: свет.

15 июня 1922

364

Ночные шепота: шелка
Разбрасывающая рука.
Ночные шепота: шелка
Разглаживающие уста.
Счета
Всех ревностей дневных —
и вспых
Всех древностей — и стис-
нув челюсти —
и стих
Спор —
В шелесте...
И лист
В стекло...
И первой птицы свист.
— Сколь чист! — И вздох.
Не тот.— Ушло.

Ушла.
И вздрог
Плеча.

Ничто.
Тщета.
Конец.
Как нет.

И в эту суету сует
Сей меч: рассвет.

17 июня 1922

365

Ищи себе доверчивых подруг,
Не выправивших чуда на число.
Я знаю, что Венера — дело рук,
Ремесленник — и знаю ремесло:

От высокаторжественных немот
До полного попрапия души:
Всю лестницу божественную — от:
Дыхание мое — до: не дыши!

18 июня 1922

366

Помни закон:
Здесь не владей!
Чтобы потом —
В Граде Друзей:

В этом пустом,
В этом крутом
Небе мужском
— Сплошь золотом —

В мире, где реки вспять *,
На берегу — реки,
В мнимую руку взять
Мнимость другой руки...

Легонькой искры хруст,
Взрыв — и ответный взрыв.
(Недостоверность рук
Рукопожатьем скрыв!)

О этот дружный всплеск
Плоских как меч одежд —
В небе мужских божеств,
В небе мужских торжеств!

Так, между отрочеств:
Между равенств,
В свежих широтах
Зорь, в загаранях

Игр — на сухом ветру
Здравствуй, бесстрастье душ!
В небе тарпейских круч,
В небе спартанских дружб!

20 июня 1922

367

Когда же, Господин,
На жизнь мою сойдет
Спокойствие седин,
Спокойствие высот.

Когда ж в пратишину
Тех перволюбизн
Высокое плечо,
Всю вынесшее жизнь.

Ты, Господи, один,
Один, никто из вас,

* Ударяются и отрываются первый, четвертый и последний слоги:
На — берегу — реки.

Как с пуховых горбин
В синь горнюю рвалась.

Как под упорством уст
Сон — слушала — траву...
(Здесь, на земле искусств,
Словесницей слыву!)

И как меня томил
Лжи — ломовой оброк,
Как из последних жил
В дерева первый вздрог...

—

Дерева — первый — вздрог,
Голубя — первый — ворк.
(Это не твой ли вздрог,
Гордость, не твой ли ворк,
Верность?)

— Остановись,
Светопись зорких стрел!
В тайнописи любви
Небо — какой пробел!

Если бы — не — рассвет:
Дребезг, и свист, и лист,
Если бы не сует
Сих суета — сбылись

Жизни б...

Не луч, а бич —
В жимолость нежных тел.
В опромети добыч
Небо — какой предел!

День. Ломовых дорог
Ков.— Началась.— Пошла.
Дикий и тихий вздрог
Вспомнившего плеча.

Прячет...

Как из ведра —
Утро. Малярный мел.
В летописи ребра
Небо — какой пробел!

22—23 июня 1922

368

По загарам — топор и плуг.
Хватит — смуглому праху дань!
Для ремесленнических рук
Дорога трудовая рань.

Здравствуй — в ветхозаветных тьмах —
Вечной мужественности взмах!

Мхом и медом дымящий плод —
Прочь, последнего часа тварь!
В меховых ворохах дремот
Сарру-заповедь и Агарь-

Сердце — бросив...
— ликуй в утрах,
Вечной мужественности взмах!

24 июня 1922

369

Здравствуй! Не стрела, не камень:
Я! — Живейшая из жен:
Жизнь. Обеими руками
В твой невыспавшийся сон.

Дай! (На языке двуостром:
Нá! — Двуострота змеи!)
Всю меня в простоволосой
Радости моей прими!

Льни! — Сегодня день на шхуне,
— Льни! — на лыжах! — Льни! — льняной!
Я сегодня в новой шкуре:
Вызолоченной, седьмой!

— Мой! — и о каких наградах
Рай — когда в руках, у рта:
Жизнь: распахнутая радость
Поздороваться с утра!

25 июня 1922

370

Некоторым — не закон.
В час, когда условный сон
Праведен, почти что свят,
Некоторые не спят:

Всматриваются — и в скры-
тнейшем лепестке: не ты!

Некоторым — не устав:
В час, когда на всех устах
Засуха последних смут —
Некоторые не пьют:

Впытываются — и сти-
снутым кулаком — в пески!

Некоторым, без кривизн —
Дорого дается жизнь.

25 июня 1922

371

Дабы ты меня не видел —
В жизнь — пронзительной, незримой
Изгородью окружусь.

Жимолостью опояшусь,
Изморозью опушусь.

Дабы ты меня не слушал
В ночь — в премудрости старушей:
Скрытничество — укреплюсь.

Шорохами опояшусь,
Шелестами опушусь.

Дабы ты во мне не слишком
Цвел — по зарослям: по книжкам
Заживо запропашу:

Вымыслами опояшу,
Мнимостями опушу.

25 июня 1922

372. БАЛКОН

Ах, с откровенного отвеса —
Вниз — чтобы в прах и в смоль!
Земной любви недовесок
Слезой солить — доколь?

Балкон. Сквозь соляные ливни
Смоль поцелуев злых.
И ненависти неизбывной
Вздых: выдышаться в стих!

Стиснутое в руке комочком —
Что: сердце или рвань
Батистовая? Сим примочкам
Есть имя: — Иордань.

Да, ибо этот бой с любовью
Дик и жестокосерд.
Дабы с гранитного надбровья
Взрыв — выдышаться в смерть!

30 июня 1922

373

Ночного гостя не застанешь...
Спи и проспи навек
В испытаннейшем из пристанищ
Сей невозможный свет.

Но если — не сочти, что дразнит
Слух! — любящая — чуть
Отклонится, но если навзрыд
Ночь и кифарой — грудь...

То мой любовник лавролобый
Поворотил коней
С ристалища. То ревность бога
К любимице своей.

2 июля 1922

374

Неподражаемо лжет жизнь:
Сверх ожидания, сверх лжи...
Но по дрожанию всех жил
Можешь узнать: жизнь!

Словно во ржи лежишь: звон, синь...
(Что ж, что во лжи лежишь!) — жар, вал...
Бормот — сквозь жимолость — ста жал...
Радуйся же! — Звал!

И не кори меня, друг, столь
Заворожимы у нас, тел,
Души — что вот уже: лбом в сон.
Ибо — зачем пел?

В белую книгу твоих тишизн,
В дикую глину твоих «да» —
Тихо склоняю облом лба:
Ибо ладонь — жизнь.

8 июля 1922

375

Думалось: будут легки
Дни — и бестрепетна смежность
Рук. — Взмахом руки,
Друг, остановимте нежность.

Не—поздно еще! *
В рас—светные щели
(Не поздно!) — еще
Нам птицы не пели.

* Ударяется и отрывается первый слог. Помечено не везде.

Будь на—стороже!
Последняя ставка!
Нет, поздно уже
Друг, если до завтра!

Земля да легка!
Друг, в самую сердь!
Не в наши лета
Откладывать смерть!

Мертвые — хоть — спят!
Только моим сна нет —
Снам! — Взмахом лопат
Друг — остановимте память!

9 июля 1922

376

Руки — и в круг
Перепродаж и переуступок!
Только бы губ,
Только бы рук мне не перепутать!

Этих вот всех
Суетностей, от которых сна нет.
Руки воздев
Друг, заклинаю свою же память!

Чтобы в стихах
(Свалочной яме моих Высочеств!)
Ты не зачах,
Ты не усох наподобье прочих.

Чтобы в груди
(В тысячегрудой моей могиле
Братской!) — дожди
Тысячелетий тебя не мыли...

Тело меж тел,
— Ты, что мне про́падом был
двухзвёздным!..

Чтоб не истлел
С надписью: не опознан.

9 июля 1922

377. БЕРЛИНУ

Дождь убаюкивает боль.
Под ливни опускающихся ставень
Сплю. Вздрагивающих асфальтов вдоль
Копыта — как рукоплесканья.

Поздравствовалося — и слилось.
В оставленности златозарной
Над сказочнейшим из сиротств
Вы смилостивились, казармы!

10 июля 1922

378

Удостоверишься — повремени! —
Что, выброшенной на солому,
Не надо было ей ни славы, ни
Сокровищницы Соломона.

Нет, руки за голову заломив,
— Глоткою соловьиной! —
Не о сокровищнице — Суламифь:
Горсточке красной глины!

12 июля 1922

379

Светло-серебряная цвель
Над зарослями и бассейнами.
И занавес дохнет — и в щель
Колеблющийся и рассеянный

Свет... Падающая вода
Чадры. (Не прикажу — не двинешься!)
Так пэри к спящим иногда
Прокрадываются в любимицы.

Ибо не ведающим лет
— Спи! — головокружение нравится.
Не вычитав моих примет,
Спи, нежное мое неравенство!

Спи.— Вымыслом останусь, лба
Разглаживающим неровности.
Так Музы к смертным иногда
Напрашиваются в любовницы.

16 июля 1922

380

Вкрадчивостию волос:
В гладь и в лоск
Оторопию продольной —

Синь полуношную, масть
Воронову.— Вгладь и всласть
Оторопи вдоль — ладонью.

Неженка! — Не обманись!
Так заглаживают мысль
Злостную: разрыв — разлуку —

Лестницы последний скрип...
Так заглаживают шип
Розовый...— Поранишь руку!

Ведомо мне в жизни рук
Многое.— Из светлых дуг
Присталью неотторжимой

Весь противушерстный твой
Строй слеживаю: смоль,
Стонущую под нажимом.

Жалко мне твоей упор-
ствующей ладони: в лоск
Волосы,— вот-вот уж через

Край — глаза... Загнана внутрь
Мысль навязчивая: утр
Наваждение — под череп!

17 июля 1922

Леты слепотекущий всхлип.
 Долг твой тебе отпущен: слит
 С Летою, — еле-еле жив
 В лепете сребропотекущих ив.

Ивовый сребролелейский плеск
 Плачущий... В слепотекущий склеп
 Памятей — перетомилась — спрячь
 В ивовый сребролелейский плач.

На плечи — серебро-седым плащом
 Старческим, серебро-сухим плющом
 На плечи — перетомилась — ляг,
 Ладанный слеполелейский мрак

Маковый...
 — ибо красный цвет
 Старится, ибо пурпур — сед
 В памяти, ибо выпив всю —
 Сухостями теку.

Тусклостями: ущербленных жил
 Скупостями, молодых сивилл
 Слепостями, головных истом
 Седостями: свинцом.

31 июля 1922
Берлин

П р а г а

382—384. СИВИЛЛА

1

Сивилла: выжжена, сивилла: ствол.
 Все птицы вымерли, но бог вошел.

Сивилла: выпита, сивилла: сушь.
 Все жилы высохли: ревностен муж!

Сивилла: выбыла, сивилла: зев
Доли и гибели! — Древо меж дев.

Державным деревом в лесу нагом —
Сначала деревом шумел огонь.

Потом, под веками — в разбег, врасплох,
Сухими реками взметнулся бог.

И вдруг, отчаявшись искать извне:
Сердцем и голосом упав: во мне!

Сивилла: вещая! Сивилла: свод!
Так Благовещенье свершилось в тот

Час не стареющий, так в седость трав
Бренная девственность, пещерой став

Дивному голосу...

— так в звездный вихрь

Сивилла: выбывшая из живых.

5 августа 1922

2

Каменной глыбой серой,
С веком порвав родство.
Тело твое — пещера
Голоса твоего.

Недрами — в ночь, сквозь слепость
Век, слепотой бойниц.
Глухонемая крепость
Над пестротой жниц.

Кутают ливни плечи
В плащ, плесневев греб.
Тысячелетья плещут
У столбняковых глыб.

Горе горé! Под толщей
Век, в прозорливых тьмах —

Глиняные осколки
Царств и дорожный прах

Битв...

6 августа 1922

3

СИВИЛЛА — МЛАДЕНЦУ: *

К груди моей,
Младенец, льни:
Рождение — паденье в дни.

С заоблачных нигдешних скал,
Младенец мой,
Как низко пал!
Ты духом был, ты прахом стал.

Плачь, маленький, о них и нас:
Рождение — паденье в час!

Плачь, маленький, и впредь, и вновь:
Рождение — паденье в кровь,

И в прах,
И в час...

Где зарева его чудес?
Плачь, маленький: рождение в вес!

Где залежи его щедрот?
Плачь, маленький: рождение в счет,

И в кровь,
И в пот...

Но встанешь! То, что в мире смертью
Названо — паденье в твердь.

Но узришь! То, что в мире — век
Смежение — рождение в свет.

* Стихотворение перенесено сюда из будущего, по внутренней принадлежности.

Из днесь —
В навек.

Смерть, маленький, не спать, а встать,
Не спать, а вспять.

Вплавь, маленький! Уже ступень
Оставлена...

— Восстанье в день.

17 мая 1923

385

Но тесна вдвоем
Даже радость утр.
Оттолкнувшись лбом
И подавшись внутрь,

(Ибо странник — Дух,
И идет один),
До начальных глин
Потупляя слух —

Над источником,
Слушай-слушай, Адам,
Что проточные
Жилы рек — берегам:

— Ты и путь и цель,
Ты и след и дом.
Никаких земель
Не открыть вдвоем.

В горний лагерь лбов
Ты и мост и взрыв.
(Самовластен — Бог
И меж всех ревнив).

Над источником
Слушай-слушай, Адам,
Что проточные
Жилы рек — берегам:

— Берегись слуги,
Дабы в отчий дом

В гордый час трубы
Не предстать рабом.

Берегись жены,
Дабы, сбросив прах,
В голый час трубы
Не предстать в перстнях.

Над источником
Слушай-слушай, Адам,
Что проточные
Жилы рек — берегам:

— Берегись! Не строй
На родстве высот.
(Ибо крепче — *той*
В нашем сердце — *тот.*)

Говорю, не льстись
На орла,— скорбит
Об упавшем ввысь
По сей день — Давид!

Над источником
Слушай-слушай, Адам,
Что проточные
Жилы рек — берегам:

— Берегись могил:
Голодней блудниц!
Мертвый был и сгнил:
Берегись гробниц!

От вчерашних правд
В доме — смрад и хлам.
Даже самый прах
Подари ветрам!

Над источником
Слушай-слушай, Адам,
Что проточные
Жилы рек — берегам:

— Берегись...

8 августа 1922

Леты подводный свет,
Красного сердца риф.
Застолбенел ланцет,
Певчее горло вскрыв:

Не раскаленность жёрл,
Не распаленность скверн —
Нерастворенный перл
В горечи певчих горл.

Горе горе! Граним,
Плавим и мрем — вотще.
Ибо нерастворим
В голосовом луче

Жемчуг...
Железом в хрип,
Тысячей пил и свёрл —
Неизвлеченный шип
В горечи певчих горл.

11 августа 1922

387—395. ДЕРЕВЬЯ

*Моему чешскому другу,
Анне Антоновне Тесковой*

1

В смертных изверясь,
Зачароваться не тшусь.
В старческий вереск,
В среброскользящую сушь,

— Пусть моей тени
Славу трубят трубачи! —
В вереск-потери,
В вереск-сухие ручьи.

Старческий вереск!
Голого камня нарост!
Удостоверясь
В тождестве наших сиротств,

Сняв и отринув
Ключья последней парчи —
В вереск-руины,
В вереск-сухие ручьи.

Жизнь: двоедушье
Дружб и удушье уродств.
Седью и сушью
(Ибо вожатый — суров),

Ввысь, где рябина
Краше Давида-Царя!
В вереск-седины,
В вереск-сухие моря.

5 сентября 1922

2

Когда обидой — опилась
Душа разгневанная,
Когда семижды зареклась
Сражаться с демонами —

Не с теми, ливнями огней
В бездну нисхлѣстнутыми:
С земными низостями дней,
С людскими косностями —

Деревья! К вам иду! Спасти
От рѣва рыночного!
Вашими вымахами ввысь
Как сердце выдышано!

Дуб богоборческий! В бои
Всем корнем шествующий!
Ивы-провидицы мои!
Березы-девственницы!

Вяз — яростный Авессалом,
На пытке вздыбленная
Сосна — ты, уст моих псалом:
Горечь рябиновая...

К вам! В живоплещущую ртуть
Листвы — пусть рушащейся!
Впервые руки распахнуть!
Забросить рукописи!

Зеленых отсветов рои...
Как в руки — плещущие...
Простоволосые мои,
Мои трепещущие!

8 сентября 1922

3

Купальщицами, в легкий круг
Сбитыми, стаяй
Нимф-охранительниц — и вдруг
Гривы взметая

В закинутости лбов и рук,
— Свиток развитый! —
В пляске кончающейся вдруг
Взмахом защиты —

Длинную руку на бедро...
Вытянув выю...
Березовое серебро,
Ручьи живые!

9 сентября 1922

4

Други! Братственный сонм!
Вы, чьим взмахом сметен
След обиды земной.
Лес! — Элизиум мой!

В громком таборе дружб
Собутыльница душ
Кончу, трезвость избрав,
День — в тишайшем из братств.

Ах, с топочущих стогн
В легкий жертвенный огонь
Рощ! В великий покой
Мхов! В струение хвой...

Древа вещая весть!
Лес, вещающий: Есть
Здесь, над сбродом кривизн —
Совершенная жизнь:

Где ни рабств, ни уродств,
Там, где всё во весь рост,
Там, где правда видней:
По ту сторону дней...

17 сентября 1922

5

Беглецы? — Вестовые?
Отзовись, коль живые!
Чернецы верховые,
В чашах Бога узрев?

Сколько мчащих сандалий!
Сколько пышущих зданий!
Сколько гончих и ланей —
В убеганье дерев!

Лес! Ты нынче — наездник!
То, что люди болезнью
Называют: последней
Судорогою древес —

Это — в платье просторном
Отрок, нектаром вскормлен.
Это — сразу и с корнем
Ввысь сорвавшийся лес!

Нет, иное: не хлопя —
В сухолистом потопе!
Вижу: опрометь копий,
Слышу: рокот кровей!

И в разверстой хламиде
Пролетая — кто видел?!
То Саул за Давидом:
Смуглой смертью своей!

3 октября 1922

Не краской, не кистью!
 Свет — царство его, ибо сед.
 Ложь — красные листья:
 Здесь свет, попирающий цвет.

Цвет, попранный светом.
 Свет — цветущей пятою на грудь.
 Не в этом, не в этом
 ли: тайна, и сила и суть

Осеннего леса?
 Над тихую заводью дней
 Как будто завеса
 Рванулась — и грозно за ней...

Как будто бы сына
 Провидишь сквозь ризу разлук —
 Слова: Палестина
 Встают, и Элизиум вдруг...

Струенье... Сквоженье...
 Сквозь трепетов мелкую вязь —
 Свет, смерти блаженнее
 И — обрывается связь.

Осенняя седость.
 Ты, Гётевский апофеоз!
 Здесь многое спелось,
 А больше еще — расплелось.

Так светят седины:
 Так древние главы семьи —
 Последнего сына,
 Последнейшего из семи —

В последние двери —
 Простертым свечением рук...
 (Я краске не верю!
 Здесь пурпур — последний из слуг!)

...Уже и не светом:
 Каким-то свеченьем светясь...

Не в этом, не в этом
ли — и обрывается связь.

Так светят пустыни.
И — больше сказав, чем могла:
Пески Палестины,
Элизиума купола...

8—9 октября 1922

7

Та, что без видения спала —
Вздрогнула и встала.
В строгой постепенности псалма,
Зрительною скáлой —

Сонмы просыпающихся тел:
Руки! — Руки! — Руки!
Словно воинство под градом стрел,
Спелое для муки.

Свитки рассыпающихся в прах
Риз, сквозных как сети.
Руки, прикрывающие пах,
(Девственниц!) — и плети

Старческих, не знающих стыда...
Отроческих — птицы!
Конницею на трубу суда!
Стан по поясицу

Выпростав из гробовых пелен —
Взлет седобородый:
Есмь! — Переселенье! — Легион!
Целые народы

Выходцев! — На милость и на гнев!
Види! — Буди! — Вспомни!
...Несколько взбегающих дерев
Вечером, на всхолмье.

12 октября 1922

Кто-то едет — к смертной победе.
 У деревьев — жесты трагедий.
 Иудеи — жертвенный танец!
 У деревьев — трепеты таинств.

Это — заговор против века:
 Веса, счета, времени, дробы.
 Се — разодранная завеса:
 У деревьев — жесты надгробий...

Кто-то едет. Небо — как въезд.
 У деревьев — жесты торжеств.

7 мая 1923

Каким наитием,
 Какими истинами,
 О чем шумите вы,
 Разливы лиственные?

Какой неистовой
 Сивиллы таинствами —
 О чем шумите вы,
 О чем беспамятствуете?

Что в вашем веяньи?
 Но знаю — лечите
 Обиду Времени —
 Прохладой Вечности.

Но юным гением
 Восстав — порочите
 Ложь лицезрения
 Перстом заочности.

Чтоб вновь, как некогда,
 Земля — казалась нам.
 Чтобы *под веками*
 Свершались замыслы.

Чтобы монетами
 Чудес — не чваниться!

Чтобы *под веками*
Свершались таинства!

И прочь от прочности!
И прочь от срочности!
В поток! — В пророчества
Рсчами косвенными...

Листва ли — листьями?
Сивилла ль — выстонала?
... Лавины лиственные,
Руины лиственные...

9 мая 1923 *

396—397. ЗАВОДСКИЕ

1

Стоят в чернорабочей хмури
Закопченные корпуса.
Над копотью взметают кудри
Растроганные небеса.

В надышанную сирость чайной
Картуз засаленный бредет.
Последняя труба окраины
О праведности вопиет.

Труба! Труба! Лбов искаженных
Последнее: еще мы тут!
Какая на-смерть осужденность
В той жалобе последних труб!

Как в вашу бархатную сытость
Вгрызается их жалкий вой!
Какая заживо-зарытость
И выведенность на убой!

* Два последних стихотворения перенесены сюда из будущего по внутренней принадлежности.

А Бог? — По самый лоб закурен,
Не вступится! Напрасно ждем!
Над койками больниц и тюрем
Он гвоздиками пригвожден.

Истерзанность! Живое мясо!
И было так и будет — до
Скончания.

— Всем песням насыпь,
И всех отчаяний гнездо:

Завод! Завод! Ибо зовется
Заводом этот черный взлет.
К отчаянью трубы заводской
Прислушайтесь — ибо зовет

Завод. И никакой посредник
Уж не послужит вам тогда,
Когда над городом последним
Взревет последняя труба.

23 сентября 1922

2

Книгу вечности на людских устах
Не вотще — листав —
У последней, последней из всех застав,
Где начало трав

И начало правды... На камень сев,
Птичьим стаям вслед...
Ту последнюю — дальнюю — дальше всех
Дальних — дольше всех...

Далечайшую...

Говорит: приду!
И еще: в гробу!
Труднодышащую — наших дел судью
И рабу — трубу.

Что над городом утвержденных зверств,
Прокаженных детств,
В дымном олове — как позорный шест
Поднята, как перст.

Голос шахт и подвалов,
— Лбов на чахлом стебле! —
Голос сирых и малых,
Злых — и правых во зле:

Всех прокопченных, коих
Черт за корку купил!
Голос стоек и коек,
Рычагов и стропил.

Кому — нету отбросов!
Сам — последний ошмёт!
Голос всех безголосых
Под бичом твоим,— Тот!

Погребов твоих щебет,
Где растут без луча.
Кому нету отребьев:
Сам — с чужого плеча!

Шевельнуться не смеет:
Родился — и лежи!
Голос маленьких швеек
В проливные дожди.

Черных прачешен кашель,
Вшивой ревности зуд.
Крик, что кровью окрашен:
Там, где любят и бьют...

Голос, бьющийся в прахе
Лбом — о кротость Твою,
(Гордецов без рубахи
Голос — свой узнаю!)

Еженощная ода
Красоте твоей, твердь!
Всех — кто с черного хода
В жизнь, и шепотом в смерть...

У последней, последней из всех застав,
Там, где каждый прав —
Ибо все бесправны — на камень встав,
В плеске первых трав...

И навстречу, с безвестной
Башни — в каторжный вой:
Голос правды небесной
Против правды земной.

26 сентября 1922

398

Это пеплы сокровищ:
Утрат, обид.
Это пеплы, пред коими
В прах — гранит.

Голубь голый и светлый,
Не живущий четой.
Соломоновы пеплы
Над великой тщетой.

Беззакатного времени
Грозный мел.
Значит Бог в мои двери —
Раз дом сгорел!

Не удушенный в хламе,
Снам и дням господин,
Как отвесное пламя
Дух — из ранних седин!

И не вы меня предали,
Годы, в тыл!
Эта седость — победа
Бессмертных сил.

27 сентября 1922

399

Спаси Господи, дым!
— Дым-то, Бог с ним! А главное — сырость!
С тем же страхом, с каким
Переезжают с квартиры:

С той же лампою-вплоть,—
Лампой нищенств, студенчеств, окраин.
Хоть бы деревце хоть
Для детей! — И каков-то хозяин?

И не слишком ли строг
Тот, в монистах, в монетах, в туманах,
Непреклонный как рок
Перед судорогою карманов.

И каков-то сосед?
Хорошо б холостой, да потише!
Тоже сладости нет
В том-то, в старом — да *нами* надышан

Дом, пропитан насквозь!
Нашей затхлости запах! Как с ватой
В ухе — спелось, сжилось!
Не чужими: своими захватан!

Стар-то стар, сгнил-то сгнил,
А всё мил... А уж тут: номера ведь!
Как рождаются в мир
Я не знаю: но *так* умирают.

30 сентября 1922

400. ХВАЛА БОГАТЫМ

И засим, упредив заране,
Что меж мной и тобою — мили!
Что себя причисляю к рвани,
Что честно́ мое место в мире:

Под колесами всех излишеств:
Стол уродов, калек, горбатых...
И засим, с колокольной крыши
Объявляю: *люблю* богатых!

За их корень, гнилой и шаткий,
С колыбели растящий рану,
За растерянную повадку
Из кармана и вновь к карману.

За тишайшую просьбу уст их,
Исполняемую как окрик.
И за то, что их в рай не впустят,
И за то, что в глаза не смотрят.

За их тайны — всегда с нарочным!
За их страсти — всегда с рассыльным!
За навязанные им ночи,
(И целуют и пьют насильно!)

И за то, что в учетах, в скуках,
В позолотах, в зевотах, в ватах,
Вот меня, наглеца, не купят —
Подтверждаю: *люблю* богатых!

А еще, несмотря на бритость,
Сытость, питость (моргну — и трачу!),
За какую-то — вдруг — побитость,
За какой-то их взгляд собачий

Сомневающийся...

— не стержень
ли к нулям? Не шалят ли гири?
И за то, что меж всех отверженств
Нет — такого сиротства в мире!

Есть такая дурная басня:
Как верблюды в иглу пролезли.
...За их взгляд, изумленный на-смерть,
Извиняющийся в болезни,

Как в банкротстве... «Ссудил бы... Рад
бы —
Да»...

За тихое, с уст зажатых:
«По каратам считал, я — брат был»...
Присягаю: *люблю* богатых!

30 сентября 1922

1

Лицо без обличия.
 Строгость.— Прелесть.
 Всё ризы делившие
 В тебе спелись.

Листовою опавшею,
 Щебнем рыхлым.
 Всё криком кричавшие
 В тебе стихли.

Победа над ржавчиной —
 Кровью — сталью.
 Всё навзничь лежавшие
 В тебе встали.

1 октября 1922

2

Нищих и горлиц
 Сирий распев.
 То не твои ли
 Ризы простерлись
 В беге дерев?

Рощ, перелесков.

Книги и храмы
 Людям отдав — взвился.
 Тайной охраной
 Хвойные мчат леса:

— Скроем! — Не выдадим!

Следом гусиным
 Землю на сон крестил.
 Даже осиною
 Мчал — и ее простил:
 Даже за сына!

Нищие пели:
— Темен, ох, темен лес!
Нищие пели:
— Сброшен последний крест!
Бог из церквей воскрес!

4 октября 1922

3

О, его не привяжете
К вашим знакам и тяжестям!
Он в малейшую скважинку,
Как стройнейший гимнаст...

Разводными мостами и
Перелетными стаями,
Телеграфными сваями
Бог — уходит от нас.

О, его не приучите
К пребыванию и к участи!
В чувств оседлой распутице
Он — седой ледоход.

О, его не догоните!
В домовитом поддоннике
Бог — ручною бегонией
На окне не цветет!

Все под кровлю сводчатой
Ждали зова и зодчего.
И поэты и летчики —
Все отчаивались.

Ибо бег он — и движется.
Ибо звездная книжища
Вся: от Аз и до Ижицы —
След плаща его лишь!

5 октября 1922

Так, заживо раздав,
Поровну, без обиды,
Пользующийся — прав.

Шагом Семирамиды,
Спускающейся в пруд
Лестницей трав несмятых,
И знающей, что ждут
Ризы — прекрасней снятых

По выходе из вод...

7 октября 1922

405. РАССВЕТ НА РЕЛЬСАХ

Покамест день не встал
С его страстями стравленными,
Из сырости и шпал
Россию восстанавливаю.

Из сырости — и свай,
Из сырости — и серости.
Покамест день не встал
И не вмешался стрелочник.

Туман еще щадит,
Еще в холмы запахнутый
Спит ломовой гранит,
Полей не видно шахматных...

Из сырости — и стай...
Еще вестями шалыми
Лжет вороная сталь —
Еще Москва за шпалами!

Так, под упорством глаз —
Владением бесплотнейшим
Какая разлилась
Россия — в три полотнища!

И — шире раскручу!
Невидимыми рельсами
По сырости пушу
Вагоны с погорельцами:

С пропавшими навек
Для Бога и людей!
(Знак: сорок человек
И восемь лошадей.)

Так, посредине шпал,
Где даль шлагбаумом выросла,
Из сырости и шпал,
Из сырости — и сирости,

Покамест день не встал
С его страстями стравленными —
Во всю горизонталь —
Россию восстанавливаю!

Без низости, без лжи:
Даль — да две рельсы синие...
Эй вон она! — Держи!
По линиям, по линиям...

12 октября 1922

1923

406

Не надо ее окликать:
Ей оклик — что охлест. Ей зов
Твой — раною по рукоять.
До самых органных низов

Встревожена — творческий страх
Вторжения — бойся, с высот
— Все крепости на пропастях! —
Пожалуй — органом вспоеет.

А справишься? Сталь и базальт —
Гора, но лавиной в лазурь

На твой серафический альт
Вспоеет — полногласием бурь.

И сбудется! — Бойся! — Из ста
На сотый срываются... Чу!
На оклик гортанный певца
Органною бурю мщу!

7 февраля 1923

407

Нет, правды не оспаривай.
Меж кафедральных Альп
То бьется о розариум
Неоперенный альт.

Девичий и мальчишеский:
На самом рубеже.
Единственный из тысячи —
И сорванный уже.

В самом истоке суженный:
Растворены вотще
Сто и одна жемчужина
В голосовом луче.

Я в голосах мальчишеских
Знаток... — и в прах и в кровь
Снопом лучей рассыпавшись
О гробовой покров.

Нет, сказок не насказывай:
Не радужная хрупь, —
Кантатой Метастазовой —
Растерзанная грудь.

Клянусь дарами Божьими:
Своей душой живой! —
Что всех высот дороже мне
Твой срыв голосовой!

8 февраля 1923

408. ЭМИГРАНТ

Здесь, меж вами: домами, деньгами, дымами,
Дамами, Думами,
Не слюбившись с вами, не сбившись с вами,
Неким —
Шуманом пронося под полой весну:
Выше! из виду!
Соловьиным тремоло на весу —
Некий — избранный.

Боязливейший, ибо взяв на дыб —
Ноги лижете!
Заблудившийся между грыж и глыб
Бог в блудилище.

Лишний! Вышний! Выходец! Вызов! Ввысь
Не отвыкший... Виселиц
Не принявший... В рвани валют и виз
Веги — выходец.

9 февраля 1923

409. ДУША

Выше! Выше! Лови — летчицу!
Не спросившись лозы — отческой
Нереидою по—лощется,
Нереидою в ла—зурь!

Лира! Лира! Хвалынь — синяя!
Полыхание крыл — в скинии!
Над мотыгами — и — спинами
Полыхание двух бурь!

Муза! Муза! Да как — смеешь ты?
Только узел фаты — веющей!
Или ветер станиц — шелестом
О страницы — и, смыв, взмыл...

И покамест — счета — кипами,
И покамест — сердца — хрипами,
Закипание — до — кипени
Двух вспененных — крепись — крыл.

Так, над вашей игрой — крупною,
(Между трупами — и — куклами!)
Не общупана, не куплена,
Полыхая и пля—ша —

Шестикрылая, ра—душная,
Между мнимыми — ниц! — сущая,
Не задушена вашими тушами
Ду—ша!

10 февраля 1923

410—412. СКИФСКИЕ

1

Из недр и на ветвь — рысями!
Из недр и на ветер — свистами!

Гусиным пером писаны?
Да это ж стрела скифская!

Крутого крыла грифова
Последняя зга — Скифия!

Сосед, не спеши! Нечего
Спешить, коли верст — тысячи.
Разменной стрелой встречною
Когда-нибудь там — спиемся!

Великая — и — тихая
Меж мной и тобой — Скифия...

И спи, молодой, смутный мой
Сириец, стрелу смертную
Леилами — и — лютнями
Глуша...

Не ушам смертного —

(Единожды в век слышимый)
Эпический бег — Скифии!

11 февраля 1923

Как по синей по степи
Да из звездного ковша
Да на лоб тебе да...
— Спи,
Синь подушками глуша.

Как по льстивой по трости
Росным бисером плеча
Заработают персты...
Шаг подушками глуша

Лежи — да не двинь,
Дрожи — да не грянь.
Волян-перелын,
Хвалын-завирань.

Как из моря из Каспий-
ского — синего плаща,
Стрела свистнула да...
(спи,
Смерть подушками глуша)...

Лови — да не тронь,
Тони — да не кань.
Волынь-перезвонь,
Хвалынь-целовань.

13 февраля 1923

Братъев, сестер.

Руды моей вар,
Вражды моей чан,
Богиня Иштар,
Храни мой колчан...

(Взял меня — хан!)

Чтоб не жил, кто стар,
Чтоб не жил, кто хвор,
Богиня Иштар,
Храни мой костер:

(Пламень востер!)

Чтоб не жил — кто стар,
Чтоб не жил — кто зол,
Богиня Иштар,
Храни мой котел

(Зарев и смол!)

Чтоб не жил — кто стар,
Чтоб *нежил* — кто юн!
Богиня Иштар,
Стреми мой табун
В тридевять лун!

14 февраля 1923

413. ЛЮТНЯ

Лютня! Безумица! Каждый раз,
Царского беса вспугивая:
«Перед Саулом-Царем кичась»...
(Да не струна ж, а судорога!)

Лютня! Ослушница! Каждый раз,
Струнную честь затрагивая:
«Перед Саулом-Царем кичась —
Не заиграться б с аггелами!»

Горе! Как рыбарь какой стою
Перед пустой жемчужницею.
Это же оловом соловью
Глотку залить... да хуже еще:

Это бессмертную душу в пах
Первому добру молодцу...
Это — но хуже, чем в кровь и в прах:
Это — сорваться с голоса!

И сорвалась же! — Иди, будь здоров,
Бедный Давид... Есть пригороды!
Перед Саулом-Царем играл,
С аггелами — не игрывала!

14 февраля 1923

414

Оперением зим
Овевающий шаг наш валок —
Херувим
Марий годовалых!

В шестикнижие крыл
Окунающий лик как в воду —
Гавриил —
Жених безбородый!

И над трепетом жил,
И над лепетом уст виновных,
Азраил —
Последний любовник!

17 февраля 1923

415. ПЛАЧ ЦЫГАНКИ ПО ГРАФУ ЗУБОВУ

Расколюсь — так в стклянь,
Распалюсь — так в пар.
В рокота гитар
Рокочи, гортань!

В пляс! В тряс! В прах — да не в пляс!
А—ах, струна сорвалась!

У—ехал парный мой,
У—ехал в Армию!

Стол—бы фонарные!
Ла—ды гитарные!

И в прах!
И в тряс!
И грянь!
И вдарь!

Ермань-Дурмань.
Гортань-Гитарь.

В пляс! В тряс! В прах — да не в пляс!
А—ах, рука сорвалась!

Про трудного
Про чудного
Про Зубова-
Про сударя.

Чем свет — ручку жав
— Зубов-граф, Зубов-граф! —
Из всех — сударь-брав!
Зу—бов граф!

В пляс! В тряс! В прах — да не в пляс!
А—ах, душа сорвалась!

У—пал ударный мой!
Стол—бы фонарные!
Про—пала Армия!
Ла—ды гитарные!

За всех — грудью пав,
(Не снег — уголь ржав!)
Как в мех — зубы вжав,
Э—эх, Зубов-граф!..

И в прах и в...

19 февраля 1923

416. ОФЕЛИЯ — ГАМЛЕТУ

Гамлетом — перетянутым — натуго,
В нимбе разуверенья и знания,
Бледный — до последнего атома...
(Год тысяча который — издания?)

Наглостью и пустотой — не тронете!
(Отроческие чердачные залежи!)
Некоей тяжеловесной хроникой
Вы на этой груди — лежали уже!

Девственник! Женоненавистник! Вздорную
Нежить предпочедший!.. Думали ль
Раз хотя бы о том — что сорвано
В маленьком цветнике безумия...

Розы?.. Но ведь это же — тссс! — Будущность!
Рвем — и новые растут! Предали ль
Розы хотя бы раз? Любящих —
Розы хотя бы раз? — Убыли ль?

Выполнив (проблагоухав!), тонете..
— Не было! — Но встанем в памяти
В час, когда над ручьевою хроникой
Гамлетом — перетянутым — встанете...

28 февраля 1923

417. ОФЕЛИЯ — В ЗАЩИТУ КОРОЛЕВЫ

Принц Гамлет! Довольно червивую залежь
Тревожить... На розы взгляни!
Подумай о той, что — единого дня лишь —
Считает последние дни.

Принц Гамлет! Довольно царицыны недра
Порочить... Не девственным — суд
Над страстью. Тяжеле виновная — Федра:
О ней и поныне поют.

И будут! — А Вы с Вашей примесью мела
И тлена... С костями злословь,
Принц Гамлет! Не Вашего разума дело
Судить воспаленную кровь.

Но если... Тогда берегитесь!.. Сквозь плиты —
Ввысь — в опочивальню — и всласть!
Своей Королеве встаю на защиту —
Я, Ваша бессмертная страсть.

28 февраля 1923

418—419: **Ф Е Д Р А**

1

ЖАЛОБА

Ипполит! Ипполит! Болит!
Опалает... В жару ланиты...
Что за ужас жестокий скрыт
В этом имени Ипполита!

Точно длительная волна
О гранитное побережье.
Ипполитом опалена!
Ипполитом клянусь и брежу!

Руки в землю хотят — от плеч!
Зубы щебень хотят — в опилки!..
Вместе плакать и вместе лечь!
Воспалается ум мой пылкий...

Точно в ноздри и губы — пыль
Геркуланума... Вяну... Слепну...
Ипполит, это хуже пил!
Это суше песка и пепла!

Это слепень в раскрытый плач
Раны плещущей... Слепень злится...
Это — красною раной вскачь
Запаленная кобылица!

Ипполит! Ипполит! Спрячь!
В этом пеплуме — как в склепе.
Есть Элизиум — для — кляч:
Живодерня! — Палит слепень!

Ипполит! Ипполит! В плен!
Это в перси, в мой ключ жаркий,
Ипполитова вза—мен
Лепесткового — клюв Гарпий!

Ипполит! Ипполит! Пить!
Сын и пасынок? Со—общник!
Это лава — взамен плит
Под ступнею! — Олимп взропщет?

Олимпийцы?! Их взгляд спящ!
Небожителей — мы — лепим!
Ипполит! Ипполит! В плащ!
В этом пеплуме — как в склепе!

Ипполит, утоли...

7 марта 1923

2

ПОСЛАНИЕ

Ипполиту от Матери — Федры — Царицы — весть.
Прихотливому мальчику, чья красота, как воск
От державного Феба, от Федры бежит... Итак,
Ипполиту от Федры: стенание нежных уст.

Утоли мою душу! (Нельзя, не коснувшись уст,
Утолить нашу душу!) Нельзя, припадая к устам,
Не припасть и к Психее, порхающей гостье уст...
Утоли мою душу: итак, утоли уста.

Ипполит, я устала... Блудницам и жрицам — стыд!
Не простое бесстыдство к тебе вопиет! Просты
Только речи и руки... За трепетом уст и рук
Есть великая тайна, молчанье на ней как перст.

О прости меня, девственник! отрок! наездник! нег
Ненавистник! — Не похоть! Не женского лона — блажь!
То она — обольстительница! То Психеи лесь —
Ипполитовы лепеты слушать у самых уст.

— «Устыдись!» — Но ведь поздно! Ведь это последний
всплеск!
Понесли мои кони! С отвесного гребня — в прах —

Я наездница *тоже!* Итак, с высоты груди,
С рокового двухолмия в пропасть твоей груди!

(Не своей ли?!) — Сумей же! Смелей же! Нежней же!
Чем

В вощаную дощечку — не смуглого ль сердца воск?! —
Ученическим стилосом знаки врезать... О пусть
Ипполитову тайну устами прочтет твоя

Ненасытная Федра...

11 марта 1923

420. ЭВРИДИКА — ОРФЕЮ:

Для тех, отженивших последние клочья
Покрова (ни уст, ни ланит!..),
О, не превышение ли полномочий
Орфей, нисходящий в Аид?

Для тех, отрешивших последние звенья
Земного... На ложе из лож
Сложившим великую ложь лицезренья,
Внутрь зрящим — свидание нож.

Уплочено же — всеми розами крови
За этот просторный покрой
Бессмертья...

До самых летеиских верховий
Любивший — мне нужен покой

Беспамятности... Ибо в призрачном доме
Сем — призрак *ты*, сущий, а явь —
Я, мертвая... Что же скажу тебе, кроме:
— «Ты это забудь и оставь!»

Ведь не растревожишь же! Не повлекуся!
Ни рук ведь! Ни уст, чтоб припасть
Устами! — С бессмертья змеиным укусом
Кончается женская страсть.

Уплочено же — вспомяни мои крики! —
За этот последний простор.
Не надо Орфею сходить к Эвридике
И братьям тревожить сестер.

23 марта 1923

Des Herzens Woge schäumte
nicht so schön empor, und würde
Geist, wenn nicht der alte stumme
Fels, das Schicksal, ihr entgegenstän-
de.*

1

Вереницею певчих свай,
Подпирающих Эмпирей,
Посылаю тебе свой пай
Праха дольного.

По аллее
Вздохов — проволокой к столбу —
Телеграфное: лю—ю—блю...

Умоляю... (печатный бланк
Не вместит! Проводами проще!)
Это — сваи, на них Атлант
Опустил скаковую площадь
Небожителей...

Вдоль свай
Телеграфное: про—о—щай...

Слышишь? Это последний срыв
Глотки сорванной: про—о—стите...
Это — снасти над морем нив,
Атлантический путь тихий:

Выше, выше — и сли—лись
В Ариаднино: ве—ер—нись,

Обернись!.. Даровых больниц
Заунывное: нё выйду!
Это — проводами стальных
Проводов — голоса Аида

Удаляющиеся... Даль
Заклинающее: жа—аль...

* Сердечная волна не вздымалась бы так высоко и не превращалась бы в Дух, когда бы ей не преграждала путь старая немая скала — Судьба (нем.).— *Ред.*

Пожалейте! (В сем хоре — сей
Различаешь?) В предсмертном крике
Упирающихся страстей —
Дуновение Эвридики:

Через насыпи — и — рвы
Эвридикино: у—у—вы,

Не у—

17 марта 1923

2

Чтоб высказать тебе... да нет, в ряды
И в рифмы сдавленные... Сердце — шире!
Боюсь, что мало для такой беды
Всего Расина и всего Шекспира!

«Всё плакали, и если кровь болит...
Всё плакали, и если в розах — змеи...»
Но был один — у Федры — Ипполит!
Плач Ариадны — об одном Тезее!

Терзание! Ни берегов, ни вех!
Да, ибо утверждаю, в счете сбившись,
Что я в тебе утрачиваю всех
Когда-либо и где-либо *небывших!*

Какие чаянья — когда насквозь
Тобой пропитанный — весь воздух свыкся!
Раз Наксосом мне — собственная кость!
Раз собственная кровь под кожей — Стиксом!

Тшета! во мне она! Везде! закрыв
Глаза: без дна она! без дня! И дата
Лжет календарная...
Как ты — Разрыв,
Не Ариадна я и не...
— Утрата!

О по каким морям и городам
Тебя искать? (Незримого — незрячей!)
Я проводы вверяю проводам,
И в телеграфный столб упершись — плачу.

18 марта 1923

(ПУТИ)

Всё перебрав и всё отбросив
 (В особенности — семафор!),
 Дичайшей из разногласиц
 Школ, оттепелей... (целый хор

На помощь!) Рукава как стяги
 Выбрасывая...

— Без стыда! —

Гудят моей высокой тяги
 Лирические провода.

Столб телеграфный! Можно ль кратче
 Избрать? Доколе небо есть —
 Чувств непреложный передатчик,
 Уст осязаемая весть...

Знай, что доколе свод небесный,
 Доколе зори к рубежу —
 Столь явственно и повсеместно
 И длительно тебя вяжу.

Чрез лихолетие эпохи,
 Лжей насыпи — из снасти в снасть —
 Мои неизданные вздохи,
 Моя неистовая страсть...

Вне телеграмм (простых и срочных
 Штампованностей постоянств!)
 Весною стоков водосточных
 И проволокою пространств.

19 марта 1923

Самовластная слобода!
 Телеграфные провода!

Вожделений — моих — выпренных,
 Крик — из чрева и на ветер!
 Это сердце мое, искрою
 Магнетической — рвет метр.

— «Метр и меру?» Но чет—вертое
Измерение мстит! — Мчись
Над метрическими — мертвыми —
Лжесвидетельствами — свист!

Тсс... А ежели вдруг (всюду же
Провода и столбы?) лоб
Заломивши поймешь: трудные
Словеса сии — лишь вопль

Соловьиный, с пути сбившийся:
— Без любимого мир пуст! —
В Лиру рук твоих влю—бившийся,
И в Леилу твоих уст!

20 марта 1923

5

Не чернокнижница! В белой книге
Далей донских наострила взгляд!
Где бы ты ни был — тебя настигну,
Выстрадаю — и верну назад.

Ибо с гордыни своей, как с кедра,
Мир озираю: плывут суда,
Зарева рыщут... Морские недра
Выворочу — и верну со дна!

Перестрадай же меня! Я всюду:
Зори и руды я, хлеб и вздох,
Есмь я и буду я, и добуду
Губы — как душу добудет Бог:

Через дыхание — в час твой хриплый,
Через архангельского суда
Изгороди! — Всё уста о шипья
Выкровяню и верну с одра!

Сдайся! Ведь это совсем не сказка!
— Сдайся! — Стрела, описавши круг...
— Сдайся! — Еще ни один не спасся
От настигающего без рук:

Через дыхание... (Перси взмыли,
Веки не видят, вокруг уст — слюда...)
Как прозорливица — Самуила
Выморочу — и вернусь одна:

Ибо другая с тобой, и в судный
День не тягаются...
Вьюсь и длюсь.
Есмь я и буду я и добуду
Душу — как губы добудет уст

Упокойтелица...

25 марта 1923

6

Час, когда вверху цари
И дары друг к другу едут.
(Час, когда иду с горы):
Горы начинают ведать.

Умыслы сгрудились в круг.
Судьбы сдвинулись: не выдать!
(Час, когда не вижу рук.)

Души начинают видеть.

25 марта 1923

7

В час, когда мой милый брат
Миновал последний вяз
(Взмахов, выстроенных в ряд),
Были слезы — больше глаз.

В час, когда мой милый друг
Огибал последний мыс
(Вздохов мысленных: вернись!),
Были взмахи — больше рук.

Точно руки — вслед — от плеч!
Точно губы вслед — заклать!
Звуки растеряла речь,
Пальцы растеряла пясть.

В час, когда мой милый гость...
— Господи, взгляни на нас! —
Были слезы больше глаз
Человеческих и звезд
Атлантических...

26 марта 1923

8

Терпеливо, как щебень бьют,
Терпеливо, как смерти ждут,
Терпеливо, как вести зреют,
Терпеливо, как месть лелеют —

Буду ждать тебя (пальцы в жгут —
Так Монархини ждет наложник)
Терпеливо, как рифмы ждут,
Терпеливо, как руки гложут.

Буду ждать тебя (в землю — взгляд,
Зубы в губы. Столбняк. Булыжник).
Терпеливо, как негу длят,
Терпеливо, как бисер нижут.

Скрип полозьев, ответный скрип
Двери: рокот ветров таежных.
Высочайший пришел рескрипт:
— Смена царства и въезд вельможе.

И домой:
В неземной —
Да мой.

27 марта 1923

9

Весна наводит сон. Уснем.
Хоть врозь, а всё ж сдается: всё
Разрозненности сводит сон.
Авось увидимся во сне.

Всевидящий, он знает, чью
Ладонь — и в чью, кого — и с кем.
Кому печаль мою вручу,
Кому печаль мою повем

Предвечную (дитя, отца
Не знающее и конца
Не чающее!). О, печаль
Плачущих без плеча!

О том, что памятью с перста
Спадет, и камешком с моста...
О том, что заняты места,
О том, что наняты сердца

Служить — безвыездно — навек,
И жить — пожизненно — без нег!
О заживо — чуть встав! чем свет! —
В архив, в Элизиум калек.

О том, что тише ты и я
Травы, руды, беды, воды...
О том, что выстрочит швея:
Рабы — рабы — рабы — рабы.

5 апреля 1923

10

С другими — в розовые груды
Грудей... В гадательные дробы
Недель...

А я тебе пребуду
Сокровищницею подобий

По случаю — в песках, на щебнях
Подобранных, — в ветрах, на шпалах
Подслушанных... Вдоль всех бесхлебных
Застав, где молодость шаталась.

Шаль, узнаешь ее? Простудой
Запахнутую, жарче ада
Распахнутую...

Знай, что чудо
Недр — под поллой, живое чадо:

Песнь! С этим первенцем, что пуще
Всех первенцев и всех Рахилей...
— Недр достовернейшую гущу
Я мнимостями пересилю!

11 апреля 1923

1

Оставленной быть — это втравленной быть
 В грудь — синяя татуировка матросов!
 Оставленной быть — это явленной быть
 Семи океанам... Не валом ли быть
 Девятым, что с палубы сносит?

Уступленной быть — это купленной быть
 Задорого: ночи и ночи и ночи
 Умоисступленья! О, в трубы трубить —
 Уступленной быть! — Это длиться и слыть
 Как губы и трубы пророчеств.

14 апреля 1923

2

— О, всеми голосами раковин
 Ты пел ей...

— Травкой каждую.

— Она томилась лаской Вакховой.

— Летейских маков жаждала...

— Но, как бы те моря ни солоны,
 Тот мчался...

— Стены падали.

— И кудри вырывала полными
 Горстями...

— В пену падали...

21 апреля 1923

433. ПОЭМА ЗАСТАВЫ

А покамест пустыня славы
 Не засыпет мои уста,
 Буду петь мосты и заставы,
 Буду петь простые места.

А покамест еще в тенетах
 Не увязла — людских кривизн,
 Буду брать — труднейшую ноту,
 Буду петь — последнюю жизнь!

Жалобу труб.
Рай огородов.
Заступ и зуб.
Чуб безбородых.

День без числа.
Верба зачахла.
Жизнь без чехла:
Кровью запахло!

Потных и плотных,
Потных и тощих:
— Ну да на площадь?! —
Как на полотнах —

Как на полотнах
Только — и в одах:
Рев безработных,
Рев безбородых.

Ад? — Да,
Но и сад — для
Баб и солдат,
Старых собак,
Малых ребят.

«Рай — с драками?
Без — раковин
От устриц?
Без люстры?
С заплатами?!»

— Зря плакали:
У всякого —
Свой.

Здесь страсти поджары и ржавы:
Держав динамит!
Здесь часто бывают пожары:
Застава горит!

Здесь ненависть оптом и скопом:
Расправ пулемет!

Здесь часто бывают потопы:
Застава плывет!

Здесь плачут, здесь звоном и воем
Рассветная тишь.
Здесь отрочества под конвоем
Щебечут: шалишь!

Здесь платят! Здесь Богом и Чертом,
Горбом и торбой!
Здесь молодости как над мертвым
Поют над собой.

Здесь матери, дитя заспав...
— Мосты, пески, кресты застав! —

Здесь младшую купцу пропив...
Отцы...
— Кусты, кресты крапив...

— Пусти.
— Прости.

23 апреля 1923

434—436. П О Э Т Ы

1

Поэт — издалека заводит речь.
Поэта — далеко заводит речь..

Планетами, приметами, окольных
Притч рывтинами... Между да и нет
Он даже размахнувшись с колокольни,
Крюк выморочит... Ибо путь комет —

Поэтов путь. Развеянные звенья
Причинности! — вот связь его! Кверху лбом —
Отчаяться! Поэтовы затменья
Не предугаданы календарем.

Он тот, кто смешивает карты,
Обманывает вес и счет,
Он тот, кто *спрашивает* с парты,
Кто Канта наголову бьет,

Кто в каменном гробу Бастилий
Как дерево в своей красе.
Тот, чьи следы — всегда простыли,
Тот поезд, на который все
Опаздывают...

— ибо путь комет

Поэтов путь: жжя, а не согревая,
Рвя, а не взращивая — взрыв и взлом —
Твоя стезя, гривастая кривая,
Не предугадана календарем!

8 апреля 1923

2

Есть в мире лишние, добавочные,
Не вписанные в окоём.
(Не числящимся в ваших справочниках,
Им свалочная яма — дом.)

Есть в мире полые, затолканные,
Немотствующие — навоз,
Гвоздь — вашему подолу шелковому!
Грязь брезгует из-под колес!

Есть в мире мнимые, невидимые:
(Знак: лепрозариумов крап!)
Есть в мире Иовы, что Иову
Завидовали бы — когда б:

Поэты мы — и в рифму с париями,
Но, выступив из берегов,
Мы бога у богинь оспариваем
И девственницу у богов!

22 апреля 1923

Что же мне делать, слепцу и пасынку,
 В мире, где каждый и отч и зряч,
 Где по анафемам, как по насыпям —
 Страсти! где насморком
 Назван — плач!

Что же мне делать, ребром и промыслом
 Певчей! — как провод! загар! Сибирь!
 По наважденьям своим — как по мосту!
 С их невесомостью
 В мире гирь.

Что же мне делать, певцу и первенцу,
 В мире, где наичернейший — сер!
 Где вдохновенье хранят, как в термосе!
 С этой безмерностью
 В мире мер?!

22 апреля 1923

437. СЛОВА И СМЫСЛЫ

1

Ты обо мне не думай никогда!
 (На—вязчива!)
 Ты обо мне подумай: провода:
 Даль — длящие.

Ты на меня не жалуйся, что жаль...
 Всех слаще мол...
 Лишь об одном пожалуйста: педаль:
 Боль — длящая.

2

Ла—донь в ладонь:
 — За—чем рожден?
 — Не—жаль: изволь:
 Длить — даль — и боль.

Проводами продленная даль...
 Даль и боль, это та же ладонь
 Отрывающаяся — доколь?
 Даль и боль, это та же юдоль.

23 апреля 1923

438. ПЕДАЛЬ

Сколь пронзительная, столь же
 Сглаживающая даль.
 Дольше — дольше — дольше — дольше!
 Это — правая педаль.

После жизненных радуший
 В смерть — заведомо не жаль.
 Глуше — глуше — глуше — глуше:
 Это — левая педаль.

Памяти гудящий Китеж —
 Правая! Летейских вод
 Левую бери: глушитель
 Длителя перепоеет.

От участковых, от касто-
 вых — уставшая (заметь!)
 Жизнь не хочет жить... но часто
 Смерть не хочет умереть!

Требует! Из всех безмясых
 Клавишей, разбитых в ряд.
 (Левою педалью гасят,
 Правую педалью длят...)

Лязгает! Как змей из фальши
 Клавишей, разбитых в гуд...
 Дальше, дальше, дальше, дальше
 Правую педалью лгут!

24 апреля 1923

439. ЛАДОНЬ

Ладони! (Справочник
Юнцам и девам.)
Целуют правую,
Читают в левой.

В полночный заговор
Вступивший — ведай:
Являют правую,
Скрывают левой.

Сивилла — левая:
Вдали от славы.
Быть неким Сцеволой
Довольно — правой.

А всё же в ненависти
Час разверстый
Мы миру левую
Даем — от сердца!

А всё же, праведным
Объевшись гневом,
Рукою правою
Мы жилы — *левой!*

27 апреля 1923

440

Крутогорьями глаголь,
Колокольнями трезвонь:
Место дольнее — юдоль,
Место дольнее — ладонь.

Всеми вольными в лазорь
Колокольнями злословь:
Место дольнее — ладонь,
Место дольнее — любовь.

29 апреля 1923

1

Перерытые — как битвой
 Взрыхленные небеса.
 Рывинами — небеса.
 Битвенные небеса.

Перелетами — как хлёстом
 Хлестанные табуны.
 Взблестывающей Луны
 Вдовствующей — табуны!

2

Стой! Не Федры ли под небом
 Плащ? Не Федрин ли взвился
 В эти марафонским бегом
 Мчащиеся небеса?

Стой! Иродиады с чубом —
 Блуд... Не бубен ли взвился
 В эти иерихонским трубом
 Рвущиеся небеса!

3

Нет! Вставший вал!
 Пал — и пророк оправдан!
 Раз—дался вал:
 Целое море — на́ два!

Бо—род и грив
 Шествие морем Чермным!
 Нет! — се — Юдифь —
 Голову Олоферна!

1 мая 1923

1

Так вслушиваются (в исток
Вслушивается — устье).
Так внюхиваются в цветок:
Вглубь — до потери чувства!

Так в воздухе, который синь —
Жажда, которой дна нет.
Так дети, в синеве простынь,
Всматриваются в память.

Так вчувствовывается в кровь
Отрок — доселе лотос.
...Так влюбливаются в любовь:
Впадываются в пропасть.

2

Друг! Не кори меня за тот
Взгляд, деловой и тусклый.
Так вглатываются в глоток:
Вглубь — до потери чувства!

Так, в ткань вработываясь, ткач
Ткет свой последний пропад.
Так дети, вплакиваясь в плач,
Вшептываются в шепот.

Так вплясываются... (Велик
Бог — посему крутитесь!)
Так дети, вкрикиваясь в крик,
Вмалчиваются в тишь.

Так жалом тронутая кровь
Жалуется — без ядов!
Так вбаливаются в любовь:
Впадываются в: падать.

3 мая 1923

1

Прорицаниями рокоча,
 Нераскаянного скрипача
 Piccicato'ми *... Разрывом бус!
 Паганиниевскими «добьюсь!»
 Опрокинутыми...

Нот, планет —
 Ливнем!

— Вывезет!!!

— Конец...

На нет...

Недосказанностями тишизн
 Заговаривающие жизнь:
 Страдивариусами в ночи
 Проливающиеся ручьи.

4 мая 1923

2

Монистом, расколотым
 На тысячу блях,—
 Как Дзингара в золоте
 Деревня в ручьях.

Монистами — вымылась!
 Несется как челн
 В ручьевую жимолость
 Окунутый холм.

Монистами-сбруями...
 (Гривастых теней
 Монистами! Сбруями
 Пропавших коней...)

Монистами-бусами...
 (Гривастых монет

* Пиччикато (итал.).— муз. термин, обозначающий прием извлечения отрывистых звуков на смычковых инструментах при помощи щипка струны.— *Ред.*

Монистами! Бусами
Пропавших планет...)

По кручам, по впадинам,
И в щеку, и в пах —
Как Дзингара в краденном
Деревня в ручьях.

Споем-ка на радостях!
Черны, горячи,
Сторонкою крадучись,
Цыганят ручьи.

6 мая 1923

445. ОКНО

Атлантским и сладостным
Дыханьем весны —
Огромною бабочкой
Мой занавес — и —

Вдовою индусскою
В жерло златоустое,
Наядою сонною
В моря заоконные...

5 мая 1923

446. ХВАЛА ВРЕМЕНИ

Вере Аренской

Беженская мостовая!
Гикнуло — и понеслось
Опрометями колес.
Время! Я не поспеваю.

В летописях и в лобзаньях
Пойманное... но песка
Струечкою шелестя...
Время, ты меня обманешь!

Стрелками часов, морщин
Рытвинами — и Америк
Новшествами...— Пуст кувшин! —
Время, ты меня обмеришь!

Время, ты меня предашь!
Блудною женой — обнову
Выронишь...— «Хоть час да наш!»

— Поезда с тобой иного
Следования!..—

Ибо *мимо* родилась
Времени! Вотще и всеу
Ратуешь! Калиф на час:
Время! Я тебя миную.

10 мая 1923

447. СЕСТРА

Мало ада и мало рая:
За тебя уже умирают.

Вслед за братом, увы, в костер —
Разве принято? Не сестер
Это место, а страсти рдяной!
Разве принято под курганом...
С братом?..

— «Был мой и есть! Пусть сгнил!»

— Это местничество могил!!!

11 мая 1923

448. НОЧЬ

Час обнажающихся верховий,
Час, когда в души глядишь — как в очи.
Это — разверстые шлюзы крови!
Это — разверстые шлюзы ночи!

Хлынула кровь, наподобье ночи
Хлынула кровь, — наподобье крови
Хлынула ночь! (Слуховых верховий
Час: когда в уши нам мир — как в очи!)

Зримости сдернутая завеса!
Времени явственное затишье!
Час, когда ухо разъяв, как веко,
Больше не весим, не дышим: слышим.

Мир обернулся сплошной ушною
Раковиною: сосущей звуки
Раковиною, — сплошной душою!..
(Час, когда в души идешь — как в руки!)

12 мая 1923

449. ПРОКРАСТЬСЯ...

А может, лучшая победа
Над временем и тяготеньем —
Пройти, чтоб не оставить следа,
Пройти, чтоб не оставить тени

На стенах...

Может быть — отказом
Взять? Вычеркнуться из зеркал?
Так: Лермонтовым по Кавказу
Прокрасться, не встревожив скал.

А может — лучшая потеха
Перстом Севастиана Баха..
Органного не тронуть эха?
Распасться, не оставив праха

На урну...

Может быть — обманом
Взять? Выписаться из широт?
Так: Временем как океаном
Прокрасться, не встревожив вод...

14 мая 1923

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ

Souviens-toi de celui à qui,
comme on demandoit à quoi faire il
se peinoit si fort en un art qui ne
pouvoit venir à la cognoissance de
guère des gens,—

«J'en ay assez de peu», répondit-il.
«J'en ay assez d'un. J'en ay assez de
pas un».

*Montaigne **

450. ДИАЛОГ ГАМЛЕТА С СОВЕСТЬЮ

— На дне она, где ил
И водоросли... Спать в них
Ушла,— но сна и там нет!
— Но я ее любил,
Как сорок тысяч братьев
Любить не могут!

— Гамлет!

На дне она, где ил:
Ил!.. И последний венчик
Всплыл на приречных бревнах...
— Но я ее любил,
Как сорок тысяч...

— Меньше

Всё ж, чем один любовник.

На дне она, где ил.
— Но я ее —

(недоуменно)

— любил??

5 июня 1923

* Вспомните того, кто на вопрос, зачем он тратит столько усилий для совершенствования в искусстве, которое не может снискать понимания в людях, ответил:

«Пусть их будет немного. Пусть будет один. Пусть не будет ни одного».

Монтень (франц.).— *Ред.*

451. МОРЕПЛАВАТЕЛЬ

Закачай меня, звездный челн!
Голова устала от волн!

Слишком долго причалить тщусь,—
Голова устала от чувств:

Гимнов — лавров — героев — гидр,—
Голова устала от игр!

Положите меж трав и хвой,—
Голова устала от войн...

12 июня 1923

452. РАСЩЕЛИНА

Чем окончился этот случай
Не узнать ни любви, ни дружбе.
С каждым днем отвечаешь глуше,
С каждым днем пропадаешь глубже.

Так, ничем уже не волнуем,
— Только дерево ветви зыблет —
Как в расщелину ледяную —
В грудь, что *так* о тебя расшиблась!

Из сокровищницы подобий
Вот тебе — наугад — гаданье:
Ты во мне как в хрустальном гробе
Спишь,— во мне как в глубокой ране

Спишь,— тесна ледяная прорезь!
Льды к своим мертвецам ревнивы:
Перстень — панцырь — печать — и пояс...
Без возврата и без отзыва.

Зря Елену клянете, вдовы!
Не Елениной красной Трои
Огнь! Расщелины ледниковой
Синь, на дне опочиешь коей...

Сочетавшись с тобой, как Этна
С Эмпедоклом... Усни, сновидец!
А домашним скажи, что тщетно:
Грудь своих мертвецов не выдаст.

17 июня 1923

453

На назначенное свиданье
Опоздаю. Весну в придачу
Захвативши — приду седая.
Ты его высокó назначил!

Буду годы идти — не дрогнул
Вкус Офелии к горькой руте!
Через горы идти — и стогны,
Через души идти — и руки.

Землю долго прожить! Трущоба —
Кровь! и каждая капля — заводь.
Но всегда стороной ручьевою
Лик Офелии в горьких травах.

Той, что, страсти хлебнув, лишь ила
Нахлебалась! — Снопом на щебень!
Я тебя высокó любила:
Я себя схоронила в небе!

18 июня 1923

454

Рано еще — не быть!
Рано еще — не жечь!
Нежность! Жестокий бич
Потусторонних встреч.

Как глубокó ни льни —
Небо — бездонный чан!
О, для такой любви
Рано еще — без ран!

Ревностью жизнь жива!
Кровь вожделеет течь
В землю. Отдаст вдова
Право свое — на меч?

Ревностью жизнь жива!
Благословен ущерб
Сердцу! Отдаст трава
Право свое — на серп?

Тайная жажда трав...
Каждый росток: «сломи»...
До лоскута раздав,
Раны еще — мои!

И пока общий шов
— Льюсь! — не наложишь Сам —
Рано еще для льдов
Потусторонних стран!

19 июня 1923

455. ЛУНА — ЛУНАТИКУ

Оплетавшие — останутся.
Дальше — высь.
В час последнего беспамятства
Нé очнись.

У лунатика и гения
Нет друзей.
В час последнего прозрения
Нé прозрей.

Я — глаза твои. Совиное
Око крыш.
Будут звать тебя по имени —
Нé расслышь.

Я — душа твоя: Урания
В боги — дверь.
В час последнего слияния
Нé проверь!

20 июня 1923

Водопадами занавеса, как пеной —
 Хвоей — пламенем — прошумя.
 Нету тайны у занавеса от сцены:
 (Сцена — ты, занавес — я.)

Сновиденными зарослями (в высоком
 Зале — оторопь разлилась)
 Я скрываю героя в борьбе с Роком,
 Место действия — и — час.

Водопадными радугами, обвалом
 Лавра (вверился же! знал!)
 Я тебя загораживаю от зала,
 (Завораживаю — зал!)

Тайна занавеса! Сновиденным лесом
 Сонных снадобий, трав, зерн...
 (За уже содрогающейся завесой
 Ход трагедии — как — шторм!)

Ложи, в слезы! В набат, ярус!
 Срок, исполнься! Герой, будь!
 Ходит занавес — как — парус,
 Ходит занавес — как — грудь.

Из последнего сердца тебя, о недра,
 Загораживаю. — Взрыв!
 Над ужá—ленною — Федрой
 Взвился занавес — как — гриф.

Нате! Рвите! Глядите! Течет, не так ли?
 Заготовливайте — чан!
 Я державную рану отдам до капли!
 (Зритель бел, занавес рдян.)

И тогда сострадательным покрывалом
 Долу, знаменем прошумя.
 Нету тайны у занавеса — от зала.
 (Зала жизнь, занавес — я.)

23 июня 1923

Строительница струн — приструню
 И эту. Обожди
 Расстраиваться! (В сем июне
 Ты плачешь, ты — дожди!)

И если гром у нас — на крышах,
 Дождь — в доме, ливень — сплошь,—
 Так это ты письмо мне пишешь,
 Которого не шлешь.

Ты дробью голосов ручьевых
 Мозг бороздишь, как стих.
 (Вместительнейший из почтовых
 Ящиков — не вместит!)

Ты, лбом обозревая дали,
 Вдруг по хлебам — как цеп
 Серебряный... (Прервать нельзя ли?
 Дитя! Загубишь хлеб!)

30 июня 1923

458. САХАРА

Красавцы, не ездите!
 Песками глуша,
 Пропавшего без вести
 Не скажет душа.

Напрасные поиски,
 Красавцы, не лгу!
 Пропавший покоится
 В надежном гробу.

Стихами, как странами
 Чудес и огня,
 Стихами — как странами,
 Он въехал в меня:

Сухую, песчаную,
 Без дна и без дня.
 Стихами — как странами
 Он канул в меня.

Внимайте без зависти
Сей повести душ.
В глазные оазисы —
Песчаная сушь...

Адамова яблока
Взывающий вздрог...
Взяла его наглухо,
Как страсть и как Бог.

Без имени — канувший!
Не сыщете! Взят.
Пустыни беспмятны,—
В них тысячи спят!

Стиханье до кипени
Вскипающих волн.—
Песками засыпанный,
Сахара — твой холм.

3 июля 1923

459. РЕЛЬСЫ

В некой разлинованности нотной
Нежась наподобие простынь —
Железнодорожные полотна,
Рельсовая режущая синь!

Пушкинское: сколько их, куда их
Гонит! (Миновало — не поют!)
Это уезжают-покидают,
Это остывают-отстают.

Это — остаются. Боль как нота
Высящаяся... Поверх любви
Высящаяся... Женою Лота
Насыпью застывшие столбы...

Час, когда отчаяньем, как свахой,
Простыни разостланы.— Твоя! —
И обезголосевшая Сафо
Плачет, как последняя швеса

Плач безропотности! Плач болотной
Цапли, знающей уже... Глубок
Железнодорожные полотна
Ножницами режущий гудок.

Растекись напрасною зарею,
Красное, напрасное пятно!
...Молодые женщины порою
Льстятся на такое полотно.

10 июля 1923

460. БРАТ

Раскалена, как смоль:
Дважды не вынести!
Брат, но с какой-то столь
Странною примесью

Смуты... (Откуда звук
Ветки откромсанной?)
Брат, заходящий вдруг
Столькими солнцами!

Брат без других сестер:
Напрочь присвоенный!
По гробовой костер —
Брат, но с условием:

Вместе и в рай и в ад!
Раной — как розаном
Соупиваться! (Брат,
Адом дарованный!)

Брат! Оглянись в века:
Не было крепче той
Спайки. Назад — река...
Снова прошепчется

Где-то, вдоль звезд и шпал,
— Настежь, без третьего! —
Что по ночам шептал
Цезарь — Лукреции.

13 июня 1923

1

В глубокий час души и ночи,
 Не числящийся на часах,
 Я отроку взглянула в очи,
 Не числящиеся в ночах

Ничьих еще, двойной запрудой
 — Без памяти и по края! —
 Покоящиеся...

— Отсюда
 Жизнь начинается твоя.

Седеющей волчицы римской
 Взгляд, в выкормыше зрящей — Рим!
 Сновидящее материнство
 Скалы... Нет имени моим

Потерянностям...— Всé покровы
 Сняв — выросшая из потерь! —
 Так некогда над тростниковой
 Корзиною клонилась дщерь

Египетская...

14 июля 1923

2

В глубокий час души,
 В глубокий — ночи...
 (Гигантский шаг души,
 Души в ночи.)

В тот час, душа, верши
 Миры, где хочешь
 Царить — чертог души,
 Душа, верши.

Ржавь губы, пороши
 Ресницы — снегом.
 (Атлантский вздох души,
 Души — в ночи...)

В тот час, душа, мрачи
Глаза, где Вегой
Взойдешь... Сладчайший плод,
Душа, горчи.

Горчи и омрачай:
Расти: верши.

8 августа 1923

3

Есть час Души, как час Луны,
Совы — час, мглы — час, тьмы —
час... Час Души — как час струны
Давидовой сквозь сны

Сауловы... В тот час дрожи,
Тщета, румяна смой!
Есть час Души, как час грозы,
Дитя, и час сей — мой.

Час сокровеннейших низов
Грудных.— Плотины спуск!
Всё вещи сорвались с пазов,
Всё сокровенья — с уст!

С глаз — всё завесы! Всё следы —
Вспять! На линейках — нот —
Нет! Час Души, как час Беды,
Дитя, и час сей — бьет.

Бедя моя! — Так будешь звать.
Так, лекарским ножом
Истерзанные, дети — мать
Корят: «Зачем живем?»

А та, ладонями свежа
Горячку: «Надо.— Ляг».
Да, час Души, как час ножа,
Дитя, и нож сей — благ.

14 августа 1923

464. НАКЛОН

Материнское — сквозь сон — ухо.
У меня к тебе наклон слуха,
Духа — к страждущему: жжет? да?
У меня к тебе наклон лба,

Дозирующего вер—ховья.
У меня к тебе наклон крови
К сердцу, неба — к островам нег.
У меня к тебе наклон рек,

Век... Беспамятства наклон светлый
К лютне, лестницы к садам, ветви
Ивовый к убеганью вех...
У меня к тебе наклон *всех*

Звезд к земле (родовая тяга
Звезд к звезде!) — тяготенье стяга
К лаврам выстраданных мо—гил.
У меня к тебе наклон крыл,

Жил... К дуплу тяготенье совье,
Тяга темени к изголовью
Гроба,— годы ведь уснуть тщусь!
У меня к тебе наклон уст

К роднику...

28 июля 1923

465. РАКОВИНА

Из лепрозария лжи и зла
Я тебя вызвала и взяла

В зори! Из мертвого сна надгробий —
В руки, вот в эти ладони, в обе,

Раковинные — расти, будь тих:
Жемчугом станешь в ладонях сих!

О, не оплатят ни шейх, ни шах
Тайную радость и тайный страх

Раковины... Никаких красавиц
Спесь, сокровений твоих касаясь,

Так не присвоит тебя, как тот
Раковинный сокровенный свод

Рук неприсваивающих... Спи!
Тайная радость моей тоски,

Спи! Застилая моря и земли,
Раковиною тебя объемлю:

Справа и слева и лбом и дном —
Раковинный колыбельный дом.

Дням не уступит тебя душа!
Каждую муку туша, глуша,

Сглаживая... Как ладонью свежей
Скрытые громы студя и нежа,

Нежа и множа... О, чай! О, зрей!
Жемчугом выйдешь из бездны сей.

— Выйдешь! — По первому слову: будь!
Выстрадавшая раздастся грудь

Раковинная. — О, настезь створы! —
Матери каждая пытка впору,

В меру... Лишь ты бы, расторгнув плен,
Целое море хлебнул взамен!

31 июля 1923

466. ЗАОЧНОСТЬ

Кастальскому току,
Взаимость, заторов не ставь!
Заочность: за оком
Лежащая, вящая явь.

Заустно, заглазно,
Как некое долгое là,

Меж ртом и соблазном
Версту расстояния для...

Блаженны длинноты,
Широты забвений и зон!
Пространством как нотой
В тебя удаляясь, как стон

В тебе удлиняясь,
Как эхо в гранитную грудь
В тебя ударяясь:
Не видь и не слышь и не будь —

Не надо мне белым
По черному — мелом доски!
Почти за пределом
Души, за пределом тоски —

...Словесного чванства
Последняя карта сдана.
Пространство, пространство,
Ты нынче — глухая стена!

4 августа 1923

467. ПИСЬМО

Так писем не ждут,
Так ждут — письма.
Тряпичный лоскут,
Вокруг тесьма
Из клея. Внутри — словцо.
И счастье. И это — всё.

Так счастья не ждут,
Так ждут — конца:
Солдатский салют
И в грудь — свинца
Три дольки. В глазах краснó.
И только. И это — всё.

Не счастья — стара!
Цвет — ветер сдул!
Квадрата двора
И черных дул.

(Квадрата письма:
Чернил и чар!)
Для смертного сна
Никто не стар!

Квадрата письма.

11 августа 1923

468. МИНУТА

Минута: минущая: минешь!
Так мимо же, и страсть и друг!
Да будет выброшено ныне ж —
Что́ завтра б — вырвано из рук!

Минута: мерящая! Малость
Обмеривающая, слышь:
То никогда не начиналось,
Что кончилось. Так лги ж, так лсти ж

Другим, десятиричной кори
Подверженным еще, из дел
Не выросшим. Кто ты, чтоб море
Разменивать? Водораздел

Души живой? О, мель! О, мелочь!
У славного Царя Щедрот
Славнее царства не имелось,
Чем надпись: «И сие пройдет» —

На перстне... На путях обратных
Кем не измерена тщета
Твоих Аравий циферблатных
И маятников маята?

Минута: мающая! Мнимость
Вскачь — медлящая! В прах и в хлам
Нас мелящая! *Ты, что минешь:*
Минута: милостыня псам!

О как я рвусь тот мир оставить,
Где маятники душу рвут,
Где вечностью моею правит
Разминование минут.

12 августа 1923

Между нами — клинок двуострый
 Присягнувши — и в мыслях класть...
 Но бывают — страстные сестры!
 Но бывает — братская страсть!

Но бывает такая примесь
 Прерий в ветре и бездны в губ
 Дуновении... Меч, храни нас
 От бессмертных душ наших двух!

Меч, терзай нас и, меч, пронзай нас,
 Меч, казни нас, но, меч, знай,
 Что бывает такая крайность
 Правды, крыши такой край...

Двусторонний клинок — рознит?
 Он же сводит! Прорвав плащ
 Так своди же нас, страж грозный,
 Рану в рану и хрящ в хрящ!

(Слушай! если звезда, срываясь...
 Не по воле дитя с ладьи
 В море падает... Острова есть,
 Острова для любой любви...)

Двусторонний клинок, синим
 Ливший, красным пойдет... Меч
 Двусторонний — в себя вдвинем.
 Это будет — лучшее лечь!

Это будет — братская рана!
 Так, под звездами, и ни в чём
 Не повинные... Точно два мы
 Брата, спаянные мечом!

18 августа 1923

470. НАУКА ФОМЫ

Без рук не обнять!
Сгинь, выпранных душ
Небыль!
Не вижу — и гладь,
Не слышу — и глушь:
Не был.

Круги на воде.
Ушам и очам —
Камень.
Не здесь — так нигде.
В пространство, как в чан,
Канул.

Руками держи!
Всей крепостью мышц
Ширься!
Что сны и псалмы!
Бог ради Фомы
В мир сей

Пришел: укрепишь
В неверье — как негр
В трюме.
Всю в рану — по кисть!
Бог ради таких
Умер.

24 августа 1923

471—473. МАГДАЛИНА

1

Меж нами — десять заповедей:
Жар десяти костров.
Родная кровь отшатывает,
Ты мне — чужая кровь.

Во времена евангельские
Была б одной из тех...

(Чужая кровь — желаннейшая
И чуждейшая из всех!)

К тебе б со всеми немощами
Влеклась, стлалась — светла
Масть! — очесами демонскими
Таясь, лила б маслá

И на ноги бы, и под ноги бы,
И вовсе бы так, в пески...
Страсть по купцам распроданная,
Расплёванная, — теки!

Пеною уст и накипиями
Очес и пóтом *всех*
Нег... В волосà заматываю
Ноги твои, как в мех.

Некою тканью под ноги
Стелюсь... Не тот ли (та!)
Твари с кудрями огненными
Молвивший: встань, сестра!

26 августа 1923

2

Масти, плоченные втрое
Стоимости, страсти пот,
Слезы, волосы — сплошное
Иструение, а тот,

В красную сухую глину
Благостный вперяя зрак:
— Магдалина! Магдалина!
Не издаривайся так!

31 августа 1923

3

О путях твоих пытаться не буду,
Милая! — ведь всё сбылось.
Я был бос, а ты меня обула
Ливнями волос —
И — слез.

Не спрошу тебя, какой ценою
Эти куплены масла.
Я был наг, а ты меня волною
Тела — как стеною
Обнесла.

Наготу твою перстами трону
Тише вод и ниже трав...
Я был прям, а ты меня наклону
Нежности наставила, припав.

В волосах своих мне яму вырой,
Спеленаяй меня без льна.
— Мироносица! К чему мне мир?
Ты меня омыла
Как волна.

31 августа 1923

474. ОТРЫВОК

...Глазами казенных,
Глазами сирот и вдов —
Засады казенных
Немыслящихся домов.

Натянутый провод
Веревки, рубахи взлет.
И тайная робость:
А кто-нибудь здесь... живет?

28 августа 1923

475

С этой горы, как с крыши
Мира, где в небо спуск.
Друг, я люблю тебя свыше
Мер — и чувств.

От очевидцев скрою
-В тучу! С золою съем.
...С этой горы, как с Трои
Красных — стен.

Страсти: хвала убитым,
Сущим — срам.
Так же смотрел на битву
Царь — Приам.

Рухнули у—стон:
Зарево? Кровь? Нимб?
Так же смотрел на Трою
Весь О—лимп.

Нет, из прохладной ниши
Дева, воздевши длань...
Друг, я люблю тебя свыше.
Слышь — и — встань.

30 августа 1923

476—477. О В Р А Г

1

Дно — оврага.
Ночь — корягой
Шарящая. Встряски хвой.

Клятв — не надо.
Ляг — и лягу.
Ты бродягой стал со мной.

С койки затхлой
Ночь по каплям
Пить — закашляешься. Всласть

Пей! Без пятен —
Мрак! Бесплатен —
Бог: как к пропасти припасть.

(Час — который?)
Ночь — сквозь шторы
Знать — немного знать. Узнай

Ночь — как воры,
Ночь — как горы.
(Каждая из нас — Синай

Ночью...)

10 сентября 1923

2

Никогда не узнаешь, что жгу, что трачу
— Сердце перебой —
На груди твоей нежной, пустой, горячей,
Гордец дорогой.

Никогда не узнаешь, каких не—наших
Бурь — следы сцеловал!
Не гора, не овраг, не стена, не насыпь:
Души перевал.

О, не вслушивайся! Болевого бреда
Ртуть... Ручьёвая речь...
Прав, что слепо берешь. От такой победы
Руки могут — от плеч!

О, не вглядывайся! Под листвою падучей
Сами — листьями мчим!
Прав, что слепо берешь. Это только тучи
Мчат за ливнем косым.

Ляг — и лягу. И благо. О, всё на благо!
Как тела на войне —
В лад и в ряд. (Говорят, что на дне оврага,
Может — неба на дне!)

В этом бешеном беге дерев бессонных
Кто-то насмерть разбит.
Что победа твоя — поражение сонмов,
Знаешь, юный Давид?

11 сентября 1923

Отлило — обдало — накатило —
 — Навзничь! — Умру.
 Так Поликсена, узрев Ахилла
 Там, на валу —

В красном — кровавая башня в плёсе
 Тел, что простер.
 Так Поликсена, всплеснувши: «Кто сей?»
 (Знала — костер!)

Соединенное чародейство
 Страха, любви.
 Так Поликсена, узрев ахейца,
 Ахнула — и —

Знаете этот отлив атлантский
 Крови от щек?
 Неодолимый — прострись, пространство! —
 Крови толчок.

13 сентября 1923

479. ПОСЛЕДНИЙ МОРЯК

О ты — из всех залинейных нот
 Нижайшая! — Кончим распрю!
 Как та чахоточная, что в ночь
 Стонала: еще понравься!

Ломала руки, а рядом драк
 Удары и клятв канаты.
 (Спал разонравившийся моряк
 И капала кровь на мя—
 тую наволоку...)

А потом, вверх дном
 Стакан, хрусталем и кровью
 Смеясь...— и путала кровь с вином,
 И путала смерть с любовью.

«Вам сон, мне — спех! Не присев, не спев —
 И занавес! Завтра в лёжку!»

Как та чахоточная, что всех
Просила: еще немножко

Понравься!.. (Руки уже свежи,
Взор смутен, персты не гнутся...)
Как та с матросом — с тобой, о жизнь,
Торгуюсь: еще минутку

Понравься!..

15 сентября 1923

480. КРИК СТАНЦИЙ

Крик станций: останься!

Вокзалов: о жалость!

И крик полустанков:

Не Дантов ли

Возглас:

«Надежду оставь!»

И крик паровозов.

Железом потряс

И громом волны океанской.

В окошечках касс,

Ты думал — торгуют пространством?

Морями и сушей?

Живейшим из мяс:

Мы мясо — не души!

Мы губы — не розы!

От нас? Нет — *по* нас

Колеса любимых увозят!

С такой и такую-то скоростью в час.

Окошечки касс.

Костяшечки страсти игорной.

Прав кто-то из нас,

Сказавши: любовь — живодерня!

«Жизнь — рельсы! Не плачь!»

Полотна — полотна — полотна...

(В глаза этих кляч

Владельцы глядят неохотно.)

«Без рва и без шва
Нет счастья. Ведь с *тем* покупала?»
Та швейка права,
На это смолчавши: «Есть шпалы».

24 сентября 1923

481. ПРАЖСКИЙ РЫЦАРЬ

Бледно—лицый
Страж над плеском века —
•Рыцарь, рыцарь,
Стерегущий реку.

(О, найду ль в ней
Мир от губ и рук?!)
Ка—ра—ульный
На посту разлук.

Клятвы, кольца...
Да, но камнем в реку —
Нас-то — сколько
За четыре века!

В воду пропуск
Вольный. Розам — цвесь!
Бросил — брошусь!
Вот тебе и месть!

Не устанем
Мы — доколе страсть есть!
Мстить мостами.
Широко расправьтесь,

Крылья! В тину,
В пену — как в парчу!
Мосто—вины
Нынче не плачу!

— «С рокового мосту
Вниз — отважься!»
Я тебе по росту,
Рыцарь пражский.

Сласть ли, грусть ли
В ней — тебе видней,
Рыцарь, стерегущий
Реку — дней.

27 сентября 1923

482. НОЧНЫЕ МЕСТА

Темнейшее из ночных
Мест: мост.— Устами в уста!
Неужели ж нам свой крест
Тащить в дурные места,

Туда: в веселящий газ
Глаз, газа... В платный Содом?
На койку, где всё до нас!
На койку, где нé вдвоем

Никто... Никнет ночник.
Авось — совесть уснет!
(Вернейшее из ночных
Мест — смерть!) Платных теснот

Ночных — блаже вода!
Вода — глаже простынь!
Любить — блажь и беда!
Туда — в хладную синь!

Когда б в веры века
Нам встать! Руки смежив!
(Река — телу легка,
И спать — лучше, чем жить!)

Любовь: зноб до кости!
Любовь: зной до бела!
Вода — любит концы.
Река — любит тела.

4 октября 1923

483. ПОДРУГА

«Не расстанусь! — Конца нет!» И льнет, и льнет...
А в груди — нарастание
Грозных вод,
Нот... Надежное: как таинство
Непреложное: рас—станемся!

5 октября 1923

484. ПОЕЗД ЖИЗНИ

Не штык — так клык, так сугроб, так шквал,—
В Бессмертье что час — то поезд!
Пришла и знала одно: вокзал.
Раскладываться не стоит.

На всех, на всё — равнодушьем глаз,
Которым конец — исконность.
О как естественно в третий класс
Из душности дамских комнат!

Где от котлет разогретых, щек
Остывших...— Нельзя ли дальше,
Душа? Хотя бы в фонарный сток
От этой фатальной фальши:
Папильоток, пеленок,
Щипцов каленых,
Волос паленых,
Чепцов, клеенок,
О—де—ко—лонов
Семейных, швейных
Счастий (kleinwenig!) *
Взят ли кофейник?
Сушек, подушек, матрон, нянь,
Душности бонн, бань.

Не хочу в этом коробе женских тел
Ждать смертного часа!
Я хочу, чтобы поезд и пил и пел:
Смерть — тоже вне класса!

* Немножко (нем.).— *Ред.*

В удаль, в одурь, в гармошку, в надсад, в тщету!
— Эти нехристи и льнут же! —
Чтоб какой-нибудь странник: «На тем свету...»
Не дождавшись, скажу: лучше!

Площадка.— И шпалы.— И крайний куст
В руке.— Отпускаю.— Поздно
Держаться.— Шпалы.— От стольких уст
Устала.— Гляжу на звезды.

Так через радугу всех планет
Пропавших — считал-то кто их? —
Гляжу и вижу одно: конец.
Раскаиваться не стоит.

6 октября 1923

485

Древняя тщета течет по жилам,
Древняя мечта: уехать с милым!

К Нилу! (Не на грудь хотим, а в грудь!)
К Нилу — иль еще куда-нибудь

Дальше! За предельные пределы
Станций! Понимаешь, что из тела

Вон — хочу! (В час тупящихся вежд
Разве выступаем — из одежд?)

...За потустороннюю границу:
К Стиксу!..

7 октября 1923

486. ПОВЕГ

Под занавесом дождя
От глаз равнодушных кроюсь,
— О завтра мое! — тебя
Выглядываю — как поезд

Выглядывает бомбист
С еще-сотрясением взрыва
В руке... (Не одних убийств
Бежим, зарываясь в гриву

Дождя!) Не расправы страх,
Не... — Но облака! но звоны!
То Завтра на всех парах
Проносится вдоль перрона

Пропавшего... Бог! Благой!
Бог! И в дымовую опушь —
Как об стену... (Под ногой
Подножка — или ни ног уж,

Ни рук?) Верстовая снасть
Столба... Фонари из бреда...
О нет, не любовь, не страсть,
Ты поезд, которым еду

В Бессмертье...

14 октября 1923

487

Брожу — не дом же плотничать,
Расположась на росстани!
Так, вопреки полотнищам
Пространств, треклятым простыням

Разлук, с минутным баловнем
Крадясь ночными тайнами,
Тебя под всеми ржавыми
Фонарными кронштейнами —

Краем плаща... За стойками —
Краем стекла... (Хоть краешком
Стекла!) Мертвец настойчивый,
В очах — зачем качаешься?

По набережным — клятв озноб,
По загородам — рифм обвал.

Сжимают ли — «я б жарче сгреб»,
Внимают ли — «я б чище внял».

Всё ты один, во всех местах,
Во всех мастях, на всех мостах.
Моими вздохами — снастят!
Моими клятвами — мостят!

Такая власть над сбивчивым
Числом у лиры любящей,
Что на тебя, небывший мой,
Оглядываюсь — в будущее!

16 октября 1923

488

Люблю — но мука еще жива.
Найди баюкающие слова:

Дождливые — расточивши всё
Сам выдумай, чтобы в их листве

Дождь слышался: то не цеп о сноп:
Дождь в крышу бьет: чтобы мне на лоб,

На гроб стекал, чтобы лоб — светал,
Озноб — стихал, чтобы кто-то спал

И спал...

Сквозь скважины, говорят,
Вода просачивается. В ряд
Лежат, не жалуются, а ждут
Незнаемого. (Меня — сожгут.)

Баюкай же — но прошу, будь друг:
Не буквами, а каютой рук:

Уютами...

24 октября 1923

489—491. Д В О Е

1

Есть рифмы в мире сем:
 Разъединишь — и дрогнет.
 Гомер, ты был слепцом.
 Ночь — на буграх надбровных.

Ночь — твой рапсодов плащ,
 Ночь — на очах — завесой.
 Разъединил ли б зрящ
 Елену с Ахиллесом?

Елена. Ахиллес.
 Звук назови созвучней.
 Да, хаосу вразрез
 Построен на созвучьях

Мир, и, разъединен,
 Мстит (на согласиях строен!)
 Неверностями жен
 Мстит — и горящей Тройей!

Рапсод, ты был слепцом:
 Клад рассорил, как рухлядь.
 Есть рифмы — в мире том
 Подобренные. Рухнет

Сей — разведешь. Чтó нужд
 В рифме? Елена, старься!
 ...Ахеи лучший муж!
 Сладостнейшая Спарты!

Лишь шорохом древес
 Миртовых, сном кифары:
 «Елена: Ахиллес:
 Разрозненная пара».

30 июня 1924

Не суждено, чтобы сильный с сильным
 Соединились бы в мире сем.
 Так разминулись Зигфрид с Брунгильдой,
 Брачное дело решив мечом.

В братственной ненависти союзной
 — Буйволами! — на скалу — скала.
 С брачного ложа ушел, не узнав,
 И неопознанною — спала.

Порознь! — даже на ложе брачном —
 Порознь — даже сцепясь в кулак —
 Порознь! — на языке двузначном —
 Поздно и порознь — вот наш брак!

Но и постарше еще обида
 Есть: амазонку подмяв как лев —
 Так разминулися: сын Фетиды
 С дочерью Аресовой: Ахиллес

С Пенфезилеей.

О вспомни — снизу
 Взгляд ее! сбитого седока
 Взгляд! не с Олимпа уже, — из жижи
 Взгляд ее — всё ж еще свысока!

Что ж из того, что отсель одна в нем
 Рсвность: женою урвать у тьмы.
 Не суждено, чтобы равный — с равным...

.

Так разминовываемся — мы.

В мире, где всяк
 Сгорблен и взмылен,
 Знаю — один
 Мне равносителен.

В мире, где столь
 Многого хотим,

Знаю — один
Мне равномощен.

В мире, где всё —
Плесень и плющ,
Знаю: один
Ты — равносуш

Мне.

3 июля 1924

492. ОСТРОВ

Остров есть. Толчком подземным
Выхвачен у Нереид.
Девственник. Еще никем не
Выслежен и не открыт.

Папоротником бьет и в пене
Прячется. — Маршрут? Тариф?
Знаю лишь: еще нигде не
Числится, кроме твоих

Глаз Колумбовых. Две пальмы:
Явственно! — Пропали. — Взмах
Кондора...

(В вагоне спальном
— Полноте! — об островах!)

Час, а может быть — неделя
Плаванья (упрусь — так год!)
Знаю лишь: еще нигде не
Числится, кроме широт

Будущего...

5 июля 1924

493. ПОД ШАЛЬЮ

Запечатленный, как рот оракула —
Рот твой, гадавший многим.
Женщина, что от дозору спрятала
Меж языком и небом?

Уж не глазами, а в вечность дырами
Очи, котлом ведерным!
Женщина, яму какую вырыла
И заложила дерном?

Располагающий ста кумирнями
Идол — не столь заносчив.
Женщина, что у пожара вырвала
Нег и страстей двуножных?

Женщина, в тайнах, как в шалях, ширишься,
В шалях, как в тайнах, длишься.
Отъединенная — как счастливица-
Ель на вершине мгlistой.

Точно усопшую вопрошаю,
Душу, к корням пригубившую...
Женщина, что у тебя под шалью?
— Будущее!

8 ноября 1924

494

Так — только Елена глядит над кровлями
Троянскими! В столбняке зрачков.
Четыре провинции обескровлено
И обезнадежено сто веков.

Так — только Елена над брачной бойнею,
В сознании: наготой моей
Четыре Аравии обезножено
И обезжемчужено пять морей.

Так только Елена — не жди заломленных
Рук! — диву дается на этот рой
Престолонаследников обездомленных
И родоначальников, мчащих в бой.

Так только Елена — не жди взывания
Уст! — диву дается на этот ров
Престолонаследниками заваленный:
На обессыновленность ста родов.

Но нет, не Елена! Не та двубрачная
Грабительница, моровой сквозняк.
Какая сокровищница растрочена
Тобою, что в очи нам смотришь — так,

Как даже Елене за красным ужином
В глаза не дерзалось своим рабам:
Богам. — «Чужеземкою обезмуженный
Край! Всё еще гусеницей — к ногам!»

11 ноября 1924

495

Пела как стрелы и как морены,
Мчащие из-под ног
С звуком рвущегося атласа.
— Пела! — и целой стеной матрасной
Остановить не мог
Мир меня.
Ибо единый вырвала
Дар у богов: бег!

Пела как стрелы.
Тело?
Мне нету дела!

8 ноября 1924

496. ПОПЫТКА РЕВНОСТИ

Как живется вам с другою, —
Проще ведь? — Удар весла! —
Линией береговою
Скоро ль память отошла

Обо мне, плавучем острове
(По небу — не по водам!)
Души, души! — быть вам сестрами,
Не любовницами — вам!

Как живется вам с *простою*
Женщиною? *Без* божеств?
Государыню с престола
Свергши (с одного сошед),

Как живется вам — хлопочется —
Ежится? Встается — как?
С пошлиной бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?

«Судорог да перебоев —
Хватит! Дом себе найму».
Как живется вам с любовью —
Избранному моему!

Свойственное и съедобнее —
Снедь? Приестся — не пеняй...
Как живется вам с подобием —
Вам, поправшему Синай!

Как живется вам с чужою,
Здесьнею? Ребром — любя?
Стыд Зевесовой вождою
Не охлёстывает лба?

Как живется вам — здоровится —
Можется? Поется — как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?

Как живется вам с товаром
Рыночным? Оброк — крутой?
После мраморов Каррары
Как живется вам с трухой

Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог — и на́чисто разбит!)
Как живется вам с сто-тысячной —
Вам, познавшему Лилит!

Рыночною новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живется вам с землею
Женщиною, бёз шестых

Чувств?
Ну, за голову: счастливы?
Нет? В провале без глубин —
Как живется, милый? Тяжче ли —
Так же ли — как мне с другим?

19 ноября 1924

Вьюга наметает в полы.
Всё разрывы да расколы! —

И на шарф цветной веселый —
Слезы острого рассола,
Жемчуг крупного размола.

19 ноября 1924

498—499. С О Н

1

Врылась, забылась — и вот как с тысяче-
футовой лестницы без перил.
С хищностью следователя и сыщика
Всё мои тайны — сон перерыл.

Сопки — казалось бы, прочно замерли —
Не доверяйте смертям страстей!
Зорко — как следователь по камере
Сердца — расхаживает Морфей.

Вы! собирательное убожество!
Не обрывающиеся с крыш!
Знали бы, как, на перинах лёжачи,
Преображаешься и паришь!

Рухаешь! Как скорлупою треснувшей —
Жизнь с ее грузом мужей и жен.
Зорко — как летчик над вражьей местностью
Спящею — над душою сон.

Тело, что все свои двери заперло —
Тщетно! — уж ядра поют вдоль жил.
С точностью сбирра и оператора
Всё мои раны — сон перерыл!

Вскрыта! ни щелки в райке, под куполом,
Где бы укрыться от вещей глаз
Собственных. Духовником подкупленным
Всё мои тайны — сон перетряс!

24 ноября 1924

В мозгу ухаб пролёжан,—
 Три века до весны!
 В постель иду, как в ложу:
 Затем, чтоб видеть сны:

Сновидеть: рай Давидов
 Зреть и Ахиллов шлем
 Священный,— стен не видеть!
 В постель иду — затем.

Разведены с Мартыном
 Задекою — не всё!
 Не доверяй перинам:
 С сугробами в родстве!

Занежат,— лести женской
 Пух, рук и ног захват.
 Как женщина младенца
 Трехдневного заспят.

Спать! Потолок как короб
 Снять! Синевой запить!
 В постель иду как в прорубь:
 Вас — не себя топить!

Заокеанских тропик
 Прель, Индостана — ил...
 В постель иду как в пропасть:
 Перины — без перил!

26 ноября 1924

500. ПРИМЕТЫ

Точно гору несла в подоле.—
 Всего тела боль!
 Я любовь узнаю по боли
 Всего тела вдоль.

Точно поле во мне разъяли
 Для любой грозы.
 Я любовь узнаю по дали
 Всех и вся вблизи.

Точно нóру во мне прорыли
До основ, где смоль.
Я любовь узнаю по жиле,
Всего тела вдоль

Стонущей. Сквозняком как гривой
Овеваясь гунн:
Я любовь узнаю по срыву
Самых верных струн

Горловых,— горловых ущелий
Ржавь, живая соль.
Я любовь узнаю по щели,
Нет! — по трели
Всего тела вдоль!

29 ноября 1924

501

Ятаган? Огонь?
Поскромнее,— куда как громко!

Боль, знакомая, как глазам — ладонь,
Как губам —
Имя собственного ребенка.

1 декабря 1924

502

Живу — не трогаю.
Горы не срыть.
Спроси безногого,
Ответит: жить.

Не наша — богова
Гора — Егова!
Котел да логово,—
Живем без многого.

1 декабря 1924

503. ПОЛОТЕРСКАЯ

Колотёры-молотёры,
Полотёры-полодёры,
Кумашный стан,
Бахромчатый штан.

Что Степан у вас, что Осип —
Ни приметы, ни следа!
— Нас нелегкая приносит,
Полотеров, завсегда.

Без вины навязчивые,
Мы полы наващиваем.
По паркетам вз'ахивая,
Мы молей вымахиваем.

Кулик краснопер,
Пляши, полотер!

Колотилы-громыхалы,
Нам всё комнаты тесны.
Кольцо бабкино пропало —
Полотеры унесли.

Нажариваем.
Накаливаем.
...Пошариваем!
...Пошаливаем!

С полотеров взятки гладки:
Катай вдоль да поперек!
Как подкатимся вприсядку:
«Пожалуйте на чаек!»

Не мастикой ясенеvy
Вам полы намасливаем.
Пóтом-кровью ясенеvy
Вам полы наласниваем.

Вощи добелá!
Трещи, мебелия!

Тише сажи, мягче замши...
Полотеров взявши в дом —
Плачь! Того гляди, плясамши,
Нос богине отобьем.

Та богиня — мраморная,
Нарядить — от Ламановой,
Не гляди, что мраморная —
Всем бока наламываем!

Гол, бос.
Чтоб жглось!

Полотерско дело вредно:
Пляши, в пот себя вогнав!
Оттого и ликом бледны,
Что вся кровь у нас в ногах.

Ногой пишем,
Ногой пашем.
Кто повыше —
Тому пляшем.

О пяти корявых пальцах —
Как и барская нога!
Из прихожей — через зальце —
Вот и вся вам недолга!

Знай, откалывай
До колá в груди!
...Шестипалого
Полотера жди.

Нам балы давать не внове!
Двери — всё ли на ключе?
А кумач затем — что крови
Не видать на кумаче!

Нашей ли, вашей ли, —
Ляжь да не спрашивай.

Как господско дело — грязью
Следить, лоску не жалеть —
Полотерско дело — мазью
Те следочки затереть.

А уж мазь хороша!
— Занялась пороша! —

Полодёры-полодралы,
Полотеры-пролеталы,
Разлет-штаны,
Паны-шаркуны,

Из перинки прасоловой
Не клопов вытрясываем,
По паркетам взгаркивая —
Мы господ вышаркиваем!

Страсть-дела,
Жар-дела,
Красная гвардия!

Поспешайте, сержанты резвые!
Полотеры купца зарезали.

Получайте, чего не грезили:
Полотеры купца заездили.

18 декабря 1924

504

Емче органа и звонче бубна
Молвь — и одна для всех:
Ох, когда трудно, и ах, когда чудно,
А не дается — эх!

Ах с Эмпиреев и ох вдоль пахот,
И повинись, поэт,
Что ничего кроме этих ахов,
Охов у Музы нет.

Наинасыщеннейшая рифма
Недр, наинизший тон.
Так, перед вспыхнувшей Суламифью —
Ахнувший Соломон.

Ах: разрывающееся сердце,
Слог, на котором мрут.

Ах, это занавес — вдруг — разверстый.
Ох: ломовой хомут.

Словоискатель, словесный хахаль,
Слов неприкрытый кран,
Эх, слуханул бы разок — как ахал
В ночь половецкий стан!

И пригибался, и зверем прядал...
В мхах, в звуковом меху:
Ах — да ведь это ж цыганский табор
— Весь! — и с луной вверху!

Се жеребец, на аршин ощерясь,
Ржет, предвкушая бег.
Се, напоровшись на конский череп,
Песнь заказал Олег —

Пушкину. И — раскалясь в полете —
В прабогатырских тьмах —
Неодолимые возгласы плоти:
Ох! — эх! — ах!

23 декабря 1924

505—506. ЖИЗНИ

1

Не возьмешь моего румянца —
Сильного — как разливы рек!
Ты охотник, но я не дамся,
Ты погоня, но я есмь бег.

Не возьмешь мою душу живу!
Так, на полном скаку погонь —
Пригибающийся — и жилу
Перекусывающий конь

Аравийский.

25 декабря 1924

Не возьмешь мою душу живу,
 Не дающуюся как пух.
 Жизнь, ты часто рифмуешь с: лживо,—
 Безошибочен певчий слух!

Не задумана старожилем!
 Отпусти к берегам чужим!
 Жизнь, ты явно рифмуешь с жиром.
 Жизнь: держи его! жизнь: нажим.

Жестоки у ножных костяшек
 Кольца, в кость проникает ржа!
 Жизнь: ножи, на которых пляшет
 Любящая.

— Заждалась ножа!

28 декабря 1924

1925

507. КРЕСТИНЫ

Воды не перетеплил
 В чану, зазнобил — как надобно —
 Тот поп, что меня крестил.
 В ковше плоскодонном свадебном

Вина не пересластил —
 Душа да не шутит брашнами!
 Тот поп, что меня крестил
 На трудное дело брачное:

Тот поп, что меня венчал.
 (Ожжась, поняла, танцовщица,
 Что сок твоего, Анчар,
 Плода в плоскодонном ковшике

Вкусила...)

— на вечный пыл

В печи смоляной поэтовой
 Крестил — кто меня крестил
 Водю неподогретую,

Беспримесным тем вином.
Когда поперхнусь — напомните!
Каким опалюсь огнем?
Всё страсти водою комнатной

Мнѣ кажутся. Трижды прав
Тот поп, что меня обкарнывал.
Каких убоюсь отрав?
Все яды — водой отварною

Мне чудятся. Чтó мне рок
С его родовыми страхами —
Раз собственные, вдоль щек,
Мне слезы — водою сахарной!

А ты, что меня крестил
Водой исступленной Савловой
(Так Савл, занеся костыль,
Забывчивых останавливал) —

Молись, чтоб тебя простил —
Бог.

1 января 1925

508

Жив, а не умер
Демон во мне!
В теле как в трюме,
В себе как в тюрьме.

Мир — это стены.
Выход — топор.
(«Мир — это сцена», —
Лепечет актер.)

И не слукавил,
Шут колченогий.
В теле — как в славе,
В теле — как в тоге.

Многие лета!
Жив — дорожи!

(Только поэты
В кости — как во лжи!)

Нет, не гулять нам,
Певчая братья,
В теле, как в ватном
Отчем халате.

Лучшего стоим.
Чахнем в тепле.
В теле — как в стойле,
В себе — как в котле.

Бренных не колим
Великолепий.
В теле — как в топи,
В теле — как в склепе,

В теле — как в крайней
Ссылке.— Зацах!
В теле — как в тайне,
В висках — как в тисках

Маски железной.

5 января 1925

509

Существования котловиною
Сдавленная, в столбняке глушизн,
Погребенная заживо под лавиною
Дней — как каторгу избываю жизньь.

Гробовое, глухое мое зимовье.
Смерти: инея на уста-красны —
Никакого иного себе здоровья
Не желаю от Бога и от весны.

11 января 1925

Что, Муза моя? Жива ли еще?
 Так узник стучит к товарищу
 В слух, в ямку, перстом продолбленную
 — Что Муза моя? Надолго ли ей?

Соседки, сердцами спутанные.
 Тюремное перестукивание.

Что Муза моя? Жива ли еще?
 Глазами не зная желающих,
 Усмешкою правду кроющими,
 Соседскими, справа-кочными

— Что, братец? Часочек выиграли?
 Больничное перемигивание.

Эх, дело мое! Эх, марлевое!
 Так небо боев над армиями,
 Зарницами вкось исчерканное,
 Ресничное пересвёркивание.

В воронке дымка рассеянного —
 Солдатское пересмеивание.

Ну, Муза моя! Хоть рифму еще!
 Щекой — Илионом вспыхнувшей
 К щеке: «Не крушись! Расковыляет
 Смерть — узы мои! До скорого ведь?»

Предсмертного ложа свадебного —
 Последнее перетрагивание.

15 января 1925

В седину — висок,
 В колею — солдат,
 — Небо! — морем в тебя окрашиваюсь.
 Как на каждый слог —
 Что на тайный взгляд
 Оборачиваюсь,
 Охорашиваюсь.

В перестрелку — скиф,
В христопляску — хлыст,
— Море! — небом в тебя отваживаюсь.
Как на каждый стих —
Что на тайный свист
Останавливаюсь,
Настораживаюсь.

В каждой строчке: стой!
В каждой точке — клад.
— Око! — светом в тебе расслаиваюсь,
Расхожусь. Тоской
На гитарный лад
Перестраиваюсь,
Перекраиваюсь.

Не в пуху — в пере
Лебедином — брак!
Браки розные есть, разные есть!
Как на знак тире —
Что на тайный знак
Брови вздрагивают —
Заподозриваешь?

Не в чаю спитом
Славы — дух мой креп.
И казна моя — немалая есть!
Под твоим перстом
Что Господень хлеб
Перемалываюсь,
Переламаываюсь.

22 января 1925

512

Променивши на стремя —
Поминайте коня ворона!
Невозвратна как время,
Но возвратна как вы, времена

Года, с первым из встречных
Предающая дело родни,
Равнодушна как вечность,
Но пристрастна как первые дни

Весен... собственным пеньем
Опьяняясь как ночь — соловьем,
Невозвратна как племя
Вымирающее (о нем

Гейне пел,— брак мой тайный:
Слаще гостя и ближе, чем брат...)
Невозвратна как Рейна
Сновиденный убийственный клад.

Чиста-злата — нержавый,
Чиста-серебра — Вагнер? — нырни!
Невозвратна как слава
Наша русская...

19 февраля 1925

513

Рас—стояние: версты, мили...
Нас рас—ставили, рас—садили,
Чтобы тихо себя вели
По двум разным концам земли.

Рас—стояние: версты, дали...
Нас расклеили, распаяли,
В две руки развели, распяв,
И не знали, что это — сплав

Вдохновений и сухожилий...
Не рассóрили — рассорили,
Расслоили...

Стена да ров.
Расселили нас как орлов-

Заговорщиков: версты, дали...
Не расстроили — растеряли.
По трущобам земных широт
Рассовали нас как сирот.

Который уж, ну который — март?!
Разбили нас — как колоду карт!

24 марта 1925

Русской ржи от меня поклон,
Ниве, где баба застится.
Друг! Дожди за моим окном,
Беды и блажи на сердце...

Ты, в погудке дождей и бед
То ж, что Гомер — в гексаметре.
Дай мне руку — на весь тот свет!
Здесь — мои обе заняты.

7 мая 1925
Прага

***СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВОШЕДШИЕ В КНИГИ***

515

В пустынной храмине
Троилась — ладаном.
Зерном и пламенем
На темя падала.

В ночные клёкоты
Вступала — ровнею.
Я буду крохотной
Твоей жаровнею:

Домашней утварью:
Тоску раскуривать,
Ночную скуку гнать,
Земные руки греть.

С груди безжалостной
Богов — пусть сброшена!
Любовь досталась мне
Любáя: большая!

С такими путами!
С такими льготами!
Пол-жизни? — Всю тебе!
По локоть? — Вот она!

За то, что требуешь,
За то, что мучаешь,
За то, что бедные
Земные руки есть...

Тщета! — Не выверишь
По амфибрахиям!

В груди пошире лишь
Глаза распахивай,

Гляди: не Логосом
Пришла, не Вечностью:
Пустоголовостью
Твоей щебечущей

К груди...

— Не властвовать!

Без слов и на слово —
Любить... Распластаннейшим
В мире — ласточкой!

26 июня 1922

516

И скажешь ты:
Не та ль,
Не ты,
Что сквозь персты:
Листы, цветы —
В пески...

Изустных

Вер — индус,
Что нашу грусть —
В листы,
И груз — в цветы
Всего за только всхруст
Руки
В руке:
Игру.
Индус, а может Златоуст
Вер — без навек,
И без корней
Верб,
И навек — без дней...

(Бедней
Тебя!)
И вот
Об ней,
Об ней одной...

3 июля 1922

От руки моей не разыгрывал,
 На груди моей не всплакивал.
 Непреложней и незыблемей
 Опрокинутого факела.

Над душой моей — в изглавии,
 Над страдой моей — в изножии...
 (От руки моей не вздрагивал,
 Не твоей рукой низложена!)

Азраил! В ночах без месяца
 И без звезд — дороги скошены.
 В этот час тяжело-весащий
 Я тебе не буду ношею!

Азраил! В ночах без выходов
 И без звезд — личины сорваны!
 В этот час тяжело-дышащий
 Я тебе не буду прорвою!

А потом — перстом как факелом —
 Напиши в рассветных серостях
 О жене, что назвала тебя
 Азраилом — вместо Эроса!

16 февраля 1923

Голубиная купель,
 Небо: тридевять земель.

Мне, за тем гулявшей за морем,
 Тесно в одиночной камере
 Рук твоих,
 Губ твоих,
 Человек — и труб твоих,
 Город!

— Город!

Это сорок
 Сороков во мне поют.
 Это сорок
 — Бить, так в порох! —
 Кузнецов во мне куют!

Мне, решать привыкшей в мраморе,
Тесно в одиночной камере
Демократии и Амора.

21 марта 1923

519. ОКО

Фонари, горящие газом,
Леденеющим день от дня.
Фонари, глядящие глазом,
Не пойму еще — в чем? — вина,
Фонари, глядящие нàземь:
На младенцев и на меня.

23 октября 1923

520

Оставленного зала тронного
Столбы. (Оставленного — в срок!)
Крутые улицы наклонные
Стремительные как поток.

Чувств обезумевшая жимолость,
Уст обеспамятевший зов.
— Так я с груди твоей низринулась
В бушующее море строф.

Декабрь 1923

521

Пела рана в груди у князя.
Или в ране его — стрела

Пела? — к милому не поспеть мол,
Пела, милого не отпеть —
Пела. Та, что летела степью
Сизою.— Или просто степь

Пела, белое омывая
Тело... «Лебедь мой дикий гусь»,
Пела... Та, что с синя-Дуная
К Дону тянется...

Или Русь

Пела?

30 декабря 1924

522

Высокомерье — каста.
Чем недочёт — отказ.
Что говорить: не часто!
В тысячелетье — раз.

Всё, что сказала — крайний
Крик морякам знаком!
А остальное — тайна:
Вырежут с языком.

16 мая 1925

523

Слава падает так, как слива:
На голову, в подол.
Быть красивой и быть счастливой!
(А не плохой глагол —

Быть? Без всякого приставного —
Быть и точка. За ней — простор.)
Слава падает так, как слово
Милости на топор

Плахи, или же как на плиты
Храма — полдень сухим дождем.
Быть счастливой и знаменитой?
Меньшего обождем

Часа. Или же так, как целый
Рим — на розовые кусты.
— Слава! — Я тебя не хотела:
Я б тебя не сумела нести.

17 мая 1925

От родимых сёл, сёл!
 — Наваждений! Новоявленностей!
 Чтобы поезд шел, шел,
 Чтоб нигде не останавливался,

Никуда не приходил.
 В вековое! Незастроенное!
 Чтобы ветер бил, бил,
 Выбивалкою соломенную

Просвежил бы мозг, мозг
 — Всё осевшее и плесенное! —
 Чтобы поезд нёс, нёс,
 Быстрее лебедя, как в песенке...

Сухопутный шквал, шквал!
 Низвержений! Невоздержанностей!
 Чтобы поезд мчал, мчал,
 Чтобы только не задерживался.

Чтобы только не срастись!
 Не поклясться! не насытиться бы!
 Чтобы только — свист, свист
 Над проклятою действительностью.

Феодалных нив! Глыб
 Первозданных! незахватанностей!
 Чтобы поезд шиб, шиб,
 Чтобы только не засматривался

На родимых мест, мест
 Августейшие засушенности!
 Всё едино: Пешт,— Брест —
 Чтобы только не заслушивался.

Никогда не спать! Спать?!
 Грех последний, неоправданнейший...
 Птиц, летящих вспять, вспять
 По пятам деревьев падающих!

Чтоб не ночь, не две! — две?! —
Еще дальше царства некоего —
Этим поездом к тебе
Всё бы ехала и ехала бы.

Конец мая 1925

525. ЮНОШЕ В УСТА

Юноше в уста
— Богу на алтарь —
Моря и песка
Пену и янтарь

Влагаю.
Солгали,
Что мать и сын!
Младая
Седая
Морская
Синь.

Крив их словоряд.
День их словарю!
Пенка говорят.
Пена говорю —

Знак — по́ синю бел!
Вопль — по́ белу бей!
Что перекипел
Сливочник морей.

Бой или «баю»,
Сон или... а всё ж —
Мать, коли пою,
Сын, коли сосешь —

Соси же!
Не хижин
Российских — царь:
Рожок плаксивый.
Руси — янтарь.

Старая любовь —
Море на Руси!
Старую любовь
Заново всоси:

Ту ее — давно!
Ту ее — шатра,
Всю ее — от *до*
Кия — до Петра.

Пей, не обессудь!
С бездною кутеж!
Больше нежели грудь —
Суть мою сосешь:

Лоно — смену —
Оно — вновь:
Моря пену,
Бора кровь.

Пей, женоупруг!
Пей, моя тоска!
Пенковый мундштук
Женского соска
Стóит.

Сто их,
Игр и мод!

Мать — кто по́ит
И поет.

29 мая 1928
Мёдон

Лес: сплошная маслбойня
 Света: быстрое, рябое,
 Бьющееся как Ваграм.
 Погляди, как в час прибоа
 Лес играет сам с собою!

Так и ты со мной играл.

*Июль 1928
 Понтайак*

Оползающая глыба,
 Из последних сил спасибо
 — Рвущееся — умолчу —
 Дуба юному плечу.

Издающая рыба,
 Из последних сил спасибо
 Близящемуся — прости! —
 Силящемуся спасти
 Валу первому прилива...

Иссыхающая нива —
 Божескому, нелюдску
 Бури — чудному персту.

Как добры в час без спасенья
 Силы первые — к последним!
 Пока рот не пересох —
 Спаси — боги! Спаси — Бог!

1928

528. МАЯКОВСКОМУ

1

Чтобы край земной не вымер
 Без отчаянных дядей,
 Будь, младенец, Володимир:
 Целым миром володей!

Литературная — не в ней
 Суть, а вот — кровь пролейте!
Выходит каждые семь дней.
 Ушедший — раз в столетье

Приходит. Сбит передовой
 Боец. Каких, столица,
 Еще тебе вестей, какой
 Еще — передовицы?

Ведь это, милые, у нас,
 Черновец — милюковцу:
 «Владимир Маяковский? Да-с.
 Бас, говорят, и в кофте

Ходил»...

Эх кровь-твоя-кровца!
 Как с новью примириться,
 Раз первого ее бойца
 Кровь — на второй странице
 (Известий).

3

«В гробу, в обыкновенном темном костюме, в устойчивых, грубых ботинках, подбитых железом, лежит величайший поэт революции».

(«Однодневная газета», 24 апреля
 1930 г.)

В сапогах, подкованных железом,
 В сапогах, в которых гору брал —
 Никаким обходом ни объездом
 Не доставшийся бы перевал —

Израсходованных до сиянья
 За двадцатилетний перегон.
 Гору пролетарского Синая,
 На котором праводатель — он.

В сапогах — двустопная жилплощадь,
 Чтоб не вмешивался жилотдел —

В сапогах, в которых, понаморщась,
Гору нес — и брал — и клял — и пел —

В сапогах и *до* и *без* отказу
По невспаханностям Октября,
В сапогах — почти что водолаза:
Пехотинца, чище ж говоря:

В сапогах великого похода,
На донбассовских, небось, гвоздях.
Гору горя своего народа
Стапятидесяти (Госиздат)

Миллионного... — В котором роде
Своего, когда который год:
«Ничего-де своего в заводе!»
Всех народов горя гору — вот.

Так вот в этих — про его Рольс-Ройсы
Говорок еще не приутих —
Мертвый пионерам крикнул: Стройся!
В сапогах — *свидетельствующих*.

4

Любовная лодка разбилась о быт.

И полушки не поставишь
На такого главаря.
Лодка-то твоя, товарищ,
Из какого словаря?

В лодке да еще в любовной
Запрокинуться — скандал!
Разин — чем тебе не ровня? —
Лучше с *бытом* совладал.

Эко новшество — лекарство,
Хлещущее что твой кран!
Парень, не по-пролетарски
Действуешь — а что твой пан!

Стоило ж в богов и в матку
Нас, чтоб — кровь, а не рассвет! —

Класса белую подкладку
Выворотить напослед.

Вроде юнкера, на Тòске
Выстрелившего — с тоски!
Парень! не по-маяковски
Действуешь: по-шаховски.

Фуражечку б на бровишки
И — прощай, моя джаным!
Правнуком своим проживши,
Кончил — прадедом своим.

То-то же как на поверку
Выйдем — стыд тебя заест:
Совето-российский Вертер.
Дворяно-российский жест.

Только раньше — в околородок,
Нынче ж...
— Враг ты мой родной!
Никаких любовных лодок
Новых — нету под луной.

5

Выстрел — в самую душу,
Как только что по врагам.
Богоборцем разрушен
Сегодня последний храм.

Еще раз не осекся,
И, в точку попав, — усоп.
Было стало быть сердце,
Коль выстрелу следом — стоп.

(Зарубежье, встречаясь:
«Ну, казус! Каков фугас!
Значит — тоже сердца есть?
И с той же, что и у нас?»)

Выстрел — в самую точку,
Как в ярмарочную цель.
(Часто — левую мочку
Отбривши — с женой в постель.)

Молодец! Не прошибся!
А женщины ради — что ж!
И Елену паршивкой
— Подумавши — назовешь.

Лишь одним, зато знатно,
Нас лефовец удивил:
Только вправо и знавший
Палить-то, а тут — слевил.

Кабы в правую — свёрк бы
Ланцетик — и здрав ваш шеф.
Выстрел в *левую* створку:
Ну в самый те Центропев!

6

Зерна огненного цвета
Брошу на ладонь,
Чтоб предстал он в бездне света
Красный как огонь.

Советским вельможей,
При полном Синоде...
— Здорово, Сережа!
— Здорово, Володя!

Умаялся? — Малость.
— По общим? — По личным.
— Стрелялось? — Привычно.
— Горелось? — Отлично.

— Так стало быть пожил?
— Пасс в нек'тором роде.
...Негоже, Сережа!
...Негоже, Володя!

А помнишь, как матом
Во весь свой эстрадный
Басище — меня-то
Обкладывал? — Ладно

Уж... — Вот те и шлюпка
Любовная лодка!
Ужель из-за юбки?
— Хужей из-за водки.

Опухшая рожа.
С тех пор и на взводе?
Негоже, Сережа.
— Негоже, Володя.

А впрочем — не бритва —
Сработано чисто.
Так стало быть бита
Картишка? — Сочится.

— Приложь подорожник.
— Хорош и коллодий.
Приложим, Сережа?
— Приложим, Володя.

А что на Рассее —
На матушке? — То есть
Где? — В Эсэсэсере
Что нового? — Строят.

Родители — рдят,
Вредители — точут,
Издатели — водят,
Писатели — строчут.

Мост новый заложен,
Да смыт половодьем.
Всё то же, Сережа!
— Всё то же, Володя.

А певчая стая?
— Народ, знаешь, тертый!
Нам лавры сплетая,
У нас как у мертвых

Прут. Старую Росту
Да завтрашним лаком.
Да не обойдешься
С одним Пастернаком.

Хошь, руку приложим
На ихнем безводье?
Приложим, Сережа?
— Приложим, Володя!

Еще тебе кланяется...
— А что добрый
Наш Льсан Алексаныч?
— Вон — ангелом! — Федор

Кузьмич? — На канале:
По красные щеки
Пошел. — Гумилев Николай?
— На Востоке.

(В кровавой рогоже,
На полной подводе...)
— Всё то же, Сережа.
— Всё то же, Володя.

А коли всё то же,
Володя, мил-друг мой —
Вновь руки наложим,
Володя, хоть рук и —

Нет.
— Хоть и нету,
Сережа, мил-брат мой,
Под царство и *это*
Подложим гранату!

И на растворенном
Нами Восходе —
Заложим, Сережа!
— Заложим, Володя!

7

Много храмов разрушил,
А этот — ценней всего.
Упокой, Господи, душу
Усопшего врага твоего.

*Август 1930
Савойя*

С фонарем обшарьте
 Весь подлунный свет!
 Той страны — на карте
 Нет, в пространстве — нет.

Выпита как с блюда,—
 Донышко блестит.
 Можно ли вернуться
 В дом, который — срыт?

Заново родися —
 В новую страну!
 Ну-ка, воротися
 На спину коню

Сбросившему! Кости
 Целы-то хотя?
 Эдакому гостю
 Булочник ломтя

Ломаного, плотник —
 Гроба не продаст!
 ...Той ее — *несчетных*
 Верст, *небесных* царств,

Той, где на монетах —
 Молодость моя —
 Той России — нету.

— Как и той меня.

Конец июня 1931
Мёдон

530—535. С Т И Х И К П У Ш К И Н У

1

Бич жандармов, бог студентов,
 Желчь мужей, услада жен —
 Пушкин — в роли монумента?
 Гостя каменного — он,

Скалозубый, нагловзорый
Пушкин — в роли Командора?

Критик — ноя, нытик — вторя:
— Где же пушкинское (взрыд)
Чувство меры? Чувство моря
Позабыли — о гранит

Бьющегося? Тот, солёный
Пушкин — в роли лексикона?

Две ноги свои — погреться —
Вытянувший — и на стол
Вспрыгнувший при Самодержце —
Африканский самовол —

Наших прадедов умора —
Пушкин — в роли гувернера?

Чёрного не перекрасить
В белого — неисправим!
Недурен российский классик,
Небо Африки — своим

Звавший, невяское — проклятым!
Пушкин — в роли русопята?

К пушкинскому юбилею
Тоже речь произнесем:
Всех румяней и смуглее
До сих пор на свете всем,

Всех живучей и живее!
Пушкин — в роли мавзолея?

Уши лопнули от вопля:
— Перед Пушкиным во фронт!
А куда девали пекло
Губ, куда девали — бунт

Пушкинский, уст окаянство?
Пушкин — в меру пушкиньянца!

Что вы делаете, карлы,
Этот — голубей олив —
Самый вольный, самый крайний
Лоб — навеки заклеив

Низостию двуединой
Золота и середины.

Пушкин — тога, Пушкин — схи́ма,
Пушкин — мера, Пушкин — грань...
Пушкин, Пушкин, Пушкин — имя
Благородное — как брань

Площадную — попугай.
Пушкин? Очень испугали!

25 июня 1931
Мёдон

2

(ПЕТР И ПУШКИН)

Не флотом, не по́том, не задом
В заплатах, не Шведом у ног,
Не ростом — из всякого ряду,
Не сносом — всего, чему срок —

Не лотом, не ботом, не пивом
Немецким сквозь кнастеров дым,
И даже и не Петро-дивом
Своим (Петро-делом своим!)

И бо́льшего было бы мало,
— Бог дал, человек не обузь! —
Когда б не привез Ганнибала-
Арапа на белую Русь.

Сего афричёнка в науку
Взяв, всем россиянам носы
Утер и наставил, — от внука-
то негрского — свет на Руси!

Уж он бы вертлявого в струнку
Не стал бы! — «На волю? Изволь!

Такой же ты камерный юнкер —
Как я — машкерадный король!»

Поняв, что ни пеной, ни пемзой —
Той Африки — Царь-Грамотей
Решил бы: «Отныне я — цензор
Твоих африканских страстей.»

И дав бы ему по загривку
Курчавому (стричь-не остричь!)
— Иди-ка, сынок, на побывку
В свою африканскую дичь!

Плыви — ни об чем не печалься!
Чай, есть в паруса кому дуть!
Соскучишься — так ворочайся,
А нет — хошь и дверь позабудь!

Приказ: ледяные туманы
Покинув — за пядию пядь
Обследовать жаркие страны
И виршами нам описать.

И мимо наставленной свиты,
Оставленной — прямо на склад,
Гигант, отпустивши пииту,
Помчал — по земле или *над*?

Сей, не по снегам смуглолицый
Российским — снегов Измаил!
Уж он бы заморскую птицу
Архивами не заморил!

Сей, не по кровям торопливый
Славянским, сей *тоже* — метис!
Уж ты б у него по архивам
Отечественным не закис!

Уж он бы с тобою — поладил!
За непринужденный поклон
Разжалованный — Николаем,
Пожалованный бы — Петром!

Уж он бы жандармского сыска
Не крыл бы «отечеством чувств»!
Уж он бы тебе — василиска
Взгляд! — не замораживал уст.

Уж он бы полтавских не комкал
Концов, не тупил бы пера.
За что недостойным потомком
— Подонком — опенком Петра

Был сослан в румынскую область —
Да ею б — пожалован был
Сим, так ненавидевшим робость
Мужскую — что сына убил

Сробевшего. — «Эта мякина —
Я? Вот и роди! и расти!»
Был *негр* ему истинным сыном,
Так истинным правнуком — *ты*

Останешься. Заговор равных.
И вот, не спросясь повитух,
Гигантова крестника правнук
Петров унаследовал дух,

И шаг, и светлейший из светлых
Взгляд — коим поныне светла...
Последний — посмертный — *бессмертный*
Подарок России — Петра.

2 июля 1931

3 (СТАНОК)

Вся его наука —
Мощь. Светло — гляжу:
Пушкинскую руку
Жму, а не лижу.

Прадеду — товарка:
В той же мастерской!
Каждая помарка —
Как своей рукой.

Вольному — под стопки?
Мне, в котле чудес
Сем — открытой скобки
Ведающей — вес,

Мнящейся описки —
Смысл, короче — всё.
Ибо нету сыска
Пуще, чем родство!

Пелось как — поется
И поныне — так.
Знаем, как «дается!»
Над тобой, «пустяк»,

Знаем — как потелось!
От тебя, мазок,
Знаю, как хотелось
В лес — на бал — в возок...

И как — спать хотелось!
Над цветком любви —
Знаю, как скрипелось
Негрскими зубьями!

Перья на востроты —
Знаю, как чинил!
Пальцы не просохли
От его чернил!

А зато — меж талых
Свеч, картежных сеч —
Знаю, как стрясалось!
От зеркал, от плеч

Голых, от бокалов
Битых на полу —
Знаю, как бежалось
К голому столу!

В битву без злодейства:
Самого — с самим!
Пушкиным не бейте!
Ибо бью вас — им!

До 10 июня 1931

Преодоление
Косности русской —
Пушкинский гений?
Пушкинский мускул

На кашалотьей
Туше судьбы —
Мускул полета,
Бега,
Борьбы.

С утренней негой
Бившийся — бодро!
Ровного бега,
Долгого хода —

Мускул. Побегов
Мускул степных.
Шлюпки, что к берегу
Тщится сквозь вихрь.

Не онедужен
Русскою кровью —
О, не верблюжья
И не воловья

Жила (усердство
Из-под ремня!)
Конского сердца
Мышца — моя!

Больше балласту —
Краше осанка!
Мускул гимнаста
И арестанта,

Что на канате
Собственных жил
Из каземата —
Соколом взмыл!

Пушкин, с монарших
Рук руководством
Бившийся так же
На-смерть — как бьется

— Мощь — прибывала
Сила — росла —
С мускулом вала
Мускул весла.

Кто-то, на фуру
Несший: — Атлета
Мускулатура,
А не поэта!

То — серафима
Сила — была.
Несокрушимый
Мускул крыла.

10 июля 1931

5

(ПОЭТ И ЦАРЬ)

I

Потусторонним
Залом царей.
— А непреклонный
Мраморный сей?

Столь величавый
В золоте барм.
— Пушкинской славы
Жалкий жандарм.

Автора — хаял,
Рукопись — стриг.
Польского края —
Зверский мясник.

Зорче взглядися!
Не забывай:

Певцоубийца
Царь Николай
Первый.

12 июля 1931

II

Нет, бил барабан перед смутным полком,
Когда мы вождя хоронили:
То зубы царицы над мертвым певцом
Почетную дробь выводили.

Такой уж почет, что ближайшим друзьям —
Нет места. В изглавы, в изножи,
И справа, и слева — ручищи по швам —
Жандармские груди и рожи.

Не дивно ли — и на тишайшем из лож -
Пребыть поднадзорным мальчишкой?
На что-то, на что-то, на что-то похож
Почет сей, почетно — да слишком!

Гляди, мол, страна, как молве вопреки,
Монарх о поэте печется!
Почетно — почетно — почетно — архи-
почетно, почетно — до черта!

Кого ж это так — точно воры ворá
Пристреленного — выносили?
Изменника? Нет. С проходного двора —
Умнейшего мужа России.

17 июля 1931

536. ОДА ПЕШЕМУ ХОДУ

1

В век сплошных скоропадских,
Роковых скоростей —
Слава стойкому братству
Пешехожих ступней!

Всёутёсно, всёрошно,
Прямиком без дорог
Обивающих мощно
Лишь природы — порог,

Дерзко попранный веком.
(В век турбин и динам
Только жить, что калекам!)
...Но и мстящей же вам

За рекламные клейма
На вскормившую грудь.
— Нет, безногое племя.
Даль — ногами добудь!

Слава толстым подметкам,
Сапогам на гвоздях,
Ходокам, скороходкам,—
Божествам в сапогах!

Если есть в мире — ода
Богу сил, богу гор —
Это взгляд пешехода
На застрявший мотор.

Сей ухмыл в пол-аршина,
Просто — шире лица:
Пешехода на шину
Взгляд — что лопается!

Поглядите на чванством
Распираемый торс!
Паразиты пространства,
Алкоголики верст —

Что сквозь пыльную тучу
Рукоплещущих толп
Расшибаются.

— Случай?
— Дури собственной — столб.

Вот он, грузов наспинных
 Бич, мечтателей меч!
 Красоту как насильник
 С ног сшибающий: лечь!

Не ответит и ляжет —
 Как могила — как пласт —
 Но лица не покажет,
 И души не отдаст...

Ничего не отдаст вам
 Ни апрель, ни июль —
 О безглазый очкастый
 Лакированный нуль!

Между Зюдом и Нордом. —
 Поставщик суеты!
 Ваши форды (рекорды
 Быстроты: пустоты),

Ваши Рольсы и Ройсы —
 Змея ветхая лесть!
 Сыне! Господа бойся,
 Ноги давшего — бресть.

Драгоценные куклы
 С Опера и Мадлэн,
 Вам бы тихие туфли
 Мертвецовы — взамен

Лакированных лодок.
 О, холодная ложь
 Манекенных колодок,
 Неступивших подошв!

Слава Господу в небе —
 Богу сил, Богу царств —
 За гранит и за щебень
 И за шпат и за кварц,

Чистоганную сдачу
 Под копытом — кремня...
 И за то, что — *ходячим*
 Чудом — создал меня!

Дармоедством пресытись,
С шины — спешится внук.
Пешеходы! Держитесь —
Ног, как праотцы — рук.

Где предел для резины —
Там простор для ноги.
Не хватает бензину?
Вздоху — хватит в груди!

Как поток жаждет прага,
Так восторг жаждет — трат.
Ничему кроме шага
Не учите ребят!

По ручьям, по моррэнам,
Дальше — нет! дальше — стой!
Чтобы Альпы — коленом
Знал, саванны — ступней.

Я костями, други, лягу —
За раскрытие школ!
Чтоб от первого шага
До последнего — шел

Внук мой! отпрыск мой! мускул —
Посрамивший Аид!
Чтобы в царстве моллюсков —
На своих-на двоих!

*26 августа 1931, Мёдон —
30 марта 1933, Кламар*

537. ДОМ

Из-под нахмуренных бровей
Дом — будто юности моей
День, будто молодость моя
Меня встречает: — Здравствуй, я!

Так самочувственно знаком
Лоб, прячущийся под плащом

Плюща, срастающийся с ним,
Смущающийся быть большим.

Недаром я — грузи! вези! —
В непросыхающей грязи
Мне предоставленных трущоб
Фронтоном чувствовала лоб.
Аполлонический подъем
Музейного фронтона — лбом

Своим. От улицы вдали
Я за стихами кончу дни —
Как за ветвями бузины.

Глаза — без всякого тепла:
То зелень старого стекла,
Сто лет глядящегося в сад
Пустующий — сто пятьдесят.

Стекла, дремучего как сон,
Окна, единственный закон
Которого: гостей не ждать,
Прохожего не отражать.

Не сдавшиеся злобе дня,
Глаза оставшиеся — да —
Зерцалами самих себя.

Из-под нахмуренных бровей —
О зелень юности моей!
Та — риз моих, та — бус моих,
Та — глаз моих, та — слез моих...

Меж обступающих громад —
Дом — пережиток, дом — магнат,
Скрывающийся между лип.
Девический дагерротип

Души моей...

6 сентября 1931
Мёдон

Бузина цельный сад залила!
 Бузина зелена, зелена,
 Зеленее, чем плесень на чане!
 Зелена, значит лето в начале,
 Синева — до скончания дней!
 Бузина моих глаз зеленей!

А потом — через ночь — костром
 Растопчинским,— в очах красно
 От бузинной пузырьчатой трели.
 Красней кори на собственном теле,
 По всем порам твоим, лазорь,
 Рассыпающаяся корь

Бузины — до зимы, до зимы!
 Что за краски разведены
 В мелкой ягоде слаще яда!
 Кумача, сургуча и ада
 Смесь, коралловых мелких бус
 Блеск, запекшейся крови вкус.

Бузина казнена, казнена!
 Бузина — целый сад залила
 Кровью юных и кровью чистых,
 Кровью веточек огнекистых,—
 Веселейшей из всех кровей:
 Кровью лета — твоей — моей.

А потом — водопад зерна,
 А потом — бузина черна:
 С чем-то сливовым, с чем-то липким.
 ...Над калиткой, стонавшей скрипкой,
 Возле дома, который пуст,
 Одинокий бузинный куст.

Бузина, без ума, без ума
 Я от бус твоих, бузина!
 Степь — хунхузу, Кавказ — грузину,
 Мне — мой куст под окном бузинный
 Дайте. Вместо Дворцов Искусств
 Только этот бузинный куст...

Новоселы моей страны!
Из-за ягоды — бузины,
Детской жажды моей багровой,
Из-за древа и из-за слова:
Бузина (по сей день ночью...)
Яда, всосанного очьми...

Бузина багорова, багорова!
Бузина целый край забрала
В лапы. Детство мое у власти.
Нечто вроде преступной страсти,
Бузина, меж тобой и мной.
Я бы века болезнь — бузиной

Назвала...

*11 сентября 1931, Мёдон —
21 мая 1935, Ванв*

539

— Ненужен твой стих —
Как бабушкин сон.
— А мы для иных
Сновидим времен.

— Докучен твой стих —
Как дедушкин вздох.
— А мы для иных
Дозорим эпох.

— В пять лет — целый свет —
Вот сон наш каков!
— Ваш — на пять лишь лет,
Мой — на пять веков.

— Иди, куда дни!
— Дни *мимо* идут.
— Иди, куда *мы*.
— Слепые ведут.

А быть или нет
Стихам на Руси —
Потоки спроси,
Потомков спроси.

*14 сентября 1931
Мёдон*

— На смарку твой стих!
 На стройку твой лес
 Столетний!

— Не верь, сын!
 И вместо земных
 Насильных небес —
 Небесных земель
 Синь.

14 сентября 1931
 Мёдон

541. РОДИНА

О, неподатливый язык!
 Чего бы по-просту — мужик
 Пойми, певал и до меня:
 — Россия, родина моя!

Но и с калужского холма
 Мне открывалася она —
 Даль — тридевятая земля!
 Чужбина, родина моя!

Даль, прирожденная как боль,
 Настолько родина и столь
 Рок, что повсюду, через всю
 Даль — всю ее с собой несу!

Даль, отдалившая мне близь,
 Даль, говорящая: вернись
Домой! Со всех до горних звезд
 Меня снимающая мест.

Недаром, голубей воды,
 Я далью обдавала лбы.

Ты! Сей руки своей лишусь —
 Хоть двух! Губами подпишусь
 На плахе: распрь моих земля —
 Гордыня, родина моя!

12 мая 1932

Никуда не уехали — ты да я —
 Обернулись прорехами — все моря!
 Совладельцам пятерки рваной —
 Океаны не по карману!

Нищеты вековечная сухомять!
 Снова лето, как корку, всухую мять!
 Обернулось нам море — мелью:
 Наше лето — другие съели!

С жиру лопающиеся: жир — их «лоск»,
 Что не только что масло едят, а мозг
 Наш — в поэмах, в сонатах, в сводах:
 Людоеды в парижских модах!

Нами — лакомящиеся: франк за вход.
 О, урод, как водой туалетной — рот
 Сполоснувший — бессмертной песней!
 Будьте прокляты вы — за весь мой

Стыд: вам руку жать — когда зуд в горсти:
 Пятью пальцами — да от всех пяти
 Чувств — на память о чувствах добрых —
 Через всё вам лицо — автограф!

1932—1935

543—547. ICI—HAUT *

1

Товарищи, как нравится
 Вам в проходном дворе
 Всеравенства — перст главенства:
 — Заройте на горе!

* Здесь — высота (франц.). — *Ред.*

В век распевай как хочется
Нам — либо упраздним,
В век — скопищ — одиночества
— Хочу лежать один —
Вздых.

17 октября 1932

2

Ветхозаветная тишина.
Сизой полыни крестик.
Похоронили поэта на
Самом высоком месте.

Так, даже в смерти своей — подъем
Он даровал несущим.
Стало быть, именно на своем
Месте: ему присущем.

Выше которого — только вздох
Мой — из моей неволи.
После которого — сразу Бог,
Бог — и ни вещи боле.

Всечеловека среди высот
Вечных при каждом строе.
Как подобает поэта — *под*
Небом — и *над* землею.

После России, где *меньше* он
Был, чем последний смазчик,
Первым в ряду — всех из ряда вон
— Равенства — выходящих:

В гор ряду, в зорь ряду, в гнезд ряду
Орлых — по всем утесам.
На пятьдесят, хоть, восьмом году —
Стал рядовым, *был* способ!

Уединенный вошедший в круг.
Горе? нет, радость в доме.
На сорок верст высоты вокруг —
Солнечного да кроме

Лунного — ни одного лица:
Ибо соседей — нету.
Место откуплено — до конца.
Памяти — и планеты.

3

В стране, которая — одна
Из всех звалась Господней —
Теперь меняют имена
Всяк, как ему сегодня

На ум или не-ум (потом
Решим!) взбредет. «Леонтьем
Крещеный — просит о таком-
то прозвище». — Извольте!

А впрочем — что ему с холма —
Как звать такую малость?
Я *гору* знаю — что *сама*
Переименовалась.

Среди казарм, и шахт, и школ
Чтобы душа не билась,
Я гору знаю, что в престол
Души преобразилась.

В котлов и общего котла
Век, — общей котловины —
Век, гору знаю, что светла
Тем, что на ней единый

Спит — на отвесном пустыре
Над уровнем движенья.
Преображение на горе?
Горы — преображение!

Гора — как все была: стара,
Меж прочих не отметишь.
Днесь — Вечной Памяти Гора,
Доколе солнце светит.

Вожатому душ, а не масс...
Не двести лет, не двадцать —
Гора та, как бы ни звалась,
До веку будет зваться

Волошинской.

23 октября 1932

4

— «Переименовать!» Приказ —
Одно, народный глас — другое.
Так, погребенья через час,
Пошла «Волошинской горою»

Гора, название Янычар
Носившая — четыре века.
А у почтительных татар:
— Гора Большого Человека.

22 мая 1935

5

Над вороным утесом —
Белой зари рукав.
Ногу — уже с заносом
Бега — с трудом вкопав

В землю, смеясь, что — первой
Встала, в зари венце! —
Макс! мне было так *верно*
Ждать на твоём крыльце!

Позже, отвесным полднем,
Под колокольцы коз,
С всхолмья да на восхолмье,
С глыбы да на утес,

По трехсаженным креслам
— Тронам иных эпох! —
Макс! мне было — так *лестно*
Лезть за тобою — Бог

Знает куда! Да, виды
Видящим — путь скалист.
С глыбы на пирамиду,
С рыбы на обелиск...

Ну, а потом — на плоской
Вышке — орлы вокруг! —
Макс! мне было — так просто
Есть у тебя из рук...—

Божьих или медвежьих?
Опережавших: дай!
Рук — неизменно-брежных,
За воспаленный край

Раны — умевших братья.
В веры сплошном луче —
Макс! мне было — так братски
Спать на твоём плече!

Горы... Себе на горе
Видится мне — одно
Место: с него — *два* моря
Были видны по дно

Бездны... Два моря сразу!
Дщери иной поры —
Кто вам своих два глаза
Преподнесет с горы?

Только теперь, в подполье,
Вижу — когда потух
Свет — до чего мне вольно
Было — в охвате двух

Рук твоих. В первых-встречных
Царстве — о сам суди,
Макс, до чего мне — вечно
Было в твоей груди!

Пусть ни единой травки —
Площе, чем на столе —
Макс! мне будет — так мягко
Спать на твоей скале!

28 октября 1932
Клармар

1

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что шел
Со мною по всем путям.
Меня охранял — как шрам.

Мой письменный вьючный мул!
Спасибо, что ног не гнул
Под ношей, поклажу грез —
Спасибо — что нес и нес.

Строжайшее из зеркал!
Спасибо за то, что стал
— Соблазнам мирским порог —
Всем радостям поперек,

Всем низостям — наотрез!
Дубовый противовес
Льву ненависти, слону
Обиды — всему, всему.

Мой заживо смертный тес!
Спасибо, что рос и рос
Со мною, по мере дел
Настольных — большал, ширел,

Так ширился, до широт —
Таких, что раскрывши рот,
Схватясь за столовый кант...
— Меня заливал, как шtrand!

К себе пригвоздив чуть-свет —
Спасибо за то, что — вслед
Срывался! На всех путях
Меня настигал, как Шах —

Беглянку.
— Назад, на стул!
Спасибо за то, что блюл
И гнул. У невечных благ
Меня отбивал — как Маг —

Сомнамбулу.

Битв рубцы
Стол, выстроивший в столбцы
Горящие: жил багрец!
Деяний моих столбец!

Столп столпника, уст затвор —
Ты был мне престол, простор —
Тем был мне, что морю толп
Еврейских — горящий столп!

Так будь же благословен —
Лбом, локтем, узлом колен
Испытанный, — как пила
В грудь вьевшийся — край стола!

2

Тридцатая годовщина
Союза — верней любви.
Я знаю твои морщины,
Как знаешь и ты — мои,

Которых — не ты ли — автор?
Съедавший за дестью десть,
Учивший, что нету — завтра,
Что только сегодня — есть.

И деньги, и письма с почты —
Стол — сбрасывавший — в поток!
Твердивший, что каждой строчке
Сегодня — последний срок.

Грозивший, что счетом ложек
Создателю не воздашь,
Что завтра меня положат,
Дуришу — да на тебя ж!

3

Тридцатая годовщина
Союза — держись, злецы!
Я знаю твои морщины,
Изъяны, рубцы, зубцы —

Малейшую из зазубрин!
(Зубами — коль стих не шел!)
Да, был человек возлюблен!
И сей человек был — стол

Сосновый. Не мне на всхолмье
Березу берег карёл!
Порой еще с слезкой смольной,
Но вдруг — через ночь — старел,

Разумнел,— так школьник дерзость
Сдаст под мужской нажим.
Сажусь — еле дõску держит,
Побьюсь — точно век дружим!

Ты — стõя, в упор, я — спину
Согнувши — пиши! пиши! —
Которую десятину
Вспахали, версту — прошли,

Покрыли: письмом — красивой
Не сыщешь в державе всей!
Не меньше, чем пол-России
Покрыто рукою сей!

Сосновый, дубовый, в лаке
Грошовом, с кольцом в ноздрах,
Садовый, столовый — всякий
Лишь бы не на трех ногах!

Как трех Самозванцев в браке
Признавшая тезка — тот!
Бильярдный, базарный,— всякий —
Лишь бы не сдавал высот

Заветных. Когда ж подастся
Железный — под локтевым
Напором, столов — богатство!
Вот пень: не обнять двоим!

А паперть? А край колодца?
А старой могилы — пласт?
Лишь только б мои два локтя
Всегда утверждали: — даст

Бог! *Есть* Бог! Поэт — устроичив:
Всё — стол ему, всё — престол!
Но лучше всего, всех стойче —
Ты — мой наколенный стол!

*Около 15 июля 1933 —
29—30 октября 1935*

4

Обидел и обошел?
Спасибо за то, что — стол
Дал, стойкий, врагам на страх —
Стол — на четырех ногах

Упорства. Скорей — скалу
Своротишь! И лоб — к столу
Подстатный, и локоть *под* —
Чтоб лоб свой держать как свод.

— А прочего дал в обрез?
А прочный, во весь мой *вес*,
Просторный — во весь мой бег
Стол, вечный — на весь мой век!

Спасибо тебе, Столяр,
За доску — во весь мой дар,
За ножки — прочней химер
Нотр-Дама, за вещь — в размер.

5

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что ствол
Отдав мне, чтоб стать — столом,
Остался — живым стволом!

С листвы молодой игрой
Над бровью, с живой корой,
С слезами *живой* смолы,
С корнями до дна земли!

17 июля 1933

Вскрыла жилы: неостановимо,
 Невосстановимо хлещет жизнь.
 Подставляйте миски и тарелки!
 Всякая тарелка будет — мелкой,
 Миска — плоской.

Через край — и *мимо* —
 В землю черную, питать тростник.
 Невозвратно, неостановимо,
 Невосстановимо хлещет стих.

6 января 1934

Тоска по родине! Давно
 Разоблаченная морока!
 Мне совершенно всё равно —
 Где совершенно-одинокой

Быть, по каким камням домой
 Брести с кошелкою базарной
 В дом и не знающий, что — мой,
 Как госпиталь, или казарма.

Мне всё равно, каких среди
 Лиц ошетиливаться пленным
 Львом, из какой людской среды
 Быть вытесненной — непременно —

В себя, в единоличье чувств.
 Камчатским медведём без льдины —
 Где не ужиться (и не тщусь!)
 Где унижаться — мне едино.

Не обольщусь и языком
 Родным, его призывом млечным.
 Мне безразлично — на каком
 Непонимаемой быть встречным!

(Читателем, газетных тонн
 Глотателем, доильцем сплетен)
 Двадцатого столетья — он,
 А я — до всякого столетья!

Остолбеневши, как бревно,
Оставшееся от аллеи —
Мне все — равны, мне всё — равно,
И, может быть, всего равнее —

Роднее бывшее — всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты — как рукой сняло:
Душа, родившаяся — где-то.

Так край меня не уберег
Мой, что и самый зоркий сыщик —
Вдоль всей души, всей — поперек!
Родимого пятна *не* сыщет!

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё — равно, и всё — едино.
Но если по дороге — куст
Встает, особенно — рябина...

3 мая 1934

555. КУСТ

1

Что́ нужно кусту от меня?
Не речи ж! Не доли собачьей
Моей человечьей, кляня
Которую — голову прячу

В него же (седей — день от дня!)
Сей мощи, и плёщи, и гуще —
Что́ нужно кусту — от меня?
Имущему — от неимущей!

А нужно! иначе б не шел
Мне в очи, и в мысли, и в уши.
Не нужно б — тогда бы не цвел
Мне прямо в разверстую душу,

Что только кустом не пуста:
Окном моих всех захолустий!
Что́, полная чаша куста,
Находишь на сем — месте пусте?

Чего не видал (на ветвях
Твоих — хоть бы лист одинаков!)
В моих преткновения пнях,
Сплошных препинания знаках?

Чего не слышал (на ветвях
Молва не рождается в муках!)
В моих преткновения пнях,
Сплошных препинания звуках?

Да вот и сейчас, словарю
Предавши бессмертную силу —
Да разве я *то* говорю,
Что знала — пока не раскрыла

Рта, знала еще на черте
Губ, той — за которой осколки...
И снова, во всей полноте
Знать буду — как только умолкну.

2

А мне от куста — не шуми
Минуточку, мир человеческий!
А мне от куста — тишины:
Той — между молчаньем и речью.

Той — можешь ничем, можешь — всем
Назвать: глубока, неизбывна.
Невнятности! наших поэм
Посмертных — невнятицы дивной.

Невнятицы старых садов,
Невнятицы музыки новой,
Невнятицы первых слогов,
Невнятицы Фауста Второго.

Той — *до* всего, *после* всего,
Той — между согласьем и спором,
Ну — шума ушного того,
Всё соединилось — в котором.

Как будто бы все кувшины
Востока — на лобное всхолмье.
Такой от куста — тишины,
Полнее не выразишь: полной.

Около 20 августа 1934
Эланкур

556

Уединение: уйди
В себя, как прадеды в феоды.
Уединение: в груди
Ищи и находи свободу.

Чтоб ни души, чтоб ни ноги —
На свете нет такого саду
Уединению. В груди
Ищи и находи прохладу.

Кто победил на площадях —
Про то не думай и не ведай.
В уединении груди —
Справляй и погребай победу

Уединения в груди.
Уединение: уйди,

Жизнь!

Сентябрь 1934

557. САД

За этот ад,
За этот бред,
Пошли мне сад
На старость лет.

На старость лет,
На старость бед:
Рабочих — лет,
Горбатых — лет...

На старость лет
Собачьих — клад:
Горячих лет —
Прохладный сад...

Для беглеца
Мне сад пошли:
Без ни-лица,
Без ни-души!

Сад: ни шажка!
Сад: ни глазка!
Сад: ни смешка!
Сад: ни свистка!

Без ни-ушка
Мне сад пошли:
Без *ни-душкà!*
Без ни-души!

Скажи: довольно мўки — нà
Сад — одинокий, как сама.
(Но около и Сам не стань!)
— Сад, одинокий как ты Сам.

Такой мне сад на старость лет...
— Тот сад? А может быть — тот свет? —
На старость лет моих пошли —
На отпущение души.

1 октября 1934
Ваня

558—560. НАДГРОБИЕ

1

— «Иду на несколько минут»...
В работе (хаосом зовут
Бездельники) оставив стол,
Отставив стул — куда ушел?

Опрашиваю весь Париж.
Ведь в сказках лишь, да в красках лишь
Возносятся на небеса!
Твоя душа — куда ушла?

В шкафу — двустворчатом как храм —
Гляди: все книги по местам,
В строке — все буквы налицо.
Твое лицо — куда ушло?

Твое лицо,
Твое тепло,
Твое плечо —
Куда ушло?

3 января 1935

2

Напрасно глазом — как гвоздем
Пронизываю чернозем:
В сознании — верней гвоздя:
Здесь нет тебя — и нет тебя.

Напрасно в ока оборот
Обшариваю небосвод:
— Дождь! Дождевой воды бадья.
Там нет тебя — и нет тебя.

Нет, некоторое из двух:
Кость слишком — кость, дух слишком — дух,
Где — ты? где — тот? где — сам? где — весь?
Там слишком там, здесь слишком здесь.

Не подменю тебя песком
И паром. Взявшего — родством
За труп и призрак не отдам.
Здесь слишком здесь, там — слишком там.

Не ты — не ты — не ты — не ты.
Что бы ни пели нам попы,
Что смерть есть жизнь и жизнь есть смерть —
Бог — слишком Бог, червь — слишком червь.

На труп и призрак — неделим!
Не отдадим тебя за дым
Кадил,
Цветы
Могил.

И если где-нибудь ты *есть* —
Так — в нас. И лучшая вам честь,
Ушедшие — презреть раскол:
Совсем ушел. Со *всем* — ушел.

5—7 января 1935

Ваня

3

За то, что некогда, юн и смел,
Не дал мне заживо сгнить меж тел
Бездушных, замертво пасть меж стен —
Не дам тебе — умереть совсем!

За то, что за руку, свеж и чист,
На волю вывел, весенний лист —
Вязанками приносил мне в дом!
Не дам тебе — порости быльем!

За то, что первых моих седин
Сыновней гордостью встретил — чин,
Ребячьей радостью встретил — страх —
Не дам тебе — поседеть в сердцах!

7—8 января 1935

Ваня

561

Уж если кораллы на шее —
Нагрузка, так что же — *страна?*
Тишаю, дичаю, волчею,
Как мне все — равны, всем — равна.

И если в сердечной пустыне,
Пустынной до краю очей,
Чего-нибудь жалко — так сына,—
Волченка — еще поволчей!

9 января 1935

Никому не отмстила и не отмщу —
 Одному не простила и не прощу
 С дня как очи раскрыла — по гроб дубов
 Ничего не спустила — и видит Бог
 Не спущу до великого спуска век...
 — Но достоин ли человек?..
 — Нет. Впустую дерусь: ни с кем.
 Одному не простила: *всем*.

26 января 1935

563

Жизни с краю,
 Середкою брезгуя,
 Провожая —
 Дорогу железную.

Века с краю
 В запретные зоны
 Провожая
 Кверх лбом — авионы.

Почему же,
 О люди в полете!
 Я — «отстала»,
 А вы — отстаете,

Остаетесь.
 Крылом — с ног сбивая,
 Вы несетесь,
 А опережаю —
 Я?

Февраль 1935

564

Небо — синей знамени!
 Пальмы — пучки пламени!
 Море — полней вымени!
 Но своего имени

Не сопрягу с берегом сим.
Лира — завет бедности:
Горы — редей темени,
Море — седей времени.

Июль 1935
Фавьер

565

Окно раскрыло створки —
Как руки. Но скрестив
Свой — взирает с форта:
На мыс — отвес — залив

Глядит — с такою силой,
Так вглубь, так сверх всего —
Что море сохранило
Навек — глаза его.

26—27 июля 1935

566—567. О Т Ц А М

1

В мире, ревушем:
— Слава грядущим!
Что во мне шепчет:
— Слава прошедшим!

Вам, проходящим,
В счет не идущим,
Чад не родящим,
Мне — предыдущим.

С клавишем, с кистью ль
Спорили, с дестью ль
Писчею — чисто
Прожили, с честью.

Белые — краше
Снега сокровищ —
Волосы — вашей
Совести — повесть.

14—15 сентября 1935
Фавьер

2

Поколенью с сиренью
И с Пасхой в Кремле,
Мой привет поколенью
По колено в земле,

А сединами — в звездах!
Вам, слышней камыша,
— Чуть зазыблется воздух —
Говорящим: ду—ша!

Только душу и спасшим
Из фамильных богатств —
Современникам старшим,
Вам, *без* равенств и братств —

Руку веры и дружбы
— Как кавказец — кувшин
С виноградным! — врагу же —
Две протягивавшим.

Не Сиреной — сиренью
Заключенное в грот —
Поколение — с пареньем!
С тяготением — *от*

Земли, *над* землей, прочь от
И червя и зерна —
Поколение — без почвы,
Но с такою — до дна

Днища — узренной бездной,
Что из впалых орбит
Ликом девы любезной —
Как живая глядит.

Поколение, где краше
Был — кто жарче страдал!
Поколение! Я — ваша!
Продолжение зеркал.

Ваша — сутью и статью,
И почтеньем к уму,
И презрением к платью
Плоти — временному!

Вы, ребенку — поэтом
Обреченному быть —
Кроме звонкой монеты
Всё — внушившие — чтить:

Кроме бога Ваала!
Всех богов — всех времен —
и племен...

Поколению — с провалом —
Мой бессмертный поклон!

Вам, в одном небывалом
Умудрившимся — *быть*,
Вам средь шумного бала
Так умевшим — любить!

До последнего часа
Обращенным к звезде —
Уходящая раса
Спасибо тебе!

16 октября 1935
Ванв

568

Ударило в виноградник —
Такое сквозь мглу седу —
Что каждый кусток как всадник
Копьем пригвожден к седлу.

Из туч с золотым обрезом —
Такое — на краснозем,
Что весь световым железом
Пронизан — пробит — пронзен.

Светила и преисподни
Дитя: виноград! смарагд!
Твой каждый листок — Господня
Величия — транспарант.

Хвалы виноградным соком
Исполнясь, как Царь Давид —
Пред Солнца Масонским Оком —
Куст служит: боготворит.

20—22 сентября 1935

569

Двух станов не боец, а только гость
случайный...

Двух станов не боец, а — если гость случайный —
То гость — как в глотке кость, гость — как в подметке
гвоздь.

Была мне голова дана — по ней стучали
В два молота: гнилых — корысть и гневных — злость.

Вы с этой головы — к создателю чуду
Терпения — мое, рабочее, прибавь —
Вы с этой головы — что требовали? Блуда.
Дивясь на ответ упорный: обезглавь!

Вы с этой головы, уравненной — как гряды
Гор, вписанной в вершин божественный чертеж,
Вы с этой головы — что требовали? — Ряда.
Дивясь на ответ безмолвный: обезножь!

Вы с этой головы, настроенной — как лира:
На самый высший лад: лирический...
— Нет, стой!

Два строя: Домострой — и Днепрострой — на выбор!
Дивясь на ответ безумный: — Лиры — строй.

Вы с этой головы, с лба — серого гранита,
Вы требовали: нас — любви, тех — ненавись!
Не всё ли ей равно — с какого боку битой,
С какого профиля души — глушимой быть?

Бывают времена, когда голов — не надо.
Но слово низводить — до свеклы кормовой —
Честнее с головой Орфеевой — менады!
Иродиада с Иоанна головой!

— Ты царь: живи один... Но у царей — наложниц
Минута. Бог — один. Тот — в пустоте небес.
Двух станов не боец: судья — истец — заложник —
Двух — противубоец! Дух — противубоец.

25 октября 1935
Ваня

570. ЧИТАТЕЛИ ГАЗЕТ

Ползет подземный змей,
Ползет, везет людей.
И каждый — со своей
Газетой (со своей
Экземой!) Жвачный тик,
Газетный костоед.
Жеватели мастик,
Читатели газет.

Кто — чтец? Старик? Атлет?
Солдат? Ни черт, ни лиц,
Ни лет. Скелет — раз нет
Лица: газетный лист!
Которым — весь Париж
С лба до пупа одет.
Брось, девушка!

Родишь —
Читателя газет.

Кача — «живет с сестрой»,
ются — «убил отца!»
Качаются — тщетой
Накачиваются.

Что для таких господ —
Закат или рассвет?
Глотатели пустот,
Читатели газет!











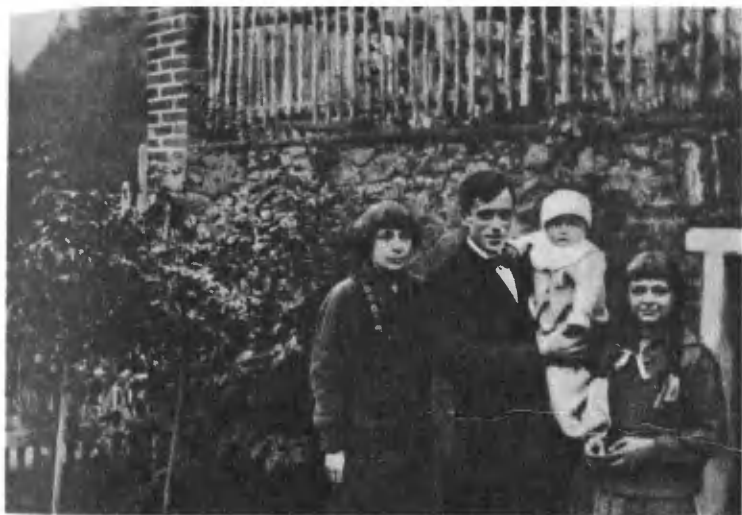






















МАРИНА ИВАНОВНА
ЦВЕТАЕВА

УМЕРЛА 29 СЕНТЯБРЯ 1910 Г. ВЪЗРАСТЪ
37 ЛѢТЪ. ПОХОМЕНА СЪ СЪСЪРТИТЕ

Газет: читай: клевет,
Газет: читай: растрат,
Что ни столбец — навет,
Что ни абзац — отврат...

О, с чем на Страшный Суд
Предстанете: на свет!
Хвататели минут,
Читатели газет!

— Пошел! Пропал! Исчез!
Стар материнский страх.
Мать! Гуттенбергов *пресс*
Страшней, чем Шварцев *прах!*

Уж лучше на погост —
Чем в гнойный лазарет
Чесателей корост,
Читателей газет!

Кто наших сыновей
Гноит во цвете лет?
Смесители кровей,
Писатели газет!

Вот, други,— и куда
Сильней, чем в сих строках! —
Что думаю, когда
С рукописью в руках

^{*}
Стою перед лицом
— Пустее места — нет! —
Так значит — *нелицом*
Редактора газет-

ной нечисти.

1—15 ноября 1935
Ваня

571. ДЕРЕВЬЯ

Мятущийся куст над обрывом —
Смятение уст под наплывом
Чувств...

Кварталом хорошего тона —
Деревья с пугливым наклоном
(Клонились — не так — над обрывом!)
Пугливым, а может — брезгливым?

Мечтателя — перед богатым —
Наклоном. А может — отвратом
От улицы: всех и всего там —
Курчавых голов отворотом?

От девушек — сплошь без стыда,
От юношей — то ж — и без лба:
Чем меньше — тем выше заносят!
Безлобых, а завтра — безносых.

От тресков, зовущихся: речь,
От лака голов, ваты плеч,
От отроков — листьев новых
Не видящих из-за листовок,

Разрываемых наразрыв.
Так и лисы в лесах родных,
В похотливый комок смешаюся —
Так и лисы не рвали мяса!

От свалки, от мертвых лис —
На *лисах* (о смертный рис
На лицах!) от волчьих воплей —
Деревья бросаются в окна —

Как братья-поэты — в реку!
Глядите, как собственных веток
Атлетикою — о железо
Все руки себе порезав —
Деревья как взломщики лезут!

И выше! за крышу! за тучу!
Глядите, как собственных сучьев
Хроматикой — почек и птичек —
Деревья, как смертники кличут!

(Был дуб. Под его листвою
Король восседал...)

— Святой

Людовик — чего глядишь?

Погиб — твой город Париж!

27 ноября 1935

572—577. СТИХИ СИРОТЕ

Шел по улице малютка,
Посинел и весь дрожал.
Шла доро́гой той старушка,
Пожалела сироту...

1

Ледяная тиара гор —
Только бrenному лику — рамка.
Я сегодня плющу — пробор
Провела на граните замка.

Я сегодня сосновый стан
Обгоняла на всех дорогах.
Я сегодня взяла тюльпан —
Как ребенка за подбородок.

16—17 августа 1936

2

Обнимаю тебя кругозором
Гор, гранитной короною скал.
(Занимаю тебя разговором —
Чтобы легче дышал, крепче спал.)

Феодалного замка боками,
Меховыми руками плюща —
Знаешь — плющ, обнимающий камень —
В сто четыре руки и ручья?

Но не жимолость я — и не плющ я!
Даже ты, что руки мне родней,
Не расплющен — а вольноотпущен
На все стороны мысли моей!

...Кругом клумбы и кругом колодца,
Куда камень придет — седым!
Круговую порукой сиротства,—
Одиночеством — круглым моим!

(Так вплелась в мои русые пряди —
Не одна серебристая прядь!)
...И рекой, разошедшейся на две —
Чтобы остров создать — и обнять,

Всей Савойей и всем Пиемонтом,
И — немножко хребет надлома —
Обнимаю тебя горизонтом
Голубым — и руками двумя!

21—24 августа 1936

3

(ПЕЩЕРА)

Могла бы — взяла бы
В утробу пещеры:
В пещеру дракона,
В трущобу пантеры.

В пантерины лапы
— Могла бы — взяла бы.

Природы — на лоно, природы — на ложе.
Могла бы — свою же пантерину кожу
Сняла бы...

— *Сдала бы трущобе — в учёбу!*
В кустову, в хвощёву, в ручьёву, в плющёву,—

Туда, где в дремоте, и в смуте, и в мраке,
Сплетаются ветви на вечные браки...
Туда, где в граните, и в лыке, и в млеке,
Сплетаются руки на вечные веки —
Как ветви — и реки...

В пещеру без света, в трущобу без следу.
В листве бы, в плюще бы, в плюще — как в
плаще бы...

Ни белого света, ни черного хлеба:
В росе бы, в листве бы, в листве — как в
родстве бы...

Чтоб в дверь — не стучалось,
В окно — не кричалось,
Чтоб впредь — не *случалось*,—
Чтоб — ввек не кончалось!

Но мало — пещеры,
И мало — трущобы!
Могла бы — взяла бы
В пещеру — утробы.

Могла бы —
Взяла бы.

4

На льдине —
Любимый,
На мине —
Любимый,
На льдине, в Гвиане, в Геенне — любимый.

В коросте — желанный,
С погоста — желанный:
Будь гостем! — лишь зубы да кости — желанный!

Тоской подколенной
До тьмы проваленной
Последнею схваткою чрева — жаленный.

И нет такой ямы, и нет такой бездны —
Любимый! желанный! жаленный! болезный!

5—6 сентября 1936
Савойя

5

Скороговоркой — ручья водой
Быющей! — Любимый! больной! родной!

Речитативом — тоски протяжней:
— Хилый! чуть-живый! сквозной! бумажный!

От зева до чрева — продольным разрезом:
— Любимый! желанный! жаленный! болезный!

9 сентября 1936

Наконец-то встретила
 Надобного — мне:
 У кого-то смертная
 Надоба — во мне.

Чтò для ока — радуга,
 Злаку — чернозем —
 Человеку — надоба
 Человека — в нем.

Мне дождя и радуги
 И руки — нужней
 Человека надоба
 Рук — в руке моей.

Это — шире Ладоги
 И горы верней —
 Человека надоба
 Ран — в руке моей.

И за то, что — с язвою
 Мне принес ладонь —
 Эту руку — сразу бы
 За тебя в огонь!

11 сентября 1936
Савойя

578

Когда я гляжу на летящие листья,
 Слетающие на булыжный торец,
 Сметаемые — как художника кистью,
 Картину кончающего наконец,

Я думаю (уж никому не по нраву
 Ни стан мой, ни весь мой задумчивый вид),
 Что явственно желтый, решительно ржавый
 Один такой лист на вершине — забыт.

Октябрь 1936

I

СЕНТЯБРЬ

1

Полон и просторен
Край. Одно лишь горе:
Нет у чехов — моря.
Стало чехам — море

Слез: не надо соли!
Запаслись на годы!
Триста лет неволи:
Двадцать лет свободы.

Не бездельной, птичьей —
Божьей, человеческой.
Двадцать лет величья,
Двадцать лет наречий

Всех — на мирном поле
Одного народа.
Триста лет неволи:
Двадцать лет свободы!

— Всем. Огня и дома —
Всем. Игры, науки —
Всем. Труда — любому —
Лишь бы были руки.

На поле и в школе —
Глянь — какие всходы!
Триста лет неволи:
Двадцать лет свободы!

Подтвердите ж, гости
Чешские, все вместе:
Сеялось — всей горстью,
Строилось — всей честью.

Два десятилетия
(Да и то не целых!)

Как нигде на свете
Думалось и пелось.

Посерев от боли
Стонут Влтавы воды:
— Триста лет неволи:
Двадцать лет свободы.

На орлиных скалах
Как орел рассевшись —
Что с тобою сталося,
Край мой, рай мой чешский?

Горы — откололи,
Оттянули — воды...
...Триста лет неволи:
Двадцать лет свободы!

В селах — счастье ткалось
Красным, синим, пестрым.
Что с тобою сталося,
Чешский лев двуххвостый?

Лисы побороли
Леса воеводу!
Триста лет неволи:
Двадцать лет свободы!

Слушай каждым древом,
Лес, и слушай, Влтава!
Лев рифмует с гневом,
Ну, а Влтава — слава.

Лишь на час — не боле —
Вся твоя невзгода!
Через ночь неволи —
Белый день свободы!

12 ноября 1938

Горы — турам поприще!
 Черные леса,
 Доли в воды смотрятся,
 Горы — в небеса.

Край всего свободнее
 И щедрей всего.
 Эти горы — родина
 Сына моего.

Доли — ланям пастбище.
 Не смутить зверья
 Хата крышей застится,
 А в лесу — ружья

— Сколько бы ни пройдено
 Верст — ни одного.
 Эти доли — родина
 Сына моего.

Там растила сына я,
 И текли — вода?
 Дни? или гусиные
 Белые стада?

...Празднует смородина
 Лета рождество.
 Эти хаты — родина
 Сына моего.

Было то рождение
 В мир — рождением в рай.
 Бог, создав Богемию,
 Молвил: — Славный край!

Все дары природные,
 Все — до одного!
 Пощедрее родины
 Сына — Моего!

Чешское подземие:
 Брак ручьев и руд!
 Бог, создав Богемию,
 Молвил: — «Добрый труд!»

Всё было — безродного
Лишь — ни одного
Нё было на родине
Сына моего.

Прокляты — кто заняли
Тот смиренный рай
С зайцами и с ланями,
С перьями фазаньими...

Трёкляты — кто продали
— Век не прощены! —
Вековую родину
Всех — кто без страны!

Край мой, край мой, проданный,
Весь, живьем, с зверьем,
С чудо-огородами,
С горными породами,

С целыми народами,
В поле, без жилья,
Стонущими:
— Родина!
Родина моя!

Богова! Богемия!
Не лежи как пласт!
Бог давал обеими —
И опять подаст!

В клятве — руку подняли
Все твои сыны —
Умереть за родину
Всех — кто без страны!

Между 12 и 19 ноября 1938

3

Есть на карте — место:
Взглянешь — кровь в лицо!
Бьется в муке крестной
Каждое сельцо.

Поделил — секирой
Пограничный шест.
Есть на теле мира
Язва: всё проест!

От крыльца — до статных
Гор — до орльих гнезд —
В тысячи квадратных
Невозвратных верст —

Язва.
Лег на отдых —
Чех: живым зарыт.
Есть в груди народов
Рана: *наш* убит!

Только край тот назван
Братский — дождь из глаз!
Жир, аферу празднуй!
Славно удалась.

Жир, Иуду — чествуй!
Мы ж — в ком сердце — есть:
Есть на карте место
Пусто: наша честь.

19—22 ноября 1938

4

ОДИН ОФИЦЕР

В Судетах, на лесной чешской границе,
офицер с 20-тью солдатами, оставив солдат в
лесу, вышел на дорогу и стал стрелять в под-
ходящих немцев. Конец его неизвестен.

(Из сентябрьских газет 1938 г.)

Чешский лесок —
Самый лесной.
Год — девятьсот
Тридцать восьмой.

День и месяц? — вершины, эхом:
— День как немцы входили к чехам!

Лес — красноват,
День — сине-сер.
Двадцать солдат.
Один офицер.

Крутолобый и круглолицый
Офицер стережет границу.

Лес мой, кругом,
Куст мой, кругом,
Дом мой, кругом,
Мой — этот дом.

Леса не сдам,
Дома не сдам,
Края не сдам,—
Пяди не сдам!

Лиственный мрак.
Сердца испуг:
Прусский ли шаг?
Сердца ли стук?

Лес мой, прощай!
Век мой, прощай!
Край мой, прощай!
Мой — этот край!

Пусть целый край
К вражьи́м ногам!
Я — под ногой —
Камня не сдам!

Топот сапог.
— Немцы! — листок.
Грохот желез.
— Немцы! — весь лес.

— Немцы! — раскат
Гор и пещер.
Бросил солдат.
Один — офицер.

Из лесочку — живым манером
На громаду — да с револьвером!

Выстрела треск.
Треснул — весь лес!
Лес: рукоплеск!
Весь — рукоплеск!

Пока пулями в немца хлещет —
Целый лес ему рукоплещет!

Кленом, сосной,
Хвоей, листвою,
Всею сплошной
Чащей лесной —

Понесена
Добрая весть,
Что — спасена
Чешская честь!

Значит — страна
Так не сдана,
Значит — война
Всё же — *была!*

— Край мой, виват!
— Выкуси, Герр!
...Двадцать солдат.
Один офицер.

*Начало октября 1938—
16—17 апреля 1939*

II МАРТ

I

(КОЛЫБЕЛЬНАЯ)

В оны дни певала дрема
По всем селам-деревням:
— Спи, младенец! Не то злому
Псу-татарину отдам!

Ночью черной, ночью лунной —
По Тюрингии холмам:
— Спи, германец! Не то гунну
Кривоногому отдам!

Днесь — по всей стране богемской
— Да по всем ее углам:
— Спи, богемец! Не то немцу:
Пану Гитлеру отдам!

28 марта 1939

2

ПЕПЕЛИЩЕ

1

Налетевший на град Вацлава
— Так пожар пожирает траву —

Поигравший с богемской гранью!
— Так зола засыпает зданья,

Так метель заметает вехи...
От Эдема — скажите, чехи! —

Чтò осталось? Пепелище.
— Так Чума веселит кладбище!

2

Налетевший на град Вацлава
— Так пожар пожирает траву —

Объявивший — последний срок нам:
— Так вода подступает к окнам,

Так зола засыпает зданья...
Над мостами и площадями

Плачет, плачет двухвостый львище...
— Так Чума веселит кладбище!

Налетевший на град Вацлава
— Так пожар пожирает траву —

Задушивший без содроганья
— Так зола засыпает зданья:

— Отзовитесь, живые души!
Стала Прага — Помпеи глуше:

Шага, звука — напрасно ищем...
— Так Чума веселит кладбище!

29—30 марта 1939

3

БАРАБАН

По богемским городам —
Что бормочет барабан?
— Сдан — сдан — сдан —
Край — без славы, край — без бою.
Лбы — под серую золою
Дум — дум — дум...
— Бум!
бум!
бум!

По богемским городам —
Или то не барабан,
(Горы ропщут? Камни шепчут?)
А в сердцах смиренных чешских
Гне—ва
Гром:
— Где
Мой
Дом?

По усопшим городам
Возвещает барабан:
— Вран! Вран! Вран
Завелся в Градчанском замке!

В ледяном окне — как в рамке —
(Бум! бум! бум!)
Гунн!
Гунн!
Гунн!

30 марта 1939

4

ГЕРМАНИИ

О, дева всех румянее.
Среди зеленых гор —
Германия!
Германия!
Германия!
Позор!

Полкарты прикарманила,
Астральная душа!
Встарь — сказками туманила,
Днесь — танками пошла.

Пред чешскою крестьянкою —
Не опускаешь вежд,
Прокатываясь танками
По ржи ее надежд?

Пред горестью безмерною
Сей *маленькой* страны —
Что чувствуете, Германы:
Германии сыны??

О, мания! О, мумия
Величия!
Сгоришь,
Германия!
Безумие,
Безумие
Творишь.

С объятьями удавими
Расправится силач!
За здравие, Моравия!
Словакия, *словачь*!

В хрустальное подземие
Уйдя — готовь удар:
Богемия!
Богемия!
Богемия!
Наздар!

9—10 апреля 1939

5

МАРТ

Атлас — что колода карт:
В лоск перетасован!
Поздравляет — каждый март:
— С краем, с паем с новым!

Тяжек мартовский оброк:
Зёмли — цепи горны —
Ну и карточный игрок!
Ну и стол игорный!

Полны руки козырей:
В ордена одетых
Безголовых королей,
Продувных — *валетов*.

— «Мне и кости, мне и жир!»
Так играют — тигры!
Будет помнить — целый мир
Мартовские игры.

В свои козыри — игра
С картой европейской.
(Чтоб Градчанская гора —
Да скалой Тарпейской!)

Злое дело не нашло
Пули: дули пражской.
Прага — что! и Вена — что!
На Москву — отважься!

Отольются — чешский дождь,
Пражская обида.
— Вспомни, вспомни, Вождь —
Мартовские Иды.

22 апреля 1939

ВЗЯЛИ...

Чехи подходили к немцам и плевали.

(См. мартовские газеты 1939 г.)

Брали — скоро и брали — щедро:
Взяли горы и взяли недра,
Взяли уголь и взяли сталь,
И свинец у нас, и хрусталь.

Взяли сахар и взяли клевер,
Взяли Запад и взяли Север,
Взяли улей и взяли стог,
Взяли Юг у нас, и Восток.

Вары — взяли, и Татры — взяли,
Взяли близи и взяли дали,
Но — большее чем рай земной! —
Битву взяли — за край родной.

Взяли пули и взяли ружья,
Взяли руды и взяли дружбы...
Но покамест во рту — слюна —
Вся страна вооружена!

9 мая 1939

7

ЛЕС

Видел — как рубят? Руб —
Рубом! — за дубом — дуб.
Только убит — воскрес!
Не погибает — лес.

Так же как мертвый лес
Зелен — минуточку чрез! —
(Мох — что зеленый мех!)
Не погибает — чех.

9 мая 1939

О, слезы на глазах!
 Плач гнева и любви!
 О, Чехия в слезах!
 Испания в крови!

О, черная гора
 Затмившая — весь свет!
 Пора — пора — пора
 Творцу вернуть билет,

Отказываюсь — быть.
 В Бедламе нелюдей
 Отказываюсь — жить.
 С волками площадей

Отказываюсь — выть.
 С акулами равнин
 Отказываюсь плыть —
 Вниз — по теченью спин.

Не надо мне ни дыр
 Ушных, ни вещей глаз.
 На твой безумный мир
 Ответ один — отказ.

15 марта — 11 мая 1939

Не бесы — за иноком,
 Не горе — за гением,
 Не горной лавины ком,
 Не вал наводнения —

Не красный пожар лесной,
 Не заяц — по зарослям,
 Не ветлы под бурю —

За Фюрером — фурии!

15 мая 1939

Его и пуля не берет —
И песня не берет!
Так и стою, раскрывши рот:
— Народ! Какой народ!

Народ — такой, что и поэт
— Глашатай всех широт —
Что и поэт, раскрывши рот
Стоит — такой народ!

Когда ни сила не берет,
Ни дара благодать —
Измором взять такой народ?
Гранит — измором взять!

(Сидит — и камешек гранит,
И грамотку хранит...
В твоей груди зарыт — горит! —
Гранат, *творит* — магнит.)

...Что *радий* из своей груди
Достал и подал: — вот!
Живым — Европы посреди —
Зарыть такой народ?

Бог! Если ты и сам — *такой* —
Народ моей любви
Не со святыми упокой —
С живыми оживи!

20 мая 1939

Не умрешь, народ!
Бог тебя хранит!
Сердцем дал — гранат,
Грудью дал — гранит.

Процветай, народ —
Твердый как скрижаль,
Жаркий как гранат,
Чистый как хрусталь.

21 мая 1939

Мне Францией — нету
Щедрые страны! —
На долгую память
Два перла даны.

Они на ресницах
Недвижно стоят.
Дано мне отплыть
Марии Стюарт.

1 июня 1939

Двух — жарче меха! рук — жарче пуха!
Круг — вокруг головы.
Но и под мехом — неги, под пухом
Гаги — дрогнете вы!

Даже богиней тысячерукой
— В гнезд, в звезд черноте —
Как ни кружи вас, как ни баюкай
— Ах! — бодрствуете...

Вас и на ложе неверья гложет
Червь (*бедные мы!*)
Не родился еще, кто вложит
Перст — в рану Фомы.

7 января 1940

Ушел — не ем:
Пуст — хлеба вкус.
Всё — мел,
За чем ни потянусь.

... Мне хлебом был,
И снегом был.
И снег не бел,
И хлеб не мил.

23 января 1940

597

— Пора! для этого огня —
Стара!
— Любовь — старей меня!

— Пятидесяти январей
Гора!
— Любовь — еще старей:

Стара, как хвощ, стара, как змей,
Старей ливонских янтарей,
Всех привиденских кораблей
Старей! — камней, старей — морей...

Но боль, которая в груди —
Старей любви, старей любви.

23 января 1940

598

Не знаю, какая столица:
Любая, где *людям* — не жить.
Девчонка, раскинувшись птицей,
Детеныша учит ходить.

А где-то зеленые Альпы,
Альпийских бубенчиков звон...
Ребенок растет на асфальте
И будет жестоким — как он.

1 июля 1940

Я стол накрыл на шестерых...

Всё повторяю первый стих
И всё переправляю слово:
— «Я стол накрыл на шестерых»...
Ты одного забыл — седьмого.

Невесело вам вшестером.
На лицах — дождевые струи...
Как мог ты за таким столом
Седьмого позабыть — седьмую...

Невесело твоим гостям,
Бездействует графин хрустальный.
Печально — им, печален — сам,
Непозванная — всех печальней.

Невесело и несветло.
Ах! не едите и не пьете.
— Как мог ты позабыть число?
Как мог ты ошибиться в счете?

Как мог, как смел ты не понять,
Что шестеро (два брата, третий —
Ты сам — с женой, отец и мать)
Есть семеро — раз я на свете!

Ты стол накрыл на шестерых,
Но шестерыми мир не вымер.
Чем пугалом среди живых —
Быть призраком хочу — с твоими,

(Своими)...

Робкая как вор,
О — *ни души* не задевая! —
За непоставленный прибор
Сажусь незванная, седьмая.

Раз! — опрокинула стакан!
И всё что жаждало пролиться —
Вся соль из глаз, вся кровь из ран —
Со скатерти — на половицы.

И — гроба нет! Разлуки — нет!
Стол расколдован, дом разбужен.
Как смерть — на свадебный обед,
Я — жизнь, пришедшая на ужин.

...Никто: не брат, не сын, не муж,
Не друг — и всё же повторяю:
— Ты, стол накрывший на шесть — *душ*,
Меня не посадивший — с краю.

6 марта 1941

ПОЭМЫ

600. КРЫСОЛОВ

— *Лирическая сатира* —

ГОРОД ГАММЕЛЬН

Глава первая

Стар и давен город Гаммельн,
Словом скромн, делом строг,
Верен в малом, верен в главном:
Гаммельн — славный городок.

В ночь, как быть должно комете,
Спал без прѣсыпу и сплошь.
Прочно строен, чисто мѣтен,
До умильности похож

— Не подойду и на выстрел! —
На своего бургомистра.

В городе Гаммельне дешево шить:
Только один покрой в нем.
В городе Гаммельне дешево жить
И помирать спокойно.

Гривенник — туша, пятак — кувшин
Сливок, полушка — творог.
В городе Гаммельне, знай, один
Только товар и дорог:

Грех.

(Спросим дедов:
Дорог: редок).

Ни распоясавшихся невест,
Ни должников,— и кроме
Пива — ни жажды в сердцах. На вес
Золота или крови —

Грех. Полстолетия (пятьдесят
Лет) на одной постели
Благополучно проспавши, спят
Дальше. «Вдвоем потели,

Вместе истлели». Тюфяк, трава,—
Разница какова?

(Бог упаси меня даже пять
Лет на одной перине
Спать! Лучше моську наймусь купать!)
Души Господь их принял.

И озаренье: А вдруг у них
Не было таковых?

Руки — чтоб гривну взимать с гроша,
Ноги — должок не додан,
Но, вразумите, к чему — душа?
Не глубоко ль негодный

— Как жардиньерка — гамак — кларнет —
В нашем быту — предмет?

В городе Гаммельне — отпиши —
Ни одного кларнета.
В городе Гаммельне — *ни души*,
Но уж тела за это!

Плотные, прочные. Столб, коль дюж,
Дюжины стоит душ.

А приосанятся — георгин,
Ниц! преклонись, Георгий!
Города Гаммельна гражданин,—
Это выходит гордо.

Не забывай, школяры: «Узреть
Гаммельн — и умереть!»

Juri и Rührei и Rühr uns nicht
an (в словаре: не тронь нас!) — *
Смесь. А глаза почему у них
В землю? Во-первых — скромность

И... бережливость: воззрился — ан
Пуговица к штанам!

Здесь остановка, читатель. Лжешь,
Автор! Очки втираешь!
В сем Эльдорадо когда ж и кто ж
Пуговицы теряет?

— Нищие. Те, что от грязи сгнив,
В спальни заносят тиф,—

Пришлые. Скоропечатня бед,
Счастья бесплатный номер.
В Гаммельне собственных нищих нет.
Был, было, раз — да помер.

Тощее ж тело вдали от тел
Сытых зарыть велел

Пастор,— и правильно: не простак
Пастор,— не всем «осанна!»
Сытые тощему не простят
Ни лоскута, ни штанной

Пуговицы, чтобы знал-де всяк:
Пуговка — не пустяк!

(Маленькая диверсия в сторону пуговицы):

Пуговицею весь склад и быт
Держатся. Трезв — застегнут.
Пуговица! Праадамов стыд!
Мод и свобод исподних —

Смерть. Обывателю ты — что чуб
Бульбе и Будде — пуп.

* Закон, яичница-болтуня, не тронь нас (нем.).— Ред.

С пуговицею — всё право в прах,
В грязь. Не теряй, беспутный,

Пуговицы! Праадамов крах
Только тобой искуплен,

Фиговая! Ибо что же лист
Фиговый («Mensch wo bist?») —

Как не прообраз ее? («Bin nackt.*
Наг,— потому робею».) —
Как не зачаток, не первый шаг...
Пуговица — в идее!

Пуговицы же (внемли, живот
Голый!) — идея вот:

Для отличения Шатуна
Чад — от овец Господних:
Божье застегнуто чадо на
Всё,— а козел расстегнут —

Весь! Коли с ангелами в родстве,
Муж,— застегнись на все!

Не привиденьями ли в ночи
— Целый Бедлам вакантный! —
Нищие, гении, рифмачи,
Шуманы, музыканты,

Каторжники...
Коли взять на вес:
Без головы, чем без

Пуговицы! — Санкюлот! Босьяк!
От Пугача — к Сэн-Жюсту?!
Если уж пуговица — пустяк,
Что ж, господа, не пусто?

Для государства она — что грунт
Древу и чреву — фунт

* «Человек, где ты? — Я наг» (нем.).— *Ред.*

Стерлингов. А оборвется — голь!
Бунт! Погреба разносят!
Возвеселися же, мать, коль
Пуговицею — носик:

Знак добронравия. (Мой же росс
Явственно горбонос —

В нас).

Дальше от пуговичных пустот,
Муза! От истин куцых!
От революции не спасет
Пуговица. Да рвутся ж,—

Все! Коли с демонами в родстве —
Бард,— расстегнись на все!

(Здесь кончается ода пуговице
и возобновляется повествование).

Город грядок —
Гаммельн, нравов
добрых, складов
полных,— Рай-

город...

Божья радость —
Гаммельн, здравых —
город, правых —
город...

Рай-город *, пай-город, всяк свой пай
берет,—
Зай-город, загодя закупай-город.

Без загадок —
город,— гладок:

* Ударение, как: Миргород, Белгород и пр.

Благость. Навык —
город,— Рай-

город...

Божья заводь —
Гаммельн, гадов
Бесу, сладок —
Богу...

Рай-город, пай-город, Шмидтов-Майеров
Царь-город, старшему уступай-город.

Без пожаров —
город, благость-
город, Авель-
город,— Рай-

город...

Кто не хладен
и не жарок,
прямо в Гаммельн
поез—

жай-город, рай-город, горностай-город,
Бай-город, во время засыпай-город.

Первый обход!
Первый обход!
С миром сношенья прерваны!
Спущен ли пес? Впущен ли кот?
Предупрежденье первое.

Су—дари, выпрягайте слуг!
Тру—бочку вытрясай, досуг!
Труд, покидай верстак:
«Morgen ist auch ein Tag».*

Без десяти!
Без десяти!

* «Завтра тоже будет день» (нем.).— *Ред.*

Уши законопатить
Ватой! Учебники отнести
В парту! Будильник — на пять.

Ла—вочник, оставляй мелок,
Бюр—герша, оставляй чулок
И оправляй тюфяк:
«Morgen ist auch ein Tag».

Десять часов!
Десять часов!
Больше ни междометья!
Вложен ли ключ? Вдет ли засов?
Предупреждение т^ретье.

Бн—блию закрывай, отец!
Бюр—герша, надевай чепец,
Муж, надевай колпак,—
«Morgen ist auch ein...»

— Спят

Гаммельнцы...

СНЫ

Глава вторая

В других городах,
В моих (через край-город)
Мужья видят дев
Морских, жены — Байронов,

Младенцы — чертей,
Служанки — наездников...
А ну-ка, Морфей,
Что — гаммельнцам грезится

Безгрешным, — а ну?
— Востры — да не дюже!
Муж видит жену,
Жена видит мужа,

Младенец — сосок,
Краса толстошекая —
Отцовский носок,
Который заштопала.

Повар пробует,
Обер требует
Всё как следует,
Всё как следует.

Вдоль спицы петля —
Так всё у них плавно!
Павл видит Петра,
А Петр видит Павла,

Конечно — внучат
Дед (точку — прозаик),
Служанка — очаг
И добрых хозяев.

Каспар — заповедь,
Пастор — проповедь.
Не без проку ведь
Спать, — не плохо ведь?

Пуды колбасы
Колбасник (со шпэком),
Суд видит весы,
Весы же — аптекарь,

Наставнику — трость,
Плод дел его швейных —
Швецу. Псу же — кость?
Ошиблись: ошейник!

Стряпка — щипаное,
Прачка — плисовое.
Как по писанному!
Как по писанному!

— А сам бургомистр?
— Что въяве — то в дреме.
Раз он бургомистр,
Так что ж ему кроме

Как бургеров зреть,
Вассалов своих?
А сам бургомистр —
Своих крепостных.

Дело слаженное,
Платье сложенное, —
По положенному!
По положенному!

(Лишь тон мой игрив:
Есть доброе — в старом!)
А впрочем, чтоб рифм
Не стапывать даром —

Пройдем, пока спит,
В чертог его (строек
Царь!) прочно стоит
И нашего стоит

Внимания...

Замка не взломав,
Ковра не закапав —
В богатых домах,
Что первое? запах.

Предельный, как вкус,
Нешадный, как тора,
Бесстыдный, как флюс
На роже актера.

Вся плоть вещества, —
(Счета в переплете
Шагреновом!) вся
Вещественность плоти

В нем: гниль до хрящей.
С проказой не шутят!
Не сущность вещей, —
Вещественность суги:

Букет ес — всей!
Есть запахи — хлещут!
Не сущность вещей:
Существенность вещи.

Не сущность вещей,
— О! и не дневала! —
Гнилых овощей
— Так пахнут подвалы —

Ему предпочту.
Дух сытости дивный!
Есть смрад чистоты.
Весь смрад чистоты в нем!

Не запах, а звук:
Мошны громогласной
Звук. Замшею рук
По бархату красных

Перил — а по мне
Смердит изобилье! —
Довольством — вполне.
А если и пылью —

Не нашей — с весной
Свезут, так уж што ж нам?
Не нищей: сквозной,
А бархатной — штофной —

Портьерной. Красот
Собранием, скопом.
Красот и чистот,
А если и потом —

Добротным, с клеймом
Палаты пробирной,
Не нашим (козлом),
А банковским, жирным

Жилетным: не дам.
По самое небо

— О Ненависть! — храм
Стоглавый тебе бы —

За всех и за вся.

Засова не сняв,
Замка не затронув,
(Заметил? что в снах
Засовы не стонут,

Замки не гремят.
Врата без затвора —
Сон. Дома — без врат.
Всё — тени, всё — воры

В снах).

Сто — невест тебе.
Всё — с запястьями!
Без—ответственно.
Бес—препятственно.

Се — час жениха!
За кражи! за взломы!
Пустить петуха
В семейные дома!

В двуспальных толстух,
В мужей без измены.
Тот красен петух —
Как стяги — как стены

В *иных* городах...

Замка не затронув,
Посмотрим, как здрав
В добротных хоромах
Своих — бургомистр.

Домовит, румянист —
Баю-бай, бургомистр.

Завершенная седмица —
Бургомистрово чело.
Что же мнится? что же снится
Бургомистру? Ни—че—го.

Ничего (как с жир-горы
Пот-то!), то есть: бюргеры.

Спи, жирна, спи, верна,
Бургомистрша, жена

Бургомистрова: синица,
Переполнившая зоб.
Что же мнится? что же снится
Бургомистрше? (Хорошо б,

Из перин-то вырвавши...)
...Бюргеры, ей — бюргерши.

Той — пропавший без вести,
Этой — Цезарь рядышком...
Женщине ж порядочной —
Ничего не грезится.

Спи-усни, им не верь,
Бургомистрова дочь.

Соломонова пшеница —
Косы, реки быстрые.
Что же мнится? что же снится
Дочке бургомистровой?

Запахи, шепоты...
Всё — и еще что-то!

НАПАСТЬ

Глава третья

Тетки-трещотки,
Кухарки-тараторки,

— Чепцы, кошелки —
Бабки-балаболки.

— Сала для лекаря!
— Трав для аптекаря!
— Свежего красного
Легкого для пастора!

— По—следней дойки!
Девки-маслобойки.
— Ядрёной крупки!
Стряпки-мясорубки.

— Счастья, здоровья,
Сил на три месяца!
— Свежих воловьих
Жил для ремесленников!

Тетки-трещотки,
Торговки-горлодерки,
— Кофты на байке —
Хозяйки-всезнайки.

— Све—жая требуха!
— Жи—вого петуха!
— Масляна, не суха!
— Серд—ца для жениха!

— Сливки-последки!
Соседки-добросердки.
— Свежего! с ледничку!
Советницы-сплетницы.

— Взвесь, коль не веришь!
— Жарь — не ужарится!
— Гу—синых перьев
Для нотариуса!

— О—вощи да с гряды!
— Со—вести для судьбы!

Кур—ки-цесарки,
Невесты-перестарки,
Свежи, с постельки
Вдовицы-коротельки.

— Мни, да не тискай!
— Рдянь — не редиска!
— По—лушка с миской!
— Мозгов для бургомистра!

— Что хотите, то берите!
Подолы, капора.
Поварихи-разберихи,
Румяные повара.

Но—сы приплюснутые:
— Чего бы вкусенького?
Ла—дошки — ширмочками:
— Чего бы жиренького?

Выловить.
Выудить.
Выведать.
Выгадать.

— Все чехлы посняли с кресел!
— А гостей! А гостей!
— Нынче пекарева крестят!
— Новостей! Новостей!

Язвы-тихони.
Один в трахоте
Глаз, другой — пенится.
Сидни-кофейницы.

— Женишка-то, чай, постарше!
— А наряд! А наряд!
— Говорят, что у почтарши...
— Говорят... Говорят...

Язвы-шнырялы,
Кляузы-обмиралы,
— На площадь сор неси! —
Козни-цикорницы.

— Нацепил зеленый галстук!
— Ловелас! Ловелас!
— Мясник с тещей поругался!
— А у нас! А у нас!

- Ред—кос—ти...
- Хит—ро—сти...
- Кхе-кхе-кхе...
- Кхи-кхи-кхи...

- Бургомистрова-то Грета!
- Не того! Не того!
- Третью ночь сидит до свету!
- Каково? Каково?

- Свечку жжет...
- Век свой жжет...
- Счастья ждет...
- В гроб пойдет...

- Скатертей одних — с три пуда!
- Чай одна! Чай одна!
- Ни за кем, отцу, не буду.
- Не жена! Не жена!

- Грех-таки...
- Стыд-таки...
- Кхе-кхе-кхе...
- Кхи-кхи-кхи...

- Поглядеть — одни костяшки...
- Не в соку! Не в соку!
- К нам на кашку! К нам на чашку
- Кофейку! Кофейку!

Клуб
 Женский — закрыт:
 Суп
 Перекипит.

Город грядок
 Гаммельн, нравов
 добрых, складов
 полных —

Мера! Священный клич!
 Пересмеялся — хнычь!

Перегордился — в грязь!
Да соразмерит князь

Милость свою и гнев.
Переовечил — хлеб,
Перемонаршил — бунт:
Zuviel ist ungesund.*

В меру! Сочти и взвесь!
Переобедал — резь,
(Лысина — перескреб),
Перепостился — гроб,

Перелечил — чума!
Даже сходи с ума
В меру: щелчок на фунт:
Zuviel ist ungesund.

В меру и мочь и сметь:
Перезлословил — плеть,
Но и не перегладь!
— Только не передать! —

Не пере-через-край!
Даже и в мере знай
Меру: вопрос секунд.
Zuviel ist ungesund.

В меру! Im rechten Maas! **
Верный обманет глаз.
В царстве — давно — химер —
Вера и глазомер.

Мера и сантиметр!
Вот он, разумных лет
Лозунг, наш тугендбунд.
Zuviel ist un —

Не красоты одной — сало, слышишь? —
Вреден излишек.

* Излишество вредно (нем.). — *Ред.*

** В меру! (нем.). — *Ред.*

Переполнения ж складов — рисом —
Следствием — крысы.

Саго и сала и мыла — в меру,
Господи, даруй!
Так и гремит по всему базару:
«Склады-амбары».

Так, чтобы в меру щедрот: не много
Чтоб, и не мало.
Так и гудит по живому салу:
«Склады-завалы».*

К вам, сытым и злым,
К вам, жир и нажим:

Злость сытости! Сплёв,
С на—крытых столов!
Но — в том-то и гвоздь! —
Есть — голода злость.

Злость тех, кто не ест:
Не есть — надоест!
Бес—сильных не злобь!
(Кры—синяя дробь).

Злость тех, кто не сыт:
Се—годня рысит,
А завтра — повис.
(Кры—синяя рысь)

(Скороговорка):

Не сыт и не спит,
(Крысиная сыпь),
И сытеньким — прыг,
(Крысиная прыть).

Дом. Склад.
Съе—дят

* В последующих строках ударяются слоги: первый, второй и последний.

До — крох.
(Крысиный горох).

Зря — крал,
Зря — клал,
Зря — греб
(Крысиный галоп).

Глав—глад —
Крысиный набат.
Глав—гвалт —
Крысиный обвал.

Куль! Рвись:
Глав—крыс.

А над кулем-то, а над мешком-то —
Точно над трупом!
И перекатывается круто:
«Крысы да крупы».

(Твой зуб,
Главкруп!)

Докраснобайствовались, мессии
Низшего класса!
Так и свистит по живому мясу:
«Крысы-запасы!»

(Твой всхлест,
Главхвост!)

— Присягай, визжат, главглоту!
— Взяли склад, дай им глаз!
— Всю ночь топали, как рота!
А у нас! А у нас!

— Ушки! Замашки!
— Занды * карноухие!

* Убийца Коцебу.

— Всѣ-то бумажки
Взрыли, перенюхали!

— Присягай, визжат, главблуду!
— Думал — горсть, смотришь — рать!
— Самого, визжат, на блюде
Бургомистра подать!

Эта круговерть
Карноусая!
Всѣ-то пуговицы
Пообкусывали

Штанные!
— Schande! *
— Schande нам!
— Банды!

— Мастера — усы-то салить!
— Ты им: ой! они: бей!
— У нас Библию: на палец,
Дескать — сала на ней!

— Ух, бессовестные!
— Ух, нахрапистые!
Все-то соусники
Перепакоостили!

— Не спасут, визжат, молебны!
— Ты им: Gott! ** они: глав!
— Весь по буковкам судебный
Растащили устав!

— Ух, нахрапистые!
— Ух, обшарпанные!
Все-то сахарницы
Пообхаркивали!

— Целый мир грозятся стрескать!
— Ты им: хам! они: Сим!

* — Стыд! (нем.). — *Ред.*

** Бог! (нем.). — *Ред.*

На двенадцати, дескать,
Языках говорим.

— Ясных-то
Два лишь:
Касса!
Товарищ!

— Целый мир грозятся схрустать
— Солнцеверт! — Мозговрат!
— Из краев каких-то русских,
Кораблем, говорят.

— Граждане!
К спайке!
Schande нам:
Шайки!

Ни торгов от них, ни сна нет:
Ты им: ррраз! они — сто!
Голов сахарных не станет,—
А купецки на што?

— Мало этого-то:
Рукой писанные
Все-то летописи
Поо—

— Присягай, визжат, главсвисту!
— Уж и стыд! Уж и страмь!
— Не совсем, с лица, на крыс-то...
— Да уж крысы ли впрямь?

— Лысины!
— Пасмы!
— Слыхано ль?
В красном!

Предиковинный сорт!
Ты им: Бог, они: чорт!

Скок — на башенный шпиц!
Ты им: Herz,* они: цыц!

* Сердце (нем.).— *Ред.*

Ты им: чин, они: чушь!
Ты им: пиль! они: куш!

Ты им: стой! они: при!
Ты им: три! они:
— пли!

Коль не бос — кровосос,
Коль не бит — паразит

— А язык!
— А язык!
— А язык!
— А язык!

У нас: Brot *, у них: прод,
И язык не берет!
Думал: сдох, смотришь: прет,—
И мышьяк не берет!

У нас: взлом, у них: Ком,
У нас: чернь, у них: терн,
Наркомчорт, наркомшиш,—
Весь язык занозишь!

В новый мир, дескать, брешь:
Не потел — так не ешь,
Не пыхтел — так не ешь,
Не пострел — так не ешь.

До поры, дескать, цел:
Не потел — под расстрел,
Не хотел — под расстрел,
Не пострел — под расстрел!

(Тоном обвинительного акта):

В воровстве.
В кумовстве.
В шельмовстве.
В колдовстве.

* Хлеб (нем.). — Ред.

(Тоном заговора):

— Всё мы белые?
— Все.
— В чем же дело?
— В словце.

— Пологом кроет!
— Золотом кроет!
— До неба строит!
— Дорого стоит!

— Слово такое!
— Слово такое!
— Слово такое!
— Слово такое!

(Силясь выговорить):

Не терял.
Начинал.
Интеграл.
Интервал.

Наломал.
Напинал.
Интерна—
цио...

— Сказок довольно!
Слушать герольда!
Всех, кто отчизне — сын,
Оповещаю сим...

Не углубляясь в частности:
Гаммельн в опасности!

Горний и дольний!
Слушать герольда!

Всё и семижды всё
Знайте: на волоске

— Вот уже рвущемся —
Наше имущество,

Слава и класс.
Граждане, глас

Девы, словес не тратящей:
Постановление ратуши:

Будь то хоть бес, хоть жид,
Тот, кто освободит

Город от тьмы крысиной,
В дом бургомистра — сыном

Вступит — прошу понять:
Сын означает: зять.

(Треск барабанный).
В Гаммельне... анпо

Domini...*

В тот же час — вините будочника:
Что ж он не усторожил?! —
В город медленно входил
Человск в зеленом — с дудочкой.

УВОД

Глава четвертая

Ти-ри-ли,
По рассадам германской земли,
Ти-ри-рам,
По ее городам
— Красотой ни один не оставлен —

Прохожу,
Госпожу свою — Музыку — славлю.

* В Лето Господне... (лат.).— *Ред.*

Нынче — здесь,
Да и то в половинку, не весь!
Ти-ри-рам,
Завтра — там,
И хотя повсеместно оболган —

Стар и мал,
Равнодушно никто не внимал
И никто не отказывал в долгом

Взгляде — вслед.
Только там хорошо, где нас нет!
— Сердцелов! —
Только там хорошо, где ты нов:
Не заведом, не дознан, не вызнан.

«Прижились», —
Эта слизь называется — жизнью!

Переезд!
Не жалейте насиженных мест!
Через мост!
Не жалейте насиженных гнезд!
Так флейтист, — провались, бережливость!
— Перемен! —
Так павлин
Не считает своих переливов.

Ти-ри-ли!
Провалитесь, мешки и кули!
Ти-ри-ли!
Проломитесь, мучные лари!
Вместо гаммельнских — флейта не ферма! —

— Переступ —
Лип и круп
Есть индийские пальмы и перлы.

Перелив.
Человек не ключарь кладовых!
Половик,
Червь, а не человек — тыловик!
Это — Гаммельн, а есть Гималаи:
Райский сад.

Так да саяк —
Этот шлак называется — Гаем!

Оторвись!
По дорогам цветет остролист!
Отвались!
По оврагам цветет барбарис —
Кисловатый.

Лишь бы сыт!
Этот стыд называется: свято.

Крысы, с мест!
Не водитесь с сытостью: съест!
Крысы, с глаз!
Осаждаемый сытостью — сдаст
Шпагу...
О крысоловах злословят!

Дело слов:
Крысо-лов?
Крысо-люб: значит любит, колы ловит!

Крысы, в...

— Што ж мы?
— В чем дело ж?
— Тошно!
— Приелось!

— Вкусно ж, —
В чем тайна?
— Скушно:
Крайне.

Без борьбы человек не живет.
— У меня отрастает живот:
До колен, как у царских крыс.
— У меня — так совсем отвис.

— Без борьбы человек не жилец!
— У меня разминутись жилет
С животом: не разлад, а брешь.
— У меня объявилась плешь.

— Житие — не жысть!
— Разучился грызть!
— Не поход, а сласть!
— Разучился красть!

— Утром — булки, не меньше двух.
— У меня пропадает слух.
— У меня пошатнулся зуб.
— У меня остывает зуд
В зубах...

— Без слуги не влезаю в башмак...
— Есть такая дорога — большак...
— Без борьбы и овраг — острог...
— Хорошо без сапог!

— Не поход — погост.
— У меня отсыхает хвост.
— В полдень — клёцки, не меньше трех...
— У меня — так совсем отсох.

— Без обид, без злоб...
— Назревает зоб...
— Чуть обут-одет —
Уж опять обед
Из трех блюд...

— Знали б — за версту обошли б!
— Помнишь странную вещь: башлык?

Сшиб да стык,
Штык да шлык...

— Без слуги не влезаю в общлаг...
— Есть такая дорога — большак...
В той стране, где шаги широки,
Назывались мы...

— Больше сил моих нету: пасс!
— У меня заплывает глаз.
— У меня опадает слог.
— У меня — так совсем затек

Мозг.

- В Москву! — В Карлсбад!
- У меня оседает зад.
- У меня, по утрам, прострел.
- У меня — так совсем осел

До земли...

- Лыжи — и к Богу!
- Грыжа!
- Изжога!

Свыкнись —
И крышка!
Сытно —
Слишком.

- Три денька таких — и готов!
- Начинаю любить котов
- И купцов...
- Заушат — прощу.
- Завтра дочку свою крещу:

Мне-то — всё одно, ну а ей —
Ей — целей.

- Не бивак — насест!
- У меня пропадает жест.

Ф л е й т а:

Где-то Инд...

- Начинаю вдаваться в винт.

- Различать твое.
- Запирать белье.
- Без штанов махал! —
- Начинаю вводить крахмал

В туалет.

- Самолично вощить паркет.
- Господа, секрет:
- Отвратителен красный цвет
- Мне.

- Нам всем!
- От стыда засыпаю в семь.
- Недурен наезд!
- Начинаю бояться мест

Под мостами.

— Масс.

- Материнских глаз.
- Ну а я — стрельбы!
- Отчего у дворян гербы,—

А у нас...

Гладко,—

Как шваброй!

— Взятки!

— Подагра!

— В трюм бы!

— В гром бы!

...Тумбы.

...Пломбы.

В самый гром бы да в самый шторм!

Флейта:

Пе—ре—корм.

— Всё назад, чуть съем.

— И естественно: после схем,
Диаграмм — да в склад!

— Обращение камерад

Устарело. Ввиду седин

Предлагаю вам господин...

Господин гражданин...

Для... форм.

Флейта, настойчиво:

Перекарм.

Пересып.

Ели б досыта — не пошли б,

Спали б домертва — не прошли б
Ни километра, ни шестой:

Перестой.

Чудо ж делают, не присев:
Перепев.

Пересест!
Не жалеите насиженных мест!
Перемен!
Не жалеите надышанных стен!
Звезд упавших — и тех не жалеите!

Мертвым — мир.
Выход в мир
Вот по этой по самой аллейке,—

Чуть левей.
— У меня пятьдесят сыновей!
Как один.
— У меня проржавел карабин.

— Полно — залежь
Их — по рвам!
— Без программ
Из амбара — да в Индию?!

— Брали ж

Перекоп!
Не искали ж протоптанных троп
На Москву!
— К чорту всю

Быль с ее трехсотлетними Lind'ами! *
— Идем завоевывать Индию!

Напролом!
— У меня недостроенный дом!
— Строим — мир!
— У меня недоеденный сыр!

* Липами (нем.).— *Ред.*

— Выше носу же не переплюнешь!

Флейта:

Переплюнь!

В синь! в июнь!

В новизну! и к тому — новолуние ж!

Чтоб шагать молодцом —

Выступать нагишом!

Чтоб сошелся кушак —

Выступать натошак!

— Да здравствует полк!

Клыков перещелк.

Довольно с нас круп!

Курков перещуп.

...Сала и масла гарного!

Да здравствует красная...

— Крысы, марш!

Нам опостылел домашний фарш!

Свежесть, которой триста

Лет — не свежа уже! Шагом, марш!

Кто не прокис — окрысься!

Нам опостылел молочный рис!

Погорячее в ранцах!

Три миллиарда индийских крыс

Велико—оке—анских

Ждут, лихорадочные рои

Крысьего штурм унд дранга!

С кошками мускусными бои

На побережьях Ганга

Ждут. Не до слоек, не до колбас

Гаммельнских, венских, пражских!

Мы — на вселенную! Мир — на нас!

Кто не пропах — отважься!

Вот они, слойки!

Сдвинься, стройся!

Вот они, смальцы!
Щерься, скалься!

Ни крупинки не припрятавши —
Шагом, шагом мимо ратуши!

Чванься! пыжься! высься! ширься!
Мимо рынка, мимо кирки.

Мыслью — вестью — страстью —
выстрелом —
Мимо дома бургомистрова.

А на балконе...
Ах! а с балкона...
Вроде ожога...
Вроде поклона...

Вроде Ширази
Щечного — тссс...
Кажется — розу
Поднял флейтист?

(Дело вежливости!)
Не задерживаться!
Вышел радоваться,—
Не оглядываться!

Вот он, в просторы — лбом,
Города крайний дом.

Око—ём!
Грань из граней, кайма из каём!
«Отстаем»,—
Вот и рифма к тебе, окоём!

Скороход
В семитысячемилевых, флот,
Обогнавший нас раз
Навсегда — дальше глаз, дальше лба:

Бредовар!
Растопляющий всякую явь —

Аки воск,—
Дальше всех наших воплей и тоск!

Тоскомер!
Синим по синю (восемь в уме),
Как по аспиду школьной доски,
Давший меру и скорость тоски:

Окохват!
Ведь не зря ж у сибирских княжат
Ходит сказ
О высасывателе глаз.

Ведь не зря ж
Эта жгучая женская блажь
Орд и стай —
По заглатывателю тайн.

Окоим!
Окодер, окорыв, околом!
Ох, синим-
синё око твое, окоём!

Вышед в вей,
Допроси строевых журавлей,
В гаолян —
Допроси столбовых каторжан!

— Он! — За ним?
— Он же! — Ну, а за? — Он же...
— Джаным!

Здесь — нельзя.
Увези меня за

Горизонт!...

— Шел или спал?
— Штиль или шквал?
— Рус или сед?
— Наш ли уж свет?

— Дали не те!
— Ели не те!

— Горы не те!
— Гулы не те!

— Наш или тот?
— Час или год?
— Год или три,—
Сколько же шли?

— Даль не та!
— Пыль не та!
— Синь не та!
— Тень не та!

— Плыл или мчал?
— Гаммельн? Квартал.
— Гаммельн? Проспал.
— Гаммельн? Читал

В сказке.
— Весьма не новая
Сказка: левей Ганновера.

— Лес не тот!
— Куст не тот!
— Дрозд не тот!
— Свист не тот!

— Юн как Ахилл!
— Гаммельн? Гостил.
— Гаммельн? Простыл!
— Гаммельн? Учил

В книжке, покаместь тамбуром
Тетки...
— С меня, так Гамбурга
Хватит!

— Вздых не тот!
— Ход не тот!
— Смех не тот!
— Свет не тот!

Синь, а не бел!
— Гаммельн? Пробел.

— Гаммельн? Прозрел:
Блюдо, и ел

С пивом, в одном приятном
Обществе: Hammelbraten.*

Славный кусок!
— Гаммельн? Дай срок!
— Гаммельн? Заскок!
— Гаммельн? Отек

Мозга.
— Вниманья требую:
Гаммельна просто не было:

Пыль.
Мель.
Моль.
Нуль.

Наша соль — пыль от пуль!
Наша быль — рваный куль!
Пусть злее чумы,—
Всё ж соль земли — мы!

Наша кровь — та же смоль!
Раз кровь — кровью смой!
Пусть ропщут умы,—
Всё ж кровь земли — мы!

Наша дробь — та же трель!
— Эй, раб! Влево цель!
Пав ниже земли,—
Всё ж цвет ее...

— Говорю вам: не те холмы!

— Не Германия!
— Много далее!
— Не Германия!
— И не Галлия!

* Жаркое из баранины (нем.).— *Ред.*

— Одурманены!
— Знай да взахивай!
— Не Германия!
— И не Влахия!

— Тише тихого!
— Дольше длинного!
Коль не Скифия,
Значит...

— Индия!

Ф л е й т а:

Индостан!
Грань из граней, страна из стран!
Синий чан —
Это ночь твоя, Индостан.

Здесь на там
Променявший, и дай на дам,
Гамма гамм,
Восходящая прямо в храм.

Рис, маис,
Промываемый девой из
Кув—шина:
Тишина твоя, Индостан.

Как стрелок
После зарослей и тревог
В пушину —
В тишину твою, Индостан —

Человек...

— Пагоды купола!
— Что-то синим-синё!
— Рисовые поля!
— Пальмовое вино!

С первоначальных бед,
С первоначальных дрем
Детский и крысий бред
Сахарным тростником.

Миру который год?
Миру который миг?
Перец, в ветрах, цветет!
Сахар, в ветрах, шумит!

Не целина — шагреня!
У синевы налет
Сливы.— Четвертый день
И никоторый год.

Смол
Гул.
Вол.
Мул.

Не полотно — резня
Красок. Дотварный ил.
Творческая мазня
Гения. Проба сил

Демона. В первый раз
Молотом о кремьень.
Миру четвертый час
И никоторый день.

Де—вы
Ганга!
Древо
Манго!

Индиго! Первый цвет!
Индия! Первый крик
Твари. Вперись, поэт:
Миру четвертый миг!

Час предвкушаю: смяв
Время, как черновик...
Ока последний взмах —
И никоторый миг

Миру...

С т а р а я к р ы с а:

Так-таки и зудит!
Что-то — будто бы — точно — вид

Этой местности мне знаком.
Чем-то пагода на закром

Смахивает...

— Тюрбан! Брамин!

Старая крыса:

Что за Индия, где овин
На овине...

— Бомбей! Базар!

Дервиш с коброю!

Старая крыса:

И амбар

На амбаре...

— Дворец раджи!

Старая крыса:

Вот так тропики в поле ржи!

Черным по белу, по складам:
Пальма? Мельня. Бамбук? Шлагбаум.
Кондор? Коршун. Маис? Горох.
Мы от Гаммельна в четырех

Милях,— горсточка, а не полк!

Флейта:

Кривотолк!

Рвите шкурника, чтобы смолк!

Крив и кос

Тот кто в хоботе видит нос

Собственный и в слоне — закром.

Крив и хром.

(Хлеще! хлеще! рассыпай! нижи
Хроматические гаммы лжи!)

Лжец и трус

Тот кто в будущем видит — гуз,

Мертв и сгнил

Тот кто, идучи, видит тыл

Собственный и в просторах — порт.

Переверт!
Передерг!
Верьте Музыке: проведет
Сквозь гранит.
Ибо Музыки — динамит —
Младше...
— Всё на единый фронт:
Горизонт!

— Озеро!
— Яхонт!
— Розовым
Взмахом
— Видишь? —
Самим бы!
Ибис!
Фламинго!

С т а р а я к р ы с а:
Синее топит!

— Зеркало тропик!
Кротость —
В сапфирах!
Лотос!
Папирус!

В воду —
Как в спальню.
Озеру —
Пальмы
Низкопоклонство.
— Смоем!
Напьемся

Соком лотосовым: покой.

Ф л е й т а:
Водопой.
Дальним — варево и постой.
Спят и пьют.

С т а р а я к р ы с а:
Говорю вам, что это — пруд
Гаммельнский: триста лет как сгнил!

Флейта:

Кро—ко—дил!

— Сбудется!

— Близится!

Старая крыса:

Лужица!

Жижица!

— Шелком ластится!

Старая крыса:

Головастики!

Безголовым и главарю:

Головастики, говорю!

Флейта:

Словарю —

Смыслов нищему корчмарю,

Делу рук —

Кто поверит, когда есть звук:

Царь и жрец.

Старая крыса:

Говорю вам, что это лжец,

Лжец, агент!

Флейта:

Лжет не Музыка — инструмент!

Старая крыса:

Trug und Schand! *

Флейта:

Лжет не Музыка — музыкант!

Обособь!

Старая крыса:

Говорю вам, что это топь,

Гать!

* Обман и стыд! (нсм.).—Ред.

Флейта:

Пусть так!
Лучше Музыка, чем мышьяк.

Старая крыса:
Смерть!

Флейта:

Что в том?
Лучше озеро, чем загром,
Сплыл, чем сгнил!
Тина? Полно! Коралл! Берилл!
Изумруд...

Ведь не в луже, а в звуке — мрут!

Что тело? Тени тень!
Век тела — пены трель!
Нир—вана, вот он, сок!
Ствол пальмы? Флага шток.

В мир арок, радуг, дуг
Флагштоком будет — звук.
Что — руки! Мало двух.
Звук — штоком, флагом — дух.

Есмь: слышу! («вижу» — сон!)
Смысл выше — ниже тон,
Ни—жайший. Тела взмет,
И — тихо: нота нот.

Воздух душен, вода свежа.
Где-то каждый из нас раджа.
(В смерти...)
С миром глаза смежи.

— *Этой Индии мы — раджи!*

Раджа на радже!
Но крыс тех уже —
Никто и нигде:
Круги на воде.

Глава пятая

Тайные, статские —
Здравствуйте, ратсгерры!
Старого Гаммельна
Стены избавлены
От даровых жильцов.

Праздник котлов,
Шествие протвений,—
Крысы утоплены!

Не был Цезарем бы —
Стал бы поваром бы...
Бейте в сковороды!
Бейте в сковороды!

Дням беспрепятственно
Радуйтесь, ратсгерры!
Ибо очищены
Склады — от хищников,
Головы — от идей.

В скóвороду — бей!
Иллюминацией
Празднуйте, ратсгерры,
— Цукром с цикорнем —
Чудо-викторию
Без кулаков, без пуль.

Праздник кастрюль.
Ратсгерры, дожили:
Крысы уложены.

Сладко ль, солоно ли —
Делать нечего...
Вам — выполненное,
Мне — обещанное.

Трепеток.
Шепоток.
Раты — вкось,
Герры — в бок.

Щеки — мак,
Брови — еж:
— То есть — как?
— То есть — что ж?

(Полка с мопсами
В лавке глиняной!)
— Что же — собственно?
Что же — именно?

— Ясно и точно, без некто и где-то:
В собственности деу, по имени Грета.

Грету? Не Греты у нас и нет:
В землях живем германских.
В городе Гаммельне столько ж Грет,
Сколько, к примеру, Гансов.

Ганс или Грета. Не Грета — Ганс.
За валунами в реку —
В Гаммельн за Гретами. Контра-данс:
Коли не Ганс — так Грета.

Выйдет тебе
Суженая!
Выводками!
Дюжинами!

Не косорукий, да не слепой —
Уж себе Грету сыщешь!
Выемка — всё на один покрой! —
В ямку и прыщик в прыщик!

Оспа в оспину,
Чутка в чуточку.
Чью же собственно
Грету?

— Шутите!

Чью же, думали, высвистывал
Грету — как не бургомистрову?

Кипяток.
Топотеж.

Раты — в скок,
Герры — в лежь,

Раты — в ик,
Герры — в чих.
— И шутник!
— И жених!

Сто кабанов захрюкало:
Заколыхали брюхами.

— Ой насмешил! Утешил же!
Запоыхали плешами.

— В эдаком фартучке
Девоньку?
— Так-таки.

— С коробом почестей
Девоньку?
— В точности.

Раты — в фырк,
Герры — в верт.
— Ну и франт!
— Ну и ферт!

Очи — в узь,
Щеки — в глянец.
— Ну и гусь!
— Ну и Ганс!

С кузовом серебра —
Девоньку?
— Сеяли!

— Полную житницу
Девоньку?
— Жните же!

— Нотный тюк!
Штанный клок!
Ну — супруг!
Ну — зятек!

Уж и шустр!
Уж и быстр!
Ржет без чувств
Бургомистр.

— Наспех да наскоро
Свадебку?
— Ратсгерры!

Первую в городе
Девушку?
— Боровы!

«Будь то хоть бес, хоть жид,
Тот, кто освободит
Город — хоть слеп, хоть спятил! —
В дом бургомистра зятем
Вступит, в графу особ
В городе — первых...»
— Стоп!

Не в хороводе, небось, дуда,—
В думе! Шажком! Анданте!
Только про беса и про жида,
Где же про музыканта

Сказано?
Как завершен обряд —
Милости просим, брате!
Всяк музыканту на свадьбе рад,—
Только не в роли зятя.

За музыканта! за нотный крюк!
Звук! — флейтяную дырку!
Где ж это видано, чтобы вдруг
Да с музыкантом — в кирку?

За музыканта! За нервный ком —
Дочку! милей ковач мне!
Что же и делать-то ей с тюком
Нотным — на ложе брачном!

За музыканта! за голый боб!
Может — в краях незнакомых —

Только не слыхивал Гаммельн, чтоб
За музыкантов — замуж!

— Что есть музыка? Щебет птах!

Шутка! Ребенок сладит!

— Что есть музыка? — Шум в ушах.

— Увеселенье свадеб.

— Беспоследственный дребезг струн.

— Скука и крики браво.

— Что есть музыка? Не каплун,

А к каплуну — приправа.

— За—бывается: молод был —

Сам загибал преловко!

— Мешанина из бычьих жил,

Дерева и сноровки.

Околпачивающий пар.

— Нет! Музыкантов кормим

Для того, чтобы пищи вар

В нас протекал проворней.

— Полегонечку — за пивцом —

Да чтобы женский пол был...

Две-три арийки перед сном...

Только не очень долго.

— Что есть музыка? с первых нот:

«Что бы вам, братцы, кончить?»

— Ну а я так — наоборот:

Только бы что погромче,

Побасистее!

— Рано встав,

Да коли восемь ртишек...

— Превышение всяких прав.

Гетто: себя не слышишь!

— Музыка? Гриф

С лентами.

— Шлиф.

— К зёву позыв.

— Так... перелив...

— После сольцы — пирожное...
— Из пустоты — в порожнее...

— Не осведомлены, префект:
Музыка есть аффект.

Аффектация неких чувств,
Коих и нету. Хам, мол,—
Кто не чувствует.
— Как ни тщусь:
Что-либо, кроме гаммы —

Беспоследственно.
— Факт есть факт:
Музыка есть антракт.

— Рукоделие праздных дур.
Что до меня — так стойко:
Пуще всяческих увертюр
Мне по нутру — настройка

Перед оными.
— Фонд есть фонд.
Музыка есть афронт —

Смыслу здравому. Вящий вздор,
Нежель чулок с ажуром.

Б у р г о м и с т р:
Выше-высказанное — вздор
Истина есть. Скажу вам.

Думали — гриф
С лентами? Шлиф?
К зёву позыв?
Так... перелив —

Музыка? Тиф —
Музыка! Взрыв!
По степи — скиф!
Жил перерыв!

За головню — да голыми —
Хвать! Из огня да в полымя!

Пострашнее, чем шум в ушах,
Грезы, глаза зажмуря.

Музыка — это банков крах,
Раскрепощенье фурий.

Приглашается папа Пий
На рождество предместий.
Quatuor * четырех стихий,
Раскрепощенье бестий.

Рабской сущности унтергрунд —
Музыка — есть — бунт.

Бунт архангела. Бунт скота.
Бунт галуна в передней.
Не невеста — клоком — фата! —
За фортепьяно — ведьма!

Лучше шулера пощади,
— Чем музыканта! Дрема —
В креслах? Бесы на площади
Думской — и бесы в доме!

Женской сущности септ-аккорд —
Музыка — есть — чорт.

Лупоглазого школяра
В пасмах — кулак Потсдаму.
Что есть музыка? Ça ira! **
Ратсгерры, вот вам гамма!

В оперении райских птах
Демоны: stirb und tödte! ***
Что есть музыка? Тайный страх
Тайного рата Гёте —

Перед Бетховеном.

* Квартет (лат.). — *Ред.*

** Будет дело! (франц.). — *Ред.*

*** Умри и убей! (нем.). — *Ред.*

Брови — вверх,
Краска — в нос.
Раты — в перх,
Герры — в чёс.

Раты — в крёхт,
Герры — в чох.
— С нам фохт!
— С нами Бог!

Только, талант непризнан,
Ратсгерр от Романтизма,

Новорожденски-розов
И Филомелой прозван:
«Музыка в малых дозах —
Это не так серьезно».

Бурго-же-мистр, величав и льдист:
— В вас говорит артист.

Р а т с г е р р о т Р о м а н т и з м а :
Tempi passati! *

Б у р г о м и с т р :
Ратсгерры, сядьте!

Шутки за рюмкой.
Думсгерры, думьте!

Можно ли — непостижим Господь —
За музыканта — плоть

Нашу.

В городе — впрочем, одна семья
Гаммельн! И так, в семействе
Гаммельнском — местонменья «я»
Нет: не один: всё вместе.

* Дело прошлое! (итал.).— *Ред.*

За исключением веских благ
Я — означает всяк.

Славное слово, и есть в нем прок:
Всяк! Так и льнет шубейкой!
Автору же этих скромных строк
Озолоти! убей хоть! —

Только одна в нем — зато моя! —
Буква понятна: я.

Необоримая! Так алмаз
Жиз в черноте пожара.
Неповторимая! Что есть аз?
Что не бывает парой.

На языке невозвратных рас
Аз означает: раз.

(Азры...)

В городе Гаммельне лишь азы...
Впрочем, язык прикусим.
Страшное слово! Страшней грозы
В полночь, гостей за гусем:

Я! (В пожирающем большинстве
Я означает — всё.)

Как у соседей! как у людей!
Не мое дело — всё так!
Автору же, ясновидцу лжей,
Оку — из самых светлых,

Только одна в нем — прошу понять —
Буква доступна: ять.

Я: нагруженная по края
Яблонь: снимай не снимешь!
В Гаммельне ж — вместо имения: я —
Мы — лишь тогда не мнимость,

Не глухонемость, не пень, не тын —
С буквы когда — в аршин!

(Право гигантов!)
— За музыканта?
Это пикантно!
Это пикантно!

Время — пропало!
Место — пространство!
— За зубоскала!
— За голодранца!

— Без будущего!
— За дудочника!

В доме — гнусь.
В лавке — долг.
Черный гусь!
Белый волк!

С крыши — душ,
В спальне — штранд.
— Кто ваш муж?
— Му—зы—кант.

Рук — вместо платы,
Плеск — вместо мяса.
— За звездохвата!
— За лоботряса!

В грезы да в планы
Первенца кутай.
— За великана!
— За лилипута!

— За опусника!
— За фокусника!

Вечный иск!
Всё в ломбард!
Крысий писк
Квинт да кварт,

Деток — кладь.
Geld ist Sand.*

* Деньги — песок (нем.). — Ред.

— Кто ваш зять?

— Му—зы—кант.

Дудка! для этого нужен дых
Дюжий, — весь день дудишь-то!
Не затруднительно в молодых
Лётах, а что с одышкой?

Не пригодишься и нужники
Чистить. В слепцы, с жестянкой?
А неоплатные должники —
Всё они музыканты!

Ратсгерры белым
Полнятся гневом:
— Первую в целом
Городе — деву?

Первому? — bravo!
Встречному? — ново!
— За крысодава?
— За крысолова?

— Бессахарника?
— За каторжника!

Общий ров.
Гроб в обрез.
Ни венков.
Ни словес.

Помер — преЙ.
Unbekannt.*
— Кто был сей?
— Му—зы—кант.

Сомущены — в сумятице —
Глазки, обычно в маслице,
Губки, обычно бантиком,
Ратсгерра от Романтики:

* Неизвестен (нем.). — Ред.

— «В городе Гаммельне вечных благ
Нет, хоть земных и густо.
Гения с Гаммельном — тот же брак,
Что соловья с капустой.

К Розе приписана соловью
Страсть. Изменив пенатам,
Над соловьем моим слезы лью,
А соловей — женатый!

Гения с Гаммельном — где же такт?
Вкус? — не в родстве! не в тоне!
Невразумительней есть ли факт,
Чем соловей — в законе?

Брак — это за борт: занести, залечь,
Закись — тюфяк — свинина...
Не небожителя слышу речь,
Други, а мещанина!

Сам в бургомистровы рад бы влезть
Туфли,— так я — предместье!
Но небожителю — что за честь
Звать бургомистра — тестем?

Многозначителен — так красив,
Высокосерд — так знатен.
Миродержателя сыном быв,
Стать бургомистра зятем?

Кухонку?
Куколку?
Кольчику?
Только-то?

Что не для лириков — Гименей,
Вам и ребенок скажет.
Остепенившийся соловей —
Недопустимый казус!

Коль небожители в царстве тел —
Ни лоскутка на дыры
Вам, ибо правильный был раздел
Благ при начале мира:

Нам — только видимый, вам же весь
Прочий (где несть болезни!)
Коль божество, в мясники не лезь,
Как в божества не лезем.

Вам — миродержествовать, нам — родить:
Здесь близнецы, там тройня.
Но музыканту счастливым быть —
Пропосту непристойно!

Так предоставьте же сладкий кус
Обыкновенным смертным!
Ваша амброзия слаще уст
Женских, и чище — нектар.

Иерофанты в грязи колес,
Боги в чаду блудилищ —
Плачьте и бдите, чтоб нам спалось,
Мрите — чтоб мы плодились!

А бургомистрову дочку — план
Дольний — другим заменим.
Впрочем, в подобных делах профан
И ожидаю мненья

Следующих...»

Поразрумянился весь совет,
Лбищи понапружили.
В Гаммельне собственных мыслей нет,
Только одни чужие.

Не мудрено: на земле живут,
Не в облаках витают.
Да и чужих не сказать, чтоб пуд,—
Только одна, и та ведь

Авторская... Шепоток вдоль стен:
«Что бы ему взамен?»

— Что-нибудь нужное!
Удочку! Дюжину

Недорогих носков!
— Туфельку для часов!

— Что-нибудь на стену!
Краскою масляной
Кайзера на коне!
— Дело ведь не в цене!

— Нотную папочку!
— Тросточку! На плечи
Что-нибудь из тряпья!
— Кисточку для бритья!

— Так себе — чуточку!
— Штучно! — Посуточно!
Не при дворе ж! в глуши!
— Главное — от души!

— Самую капельку!
— Крохотку! — Крапинку!
— Каб налицо — сюртук,
Я б предложил — уют:

Прочно и дешево!
— Главное — пошибом
Взять: для подобных бар
Жест — наилучший дар.

Прочее — дорого.
— Дешево — здорово!
Без роковых затрат,
В дельности — аттестат.

Деньги — безвкусица!
Каперцы, устрицы, —
Не диабет — нефрит.
— Гений мечтами сыт.

Доброе мнение —
Вот она, гению
Плата: кошель похвал.
— Смертный дороже б взял.

Стало быть, аттестационный лист.

Ратсгерр от Романтизма:
— Эврика! В руки бейте!

Коль по призванию он — флейтист,
Значит — футляр на флейту!

Раты — в плёск,
Герры — в хлоп.
— Ну и мозг!
— Ну и лоб!

Geben — frisst,
Leb'heisst spar'...*
Раз флейтист —
Так футляр.

— Слажено! — Сложено!
— Замшевый! — Кожаный!

— Для музыкальных душ
Так же приятен плюш.

— Стало быть — плюшевый!
— Ратсгерры, кушанье
Стынет. — Коль нежность — цель.
Так же нежна фланель.

— Главное — умысел!
— В траты не сунувшись,
Чтоб от души — к душе —
Так из папье-маше!

Кабы малейший какой в душе
Прок был — у всех была бы.
А в переводе папье-маше —
Жеваная бумага.

Хоть не корова, а нажую!
Боги — а рты замажем!
Так же, как критика — соловью:
Жвачкой, притом — бумажной.

— Чистой! без примеси!
— Принято! Принято!

* Дают — лопают, жить — это экономить (нем.). — *Ред.*

— Хлопковой! Рисовой!
— Bravo! Подписано!

Б у р г о м и с т р:

Не проскочил в зятя!
Но, человека чтя
И в музыканте —
Ратсгерры, встаньте!

Девы, монет не тратящей,
Постановление ратуши:

Гаммельн — не в царстве душ.
Раз музыкант — не муж,
Раз музыкант — не зять,
В названной отказать
Девушке. (В царстве цен!)
И предложить взамен
Нечто из царства чар:
На инструмент — футляр

Жвачно-бумажный.
Ибо не важно —
Что — («Вещество — лишь знак».
Гёте) — а важно — как.

Тих как мех.
Тих как лев.
Губы в смех.
Брови в гнев.

Выше звезд.
Выше слов.
Во весь рост —
Крысолов.

«Раз музыкант — так мот.
Дудки не бережет
Дудочник. Треснет — свистнет.

Чехолоненавистник
Он — и футлярокол.
Раз музыкант — так гол.

Чист. Для чего красе —
Щит? Гнойники скрывают!
Кто со всего и всё
В мире — чехлы срывает!

Нехороша — так пнуть!
Чтоб просияла суть.

Не в ушеса, а в слух
Вам протрубят к обедне
В день, когда сбросит дух
Тело: чехол последний.

В день, когда станут — льды
В душу — и без трубы.

Не в инструменте — в нас
Звук. Разбивайте дудки!
Зорче всего — без глаз
Видящий. Самый гудкий

И благодарный зал —
Грудь. Никогда не мал.

Не соловью беречь
Горло. (Три капли на ночь!)
Что до футляра — в печь!
Или наденьте на нос...

Ратсгерры! Долг и мзду —
Дочь бургомистра. Жду».

Зашушукали: шу-шу-шук...
«За каких-нибудь десять штук

Жалких — благо бы крыс? — мышей!
Не видать как своих ушей».

Грета, Грета, попалась в сеть!
Лучше уши свои узреть,

Нежель душу.
— Камыш, шурши!
Не видать, как своей души.

Глава шестая и последняя

Розан ал, студень гол,
А будильник — зол.

В школу! В школу! В школу! В школу!
Норд-Ост — в спину! Норд-Вест — в полы!

Не продравши глаз —
В класс! в класс! в класс!

Жарче шуб, слаще дынь —
А будильник: дзинь!

Разрывай-рывай глаза!
Спать нельзя! нельзя! нельзя!

Собирай-бирай мозги!
Тьма — ни зги! ни зги! ни зги!

Но—гами в чан!
Под кран! Под кран!

Не роман и не драма,— скушна всяма!
Из-под крана смывайте румяна сна!

Готы идут и гунны.
Но, говоря разумно,

Так от готов и гуннов — а мир был мал! —
Что осталось? Хороший балл.

Гул да балл.
Гунн да галл,
(Спутал — влёт).
Галл да гот,

Гот да галл.
— Слишком мал —
Гунн да гот,
— Бутерброд.

Гунны — конные, ножки гнуты.
В фунте двадцать четыре фута.
Плюс на минус выходит — плюс.
Цезарь — немец.

Сейчас проснусь.

Спит сурок, спит медведь.
— Спать не сметь! не сметь! не сметь!

Спит мертвец, спит индус.
— Отосплюсь — просплюсь — просплюсь...

Буки — Аз —
В щелки глаз.

Сотней ос —
В ноздри, в нос.

На сто лет, на сто мод —
Мой завод — завод — завод.

Рухнет дуб, рухнет трон —
Заведен — веден — веден.

Сотни лет, сотни мод —
А что дальше будет —
Скажет тот, скажет тот,
Кто будильник будит.

Что есть час? что есть год?
Ведь и кратер глохнет!
Скажет тот, скажет тот,
Кто будильник грохнет.

Час пропал, день сгорел,
А будильник — цел.

Были доли —
Выросли горы.
Нынче — в школу,
Завтра — в контору.

Где вы, пчелы?
Где вы, зубрилы?
Нынче в школу,
Завтра в могилу...

Утомительней мошкары...
— Шко—ля—ры!

Что это? Новый звук!
Книги летят из рук
— Мимо — и прямо в печь,
Руки хотят от плеч,

Слезы хотят из глаз.
Сало упало в таз,
Мыло упало в суп —
В школьную Morgensupp'! *

Звуки! Звуки! Как из лейки!
Как из тучи! Как из глаз!
Это флейта, это флейта,
Это флейта залилась!

Скоки! Скоки! Как из стойла!
Топот-притоп, топот-пряд
— Флейта, лей нам! Флейта, пой нам! —
Жеребят, козлят, телят.

Вольница.
Конница.
Школьники.
Школьницы.

Что ливень с суков,
Что щебень с горы
Со всех чердаков
Горох детворы.

Школьник? Вздор. Бальник? Сдан.
Ливня, ливня барабан.

Глобус? Сбит. Ранец? Снят.
Щебня, щебня водопад.

Всплески! Всплески! Как из шайки!
Атлас, старься! Грифель, жди!

* Утренняя похлебка (нем.). — *Ред.*

В роще — сойки, в роще — зайки,
В роще — белые дрозды!

Крики! Крики! Так, примером,
Рты и глотки растворя,
Дикари миссионером
Заедают жития.

Дет—во—ра!
Золотых вечеров мошкара...
Ди—ка—ри!
Голосистых прудов пескари...

Прочь из нор!
Мотылек — не сурок, не бобер.
Прочь из школ!
Ведь еще первоцвет не отцвел.

Есть у меня — не в службу, а в дружбу! —
Для девочек куклы, для мальчиков ружья,
— Глубокая ловля и быстрая гребля,—
Для девочек — иглы, для мальчиков — кегли,

На—ряд и доспех,
И — вафли — для всех.

Птичкам — рошица, рыбкам — озерце,
На всё особи, на всё возрасты!

Младшим — сладости, старшим — пряности,—
На всё тайности, на всё странности.

Блеск — больно глазам:
Э—дем и Сезам.

Под родительскою крышею
Вы тамтам бессонный слышали?

Под родительскою кровлею
Кто шербет блаженный пробовал?

Дом — тесный загон
Для львов и для жен.

Есть у меня — сказал, так в ладони! —
Для девочек лани, для мальчиков кони,
Плоды Соломона и розы Саади,
Для мальчиков — войны, для девочек —
свадьбы,

Весь мир — нараспев
И ласка для всех.

Рыбки в лужице! Птички в клетке!
Уничтожимте все отметки!

Рыбкам — озерце, птичкам — лето,—
Уничтожены все предметы!

Рож—дественский стол
В древнейшей из школ.

— Говорят, что он в зеленом!
— Где ж он? — Я иду за звоном.

— Он в жару меня баюкал.
— Где ж он? — Я иду за звуком.

— Я за красною фатой.
— Я за старшею сестрой.

— Говорят, что рай — далёко.
— Я не выучил урока.

— Что-то боязно мне втайне.
— Я — за дальним. Я — за крайним.

— Я — чтоб детство наверстать.
— Не остаться.— Не отстать.

— За отчаявшимся кладом.
— Я — за славой. Я — за стадом.

— Всё равно — домой нельзя уж!
— Я — так за море! Я — замуж.

— Потому что в школе бьют.
— Потому что всё идут.

— Ночевать хотел бы в сене.
— Я — за Францем.— Я — за всеми.

— Воевать хотел бы с львами.
— Я? не знаю. Ноги сами.

— Потому что фатер — бьет.
— Потому что — *всё* идет!

... Колотушки и те в миндалинках!
Погремушки для самых маленьких!
Сказки — пастора рассмешишь!
И романтики для больших.

На всякие нужды! на всякие вкусы!
Для мальчиков — пули, для девочек — бусы.
На всякие жажды! на всякие масти!
Для мальчиков — игры, для девочек —
страсти.

Без свах, без помех.
И — письма — для всех.

— Говорят, что он заводит,
Топит. (Ворочай, народец!)

— Заведет, потом загубит!
— Раз не *может*, так не будет

Хуже.— В лад — так не злодей!
— В ад — так без проповедей!

— Хорошо еще, что вместе,
Кучей.— А сказать по чести...

(То с воды идет, то свыше,—
Где ж он?) — Ничего не слышу:

Ни гопп-гопп и ни ду-ду,—
Всё идут, и я иду.

— Есть у меня — всё, всё, кроме ренты!
Для мальчиков флинты, для девочек ленты,

Дозорные знаки и тайные числа,
Для девочек — звуки, для мальчиков —
смыслы,

Сих — с теми — родство,
И — рифма на всё.

Ветер в полы!
Мимо школы!

Целым цирком —
Мимо кирки.

Кем ни разу не ласкан
Да без просыпу таскан —
До свидания, классный!
До свидания, пастор!

Не напишем, и не пиши!
— Малыши!

Есть у меня, — не всё перескажешь! —
Для мальчиков — радость, для девочек —
тяжесть,
Нежна — перелюбишь, умна — переборешь.
Для мальчиков — сладость, для девочек —
горечь.

Дно — страсти земной...
И — рай — для одной.

Здесь — пути,
Здесь — числа...
Разруха...
Разлука...

Рай — сути,
Рай — смысла,
Рай — слуха,
Рай — звука.

Точно облачко перистое.
Шепот: Грета бургомистрова!

— Стройтесь, резвые невестины
Сестры, в свадебное шествие.

Позабыв о сальных бальниках —
За руку берите маленьких.

Школьный дом уже с горошину!
На руки берите крошечных

Братцев аистовых...
— Не раскаиваться!

Вроде благовеста...
— Не оглядываться!

Вот он, в просторы стай,
Города самый край.

— Зарастай,
След от ног наших. Спросят — в Китай.
Враний грай,
Голоса и шаги заглушай.

Вы, кусты,
Не храните одежд лоскуты.
Ветер, ты
Голоса и шаги относи.

Без следа!
Говорят, что сегодня среда:
День труда.
В том краю воскресенье всегда.

Жить — стареть,
Неуклонно стареть и сереть.
Жить — врагу!
Всё, что вечно, — на том берегу!

В царстве моем — ни тюрем, ни боев, —
Одно ледяное! одно голубое!
Под зыбкою рябью, под зыбкою кровлей
Для девочек — перлы, для мальчиков —

ЛОВЛЯ

Их.— С грецкий орех!
И — ванна — на всех.

Спи-усни, спи-исчезнь,
Жемчуг — чудная болезнь.

Хворост — сер. Хочешь — ал?
Вместо хворосту — коралл.

В царстве моем — ни свинки, ни кори,
Ни высших материй, ни средних историй,
Ни расовой розни, ни Гусовой казни,
Ни детских болезней, ни детских боязней:

Синь. Лето красно.
И — время — на всё.

Тише, тише, дети! Отданы
В школу тихую, подводную.

Лейтесь, лейтесь, розы щёчные,
В воду вечную, проточную.

Кто-то: мел! кто-то: ил!
Кто-то: ноги промочил!

Кто-то: вал! кто-то: гул!
Кто-то: озера хлебнул!

А вода уже по пальчики
Водолазам и купальщицам...

Жемчуга навстречу сыплются.
А вода уже по щиколку...

Под коленочки норовит.
— Хри—зо—лит!

Красные мхи, лазурные ниши...
(А ноги всё ниже, а небо всё выше...)
Зеркальные ложи, хрустальные зальца...
А что-то всё ближе, а что-то всё дальше...

— Берегись! По колено ввяз!
— Хри—зо—праз!

А вода уже по плечико
Мышкам в будничном и в клетчатом.

Выше, выше, носик вздернутый!
А вода уже по горлышко, —

Усладительней простыни...
— Хру—ста—ли...

В царстве моем (нежнейшее dolce)...
А веку всё меньше, а око всё больше...
Болотная чайка? Младенческий чепчик?
А ноги всё тяжче, а сердце всё легче...

Поминай, друзья и родичи!
Подступает к подбородочку.

Хороши чертоги выстроил
Нищий — дочке бургомистровой?

— Вечные сны, бесследные чаши...
А сердце всё тише, а флейта всё слаще...
— Не думай, а следуй, не думай, а слушай...
А флейта всё слаще, а сердце всё глуше...

— Муттер, ужинать не зови!

Пу—зы—ри.

Март — ноябрь 1925 г.

601. С МОРЯ

С Северо-Южным,
Знаю: невозможным!
Можным — коль нужным!
В чем-то дорожном,

Воздухокрутом,
Мчащим щепу —
Сон три минуты
Длится. Спешу.

С кем — и не гляну! —
Спишь. Три минуты.
Чем с Океана —
Долго — в Москву-то!

Молниеносный
Путь — запасной.
Из своего сна
Прыгнула в твой.

Снюсь тебе. Четко?
Глядко? Почище
Чем за решеткой
Штемпельной. Писчей —

Стою? Почтовой —
Стою? — Красно?
Честное слово
Я, не письмо!

Вольной цензуры
Нрав! Прыгом с барки!
Что без цензуры —
Даже без марки!

Всех объеоря —
Скоропись сна!
Вот тебе с моря —
Вместо письма!

Вместо депеши.
Вес? Да помилуй!
Столько не вешу
Вся — даже с лирой

Всей, с сердцем Ченчи
Всех, с целым *Там*.
Сон, это меньше
Десяти грамм.

Каждому по три —
Шесть (сон взаимный).
Видь, пока смотришь:
Не анонимный

Нос, твердозначен
Лоб, буква букв —
Ять, ять без сдачи
В подписи губ.

Я — без описки,
Я — без помарки.
Роз бы альпийских
Горсть, да хибарка

На море, да но
Волны добры.
Вот с Океана
Горстка игры.

Мало по малу бери, как собран.
Море играло. Играть — быть добрым.
Море играло, а я брала,
Море теряло, а я клала

За́ ворот, за́ щеку,— терпко, морско! —
Рот лучше ящика, если горсти
Заняты. Валу, звучи, хвала!
Муза теряла, волна брала.

Крабьи кораллы, читай: скорлупы.
Море играло, играть — быть глупым.
Думать — седая прядь! —
Умным. Давай играть!

В ракушки. Темп из «petit navir'a».
Эта вот — сердцем, а эта — лирой,

Эта, обзор трех куч,
Детства скрипичный ключ.

Подобрала у рыбацкой лодки.
Это голодной тоски обглодки:

Камень — тебя щажу —
Лучше волны гложу,

Осатанев на пустынном спуске.
Это? — какой-то любви окуски:

Восстановить не тщусь:
Так неглубок надкус.

Так и лежит, не внесенный в списки.
Это — уже не любви огрызки:

Совести. Чем слезу
Лить-то — ее грызу

Не угрызому ни на столько.
Это — да нашей игры осколки

Завтрашние. Не видь.
Жаль ведь. Давай делить.

Нè что понравится, а что выну.
(К нам на кровать твоего бы сына
Третьим — нельзя ль в игру?)
Первая — я беру.

Только песок между пальцев, ливкий.
Стой-ка: какой-то строфы отрывки:
«Славы подземный храм»...
— Ладно.— Допишешь сам.

Только песок между пальцев, плёский.
Стой-ка: гремучей змеи обноски:
Ревности! Обновясь
Гордостью назвалась

И поползла себе с полным правом.
Не напостовцы — стоять над крабом
Выеденным: не краб:
Славы кирпичный крап.

Скромная прихоть:
Камушек. Пемза.
Полюй как критик.
Серый как цензор

Над откровеньем.
— Спят цензора! —
Нашей поэме
Цензор — заря.

(Зори — те зорче:
С током Кастанальским
В дружбе. На порчу
Перьев — сквозь пальцы...

— «Вирши, голубчик?
Ну и чёрно!»
И не взглянувши:
Разрешено!)

Мельня ты мельня, морское коло!
Мамонта, бабочку,— всё смололо
Море. О нем — щепоть
Праха — не нам молоть!

Вот только выговорюсь — и тихо.
Море! Прекрасная мельничиха,
Место, где на мели
Мелочь — и нас смели!

Преподаватели! Пустомели!
Материки, это просто мели
Моря. Родиться (цель —
Множиться!) — сесть на мель.

Благоприятную, с торфом, с нефтью.
Обмелевающее бессмертье —
Жизнь. Невпопад горды!
Жизнь? Недохват воды

Надокеанской. Винюсь заранее:
Я нанесла тебе столько дряни,
Столько заморских див:
Всё, что нанес прилив.

Лишь оставляет, а брать не просит...
Странно, что это — отлив приносит,
Убыль, в ладонь, дает.
Не узнаешь ли нот,

Нам остающихся по две, по три
В час, когда бог их принесший — отлил,
Отбыл... Орфей... Арфист...
Отмель — наш нотный лист!

— Только минуточку еще на сборы!
Я нанесла тебе столько вздору:
Сколько язык смолот, —
Целый морской подол!

Как у рыбачки, моей соседки.
Но припасла тебе напоследки
Дар, на котором строй.
Море роднит с Москвой,

Советороссии с Океаном.
Республиканцу — рукой шуана —
Сам Океан-Велик
Шлет. Нацепи на шлык.

И доложи мужикам в колосьях,
Что на шлыке своем краше носят
Красной — не верь: вражду
Классов! — морей звезду!

Мастеровым же и чужеземцам:
Коли отпали от Вифлеемской,
Клин отхватив — шестой,
Обречены — морской:

Прабогатырской, первобылинной.
(Распространяюсь, но так же длинно
Море — морским пластам...)
Так доложи ж властям,

— Имени-звания не спросила —
Что на корме корабля Россия
Весь корабельный крах:
Вещь о пяти концах.

Голые скалы, слоновьи ребра...
Море устало, устать — быть добрым.
Вечность, махни веслом!
Влечь нас. Давай уснем.

Вплоть, а не тесно,
Огнь, а не дымно.
Ведь не совместный
Сон, а взаимный:

В Боге, друг в друге.
Нос, думал? Мыс!
Брови? Нет, дуги,
Выходы из —

Зримости.

Май 1926
Вандея. St. Gilles—sur—Vie

602. ПОПЫТКА КОМНАТЫ

Стены косности сочтены
До меня. Но — заскок? случайность? —
Я запомнила три стены.
За четвертую не ручаюсь.

Кто же знает, спиной к стене?
Может *быть*, но ведь может *не*

Быть. И не было. Дуло. Но
Не стена за спиной, так?.. Всё что
Не угодно. Депеша «Дно»,
Царь отрекся. Не только с почты

Вести. Срочные провода
Отовсюду и отвсегда.

На рояле играл? Сквозит.
Дует. Парусом ходит. Ватой
Пальцы. Лист сонатинный взвит.
(Не забудь, что тебе девятый.)

Для невиданной той стены
Знаю имя: стена спины

За роялем. Еще — столом
Письменным, а еще — прибором
Бритвенным (у стены — прием —
этой — делаться коридором

В зеркале. *Перенес* — взглянул.
Пустоты переносный стул).

Стул для всех, кому не войти
Дверью,— чуток порог к подошвам!
Та стена, из которой ты
Вырос — поторопилась с прошлым —

Между нами еще абзац
Целый. Вырастешь как Данзас —

Сзади.

Ибо Данзасом — *та*,
Званным, избранным, с часом, с весом,
(Знаю имя: стена хребта!)
Входит в комнату — не Дантесом.

Оборот головы.— Готов?
Так и ты через десять стрóf,

Строк.

Глазная атака в тыл.
Но, оставив разряд заспинный,
Потолок достоверно *был*.
Не упорствую: как в гостиной,

Может быть и чуть-чуть косил.
(Штыковая атака в тыл —

Сил.)

И вот уже мозжечка
Сжим. Как глыба спина расселась.
Та сплошная стена Чека,
Та — рассветов, ну та — расстрелов

Светлых: четче, чем на тени
Жестов,— в спину из-за спины.

То, чего не пойму: расстрел.
Но, оставив разряд застенный,
Потолок достоверно цел
Был (еще впереди — зачем нам

Он.) К четвертой стене вернуться:
Та, куда, отступая, трус

Оступается.

«Ну, а пол —

Был? На чем-нибудь да ведь надо ж?..»

Был. — Не всем. — На качель, на ствол,

На коня, на канат, на шабаш, —

Выше!..

Всем нам на *тем свету*

С пустотою сращать пята

Тяготенную.

Пол — для ног.

— Как внедрен человек, как вкраплен! —

Чтоб не капало — потолок.

Помнишь, старая казнь — по капле

В час? Трава не росла бы в дом —

Пол, земля не вошла бы в дом —

Всеми — теми — кому и кол

Не препятствие ночью майской!

Три стены, потолок и пол.

Всё, как будто? Теперь — являйся!

Оповестит ли ставнею?

Комната наспех составлена,

Белесоватым по серу —

В черновике набросана.

Не штукатур, не кровельщик —

Сон. На путях беспроводных

Страж. В пропастях под веками

Некий нашедший некую.

Не поставщик, не мебельщик —

Сон, поголее ревельской

Отмели. Пол без блёсткости.

Комната? Просто — плоскости.

Дебаркадер приветливей!

Нечто из геометрии,

Бездны в картонном томике,

Поздно, но полно, понятой.

А Фазтонов тормоз-то —
Стол? Да ведь локтем кормится
Стол. Разлоктись по склонности,
Будет и стол настольности.

Так же, как деток — аисты:
Будет нужда — и явится
Вещь. Не пекись за три версты!
Стул вместе с гостем вырастет.

Всё вырастет,
Не ладь, не строй.
Под вывеской
Сказать — какой?

Взаимности
Лесная глушь
Гостиница
Свиданье Душ.

Дом встречи. Всё — разлуки
Те, хоть южным на юг!
Прислуживают — руки?
Нет, то, что тише рук,

И легче рук, и чище
Рук. Подновленный хлам
С услугами? Тощища
Оставленная там!

Да, здесь мы недотроги
И вправе. Рук — гонцы,
Рук — мысли, рук — итоги,
Рук — самые концы...

Без судорожных «где ж ты?»
Жду. С тишиной в родстве
Прислуживают — жесты
В Психеином дворце.

Только ветер поэту дорог.
В чем уверена — в коридорах.

Прохождение — вот армий база.
Должно долго идти, чтоб сразу

Середь комнаты, с видом бога-
Лиродержца...

— Стиха дорога!

Ветер, ветер, над лбом — как стягом
Подымаемый нашим шагом!

Водворенное «и так дале» —
Коридоры: домашность дали.

С грачьим профилем иновёрки
Тихой скоростью даль, по мерке

Детских ног, в дождеватом пруфе
Рифмы милые: грифель — туфель —

Кафель... в павлиноватом шлейфе
Где-то башня, зовется Эйфель.

Как река для ребенка — галька,
Дали — долька, не даль — а далька

В детской памяти струнной, донной
Даль с ручным багажом, даль — бонной...

Не сболтнувшая нам (даль в модах)
Что там тащится на подводах...

Доведенная до пенала...
Коридоры: домов каналы.

Свадьбы, судьбы, события, сроки,—
Коридоры: домов притоки.

В пять утра, с письмецом подметным,
Коридором не только метлы

Ходят. Тмином разит и дерном.
Род занятия? Кор—ри—дорный.

Тò лишь требуя, чтò смолола
Коридорами — Карманьола!

Кто коридоры строил
(Рыл), знал, куда загнуть,
Чтобы дать время крови
Зà угол завернуть

Сердца — за тот за острый
Угол — громов магнит!
Чтобы сердечный остров
Со всех сторон омыт

Был. Коридор сей создан
Мной — не проси ясней! —
Чтобы дать время мозгу
Оповестить по всей

Линии: от «посадки
Нету» до узловой
Сердца: «Идет! Бросаться —
Жмурься! а нет — долой

С рельс!» Коридор сей создан
Мной, *не поэт* — спроста!
Чтобы дать время мозгу
Распределить места,

Ибо свиданье — местность,
Роспись — подсчет — *чертеж* —
Слов, не всегда уместных,
Жестов, погрешных *сплошь*.

Чтобы любовь в порядке —
Вся, чтоб тебе любя —
Вся, до последней складки —
Губ или платья? Лба.

Платье всёправлять умели!
Коридоры: домов туннели.

Точно старец, ведомый дочерью.
Коридоры: домов ущелья.

Друг, гляди! Как в письме, как в сне том —
Это я на тебя просветом!

В первом сне, когда веки спустишь —
Это я на тебя предчувствьем

Света. В крайнюю точку срока
Это я — световое око.

А потом?
Сон есть: в тон.
Был — подъем,
Был — наклон

Лба — и лба.
Твой — вперед
Лоб. Груба
Рифма: рот.

Оттого ль, что не стало стен —
Потолок достоверно крен

Дал. Лишь звательный цвел падеж
В ртах. А пол — достоверно брешь.

А сквозь брешь, зелена как Нил...
Потолок достоверно плыл.

Пол же — что, кроме «провались!»
Полу? Что нам до половиц

Сорных? Мало мела? — Горè!
Весь поэт на одном тире

Держится...
Над *ничем* двух тел
Потолок достоверно пел —

Всеми ангелами.

6 июня 1926

603. ЛЕСТНИЦА

Короткая ласка
На лестнице тряской.
Короткая краска

Лица под замазкой.
Короткая — сказка:
Ни завтра, ни здравствуй.

Короткая схватка
На лестнице шаткой,
На лестнице падкой.

В доме, где по ночам не спят,
Каждая лестница водопад —

В ад...
— стезею листков капустных!
Точно лестница вся из спусков,
Точно больше (что — жить! жить — жечь!)
Расставаний на ней, чем встреч.

Так, до розовых уст дорваться —
Мы порой забываем: здравствуй!
Тех же уст покидая край,—
Кто — когда — забывал: прощай...?

Короткая шутка
На лестнице чуткой,
На лестнице гудкой.

От грешного к грешной
На лестнице спешной
Хлеб нежности днешней.

Знаешь проповедь
Тех — мест?
Кто работает,
Тот — ест.

Дорого в лавках!
Тощ — предприимчив.
Спать можно завтра,
Есть нужно нынче.

В жизненной давке —
Княжеский принцип:
Взять можно завтра,
Дать нужно нынче.

Взрывом газовым
Час. Да-с.
Кто отказывал,
Тот — даст.

Даст!
(Нынче зубаст
Газ) ибо за нас
— Даст! — (тигр он и барс)
— Даст! — Чорт, а не Маркс!

Ящик сорный
Скажут, скажите: вздор.
И у черной
Лестницы есть ковер.

(Масти сборной,
Правда...) Чеснок, коты,—
И у черной
Лестницы есть Cothy.

Любят сласти-то
Червяки теснот!
Это — классика:
Чердаку — чеснок.

Может, лечатся...
А по мне — так месть:
Черной лестницы
Черноту заесть.

Стихотворец, бомбист, апаш —
Враг один у нас: бель-этаж.

Короткая сшибка
На лестнице щипкой,
На лестнице сыпкой —

Как скрипка, как сопка,
Как нотная стопка.
Работает — топка!

Короткая встрёпка
На лестнице шлепкой,
На лестнице хлопкой.

Бьем до искр из глаз,
Бьем — в лежь.
Что с нас взыскивать?
Бит — бьешь.

Владельца в охапку —
По лестнице капкой,
По лестнице хлипкой —

Торопится папка,
Торопится кепка,
Торопится скрипка.

— Ох, спал бы и спал бы!
Сжевала, сгноила, смолола!
Торопятся фалды,
Торопятся фалды,
Торопятся полы.

Судор'жь! Сутолочь!
Бег! Приз!
Сами ж путают:
Вверх? вниз?

Что этаж — свой кашель:
В прямой связи.
И у нашей
Лестницы есть низы.

Кто до слез, кто с корнем,
Кто так, кхи-кхи —
И у черной
Лестницы есть верхи.

— Вас бы выстукать!
— Киркой в грудь — ужо!
Гамма приступов
От подвала — до

Крыши — грохают!
Большинством заплат —
Маркса проповедь
На стравинский лад.

Короткая спевка
На лестнице плёвкой:
Низов голосовка.

Не спевка, а сплёвка:
На *лестницу* легких
Ни цельного — ловко!

Торопкая склёвка.
А ярости — в клохах!
Работают — ох как!

Что ни бросите —
Всё — в ход.
Кто не досыта ест —
Жрет.

Стол — как есть домашний:
Отъел — кладут.
И у нашей
Лестницы — карта блюд.

Всех сортов диета!
Кипящий бак —
И у этой
Лестницы — Франценсбад.

Сон Иакова!
В старину везло!

Гамма запахов
От подвала — до

Крыши — стряпают!
Ре-ми-фа-соль-си —
Гамма запахов!
Затыкай носы!

Точно в аду вита,
Раскалена — винта

Железная стружка.
Которая стопка
Ног — с лестницы швыркой?

Последняя сушка,
Последняя топка,
Последняя стирка.

Последняя сцепка
Двух — кости да тряпки —
Ног — с лестницей зыбкой.

Последняя папка,
Последняя кепка,
Последняя скрипка.

Тихо.— Даже — кашель
Иссяк, дотряс.
И у нашей
Лестницы есть свой час

Тишины...

Последняя взбежка
По лестнице дрожкой.
Последняя кошка.

Темнота всё стерла —
И грязь, и нас.
И у черной
Лестницы есть свой час

Чистоты...

Откуда — узнай-ка! —
Последняя шайка
— Рейн, рухнувший с Альп! —
Воды об асфальт

Двора...

Над двором — узорно:
Вон крест, вон грозд...
И у черной
Лестницы — карта звезд.

Ночь — как бы высказать?
Ночь — вещи исповедь.
Ночь просит искренности,
Вещь хочет высказаться —

Вся! Всё унижены —
Сплошь, до недвижимых
Вплоть. Приступ выпренности:
Вещь хочет выпрямиться.

Винт черной лестницы —
Мнишь — стенкой лепится?
Ночь: час молитвенностей:
Винт хочет вытянуться.

Высь — вещь надежная.
В вещь — честь заложена.
Ложь вижу выломанной
Пря—мою линию.

Двор — горстка выбоин,
Двор — год не выгребен! —
Цветами, ягодами —
Двор бредит загородом.

Вещь, бросив вежливость:
— Есмь мел! железо есмь!
Не быть нам выкрестами!
Жид, пейсы выпроставший.

Гвоздь, кафель, стружка ли —
Вещь — лоно чувствует.
С ремесл пародиями —
В спор — мощь прародинная.

Скло, с полок бережных:
— Пе—сок есмь! Вдребезги ж!
Сти—хий пощечина!
Скло — в пыль песочную!

Прочь, ложь и ломанность!
Тю—фяк: — солома есмь!
Мат—рас: — есмь водоросль!
Всё, вся: — природа есмь!

Час пахнет бомбою.
Ве—ревка: льном была!
Огнь, в куче угольной:
— Был бог и буду им!

Что случилось с кранами?
— Пал — бог и встану им!
Чтоб сразу выговорить:
Вещь хочет выздороветь.

Мы, с ремеслами, мы, с заводами,
Что мы сделали с раем отданным
Нам? Нож первый и первый лом,
Что мы сделали с первым днем?

Вещь как женщина нам поверила!
Видно мало нам было дерева
И железа — отвесь, отбей! —
Захотелось досок, гвоздей,

Щеп! удобоваримой мелочи!
Что мы сделали, первый сделавши
Шаг? Планету, где всё о Нем —
На предметов бездарный лом?

Мы — с ремеслами, мы — с искусствами!
Растянув на одре Прокрустовом

Вещь... Замкнулась и ждет конца
Вещь — на адском одре станка.

Слава разносилась реками,
Славу утверждал утес.
В мир — одушевленной некуда! —
Что же человек привнес?

Нужно же, чтоб он, сей видимый
Дух, болящий бог — предмет
Неодушевленный выдумал!
Лживейшую из клевет!

Вы с предметами, вы с понятиями,
Вы с железом (дешевле платины),
Вы с алмазом (знатней кремня),
(С мыловаром, нужней меня!)

Вы с «незыблемость», вы с «недвижимость»,
На ступеньку которой — ниже нет,
В эту плесень и в эту теснь
Водворившие мысль и песнь —

(Потому-то всегда взрываемся!)
Что вы сделали с первым равенством
Вещи — всюду, в любой среде —
Равной ровно самой себе.

Дерево, доверчивое к звуку
Наглых топоров и нудных пил,
С яблоком протягивало руку.
Человек — рубил.

Горы, обнаруживая руды
Скрытые (впоследствии «металл»),
Твердо устанавливали: чудо!
Человек — взрывал.

Просвещенная сим приемом
Вещь на лом отвечает — ломом.
Стол всегда утверждал, что — ствол.
Стол сломался? Нет, сук подвел.

В лакированных ваших клетках
Шумы — думаете — от предков?
Просто, звезды в окне узрев,
Потянулся, в пазах, орех,

Просыпаешься — как от залпа!
Шкаф разохся? Нет, нрав сказался
Вещи. Дворни домашний бал!
Газ взорвался? Нет, бес разыграл!

Ровно в срок подгниют перильца.
Нет — «нечаянно застрелился».
Огнестрельная воля бдит.
Есть — намеренно был убит

Вещью, в негодовании стойкой.
В пустоту не летит с постройки
Камень — навыки таковы:
Камень требует головы!

— Мечь утеса. — С лесов — мечь леса!
Обстановочность этой пьесы!
Чем обставились? Дуб и штоф?
Застрахованность этих лбов!

Всё страхующих — вплоть до ситки
Жестяной. Это ты — тростник-то
Мыслящий? — Биллиардный кий!
Застрахованность от стихий!

От Гефеста — со всем, что в оном —
Дом, а яхту — от Посейдона.
Оцените и мысль и жест:
Застрахованность от божеств!

От Гефеста? А шпиль над крышей —
От Гефеста? Берите выше!
Но и тише! От всех в одном:
От Зевеса страхуют дом.

Еще плачетесь: без подмоги!
Дурни — спрашивается — боги,
Раз над каждым — язык неймет! —
Каждым домом — богоотвод!

Бухты, яхты, гешефты, кофты —
Лишь одной не ввели страховки:
От имущества, только — сей:
Огонь страхующей от вещей.

Вещи бедных. Разве рогожа —
Вещь? И вещь — эта доска?
Вещи бедных — кости да кожа,
Вовсе — мяса, только тоска.

Где их брали? Вид — издалёка,
Изглубока. Глаз не труди!
Вещи бедных — точно из бока,
Взял да вырезал из груди!

Полка? случай. Вешалка? случай.
Случай тоже — этот фантом
Кресла. Вещи? шипья да сучья,—
Весь октябрьский лес целиком!

Нищеты — робкая мебель!
Вся — чего? — четверть и треть.
Вещь — давно, явно на небе!
На тебя — больно глядеть.

От тебя грешного зренья
Как от язв трудно отвлечь.
Венский стул — там где о Вене —
Кто? когда? — страшная вещь!

Лучшей всех — *здесь* обещен
Был бы — дом? мало! — чердак
Ваш. Лишь *здесь* ставшая вещью —
Вещь. Вам — бровь, вставшая в знак

? — сей. На рвань нудную, вдовью —
Что? бровь вверх! (Чем не лорнет —
Бровь!) Горазд спрашивать бровью
Глаз. Подчас глаз есть — предмет.

Так подчас пуст он и сух он —
Женский глаз, дивный, большой,
Что — сравнить — кажется духом
Таз, лохань с синькой — душой.

Наравне с тазом и с ситом
— Да — царю! Да — на суде! —
Каждый, здесь званный пиитом,
Этот глаз *знал* на себе!

Нищеты робкая утварь!
Каждый нож лично знаком.
Ты как тварь, ждущая утра,
Чем-то — здесь, *всем* — за окном —

Тем, пустым, тем — на предместья —
Те — читал хронику краж?
Чистоты вещи и чести
Признак: *не* примут в багаж.

Оттого что слаба в пазах,
Распадается на глазах,
Оттого что на ста возах
Не свезти...

В слезах —

Оттого что не стол, а муж,
Сын. Не шкаф, а *наш*
Шкаф.
Оттого что сердец и душ
Не сдают в багаж.

Вещи бедных — плоше и суше:
Плоше лыка, суше коряг.
Вещи бедных — *по*—просту — души.
Оттого так чисто горят.

—

Ввысь, ввысь
Дым тот легкий!
Чист, чист
Лак от локтя!

Где ж шлак?
Весь — золой
Лак, лак
Локтевой!

Прям, прям
Дым окраин!
Труд — Хам,
Но не Каин.

Обшлаг —
Вдоль стола.
Наш лак
Есть смола.

Стол — гол — ни вещицы.
Стол — локтем вощится,
Воск чист, локоть востр.
Застывший пот — воск.

Им, им — ваших спален
(Вошим, но не салим!)
Им, им так белы
Полы — до поры!

Вещи бедных — странная пара
Слов. Сей брак — взрывом грозит!
Вещь и бедность — явная свара.
И не то спарит язык!

Пономарь — что ему слово?
Вещь и *нищ*. Связь? нет, разлад.
Нагота ищет покрова,
оттого так часто горят

Чердаки — часто и споро —
Час да наш в красном плаще!
Теснота ищет — простора
(Автор сам в рачьей клешне).

Потолок, рухнув — по росту
Стал — уж горб нажил, крался.

Правота ищет помоста:
Всё сказать! Пусть хоть с костра!

А еще — место есть: нары.
Ни луча. Лучная вонь.
Бледнота ищет загару.
О всем том — помнит огонь.

Связь, звучанье парное:
Черная — пожарная.

У огня на жалованьи
Жизнь живет пожарами.

В вечной юбке сборчатой —
Не скреби, уборщица!

Пережиток сельскости —
Не мети, метельщица!

Красотой не пичканы,
Чем играют? Спичками.

Мать, к соседке вышедши,
Позабыла спичечный

Коробок...

— как вылизан
Пол, светлее зеркала!
Есть взамен пожизненной
Смерти — жизнь посмертная!

Грязь явственно сожжена!
Дом — красная бузина!

Честь — царственно спасена!
Дом — красная купина!

Ваши рабства и ваши главенства —
Погляди, погляди как валятся!

Целый рай ведь — за миг удушья!
Погляди, погляди как рушатся!

Печь прочного образца!
Протопится крепостца!

Всё тучки поразнесло!
Просушится бельецо!

Пепелище в ночй? Нет — займище!
Нас спасать? Да от вас спасаемся ж!

Не топчите золотого пастбища!
Нас? Да разве спасают — спасшихся?

Задивившись на утро красное,
Это ясень суки выпрастывает!

Спелой рожью — последний ломтичек!
Бельевая веревка — льном цветет!..

А по лестнице — с жарко-спящими —
Восходящие — нисходящие —

Радуги...

— Утро

Спутало перья.
Птичье? мое? неведомо.
Первое утро — первую дверью
Хлопает...

Спит поэма.

Июль 1926
St. Gilles-sur-Vie

604. НОВОГОДНЕЕ

С Новым годом — светом — краем — кровом!
Первое письмо тебе на новом
— Недоразумение, что — злачном —
(Злачном — жвачном) месте зычном, месте звучном
Как Эолова пустая башня.
Первое письмо тебе с вчерашней,
На которой без тебя изноюсь —
Родины, теперь уже — с одной из
Звезд... Закон отхода и отбоя,
По которому любимая — люблю
И небывшею — из небывалой...
Рассказать, как про твою узнала?
Не землетрясение, не лавина.
Человек вошел — любой — (любимый —
Ты.) — Прискорбнейшее из событий.
В Новостях и в Днях. Статью дадите?
— Где? — В горах. (Окно в еловых ветках.
Простыня.) Не видите газет ведь?
Так статью? — Нет. — Но. — Прошу избавить.
Вслух: трудна. Внутрь: не христопродавец.
— В санатории. (В раю наемном.)
— День? — Вчера, позавчера, не помню.
В Альказаре будете? — Не буду.
Вслух: семья. Внутрь: всё, но не Иуда.

С наступающим! (Рождался завтра.)
Рассказать, что сделала узнав про...?
Тсс... Оговорила. По привычке.
Жизнь и смерть давно беру в кавычки,
Как заведомо-пустые сплёты.

Ничего не сделала, но что-то
Сделалось — без тени и без эха
Делающее!

Теперь — как ехал?
Как рвалось и нё разорвалось как —
Сердце? Как на рысках орловских,
От орлов — *сказал* — не отстающих,
Дух захватывало — или пуше?
Слаще? Ни высот тому, ни спусков
На орлах летал заправских русских —
Кто. Связь — кровная у нас с тем светом:
На Руси бывал — *тот свет на этом*
Зрел. Налаженная перебежка!
Жизнь и смерть произношу с усмешкой
Скрытую — своей ее коснешься!
Жизнь и смерть произношу со сноской,
Звездочкою (ночь, которой чаю:
Вместо мозгового полушарья —
Звездное!)

Не позабыть бы, друг мой,
Следующего: что если буквы
Русские пошли взамен немецких —
То не потому, что нынче, дескать,
Всё сойдет, что мертвый (нищий) всё съест —
Не сморгнет! — а потому, что *тот свет*,
Наш — тринадцати, в Новодевичьем
Поняла: не без- а всё-язычен.

Вот и спрашиваю не без грусти:
Уж не спрашиваешь, как по-русски —
Nest? * Единственная, и все гнезда
Покрывающая рифма: звезды.

Отвлекаюсь? Но такой и вещи
Не найдется — от тебя отвлекусь.
Каждый помысел, любой, Du Lieber,**
Слог в *тебя* ведет — о чем бы ни был
Толк (пусть русского родней немецкий
Мне,— всех ангельский родней!) — как места
Несть, где нет тебя, нет есть: могила.

* Гнездо (нем.).— *Ред.*

** Любимый (нем.).— *Ред.*

— Всё как не было и всё как было.
— Неужели обо мне ничуть не? —
Окруженье, Райнер, самочувствье?
Настоятельно, всенепременно —
Первое видение вселенной
(Подразумевается, поэта
В оной) и последнее — планеты,
Раз только тебе и данной — в целом.
Не поэта с прахом, духа с телом
(Обосòбить — оскорбить обоих)
А тебя — с тобой, тебя — с тобою ж,
— Быть Зевесовым не значит — лучшим —
Кастора — тебя с тобой —

Поллуксом,
Мрамора — тебя с тобою травкой —
Не разлуку и не встречу — ставку
Очную: и встречу и разлуку
Первую.

На собственную руку
Как глядел? (на след, на ней, чернильный)
Со своей стòлько-то (сколько?) мильной
Бесконечной ибо безначальной
Высоты над уровнем хрустальным
Средиземного — и прочих — блюдец.
Всё как нè было и всё как будет
И со мною за концом предместья.
Всё как нè было и всё как есть уж
— Чтò списавшемуся до недельки
Лишней! и куда ж еще глядеть-то,
Приоблокотясь на обод ложи,
С этого — как не на тот, с того же —
Как не на многострадальный этот...
В Беллевию живу. Из гнезд и веток
Городок. Переглянувшись с гидом:
Беллевию: острог с прекрасным видом
На Париж — чертог химеры галльской —
На Париж — и на немножко дальше.
Приоблокотясь на алый обод,
Как тебе смешны (кому) «должно быть»,
(Мне ж) *должны* быть, с высоты без меры
Наши Беллевию и Бельведеры!
Перебрасываюсь. Частность. Срочность.
Новый год в дверях. За чтò, с кем чокнусь
Через стол? Чем? Вместо пены — ваты

Клок. Зачем? Ну, бьет, а при чем — я тут?
Что мне делать в новогоднем шуме
С этой внутренней рифмой: Райнер — умер.
Если *ты*, такое око — смерклось,
Значит, жизнь не жизнь есть, смерть не смерть есть,
Значит — тмится! Допойму при встрече —
Нет ни жизни, нет ни смерти, — третье,
Новое. И за него (соломой
Застелив седьмой — двадцать шестому
Отходящему — какое счастье
Тобой кончиться, тобой начаться!)
Через стол, необозримый оком,
Буду чокаться с тобою тихим чоком —
Сткла о стекло? Нет — не кабацким ихним:
Я о *ты*, слиясь дающих рифму:
Третье.

Через стол гляжу на крест твой:
Сколько мест — загородных, и места
Загородом! и кому же машет,
Как не нам — куст? Мест — именно наших
И ничьих других! Весь лист! Вся хвоя!
Мест твоих со мной, твоих — с тобою.
А недель! А дождевых предместий
Без людей! А утр! А всего вместе —
И не начатого соловьями!

Верно плохо вижу, ибо в яме,
Верно лучше видишь, ибо свыше:
Ничего у нас с тобой не вышло,
До того, так чисто и так просто —
Ничего, так по плечу и росту
Нам — что и перечислять не надо.
Ничего, кроме — не жди: из ряду
Выходящего: неправ из такта
Выходящий! — а — в какой бы, как бы
Ряд — вошедшего б?

Припев извечный:
Ничего — хоть чем-нибудь на нечто,
Что-нибудь — хоть издали бы — тень хоть
Тени! Ничего, что: час тот, день тот,
Дом тот — даже смертнику в колодках
Памятью дарованное: рот тот!
Или слишком разбирались в средствах?

Из всего *того* один лишь *свет* тот
Наш был, как мы сами — только отсвет
Нас — взамен всего сего — весь *тот* свет.

С незастрѣннойшей из окраин —
С новым местом, Райнер, светом, Райнер!
С доказуемости мысом крайним —
С новым оком, Райнер, слухом, Райнер!

Всё тебе помехой
Было — страсть и друг.
С новым звуком, Эхо!
С новым эхом, Звук!

Сколько раз, на школьном табурете:
Что за горы там? Какие реки?
Хороши ландшафты без туристов?
Не ошиблась, Райнер, рай — гористый,
Грозовой? Не — притязаний вдовых —
Не один ведь рай, над ним — другой ведь
Рай? Террасами? Сужу по Татрам —
Рай не может не амфитеатром
Быть. (А занавес над кем-то спущен...)
Не ошиблась, Райнер, Бог — растущий
Баобаб? Не Золотой Людовик —
Не один ведь Бог? Над ним — другой ведь
Бог?

— Как пишется на новом месте?

Впрочем, *есть* ты — *есть* стих: сам и *есть* ты —
Стих! Как пишется в хорошей жысти —
Без стола для локтя, лба для кисти
(Горсти)?

— Весточку, привычным шифром!

Райнер, радуешься новым рифмам?
Ибо правильно толкуя слово
Рифма — что — как нѣ — целый ряд новых
Рифм — смерть?

Нѣкуда: язык изучен.

Целый ряд значений и созвучий
Новых.

— До свиданья! До знакомства!

Свидимся — не знаю, но — споемся!
С мне-самой неведомой землею —
С целым морем, Райнер, с целой мною!

Не разъехаться — черкни заранее.
С новым звуконачертаньем, Райнер!
В небе — лестница, по ней с Дарами...
С новым рукоположеньем, Райнер!

— Чтоб не зѣлили держу ладонью —
Поверх Роны и поверх Rarogn'a,
Поверх явной и сплошной разлуки —
Райнеру — Мариа — Рильке — в руки.

7 февраля 1927
Bellevue

605. ПОЭМА ВОЗДУХА

Ну, вот и двестишье
Начальное. Первый гвоздь.
Дверь явно затихла,
Как дверь, за которой гость.
Стоявший — так хвоя
У входа, спросите вдов —
Был полон покоя,
Как гость, за которым зов
Хозяина, бденье
Хозяйское. Скажем — так:
Был полон терпенья,
Как гость, за которым знак
Хозяйки — всей тьмы знак! —
Та молния поверх слуг!
Живой или призрак —
Как гость, за которым стук
Сплошной, не по средствам
Ничьим — оттого и мрем —
Хозяйкина сердца:
Березы под топором.
(Расколотый ящик
Пандорин, ларец забот!)
Без счету — *входящих*,
Но кто же без стука — ждет?
Уверенность в слухе
И в сроке. Припав к стене,—
Уверенность в ухе
Ответном. (Твоя — во мне.)

Заведомость входа.
Та сладкая (игры в страх!)
Особого рода
Оттяжка — с ключом в руках.
Презрение к чувствам,
Над миром мужей и жен —
Та Оптиная пустынь,
Отдавшая — даже звон.
Душа без прослойки
Чувств. Голая, как феллах.
Дверь делала стойку.
Не то же ли об ушах?
Как фавновы рожки
Вставали, как: ро—та... пли!
Еще бы немножко —
Да просто сошла б с петли
От силы присутствия
Заспинного. В час смертей
Так жилы трясутся,
Натянутые сверх всей
Возможности.

Стука

Не следовало. Пол — плыл.
Дверь кинулась в руку.
Мрак — чуточку отступил.

Полная естественность.
Свойственность. Застой.
Лестница — как лестница,
Час — как час (ночной).
Вдоль стены — распластанность
Чья-то. Одышав
Садом, кто-то явственно
Уступал мне шаг —
В полную божественность
Ночи, в полный рост
Неба. (Точно лиственниц
Шум, пёны о мост...)
В полную неведомость
Часа и страны.
В полную невидимость —
Даже на тени.

(Не черным-черна уже
Ночь, черна-черным!
Оболочки радужной
Киноварь, кармин...
Расцедив сетчаткою
Мир на сей и твой —
Больше не запачкаю
Ока — красотой!)
Сон? Но в лучшем случае —
Слог. А в нем? Под ним?
Чудится? Дай вслушаюсь:
Мы, а шаг — один.
И не парный, слаженный,
Тот, сиротство двух.
Одиночный — каждого
Шаг — пока не дух:
Мой. (Не то, что дыры в них —
Стыд, а вот — платать!)
Что-то нужно выравнять:
Либо ты на пядь
Снизься, на мыслителей
Всех — державу всю!
Либо — и услышана:
Больше не звучу.

Полная срифмованность.
Ритм, впервые мой!
Как Колумб здороваюсь
С новою землей —
Воздухом. Ходячие
Истины забудь!
С сильною отдачею
Грунт, как будто грудь
Женщины под стоптанным
Воё-сапогом.
(Матери — под стопками
Детскими...)

В тугом —
Шаг. Противу мнения:
Не удобохож —
Путь. Сопротивлением
Сферы — как сквозь рожь
Русскую, сквозь отроду —

Рис,— тобой, Китай!
Словно моря противу
(Противу — читай:
По сердцу!) — сплечением
Толп — Гераклом бьюсь!
— Землеизлучение.
Первый воздух — густ.
Сню тебя иль снюсь тебе —
Сушь, вопрос седин
Лекторских. Дай, вчувствуюсь:
Мы, а вздох — один.
И не парный, спаренный,
Тот, удушье двух.
Одиночной камеры
Вздох: — еще не взбух
Днепр? Еврея с цитрою
Взрыд: — ужель оглох?
Что-то нужно выправить:
Либо ты на вздох
Сдайся, на всѣсущие
Всѣ — страшась прошу —
Либо — и отпущена:
Больше не дышу.

Времячко осадное,
То, сыпняк в Москве!
Кончено. Отстрадано
В каменном мешке
Легкого! Исследуйте
Слизь! Сняты врата
Воздуха. Оседлости
Прорвана черта.

Мать! Не даром чаяла!
Цел воздухобор!
Но — сплошное аэро —
Сам — зачем прибор?
Твердь, стелись под лодкою
Легкою — утла!
Но — сплошное легкое —
Сам — зачем петля
Мертвая? Полощется,

Плещется... И вот —
Не жалеете летчика!
Тут-то и полет!
Не рядите в саваны
Косточки его:
Курс воздухоплавания —
Смерть, и ничего
Нового в ней. (Розыск
Дичь... Щепы?... Винты?...) —
Ахиллесы воздуха!
— Все! — хотя б и ты,
Не дышите славою,
Воздухом низов.
Курс воздухоплавания —
Смерть, где всё с азов,
Заново...

Слава тебе, допустившему бреши:
Больше не вешу.
Слава тебе, обвалившему крышу:
Больше не слышу.
Солнцепричастная, больше не шуюсь.
Дух — не дышу уж!
Твердое тело есть мертвое тело:
Оттяготела.

Легче, легче лодок
На слюде прибрежий.
О, как воздух легок:
Реже — реже — реже...
Баловливых рыбок
Скользь — форель за кончик...
О, как воздух ливок,
Ливок! Ливче гончей
Сквозь овсы, а скользок!
Волюски — а веек! —
Тех, что только ползать
Стали — ливче леек!
Что я — скользче лыка
Свежего, и лука.

Пагодо-музыкой
Бусин и бамбука,—
Пагодо-завесой...
Плещь! Всё шли б и шли бы...
Для чего Гермесу —
Крыльца? Пловнички бы —
Пловче! Да ведь ливмя
Льет! Ирида! Ирис!
Не твоим ли ливнем
Шемахинским или ж
Кашемирским...

Танец —
Ввысь! Таков от клиник
Путь: сперва не тянет
Персть, потом не примет
Ног. Без дна, а твёрже
Льдов! Закон отсутствий
Всех: сперва не держит
Твердь, потом не пустит
В высь.

Наяда? Пэри?
Баба с огорода!
Старая потеря
Тела через воду
(Водо-сомушения
Плеск. Песчаный спуск.)
— Землеотпущение.
Третий воздух — пуст.

Седью, как сквозь невод
Дедов, как сквозь косу
Бабкину — а редок!
Редок, реже проса
В засуху. (Облезут —
Все, верхи бесхлебны.)
О, как воздух резок,
Резок, реже гребня
Песьего, для песьих
Курч. Счастливых засек —
Редью. Как сквозь прсып
Первый (нам-то — засып!)
Бредопереездов
Редь, связать-неможность.

О, как воздух резок,
Резок, резче ножниц,
Нет — резца... Как жальцем —
В боль — уже на убыль.
Редью, как сквозь пальцы...
Сердца, как сквозь зубы —
Довода — на Credo
Уст полураскрытых.
О, как воздух цедок,
Цедок, цедче сита
Творческого (влажен —
Ил, бессмертье — сухо).
Цедок, цедче глаза
Гетевского, слуха
Рильковского... (*Шепчет*
Бог, своей — страшася
Мощи...)

А не цедче
Разве только часа
Судного...

В ломѹту
Жатв — зачем рожаем?
...Всем неумолотом,
Всем неурожаем
Вѣрха... По расщелинам
Сим — ни вол, ни плуг.
— Землеотлучение.
Пятый воздух — звук.

Голубиных грудок
Гром — отсюда родом!
О, как воздух гудок,
Гудок, гудче года
Нового! Порубок —
Гуд, дубов под корень.
О, как воздух гудок,
Гудок, гудче горя
Нового, спасибо
Царского. Под градом —
Жести, гудче глыбы
В деле, гудче клада
В песне, в большеротой
Памяти народной.

Соловьиных глоток
Гром — отсюда родом!
Рыдью, медью, гудью,
Вьюго-Богослова —
Гудью — точно грудью
Певчей — небосвода
Нёбом, или лоном
Лиро-черепахи?
Гудок, гудче Дона
В битву, гудче плахи
В жатву... По загибам,
Погрознее горных,
Звука — как по глыбам
Фив нерукотворных!
Семь — пласты и зыби!
Семь — heilige Sieben!
Семь — в основе лиры,
Семь — в основе мира.
Раз основа лиры —
Семь, основа мира —
Лирика. Так глыбы
Фив — по звуку лиры.
О, еще в котельной
Тела — «легче пуха!»
Старая потеря
Тела через ухо.
Ухом — чистым духом
Быть. Оставьте буквы —
Веку.

Чистым слухом
Или чистым духом
Движемся? Преднота
Сна. Предзноб блаженства.
Гудок, гудче грота
В бури равноденствия.
Темени — в падучке,
Голода — утробой
Гудче... А не гудче —
Разве только гроба
В Пасху.

И гудче гудкого —
Паузами, промежутками
Мочи, и движке движкого —
Паузами, передышками

Паровика за мучкою...
Чередованьем лучшего
Из мановений божеских:
Воздуха с — лучше-воздуха!
И — не скажу, чтоб сладкими —
Паузами: пересадками
С местного в межпространственный —
Паузами, полустанками
Сердца, когда от легкого —
Ох! — полуостановками
Вздоха,— мытарства рыбного
Паузами, перерывами
Тока, паров на убыли
Паузами, перерубами
Пульса — невнятно сказано:
Паузами — ложь, раз — спазмами
Вздоха... Дыра бездонная
Легкого, пораженного
Вечностью...

— Не все ее —
Так. Иные — смерть.
— Землеотсечение.
Кончен воздух. Твердь.

Музыка надсадная!
Вздох — всегда вотще!
Кончено! Отстрадано
В газовом мешке
Воздуха. Без компаса
Ввысь! Дитя — в отца!
Час, когда потомственность
Ска—зы—ва—ет—ся.
Твердь! Голов бестормозных —
Трахт! И как отсець:
Полная оторванность
Темени от плеч —
Сброшенных! Беспочвенных —
Грунт! Гермес — свои!
Полное и точное
Чувство головы
С крыльями. Двух способов
Нет — один и прям.

Так, пространством всосанный
Шпиль роняет храм —
Дням. Не в день, а исподволь
Бог сквозь дичь и глушь
Чувств. Из лука выстрелом —
Ввысь! Не в царство душ —
В полное владычество
Лба. Предел? — Осиль:
В час, когда готический
Храм нагонит шпиль
Собственный — и вычислив
Всё — когорты числ! —
В час, когда готический
Шпиль нагонит смысл
Собственный...

*15 мая — 24 июня 1927
Мёдон, — в дни Линдберга*

606. КРАСНЫЙ БЫЧОК

Будет играть — свет свечной:
С косточки — да — в ямочку.
— Мама! Какой сон смешной!
Сон-то какой! Мамочка!

С правой свечи — воск потек...
Ямочки ре—беночка!
— Будто за мной — красный бычок
По зеленой траве гонится!

Не проливайся,
Слеза соленая!
Бычок-то красный!
Трава зеле—еная!

Ржавый замок, наглый зевок
Надписи: «нет выдачи».
— Вот тебе бык, вот тебе рог!
Родичи, вслед идучи.

Жидкая липь, липкая жидь
Кладбища (мать:) — «садика».
— Вот тебе бык... Жить бы и жить...
Родичи, вслед глядячи.

Нынче один, завтра другой.
Ком. Тишина громкая.
Глиняный ком, ком горловой.
В правой — платок скомканный.

Небо? — да как — не было! Лишь
Смежных могил прутьица.
То ль от стыда в землю глядишь?
Или же стыд — тупишься?

Поле зрачка — полем тоски
Ставшее.

Вес якоря:
Точно на *них* — те пятаки,
Коими *тот* заклиали

Взгляд.— Не поднять! — Чувство —
понять!

Точно за дверь вытолкан.
Не позабыть старую мать
В глинище — по щиколку.

До проводив, то есть — сдав — с рук
(На руки ли?) — Следующий!
— Вот тебе бык, вот тебе луг...
Родичи, вспять едучи.

Установив (попросту *сбив!*)
Что человек — глина есть...
— Ясное дело! При чем — бык?
Просто на мозг кинулось.

Длинный, длинный, длинный, длинный
Путь — три года на ногах!
Глина, глина, глина, глина
На походных сапогах.

«Дома», «дома», «дома», «дома»,
Вот Москву когда возьмем...
Дона, Дона, Дона, Дона
Кисель, смачный чернозем.

Полоса ты глиняна,
Пастила рябинова!
Широта-ты-родина!
Чернота смородинна!

Зычен, зычен, зычен, зычен
В ушах — топот, в ушах — мык.
Бычья, бычья, бычья, бычья
Это кличка — большевик.

«Не везет!» — «Подвези!»
Воевать не в лаковых!
День и ночь по грязи
Сапожищи чвакают.

Чернозем — черным —
Шептала со смоквою!
Что да вслед сапогам
За копыта чмокают?

Мне и грязь на худых сапогах!
Дорога! дорога! дорога!
— А я бык, а я рог, а я страх!
На рога! на рога! на рога!

Я — большак,
Большевик,
Поля кровью крашу.
Красен мак,
Красен бык,
Красно время наше.

Бирюза —
Берега!
Воздушки весенни!
Не со зла —
На рога —
А с души веселья!

Сердце — чок.
— На—бо—чок.
— Мамочка??
— Бог милостив!

Красный бычок...
Большевичок...
Марковцы, кор—ниловцы...

Длинный, длинный, длинный, длинный
Путь.— Повязку на рукав!
Глина, глина, глина, глина
На французских каблуках
Матери.

Апрель 1928
Мёдон

607. ПЕРЕКОП

Моему дорогому и вечному добровольцу

..А добрая воля
Везде — одна!

Dunkle Zypressen!
Die Welt ist gar zu lustig.
Es wird doch alles vergessen.*

— Через десять лет забудут!
— Через двести — вспомнят!
(Живой разговор летом 1928 г. Второй — я.)

ВАЛ

— Каб не чех!
— Каб не тиф!
Кто-то: — эх!
Кто-то: — жив

бы Колчак...
Солнцепёк.
Солончак.
Перекоп —

* Темные кипарисы!
Мир слишком весел.
И всё будет забыто (нем.). — *Ред.*

Наш. Семивёрстная мозоль
На вражеских глазах.
Земля была суха, как соль,
Была суха, как прах.

Не то копыт, не то лопат
Стук: о костяк — костыль.
Земля была суха — как склад,
Почуявший фитиль!

— Ой, долго ли? Ой, скоро ли?
Нудà, нудà, нудà.
Всё вялено, всё солоно:
Земля, вода, еда.

Позевывай... постреливай...
К концу — к концу — к концу...
Что пили вы? что ели вы?
Камсу! камсу! камсу!

Бросит сын мой — дряхлой Европе
(Богатырь — здесь не у дел):
— Как мой папа — на Перекопе
Шесть недель — ежиков ел!

Скажет мать: — Евшему — слава!
И не ел, милый, а жрал.
Тем ежам — совесть приправой.
И поймет — даром, что мал!

Осточертевшая лазорь
(С нее-то и ослеп
Гомер!)
...была суха, как соль,
Была суха, как хлеб —

Тот, не размоченный слезой
Паек: дары Кремля.
Земля была — перед грозой
Как *быть* должна земля.

— Шутка ли! В норах!
После станиц-то!
Что мы — кроты, что ль?
Суслики, что ль?

Есть еще порох
В пороховницах,
И в солонницах
Совести — соль!

Безостановочный — не тек
Пот: просыхал, как спирт.
Земля была суха, как стог,
Была суха, как скирд.

Ни листик не прошелестит.
Флажок повис, как плеть.
Земля была суха, как скит,
Которому гореть.

Заступ. Сапог.
Насыпь? Костяк.
Коп—пере—коп.
Так—пере—так.

Пышущий лоб.
Высохший бак.
Коп—пере—коп.
Так—пере—так.

Вознагради тебя Трисвят,
Вал стародавен ханск!
Лепили — в Маркова ребят,
А получал — Армянск.

Хотели в глаз, садили в бровь,
Садил вкось и вкривь.
(Там перекапывалась *новь*,
Окапывалась — *бывь*.)

— В тартарары тебя, тельца ласкова:
«Всем, всем, всем!»
На солнцепёке — учба солдатская:
— При—цел: семь!

В тартарары с тобой (эх, не ты б-не ты!)
Шло — шла — шли.
— По наступающему противнику,
Ро—та! — пли!

На вал взойди, лбом к северу:
Руси всея — лицо.
В тылу — родство последнее:
Щемиловка-сельцо.

В плечах — пруды Сивашевы,
Сольца, гнильца сплошна.
С него и кличка нашему
Сиденницу пошла:

Щемиловско. Ни нам, ни им!
В иные времена
Дает же Бог местам иным
Такие имена!

Курск — действуем, Керчь — пьянствуем,
Да, но *сидим* в селе
Щемиловке.
...Дно — станция,
А то — Гуляй-Полё!

Панам — соли, полям — сули.
Звон! золота кули!
Гуляй — пали, гуляй — пыли:
Коли — гуляй — пали!

Галлиполи: чан — дò полну —
Скорбей. *Бела — была.*
Галлиполи: голò-поле:
Душа — голым-гола.

В той Щемиловке — тошна б,
Каб не флаг над ней штабной —
Полка марковского — штаб.
Черный с белою каймой

Флаг над штабом.
Рок над флагом.

Кресток бел, серпок ал.
Перекоп — перевал —
Руси — наковальня!
На валу — дневальный,
Под дневальным — гнезды,

Над дневальным — звезды.
Звезды непросчетные.
Гнезды пулеметные.

ДНЕВАЛЬНЫЙ

Стан прям — одни ребра —
Бог — раз, а два — Марков.
Иван? Сергей? Федор?
Москва? Тюмень? Харьков?

Никто. Безымянный.
(За бйтовку с Троцким
Кресток деревянный
Взял).
Марковец — просто.

Казак? студент с Бронной?
Особая каста.
Не граф, не барон, не
Князь. Марковец — баста.

Отколь? ото Всюду —
Руси. Тюмень — Пенза —
Земляк? — стрелять буду!
Земляк? — плати тем же!

Жена мужа кличу
Из Вятки в Тавриду —
Дневальному — слышно,
Дневальному — видно.

Ни тропы ни ямы
Такой заповедной —
Дневальному — знамо,
Дневальному — вемо.

Один между Русью
Святой и Тавридой.
Жена мужу снюся —
Дневальному — видно.

Всё взад-вперед. Тышу б
Покрыл — каб по шпалам.
Что львище по рвишу —
Дневальный по валу.

Счет выходит. Станцья.
И вспять, шажком бравым.
И Крым, земля ханска,
То влево, то вправо.

— «Повыжжем, повыбьем
Волчищу из хлева!»
И Русь, страна Дивья,
То вправо, то влево.

Так — вправо, сяк — влево.
Путь долог, час добрый!
Поэт, гляди в небо!
Солдат, гляди в оба!

За—ветной боевой
— Блин с черною каймой —
Фуражки не порочь:
Режь, ешь глазами ночь!

Простиранной в поту,
Прострелянной в боку —
Рубашки не засаль:
Режь, ешь глазами даль!

Солдату не барыш —
Башка! были бы лишь
Погоны на плечах!
Ешь, режь глазами шлях!

— Одна, а завтра две —
На левом рукаве
Нашивки не бесчесть!
Русь: *есть* глазами *есть*

что...

— Эх, коль буду жив,
Ма—линовый налив!
Огурчики свежий!
— Не ешь глазами — жри

Ночь! — Ночь-моя-ночлег!
Рос—сийский человек,
Один да на бугру —
Не ем глазами — жру
Русь.

СИРЕНЬ

Чертополохом (бело-сер,
У нас, в России — синь)
За провиантом — офицер.
(Степь, не забыть — полынь).

На художником (сенцом!)
И жилистом, как сам,
Неунывающим (донском
Еще!) как все мы там.

Под комиссаром шел бы — гнел.
Для марковца — *бел* свет:
У нас теней *не* черных — нет,
Коней *не* белых — нет.

Чертополохом — веселей,
Конь! Далекò до куш!
Конечно белого белей
Конь, марковца везущ!

Солончаком, где каждый стук
Копыта: Геродот —
В одноимённый валу...

— внук

У вала: городок.

Вал — наш, а городок — ничей,
И посему — вещей
Закон — чумы, сумы нищей,
Щемиловки — нищей.

Так в этот самый — меловой
И вымерший, как чум —
За провиантом — верховой.
Строг, не скажу — угрюм.

С лицом Андреевым — Остап,
С душой бойца — Андрей.
Каб сказ — Егорьем назвала б,
Быль — назову Сергей.

Так и останутся — сторон
Спор — порастет травой! —
Звездоочитый чертогон,
Такой же верховой...

Так и останутся — раздор
В чертополохе — цел! —
Звездоочитый чертобор,
Такой же офицер...

Вокруг ковыль шумел и сох,
Сиваш молчал и гнил.
Что всех не переполошил
Чертей, чертополох?

Проще бы хлеба просить у степи
Лысой — не совеститься б хоша!
Проще бы масла просить у мыса
В море, и сала у Сиваша!

Эх, любо-дорого — к нам как в гости
Все-то, да в хату-то в нежилу!
Коли за тво́рогом — на погосте
Больше, за яйцами — на валу

И почаще, и получше!
Закидал народ дворян!
— За барашком? Брось, поручик!
Каждый сам себе баран!

Коли хлеб простой — пирожным
Стал! Да с места не сойти,
Коль хоть столько... Сольцы — можно.
Не изволите ль сольцы!

— Ну что, поручик? Новости?
Чиновники, чиновницы...

— До ниточки — ни денежки...
Припев: на вас надеемся!

Нам краше Пасхи, Рождества...
На вас, на вас надежда вся —

Ад — двух огней промежду!
Вы — вся наша надежда!

И стонет быт, и вторит поп:
— «Отстаивайте Перекоп!»

Всех не с винтовкой, не в строю,
Всех: «моя хата с краю ведь:
Коли снаряд — так уж в мою!»
Вопль: отстояв — отстраивать.

Для обывателя — ларец,
А для хозяйки — вазочки.
— Уйдете — пагуба-зарез!
— Как у Христа за пазухой!

Не видят, черствая душа,
Как эта пазуха тоща,
Все ребрышки наперечет —
Что у конька морского!

А всё ж всю Русь-святу несет
За пазухой...
— Христовой.

—

Понастучавшись, не при чем,
(У нас в России — всем!)
С пустым мешком и животом,
Вдоль прободенных стен...

Кусочка хлеба не дадут —
А завтра жизнь отдашь
За них! Терпи, терпи, верблюд!
Молчи, молчи, Сиваш!

Звени, звени, чертополох!
...Добро бы — на бобах,
И не несолоно, а ох
Как солоно...
— бабах! —

Взрыв! Врассыпную, как горох!
Как с граху — воробки!
По городам переполох,
Ребята — в городки

Играют. (Почвеннее нас
Растите, крепче нас!)
Последний двор. (В последний раз,
Конь!) — «Есть кто?» — «Се—ей—час!»

— За продовольствием.— Поесть?
— Нет, с валу, значит...— Что-с?
— ...за продовольствием: чтò есть —
Коль есть чтò...— Разве — слез

Вам, господин поручик? Шью,
Бьюсь, корочке раба...
— Не подаяния прошу:
Плачѹ.
— Рады бы — да —

Когда самим-то негде взять!
Две: день сказать и ночь?
С глазами плакальщицы — мать,
И песенницы — дочь.

Глядит: не с неба ли с конем
К нам перекочевал?
Сей — за свининой? за пшеном —
Сей? Ну и кашевар!

Такому б по душу грешнѹ
Встать — в жизни смертный час!
— Тогда прощения прошу.
— И мы (вдова) — и нас —

Дитя... Откуда-то — востер
Клинок! — крик лебедин.

Последний двор, за ним простор.
— Пойдите, господин

Поручик! (Вольная у чувств
Речь, раз сирень цветет!)
И целый сук, и целый куст,
Сад целый, целый сот

Сирени — конному в загар,
В холст бело-лебедин.
Последний двор (посильный дар)...
— Прощайте, господин

Поручик!
Не до женских глаз.
Лазорь — полынь — кремь...
И даже не обороты
Коню кормил сирень.

БРУСИЛОВ

Не то чайки, не то соколы —
Стали гости к нам залетывать.
— Отколь, стайка? куда, аистова? —
...Прямо на голову сваливаться.
Кидай заступ! хватай птах!

— «Перешел границу лях!»

Криком через всю страницу:
— «Враг переступил границу!
Всем, кто сердцем не застыл,
Зов: не ударяйте в тыл —
Родине! одних — питомцы —
Нив! свои люди — сочтемся!
Что за пря через плетень?
Лях: единая мишень
Для единого прицела.
Добровольцы! Офицеры
Русские! Смиривши контр-
Страсти — все на польский фронт!»

Море трав,
По ним — вихрь:

— Прав-то — прав:
Лях-то — лих!

Бури взмах
По лесам:
— Враг не лях:
Комиссар!

Спасибо, Брусилов, за лесть и честь!
Но Бог упаси нас! доколе есть
Кровь в жилах — и слезы у матерей! —
Умрем — не забудем у тех дверей
Час за часом, за часом час
Ожиданья.— Идет? — Отказ.

Вся молодость края тебя в вожди!
Как мы тебя ждали — так ты пожди!
Казенного зданья и дождь, и дрожь...

Как мы тебя ждали — так ты пождешь:
Не дождешься — как лбами вниз —
Мы Вожата не дождались.

Не принял командованья над той
Дружиною! «Банды» — ведь так братвой
Советскою прозваны за труды?
Зачем же бандитов в свои ряды
Призываешь? За что, бр'т, бьюсь?
Ведь и звука-то нету — Русь!

Цыть! Буде толковать!
Не быть и не бывать,
Чтоб русский офицер —
Да за Рэсэфэсэр!

Русь — где *мы*:
Нынче — Крым.
Русь есть *мы*:
Мы — чтоб — к ним?!

Чей-то, муку
Усмешкой скрав,
Рот, без звука:
— А нұ-ка —
Прав?

ПЕРЕБЕЖЧИКИ

Ваша власть, ребята,— барская.
Наша — братская, солдатская.
— Офицерская, помещичья —
Наша — легкая, невесть-то чья!
Прощай, лямка! прощай, честь!
Самая что ни-на-есть
Разработчая, крестьянская!
Станком княжим, серпом чванствуем...

Моя-Васькина-твоя —
Власть товарищеская!

Ваша власть, ребята,— зычная:
Оплеухи, зуботычины.
Тебя в рыло, а ты: слушаюсь!
Караулы-с, оплеушины-с.
А сверх всех тебе глава —
Жена прапорщикова.

Ваша власть, ребята,— тяжкая.
Наша — с шутками, с поблажками.
— Да жива ли уж? да жив-то ли? —
С перемежками, с побывками.
По младости своей —
К людям — жалостливая.

Врешь — «передовые линии»!
Медведями село кинули,
И ворòтитесь медведями.

...С представленьями, с комедьями...
Кидай блин-то! хватай шлык!
Вечòр — прапору деньщик.
С утра, хамское отродие,
Сам — Высокоблагородие!

Ваша власть, ребята,— бывшая.
Наша — вставшая, добывшая!
— Крепостная, потогонная.
— Распашная, беспогонная.

Смекай, все твои пути!
Только поле перейти!

Наша власть, ребята,— вольная!
Копай землю, али воином
Иди — сам себе Величество!
Большевицка, большевическа.
Винтовочку-смертобой
Кидай на-земь, кричи: — свой!

Наша власть, ребята,— вò-кака!
Текай взводом! текай ротою
На ржаное на довольствице!

(Волк в шинели добровольческой).

— Бўде, ваты
В роток набрав,
Брат на брата!

— Ребята!
Пра—а—ав!

Крас—на власть то—варищеская!
Ка—ша, страсть, заваривается!
Ва—режка-то — с варежкой-то:
Землячки сговариваются!

— Сласть-то — их,
А пот — наш.
Крестовик,
Понимашь?

Пот-то — наш,
И власть — нам.
Понимашь?
— Понимаю.

— Одних мест:
Один путь.
Клади крест!
— Во всю грудь!

— Держись, Паш!
— Держись сам!
— Не продашь?
— Не продам.

Смекай, Вась, пойдут бить —
Куды ж — в море отходить?
Сюды — топь, туды — гать.
Куды ж — в море отступать?

— Чай, не море переплыть!
— Только поле перейтить!

— Чай, не море пересечь!
— Только поле перебечь!

Прощай, Крым! Встречай, Русь!
До ситничка доберусь!
Встречай, Русь! Прощай, Крым!
Картошечки поедим!

Завтра утром — пока хватятся —
Не дочтутся двух солдатиков.
Красна Русь-то! Судить — грех.
Нынче — двух, а завтра — всех.

Офицерский блин
В темноте — бельмом.
— Перейду один.
Эх, не то б — вдвоем!

(Пошли, Боже, красным и белым —
Ту — для ложа, друга — для бега!)

Генеральский сын,
Перейду — но сед.
Потому один,
Что второго нет

— Изувера белому делу —
Офицера — в Армии целой!

После всех «воздам
За Царя и Русь!»
Каково губам
Произнести: сдаюсь!

(Удержать: бегу!)
После всех «воры»
Каково врагу
Прокричать: свои!

...«С того света приду драться!» —
Мне-то марковцу-то — сдаться!

Без стального дзень,
Дорогих погон,
Перейду — но тень,
Добегу — но «он».

Большевицкий штаб,
Большевицкий чуб.
Добегу — но гроб,
Перейду — но труп.

Если время — прощай, зная! —
С ними, сердце навек — с нами!

Хоть больным-больны,
Да бедным-бедны —
А всё — *мы!* Как *мы*
Превратить в «они»?

Стой! без бою с двух ног свалишь!
Это я-то вдруг то—варищ?!

Растоптал — отряс —
Но хоть трижды «гниль» —
Каково на *нас*
Накалять мотыль

Пулемета? Как труп, челюсть
Уронивши: в себя — целюсь!

Последние страхи.
Потом — стремглав.

Враг — те или ляхи?
Брусилов прав.

Хоть худо — да наше!
Хоть лют — да брат!
Минск — наш или ляший?
Брусилов — свят.

И пусть в груди грусти —
Воды в Двине!
За край Белорусский
Кому как *не...*

За кровное дело,
Небось, берусь!
Кому ж как не *белым*
За Белу Русь!

И как перед Богом
— Бог слышь и видь! —
Бойцом тебе добрым
Клянусь пребыть!

Чтоб *дедовым* полем
Текла Двина!
А добрая воля
Везде — одна!

Завтра утром — пока сверятся —
Не дочтутся офицерики.
— И здорово ж перебёг! —
Которого — суди Бог!

ВРАНГЕЛЬ

Справа, с простору...
В синий, синей чем Троицын...
— Скок из мотора! —
Спешно солдаты строятся.

Вал одним махом
Взяв — да на всю карту-то! —
Ровно бы млатом:
— Здорово, орлы-марковцы!

С краю до краю
— Дышит — растёт — длится —
— Здравья желаем,
Ваше Высок'дитство!

В черной черкеске
Ловкой, в кубанке черной.
— Меч вам и крест вам:
На мир не пойдем позорный!

Драться — так драться!
Биться, орлы, — так биться!
— Рады стараться,
Ваше Высок'дитство!

Громом в затишье
Нивы: — Не зря сидели!
(Каждого выше
На голову — не две ли?)

— Раньше морозов
Первых — в Москве гудящей...
Сказы и грезы
Явно превосходящий —

Вот он, застенков
Мститель, боев ваятель —
В черной чеченке,
С рукою на рукояти

Бе—лого пра—вого
Дела: ура—а—а!

НАЛЕТ

Полный вал солдат,
Полный вал голов
Заданных, а *над*
Валом — «и здоров

Врать! без счету, а ты — семеро!»
Десять самолетов к северу.

Полно́ небо спиц,
(Пока глаз не взвел)
Поглядеть — так птиц,
Не глядеть — так пчел.

Наступленьица — сбылась-таки! —
Первы пчелки, первы ласточки.

— Эх, каб на Москву
Так то б! — Давай Бог!
К каждому хвостку
— Глаз-то! рук-то! лбов!

Летит — мир ему с орешину! —
Цельна Армия привешена!

Трех, гляди, годов
Груз.— Верните Брест! —
Тысяча пудов
Радужных надежд!

Держись, крылья стрекозиные!
Чай тебе не бак бензиновый!

Задавали бал —
Любо-веселò!
Миновали вал —
Прямо на село:

Красна Армия — хозяйшкой.
Опускаются, снижаются...

Снизились! Стрельбы
Треск. За ним пальбы
Гром. За ним клубы:
Дым. За ним столбы...

Уж который поклон шлет
Пулемету — самолет!
Уж который — челом бьет
Самолету — пулемет!

Горит красная гостиница —
Село Первоконстантиновка!

ПРОЖЕКТОР

На валу — новый звук,
Новый век, новый друг:
Долгорук, долгозрак.
У врага — новый враг.

Око есть, ока нет.
На валу — новый век:
На врага — око, видь! —
Свет и страх наводить.

Зрак, не спящий за нас.
Зрак: три тысячи глаз
Волчьих! целая печь!
Свет — в три тысячи свеч

Брачных! Ну-с, что да где —
как — на Красной звезде?
Наставляй телескоп!
(Перст, прожектора сноп.)

Распотешь! разуважь!
Лижет степь — топь — Сиваш.
Оком — зырк, веком — чёрк:
Перемиг, пересвёрк.

Белый скок, белый штан —
Думал — тут — ан уж там!
Белый блин, черный кант,—
Цельный фронт арестант!

Цель ясна, даль ясна.
Вал без сна, враг без сна.
Им не лечь, нам не лечь.
Ночь как день, луч как меч.

Мы-то — в тьмах, враг-то — гол.
Как у бабы — подол
Задираем у всей
— Виды видывавшей! —
Дали.

Грех. Сверху — зрак:
— Каин! — Здесь! — Каин, брат
Где твой? Хриплым, как наш,
Гласом: Брату не страж.

Ангел: тру—у! Спящий: чу!
Так, на полном свету,
В тел и дел естестве,
Встанем — те, встанем — все:

Безымянные — гранды — гении —
Все — от Врангеля и до Ленина!
(И Деникин, Антон...)

...Глянем мы — грянет он.
Полосы меловой
Эхо: выстрел двойной.

— Одна трата!
— То-то оно-то!
Две гранаты:
Два перелета.

Так до алой
Самой до зорьки —
Мимо вала —
В Школьную Горку.

Новый взрыв, новый сноп.
Жив и здрав Перекоп —
Что дитя в пеленах!
В сотый раз перемах!

Молим все: — милый, всю
Степь, во всю широту
Светлотой замости!
Догляди до Москвы!

Низложи гробового врана
На главе звонаря Ивана!

КАНУН

День — сон или явь?
— Ну-с, братцы, поздравь!
— С чем? — С тем, с чем и вас:
В час. Тайный приказ.

Взрыв. Искра в овин!
— Шш... только двоим
Вам! Всюду-езде:
— Шш... только тебе...

Вам... Сám только лишь!
Вслед танкам? Да ты ж,
Я ж. Конница — в тыл...
(День: сгнил — не забыл!)

А лица солдат!
В Сочельник — ребят:
Глаз скашивают,
Не спрашивают.

Губу закусив —
Что сладость-чернослив,
Скарб связывают,
Не сказывают.

Как есть тебе тюк!
Шальной каб не вдруг
Смех, спирт-нашатерь —
Ноздри во всю ширь!



Страстнее свиданья,
Светлее заутрени...
От вала — и дале —
От хутора к хутору —

Ржаным изобильем,
Пшеничным дождем —
Где пальцем водили —
Ногами пройдем!

Презренная горстка?
Услышите всенощну!
Над десятивёрстною
Картою — все мы тут! —

Ленок колониста,
Гвардейский пробор,

И ус тут, и лыс тут,
И просто бобер —

Армейского крѳю,
Военного пострига.
Баштаном — бахчою —
От острова к острову —

Под крики: здорѳво!
Под звон поселян —
Весь, весь завоевываем
Океан

Степной. Ибо — с нами
Край! Двинем — и двинутся!
Какие названья!
Каховка... Любимовка...

В самѳм уже звуке
Залегший успех.
Как сестрины руки
В предчувствии *тех*.

Ногами зашаркали:
— Жданка! Березовка!
Давно не по карте
уже, а по воздуху —

Под крики: здорѳво!
Под взмахи: велик
Бог! — весь завоевываем
Материк
Шестой.— Дѳма погребут!

Тень на карту, следом — в пуд —
Вздых, покашливанье такта.
— Господин поручик... тѳк-что...
Еще раз бы... нужда истинна! —
Пулеметы...
(Вчера чищены.)

ПОСЛЕДНИЙ ЧАЙ

Горит огонек.
Дымит котелок.
Последний паек.
Последний чаек.

Сказать тебе в тай?
Был кофеем чай
Тот. Кровь бережем:
Овес пережжен-

то кофий тот! Не в том, брат, сок,
Что — чай, а в том: прощай!
Овес, а то и кипяток
Пустой: прощай — так чай.

Посапывает — послушиваем.
В упор затянув ремень,
Сидим, сапожком постукиваем:
Сиденья последний день.

Посапывает — покипывает
Котел — не спускаем глаз.
А сердце тоска пощипывает:
Землянки последний час.

Ждала же нас! блюла же нас!
Юнец — (гудит как шмель)
— Уходим раз, не ляжем раз,
(Огонь) — гори, постель!

Охáпинами, вязáнищами,
В костровый огонь — вдова,
Заслуженная, лежаночная
Сухая летит трава...

Краса ж у нас! Жара ж у нас!
Юнец — кураж и грусть — :
— Уходим раз — не ляжем раз —
Никто не ляжет пусть!

(Тем Турция — серп, тем Сербия — крест:
Погост найди, где русского нет!)
А в сердце тоска посверливает,
А в печке трава похрустывает.

Ни хлеба нет, ни обуви нет —
Раз вера есть — так Армия есть!
А в глотке сольца поскребывает,
А в трубке зола помаргивает.

Моргнет — и нет. Убьют — или нет?
Забут — или нет? — Кипит — или нет?!
А в брюхе камса побуркивает,
А в печке трава попыхивает.

Но благу ли быть, но худу ли быть —
Злей худа нет, чем старому жить!
А в сердце — Москва погудывает,
А в печке — трава погарывает.

Ни мыла нет, ни бани-то нет —
Белей найди, чем Маркова рать!
А в сердце — Москва позванивает,
А в сердце — Москва поваркивает...

(Слились — как в хоре голоса,
Как в пряди волоса:
Москва — тоска — камса — сольца —
Травца — шпорца — кровца.)

Вскипит — так пить, не бороду ж брить!
Ни чая нет, ни чайника нет.
А глотку камса подёргивает,
Вскипел корнет: — Вскипай, наконец!

Залить тоску — камсу — сольцу —
Залить растраву — всю!

И странный, брат! Аль чванный, брат?
Народ — чудной народ!
Как ванны ждать, как манны ждать,
Вскипел — никто не пьет!

Один: — Да нам и Лазаря
Не спеть, коли кишки
Не смазаны! Обязаны —
Все! Ваши котелки!

Есть — одуванчиком цветок
Русь называет тот.
Так капитан на кипятке
Дул из обеих щек.

— Дуй, капитан!
Весь чтобы чан
Выкачан! вся
Чтоб и камса

Съедена!
Ибо пос—лед—няя!
Пей до дна!
Пей до дна!
Пей — до — дна!

Од—на струна —
Единый оборот.
Скорей стрела
Магнитная сморгнет —

С севера.
— Гей, жена!
Гей, родна!
Пей до дна!
Пей до дна!
Пей — до — дна!

Кам—са наш хлеб!
Тра—ва наши дрова!
Ни крох, ни щеп!
Примета такова:

Пускаясь в бой,
С собой — и за собой —
Крохи не брать,
Крохи не оставлять.

К сведенью:
Мать одна —
Смерть одна!
Пей до дна!
Пей до дна!
Пей — до — дна!

И жарко, и жалко,—
Чаям-тебе-чай!
Жестянка — лежанка —
Землянка — прощай!

Пять дней тебя рыли,
Сто дней в тебе жили,
Ночей в тебе — были
Хоть! кляли хоть! — спали

всё ж...

Ни Богу, ни штабу не жаловались.
Как с шубой, как с бабой слезались,
сжились.

Проедут тачанки —
И нам черёд-скор.
Чем так-то, в молчанку —
Подтягивай, хор!

«Многоводная, обильная,
Разлилась и вдоль и вширь,
Эх, Кубань ты наша родина,
Вековой наш богатырь!»

Просторы мчат
Саперы мчат
Костровый чад
Махровый чад

— Который час?
— Который час?
— Который час?
— Да скоро ль, чорт!

— Запаздывают!
— Запаздывают!
— Да час, говорят,
Назад, говорят,

Как сверены!
(Беременных:
«Скорей бы уж!
Что с временем?»)

Сказ, Перекопский Патерик
Творю — чиста моя корысть.
Одна душа на четверых,
Одни часы на четверых.

(Слушай — сказ!
Дело — темь.)
Выход — в час.
Время — семь.

— Юнкер, сядь!
Пальцы в счет.
— Целых пять
Битых — чорт!

(Чорт — коли с мукой
То ж Аллилуйя —
Богу!)
— А ну-ка —
На боковую?

Наш север — край,
На север — стай
Путь, север — шпор
Звон, север — стон...

Последний пай
Последний чай
Последний хор
Последний сон.

ВЫХОД

— Вставай! вставай! вставай! вставай!
(Все в раз — кого ж будя?)
— Седлай! седлай! седлай! седлай! —
Пеш, самого себя!

Повалка — ввысь, стоянка — в рысь,
Распашка — в сбор, растяжка — в склад.
Сама душа — и та в запáх
Шинели английской до пят.

Пешёчком бьем, пешёчком мрем!
Заветный день, двухцветный блин.
Кишёчки подтянув ремнем,
Прилаживаем карабин.

Царей — царей — царей — царей
Русь, всё ради тебя!
Скорей! скорей! скорей! екорей!
Ну-с,— все ли, господа?

Махорка? есть! На шее крест?..
В карманах письма шелестят...
Последний трепетный присест.
В последний раз последний взгляд.

— И юнкер с краешку присел —
Хозяина — на дом:
На ворох казначейских дел —
В одном, мешки — в другом.

(Досóчку в полку обратя —
Вот радовались-то!)
Пустую полку для бритья,—
Осколки жития

Солдатского...

А дальше — ночь,
А дальше — дичь, а дальше — степь.
А дальше — *сметь!* А дальше — *мочь!*
Последняя вязанка в печь...

Тьма тьмушая. Точно шиты
Глаза. Веселей — закрыв.
Подводы, шаги, копыта —
Вал слухом жив, звуком жив.

Приказ не курить, не шаркать,
Не чиркать: ушами — видь!
Не ржать — лошадям, не харкать —
Людям: не дышать, не быть.

Вал. Выпаливший кофейник —
Вал! Кипь через все край.
Разбуженный муравейник —
Вал: *белые* муравьи!

И шагом — сплошной незримой
Шинелью, железной в швах,
Недвижных двуколок мимо —
Вперед — батальоны в тьмах.—

В тьму — тьмы нас! — Ужель не слышишь,
Русь? Топ как бы стад. (Враг — глух!)
На слух — полтораста тысяч,
(Каб свет — не начли б и двух!)

И шагом — таким за гробом
Идут, да за возом дров —
За каждой двуколкой — с Богом! —
Шесть призрачных нумеров.

Не курить и не
Шаркать. Ибо в тайне —
Дело. В тишине.
Крайней — крайней — крайней.

Не — не — не —
(Плыл ли? спал ли? шел ли?)
В ти—ши—не
Полной, полной, полной.

Бока, чтобы не дышали,
Втянув, как флейтист — щеку...
— Каб с нашими! С латышами —
Бой! Славь в Сиваше Чеку!

Сердца, чтоб не шалели,
Угнав далеко за Курск...
Тьмой тьмущею как шинелью
Накрытые... Пост ли? Куст?

Круп? торс? (Илиона тени —
В бой!) Вдруг, не примяв травы,
В обскок на рысях...— Кто? —
Темень —
Тьме: «Конная сотня.— Вы?»

И — лошадь захохотала!
Ржет — кожу дерут! Продаст,
Тварь! Задранного оскала —
Кость. Всадного ругань. Пласт

Кнута. Заглотнула сотню
Тьма.— Всё.— И опять как в трюм.
Хорош ветерочек шлет нам
Русь: встречный — относит шум.

А шумно — шаги, колеса...
А томно — уж слух побёг,
Что — шумно! хоть *мы* — не босы:
Две тысячи пар сапог.

Чай пьем — в Харькове,
В Курске — к завтраку.
То-то марка-то
Марковская!

Шш... Не шаркайте!
Схватка — с картой всей!
И — не — харьковцы —
Марковцы мы!

Вперед, вперед, и — здравствуй,
Кремль! Мстить? Поклоны класть!
Сдаёт — сдаётся — сдаётся
Ночь. Стоп. Колонны часть.

И чай, и чай в накладку,—
А? сколько не пивал?
Последняя оглядка
На вал — пропал — провал.

Веди, веда, Егорка-
свет — карты поперека
Родной! У Школьной Горки
Пока что — фонарек

Горит.— В чернильной, смольной
Ночй — мечты игра:
— Эх кабы вместо Школьной —
Поклонная Гора!

Но до Горы Поклонной —
— Эх! — Вдруг, в двух шагах, как слон
Колышающийся... Колонна —
Стоп. Прибыли. Батальон.

В луче фонаря, под самым
Курганом — как маг — как мист —
К какому-то богам незнамым
Взывает телефонист.

Шип — и сызнава...
Сап — и сызнава...
Храп — и сызнава...

— Штаб дивизии!
— Штаб дивизии!
— Штаб дивизии!

(Последнего могикана —
Зов!) Вдоль телеграфных свай —
Безликие великаны
С тенями по самый край

Земли.
Всю, всю покроем
Телами — вслед теням!
Делами! Полк — покоем.
На середину (сам —

Храм!) к сапогам и к поту
Привычный — полевой —
— Та ж пахота — пехота! —
Священник полковой.

— Братья, вот она
Ставка крайняя!
Третий год уже
Авель с Каином
Бьется. Пройдено
Сколько сот
Верст? А родина
Третий — ждет.

Вспомним *«наш Елец!»*
Вспомним в Кромы тот
Въезд! Но тяжкие
Были промахи,
И, дорогу окровавля,
Золотого взамен Кремля —

Крым. Зовет же вас
Вся Русь богова —
Добровольцами!
Волю ж *добрую*,
Братья! В вечный град —
Вербный въезд!
Крепко меч держа,
Крепче — крест,
Ветвь...
 Не вóроном
В белом кителе,
Божьим воином,
А не мстителем —
В бой! — Так радуга гонит грусть.—
Да возрадуется вам Русь!

Белый по черну в тьмах
Взлет: фуражечный взмах.
Всего множества вздох.

— Да поможет вам Бог!

Дико? После постигнете!
Рядом с спящим противником
(Завтра — долг того требовал —
Что бы ни было...)

— не было

Кротче нас.

Отче
Наш!

Но — второго естества,
Дела речь и мира речь —
В речь духовного отца —
Отца командира речь,
Пол—ковника седá:

— Всей родины судьба,
Чтó — наша! Миллионов
Не-красных, не-зеленых,
Чтó — наша! Поколений —
В у—даче боевой!

Командиры батальонов!
Разводите батальоны
Приготовьтесь к выполнению
За—дачи боевой!

—

А первые в битве бьются —
Сердца. До ушного звону!
Вполголоса подаются
Команды, и батальоны
Расходятся.— Тихо.— Выход,
Ты?! — Чтó? — Да не может! — *Есть*,
Бр'т! Огненная шутиха —
Вверх! Раз! Ну и два-с! И несть
Им счету. Твоя палитра,
Ад! Вдруг — не в ушах — в груди —

Звук: — Проволока проби—и—
та! Проволока проби—
та проволока! Кто не был —
Тот нé жил.

До мига, когда всё небо
Мигало, а мы так *не*
Сморгнули, до звезд — столь ярких,
Что — свет или слезы льешь?
Эх, млад-командир-свет-Марков-
хват — ты-то не дожил что ж?!

Стой! стой!
В меховой папаше,
В прос—той
— Медведскую брал —
Куртке — той!
Вдоль пахоты — пахарь —
Не Толстой,
Марков-генерал.

Млад! млад!
Ни морщин, ни плечи.
Хват — рад
С чортом хоть с самим!
Сол—дат:
Вдоль пахоты — пеший.
Сват, брат
Марковцам своим.

Край — Русь!
Нету перестарков!
Нá, Русь,—
Пока красовит!
Мертв — бьюсь!
То генерал Марков
На — Русь —
Марковцев своих.

Уши вырастут у безухого —
Загудело запело забухало!
Еще громче чем под рубахою
Заработало забабахало.
Справа слева всё небо в заревах!
«Воробьиная ночь» сказали б
— ба́х

Барабах! — да кони ржут —
Каб вообще говорили что-нибудь,
Кроме: Господи всеблагий!

Господи всеблагий!
Гос—по—ди!
Помоги! Господи
Помоги! Господи
Помоги! Гос—по—ди!

Мощь-то Божья — вó — велика!
Осто—рожней! Проволока!

Помощь — Твоя — скорая:
Вот уже по ту сторону

Проволоки: — На Руси? — На Руси!
Крым! уже за шеломяном еси.

Через день — катились вскочь
Те — текай-откатывай! —
Стало ведомо: в ту ночь
Мая двадцать пятую

Семью тысячами — жив
Бог! глядел-не смаргивал! —
Бита нá голову их
Девятая Армия.

В солоноводных Сивашах
— Латышки, плачь об латышах! —
Осиротили латышат,
Перетопили
— лотошат

Ведь! никуды ж ведь! никаких
Латыш — ни их, ни наш.
На веки вечные веков
Слились: латыш: Сиваш.

*1 августа 1928, Поктайак —
15 мая 1929, Мёдон*

стр. 590.

Была суха, как прах.

Прах — славянское порох.

Нудá-нудá-нудá...

От нудить, существительное.

стр. 590.

*Земля была — перед грозой
Как быть должна земля*

— то есть: земля была как должна быть перед грозой земля.

стр. 591.

*Там перекапывалась — новь,
Окапывалась — бывь.*

Там — на Перекопе. Красными перекапывалась новь, белыми окапывалась бывь.

*— В тартарары тебя, тельца ласкова!
(«Всем! Всем! Всем!»)*

Телец ласковый — Керенский. От долгого сиденья — оглядывались, вспоминали.

*В тартарары с тобой — эх, не ты б, не ты!
Шло — шла — шли.*

Шло — всё, шла — Россия, шли — все мы.

стр. 592.

*Галлиполи: чан — дó полну
Скорбей...*

Четверостишие о Галлиполи — заскок в будущее.

стр. 593.

*(За битовку с Троцким
Кресток деревянный
Взял)*

— то есть возьмет. Заскок в будущее.

стр. 594.

*— Тыщу б
Покрыл — каб по шпалам...*

то есть: тыщу бы верст покрыл, кабы шагал по шпалам, а не взад-вперед по валу.

*И Крым, земля ханска,
То влево, то вправо*

и, дальше:

*И Русь, страна дивья,
То вправо, то влево*

— то есть — фактически — раз он всё время поворачивается — то вправо, то влево от него. Но есть еще и другой смысл: земля ханска и страна дивья еще не решились.

СИРЕНЬ

стр. 595.

*Солончаком, где каждый стук
Копыта: Геродот —*

Эту землю первый сказал Геродот, и вот она — имеющему уши — говорит его имя.

стр. 597.

*А всё ж — всю Русь-святую несет
За пазухой...
— Христовой.*

Многоточие, тире и перерыв строки — моя последняя проверка и *окончательное* утверждение.

И вот, двадцать лет спустя, повторяю: Христос на Руси в тот час укрывался за пазухой добровольца. *Весь* Христос — за *тощей* пазухой добровольца. Так было — и так *будет* — благодаря этим двум моим строкам.

М. Ц.

Париж, 17-го сентября 1938 г.

стр. 597.

У нас в России — всем!

то есть: всем дают (NB! последнее).

БРУСИЛОВ

стр. 600.

NB! Вожáта вместо Вожатого. (М. б. неоправданный) славянизм. Но мне нужно было именно это слово — и звук.

стр. 600.

*За что, бр'т, бьюсь?
Ведь и звука-то нету — Русь!*

Это говорит не доброволец, а сказал бы доброволец, если бы им быть перестал (перешел).

*Чей-то, му́ку
Усмешкой скрав*

— глагол скрадывать: утаивать.

ПЕРЕБЕЖЧИКИ

стр. 601.

Да жива ли уж? Да жив-то ли?

Жива ли уж — мать, жена, да жив-то ли — (деревенские) — *он*.

NB! К лю́дям (простонародное)

...С представленьями, с комедьями

— подразумевается — *наша* власть.

ВРАНГЕЛЬ

стр. 606.

*Сказы и грезы
Явно превосходящий*

— этим дано и оправдано его Высокопревосходительство.

НАЛЕТ

стр. 607.

Наступленьица — сбылась-таки!
Подразумевается: мечта наша.

стр. 607.

Весь отрывок от «К каждому хвостку» до «бак бензиновый» имеет дать надежду, которой обвешаны самолеты: пуды надежд, которыми обвешан каждый самолет.

ПРОЖЕКТОР

стр. 608.

Белый блин, черный кант
— здесь прожектор дан в виде добровольца (марковская фуражка). Вся главка Прожектор — только игра этого самого прожектора: света и тьмы.

КАНУН

стр. 610.

*Шш.. только двоим
Вам! Всюду-езде;
— Шш... только тебе —*
подразумевается — говорю.

стр. 611.

*И просто бобер —
Армейского крою,
Военного пострига*
— бобрик (стрижка).

*Ибо с нами
Бог! Головы сдвинувши:*

— над картой, по которой уже мысленно идут.
стр. 611.

*Как сестрины руки —
В предчувствии тех*

— руки любимой.

*Тень на карту, следом — в пуд —
Вдох, покашливанье такта*

— явление солдата. Последующая фраза о необходимости еще раз вычистить пулеметы доказывает, что солдаты давным-давно уже всё знают.

ПОСЛЕДНИЙ ЧАЙ (NB! моя любимая глава)

стр. 612.

Сказать тебе в тай?

В тай — тайком (народное).

стр. 612.

Тем Турция — серп, тем Сербия — крест...

— опережение событий: где кто — после той травы — ляжет. Турецкий *серп* и сербский *крест* как символы *смерти*.

стр. 613.

*А в сердце — Москва позванивает...
А в сердце — Москва поваркивает...*

(надеюсь, что понятно, что:) — колоколами
— голубями

стр. 615.

Четверостишие, начинающееся: «Просторы мчат» — прошу без всяких знаков, ибо (прошу проверить) ни один не подходит. Это — скороговорка, имеющая дать *вихрь*.

стр. 617.

Если будет когда-нибудь печататься, и во всяком случае, прошу произносить:

Пешёчком — и — кишёчки

Интонационное указание:

Махорка? есть! на шее крест?

На шее крест? прошу произносить (т. е. понимать) не: на *шее* — крест? а: на шее *крест?* то есть как будто бы следовало: имеется ли?

стр. 617.

На ворах казначейских дел

— по свидетельству добровольца, с которого мой Перекоп писался, единственное чтение их все те сто дней было ворах казначейских дел. У моего добровольца — но это к делу не относится, а только так, к слову — была еще моя детская книжка стихов «Волшебный фонарь», с которой в кармане проделал все добровольчество — от первых дней Новочеркасска до последних Крыма.

*не харкать
Людям*

(простонародное)

Кипь через все краи —

— ударение на *и*, вместо края.

стр. 618.

*И шагом — таким за гробом
Идут — да за возом дров —*

— то есть так же тихо, бесшумно.

стр. 620.

*Земли...
Всю, всю покроем
Телами — вслед теням!*

(Надеюсь, понятно, что — *своими!*)

Делами! Полк — покоем

то есть буквой П.

(речь священника, NB! — *живая*)

*Волю ж добрую,
Братья!*

— подразумевается: — творите.

стр. 622.

Четверостишие, начинающееся: «*Командиры батальонов*», равно как:

*Вполголоса подаются
Команды, и батальоны
Расходятся*

мною *дословно*, без малейшего изменения, взяты из записок моего добровольца, просто — списаны. Могу сказать почти то же о всем моем Перекопе, который писался так: слева — его тетрадь (крохотная, даже не тетрадь, а стопочка бумаги), справа моя — черновая, синяя, вчетверо бóльшая. Если в моем Перекопе есть физические (фактические) ошибки — то виноваты стихи, из-за которых приходилось вводить посторонние делу понятия. И еще — моя безнадежная неизлечимая военная слепость. Писала *в слепую*, зная только чувства и ближайшие предметы. Писала как те — шли.

*Стой! стой!
В меховой папахе...*

— видение (убитого) генерала Маркова, ведущего на Русь — «марковцев своих».

Крым! уже за шеломяном еси!

— шеломяном — курганом.

В Слове о Полку Игореве — *Русь* уже за шеломяном.
NB!

А может быть — хорошо, что мой Перекоп кончается
победой: так эта победа — *не* кончается.

Если когда-нибудь — хоть через сто лет — будет печататься, прошу печатать по старой орфографии.

*М. Ц.
Париж, 7-го января 1939 г.*

**НЕЗАВЕРШЕННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ,
ФРАГМЕНТЫ
1916—1941**

608. ИЗ ЦИКЛА «СТИХИ К АХМАТОВОЙ»

10

А что если кудри в плат
Упрячу — что выются валом,
И в синий вечерний хлад
Побреду себе потихон

— Куда это держишь путь,
Красавица,— аль в обитель?
— Нет, милый, хочу взглянуть
На царицу, на царевича, на Питер.

— Ну, дай тебе Бог! — Тебе! —
Стоим опустив ресницы.
— Поклон от меня Неве,
Коль запомнишь, да царевичу с царицей.

...И вот — меж крылец — крыльцо
Горит заревою пылью,
И вот — промеж лиц — лицо
Горбоносое и волосы как крылья.

На лестницу нам нельзя,—
Следы по ступенькам лягут.
И снизу — глаза в глаза:
— Не потребуется ли, барынька, ягод?

28 июня 1916

Так, одним из легких вечеров,
Без принятия Святых даров,
— Не хлебнув из доброго ковша! —
Отлетит к тебе моя душа.

Красною причастной теплотой —
Целый мир мне был горячий твой.
Мне ль дары твои вкушать из рук
Раззолóченных, неверных слуг?

Ртам и розам — разве помнил счет
и грустный рот?
— Радостна, невинна и тепла
Благодать Твоя в меня текла.

Так, тихонько отведя потир,
Отлетит моя душа в эфир —
Чтоб вечерней славе облаков
Причастил ее небесный ковш.

1 января 1917

Уж и лед сошел, и сады в цвету.
Богородица говорит сынку:
— Не сходить ли, сынок, сегодня мне
В преисподнюю?

Что за *грех* такой?
Видишь — день какой!
Пусть хоть нынче они не злобятся
В мой субботний день, Богородицын.

Повязала Богородица — бѣлый плат.
— Ну, смотри! — ей молвил сын. — Ты —
ответчица!

Увязала Богородица — цѣлый сад
Райских розанов — в узелочек — через плечико.

И идет себе,
И смеется вслух.

А навстречу ей
Реет белый пух,
Реет алый пух —
С вишень, с яблонь...

Март 1917

611—612. ИЗ ЦИКЛА «ПАМЯТИ А. А. СТАХОВИЧА»

3

Пустыней Девичьего Поля
Бреду за ныряющим гробом.
Сугробы — ухабы — сугробы.
Москва. — Девятнадцатый год. —

В гробу — несравненные руки,
Скрестившиеся самовольно,
И сердце — высокою жизнью
Купившее право — не жить.

Какая печальная свита!
Распутицу — холод — и голод
Последним почетным эскортом
Тебе отрядила Москва.

Кто помер? — С дороги, товарищ!
Не вашего разума дело:
— Исконный — высокого рода —
Высокой души — дворянин.

Пустыней Девичьего Поля,

Молюсь за блаженную встречу
В тепле Елисейских Полей!

4

Елисейские Поля: ты и я.
И под нами — огневая земля.
и лужи морские
И родная, роковая Россия,

Где покоится наш нищенский прах
На кладбищенских Девичьих полях.

Вот и свиделись! — А воздух каков! —
Есть же страны без мешков и штыков!
В мир, где «Равенство!» кричат даже дети,
Опоздавшие на дважды столетье,—
Там маячили — дворянская спесь! —
Мы такими же тенями, как здесь.

Что Россия нам? — Черны купола!
Так, заложниками бросив тела
Ненасытному червю — черни черной,
Нежно встретились: Поэт и Придворный,—
Два посмешища в державе снегов,
Боги — в сонме Королей и Богов!

Март 1919

613

Как настигаемый олень
Летит перо.

О

И как хитро!

Их сонмы гонятся за мной,—
Чумная масть!
Всё дети матери одной,
Чье имя — страсть.

Олень, олень Золоторог,
Беда близка!
То в свой звонкоголосый рог
Трубят тоска...

По зарослям словесных чаш
Спасайся, Царь!
То своры дых кровопожир,—
То Ревность-Псарь!

Всё громче, громче об ребро
Сердечный стук...
И тихо валится перо
Из смуглых рук...

17 апреля 1921

В сновидящий час мой бессонный, совиный
 Так я вдруг поняла:
 Я знаю: не сердце во мне,— сердцевина
 На всем протяженье ствола.

Продольное сердце, от корня до краю
 Стремящее Рост и Любовь.
 Древесная-чистая,— вся ключевая,
 Древесная — сильная кровь.

Не знающие ни продажи, ни купли —
 Не руки — два взмаха в лазорь!
 Не лоб — в небеса запрокинутый купол,
 Любимец созвездий и зорь.

Из темного чрева, где скрытые руды,
 Ввысь — мой тайновидческий путь.
 Из нёдр земных — и до неба: отсюда
 Моя двуединая суть.

Две
 Два знанья, вкушенные всласть.
 К законам земным дорогое пристрастье,
 К высотам прекрасная страсть.

Апрель 1921

615—616. ИЗ ЦИКЛА «РАЗЛУКА»

4

Твои черты,
 Запечатленные Кануном.
 Я буду стариться, а ты
 Останешься таким же юным.

Твои черты,
 Обточенные ветром знойным.
 Я буду горбиться, а ты
 Останешься таким же стройным.

Волос полуденная тень,
Склоненная к моим сединам...
Ровесник мой год в год, день в день,
Мне постепенно станешь сыном...

Нам вместе было тридцать шесть,
Прелестная мы были пара...
И — радугой — благая весть:
— не буду старой!

Троицын день 1921

6

Последняя прелесть,
Последняя тяжесть:
Ребенок, у ног моих
Бьющий в ладоши.

Но с этой последнею
Прелестью — справлюсь,
И эту последнюю тяжесть я —
Сброшу.

.

Всей женскою лестью
Язвя вдохновенной,
Как будто не отрок
У ног, а любовник —

О шествиях —
Вдоль изумленной Вселенной
Под ливнем лавровым,
Под ливнем дубовым.

Последняя прелесть,
Последняя тяжесть —
Ребенок, за плащ ухватившийся... — В муке
Рожденный! — Когда-нибудь людям расскажешь,
Что не было равной —
В искусстве Разлуки!

27 июня 1921

Благоухала целую ночь
 В снах моих — Роза.
 Неизреченно-нежная дочь
 Эроса — Роза.

Как мне усвоить, расколдовать
 Речь твою — Роза?
 Неизреченно-нежная мать
 Эроса — Роза!

Как мне странную сласть
 Снов моих — Роза?
 Самозабвенно-нежная страсть
 Эроса — Роза!

8 июля 1921

618—619. ИЗ ЦИКЛА «ГЕОРГИЙ»

6

Не лавром, а терном
 На царство венчанный,
 В седле — а крылатый!

Вкруг узкого стана
 На бархате черном
 Мальтийское злато.

Нетленные иглы
 Терновые — Богу
 И Другу присяга.

Высокий загиб
 Лебединый, а с боку
 Мальтийская шпага.

Мальтийского Ордена
 Рыцарь — Георгий,
 Меж спящими — бдящий.

Мальтийского Ордена
Рыцарь — Георгий,
На жен не глядящий...

Июль 1921

10

Страннопримница высоких душ,

Тебя пою — пергаментная сушь
Высокодышащей земли Орфея.

Земля высокомерная! — Ступню
Отталкивающая как ладонью,
Когда ж опять на грудь твою ступлю
Заносчивой пятою амазоньей —

Сестра высокомерная! Шагов
Не помнящая
Земля, земля Героев и Богов,
Амфитеатр моего Восхода!

Июль 1921

620. ИЗ ЦИКЛА «СТИХИ К БЛОКУ»

II

3

Останешься нам иноком:
Хорошеньким, любименьким,
Требником рукописным,
Ларчиком кипарисным.

Всем — до единой — женщинам,
Им, ласточкам, нам, венчанным,
Нам, злату, тем, сединам,
Всем — до единой — сыном

Останешься, всем — первенцем,
Покинувшим, отвергнувшим,
Посохом нашим странным,
Странником нашим ранним.

Всем нам с короткой надписью
Крест на Смоленском кладбище
Искать, всем никнуть в чéред,
Всем, _____, не верить.

Всем — сыном, всем — наследником,
Всем — первеньким, последеньким.

15 августа 1921

621

Справа, справа — баран круторогий!
И сильны мои ноги.
Пожелайте мне доброй дороги,
Богини и боги!

Слажу, слажу с курчавой сестрою,
С корабельной сосною!
Вся поклажа — брусок со струною,
Ничего — за спиною!

Ни закона, ни _____, ни дома,
Ни отцовского грома,
Ни товарища нежной истомы,—
Всё сгорело соломой!

Пожелайте мне смуглого цвета
И попутного ветра!
_____ — в Лету,
Без особой приметы!

6 ноября 1921

Ломающимся голосом
 Бредет — как палкой по мосту.
 Как водоросли — волосы,
 Как водоросли — помыслы.

И в каждом спуске: выплыву,
 И в каждом взлете: падаю.
 Рука как свиток выпала,
 Разверстая и слабая...

Декабрь 1921

По-небывалому:
 В первый раз!
 Не целовала
 И не клялась.

По-небывалому:
 Дар и милость.
 Не отстраняла
 И не клонилась.

А у протаянного окна —
 Это другая была —
 Она.

.

 Не заклинай меня!
 Не клялась.

Если и строила —
 Дом тот сломен.
 С этой другою
 Родства не помню.

.

 С этой служанкою
 Не вожусь.

.
.
.
.

.
.

Не окликай меня,—
Безоглядна.

Январь 1922

624

Без повороту и без возврату,
Часом и веком.
Это сестра провожает брата
В темную реку.

Без передыху и без пощады
.
Это сестра оскользнулась взглядом
В братнюю руку.

«По Безымянной
В самую низь.
Плиты стеклянны:
Не оскользнись.

Синее зелье
Всвищет сквозь щели.
Над колыбелью —
Нищие пели:

Первый — о славе,
Средний — о здравье,
Третий — так с краю
оставил:

Жемчугом сыпать
Вслед — коли вскричат»...
Братняя притопь.
Сестрина причеть.

15 марта 1922

645

А любовь? Для подпaska
В руки бьющего снизу.
Трехсекундная встряска
На горах Парадиза.

Эти ады и раи,
Эти взлеты и бездны —
Только бранные сваи
В легкой сцепке железной.

— Накаталась! — Мгновенья
Зубы стиснув — за годы,
В сновиденном паденье
Сердца — вглубь пищевода.

Юным школьникам — басни!
Мы ж за оду, в которой
Высь — не на смех, а на смерть:
Настоящие горы!

29 сентября 1922

626. НОЧЬ

Когда друг другу лжем,
(Ночь, прикрываясь днем)
Когда друг друга ловим,
(Суть, прикрываясь словом)

Когда друг к другу льнем
В распластанности мнимой,
(Смоль, прикрываясь льном,
Огонь, прикрываясь дымом...)

Взойди ко мне в ночи

Так: майского жучка
Ложь — полунощным летом.
Так: черного зрачка
Ночь — прикрываясь веком...

Ты думаешь, робка
Ночь — и ушла с рассветом?
Так: черного зрачка
Ночь — прикрываясь веком...

Свет — это только плоть!
Столпником на распутье:
Свет: некая милоть,
Наброшенная сутью.

Подземная река —
Бог — так ночь под светом...
Так: черного зрачка
Ночь — прикрываясь веком...

Ты думаешь — исчез
Взгляд? — Подыми! — Течет!
Свет,— это только вес,
Свет,— это только счет...

Свет — это только веко
Над хаосом...

Ты думаешь — робка
Ночь? —
Подземная река —
Ночь,— глубока под днем!

— Брось! Отпусти
В ночь в огневую реку.

Свет — это только веко
Над хаосом...

Когда друг другу льстим,
(Занавес слов над глубиью!)
Когда друг друга чтим,
Когда друг друга любим...

Июнь 1923

Всё так же, так же в морскую синь —
 Глаза трагических героинь.
 В сей зал, бесплатен и неоглядн,
 Глазами заспанных Ариадн
 Обманутых, очесами Федр
 Отвергнутых, из последних недр
 Вотще взывающими к ножу...
 Так, в грудь, жива ли еще, гляжу.

24 июля 1923

628. ИЗ ЦИКЛА «ПОД ШАЛЬЮ»

1

Над колыбелью твоею — где ты? —
 Много, ох много же, будет пето.

Где за работой швея и мать —
 Басен и песен не занимать!

Над колыбелью твоею нищей
 Многое, многое с Бога взыщем:

Сроков и соков и лет и зим —
 Много! а больше еще — простим.

Над колыбелью твоей бесправной
 Многое, многое станет явным,

Гласным: прошедшая сквозь тела
 — чем стала и чем была!

Над колыбелью твоею скромной
 Многое, многое Богу вспомним!

— Повести, спящие под замком,—
 Много! а больше еще — сглотнем.

Лишь бы дожждаться тебя, да лишь бы...
Многое, многое станет лишним,

Выветрившимся — чумацкий дым!

.
Всё недававшееся — моим!

5 августа 1924

629

Брат по песенной беде —
Я завидую тебе.
Пусть хоть так она исполнится
— Помереть в отдельной комнате! —
Скольких лет моих? лет ста?
Каждодневная мечта.

И не жалость: мало жил,
И не горечь: мало дал.
Много жил — кто в *наши* жил
Дни: *всё* дал,— кто песню дал.

Жить (конечно не новей
Смерти!) жилам вопреки.
Для чего-нибудь да есть —
Потолочные крюки.

Начало января 1926

630

Всю меня — с зеленью —
Тех — дрём —
Тихо и медленно
Съел — дом.

Ту, что с созвездиями
Росла —

Просто заездили
Как осла.

Ту, что дриадою
Лес — знал

Июнь 1928

631

Чем — не боги же — поэты!
Отблагодарю за это
— Длящееся с Рождества —
Лето слуха и ответа,
Сплошь из звука и из света,
Без единственного шва
Ткань, наброшенную свыше:
С высоты — не верь, что вышла
Вся — на надобы реклам! —
Всей души твоей мальчишьей —
На плечи — моим грехам
И годам...

Июнь 1928

632. ЛУЧИНА

До Эйфелевой — рукою
Подать! Подавай и лезь.
Но каждый из нас — такое
Зрел, зрит, говорю, и днесь,

Что скушным и некрасивым
Нам кажется Париж.
«Россия моя, Россия,
Зачем так ярко горишь?»

Июнь 1931
Мёдон

Тише, тише, тише, век мой громкий!
За меня потоки — и потомки.

1931

Дом, с зеленою гущей:
Куш зеленою кровью...
Где покончила — пуще
Чем с собою: с любовью.

14 июня 1932
Кламар

Закрыв глаза — раз йначе нельзя —
(А йначе — нельзя!) закрыв глаза
На бывшее (чем топтаннее травка —
Тем гуще лишь!), но ждущее — да завтра ж!
Не ждущее уже: смерть, у меня
Не ждущая до завтрашнего дня...

Так, опустив глубокую завесу,
Закрыв глаза, как занавес над пьесой:
Над местом по которому — метла...
(А голова, как комната — светла!)
На голову свою —
— да попросту — от света

Закрыв глаза, и не закрыв, а сжав —
Всем существом в ребро, в плечо, в рукав
— Как скрипачу вовек не разучиться! —
В знакомую, глубокую ключицу —
В тот жаркий ключ, изустный и живой —
Что нам воды — *дороже* — ключевой.

Сентябрь 1932

III

Народоправству, свалившему трон,
Не упразднившему — тренья:
Не поручать палачам похорон
Жертв, цензорам — погребенья

Пушкиных. В непредуказанный срок,
В предотвращение смуты,
Не увозить под (великий!) шумок
По воровскому маршруту —

Не обречь на последний мрак,
Полную глухонемость
Тела, обкарнанного и так
Ножницами — в поэмах.

19 июля 1933

Мёдон

637

Квиты: вами я объедена,
Мною — живописаны.
Вас положат — на обеденный,
А меня — на письменный.

Оттого что, йотой счастлива,
Яств иных не ведала.
Оттого что слишком часто вы,
Долго вы обедали.

Всяк на выбранном заранее —

Месте своего деяния,
Своего радения.

Вы — с отрыжками, я — с книжками,
С трюфелем, я — с грифелем,
Вы — с оливками, я — с рифмами,
С пикулем, я — с дактилем.

В головах — свечами смертными —
Спаржа толстоногая.
Полосатая, десертная
Скатерть вам — дорогою!

Табачку пыхнем гаванского
Слева вам — и справа вам.
Полотняная, голландская
Скатерть вам — да саваном!

А чтоб скатертью не тратиться —
В яму, место низкое,
Вытряхнут
С крошками, с огрызками.

Каплунòм-то вместо голубя
— Порх! душа — при вскрытии.
А меня положат — голую:
Два крыла прикрытием.

Конец июля 1933

638

Это жизнь моя пропела — провыла —
Прогудела — как осенний прибор —
И проплакала сама над собой

Июнь 1934

639

А Бог с вами!
Будьте овцами!
Ходите стадами, стаями
Без меты, без мысли собственной
Вслед Гитлеру или Сталину

Являйте из тел распластанных
Звезду или свасти крюки.

23 июня 1934

О поэте не подумал
 Век — и мне не до него.
 Бог с ним, с громом, Бог с ним, с шумом
 Времени не моего!

Если веку не до предков —
 Не до правнуков мне: стад.
 Век мой — яд мой, век мой — вред мой,
 Век мой — враг мой, век мой — ад.

Сентябрь 1934

Стройте и пойте стройку!

Столпнику ж дайте стойко
 Спать на своем столбу!

Стройте и пойте выше
 Благополучье толп
 Кройте стеклянной крышей
 Мой деревянный столп.

Октябрь 1934

Человека защищать не надо
 Перед Богом, Бога — от него.
 Человек *заслуживает* ада.
 Но и сада
 Семиверстного — для одного.

Человек заслуживает — танка!
 Но и замка
 Феодалного — для одного.

Осень 1934

Псаломъ ѿ князя паванаса
 Свѣтъ божіе — в сѣнѣ божіе.
 Псаломъ нашъ псаломъ
 Славословъ божіе — в славословіи!
 А мѣстъ елисейскихъ не въ славословіи —
 В сѣнѣ, въ сѣнѣ, въ сѣнѣ,
 Въ сѣнѣ, въ сѣнѣ,
 В сѣнѣ, въ сѣнѣ, в сѣнѣ.
 Князь божій — въ сѣнѣхъ божіихъ
 — Псаломъ божій — въ сѣнѣхъ божіихъ.
 А псаломъ божій — въ сѣнѣхъ божіихъ:
 Въ сѣнѣхъ божіихъ божій псаломъ.

—

... Тѣмъ божіе, божіе божіе божіе
 Божіе божіе, божіе божіе...

—

1934 г.

В сѣнѣхъ божіихъ: князь божій,
 Князь божій, князь божій, князь божій,
 Князь божій, князь божій, князь божій,
 В сѣнѣхъ божіихъ божій — князь божій,
 Князь божій — в сѣнѣхъ божіихъ.
 В сѣнѣхъ божіихъ, князь божій, князь божій,
 Князь божій, князь божій, князь божій,
 Князь божій, князь божій, князь божій.

(Вариант:)

— Князь божій, князь божій — князь божій
 Князь божій, князь божій, князь божій...

—

В сѣнѣхъ божіихъ 1934 г. князь божій, князь божій,
 князь божій, князь божій, князь божій, князь божій,
 князь божій, князь божій, князь божій, князь божій...

643. (ОТГОЛОСКИ СТОЛА)

Плоска — доска, а всё впитывает,
Слепа — доска, а всё считывает,
(Пустым — доска: и ящика нет!)
Сухим — доска, а всё возвращает!

Нема — доска, а всё рассказывает!

Не было друга,
Кроме доски!

...На сём плоту —
Спасусь, спасусь, спасусь!

...На сей доске —
Спасусь! спасусь! спасусь!

1934

644

Есть счастливы и счастливицы,
Петь *не* могущие. Им —
Слезы лить! Как сладко вылиться
Горю — ливнем проливным!

Чтоб под камнем — что-то дрогнуло.
Мне ж — призвание как плеть —
Меж стенания надгробного
Долг повелевает — петь.

Пел же над другом своим Давид
Пел
Если б Орфей не сошел в Аид —
Сам, а послал бы — голос

Свой, только голос послал во тьму,
Сам у порога — лишним
Встав — Эвридика бы по нему
Как по канату вышла...

Ноябрь-декабрь 1934

Удар, заглушенный годами забвенья,
 Годами незнания.
 Удар, доходящий — как женское пенье,
 Как конское ржанье,

Как страстное пенье сквозь здание
 Удар — доходящий.
 Удар, заглушенный забвенья, незнания
 Беззвучною чашей.

Грех памяти нашей — безглазой, безгубой,
 Безмясой, безносой!
 Всех дней друг без друга, ночей друг без друга
 Землею наносной

Удар — заглушенный, замшённый — как тиной.
 Так плющ сердцевину
 Съедает и жизнь обращает в руину...
 — Как нож сквозь перину!

...Оконною ватой, набившейся в уши,
 И той — заоконной:
 Снегами, годами, бездушья
 Удар — заглушенный.

А что если вдруг

А что если вдруг
 А что если — вспомню?

〈Начало января 1935〉

Черные стены
 С подножием пены
 Это — Святая Елена.

Май 1935

Шаг за шагом, мак за маком
Обезглавила весь сад.

Так, когда-нибудь, в сухое
Лето, поля на краю,
Смерть рассеянной рукою
Снимет голову — мою.

*5-6 сентября 1936
Савойя*

648—650. САВОЙСКИЕ ОТРЫВКИ

[1]

В синее небо ширя глаза —
Как восклицаешь: — Будет гроза!

На проходимца вскинувши бровь —
Как восклицаешь: — Будет любовь!

Сквозь равнодушья серые мхи —
Так восклицаю: — Будут стихи!

[2]

ОТРЫВКИ ИЗ МАРФЫ

Проще, проще, проще, проще
За Учителем ходить,
Проще, проще, проще, проще
В очеса его глядеть —

В те озера голубые...
Трудно Марфой быть, Марией —
Просто...

И покамест
Услаждается сестра —
Подходит
— Равви! полдничать пора!

Что плоды ему земные?
Горько Марфой быть, Марией —
Сладко...

Вечен — из-под белой арки
Вздых, ожегший как ремнем:
Марфа! Марфа! Марфа! Марфа!
Не пекился о земном!

Стыдно Марфой быть, Марией —
Славно

Бренно Марфой быть, Марией —
Вечно...

...Всё-то мыла и варила...
Грязно Марфой быть, Марией —
Чисто...

[3]

ОТРЫВКИ РУЧЬЯ

Подобье сердца моего!
Сопровождаем — кто кого?
Один и тот же жребий нам —
Мчат по бесчувственным камням,
Их омыwać, их опевать —
И так же с места не снимать.

Поэт,
Сопровождающий поток!
Или поток, плечом пловца
Сопровождающий певца?

где поток —
Там и поэт...

...Из нас обоих — пьют
И в нас обоих слезы льют
И воду мыльную
...в лицо не узнают.

Сентябрь 1936

651

Были огромные очи:
Очи созвездья Весы,
Разве что Нила короче
Было две черных косы

Ну, а сама меньше можного!
Всё, что имелось длины
В косы ушло — до подножия,
В очи — двойной ширины

Если сама — меньше можного,
Не пожалеть красоты —
Были ей Богом положены
Брови в четыре версты:

Брови — зачесывать за уши

.....
За душу

Хату ресницами мечь...

Нет, не годится!
Страшно от стольких громад!
Нет, воспоем нашу девочку
На уменьшительный лад

За волосочек — по рублику!
Для довершенья всего —
Губки — крушение Республики
Зубки — крушение всего...

Жуть, что от всей моей Сонечки
Ну — не осталось ни столечка:
В землю зарыть не смогли —
Сонечку люди — сожгли!

Что же вы с пеплом содеяли?
В урну — такую — ее?
Что же с горы не развеяли
Огненный пепел ее?

30 сентября 1937

652

Опустивши забрало,
Со всем — в борьбе,
У меня уже — мало
Улыбок — себе...

Здравствуй, зелени новой
Зеленый дым!
У меня еще много
Улыбок другим...

22 марта 1938

653

... Ох, речи мои морочные,
Обронные жемчуга!
Ох, реки мои молочные,
Кисельные берега!

〈Май 1938〉

654

...Так, не дано мне ничего,
В ответ на праздник, мной даваем,
Так яблоня — до одного
Цветы раздаривает маем!

〈Май 1938〉

Всем покадили и потрафили:
 — стране — родне —
 Любовь не входит в биографию,—
 Бродяга остается — вне...

Нахлынет, так перо отряхивай
 Все даты, кроме тех, недóзнанных,
 Все сроки, кроме тех, в глазах,
 Все встречи, кроме тех, под звездами,
 Все лица, кроме тех, в слезах...

О первые мои! Последние!
 Вас за руку в Энциклопедию
 Ввожу, невидимый мой сонм!

Многие мои! О, пьющие
 Душу прямо у корней.
 О, в рассеянии сущие
 Спутники души моей!
 Мучиться мне — не отмучиться
 Вами,
 О, в рассеянии участи —
Сущие души моей!

Многие мои! Несметные!
 Мертвые мои (— живи!)
 Дальние мои! Запретные!
 Завтрашние не-мои!

Смертные мои! *Бессмертные*

Вы, по кладбищам! Вы, в кучистом
 Небе — стаей журавлей...
 О, в рассеянии участи
Сущие — души моей!

Вы, по гульбищам — по кладбищам —
 По узилищам —

Январь 1940
 Голицыно

Годы твои — гора,
 Время твоё — 〈царей〉,
 Дура! любить — стара.
 — Други! любовь — старей.

Чудищ старей, корней,
 Каменных алтарей
 Критских старей, старей —
 Старших богатырей.

24 января 1940

Так ясно сиявшие
 До самой зари —
 Кого провожаете,
 Мои фонари?

Кого охраняете,
 Кого ободряете,
 Кого озаряете,
 Мои фонари?

...Небесные персики
 Садов Гесперид...

Декабрь 1940

658. НЕСБЫВШАЯСЯ ПОЭМА

Будущее — неуживчиво!
 Где мотор, везущий — в бывшее?
 В склад, не рвущихся из неводов
 Правд — заведомо-заведомых.
 В дом, где выстроившись в ряд,
 Вещи, наконец, стоят.

Ни секунды! Гоним и гоним!
 А покой — знаешь каков?

В этом доме — кресла как кони!
Только б сбрасывать седоков!

А седок — знаешь при чем?
Локотник, сбросивши локоть —
Сам на нас — острым локтем!

Не сойдешь — сброшу и тресну:
Седоку конь не кунак.
Вот о чем думает кресло,
Напружив львиный кулак.

Брали — *дном*, брали — нажимом —
Деда, вы ж — вес не таков!
Вот о чем стонут пружины —
Под нулем золотников

Наших... Скрип: Наша неделя!
...Треск:
В наши дни — много тяжёле
Усидеть, чем устоять.

Мебелям — новое солнце
Занялось! *Век* не таков!
Не пора ль волосом конским
Пробивать кожу и штоф?

Штоф — истлел, кожа — истлела,
Волос — жив, кончен нажим!
(Конь и трон — знакомое дело:
Не на нем — значит под ним!)

Кто из вас, деда и дяди,
В оны дни, в кресла садясь,
Страшный сон видел о стаде
Кресел, рвущихся из-под нас,

Внуков?
Штоф, думали, кожа?
Что бы *ни* — думали зря!
Наши вещи стали похожи
На солдат в дни Октября!

Неисправимейшая из трещин!
После России не верю в вещи:
Помню, голову завая,
Догоравшие мебели —

Эту — прорву и эту — уйму!
После России не верю в дюймы
Взмахом в пещь —
Развеществлялась вещь.

Не защищенная прежним лаком,
Каждая вещь становилась знаком.
слов.
Первый пожар — чехлов.

Не уплотненная в прежнем, кислом,
Каждая вещь становилась смыслом.
Каждый брусок ларя
Дубом шумел горя —

И соловьи заливались в ветках!
После России не верю в предков.
В час, как корабль дал крен —
Что ж не сошли со стен,

Рущащихся? Половицей треснув,
Не прошагали, не сели в кресла,
Взглядом: мое! не тронь!
Заледеня огонь.

Не вещи горели,
А старые дни.
Страна, где всё ели,
Страна, где всё жгли.

Хмелекудрый столяр и резчик!
Славно — ладил, а лучше — жег!
По тому, как сгорали вещи,
Было ясно: сгорали — в срок!

Сделки не было: жгущий — жгомый —
Ставка очная: нас — и нар.
Кирпичом своего же дома
Человек упал в пожар.

Те, что швыряли в печь —
Те говорили: жечь!
Вещь, раскалясь как медь,
Знала одно: гореть!

Что не алмаз на огне — то шлак.
После России не верю в лак.
Не нафталин в узелке, а соль:
После России не верю в моль:

Вся сгорела! Пожар — малиной
Лил — и Ладогой разлился!
Был в России пожар — молиный:
Моль горела. Сгорела — вся.

Тоска называлась: ТАМ.
Мы ехали по верхам
Чужим: не грешу: Бог жив,
Чужой! по верхам чужих

Деревьев, с остатком зим
Чужих. По верхам — чужим.

Кто — мы? Потонул в медведях
Тот край, потонул в полозьях.
Кто — мы? Не из тех, что ездят —
Вот — мы! а из тех, что возят:

Возницы. В раненьях жгучих
В грязь вбитые за везучесть.

Везло! Через Дон — так голым
Льдом! Брат — так всегда патроном
Последним. Привар — несолон,
Хлеб — вышел. Уж так везло нам!

Всю Русь в наведенных дулах
Несли на плечах сутулых.

Не вывезли! Пешим дралом —
В ночь — выхаркнуты народом!
Кто — мы? Да по всем вокзалам...
Кто — мы? Да по всем заводам...

По всем гнойникам гаремным,—
Мы, вставшие за деревню,
За дерево...

С шестерней как с бабой сладившие,
Это мы — белоподкладочники?
С Моховой князя, да с Бронной-то,
Мы-то — золотопогонники?

Гробокопы, клопологи —
Подошло! подошло!
Это мы пустили слово:
— Хорошо! хорошо!

Судомон, крысотравы,
Дом — верша, гром — глуша,
Это мы пустили славу:
— Хороша! Хороша —
Русь.

Маляры-то в поднебесьице —
Это мы-то — с жиру бесимся?
Баррикады в Пятом строили —
Мы, ребятами.

— История.

Баррикады, а нынче — троны,
Но всё тот же мозольный лоск!
И сейчас уже Шарантоны
Не вмещают российских тѡск.

Мрем от них. Под шинелью рваной —
Мрем, наган наставляя в бред.
Перестраивайте Бедламы!
Все малы — для российских бед!

Бредит шпорой костыль.— Острие! —
Пулеметом — пустой обшлаг.
В сердце, явственном после вскрытья,
Ледяного похода знак.

Всеми пытками не исторгли!
И да будет известно — там:
Доктора узнают нас в морге
По не в меру большим сердцам!

У весны — ни зерна, ни солоду,
Ни ржанных, ни иных кулей.
Добровольчество тоже голое:
Что, весна или мы — голей?

У весны — запрягать, так лешего! —
Ничего кроме жеста ввысь!
Добровольчество тоже пешее:
Что, весна или мы — дрались?

Возвращаться в весну — что в Армию
Возвращаться, в лесок — что в полк.
Доброй воли весна ударная,
Это ты пулеметный шелк

По кустам завела, по отмелям...
Ну, а вздрогнет в ночи малыш —
Соловьями как пулеметами
Это ты по палишь.

Возвращаться в весну — что в Армию
Возвращаться: здорово, взвод!
Доброй воли весна ударная
Возвращается каждый год.

Добровольцы единой Армии
Мы: дроздовец, вандеец, грек —
Доброй воли весна ударная
Возвращается каждый век!

Но первый магнит —
До жильного мленья! —
Березки: на них
Нашивки ранений.

Березовый крап:
Смоль с мелом, в две краски —
Не роща, а штаб
Наш в Новочеркасске.

Черным по белу — нету яркости!
Белым по черну — ярче слез!
Громкий голос: Здорово, марковцы!
(Всего на всего ряд берез...)

Апрель — май 1926

1

... ежевика,
 Плети, плетень.
 Возле люльки — гляди-ка —
 Вторая тень:
 Грудь кумашная, шерсть богатая:
 Нянька страшная, бородатая.

...
 Сапогом следит.
 В колыбель — дитю
 Бородой глядит.

— Свернись катышком,
 Заткнись пробочкой!
 А нү, матушка!
 А нү, кровушка!

А нү, ... !
 А нү, милушка!
 Теки, кровушка,
 Домой — в жилушки.

Так на сем тебе слове —
 И крест и ключ.
 (А еще не уймется —
 Еще покличь!)

Ла—зорь,
 Сни—игирь

2

И опять — стопудовым жерновом
 Половина — какого черного?
 — В голубые пруды атласные —
 Часа — царствования — сплошь красного!
 Настоящего Моря Красного!
 От Ходынского Поля красного
 До веселого и красивого

Алексея Кровоточивого
На последнюю каплю — щедрого!
Половина — давно ли первого? —
Осиянного и весеннего —
Часа — царствования — последнего
На Руси...

Не страшитесь: жив...
Обессилев — устав — изныв
Ждать, отчаявшись — на часы!
Спит Наследник всяя Руси.

3

Аня с круглыми плечами,
Аня с пухлыми щеками
Сдобных булочек молочных,
Потолочных
Ангелочков.
Брови дугою,
Румянец до пуговок.
Между одной — и другою
И другом их

4

Вот — двое. В могучих руках — каравай.
Проходят, кивают. И я им киваю.
Россия! Не ими загублена — эти
Большие, святые, невинные дети,
Обманутые болтунами столицы.
Какие открытые славные лица
Отечественные. Глаза — нашей Ани!..
Не плачу. Боюсь замочить вышиванье, —
— Зеленые ветки, Анютины глазки —
Для Матери здешней тружусь Абалакской —
Да смилостивится... С приветом и с хлебом
Давно уже скрылись, а всё еще следом
Киваю...
(И слезы на пальцы, и слезы на пальцы,
И слезы на кольца!..) О, Господи, сколько!
Доколе — и сколько?.. О, Господи, сжался
Над малыми сими! Прости яко — вору...

Сестре Серафиме — сестра Феодора.

Обитель на горе.
Молитва на коре.

Не знала та береза,
Дороги на краю,
Что в лютые морозы
Затем красу свою

— Сибирскую «корицу» —
Белила и спасала —
Чтоб русская Царица
На ней письмо писала

— За всё благодарю —
Небесному Царю.

Не знала та дорога,
С березой на краю,
Зачем седобородый
Старик — ножом — кору

Срезал.— Чтоб в келье тесной,
Рукою домовитой,
Германская принцесса —
Славянскую молитву

Чертила на листке
Сибирской бересты.

О чем она просила,
Канавы на краю...
Молитва за Россию:
За родину — твою —

Мою... От мхов сибирских
По кипарисы Крыма:
За каждого злобивца —
И всё-таки любимца...

Тому, кто на Горе —
Молитва на коре...

Стояла та береза —
России на краю.
— За тын, за плен, за слезы —
За всё благодарю.

А если мало — плену,
А если много — тыну...
Сам назови мне цену...
А если скажешь: сына

Под кончиком пера
Коробится кора...

Стояла та Россия —
Обрыва на краю.
— И если скажешь — *Сына...* —
За *всё* благодарю

Горит, горит береста...
Летит, летит молитва...
Осталась та береста
В веках — верней гранита.

1929—1936

***ДРУГИЕ
РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ***

Варианты приводятся согласно порядку стихов в основном тексте произведения. Под нумерацией стихов (строк) или строф указывается источник варианта. Если он не указан, это означает, что источник тот же, что и для предыдущего варианта. Тексты, заключенные в квадратные скобки, вычеркнуты в рукописи.

35

4 строфа
ЮСР

[Девушкой — он мало лун
Встретил бы, садясь за пальцы...
Кисти, шпаги или струн
Просят пальцы.]

39

69—72
Автограф
1914 г.

— «А Вам не вредно столько перца?»
Я вдруг вздохнула тяжело,
И что-то до сих пор от сердца
Не отлегло.

70

После
3 строфы
В1, РМ

Ты, прохожая красота,
Будь веселою им невестой.
Потруди за меня уста,—
Наградит тебя Царь Небесный!

71

5
В1
9—12

Преследуемы оборванцами
Чьи руки бережные нежили
Твои ресницы, красота,
И по каким терновалениям
Лавровая тебя верста...—

2—4
БТ-1

Превеликою сльву — поцелуйщицей.
Как по улице плыву морщатся:
Плясовницею сльву, да притворщицей.

9—12

Хорошо, коль из ружья метко целятся,
Хорошо, коли братья верно делятся,
Коли сокола в мужья метит — девица...
Плясовница только я, да свирельница.

162

13—14
БТ-2

А любили меня
Сто царей подряд.

229

5—8
БТ-2

В продрогшей церкви — грустный вид,
Пар от дыханья — густ,
И ладаном о Вас летит
Дыханье наших уст.

233

После 4
строфы
БТ-2

Что ж! — А всё ж чумную челядь
В страхе держит, как держала,
Оттопыренная челюсть
Всех Эскуриала.

Не коснемся взором нищим,
Сволочь! — твоего корыта,
Ибо отродясь пресыщен
Жизнью — взор полузакрытый.

264

Невошедшая
5 строфа
БТ-3

Меж горних и земных вельмож
Чужой — что затаил под маской
Ты, человеческую ложь
Вскрывающий — клинком дамасским!

290

15—16
БТ-3

Деву — от Гада,
Сновидца — от девы.

Другая
редакция
ТВ-9

К АХМАТОВОЙ

(В ответ на *упорный* слух о ее смерти)

Соревнования короста
В нас не осилила родства.
И поделили мы так просто:
Твой — Петербург, моя — Москва.

Блаженно так и бескорыстно
Мой гений твоему внимал
На каждый вздох твой рукописный
Дыхания вздымался вал

Но вал моей гордыни польской —
Как пал он! С златозарных гор
Мои стихи как добровольцы
К тебе стекались под шатер...

Дойдет ли в пустоте эфира
Моя лирическая лесть?
И безутешна я, что женской лиры
Одной, одной мне тягу несть.

30 августа 1921

314

Невошедшее
После 10
БТ-3, РО ИРЛИ

Дабы всех надписей взамен — одна
Была на гробе нам: Была верна.

Ключом серебряным — алмаз-серьгу —
Богиня Верности, замкни рабу!

Чтобы цены ее не выдал луч —
Ключом серебряным — и в воду ключ.

322

Невошедшее
После 2
строфы
БТ-3

Не осуди — скупа!
Сюды — крута тропа,
Моя легка стопа:
Зане — сума пуста!

324

33—36
БТ-3

Целься, целься, звездолоб!
Не зевай, брательники!
— Так вдвоем и ляжем в гроб:
Одноколыбельники.

- 5
БТ-3
- 27
- 29
- 42—43
- 45
- Когда ж в горячизну
- Летопись зорких стрел
- Небо — какой предел!
- (Память?)
— Вставай с одра,
Праведник, всласть радел!
- Небо — какой предел!

373

- 3
БТ-3
- 5—7
- Под занавесом предсказаний —,
- Но если разрываясь — навзрыд —
(Марлевый бинт рвануть
С кровавости?) — но если навзничь

404

*Другая
редакция
ЧТ-7*

Так, заживо раздав
Жизнь: смехотворный скарб свой:
Памятей — песен — слав...
Шагом Царицы Савской,
Спускающейся в пруд,
(Шагом — без провожатых!)
И знающей, что ждут
Ризы — прекрасней снятых
По выходе из вод...
(А может от щедрот
Устав и от хваленной
Мудрости Соломона...)
Так стихотворный скарб свой
Раздариваю: вот! —
Жестом Царицы Савской...

7 октября 1922

407

*Невошедшее
После 3
строфы
БТ-3*

Пой, пой, — миры поклонятся!
Но Регент: «Голос тот
Над кровною покойницей:
Над Музою поет!

*Невошедшее
После 4
строфы
БТ-4*

Речною, — на свыше сил
Дела, не вершими женами —
Крестил — кто меня крестил
Бедою неподслащенною:

*Другая
редакция
ЧТ-12*

Три своих над Платоновой половиной
Промотав
Погребенная заживо под лавиной
Дней, как зиму — так коротаю — жизнь.

А про жизнь скажу, что пиши пропало,
Коли кланяться — не ходок — в орду.
Что она как кобыла меня трепала:
Ноги за версту, голова во рву.

- 1) Что по и (пусть по розам —
Вы!) стоптала лирические стопы!
- 2) Что по кольям и угольям — ложь: по розам!
а) Вдохновенья лирические стопы.
б) На четыре ямбические стопы

И барахтаюсь — что мужик под возом,
Опрокинутым посреди степи.

11 января 1925

*Невошедшее
Перед 1
строфой
БТ-4*

С младостью пучин —
Справишься, юнец?
Солнечный почин,
Пенковый конец.

Прапамять:
Всех нянек
Сердечный щем:
Что тянешь —
Тем станешь —
И канешь — тем!

*Невошедшее
После 8
строфы
ЧТ-26*

Ох, брадатые авгуры!
Задал, задал бы вам бал
Тот, кто русскую цензуру
Только с дурой рифмовал,

После 12
строфы
БТ-4

А Европы Вестник — с —
Пушкин — в роли гробокопа!

То-то к пушкинским избушкам
Лепитесь, что сами — хлам!
Как из душа! Как из пушки —
Пушкиным — по соловьям

Слòва, соколàм полета!
Пушкин — в роли пулемёта!

После 16
строфы

Томики поставив в шкафчик —
Посмешаете ж его,
Беженство свое смешавши
С белым бешенством его!

Белокровье мозга, морга
Синь — с оскалом негра, горло

Кажущим...

Поскакал бы, Всадник Медный,
Он со всех копыт — назад.
Трусоват был Ваня бедный,
Ну, а он — не трусоват.

Сей, глядевший во все страны —
В роли собственной Татьяны?

532

Невошедшее
ЧТ-20

...Братски — да, арапски —
Да, но рабски — нет.
(NB! Люблю П[ушки]на. Не вошедшее.
А жаль.)

536 (1)

Невошедшее
После 4
строфы
ЧТ-23

А не сиднем, как сытый
Тунеядец в бинокль
На конец Маргариты...
Виды требуют — ног!

536 (2)

21—24
БТ-31г

На ногах, что не пухли
Вдоль и моррэн —
Вижу тихие туфли
Мертвецовы — взамен

Слава Господу в небе
(Закрываю: Гурзуф...)
За гранит и за щебень
И за кварц и за штупф —

536 (3)

Невошедшее

Живорез! Кровопиец
Наших сил, наших сёл!
...Раз Зевес-Олимпиец
Пешим — по небу шел!

537

3—4
ЧТ-23

Лик, будто молодость моя
Перед очами: — Здравствуй, я!

16—17

Дни — за стихами, как твои
Дни — за ветвями бузины

22—25

1) Стекла, оправленного в сон
2) Стекла, не знающего лет,
Кому-то давшего обет
Навек: ненужного не ждать,
Прохожего не отражать.

35

Стеляющийся между лип.

538

1—2
БТ-31г

Бузина зелена, зелена!
Бузина цельный сад заняла!

7—8

А потом, на какой-то заре
Вдруг проснешься — аж звон в голове

13—18

1) Бузины... Не звени! Не звени!
Без того уж — раздражены
Губы — зовом твоим напрасным!
Как не жаждать тебя всечасно —
Из всех ягод земных — о, яд! —
Та, которую не едят.

БТ-4

2) Бузины... Не звени! Не звени!
Без того уж раздражены
Птицы в поле и дети в доме!
Ничего в тебе нету — кроме
Красноты, веселящей глаз!
Красноты веселящий газ!

- 3) Бузины... Не звени! не звени!
Что за краски разведены
В мелкой ягоде, слаще яда!
Кумача, сургуча и ада
Смесь, коралловых мелких бус
Блеск, запекшейся крови — вкус.

25—27
ЧТ-26

А потом — на деревьях медь,
А потом — бузине синеть
Черно-синяя, как с присыпкой!

37—40

Садоводы моей страны!
Из-за ягоды бузины,
Той, калужской моей Тарусы,

- 1) Той, как бесы, и той как бусы,
2) Из-за цвета и из-за вкуса

Невошедшее
после 42
ЧТ-20

Край безумный — о, край бузинный!
Край, в безумье своем — безвинный

46—49

Против сердца и против воли
Зная! — связь — меж тобой и мной
Я бы века болезнь бузиной
Назвала...

539

1—8
ЧТ-26

Докучен твой стих —
Как башенный звон.
— А мы для иных
Дозорим времен.

Недвижен твой стих —
Как башенный мох.
А мы для иных
Сновидим эпох.

545

5—8
ЧТ-23

На: ум или не-ум? потом
Решим! (взбредет). Бухгалтер
Такой-то просит о таком-
то прозвище.— Пожалте.

546

2
ЧТ-26

- 1) Приказ — одно. Любовь — другое.
2) Верней — когда само собою!
3) Но есть еще — само собою.
4) Но есть любовь, что движет скалы.

5—8
ЧТ-24

Миска — плоской.
Так, от веку — мимо
Невмещающих ушей людских
, неостановимо,
Невосстановимо хлещет стих.

555

22—25
ЧТ-25

Чего не слышал или чтò
Услышал (о в лиственном гроте
Несмолчная речь Калипсо)
В сей членораздельной икоте?

Невошедшее
После 8
строфы

[... Тогда и узнаю, тоня
Лицом в тишине первозданной,
Что нужно кусту — от меня:
Меня — и Ахматовой, Анны.]

578

Другая
редакция
ЧТ-27

Когда я смотрю на летящие листья,
Слетающие на булыжный размыв.
Сметаемые — как художника кистью,
Сдаваемые — наши письма в архив!

Я думаю — м. б. рядом прошел ты
И видел, как странную даму знобит —
Что жалкий, ненужный, решительно-
Один такой лист на вершине — забыт. *желтый*

580

33—36
ЧТ-32

Чешское подземие:
Сны из хрусталя!
Бог, создав Богемию
Молвил: *Се* — земля!

581

1—8

1) Мир — стыднее Бреста:
Предано — родство.
Есть на карте место:
Взглянешь — кровь в лицо.

Отчего осина
По сей день дрожит...
Есть на карте мира
Точка, имя — стыд.

2) День — чернее Бреста:
Продано — родство.
Есть на карте место:
Взглянешь — кровь в лицо.

Брату яму вырыл
Брат и тащит крест.
Есть на теле мира
Язва — всё проест!

*Не вошедшее
в цикл*

4. РОДИНА РАДИЯ

Можно ль, чтоб века
Бич слепоок
Родину света
Взял под сапог?

Взглянь на те горы!
В этих горах —
Лучшее найдено:
Родина — радия.

Странник, всем взором
Глаз и души
Взглянь на те горы!
В сердце впиши
Каждую впадину:
Родина — радия...

*Не вошедшее
в цикл*

перед 583

Молчи, богемец! Всему конец!
Живите — другие страны!
То лестницей из живых сердец
Германец входит в Градчаны.

— Конным гунном в Господень храм! —
По ступеням как по черепам.

после 592

*Не вошедшее
в цикл*

Но больнее всего, о, памятной
И граната и хрусталя —
Всего более сердце ранят мне
Эти — маленькие! — поля

Те дороги — с большими сливами
И большими шагами — вдоль
Слив и нив...

5—8
Автограф
1940 г.

- 1) Даже богиней тысячерукой
— В гнезд, в звезд черноте
Тысячеокой — как ни баюкай
Вас — бодрствуете!
- 2) Даже богиней тысячерукой
— В гнезд, в звезд черноте —
Тысячеруко — как ни баюкай
Ах — бодрствуете!

597

9—12
ЧТ-34

Стара, как хвощ, стара, как змей,
Старее сказочных зверей,
Старее всех богатырей,
Старей — камней, старей — морей
корней

636

9—12
БТ-31 г,
БТ-4

— Вместо мундира — гражданский фрак?
Царь, созерцающая немощь
Тела, обкарнанного и так —
Ножницами — в поэмах.

640

Невошедшее
ЧТ-25

...С ними всеми!
И на темя —
Тишина
Из кувшина

Вечности...

Бог с стадами,
Бог с вожжами

Распри, войны,
Будь спокойна,
Лира, громче не бери
И спокойно,
И достойно
Дело вечное твори...

Бог с мотором —
Таратором
И с оратором

— Всем и всеми,
Кем душа
Оглушена...

С ихним пеньем
С ихним чтеньем

С общим чтеньем
С общим мщеньем

С правым, с левым
С красным, белым

Век мой, подаю в отставку:
Не гожусь — и тем горжусь.

Пусть одна из всех живущих —
Объявляю веку: нет!

Не одна! (За мною сонмы,
Тьмы... уединенных душ)

644

10
ЧТ-25

После 12

Хоть пополам расколот

1) Свой... Ибо *голос* тебе, поэт,
а) Дан — отмщевать обиду —
б) Вместо лица и вида
Дан.— Эвридика на белый свет
Вышла б из мглы Аида.

2) Собственный голос взамен себя
Зов, без слезы и взрыда...
Как на него идя
Вышла бы из Аида —
Мертвая....

3) Собственный голос послал во тьму
Сам у порога — *лишним*
Встав. Эвридика бы по нему
Как по канату вышла...

Как по канату и как на свет,
Слепо и без возврата
Ибо раз *голос* тебе поэт
Дан, остальное — взято.

Собственный голос взамен себя
В — посылаю.

5
ЧТ-25

После
3 строфы

Как страстное пенье сквозь косное зданье

Удар, заглушенный, замшелый как тиней
Так плющ сердцевину
Съедает.

— Сквозь быта широкую спину
Как нож сквозь перину!

Оконною ватой набившейся в уши
И той зазаконной
Снегами, годами, пудами бездушья
Удар — заглушенный

А что — если вдруг — ведь жила же Помпея
Века под золою!
А что если вдруг — прозрею
Ушами, душою

Боль — кровью и солью.

647

1—2
ЧТ-27

1) В мыслях — а о чем — и знакам
Не доверю, ибо клад...

2) В мыслях об ином, инаком
И ненайденном как клад

652

1—2
ЧТ-32

1) Изумруды, кораллы,
Сапфиры — где?

2) Те рубины, кораллы,
Те розы — где?

3) Что сияло — слиняло...
Те розы — где?

4) Отсияло — слиняло...
Те розы — где?

5) Миновало — увяло —
Те розы — где?

6) Не лицо, а забрало:
Те розы — где?

7) Прохожу под забралом.
Со всем в борьбе —

8) А бывало — сияло,
Клонясь к воде

9) Те лилеи — кораллы —
Те перлы — где?

5—6

1) Пропылило дорогой,
Прошло как дым...

2) Но до черного гроба —
Земных глубин —

656

1—4
ЧТ-34

Годы твои — гора,
Кожа твоя — кора,
Ложе твое — нора,—
Прóжитая пора!

658

108—114
ЧТ-13

Не вывезли! Черным ходом —
В смерть. Кто же про нас сегодня
Еще? — Да по всем заводам
Заводимся и заводим

Заводы... Взамен России
Святые места такие:
Заводы...

после 163

Твой поэту приказ: по линии!
Той, где небо сошлось с землей.
Пулеметная, соловьиная,
Это ты раскатилась мной.

ПРИМЕЧАНИЯ

Первое посмертное издание произведений Марины Цветаевой в нашей стране было подготовлено в 1955—1956 гг. И. Г. Эренбургом (он был автором предисловия к книге), дочерью Цветаевой — А. С. Эфрон и критиком, знатоком русской поэзии А. К. Тарасенковым. Книга эта не вышла в свет и сохранилась только в верстке. В значительно измененном составе издание осуществилось в 1961 г. С этого небольшого «Избранного» (вступительная статья В. Н. Орлова, подготовка текста А. С. Эфрон и А. А. Саакянц) и начинается реальная история изданий Цветаевой в СССР.

В 1965 г. в «Библиотеке поэта» вышло первое достаточно полное, научно-подготовленное, обширно прокомментированное издание «Избранных произведений» Цветаевой. Коллектив авторов (В. Н. Орлов, А. С. Эфрон и А. А. Саакянц) стремился познакомить читателя с наиболее характерными образцами творчества поэта в каждом из жанров на разных этапах. В определении состава ИП-65 большую роль сыграло стремление к композиционному и тематическому равновесию, что удалось в высшей степени. ИП-65 смоделировали образ Цветаевой в читательском восприятии на многие годы и тиражировали эту модель во всех последующих многочисленных изданиях, которые с той или иной степенью полноты повторяли состав ИП-65 в Минске, Казани, Риге, Ленинграде и т. д. Некоторое изменение известного состава можно видеть в издании «Сочинения в двух томах» (М., 1980; 2-е изд. — 1983), составитель которого — А. А. Саакянц — дополнила первый (стихотворный) том рядом стихов, «Федрой», «Переулочками» и «Сибирию».

Так как время составления ИП-65 и задачи первооткрытия лимитировали свободу выбора редакторов, то многие значительные произведения Цветаевой зрелого периода остались за пределами книги, которая, по подсчетам составителей, включила в себя примерно треть часть наследия Цветаевой, а именно — 381 стихотворение, 7 поэмы и 3 драматических пьесы.

К сегодняшнему дню наиболее полным изданием произведений Цветаевой является американское собрание «Стихотворения и поэмы в пяти томах» (Нью-Йорк: «Руссика», 1980—1990), включающее в себя все вышедшие при жизни поэта книги, публикации в периодических изданиях, перепечатки посмертных публикаций.

Как и все предшествующие советские издания, настоящее представляет избранные произведения поэта. По приблизительным данным нашей инвентаризации поэтическое наследие Цветаевой 1916—

1941 г. содержит около тысячи ст-ний и поэм (включая незавершенные произведения); если прибавить к этому три первые книги, драматические произведения и переводы (до сих пор полностью не выявленные), то количество произведений будет приближаться к полутора тысячам. В настоящее издание вошло 649 ст-ний 1907—1941 гг. и 10 поэм 1925—1936 гг. По сравнению с ИП-65 состав тома значительно обновлен с целью представить современному читателю возможно более полную (и новую) картину поэтического мира Цветаевой. Наряду с изданиями при жизни поэта произведениями, включено и значительное число неизданных. Первые печатаются в основном по последним прижизненным публикациям (все отступления от этого правила оговариваются в примечаниях); в ряде случаев, например, в книгах «Юношеские стихи», «Лебединый стан», беловые рукописи вводятся в текстологический ряд на равных правах с печатными текстами. Незданные произведения публикуются по автографам.

Цветаева придавала большое значение целостному восприятию своего творческого пути, вехами которого становились изданные книги. «Человек, не читавший меня всю от «Вечернего Альбома» (детство) до «Крысолова» (текущий день) — не имеет права суда», — писала она в 1926 г. в статье «Поэт о критике». В соответствии с этим раздел «Стихотворения» организуется в хронологической последовательности авторских книг, представленных полностью или избранно. Ст-ния 1925—1941 гг. не были объединены Цветаевой в книги: часть из них публиковалась при жизни поэта в различных журналах, другие опубликованы посмертно, некоторые остались в рукописях. Эти произведения входят в раздел «Стихотворения, не вошедшие в книги». В разделе «Поэмы» публикуются восемь поэм, четыре из которых в советских изданиях до сих пор не появлялись, три были опубликованы с купюрами или погрешностями. Раздел «Незавершенные произведения, фрагменты» объединяет произведения, оставшиеся неоконченными, которые, несмотря на лакуны или фрагментарность, представляют высокую художественную ценность и расширяют представление о поэтическом мире Цветаевой и путях его воплощения. В разделе «Другие редакции и варианты» представлены избранные, наиболее существенные варианты, отражающие значительное изменение темы, показательные для картины становления поэтического мастерства Цветаевой.

Главной научной задачей современного издания произведений Цветаевой представляется установление возможно точного, критически проверенного по всем доступным источникам текста известных произведений поэта и введение в читательский кругозор и научный оборот новых текстов в подлинных авторских редакциях. В связи с этим возникает ряд проблем, о которых необходимо сказать со всей определенностью. Литературный архив Марины Цветаевой в основной своей части находится с 1975 г. в ЦГАЛИ СССР. Научное описание этого архива было сделано составителем настоящего издания в 1978—1983 гг. Творческие и биографические материалы были разделены на две части: одна, содержащая рукописи личного характера — письма, дневниковые записи и другие документы, — согласно воле дочери Цветаевой, А. С. Эфрон, будет закрыта для исследователей до 2000 года; другая часть архива, включающая обширные материалы творческой деятельности Цветаевой, готовится к публикации в томе «Литературного наследства». Для настоящего издания по материалам архива произведена тщательная текстологическая

проверка опубликованных произведений и подготовлена публикация ряда неизвестных текстов.

Кроме печатных источников, с достаточной полнотой представленных в архиве Цветаевой в ЦГАЛИ (многие из которых — с авторской правкой), существует два основных вида рукописных — черновые и беловые тетради. (Подробнее о них см. наш обзор «Об архиве Марины Цветаевой» в сб. «Встречи с прошлым», вып. 4. М.: «Советская Россия», 1981). В пяти беловых тетрадях собраны произведения 1916—1936 гг., причем только две БТ (БТ-2 и БТ-3) и часть БТ-4 составлялись в годы создания вошедших в них произведений; БТ-1 (ст-ния 1916—1918 гг.), БТ-4 (произведения 1926—1936 гг.) и БТ-5 (произведения 1934—1936 гг.) составлялись в 1938—1939 гг. и, следовательно, для целого ряда как опубликованных Цветаевой, так и неизданных произведений являются последней авторской редакцией. Однако целый ряд произведений записан в беловых тетрадях с лакунами, порой весьма значительными. Одной из причин неполной записи были соображения цензурного характера — таковы, например, тексты ст-ния «Маяковскому», цикла ст-ний «Jci—Naut», поэм «Попытка комнаты», «Красный бычок», «Несбывшаяся поэма» и др. Второй причиной была творческая зыскательность Цветаевой, неудовлетворенность достигнутым результатом — так, опубликованные ею ст-ния «Куст», «Дом», цикл ст-ний «Стол» и многие другие Цветаева записывает в БТ с лакунами (см. Предисловие к примечаниям раздела «Незавершенные произведения, фрагменты»). В этих случаях в ИП-65 создавались контаминированные тексты. В настоящем издании эта традиция нарушается. Во всех вышеперечисленных случаях тексты печатаются либо по последним прижизненным публикациям, либо (в случае их отсутствия) по беловым сводкам в черновых тетрадях, то есть более ранним, по сравнению с БТ, но полным авторским редакциям. Если такие сводки не обнаружены, тексты переносятся в раздел «Незавершенные произведения, фрагменты», а в примечаниях даются, где это возможно, черновые варианты отсутствующих в беловом тексте строк или слов.

Сборник стихов, составленный Цветаевой в 1940 г., учитывается в настоящем издании лишь в примечаниях, тексты же включенных в него ст-ний из «Ремесла» и «После России» печатаются по этим книгам, так как авторская рукопись Сб40 полностью не сохранилась. Сохранившаяся третья часть рукописи сборника и его оглавление показывают, что Цветаева не была свободна при составлении книги: будучи стесненной в объеме, она сокращала циклы, многие ст-ния не включала в книгу из цензурных соображений, шла на компромиссы в графике, упрощала пунктуацию, была вынуждена озаглавливать стихи. Исходя из этих наблюдений, трудно решиться считать Сб40 последней авторской волей.

Тексты произведений, публикуемых в настоящем издании, сверены со всеми доступными автографами Цветаевой в ЦГАЛИ, РО ИРЛИ и в частных архивах. Во всех текстах сохраняются индивидуальные особенности графики и дикции Цветаевой (исправлены только явные опечатки или описки), авторская пунктуация и датировка. Начиная с «После России» все произведения датированы Цветаевой по новому стилю. В «Ремесле» и «После России» ст-ния расположены в годовых разделах, внутри которых датируются только числом и месяцем. Для удобства читателей редакция везде дает полные даты. В тех случаях, когда ст-ние датируется косвенно (днем праздника), соответствующая дата приводится в примечаниях. Ритмические знаки

Цветаевой — разделительные тире и соединительные дефисы — были предметом особого внимания при подготовке текстов. Разделительные тире, обозначающие необходимость дополнительного ударения в отдельном слове или слоге, передаются в настоящем издании знаком тире без пробелов. Дефис используется в случаях соединения слов для передачи убыстрения произношения (скороговорки) и (или) слияния смыслов в одно понятие. К сожалению, по техническим причинам невозможно было исполнить волю Цветаевой и напечатать «Перекоп» по старой орфографии.

Структура примечаний подчинена основной цели издания, поэтому наиболее полно в них отражены сведения об источниках текстов и истории создания произведений. Каждое примечание начинается библиографической справкой, в которой фиксируется первая публикация, далее (после двойного дефиса) только те последующие публикации, в которых происходила какая-либо эволюция текста, последним указывается источник, по которому произведение публикуется. Вариантом считается текст, имеющий композиционное или текстуальное различие с публикуемым, пунктуация у Цветаевой, как правило, вариантна во всех источниках. Для произведений, отмеченных в примечаниях звездочкой, имеется материал в разделе «Другие редакции и варианты». Насколько это было возможно при принятой структуре тома, материал разделов «Другие редакции и варианты» и «Примечания» не дублирует соответствующих разделов ИП-65.

Особо следует оговорить, что некоторые произведения, по традиции печатавшиеся как циклы ст-ний, помечены в нашем издании одним номером, как одно произведение. По причинам, заслуживающим особого рассмотрения, мы считаем «Облака», «Оду пешему ходу», «Так вслушиваются...», «Маяковскому» и другие не циклами ст-ний, а одним произведением в нескольких частях. Аргументами этого «особого мнения» служат ритмическое единство частей, единство лирической темы, часто — общая дата.

В заключение составитель выражает глубокую благодарность за дружеское внимание и участие в подготовке книги друзьям и коллегам. Е. И. Лубяниковой настоящее издание обязано многими библиографическими справками (часть их могла быть осуществлена благодаря любезности Л. А. Мнухина) и уточнением сведений реального комментария, а также текстологической корректурой источников. С признательностью приняты консультации Л. В. Зубовой и Н. Я. Рыковой. Получению необходимых архивных материалов содействовали Н. Б. Волкова, Т. А. Кукушкина, Т. С. Царькова, Н. Г. Князева (Лесман). Профессор Робин Кембалл (Лозанна) любезно предоставил для издания ксерокопию авторских рукописей «Лебединого стана» и «Перекопа». С. В. Полякова прочла всю книгу в рукописи и сделала ряд ценных уточнений и замечаний. Всем им — сердечная признательность.

Список сокращений, принятых в разделах «Другие редакции и варианты» и «Примечания»

«Альманах муз» — Петербург, 1916.

БТ-1 — беловая тетрадь ст-ний 1916—1918 гг., составленная в 1939 г. — ЦГАЛИ, ф. 1190, оп. 2, ед. хр. 1.

БТ-2 — беловая тетрадь ст-ний 1918—1920 гг. — ЦГАЛИ, ф. 1190, оп. 2, ед. хр. 2.

- БТ-3 — беловая тетрадь ст-ний 1921—1923 гг.— ЦГАЛИ, ф. 1190, оп. 2, ед. хр. 4.
- БТ-4 — беловая тетрадь ст-ний и поэм 1923—1934 гг., в большей части составленная в 1938 г.— ЦГАЛИ, ф. 1190, оп. 2, ед. хр. 7.
- БТ-5 — беловая тетрадь ст-ний и поэм 1934—1936 гг., составленная в 1938—1939 гг.— ЦГАЛИ, ф. 1190, оп. 2, ед. хр. 11.
- БТ-31 г.— беловая тетрадь ст-ний 1931 г., начатая с другой стороны как черновая 1934—1935 гг.— ЦГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 25.
- В1 — Цветаева М. Версты: Стихи. Вып. первый. М.: Госиздат, 1922.
- В2 — Цветаева М. Версты: Стихи. М.: Костры, 1921; 2-е изд.— 1922.
- ВА — Цветаева М. Вечерний альбом. М., 1910.
- ВР — «Воля России»: ежемес. журнал политики и культуры. (Прага, 1922—1932 гг.)
- ВФ — Цветаева М. Волшебный фонарь. М., 1912.
- «Версты» — сборники под ред. кн. Д. П. Святополк-Мирского, П. П. Сувчинского, С. Я. Эфрона и при ближайшем участии Алексея Ремизова, Марины Цветаевой и Льва Шестова. Париж, 1926—1928 гг.
- «Женская лирика» — сб. Берлин, 1923.
- «Избранное» — Цветаева М. Избранное. М., 1961.
- ИП-65 — Цветаева М. Избранные произведения. («Б-ка поэта». Большая серия). М.; Л., 1965.
- ЛС — Цветаева М. Лебединый стан/Подгот. текста Г. П. Струве. Мюнхен, 1957.
- ЛСБ — ксерокопия авторской рукописи книги «Лебединый стан» и поэмы «Перекоп» из архива б-ки Базельского университета (Швейцария).
- МС — Цветаева М. Стихотворения и поэмы. («Б-ка поэта». Малая серия). Л., 1979.
- НМ — «Новый мир»: ежемес. лит.-худож. и общ.-полит. журнал (Москва).
- НП — Цветаева М. Неизданные письма. Париж, 1972.
- НПр — Цветаева М. Несобранные произведения / Подгот. текста Г. Витженса. Мюнхен, 1973.
- «Notes» — записная книжка «Стихов к Блоку», подаренная Цветаевой Н. А. Коган-Нолле в ноябре 1921 г. (ЦГАЛИ).
- ПН — «Последние новости»: ежедн. газета (Париж).
- ПР — Цветаева М. После России. Париж, 1928.
- ПкТ — Цветаева М. Письма к А. А. Тесковой. Прага, 1969.
- «Памятники культуры» — «Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник на 1983 г.». Л., 1985.
- «Поэзия» — альманах. (Москва).
- «Поэзия рев. Москвы» — Сб. «Поэзия революционной Москвы»/Сост. И. Эренбург. Берлин, 1922.
- «Проза» — Цветаева М. Проза. Нью-Йорк, 1953.
- «Психея» — Цветаева М. Психея: Романтика. Берлин, 1923.
- Р — Цветаева М. Ремесло. М.; Берлин, 1923.
- РМ — «Русская мысль», ежемес. лит.-полит. журнал (Москва — София — Берлин — Прага — Париж).
- РО ИРЛИ — рукописный отдел Института русской литературы АН СССР. Ленинград.
- С640 — «Стихи». Сб. ст-ний, составленный Цветаевой в 1940 г.
- СЗ — «Современные записки»: ежемес. общ.-полит. и лит. журнал. (Париж).
- СП-1, СП-2 и т. д.— Цветаева М. Стихотворения и поэмы в пяти

- томах/Сост. и подгот. текста А. Сумеркина при участии В. Швейцера. Нью-Йорк, 1980—1990.
- Соч-1 — Цветаева М. Сочинения в двух томах/Сост. и подгот. текста А. Саакянц. М., 1980; 2-е изд.— 1983; 3-е изд.— 1988. Т. 1.
- «Сев. записки» — ежемес. лит.-полит. журнал. (Петроград, 1913—1917 гг.).
- «Современникам» — рукоп. сб. Цветаевой, куда вошли циклы ст-ний, обращенных к А. Блоку и С. Волконскому (ЦГАЛИ).
- ст.— стих (строка).
- ст-ние — стихотворение.
- ТВ — беловые тетради выписок из черновых тетрадей и записных книжек, составлявшиеся Цветаевой в 1932—1933, 1938—1939 гг; цифра, следующая за литерами, означает № ед. хр. ф. 1190 (ЦГАЛИ).
- «Тринадцать поэтов» — сб. Петроград, 1917.
- ТС — «Тарусские страницы». Лит.-худож., илл. сб. Калуга, 1961.
- ЦГАЛИ — Центральный Государственный Архив литературы и искусства. Москва.
- ЧТ — черновые тетради Цветаевой; цифра, следующая за литерами, означает № ед. хр. ф. 1190 (ЦГАЛИ).
- ЮС — Цветаева М. Юношеские стихи. Неизданный сб. ст-ний 1913—1915 гг.
- ЮСМ — машинопись ЮС с авторской правкой (ЦГАЛИ).
- ЮСР — рукопись ЮС (ЦГАЛИ).

[АВТОБИОГРАФИЯ]

Печ. впервые по черн. автографу в ЧТ-34. В тетради — без загл. Написано, по-видимому, в январе 1940 г. в голицынском доме писателей, под Москвой, по просьбе литературоведа Е. Б. Тагера (1906—1984) для статьи в «Литературную энциклопедию». Оригинал, переданный Тагером в редакцию, обнаружить не удалось. Фрагменты опубликованы по-французски (видимо, в пер. А. С. Эфрон) в кн.: Marina Tsvetaeva. Poèmes. Trad. par Elsa Triolet. Paris: Gallimard, 1968.

Юндина — поэтическое переложение В. А. Жуковского романтической повести Ф. да Ламотт Фуке (1777—1843), написанной на тему немецкого народного сказания о любви русалки к рыцарю. *Рустем и Зораб* — часть поэмы Фирдоуси «Шахнаме» в пер. В. А. Жуковского. *Царевна в зелени* — повесть франц. писателя А. Тёрье (1833—1907). *Нелло и Патраш* — рассказ англ. писательницы Уйда (Ouida — псевд. Марии-Луизы Раме, 1839—1908). *Которые печатают в Женеве*. Эту, очевидно самую первую, публикацию ст-ний Цветаевой установить не удалось. «*Лихтенштейн*» — историч. роман из жизни Германии XVI века немецкого писателя-романтика В. Гауфа (1802—1827). *Первую большую статью*. Имеется в виду статья М. Волошина «Женская поэзия» («Утро России». 1910, 11 дек.). «*Северные записки*» — литер.-полит. ежемес. журнал, изд. в Петрограде с янв. 1913 по янв. 1917 г., ред.-изд. С. И. Чацкина и Я. Л. Сакер. *Лагерлёф Сельма* (1858—1940) — шведская писательница, близкая к неоромантизму, широко использовавшая в своих произведениях народные сказки и легенды, лауреат Нобелевской премии 1909 г., автор романа «Сага о Йёсте Берлинге», книги для детей «Чудесное путешествие Нильса Хольгерссона по Швеции», историч. трилогии о семье Лёвеншёльд, романов из крестьянской жизни. *Ундсет Зигрид* (1882—1949) — норвежская писательница, автор историч. трилогии «Кри-

стин, дочь Лавранса» (1920—1922), где на реалистически изображенном фоне народной жизни первой половины XIV века действуют романтические герои. Трилогия была любимой книгой Цветаевой. *Вебб Мэри Глэдис* (1881—1927) — английская романистка, последовательница традиции Томаса Харди. *И сборник «Версты»*. «Версты» (вторые) вышли в 1922 г. в частном изд-ве Н. А. Архипова «Костры». *Поэма «Сибирь»* — глава из утраченной «Поэмы о Царской Семье» (1929—1936). «*Le Gars*». Фрагмент первой главы опубликован во «France et Monde», 1930, № 138; весь перевод, законченный в 1930 г., Цветаевой опубли. не удалось. *Переводы ряда стихотворений Пушкина*. Цветаева перевела 18 ст-ний Пушкина в 1936 г., при ее жизни были опубли. только два в сб. «Пушкин. 1837—1937». Изд. Комитета по устройству Дня русской культуры во Франции. Париж, 1937. С. 7. *Переводы русских и немецких, а также и советских песен*. По свидетельству А. С. Эфрон, в 30-е гг. по заказу общества «Франция — СССР» Цветаева перевела рев. песни «Замучен тяжелой неволей», «Вы жертвою пали», советские песни «Полюшко-поле» и «Марш» из к-ма «Веселые ребята» («Лит. обозрение». 1931, № 12. С. 97). *Ряд стихотворений Лермонтова*. Летом 1939 г. Цветаева перевела на французский 12 ст-ний Лермонтова, три из них были опубли. в «Revue de Moscou». 1939, № 10. «*Лесной Царь*». Имеется в виду статья Цветаевой «Два „Лесных царя“» (1933), опубли. в сб. «Числа». Париж, 1934. № 10.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1907—1925

ИЗ КНИГИ «ВЕЧЕРНИЙ АЛЬБОМ» (1907—1910)

Первая книга Цветаевой вышла в Москве в конце 1910 г. Восемнадцатилетняя гимназистка издала ее за свой счет. Книга состоит из 111 ст-ний, большинство которых не датировано. Согласно позднейшему свидетельству автора, в книгу вошли «стихи 15-ти, 16-ти и 17-ти лет» («Проза». С. 217), то есть 1907—1910 гг. Композиционно книга разделена на три части: «Детство», «Любовь», «Только тени»; соответствующие главным темам поэзии юной Цветаевой.

Первым откликом на «Вечерний альбом» была статья М. Волошина «Женская поэзия» («Утро России». 1910, 11 дек., № 323. С. 6). «Это очень юная и неопытная книга — «Вечерний альбом», — писал Волошин. — Многие стихи, если их раскрыть случайно, посреди книги, могут вызвать улыбку. Ее нужно читать подряд, как дневник, и тогда каждая строчка будет понятна и уместна. Она вся на грани последних дней детства и первой юности. Если же прибавить, что ее автор владеет не только стихом, но и четкой внешностью внутреннего наблюдения, импрессионистической способностью закреплять текущий миг, то это укажет, какую документальную важность представляет эта книга, принесенная из тех лет, когда обычно слово еще недостаточно послушно, чтобы верно передать наблюдение и чувство».

Положительную в целом оценку «Вечернему альбому» дал и Н. Гумилев в «Письмах о русской поэзии» («Аполлон». 1911, № 5. С. 78). Он писал: «Марина Цветаева внутренне талантлива, внутренне своеобразна. Пусть ее книга посвящается блестящей памяти Марии Башкирцевой, эпиграф взят из Ростана, слово «мама» почти не сходит

со страниц. Все это наводит только на мысль о юности поэтессы, что и подтверждается ее собственными строчками-признаниями. Многого ново в этой книге: нова смелая (иногда чрезмерно) интимность; новы темы, например, детская влюбленность; ново непосредственное бездумное любование пустяками жизни. И, как и надо было думать, здесь инстинктивно угаданы все главнейшие законы поэзии, так что эта книга не только милая книга девических признаний, но и книга прекрасных стихов».

Более сдержанно отозвался о «Вечернем альбоме» В. Брюсов («Русская мысль». 1911, № 2. С. 233; см. также: Брюсов В. Далекие и близкие. М., 1912. С. 197—198). «Не боясь вводить в поэзию повседневность, — писал Брюсов, — она берет непосредственно черты жизни, и это придает ее стихам жуткую интимность. <...> Однако эта непосредственность, привлекательная в более удачных пьесах, переходит на многих страницах толстого сборника в какую-то «домашность». Получаются уже не поэтические собрания <...>, но просто страницы личного дневника и притом страницы довольно пресные».

Наиболее подробный анализ «Вечернего альбома» дала в своем «Литературном дневнике» М. Шагинян («Приазовский край». Таганрог. 1911, 3 окт., № 259. С. 2; см. также: «Вопросы литературы». 1983, № 12. С. 203—209).

В 1913 г. Цветаева перепечатала 15 ст-ний «Вечернего альбома» в сборнике «Из двух книг» (М.: «Оле-Лукойе», 1913).

Избранные ст-ния книги перепечатывались в различных посмертных изданиях произведений Цветаевой: НПр, Соч-1 и др. Полностью книга воспроизведена в СП-1. В 1988 г. в Москве вышло репринтное издание «Вечернего альбома».

В настоящем изд. публикуются восемь ст-ний по книге «Вечернего альбома» из архива Цветаевой, хранящейся в библиотеке ЦГАЛИ.

1. ВА. Сонет-посвящение обращен к образу Марии Башкирцевой. Башкирцева Мария Константиновна (1860—1884) — русская художница, автор знаменитого «Дневника» («Journal de Marie Bashkirtseff». 1887, рус. изд. 1893 г.), раскрывающего внутренний мир богато одаренной артистической натуры.

2. ВА. В ст-нии отразился не только личный опыт (Цветаева в детские годы побывала в нескольких закрытых учебных заведениях за границей и в Москве), но и образы известных в те годы «повестей для юношества» Л. А. Чарской (1875—1937) — «Записки институтки», «Княжна Джаваха», «Людя Влассовская». Ланина Анна — соученица Цветаевой по гимназии Фон-Дервиз в Москве в 1906—1907 гг. Газ заботливо кем-то убавлен. Имеется в виду газовое освещение в дортуарах.

3. ВА. «Лихтенштейн» — см. примеч. к «Автобиографии». В письме к М. Волошину 11 авг. 1911 г. Цветаева писала о романе: «Представь себе, Макс, что совсем не изменилась с 12 лет по отношению к этой книге». (НМ. 1977, № 2. С. 241).

4. ВА. Посвящено памяти матери — Марии Александровны Мейн (1869—1906). О доминирующем влиянии матери на своих дочерей Цветаева писала в 1935 г. в очерке «Мать и Музыка»: «Мать точно заживо похоронила себя внутри нас — на вечную жизнь».

Как уплотняла нас невидимостями и невесомостями, этим навсе-гда вытесняя из нас всю весомость и видимость. И какое счастье, что все это было не наука, а Лирика...» («Проза». С. 71). См. также письмо Цветаевой к В. В. Розанову 8 апр. 1914 г. (НМ. 1969, № 4. С. 187—188).

5. ВА. Психологическая ситуация ст-ния повторяет известный рассказ Г. де Мопассана (1850—1893) «Лунный свет».

6. ВА. О своей первой поездке в Париж Цветаева вспоминает в 1923 г. в письме критику А. В. Бахраху (1902—1985): «Я была в Париже в первый раз 16-ти лет, одна: взрослая, независимая, суровая. Поселилась на Rue Vopararte из любви к Императору и, кроме N (торжественное «Non» всему, что не он) в Париже ничего не увидела. Этого было достаточно. <...> Пойдите во имя мое на Rue Vopararte и вспомните меня, 16-летнюю. Только не умиляйтесь, я совсем не была умильной, я была героичной: то есть: бесчеловечной». («Мосты». Мюнхен, 1961. Кн. 6. С. 335). *Ростан* Эдмон (1868—1918) — французский поэт и драматург. Зимой 1908—1909 гг. Цветаева перевела пьесу Ростана «Орленок», посвященную образу Герцога Рейхштадтского. *Герцог Рейхштадтский* (1811—1832) — сын Наполеона I и Марии-Луизы, воспитывался при австрийском дворе, был болезненным и слабым, мечтал о военных подвигах и славе, умер от скоротечной чахотки. В ВА его образу посвящено несколько ст-ний: «Герцог Рейхштадтский», «Камерата», «В Шенбрунне» и др. *Бернар Сара* (1844—1923) — французская актриса; Цветаева видела ее на сцене в «Орленке» Э. Ростана, где С. Бернар играла роль Герцога Рейхштадтского.

7. ВА. Ст-ние написано в день семнадцатилетия Цветаевой.

8. ВА.

ИЗ КНИГИ «ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ» (1910—1911)

Вторая книга Цветаевой вышла в Москве в начале 1912 г. под маркой изд-ва «Оле-Лукойе». Это домашнее предприятие юных супругов Эфрон, кроме ВФ и сборника «Из двух книг» Цветаевой, выпустило книгу рассказов Сергея Эфрона «Детство» (1912), положительно оцененную в рецензии М. Кузмина («Аполлон». 1912, № 3—4. С. 106), и брошюру М. Волошина «О Репине» (1913).

В «Волшебный фонарь» вошло 122 ст-ния, объединенных в трех разделах: «Деточки», «Дети растут», «Не на радость». Большинство ст-ний книги не датировано.

Критика встретила ВФ сдержанно, считая его повторением ВА. «Те же темы, те же образы, только бледнее и суше», — писал Н. Гумилев («Аполлон». 1912, № 5. С. 50), — словно это не переживания и не воспоминания о пережитом, а лишь воспоминания о воспоминаниях. То же и в отношении формы. Стих уже не льется весело и беззаботно, как прежде; он тянется и обрывается, в нем поэт умением, увы, еще слишком недостаточным, силится заменить вдохновение».

В сборнике «Из двух книг» Цветаева переиздала через год 25 ст-ний ВФ. Пять ст-ний были ею перепечатаны в 1925 г. в Париже

(ПН. 1925, 25 дек., № 1741. С. 4. Под общим заголовком — «Детское»).

Избранные ст-ния ВФ включены в посмертные издания — НПр, Соч-1 и др. Полностью ВФ воспроизведен в СП-1. В настоящем изд. публикуется 21 ст-ние ВФ по авторскому экземпляру книги, хранящейся в библиотеке ЦГАЛИ.

9. ВФ. *Fräulein* (нем.) — немецкая или швейцарская гувернантка в русских семьях.

10. ВФ. *Давид Копперфильд* — герой одноименного романа Ч. Диккенса (1812—1870).

11. ВФ. Можно предположить, что образы ст-ния восходят к репродукции одной из картин «Бегства в Египет», обычно изображающих Святое Семейство в дороге: Иосиф ведет в поводу или сопровождает осла, на котором сидит Мария с младенцем Иисусом. И странное на русский слух заглавие ст-ния, видимо, является калькой с «*Unsere liebe Frau*», «*Notre Dame*», «*Madonna*» или «*Our Lady*» — названия, которое могло стоять в подписи под репродукцией.

12. ВФ. *Венец из терний* — знак мученичества.

13. ВФ.

14. ВФ. В названии ст-ния заключена, вероятно непреднамеренная, аналогия: «*Тройственным союзом*» назывался военно-политический союз Германии, Австро-Венгрии и Италии против России и Франции (1879—1882). *Мы тенью Шиллера клялись*. Шиллеровский идейный комплекс был архаичен для поколения Цветаевой; Шиллером (1759—1805) увлекались в России в начале и в 40-х годах XIX века; правда, в период, предшествовавший революции 1905 г., популярность Шиллера усилилась, благодаря постановкам его пьес в Малом театре.

15. ВФ.

16. ВФ. С этим ст-нием в начале 1912 г. Цветаева выступила в «Обществе свободной эстетики» на лит. конкурсе, объявленном В. Брюсовым на тему пушкинского двустихия: «Но Эдмонда не покинет Дженни даже в небесах». См. об этом главу «Премированный щенок» в очерке Цветаевой «Герой труда» (1925). Как и последующее ст-ние, обращено к Владимиру Оттоновичу Нилендру (1883—1965) — филологу-классику, переводчику, с которым сестер Цветаевых в 1909 г. познакомил поэт Эллис — псевдоним Льва Львовича Кобылинского (1879—1947).

17. ВФ. Ср. слова Цветаевой 1931 г. в очерке «История одного посвящения»: «Если человек говорит *навек* месту или другому смертному — это только значит, что ему здесь — или со мной, например — сейчас очень хорошо. Так, а не иначе, должно слушать обеты. Так, а не иначе, по ним взыскивать». (Oxford Slavonic Papers, Vol. XI (1964). С. 127).

18. ВФ. Ст-ние написано на отъезд в начале зимы 1910 г. Андрея Белого и А. А. Тургеневой (1890—1966) в свадебное путешествие за

границу. *Жемчужная Головка* — героиня сказки С. М. Соловьева (1885—1942) — «Сказка о Серебряной Свирели» (см.: Соловьев С. Grurifragium. М., 1908. С. 3—27).

19. ВФ. В ст-нии цит. отдельные выражения рецензии В. Брюсова о ВА. Ср.: «Когда читаешь ее книгу, минутами становится неловко, словно заглянул нескромно через полузакрытое окно в чужую квартиру. <...> Мы будем также ждать, что поэт найдет в своей душе чувства более острые, чем те милые пустяки, которые занимают так много места в «Вечернем альбоме», и мысли более нужные, чем повторение старой истины: „надменность фарисея ненавистна“». (Брюсов В. Я. Далекие и близкие. М., 1912. С. 198).

20. ВФ. *Диамант* (франц.— diamant) — алмаз, бриллиант. *Фи-гаро* — герой комедии П. Бомарше «Безумный день, или Женитьба Фигаро» (1775). *Саксонские фигурки* — изделия Майсенского фарфорового завода в Саксонии, скульптурные группы, обычно — пасторали, жанровые и галантные сценки в стиле «рококо».

21. ВФ.

22. ВФ. «*Пой, птичка, пой*». Видимо, имеется в виду неаполитанская песня «Пой, ласточка, пой», распространенная в начале XX века в репертуаре шарманщиков и уличных певцов.

23—27. ВФ. *Таруса* — см. Автобиографию.

28. ВФ. Обращено к будущему мужу Цветаевой — Сергею Яковлевицу Эфрону (1893—1941).

29. ВФ. Заключительная строфа ст-ния поставлена эпиграфом к «Предисловию» сборника Цветаевой 1913 г. «Из двух книг».

ИЗ КНИГИ «ЮНОШЕСКИЕ СТИХИ» (1913—1915)

Третья — неизданная — книга Цветаевой включает ст-ния 1913—1915 гг. и поэму «Чародей» (1913). Была подготовлена к печати зимой 1919—1920 гг. По свидетельству Цветаевой 1925 г. ЮС вместе с В1 были отклонены Литературным отделом Наркомпроса в лице В. Брюсова и С. Боброва как «не напечатанные своевременно и не отражающие соответственной современности» («Проза». С. 227).

Многие ст-ния книги публиковались Цветаевой в различных периодических изд. Полностью книга опубликована в изд.: Марина Цветаева. Неизданное: Стихи. Театр. Проза. Париж, 1976 и в СП-1. В последнем случае ЮС напечатаны по экземпляру машинописи с авторской правкой 1920 г., приобретенному публикатором у А. Е. Крученых. Избранные ст-ния ЮС вошли в ИП-65, Соч-1 и др.

В ЦГАЛИ хранится два экз. ЮС — рукописный и машинописный с двухслойной авторской правкой 1920 и 1940 гг. Подробное описание обеих рукописей см. в книге «Памятники культуры» (С. 120—125).

В настоящем изд. публикуются 37 ст-ний (из 69) машинописного экз. ЮС с сохранением особенностей орфографии и пунктуации источника.

30. ЮСМ. Автограф при письме к В. В. Розанову от 7 марта 1914 г. (ЦГАЛИ). ЮСР открывается другим «посвящением» — «Мои стихам, написанным так рано...» (см. ИП-65. С. 57).

31. «Сев. записки». 1915, № 5—6. - - ЮСМ.

32. ЮСМ (впервые — ТС).

33—34. ЮСМ. Обращено к сестре — Анастасии Ивановне Цветаевой (р. 1894). В Дамаске (Сирия) изготавливалась особая высококачественная узорчатая литая сталь для клинков.

* 35—36. ЮСМ (впервые — СП-1, вар.). Посвящено мужу Цветаевой — С. Я. Эфрону (см. примеч. № 28). 1. *Версальцы* — название контрреволюционных войск, подавивших Парижскую Коммуну (1871), но Цветаева, вероятно, имела в виду королевский полк, защищавший Версальский дворец (уже без короля, который с семьей переехал в Тюильри) во время Великой французской революции. 2. *Как ветви мальмезонских ив*. Malmaison (франц.) — замок в окрестностях Парижа, подаренный Наполеоном I своей первой жене Жозефине Богарне (1763—1814). *Джанкой* — город в материковой части Крымского полуострова.

37. «Сев. записки». 1915, № 1, без даты, вар. - - ЮСМ.

* 38. «Сев. записки». 1916, № 3, в цикле из 2-х ст-ний под общим загл. «Але» (2), без эпиграфа, без даты, вар. - - ВР. 1925, № 2, под загл. «Аля (Из книги юношеских стихов)», с эпиграфом. - - ЮСМ. Автограф в составе рукописи Цветаевой «Аля (Записи о моей первой дочери)» 1918 г. (ЦГАЛИ), вар. Автограф при письме к В. В. Розанову от 7 марта 1914 г. (ЦГАЛИ), вар. Посвящено старшей дочери Цветаевой Ариадне Сергеевне Эфрон (1912—1975). Эпиграф. Миф об Ариадне и Тезее относится к числу наиболее любимых Цветаевой. *Тезей* — герой Древней Греции, сын афинского царя Эгея, победитель Минотавра, чудовища, обитавшего в лабиринте на о-ве Крит. *Ариадна* — дочь критского царя Миноса; полюбив Тезея, дала ему клубок ниток, при помощи которого Тезей выбрался из лабиринта; герой увез царевну с собой и покинул ее спящей на о-ве Наксос; Ариадна стала супругой бога Диониса; последний эпизод мифа подробно разработан Цветаевой в 1923 г. в трагедии «Ариадна» (см. ИП-65). *Диана* — богиня охоты; *Минерва* — богиня мудрости в Древнем Риме.

39. ЮСМ (впервые — СП-1, в цикле из 7-ми ст-ний под общим загл. «П(етру) Э(фрону)»). В ЮСР в цикле из 6-ти ст-ний под тем же загл. (1). Автограф при письме П. Я. Эфрону июня 1914 г. (ЦГАЛИ) с датой: «Коктебель, 6-го июня 1914 г., пятница», вар. Обращено к старшему брату мужа Цветаевой — Петру Яковлевичу Эфрону (1884—1914). Их знакомство произошло в конце лета 1913 г. в Москве, когда П. Я. Эфрон вернулся из Швейцарии, где долгое время лечился в туберкулезном санатории в Давосе.

40. ЮСМ (впервые — СП-1, в цикле из 7-ми ст-ний под общим загл. «П(етру) Э(фрону)»). В ЮСР входит в цикл из 6-ти ст-ний, обращенный к П. Я. Эфрону. (4). *Война, война!* — ст-ние написано на следующий день после начала первой мировой войны: 15 июля 1914 г.

Австро-Венгрия объявила войну Сербии, 19 июля Германия объявила войну России, 21 июля — Франции, 22 июля Великобритания объявила войну Германии. *Кюот* — створчатая рама или шкафчик со стеклянной дверцей, в которых помещались иконы.

41—55. ЮСМ (впервые — СП-1, вар.; 3, 11, 13 — ДП, 1968; 4, 14 — ИП-65; 6, 10 — «Памятники культуры»). Первоначальное (1920 г.) загл. цикла — «Ошибка». Настоящее загл. дано в 1940 г. Цикл обращен к Софии Яковлевне Парнок (1885—1933) — поэту, лит. критику, переводчице. Цветаева познакомилась с ней осенью 1914 г., их дружба, продолжавшаяся до начала 1916 г., сыграла важную роль в жизни Цветаевой. Летом 1915 г. А. К. Герцык писала М. А. Волошину: «Из письма (письма Цветаевой к Герцык. — Е. К.) поняла, что Марина, наконец, выходит из своего замкнутого детского круга, — большое страдание постигло ее и выковыривает из ее души новую форму. В ее новых стихах это еще почти не отражается — как все переходное, бездомное — они стали неловки, утратили свою наивную отчетливость. Но я верю в ее будущее». (РО ИРЛИ). 10. *White Rose* — «Белая роза» — модная в те годы марка английских духов. *Севрские фигурки* — художественные композиции фарфорового завода в Севре (близ Парижа), аллегорические группы, отличающиеся плавностью линий и грациозностью. *Фай* — плотная шелковая или шерстяная ткань с тонкими поперечными рубчиками. *О будьте моим Орестом!* Скорее всего в этой «фразе» лирической героини содержится просьба о дружбе: имена Ореста и Пилада стали нарицательными для обозначения неразлучных друзей. 13. *Вознесение*. Праздник Вознесения Господня приходился в 1915 г. на 30 апр. (ст. ст.). 15. *Зурна* — восточный музыкальный инструмент типа свирели. *Блонды* — шелковые кружева с желтоватым отливом.

56. СЗ. 1936, кн. 61, в тексте очерка «Нездешний вечер». - - ЮСМ. В СП-1 и в ЮСР вар. ст. 16: «Проходит с тросточкой в руке». *Ты миру отдана на травлю*. В начале первой мировой войны антигерманские настроения в русском обществе приобрели острый характер. *Кенигсберг* (ныне — Калининград) — город в Восточной Пруссии, где родился, прожил жизнь и умер великий немецкий философ И. Кант (1724—1804). *Где Фауста нового лелея* и т. д. В Веймаре прошла основная часть жизни И.-В. Гете (1749—1832), там он и умер. *Святой Георгий* — общехристианский святой, в Европе — патрон рыцарства. *Кайзер* — император Германской Империи; в 1914 г. кайзером был Вильгельм II (1859—1941). *Лорелей* — дева-сирена Рейна, заманивающая своим пением рыбаков к опасным рифам; героиня легенды, созданной немецким поэтом К. Брентано (см. его книгу «Godwi» — 1801—1802); стала широко известна после песни Г. Гейне «Лорелей» (1824).

57. ЮСМ (впервые — «Памятники культуры»). В ЮСР с загл. «Ложь». *Моих прабабушек-полячек*. Со стороны матери у Цветаевой были польские предки: бабушка — Мария Лукинична Бернацкая (1841—1869) и прабабушка — графиня Мария Ледуховская. *Боа* — женский шарф из меха или мягких перьев.

58. ЮСМ (впервые — ДП, 1968). Графичность и врубелевский колорит первого цветаевского портрета своей знаменитой современницы восходят, вероятно, к широко известным тогда репродукциям

портретов Ахматовой Н. Альтмана (1914) и О. Делла Вос Кардовской [1915].

59. ЮСМ (впервые — ТС, с ошибочной датой, неисправный текст, его источник не обнаружен). В ЮСР под загл. «Легкомыслие».

60. ЮСМ (впервые — ИП-65, в подборке «Из цикла „Подруга“»). В СП-1 в цикле «Подруга» (12).

61. ЮСМ.

62. «Альманах муз», без даты. - - ЮСМ.

63. ЮСМ. В ЮСР с посвящением «Асе» — А. И. Цветаевой (см. примеч. № 33).

64. ЮСМ (впервые — ИП-65). *Епанча* — широкий плащ.

65. «Сев. записки». 1916, № 7—8, вар. - - ЮСМ.

ВЕРСТЫ (1916)

Книга «Версты» издана в Москве, в Гос. изд-ве, в конце 1922 г., уже после отъезда Цветаевой из России. Критикой книга осталась не замеченной. Насколько известно, кроме тенденциозного отзыва С. Родова в обзоре «Поэзия Госиздата» («На посту». 1923, № II—III. С. 138—160), откликов на «Версты» не появлялось.

В1 состоят из 84 ст-ний 1916 г. Многие ст-ния Цветаева перепечатала в изданном в Берлине в 1923 г. сб. «Психея», где они вошли в состав различных циклов. В вышедшей раньше В1 — в начале 1922 г. в Берлине — книге «Стихи к Блоку» был полностью воспроизведен одноименный цикл В1.

В последующих изданиях ст-ния В1 печатались очень широко: в ИП-65, в Соч-1, НПр и др., или В1 воспроизводились целиком — в СП-2 и отдельным изданием (репринт).

В 1939 г. Цветаева переписала свои стихотворения 1916—1918 гг. в отдельную беловую тетрадь. По сравнению с печатным текстом В1 во всех ст-ниях изменилась пунктуация, во многих появились новые редакции отд. строк. В настоящем изд. В1 публикуются полностью. Все ст-ния, кроме особо оговоренных случаев, печ. по БТ-1, то есть в редакциях 1939 г.

66. «Альманах муз», без даты. - - В1. - - БТ-1.

67. В1. - - БТ-1. Автограф (ЦГАЛИ), вар. Обращено к старшей дочери Цветаевой — Ариадне (см. примеч. № 38). Здесь и далее обращения раскрыты по экз. В1 из собр. М. С. Лесмана.

68. В1. - - БТ-1. Автограф (ЦГАЛИ).

69. В1. - - РМ. 1923, № 1/2 в цикле из 3-х ст-ний «Проводы» (2), без даты. - - БТ-1. Как и три последующих ст-ния, обращено к Осипу Эмильевичу Мандельштаму (1891—1938). Зимой 1916 г., после воз-

вращения Цветаевой из Петрограда, Мандельштам несколько раз приезжал в Москву. В 1916 г. Мандельштамом написаны три ст-ния, обращенные к Цветаевой: «В разноголосице девического хора...», «На розвальнях, уложенных соломой...» и «Не веря воскресенья чуду...», все они вошли в книгу Мандельштама «Tristia».

* 70. В1, вар. - - РМ. 1923, № 1/2 в цикле из 3-х ст-ний «Проводы» (1), без даты. - - БТ-1. Автограф (РО ИРЛИ) 1920 г., вар.

* 71. В1, вар. - - БТ-1. *Карбóванцы* (юж.-рус.) — рубли.

72. «Альманах муз», без даты. - - В1, вар. - - БТ-1.

73. В1. - - РМ. 1923, № 1/2 в цикле из 3-х ст-ний «Проводы» (3), без даты. - - БТ-1. Автограф (ЦГАЛИ).

74. В1, вар. - - БТ-1. Автограф (ЦГАЛИ). Как и три последующих ст-ния, обращено к поэту Тихону Васильевичу Чурилину (1885—1946). *Рогожин* — герой романа Ф. М. Достоевского «Идиот».

75. В1, вар. - - ПН. 1928, 5 авг., под загл. «Голуби».- - БТ-1. Автограф (ЦГАЛИ), ред. БТ-1.

76. В1. - - БТ-1.

77. В1. - - БТ-1.

78. В1. (В БТ-1 — лакуны в ст. 6, 13). Как и следующее ст-ние, обращено к О. Э. Мандельштаму (см. примеч. № 69).

79. В1, с датой «20 марта».- - ПН. 1928, 18 окт., под загл. «Отрок».- - БТ-1. Автограф (ЦГАЛИ), ред. БТ-1.

80. В1, вар. - - БТ-1. Автограф (ЦГАЛИ), ред. БТ-1.

81. В1. - - БТ-1.

82. В1.- - БТ-1. Автограф (ЦГАЛИ). Праздник *Благовещения* Пресвятой Богородицы празднуется 25 марта ст. ст. (7 апр. н. ст.) в честь принесения Архангелом Гавриилом Деве Марии благой вести о том, что она будет матерью Сына Божия Иисуса Христа (Лука, 1.). По старинному русскому обычаю в этот день выпускали из клеток на волю птиц.

83. «Сев. записки». 1917, № 1, в цикле из 9-ти ст-ний «Стихи о Москве» (1), с прибавлением строки после ст. 52: «С вестию благостной», с датой — «24 марта 1916 г.» - - В1. (В БТ-1 лакуна в ст. 30) *Благовещенский собор* — один из трех главных соборов Московского Кремля.

84. В1. - - «Психея», в цикле из 11-ти ст-ний «Стихи к дочери» (2). - - БТ-1. Обращено к дочери Цветаевой — Ариадне (см. примеч. № 38).

85. В1, вар. - - БТ-1. Возможно, в этой картине домашнего патриархального быта — отзвук общения с Мандельштамом, влияние его «домашнего эллинизма», который в статье 1922 г. «О природе слова» Мандельштам поясняет примерами: «Эллинизм — это печной горшок, ухват, кринка с молоком, это — домашняя утварь, посуда, все окружение тела... Эллинизм — это сознательное окружение человека утварью вместо безразличных предметов, превращение этих предметов в утварь, очеловечение окружающего мира, согревание его тончайшим телеологическим теплом...» (Мандельштам О. О поэзии. Л., 1928. С. 40).

86. В1, вар. - - «Благонамеренный». Брюссель. 1926, № 1. (В БТ-1 — с лакуной в ст. 5, вар.). Датируется — по В1 и БТ-1. Ст-ние посвящено образам *Лжедмитрия I* (Григория Отрепьева, ? — 1606) и его жены, дочери сандомирского воеводы — *Марины Мнишек* (ок. 1588 — ок. 1614). Они обвенчались в 1604 г., в мае 1606 г. Марина Мнишек была коронована в Москве; через неделю бояре свергли Лжедмитрия, он был убит, а Марина с отцом сослана в Ярославль. *Марфа* — Мария Федоровна Нагая (? — 1612), последняя жена Ивана Грозного, мать царевича Дмитрия (1582—1591), после его смерти принявшая иноческий постриг. Лжедмитрий был «узнан» инокиней Марфой по родинке на щеке. В *Архангельском соборе* Московского Кремля, построенном Иваном Калитой в 1333 г., находятся гробницы великих князей и царей московских допетровской эпохи — от Ивана Калиты до Ивана Алексеевича (1666—1696), старшего брата Петра I. Гробницы позднейших русских царей — от Петра I до Александра III — находятся в Петропавловском соборе Ленинграда.

87—95. Цикл из 9-ти ст-ний «Стихи о Москве» образован в 1916 г. и впервые напеч. в «Сев. записках». В В1 повторен в измененном составе.

1. «Сев. записки». 1917, № 1, без даты (2) - - В1.- - «Психея», в цикле из 11-ти ст-ний «Стихи к дочери», с датой «Москва, Благовещенье 1916 г.» - - БТ-1. Под текстом ст-ния в БТ-1 — помета Цветаевой: «(NB! Сколько могил я уже сменила! Где мне нравится — там и лежится. Париж, 11-го февраля 1939 г., при переписке.)». На *Ваганькове*. На Ваганьковском кладбище в Москве похоронены родители и брат Цветаевой, а также родители ее матери.

2.-«Сев. записки». 1917, № 1, без даты (3).- - В1.- - БТ-1. Как и следующее ст-ние, обращено к О. Э. Мандельштаму (см. примеч. № 69). На *Спасских воротах* Московского Кремля висела икона Спаса Нерукотворного, а на башне находилось также изображение Святого Георгия Победоносца — покровителя Москвы. *Часовню звездную*. Имеется в виду Иверская часовня, где находилась наиболее чтимая московская святыня — икона Иверской Божией Матери; часовня стояла у Воскресенских ворот Красной площади между зданиями Исторического музея и Государственной Думы (ныне — музей В. И. Ленина); ее купол венчала синяя главка с золотыми звездами. *Пятисоборный несравненный круг* — Соборная площадь Московского Кремля, на которой находятся Успенский, Благовещенский, Архангельский соборы, церковь Ризположения и ансамбль колокольни Ивана Великого (колокольня и звонница). *К Нечаянная Радости в саду*. Икона Божией Матери «Нечаянная Радость» находилась в церкви Благовещенья на Житном дворе в Тайницком саду Московского Кремля.

3. «Сев. записки». 1917, № 1, без даты (4), вар. - - В1. - - БТ-1.
4. «Сев. записки». 1917, № 1, без даты (5), с вар. ст. 25: «— Прости, Господь, погибшей от гордыни». - - В1. (В БТ-1 — лакуна в ст. 25).

5. В1. - - БТ-1. Под текстом ст-ния в БТ-1 — помета: «(NB! Никто не отвергал. Так. А ведь как — обиженно и заносчиво — и убедительно! — звучит. Пометка 23-го февраля 1939 г.)».

6. «Сев. записки». 1917, № 1, без даты (7), с опечаткой в ст. 4, вар.- В1, вар.- БТ-1. *Троицын день* в 1916 г. приходился на 29 мая ст. ст.

7. «Сев. записки». 1917, № 1, без даты (8). - - В1. - - БТ-1. *В колокольный я* и т. д. Цветаева родилась 26 сентября ст. ст., в этот день русская православная церковь празднует поминовение апостола и евангелиста Иоанна Богослова; в 1892 г. 26 сентября приходилось на субботу. *Хлысты* — русская мистическая секта.

8. «Сев. записки». 1917, № 1, (9). - - В1. - - БТ-1. За датой ст-ния в БТ-1 — помета: «последние стихи в Александрове». *Младенец Пантелеймон*. Часовня с мощами целителя Пантелеймона, изображавшегося на иконах отроком или юношей, находилась поблизости от Красной площади, на Никольской улице. *Там Иверское сердце* — см. примеч. к № 2 цикла.

9. В1.- - БТ-1.

96. В1, с опеч. в ст. 16. - - БТ-1.

97. В1, вар. - - БТ-1.

98. В1. - - БТ-1. *Положите меня* и т. д. На раздорожии, то есть вне освященной кладбищенской земли, где хоронили людей вне закона — самоубийц, разбойников, бродяг, инверцев. *Вечной памяти не хочу* — одновременное отрицание как земной славы, так и церковного поминания, во время которого поют «Вечную память».

99. В1. (В БТ-1 отсутствует). *Пажить* — луг, поле (Ожегов); луг или поле, где пасется скот; паства; пастбище (Даль). 27 января 1941 г. Цветаева записывает в рабочей тетради: «Мне 48 лет, а пишу я — 40 лет и даже 41, если не сорок два (*честное слово*) и я, конечно, *по природе* своей — выдающийся филолог, и —

Нынче, в крохотном словарчике, и даже в трех, узнаю, что *пажить* — *ratûrage*, пастбище, а вовсе не поле: нива: сжатое: отдыхающее — поле. Итак, я всю жизнь считала (и, о ужас, м[ожет] б[ыть] писала) пажить — полем, а это — луг, луговина. Но — вопреки трем словарям (несговорившимся: один франц[узский] — старый, другой — советский, третий — немецкий) все еще не верю. Пажить — звучит: жать, жатва». (ЦГАЛИ, Фонд 1190, оп. 3, ед. хр. 33, л. 34. Впервые опубли. с изменением текста в составе письма к дочери НМ, 1969, № 4. С. 213).

100. В1, вар. - - БТ-1. *Святцы* — перечень имен святых с указанием дней их памяти. *Восприемник* — крестный отец.

* 101. В1. (В БТ-1 — лакуна в ст. 3, вар.). Согласно помете Цветаевой на В1 из собрания М. С. Лесмана, вар. 1 и 3 строф в БТ-1 (см. разд. «Другие редакции и варианты») — восстановление текста 1916 г., в В1 — переделка 1921 г. *Троеручица* — чудотворная икона

Божией Матери; ее происхождение относится к началу VIII века и связано с именем святого Иоанна Дамаскина, защитника почитания икон во время иконоборчества. Святому отрубили кисть правой руки, которая восстановилась после его молитвы иконе Божией Матери. В благодарность за свершившееся чудо Иоанн Дамаскин дописал третью руку на иконе (по другим источникам — сделал из серебра кисть руки и приложил к иконе), отчего она и получила наименование «Троеручицы». *Схимница* — монахиня, принявшая обет строгого аскетизма.

102. В1, с опеч. в ст. 31—32. - - «Психея», в цикле из 11-ти ст-ний «Бессонница» (1). - - БТ-1.

103. В1. - - БТ-1. Обращено к С. Я. Парнок (см. примеч. № 41). *День прощёный* — 1) канун Великого Поста — Прощёное воскресенье, когда, готовясь к покаянию, человек должен простить обиды и примириться со всеми; 2) в будущей жизни — день после Страшного Суда.

104. В1, с посвящением С. Э. <С. Я. Эфрону>. - - БТ-1. *Чернецы* — монахи.

105. В1. - - БТ-1. Быть может, реминисценция известных строк А. Ахматовой: «А я товаром редкостным торгую — Твою любовь и нежность продаю» — 1913 г. (см.: Анна Ахматова. Белая стая. П., 1917. С. 10).

106—112. Цикл «Стихи к Блоку» образован в 1921 г. Имеется несколько редакций цикла. Полная ред. напеч. в кн. «Стихи к Блоку» (Берлин, 1922), она состоит из трех разделов: I — ст-ния 1916—1920 гг., II и III — ст-ния 1921 г. В В1 цикл состоит из ст-ний 1916 г. В «Психее» 1, 2, 3, 5 и № 235 настоящего изд. образовали цикл «Свете тихий». Отд. ст-ния цикла публиковались в сб. «Пересвет. I» (М., 1921), «Женская лирика» (Берлин, 1923) и др. Известны две рукоп. ред. «Стихов к Блоку» (ЦГАЛИ). Первая открывает рукоп. книжку Цветаевой «Современникам», составленную в апреле 1921 г., здесь под заголовком «Александр Блоку» помещены 1, 2, 3, 5. Вторая рукоп. ред. — автограф в записной книжке «Notes», где записан весь цикл, первый разд. состоит из 1, 2, 3, 4, 5, 6, и № 113 (7).

1. «Стихи к Блоку». - - В1. - - «Психея». - - «Женская лирика», без даты, с подзагол. «Из стихов к Блоку». - - БТ-1. *Имя твоё — пять букв* — по старой орфографии: Блокъ.

2. «Стихи к Блоку». - - В1, с опеч. в ст. 22. - - «Психея». - - БТ-1.

3. «Ковчег». Альманах поэтов. Феодосия, 1920. - - «Пересвет. I», с подзагол. «Из стихов к Блоку». - - «Стихи к Блоку». - - В1. - - «Психея». - - БТ-1. Ст-ние построено на образах православной молитвы. Древняя песнь «Свете Тихий» звучит в начале Великой Вечерни и говорит о свете нового дня вечности, который принес на землю Христос. Начальные слова молитвы: «Свете Тихий еятыя славы Бессмертного Отца Небесного, Святого, Блаженного, Иисусе Христе! Пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний, поем Отца, Сына и Святого Духа, Бога».

4. «Стихи к Блоку». - - В1. - - БТ-1.

5. «Сев. записки». 1917, № 1, в цикле из 9-ти ст-ний «Стихи о

Москве» (6), с посвящ. «А. Б.», без даты. -- «Стихи к Блоку». -- В1. -- «Психея». -- «Женская лирика», без даты. -- БТ-1.

6. «Пересвет. I», с подзагол. «Из стихов к Блоку», вар. -- «Стихи к Блоку», вар. -- В1, с опеч. в дате, вар. -- «Женская лирика», без даты, вар. -- БТ-1.

7. «Стихи к Блоку». -- В1. -- БТ-1.

113. «Стихи к Блоку». -- В1. -- БТ-1.

114. В1. -- «Психея», в цикле из 11-ти ст-ний «Бессонница» (2). -- БТ-1.

115—125. Цикл «Стихи к Ахматовой» образован в 1921 г. и в составе 11-ти ст-ний напеч. в В1. В «Психее» цикл опубл. под загл. «Муза», с посвящ. «Анне Ахматовой», с общей датой: «19-го июня — 2-го июля 1916 г., Александровская Слобода». См. также № 608.

1. В1. -- «Психея». -- БТ-1. Вошло в антологию Э. Голлербаха «Образ Ахматовой» (Л., 1925). *Муза плача*. Этот цветаевский образ заимствован Ахматовой при подготовке к печати второго ст-ния из «Эпических мотивов» (см.: Виленкин В. Я. В сто первом зеркале. М., 1987. С. 154).

2. В1, с опеч. в ст. 16. -- «Психея». -- БТ-1. Вошло в антологию «Образ Ахматовой» с ред. искажениями ст. 13 и 24, с ошибочной датой. В БТ-1 — помета на полях: «Александровская слобода (Владимирской губ.) — в гостях у Аси — 22-го июня 1916 г.». *Я впервые именем назвала Царскосельской Музы*. Детство, отрочество и первые годы после замужества Ахматова провела в Царском Селе. Это определение Цветаевой невольно соотносится с замечанием Н. Н. Пунина, взятым Ахматовой эпиграфом к своей «Царскосельской оде» (1961): «Ты поэт местного, царскосельского значения. Н. П.» (приведено в комм. В. М. Жирмунского в изд.: Ахматова А. Стихотворения и поэмы. «Б-ка поэта». Большая серия. М.; Л., 1977. С. 492).

3. В1. -- «Психея». -- БТ-1. Вошло в антологию «Образ Ахматовой» с ред. искажениями в ст. 23. *Эдем — райский сад*.

4. В1. -- «Психея». -- БТ-1. Обращено к Льву Николаевичу Гумилеву (р. 1912). *Взгляд — искателя Жемчугов и И нить жемчужных черных цветов — в твоей горсти!* Возможно, использование образов, давших название книгам Н. Гумилева («Жемчуга», 1910) и А. Ахматовой («Четки», 1914).

5. В1. -- «Психея». -- БТ-1. В ст-нии использованы мотивы поэмы Ахматовой «У самого моря» (1914).

6. В1. -- «Психея». -- БТ-1. Автограф (РО ИРЛИ).

7. В1. -- «Психея». -- БТ-1.

8. В1. -- «Психея». -- БТ-1. *Богомолок у Сергей-Троицы*. Имеется в виду Троице-Сергиева Лавра под Москвой, традиционное место паломничества русских богомольцев. *Богородицею хлыстовскою*. О хлыстах см. примеч. № 93.

9. В1, вар. -- «Психея», вар. -- БТ-1. Вошло в антологию «Образ Ахматовой».

10. В1. -- «Психея». (В БТ-1 — лакуна в ст. 6).

11. В1. -- «Психея». (В БТ-1 — № 12 цикла; № 11 — см. № 608 настоящего изд.).

126. В1. -- БТ-1. Согласно помете Цветаевой на В1 из собрания М. С. Лесмана, лирическим героем ее стихов, начиная с лета 1916 г.,

становится Никодим Акимович Плущер-Сарна (1883—1945). (Даты жизни сообщены Е. И. Лубянниковой).

127. В1, с опеч. в ст. 14. - - БТ-1.

128. «Ковчег». Альманах поэтов. Феодосия, 1920, вар. - - В1. - - «Психея», в цикле из 11-ти ст-ний «Бессонница» (3). - - БТ-1. В БТ-1 под датой — помета: «день моих именин».

129. В1. - - «Психея», в цикле из 11-ти ст-ний «Бессонница» (4). - - БТ-1.

130. В1.- - «Психея», в цикле из 11-ти ст-ний «Бессонница» (5). - - БТ-1.

131. В1. - - «Психея», в цикле из 11-ти ст-ний «Плащ». - - БТ-1. Автограф (собрание Л. А. Мнухина) — рукоп. книжка «Плащ. Стихи. Москва. 1921», вар. *Дилижанс* — многоместная карета для перевозки пассажиров и почты.

132. В1. - - «Психея», в цикле из 11-ти ст-ний «Плащ» (2). - - БТ-1. Автограф — рукоп. книжка «Плащ», вар. Сюжет ст-ния заимствован из романа Ж. де Сталь «Коринна, или Италия». *Пятая заповедь* — «Чи отца твоего и мать твою». Герой романа де Сталь — Освальд Нельвиль — не мог преступить волю своего умершего отца и жениться на Коринне. *Асти* — сорт сухого вина. *Веттурино* (итал.) — извозчик. *Salve* (итал.) — привет!

133—135. В1.- - «Психея», вар.- - БТ-1. В цикле использованы отдельные детали библейской «Книги пророка Даниила». *Иегова* — имя Бога Израиля.

136. «Понедельник». 1918, 6 мая. - - В1, вар. - - «Психея», в цикле из 11-ти ст-ний «Бессонница» (6), вар. - - БТ-1.

137. В1. - - БТ-1.

138. В1. - - «Психея», в цикле из 11-ти ст-ний «Бессонница» (7). - - БТ-1.

139. В1. - - «Психея», в цикле из 11-ти ст-ний «Бессонница» (8). (В БТ-1 — лакуна в ст. 6).

140. В1. - - БТ-1. Последняя строфа ст-ния поставлена эпиграфом к пьесе Цветаевой «Каменный ангел» (1919).

141. В1. - - «Психея», в цикле из 11-ти ст-ний «Плащ» (3). - - БТ-1. Автограф — рукоп. книжка «Плащ». *Крылатка* — широкий плащ с пелериной.

142. В1.- - «Дни». 1923, 4 февраля, под загл. «Блудный сын».- - БТ-1. *Только в сказке блудный Сын — возвращается в отчий дом.* Цветаева имеет здесь в виду притчу о Блудном сыне (Лука, 15), расточившем имение свое вдали от отчего дома и вернувшемся к отцу с покаянием.

143. В1. -- БТ-1.

144. В1. -- БТ-1.

145. В1, вар. -- БТ-1.

146. В1. -- БТ-1. *Девница, встань!* С этими словами Христос обратился к умершей дочери Иаира, вернув ее к жизни (Лука, 8).

147. В1, вар. -- «Психея», в цикле из 11-ти ст-ний «Стихи к дочери» (3), вар. -- БТ-1.

148. «Новости дня». Москва. 1918, 13 апр. -- В1. -- «Психея», в цикле из 11-ти ст-ний «Бессонница» (9). -- БТ-1.

149. В1, вар. -- «Психея», в цикле из 11-ти ст-ний «Бессонница» (10), вар. -- БТ-1.

ВЕРСТЫ (1917—1920)

Сборник «Версты» вышел в феврале 1922 г. в Москве, в частном изд-ве Н. А. Архипова «Костры». В книге, изданной небрежно и непрофессионально, допущено большое количество смысловых опечаток. В июле 1922 г., уже после отъезда Цветаевой за границу, вышло второе, исправленное, издание «Верст», также изобиловавшее опечатками. Поэтому в качестве источника текста ни одно издание сборника «Версты» использовано быть не может.

Вторые «Версты», в отличие от первых (вышедших, правда, позже), не остались незамеченными. «К жанру «скучных» произведений,— писал В. Брюсов («Печать и революция». 1922, № 6. С. 293),— несправедливо было бы отнести новую книгу Марины Цветаевой. Ее стихи скорее — интересны, но они как бы запоздали родиться на свет лет на 10 (впрочем, большая часть их помечена 1917 и 1918 гг.). Десятилетие назад они естественно входили бы в основное русло, каким текла тогда наша поэзия. С тех пор многое из делаемого теперь М. Цветаевой уже сделано другими, главное же, время выдвинуло новые задачи, новые запросы, ей, по-видимому, совсем чуждые. А той художественной ценности, так сказать «абсолютной», которая стоит выше условий не только данного десятилетия, но и столетия, иногда даже тысячелетия,— стихи М. Цветаевой все же не достигают. Лучшее в ее книжке это — песни, немного в манере народных заклятий или ворожбы. Женственный оттенок, приданный автором таким его стихотворениям, делает их оригинальными и рядом с подобными же стихами других символистов».

Очень высоко оценил «Версты» Вс. Рождественский («Записки передвижного театра». Петроград. 1923, № 54. С. 7—8). Хотя его отзыв посвящен обеим книгам «Верст», преимущественное внимание в нем уделяется первому — «цыганскому» — разделу вторых «Верст». «Вся Марина Цветаева в этой кочевой пра-памяти,— писал Рождественский, приводя ст-ние «Милые спутники, делившие с нами ночь!»,— Вся она слух к тому, что еще не выветрилось из древнего сердца. Потому-то она так прекрасно чувствует огневую стихию слова,

хмель и солод всякой песни, безымянно зачатой и безымянно рожденной под открытым небом.

Я не знаю в современности (разве только Пастернак) поэта более богатого ритмически. <...> Это — темная, сама себя не измерившая душа, где все растет от «дикой и татарской воли», от тех прекрасных, кочевых времен, когда сама собою слагалась песня, а жадная и еще бедная память тянулась к мифу, к предчувствию, к гаданию, к великой дружбе с судьбой. <...> Книги Цветаевой неровны. Они показывают и высокое мастерство над строптивым словом, и творческое легкомыслие. Но в целом они прекрасны. Нужно быть искони русским человеком, нужно хорошо чувствовать вкус, цвет, вес и запах родной речи, песни, былины, частушки, чтобы обогатить свой стих таким исключительным ритмическим разнообразием.

Марина Цветаева — поэт для немногих, удел хотя и горький, но достойный. Это — путь Дельвига, Боратынского, Тютчева, Иннокентия Анненского и Владислава Ходасевича. Наряду с ними Цветаевой выпала радостная и трудная доля — беречь слово и любить мир».

Сборник «Версты» состоит из 35-ти ст-ний, размещенных в двух разд., в каждом из которых ст-ния, датированные сокращенно (месяцем и годом написания), расположены в хронологическом порядке. Полная датировка во всех случаях установлена по БТ-1 и БТ-2.

Ст-ния «Верст» в большей части напеч. в ИП-65, Соч-1 и др. Вся книга вошла в СП-2. В настоящем изд. В2 публикуются полностью, в большинстве случаев по БТ-1 и БТ-2, в отдельных случаях — по тексту В2 с исправлением опечаток по автографам.

1

Эпиграф — из ст-ния дочери Цветаевой — Ариадны (см. примеч. № 38), полностью опубл. в «Психее». *Мариула* — цыганское имя, заимствованное из поэмы А. С. Пушкина «Цыганы».

150. В2. -- «Психея», в цикле из 10-ти ст-ний «Мариула» (1). -- БТ-1.

151. В2. -- БТ-1.

152. В2, вар. -- «Психея», в цикле из 10-ти ст-ний «Мариула» (2), вар. -- БТ-1. В этом ст-нии видится своеобразное претворение темы «Воспоминания» В. А. Жуковского (1821):

О милых спутниках, которые наш свет
Своим спутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: *их нет*;
Но с благодарностью: *были*.

153. В2, с опеч. в ст. 23. -- «Психея», в цикле из 10-ти ст-ний «Мариула» (3). -- БТ-1. В БТ-1 в цикле из 3-х ст-ний «Гаданье» (1), с пометой под текстом: «Трехпрудный пер., рядом с нашим домом, гадали на заборе — 19-го мая 1917 г. NB! *Линии мало* — точное слово цыганки, которого я бы никогда в цыганском гадании не употребила. <...> „Но Аллах — мудрее...“». *Талан* — счастье, судьба.

154. В2. -- БТ-1.

155. В2, без загл., вар. -- «Психея», в цикле из 10-ти ст-ний «Мариула» (6), без загл., вар. -- БТ-1.

156. В2, с опеч. в ст. 9, с ошибочной датой. -- БТ-1.

157. В2, с опеч. в ст. 4. -- «Психея», в цикле из 10-ти ст-ний «Мариула» (8). -- БТ-1. *Пришелец египетских стран*. Предками цыган считаются выходцы из Индии.

158. СЗ. 1920, № 1. -- В2. -- БТ-1.

159. В2. -- БТ-1. Автограф в рукоп. книге 1920 г. (ЦГАЛИ).

160. СЗ. 1921, № 8, без даты, с опеч. в ст. 1. -- В2. -- БТ-2. Автограф (ЦГАЛИ), вар.

161. СЗ. 1921, № 7, без даты, с опеч. в ст. 5. -- В2, с опеч. в ст. 7, 9. -- БТ-2.

* 162. В2 (опеч. в ст. 15 исправлена по БТ-2). В БТ-2 — лакуна в ст. 19—20, вар. *Книга Царств* — название книг Ветхого Завета.

163. В2. -- БТ-2. Автограф (РО ИРЛИ). В БТ-2 в цикле без названия из 27-ми ст-ний (6), с эпиграфом: «А впрочем, Вы ведь никуда не ходите мимо моего дому...»

164. В2. -- «Психея», в цикле из 10-ти ст-ний «Мариула» (10). В БТ-2 — лакуна в ст. 6.

165. В2. -- БТ-2.

II

166. В2. -- БТ-1. *Дочь Иаира* — см. примеч. № 146.

167. В2. -- «Психея», в цикле из 4-х ст-ний «Иоанн» (1), с общей датой: 22—27 июня 1917 г. -- БТ-1.

168. СЗ. 1921, № 7, с опеч. в ст. 5, 6, без даты. -- В2, вар. -- БТ-1. *Благовещение* — см. примеч. № 82. *Царские врата* — двери в стене иконостаса, ведущие в алтарь храма.

169. В2, с опеч. в ст. 3. -- БТ-1.

170—171. В2, вне цикла с опеч. в ст. 1, 3 № 2. -- БТ-1. *Ризница* — помещение в церкви, где хранятся облачения священнослужителей и церковная утварь.

172. В2. -- БТ-1. В БТ-1 под текстом ст-ния — помета: «(NB! одни из лучших стихов в книге. МЦ. 1939 г.)».

173. В2. -- БТ-1. В БТ-1 под текстом ст-ния — помета: «(NB! тоже одни из лучших стихов в книге). 8-го мая 1918 г., канун *Николина дня*».

174. В2, с опеч. в ст. 9. - - БТ-1.

175. В2, вар. - - БТ-1.

176. СЗ. 1921, № 8, без даты. - - В2. - - «Женская лирика», без даты. - - БТ-1. В БТ-1 под текстом ст-ния — помета: «(одни из лучших стихов в книге. 1939 г.)».

177. В2, с опеч. в ст. 1, 6. - - БТ-1. *Ключарь* — духовное лицо, несущее ответственность как за материальную часть храма, так и за трудовую дисциплину причта.

178. В2. - - БТ-1.

179. В2. В БТ-1 лакуна в ст. 2.

180. В2. - - БТ-1. *Феникс* — мифологическая птица, сгорающая и вновь возрождающаяся из пепла; символ вечного обновления.

181. В2, с опеч. в дате и в ст. 4. (исправлено по БТ-2). В БТ-2 лакуна в ст. 8, вар. Об этом ст-нии художница Ю. Л. Оболенская (1889—1945) писала М. А. Волошину 5 июля 1922 г.: «О Марининых «Верстах» узнала к стыду своему из Вашего письма и тотчас приобрела. В стихах мне дороже всего внутреннее пламя, движущее их, за него прощаю все неудачи. В смысле этого пламени Марина стала совершенно неподражаема, но не всегда подставляет ему вполне достойные образы. Так и запахло Асиным «Дымом» (книга А. И. Цветаевой «Дым, дым, дым...» М., 1916.— Е. К.) от «светской пустыницы стройного роста». (РО ИРЛИ. Фонд 562, оп. 3, № 92. Л. 14 об.).

182. В2. В БТ-2 в цикле без названия из 27-ми ст-ний (21), вар. *Эрос* — в греч. мифологии бог любви; стихийная сила любовной страсти.

183. В2, с опеч. в ст. 11. - - БТ-2.

184. В2. В БТ-2 отсутствует. Об этом ст-нии Б. Пастернак писал в своем первом письме Цветаевой: «14 июня 1922. Москва. Дорогая Марина Ивановна! Сейчас я с дрожью в голосе начал читать брату Ваше — «Знаю, умру на заре, на которой из двух» — и был, как чужим, перебит волною подкатывавшего к горлу рыдания, наконец прорвавшегося, и когда я перевел свои попытки с этого стихотворения на «Я расскажу тебе про великий обман», я был точно так же Вами отброшен, и когда я перенес их на «Версты и версты и версты и черствый хлеб», — случилось то же самое.

Вы — не ребенок, дорогой, золотой, несравненный мой поэт, и, надеюсь, понимаете, что это в наши дни означает, при *обилии* поэтов и поэтесс не только тех, о которых ведомо лишь профсоюзу, при *обилии* не имажинистов только, но при *обилии* даже неопороченных дарований, подобных Маяковскому, Ахматовой.

Простите, простите, простите! <...>

Как могло случиться, что слушав и слышав Вас неоднократно, я оплошал и разминуслся с Вашей верстовой Суинбернадой (и если Вы даже его не знаете, моего кумира, — он дошел до Вас через побоч-

ные влиянья, и ему *вольно* в Вас, родная Марина Ивановна, как когда-то Байрону было вольно в Лермонтове, как — России вольно в Рильке)». («Звезда». 1975, № 6. С. 161—162).

ЛЕБЕДИНЫЙ СТАН (1917—1920)

Объявление об издании книги Цветаевой «Лебединый стан» берлинским изд-вом А. Г. Левенсона «Огоньки» появилось в ВР 9 янв. 1922 г. Однако в «Огоньках» появились «Стихи к Блоку», а «Лебединый стан» при жизни Цветаевой отдельной книгой издан не был.

В 1938 г., собираясь возвращаться вслед за своей семьей в СССР, Цветаева переписала ст-ния «Лебединого стана» в записную книжку и оставила ее на хранение проф. Базельского ун-та Е. Э. Малер. По этой рукописи, находящейся в настоящее время в библиотеке Базельского ун-та, Г. П. Струве было в 1957 г. осуществлено первое изд. «Лебединого стана». К настоящему времени за рубежом существуют четыре изд., в основу всех их положена рукопись Цветаевой 1938 г.

«Лебединый стан» включает в себя 59 ст-ний 1917—1920 гг., большинство которых печ. в период. изд. при жизни Цветаевой.

В настоящем изд. «Лебединый стан» публикуется впервые в СССР в полном составе по ксерокопии рукописи Цветаевой 1938 г., любезно предоставленной для издания профессором Робинот Кембалом (Люзанна). Авторские пометки к отдельным строкам ст-ний даны в подстрочных сносках, комментарии Цветаевой, следующие за текстами ст-ний, вынесены в примечания.

185. ЛСБ. Дата ст-ния, написанного на отд. листе, как посвящение ко всей книге, — день отъезда С. Я. Эфрона (см. примеч. № 28) из Москвы в Добровольческую армию.

186. ЛСБ (впервые — «Тринадцать поэтов»).

187. «Поэзия рев. Москвы». - - ЛСБ.

188. ЛСБ. *Отрок* — бывший наследник престола, царевич Алексей Николаевич (1904—1918).

189. ЛСБ (впервые — «Тринадцать поэтов»). В БТ-1 лакуны в ст. 29—30.

190. ЛСБ. За текстом ст-ния в ЛСБ помета Цветаевой: «(Бальмонт, выслушав: — Мне не нравится твоё презрение к девке! Я — обижен за девку! Потому что — (блаженно-заведенные глаза) — иная девка... Я: — Как *жаль*, что я не могу тебе ответить: — «Как и иной солдат...»»).

191. ЛСБ. Ст-ние вызвано образом Александра Федоровича Керенского (1881—1970), в то время военного и морского министра Временного правительства. В мае 1917 г. новый министр совершал объезд фронтов, и газеты были полны сообщениями о триумфальных встречах Керенского во всех городах; 26 мая 1917 г. Керенский прибыл в Москву, корреспондент «Утра России» сообщает о «сказочной популярности» министра, отмечает в его облике «вдохновенность»,

пламенность, романтизм» и вспоминает «век Перикла, первого гражданина, «диктатора духа» Эллады» («Утро России». 1917, 27 мая. С. 1). *Солдатский крест*. 21 мая 1917 г., в день написания ст-ния Цветаевой, в газете помещена заметка «Георгиевский крест А. Ф. Керенскому», текст которой приводим в сокращении: «13 мая на собрании офицеров и солдат, георгиевских кавалеров третьего кавказского армейского корпуса в числе 134 человек, под председательством генерал-майора Шуберского по единодушному желанию всех чинов корпуса единогласно постановлено: «Первому гражданину-министру революционных российских войск армии и флота А. Ф. Керенскому пожаловать Георгиевский крест 2-ой степени за № 27087, тот самый крест, который гражданин солдат третьего кавказского инженерного парка Д. А. Виноградов, воодушевленный призывом министра к защите свободной России, сорвал со своей груди и передал министру в знак своей преданности и понимания долга». («Утро России». 1917, 21 мая. С. 3). В БТ-1 под датой ст-ния помета: «Одна подруга (Таня) мне — когда-то: «А Вы ничего не написали на этот праздник? Вы всегда такие чудные стихи пишете на праздники!»»).

192. ЛСБ. Обращено к дочери Ариадне (см. примеч. № 38). За текстом ст-ния в ЛСБ помета: «(NB! с ненавистью — как мне тогда показалось, и весь этот стих — ответ на этот — классовой ненависти — взгляд. МЦ — 1938 г. — при переписке)». Автограф в БТ-1.

193. ЛСБ. Ст-ние посвящено памяти трех юнкеров Алексеевского военного училища: Новика, Фомина и Страсберга, убитых в Н. Новгороде в начале июля 1917 г. взбунтовавшимися солдатами нижегородского гарнизона: похороны трех юнкеров состоялись в Москве 14 июля («Утро России». 1917, 14 июля. С. 3). Об этом событии Цветаевой могло быть известно со слов мужа, служившего в это время в 56-м пехотном запасном полку: учебная команда этого полка вместе с ротой юнкеров Алексеевского училища была послана в начале июля 1917 г. по просьбе нижегородского гарнизона для восстановления порядка в охваченном анархией городе.

194. ПН. 1928, 8 нояб., в подборке «Из книги „Лебединый стан“» под загл. «Крым 1917 г.».- ЛСБ. За текстом ст-ния в ЛСБ помета: «(NB! Птицы были — пьяные.)». В БТ-1 дата: «3 декабря 1917 г.» и помета: «Такой перерыв (предыдущее ст-ние «Бел, как мука, которую мелет...» датировано 30 сентября 1917 г. — Е. К.) — гостила на Юге, в имении (абрикосовое дерево) и все время была на людях — и очень радовалась — и стихи в себе просто заперла».

195. ЛСБ. В БТ-1 дата — «3 декабря 1917 г.». Автограф в рукоп. книжке 1920 г. (ЦГАЛИ) с датой — «4 декабря 1917 г.».

196. ЛСБ. За текстом ст-ния в ЛСБ — помета Цветаевой: «NB! Я уже тогда поняла, что это: «Да, и солдаты должны чистить своих лошадей!» (Москва, лето 1917 г. — речь на Московском Соповещании) — куда дороже всего Керенского (как мы тогда говорили)». *Корнилов* Лавр Георгиевич (1870—1918) — генерал, летом 1917 г. верховный главнокомандующий русской армией. В своем выступлении на Московском совещании Корнилов говорил о «неслыханном развале армии», анархии, хулиганстве, произволе, вследствие кото-

рых на всех фронтах создалось угрожающее положение. Первоочередной задачей главнокомандующий считал восстановление внутренней дисциплины в армии. Цветаева дословно цитирует слова из выступления Корнилова (см. «Утро России». 1917, 15 авг. С. 2—3).

197—199. «Весенний салон поэтов». М., 1918, ст-ние 2 и 3 в обратной последовательности. - - ЛСБ. Автограф в рукоп. книжке 1920 г. (ЦГАЛИ). 1. *Рыжеволосый Самозванец, Гришка-Вор* (2) — Григорий Отрепьев, Лжедмитрий I (см. примеч. № 86). *Морозова Федосья* Прокопьевна (1632—1675) — боярыня, родственница жены царя Алексея Михайловича, раскольница; несмотря на заточение и пытки, осталась верной старообрядчеству, умерла от голода в Боровске, в земляной яме. *Не позабыли огненного пойда*. Имеется в виду пожар Москвы 1812 г. 3. *Стрельчиха* — возможно, образ картины В. И. Сурикова «Утро стрелецкой казни»; стрелецкие бунты конца XVII века были жестоко подавлены Петром I.

200. ЛСБ. *В чортову дюжину — календарь!* Григорианский гражданский календарь был введен в России с 1 февраля 1918 г., разница между «старым» и «новым» стилями составляла 13 дней. Цветаева не приняла нововведения и до весны 1922 г. датировала свои произведения по старому стилю.

201—203. РМ. 1922, № 8—12. - - ЛСБ. 1. *Вандея* — провинция во Франции, в годы Великой французской революции, последний оплот свергнутой монархии. 2. Включено в текст очерка Цветаевой «Герой труда» (ВР. 1925, № 11). За текстом ст-ния в ЛСБ помета: «NB! мои любимые». 3. В БТ-1 дата: «24 марта 1918 г.»

204. ЛСБ. *Лития* — краткая молитва об усопшем, совершаемая при выносе или церковном поминовении его.

205. ЛСБ. Автограф в рукоп. книжке 1920 г. (ЦГАЛИ).

206. ЛСБ. «*Запрет на Кремль?*» В 1918 г., накануне Пасхи, советское правительство сделало Кремль своей резиденцией и вход на территорию Кремля был закрыт. Понедельник на Страстной неделе 1918 г. был 16 апреля.

207—208. ЛСБ. 1. СЗ. 1921, № 6, без даты. - - «Поэзия рев. Москвы», с датой: «29 марта 1918 г.» В БТ-1 дата: «Москва, 17 апреля 1918 г.» Автограф в рукоп. книжке 1920 г. (ЦГАЛИ). *Шенье Андре* (1762—1794) — французский поэт, автор политических памфлетов против якобинской диктатуры, казнен якобинцами. Историк русской литературы А. Л. Бем (1886—1945) находил, что ст-ние передает горькие переживания современников в связи с гибелью Н. С. Гумилева (см.: Бем А. Памяти Гумилева // «Руль». 1931, 27 авг.). 2. *Консьержерия* (Conciergerie) — тюрьма в Париже.

209. ЛСБ. *Коль на Пасху народ не пустили в Кремль* — см. примеч. № 206. Третий день Пасхи 1918 г. был 24 апреля. *Жанлис* Мадлен Фелисите (1746—1830) — французская писательница, автор исторических романов и мемуаров.

210. ЛСБ. За датой ст-ния в ЛСБ помета: «(а оставалось ему жить — меньше трех месяцев!)».

211. ЛСБ. В БТ-1 дата: «25, 26 апреля 1918 г.»

212. ЛСБ. *Московским гербом* было изображение Святого Георгия Победоносца. В БТ-1 дата: «25, 26 апреля 1918 г.»

213. ЛСБ. За текстом ст-ния в ЛСБ помета: «(NB! Очевидно, нужно понять: Бог *все-таки* прав, прав — *вопреки*)».

214. СЗ. 1921, № 6. - - ЛСБ. В БТ-1 дата: «13 мая 1918 г.»

215. ЛСБ. Автограф в БТ-1.

216. ЛСБ. *Содом* — библейский город, символ греховности, был испепелен небесным огнем.

217. ЛСБ.

218. ЛСБ.

219. ЛСБ.

220. СЗ. 1921, № 6. - - ЛСБ. Автограф в БТ-1. Автограф в рукоп. книжке 1920 г. (ЦГАЛИ).

221. ЛСБ. В БТ-1 за текстом ст-ния помета: «Ирина умерла 2-го февраля 1920 г., в Сретенье, — трех лет без двух месяцев, в Кунцевском приюте». Как и следующее ст-ние, посвящено младшей дочери Цветаевой.

222. ЛСБ. За текстом ст-ния в ЛСБ помета: «(Моя вторая дочь Ирина — родилась 13^{го} апреля 1917 г., умерла 2^{го} февраля 1920 г., в Сретение, от голода, в Кунцевском детском приюте.)». *Триединство Господа — и флага*. Имеются в виду Божественная Троица и трехцветный — бело-сине-красный — флаг Российской империи.

223. ЛСБ. Автограф в БТ-2. *Пусть земли кружатся, — Мы — недвижны*. Возможно, реминисценция известных строк Вл. Соловьева «Всё, кружась, исчезает во мгле, Неподвижно лишь солнце любви» (см.: Соловьев Владимир. Стихотворения и шуточные пьесы. «Б-ка поэта». Большая серия. Л., 1974. С. 79).

224. ЛСБ. Автограф в БТ-2, вар. *Сергиев день* — 25 сентября ст. ст. отмечается день поминовения Преподобного Сергия Радонежского.

225. ЛСБ. Автограф в БТ-2. *День Иоанна Богослова* — см. примеч. № 93.

226. ЛСБ. Автограф в БТ-2, вар. Заключительная строка ст-ния корреспондирует с финалом «Двенадцати» А. Блока.

227. ЛСБ. Автограф в БТ-2 с перестановкой строк 3—4 и 5—6. За датой ст-ния в ЛСБ помета: «Дни, когда Мамонтов подходил к Москве — и вся буржуазия меняла керенские на царские — а я одна не меняла (не только потому, что их не было, но и) потому что

знала, что *не* войдет в Столицу — Белый Полк!». *Разин* Степан Тимофеевич (ок. 1630—1671) — донской казак, предводитель крестьянской войны 1670—1671 гг.; был выдан царскому правительству и казнен в Москве.

* 228—229. ЛСБ. 1. «Русские записки». Париж. 1938, № 3, в тексте «Повести о Сонечке». За текстом ст-ния в ЛСБ помета: «(NB! Даже *труд* может быть — отвратителен: даже — *чужой!* если он в любовь — навязан и в славословие — вменен. МЦ — *тогда и всегда.*)». Автограф (1, 2) в БТ-2, без эпиграфа, в цикле из 4-х ст-ний (см. №№ 611—612), вар. *Стахович* Алексей Александрович (1856—1919) — актер и педагог МХТ. Ему посвящен также дневниковый очерк Цветаевой «Смерть Стаховича» (см.: ПН. 1926, 21 янв.).

230. «Психея», в цикле из 11-ти ст-ний «Стихи к дочери» (8). - ЛСБ. Автограф в БТ-2. Праздник иконы *Казанской* Божией Матери отмечается 8 июля (ст. ст.).

231. СЗ. 1921, № 6, без загл. - - ЛСБ. В БТ-2 дата: «Октябрь 1919 г.»

232. СЗ. 1921, № 6. - - «Психея», в цикле из 11-ти ст-ний «Стихи к дочери» (6), с датой: «1^{го} Октября 1918 г., Покров». - - ЛСБ. В БТ-1 — та же дата, что в «Психее». Датируется по БТ-1. За текстом ст-ния в ЛСБ помета: «(Вписываю по памяти и *думаю*, что осень 1919 г.)».

* 233. ЛСБ. В БТ-2 вар. Обращено к поэту Константину Дмитриевичу *Бальмонту* (1867—1942).

234. «Поэзия рев. Москвы». - - ПН. 1928, 25 окт. в подборке «Из книги „Лебединый стан“». - - ЛСБ.

235. «Пересвет. I», вар. - - «Стихи к Блоку». - - «Психея», в цикле из 5-ти ст-ний «Свете тихий» (5), с датой: «Москва, 1^{го} русск. мая 1920 г.», вар. - - ЛСБ. Автограф в рукоп. книжке «Современникам» (ЦГАЛИ). Автограф в зап. книжке «Notes» (ЦГАЛИ). Автограф в БТ-2. Ст-ние проникнуто реминисценциями ст-ния А. Блока «Голос из хора»:

Весны, дитя, ты будешь ждать —
Весна обманет.
Ты будешь солнце на небо звать —
Солнце не встанет.
И крик, когда ты начнешь кричать,
Как камень, канет...

(см.: Блок А. Собр. соч. в 8-ми тт. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 62). Цветаева использует здесь также образы ст-ний А. Блока «Седое утро» и «О подвигах, о доблести, о славе».

236. «Русские записки». Париж. 1938, № 3, в тексте «Повести о Сонечке», вар. - - ЛСБ. Автограф в БТ-2, без даты, вар. Об А. А. Стаховиче см. примеч. № 228—229. *Тебе работа задана*. Имеются в виду разнообразные «трудовые повинности», введенные зимой

1918—1919 гг., в основном по расчистке улиц и железнодорожных путей от снега и льда. Об этом ст-нии писатель Роман Гуль писал: «Но лучшее стихотворение сборника («Лебединого стана». — Е. К.) (а может быть, одно из лучших цветаяевских стихов вообще) не связано ни с революцией, ни с Гражданской войной, ни с белой, ни с красной армией. Это — *Ex-ci-devant* — о покончившем самоубийством артисте МХТ — А. А. Стаховиче. По образности, по музыке, по цветаяевской гордой теме оно прекрасно» (см.: Гуль Р. Одвуконь. Нью-Йорк, 1973. С. 293).

237. ЛСБ. В БТ-2 вар., без даты. Это ст-ние интересно сравнить с обращениями к образу Петра I в эти же годы поэтов, близких Цветаевой: Павла Антокольского и Максимилиана Волошина.

Се — Аз лечу по струнам магистралей
В российский бред и колокольный гул.
София там, царица ли, сестра ли,
За ураганом перекрестных дул.

(См.: «Поэзия рев. Москвы». С. 11).

...Раздута войною до отказа,
Россия расседается, и год
Солдатчина гуляет на просторе...
И где-то на Урале средь лесов
Латышские солдаты и мадьяры
Расстреливают царскую семью
В сумятице поспешных отступлений:
Царевич на руках царя; одна
Из женщин мечется, подушкой прикрываясь,
Царица выпрямилась у стены...
Потом их жгут и зарывают пепел,
Всё кончено. Петровский замкнут круг.
Великий Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить
Склонениям и нравам вопреки
За сотни лет к ее грядущим далям.

(См.: Волошин М. Россия. Фрагменты неоконченной поэмы // Волошин М. Стихотворения и поэмы в двух томах. Париж, 1982. Т. 1. С. 344.)

238. ЛСБ. За текстом ст-ния в ЛСБ помета: «(NB! Эти стихи в Москве назывались «Про красного офицера» и я полтора года с неизменным громким успехом читала их на каждом выступлении по неизменному вызову курсантов.)».

239. ПН. 1928, 1 нояб., вар. - - ЛСБ. В БТ-2 вар.

240. СЗ. 1921, № 6. - - ЛСБ. В БТ-2 вар. 7—8 ноября 1920 г. армия Врангеля была разгромлена частями Красной армии и эвакуирована на кораблях из Крыма в Константинополь.

241. ЛСБ.

242. «Автографы». Москва, 1921, с датой: «Москва, 1-ый день Рождества 1920 г.», вар. - - «Поэзия рев. Москвы». - - ЛСБ.

243. РМ. 1922, № 8—12, вар. - - ЛСБ.

244. РМ. 1922, № 8—12, под загл. «Тем, в Галлиполи». - - ЛСБ. Галлиполи — порт в европейской части Турции, где были устроены лагеря для эвакуированной армии Врангеля. За этим ст-нием в ЛСБ следует примечание Цветаевой: «— Здесь кончается мой Лебединый Стан. *Конечно* — я могла бы включить в него всю Разлуку, всего Георгия, и вообще добрую четверть Ремесла — и наверное еще есть — *но* — я тогда этого не сделала, кончила свой Лебединый Стан — вместе с *тем*. <...>» Дата примечания — «Dives-sur-Mer, 30-го августа 1938 г.»

ИЗ КНИГИ «СТИХИ К БЛОКУ» (1921)

Книга вышла в начале 1922 г. в берлинском изд-ве «Огоньки». Она включила в себя 21 ст-ние 1916—1921 гг., которые размещены в трех разделах: I — 9 ст-ний 1916—1920 гг. (в настоящем изд. они опубл. в составе В1 и ЛС), II — 7 ст-ний 1921 г., III — 5 ст-ний, объединенных под загл. «Подруга».

Критика встретила «Стихи к Блоку» с недоумением. «Марина Цветаева, — писал В. Брюсов («Печать и революция». 1923, № 1. С. 74), — написала целую книгу «стихов к Блоку». Что же, Блок был хороший поэт, и о нем есть что сказать, в прозе ли, в стихах ли. Да и дело не в том, к кому стихи, а что за стихи.

Имя твое — птица в руке,
Имя твое — льдинка на языке...

Так книга начинается. Но ведь так продолжать можно и до бесконечности». Несколько ранее Ив. Кубиков закончил свою рецензию на сб. «Пересвет» (где впервые появились избранные «Стихи к Блоку») почти гоголевским восклицанием об Александре Македонском и стульях: «Конечёно, А. Блок — большой поэт, но к чему эта истерическая психопатия?» («Печать и революция». 1922, № 1. С. 293). Насколько известно, только П. Потемкин отозвался о книге доброжелательно: «Книга Марины Цветаевой; — писал он, — лучшая из книг лирических стихотворений, посвященных чьей-либо «Памяти». Она действительно сохранила от тления частицу А. Блока, пусть маленькую, пусть только по-женски, но разве вечноженственного не искал покойный?» (ВР. 1922, № 19. С. 24).

В посмертных изд. произв. Цветаевой все разделы «Стихов к Блоку» переиздавались неоднократно. В настоящем изд. ст-ния II и III разделов печ. по тексту книги со сверкой по автографам.

II

245—251. «Стихи к Блоку». 1. «Стихи к Блоку». Автографы в БТ-3, вар., в «Notes» вар. 2. «Пересвет», вар. - - «Стихи к Блоку». Автографы в БТ-3 и в «Notes». *Царство мое не от мира сего* —

указание на слова Христа: «Я не от сего мира» (Иоанн, 8, 23). Об этом ст-нии Ю. Л. Оболенская (см. примеч. № 181) писала в письме М. А. Волошину 5 июля 1922 г.: «<...>и гениальные посвящения Блоку в № 1 «Пересвета». <...>Посмотрите, какую изумительную Валгаллу устроила она ему в конце. Последние удары сердца, как набат, и душа растекается по миру всемирным ликованием:

Зори пьет,
Море пьет
В *полную сыть*
Бражничают —
Панихид не служит...

Тут один из редких случаев преосуществления слова. У Тютчева так иногда бывает — скажет «благовест», и Вы услышите его. За пламя ее пафоса простятся все ошибки». (РО ИРЛИ. Фонд 562, оп. 3, № 902, л. 15). 3. «Стихи к Блоку». Автографы в «Notes», вар., в БТ-3. 4. «Стихи к Блоку». В БТ-3 лакуны в ст. 7—8, вар. Автограф в «Notes». 5. «Стихи к Блоку». Автографы в БТ-3, вне цикла, в «Notes», вар. *Полночные страны* — северные. *Проспишь до трубы*. Имеется в виду труба Архангела, созывающая на Страшный Суд. Пáжить — см. примеч. № 99. 6. «Стихи к Блоку». В «Notes» помета под текстом: «(Орфей)». В БТ-3 — вне цикла. В ст-нии использованы мотивы мифа о легендарном фракийском певце Орфее — сыне речного бога и музы, родоначальнике поэтов, изобретателе музыки и стихосложения. Жена Орфея — нимфа Эвридика — погибла от укуса змеи. Чтобы вернуть жену, Орфей спустился в *Аид*, покорив своей музыкой пса Цербера и богинь мщения Эриний. Царица Аида Персефона вернула Орфею жену, поставив условием не оглядываться на тень Эвридики до выхода из Аида. Орфей нарушил запрет и навсегда потерял жену. За отказ принять участие в оргии в честь бога Диониса Орфея растерзали менады. Голова и лира Орфея были брошены ими в реку *Гебр*, течением которой они были донесены до моря. Морские волны принесли останки Орфея к берегам греческого о-ва Лесбос — родины поэтов Алкея и Сафо. 7. «Стихи к Блоку». Автографы в БТ-3, вне цикла, и в «Notes». *Обол* — мелкая серебряная монета в Древней Греции.

III

В последнем разд., озаглавленном «Подруга», который обращен к жене критика и литературоведа П. С. Когана (1872—1932) — Надежде Александровне Коган-Нолле (1888—1966), Цветаева разрабатывает два мотива — «последней дружбы» поэта — рыцаря Прекрасной Дамы и прославление «подруги» как матери сына — наследника поэта. П. С. Коган и Н. А. Коган-Нолле были дружески внимательны к Блоку в последние годы его жизни, помогали поэту в материальных делах, оказывали гостеприимство во время его приездов в Москву. В конце 1920 г. — начале 1921 г. Н. А. Коган-Нолле сообщила Блоку в письме о том, что она ждет ребенка, и просила его быть крестным отцом будущего сына. Блок откликнулся письмом от 8 января 1921 г. (см.: Литературное наследство. М., 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 348—349).

252—256. «Стихи к Блоку». В «Notes» цикл состоит из 8 ст-ний: кроме 5 ст-ний книги в него включены №№ 322—323 и № 326 настоящего изд. Эпиграф. *Ave* (лат.) — букв. «Здравствуй» (или «прощай»). 1. Автограф в БТ-3. *Над Иверскою колыбелью* — см. примеч. № 88. *Я дитячко твое восславить* и т. д. В ст-нии использованы образы евангельского рассказа о Рождестве Христовом: Вифлеемская звезда зажглась в ночь рождения Христа, на ее свет поклониться Младенцу пришли волхвы и пастухи. 2. Автограф в БТ-3. *Благословенна ты в женах!* — слова Архангела Гавриила Деве Марии (см. примеч. № 82). 4. *Присноблаженная* — то есть: всегда блаженная. *Свет с Востока!* Вифлеемская звезда зажглась на восточном краю неба.

РЕМЕСЛО (1921—1922)

Книга вышла в Берлине в 1923 г., в изд-ве «Геликон». В нее Цветаева включила 104 ст-ния своего последнего года жизни в России и поэму «Переулочки».

Критика очень высоко оценила книгу. Отмечалось «зрелое, подлинное ремесло Цветаевой», ее «бесконечные возможности» (см. рец. Веры Лурье в «Новой русской книге». 1923, № 3/4. С. 15), «поэзия ритмов» (см. отзыв А. Бахраха в «Днях». 1923, 8 апр.). О «Ремесле» писали С. Бобров («Печать и революция». 1924, № 1. С. 276—279), Е. А. Зноско-Боровский (ВР. 1924, № 3. С. 95—97), Г. Струве («Руль». 1923, 24 июня).

Составляя Сб40, Цветаева включила в него 34 ст-ния Р (они отмечены в примечаниях).

Большая часть «Ремесла» печ. в посмертных изд. произведений Цветаевой. Репринтное воспроизведение изд. 1923 г. дано в НПр. В настоящее изд. включены все ст-ния «Ремесла». Тексты публикуются по книге с правкой автора (ЦГАЛИ), все они сверены с автографами.

257—263. «Свиток. I». М., 1922.- - «Психея», с общей датой: «Москва. Пасха 1921 г.» - - Р. Существует несколько рукоп. ред. цикла: в БТ-3; в рукоп. книжке «Современникам», с посвящ. «Сергею Волконскому», ст-ния 6 и 7 в обратной последовательности; в Сб40 ст-ния 1, 2, 5, 6 составили цикл «Леонардо» (новое название, возможно, восходит к роману Д. С. Мережковского «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)»).

Цикл составлен в 1921 г. и обращен к Сергею Михайловичу Волконскому (1860—1937) — внуку декабриста, известному искусствоведу, театральному деятелю и писателю. Дружба Цветаевой с Волконским, начавшись в Москве в трудные годы революции, продолжалась и в эмиграции, до самой смерти Волконского. В июле 1921 г. Цветаева писала дочери: «В В[олкон]ском я люблю весь старый мир,— понимаешь? Это больше или меньше, чем человек,— почти что *идея...*» (ЦГАЛИ). С. М. Волконский посвятил Цветаевой свою книгу «Быт и бытие» (Берлин: «Медный всадник», 1924).

1. В «Психее» с эпитафией:

Сказать — задумалась — о чем?
В дождь — под одним плащом,
В ночь — под одним плащом,
потом
В гроб — под одним плащом.

Библейский *Царь Давид* прославлен многими подвигами, в том числе и военными. *Быть между спящими учениками* и т. д. Возможно, отсылка к евангельскому эпизоду в Гефсиманском саду, когда Христос попросил учеников бодрствовать, пока он молится, а, возвратившись, застал их «спящими от печали» (Марк, 14). 2. В «Психее», «Свитке» и всех рукоп. ред. с эпитафией «„Есть некий час...“ Тютчев» (из ст-ния Ф. И. Тютчева «Видение»). *Мех верблюжий* — одежда отшельника. 3. *Феб* — другое имя Аполлона, одного из важнейших богов греческого Олимпа, бога света и муз. Ст-ние было воспринято С. Родовым аллегорией против пролетариата (см.: Родов С. В литературных боях. М., 1926. С. 90—91). 4. «*Отче, возьми в назад...*» Возможно, отзвук моления о чаше в Гефсиманском саду (Марк, 14).

* 264. Р. В БТ-3 без загл.

265. Р. Автограф в БТ-3.

266. Р. Автограф в БТ-3. В Сб40 с загл. «Душа». 1. *Хлысты* — см. примеч. № 93. 2. *Власяница* — одежда аскетов: рубашка из волоса или грубой шерсти. 3. *Савонарола* (1452—1498) — итальянский монах, пламенный проповедник, резко бичевавший пороки современников; был объявлен еретиком, повешен и после смерти сожжен; является одним из героев романа Д. С. Мережковского «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)».

267. Р. Автограф в БТ-3. В Сб40 под загл. «Первое солнце».

268. Р. В БТ-3 с лакуной в ст. 3, вар. В Сб40 под загл. «Комета».

269—272. Р. В БТ-3 вар. В Сб40 ст-ния 1—3 составили одноименный цикл, вар. О Марине Мнишек см. примеч. № 86. 1. *Басманов* Петр Федорович (?—1606) — воевода, перешедший на сторону Лжедмитрия, погиб, защищая его. 2. *Трем Самозванцам жена*. После гибели Лжедмитрия I Марина Мнишек была женой Лжедмитрия II (Тушинского вора (?—1610)), затем — атамана Ивана Заруцкого (?—1613), который, собственно, самозванцем не был: под своим именем он воевал за возвращение российского престола Марине и ее малолетнему сыну Ивану (сыну Лжедмитрия II). 3. *Псёкровь* — польское ругательство.

273. Р. В БТ-3 с лакунами в ст. 5, 7.

274. Р. В БТ-3 без загл. В Сб40 под загл. «Бессонница». *Скрябина* Татьяна Федоровна (1883—1922) — вторая жена композитора А. Н. Скрябина. Цветаева познакомилась с ней 2 июня 1920 г., знакомство вскоре перешло в дружбу.

275—282. «Разлука», без посвящ., 1 и 5 ст-ния без дат, с опеч. в ст-ниях 2, 4, 6, с выпуском строф 2—4 в 7 ст-нии. - - Р. В Сб40 ст-ния 3, 4, 7, 8 составили цикл под тем же загл. В БТ-3 цикл состоит из 10 ст-ний (см. № 615—616 наст. изд.). Посвящение — С. Я. Эфрону (см. примеч. № 28).

Книжечка «Разлука», вышедшая в Берлине в начале 1922 г. и содержащая этот цикл и поэму «На Красном коне», привлекла внимание критика М. Л. Слонима (1894—1976) — ВР. 1922, № 13 и поэта Андрея Белого, который откликнулся на «Разлуку» не только рецензией (см.: Белый А. Поэтесса-певица // «Голос России». Берлин. 1922, 21 мая), но и стихотворным посвящением «Марине Цветаевой» (см.: Белый Андрей. После разлуки. Берлинский песенник. Пб.— Берлин: «Эпоха», 1922). 4. *Зевес* — верховное божество греческого пантеона. 5. *Лета* — подземная река загробного мира, ее вода давала умершим забвение их земной жизни. 6. *Камея* — резной камень с выпуклым изображением.

283. СЗ. 1936, № 61 (в тексте очерка «Нездешний вечер»), вар.- - Р. В Сб40 под загл. «Глаза», без посвящ. В БТ-3 с лакуной в ст. 3, без посвящ. Посвящение — поэту Михаилу Алексеевичу *Кузмину* (1872—1936), с которым Цветаева познакомилась в январе 1916 г. в Петрограде на литературном вечере в доме И. С. Каннегисера в Саперном пер. *Серафические* — то есть как у серафима.

284. Р. Автограф в БТ-3. Обращено к И. Г. *Эренбургу* (1891—1967), перед отъездом Эренбурга во Францию Цветаева передала ему свое письмо к С. Я. Эфрону, известий о котором она не имела два года, с просьбой узнать о его судьбе и переслать письмо. *Фортуна* — богиня удачи в римской мифологии. *Цезарь* — верховный правитель в Римской империи.

* **285—291.** Р. В БТ-3 цикл состоит из 10 ст-ний (см. №№ 618—619). Посвящение — С. Я. Эфрону (см. примеч. № 28). Помета после последнего ст-ния — в этот день Цветаева получила известие, что муж жив и находится в Константинополе. *Георгий* — см. примеч. № 56. 2. *Смарагд* (берилл) — драгоценный камень зеленого или желтого цвета.

292—296. Р. В БТ-3 без посвящ., с лакунами. Посвящение — С. Я. Эфрону (см. примеч. № 28). 2. *Вывез корабль* и т. д. — см. примеч. №№ 240 и 244. 4. В Константинополе находится собор *Святой Софии*. 5. *Сцилла*, *Харибда* — чудовища, обитавшие на разных берегах узкого пролива и представлявшие смертельную опасность для мореплавателей. *Эвксинский понт* — древнее название Черного моря. *Таврида* — Крымский п-ов. Героя цикла Цветаева уподобляет мальтийскому рыцарю — члену духовного ордена, основанного в XII веке. В XIII веке рыцари ордена совершили ряд крестовых походов против мусульманских государств. В орден входили в основном представители аристократии.

297. «Всероссийский Союз Поэтов. 2-й сб. стихов». М.: СОПО, 1922, без загл. - - Р. В БТ-3 с лакуной в ст. 2.

298—301. «Эпопея». М.; Берлин. 1922, № 2. - - Р. Существует несколько рукоп. ред. цикла: в БТ-3 без посвящения, с лакуной;

в наборной рукописи («Эпопеи») с посвящением «Геликону» (ЦГАЛИ); в беловом автографе 1921 г. с посвящением «Э. Л. Миндлин», без ст-ния 4, с доп. ст-нием «Прямо в эфир...» (см. Соч-1); в Сб40 без посвящений, 1, 3, 4 ст-ния в цикле под тем же загл. Посвящение — владельцу берлинского изд-ва «Геликон» Абраму Григорьевичу Вишняку (1895—1943). 1. *Захлебывался Царь Саул*. Царь Израиля Саул был одержим безумием, игра на гуслях пастуха Давида умиротворяла его приступы (Книга Царств 1, 16). 3. *Агарь* — служанка бесплодной жены Авраама Сары, родила Аврааму сына Измаила (Бытие, 16). *Потир* — чаша для Святых Даров. *Справа-налево* и т. д. Почти во всех системах письма Древнего Востока строки идут справа налево.

302. Р. В Сб40 под загл. «Сивилла и юноша». Автограф в РО ИРЛИ, вар. В БТ-3 без даты, вар. *Сивилла* — прорицательница; согласно мифу о Кумской Сивилле, влюбленный в нее Аполлон дал ей дар прорицания и сказочное долголетие; столетия спустя, забывшая испросить у бога дар вечной молодости, Сивилла превратилась в древнюю старуху.

* 303. Р. Автограф в БТ-3. Написано в связи с ложным слухом о смерти А. А. Ахматовой в августе 1921 г. (см. письмо Цветаевой к Ахматовой — НМ. 1969, № 4. С. 190). *Но вал моей гордыни польской* — см. примеч. № 57.

304. Р. В БТ-3 с пометой под загл.: «(единственному из московских поэтов, беспокоившемуся проверить мнимую смерть А-вой)», с пометой под датой: «день Алиного рождения (9 л.)». Беловой автограф (ЦГАЛИ).

305—308. СЗ. 1922, № 11, без ст-ния 4. - Р. В БТ-3 ст-ния не составляют цикла. Автограф ст-ний 1—3, не составляющих цикла (РО ИРЛИ). 2. *Таган* — металлический обруч на ножках, подставка для котла при варке на открытом огне. 4. *Гзак*, *Кончак* — полководцы ханы (XII век), упоминаемые в «Слове о полку Игореве». *Див* — зловещая птица, также упоминаемая в «Слове».

309. Р. Автограф в БТ-3, в РО ИРЛИ. В Сб40 под загл. «Змей».

310. «Сполохи». Берлин. 1922, № 10. - Р. В Сб40 совместно с последующими тремя составило цикл «Хвала Афродите». В БТ-3 без даты. Автограф в РО ИРЛИ, вар., с датой: «3^{го} р. Октября 1921 г.» *Елисейские поля (Элизиум)* — острова блаженных, по представлениям древних греков, местопребывание закончивших земное существование бессмертных героев.

311—313. Р. 1, 2 ст-ния — «Сполохи». Берлин. 1922, № 10, совместно с предыдущим в цикле «Хвала Афродите». 1 ст-ние — «Портреты русских поэтов», вне цикла. В Сб40 совместно с предыдущим образовало цикл из 4 ст-ний «Хвала Афродите». Автограф в РО ИРЛИ, где ст-ния не составляют цикла. В БТ-3 с лакуной. *Голуби, мирт, чудесный пояс* — атрибуты Афродиты (Венеры), богини любви и красоты, по мифу родившейся из пены морских волн; *стрела* — атрибут ее сына Эроса (Амура).

* 314. Р. В БТ-3 с лакуной в ст. 3. Автограф в РО ИРЛИ, вар.

315. Р. Автограф в БТ-3.

316. Р. Автограф в БТ-3, в РО ИРЛИ. В Сб40 совместно с № 318 составляет цикл «Молодость».

317. Р. В Сб40 под тем же загл. Автограф в БТ-3, в РО ИРЛИ.

318. Р. Автограф в БТ-3, вар. В Сб40 совместно с № 316 образует цикл из двух ст-ний под загл. «Молодость».

319. Р. Автограф в БТ-3.

320. Р. В Сб40 под загл. «Орфей», с лакуной в ст. 23. В маш. экз. Сб40 вар. ст. 23: «Простоволосой поселянки». Автограф в БТ-3. *Так плыли: голова и лира* — см. примеч. № 250.

321. Р. В Сб40 под загл. «Амазонки». Автограф в БТ-3. *Об одногрудых тех*. По преданию, девочкам воинственного племени амазонок в детстве выжигали правую грудь, чтобы было удобно натягивать тетиву лука.

* 322—323. Р. В Сб40 включено ст-ние 2 под тем же загл. В БТ-3 в 1 ст-ний вар. Автограф в «Notes». Цикл тематически входит в III разд. «Стихов к Блоку» (см. примеч. № 252—256). *Вифлеем* — город, где родился Иисус Христос. *Ной* — библейский праотец, спасенный Богом в ковчеге во время всемирного потопа.

* 324. Р. В БТ-3 без посвящ., с лакуной в ст. 28. Посвящение — *С. Я. Эфрону* (см. примеч. № 28).

325. Р. В Сб40 под загл. «Ангелы», с лакуной в ст. 26. В маш. экз. Сб40 вар. ст. 26: «Молнии шаровые!». Автограф в БТ-3.

326. Р. В Сб40 под загл. «Весть». Автографы в БТ-3 и в «Notes». Тематически входит в III разд. «Стихов к Блоку» (см. примеч. № 252—256).

327. Р. Автограф в БТ-3.

328. Р. Автограф в БТ-3.

329. Р. Автограф в БТ-3. *Один заживо ходил* и т. д. Возможно, намек на последние месяцы жизни А. Блока. *Другой к стеночке пошел* и т. д. По-видимому, имеется в виду гибель Н. С. Гумилева.

330. Р. В БТ-3 с дополн. ст. после первой строфы: «Выпиши из сыновей, — В пашенки жалуй!», вар. *Драгомилово, Рогожская, друице* и т. д. — московские заставы, где в дни октябрьского переворота были истреблены отряды юнкеров, остававшихся верными Временному правительству. *Прости, Иверская Мати* — см. примеч. № 88.

331. Р. В БТ-3 вар. *Вот они, тесной стальной когортой* и т. д. У кремлевской стены были похоронены герои революции и граждан-

ской войны. *Не удостоились «Со святыми»* и т. д. Имеются в виду слова панихиды: «Со святыми упокой, Христе Боже, души раб Твоих».

332. Р. Автограф в БТ-3. Посвящение — *С. Я. Эфрону* (см. примеч. № 28). Ст-ние открывает в БТ-3 1922 год, эпиграфом к которому Цветаева взяла известные строки из поэмы Н. А. Некрасова «Рыцарь на час»: «От ликующих, праздно-болтающих, Обогряющих руки в крови, Уведи меня в Стан погибающих За великое дело Любви» (графика МЦ.— *Е. К.*). *Тамань, Кубань, Дон* — южные области России, где развертывались боевые действия Добровольческой армии. *Иордань* (Иордан) — река, в которой крестился Иисус Христос. *За наш братственный град Прагу*. Чехословацкому правительству Т. Масарика принадлежала инициатива расселения и обеспечения работой русских беженцев. В 1921 г. в Чехословакии было принято на полное иждивение 1 500 русских студентов. В числе первой партии их, прибывшей в ноябре 1921 г. из Константинополя, был и муж Цветаевой С. Я. Эфрон. Критик Е. А. Зноско-Боровский находил «Новогоднюю» одной из лучших застольных песен в русской поэзии (см.: ВР. 1924, № 3. С. 96).

333. Р. В БТ-3 без загл. и посвящ. Посвящение — *С. Я. Эфрону* (см. примеч. № 28).

334. Р. Автограф в БТ-3. *Шенье* — см. примеч. № 207—208.

335. Р. В БТ-3 без посвящ. Посвящение — *Алексю Александровичу Чаброву* (Подгаецкому, 1888—1935) — актеру Камерного театра, музыканту, близкому другу композитора А. Н. Скрябина.

336. Р. Автограф в БТ-3. *Китеж* — легендарный город; по народному преданию, исчез с лица земли во время нашествия Батыя; на его месте образовалось святое озеро.

337. Р. Автограф в БТ-3 без посвящ. Посвящение — *С. Я. Эфрону* (см. примеч. № 28). Ср. свидетельства современников об изменении облика Цветаевой за годы революции: «Она так безумно растолстела, что я ее не узнала на улице» (письмо Ю. Л. Оболенской к М. А. Волошину от 15 июня 1921 г.— РО ИРЛИ); «Марина выглядит недурно, но невероятно огрубела» (письмо М. С. Фельдштейна В. Я. Эфрон от 18 августа 1921 г.— ЦГАЛИ).

338. Р. Автограф в БТ-3.

339. Р. В БТ-3 без эпиграфа. Слова эпиграфа использовал С. Я. Эфрон в своей статье «О добровольчестве» (СЗ. 1924, № 21). Роман Гуль сравнил это ст-ние с «Левым маршем» Маяковского и назвал его, по аналогии, «Правым маршем» (см.: Гуль Р. Мораль в искусстве // «Накануне». Берлин. 1923, 30 сент.).

340. Р. Автограф в БТ-3. *Дива* (итал.) — оперная певица. *Лета* — см. примеч. № 275—282.

341. Р. Автограф в БТ-3.

342. Р. Автограф в БТ-3. *Степан* — см. примеч. № 227.

343. Р. Автограф в БТ-3. *В верхнем городе Леонардо*. В романе Д. С. Мережковского «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)» описан рисунок в одной из тетрадей художника: «План города с двухъярусными улицами — верхними для господ, нижними для рабов, вьючных животных и нечистот, омываемых водою множества труб и каналов,— города, построенного согласно с точным знанием законов природы, но для таких существ, у которых совесть не смущается неравенством, разделением на избранных и отверженных». (Мережковский Д. Воскресшие боги (Леонардо да Винчи). Спб., 1907. С. 99—100).

344—345. Р. В БТ-3 с лакуной. *Дочь Иаира* — см. примеч. № 146.

346. Р. Автограф в БТ-3.

347. Р, с ошибочной датой (исправлено по БТ-3). В Сб40 под загл. «На заре...». *Див* — см. примеч. № 305—308.

348. Р. Автограф в БТ-3. *Вставай с постелею!* Здесь используется евангельский рассказ об исцелении больного, лежавшего 38 лет; Иисус сказал ему: «Встань, возьми постель твою и ходи» (Иоанн, 5). *Ужо тебе!* — слова безумного Евгения из поэмы А. С. Пушкина «Медный Всадник».

349. Р. Автограф в БТ-3.

350. Р. В БТ-3 без загл. и посвящ., с эпиграфом: «Разговор с матросом. «И фуфайки недели»...». Посвящение — И. Г. *Эренбургу* (см. примеч. № 284). *Брюс* Яков Вилимович (1670—1735) — сподвижник Петра I, математик, астроном, географ, составитель знаменитого «Брюсова календаря»; считался астрологом и черно-книжником.

351. ВР. 1922, № 26—27, в цикле из пяти ст-ний «Сугробы» (1), с выпуском строф 5 и 6, с общей датой: «Москва, март 1922 г.» - - Р. *Не здесь, где Лазари Бредут с постелею*. Цветаева соединяет здесь два евангельских рассказа: о воскрешении Иисусом Лазаря, умершего 4 дня назад, и об исцелении больного (см. примеч. № 348).

352. ВР. 1922, № 26—27, в цикле «Сугробы» (2). - - Р.

353. ВР. 1922, № 26—27, в цикле «Сугробы» (3). - - Р. *Епанча* — см. примеч. № 64.

354. Р.

355. Р. В БТ-3 с лакунами, без даты, вар.

356. ВР. 1922, № 26—27, в цикле «Сугробы» (4). - - Р. В БТ-3 дата: «10 нов. марта 1922 г.»

357. Р. В БТ-3 с лакуной, с вар., дата: «12 н. марта 1922 г.»

358. ВР. 1922, № 26—27, в цикле «Сугробы» (5). - - Р. В ст. 24 восстанавливается вар. первой публикации и БТ-3 («жизть»).

359. Р. В БТ-3, вар. *Лжемариною*. Имеется в виду Марина Мнишек (см. примеч. № 86).

360. Р.

ПОСЛЕ РОССИИ (1922—1925)

Последняя изданная книга Цветаевой — «После России» — вышла в Париже в 1928 г. Она включила в себя ст-ния берлинского (1922) и чешского (1922—1925) периодов жизни Цветаевой за границей. В ПР входит 159 ст-ний, расположенных в двух разд., которые озаглавлены «Тетрадка первая» и «Тетрадь вторая». На самом деле каждый раздел включает в себя материал *двух* рабочих тетрадей Цветаевой. В отличие от периода 1917—1921 гг., когда многие ст-ния оставались за рамками изданных Цветаевой книг, в ПР, за малым исключением (см. №№ 515—524 настоящего изд.), вошли все написанные в 1922—1925 гг.

Критика очень высоко оценила «После России». Г. Адамович в начале своего отзыва объясняет мотивы своего «признания» поэзии Цветаевой: «Дело в том, что один из этих плюсов исключительно велик и значителен, и его ничто перевесить не может: стихи Цветаевой эротичны в высшем смысле этого слова, они излучают любовь и любовью пронизаны, они рвутся к миру и как бы пытаются заключить весь мир в объятия. Это — их главная прелесть. Стихи эти писаны от душевной щедрости, от сердечной расточительности, — не знаю, как сказать яснее. Можно действительно представить себе, что от стихов Цветаевой человек станет лучше, добрее, самоотверженнее, благороднее. Признаюсь, я не нахожу в себе ни сил, ни желания довести эстетизм до такого предела, чтобы, созная это, стихи Цветаевой отвергнуть. И все оговорки мои не колеблют этого основного признания. {...}» (ПН. 1928, 21 июня. С. 3).

Вл. Ходасевич начал свою рецензию наблюдениями над путями развития поэзии Цветаевой от «Вечернего альбома» до «После России», отметил характер влияний, испытанных ею, и дал подробный разбор последней книги. «Поэтика прошлого века, — писал Ходасевич, — не допускала одержимости словом; напротив, требовала власти над ним. Поэтика современная, доходящая порой до признания крайнего словесного автономизма и во всяком случае значительно ослабившая узлы, сдерживавшие «словесную стихию», дает Цветаевой возможности, не существовавшие для Ростопчиной. Причитания, бормотание, лепетание, полузаумная, полубредовая запись лирического мгновения, закреплённая на бумаге, приобретает сомнительные, но явочным порядком осуществляемые права. Принимая их из рук Пастернака (получившего их от футуристов), Цветаева в нынешней стадии своего творчества ими пользуется — и делает это целесообразнее своего учителя, потому что применяет именно для дневника, для закрепления самых текучих душевных движений. И не только целесообразней, умней, но главное — талантливей, потому что запас словесного материала у нее количественно и качественно богаче. Она гораздо одареннее Пастернака, непринужденней его, —

вдохновенней. Наконец, и по смыслу — ее бормотания глубже, значительней. Читая Цветаеву, слишком часто досадуешь: зачем это сказано так темно, зачем то — не развито, другое — не оформлено до конца. Читая Пастернака, за него по человечеству радуешься: слава Богу, что все это так темно: если словесный туман Пастернака развеять — станет видно, что за туманом ничего или никого нет. За темнотою Цветаевой — есть. Есть богатство эмоциональное и словесное, расточаемое, быть может, беспутно, но несомненное. И вот, говоря ее же словами, — «Присягаю: люблю богатых!» Сквозь все несогласия с ее поэтикой и сквозь все досады — люблю Цветаеву». («Возрождение». 1928, 19 июня. С. 3).

Составляя Сб40, Цветаева отобрала в него 99 ст-ний ПР. К **сожалению**, рукопись этой части книги не сохранилась.

Большая часть ПР вошла в ИП-65, Соч-1 и др. посмертные издания, в СП-3 книга воспроизведена полностью.

В настоящем изд. «После России» печ. в полном составе по тексту книги со сверкой по автографам.

ТЕТРАДКА ПЕРВАЯ

Эпиграф — не вполне точная цитата из «Мнения о начале поэзии и стихов вообще» В. К. Тредиаковского (1703—1769). Этот же эпиграф стоит в начале первой чешской тетради Цветаевой (ЧТ-7).

Б е р л и н

Согласно первоначальному плану (когда ПР предполагалось носить заглавие «Умыслы»), 24 ст-ния, написанные в Берлине в июне—июле 1922 г. (21 ст-ние ПР и 3 ст-ния, не вошедшие в книгу, два из них см. №№ 515—516), должны были составить цикл «Элизиум». В Сб40 5 ст-ний составили цикл «Рассвет», 8 ст-ний — цикл «Земные приметы», одно помещено вне циклов.

361. ПР. Автограф в БТ-3.

362. ПР. Автограф в БТ-3, вар. (приведены в ИП-65. С. 702). *Юдоль* — долина; земная жизнь.

363. ПР. Автограф в БТ-3, вар. В Сб40 вошло в цикл «Земные приметы» (1). *Фома* — один из двенадцати апостолов, не поверивший в воскресение пока не вложил персты в раны Христа, явившегося ученикам после своего погребения. (Иоанн, 20).

364. ПР. Автограф в БТ-3. В Сб40 вошло в цикл «Рассвет» (1).

365. ПР. Автограф в БТ-3. В Сб40 вошло в цикл «Земные приметы» (2).

366. ПР. Автограф в БТ-3. В Сб40 под загл. «В Граде Друзей». *Тарпейская круча* — крутой обрыв на Капитолии, откуда в Древнем Риме сбрасывали преступников.

* 367. ПР. В БТ-3 вар. В С640 вторая часть ст-ния (после отбивки) включена в цикл «Рассвет» (2).

368. ПР. Автограф в БТ-3. *Сарра-заповедь и Агарь-сердце*. Имеются в виду заповеданная Богом жена библейского праотца Авраама Сара и его наложница Агарь. *Вечной мужественности взмах*. Через несколько дней Цветаева своей статье о поэзии Б. Пастернака «Световой ливень» дала подзаголовок — «Поэзия вечной мужественности».

369. ПР. В БТ-3 вар.

370. ПР. Автограф в БТ-3. В С640 вошло в цикл «Рассвет» (3).

371. ПР. Автограф в БТ-3. В С640 вошло в цикл «Земные приметы» (6).

372. ПР. В БТ-3 без загл. В С640 вошло в цикл «Земные приметы» (3). *Иордань* — см. примеч. № 332.

* 373. ПР. Автограф в БТ-3. В С640 вошло в цикл «Рассвет» (4). *Кифара* — струнный инструмент, разновидность лиры.

374. ПР. В БТ-3 с посвящ. «Б. П.» (Борису Пастернаку. — Е. К.), вар., перед текстом помета: «(Перерыв из-за статьи о Пастернаке «Световой ливень»)». Статья писалась с 3 по 7 июля 1922 г.

375. ПР. Автограф в БТ-3.

376. ПР. В БТ-3 вар. (приведены в ИП-65. С. 702—703). В С640 вошло в цикл «Земные приметы» (4).

377. ПР. Автограф в БТ-3.

378. ПР. Автограф в БТ-3. В С640 вошло в цикл «Земные приметы» (5). *Соломон, Суламифь* (Суламита) — Жених и Невеста, главные действующие лица библейской «Песни Песней».

379. ПР. Автограф в БТ-3. В С640 вошло в цикл «Рассвет» (5). *Пэри* — в иранской мифологии божественные девы, символ женской прелести.

380. ПР. Автограф в БТ-3. В С640 вошло в цикл «Земные приметы» (7).

381. ПР. В БТ-3 вар. В С640 вошло в цикл «Земные приметы» (8). *Лета* — см. примеч. № 275—282.

Прага

382—384. ВР. 1926, № 5, вар., совместно с последующим ст-нием в цикле из 4 ст-ний «Сивилла». — ПР. В БТ-3 вар. (частично приведены в ИП-65. С. 703). Первым ст-нием цикла открывается первая тетрадь Цветаевой в Чехии, последним ст-нием цикла эта тетрадь заканчивается. *Сивилла* — см. примеч. № 302.

385. Альм. «Струги». Берлин, 1923. Кн. I, под загл. «Река».- ВР. 1926, № 5, в цикле из 4 ст-ний «Сивилла» (3).- - ПР. Автограф в БТ-3. Включено в С640 под загл. «Берегись...». *Об упавшем ввысь* и т. д. Сын царя Давида — Авессалом — был убит в сражении: проезжая на муле под дубом, он запутался волосами в ветвях дуба и повис между небом и землей, в этом беспомощном положении он был поражен стрелами противника.

386. ПР. Автограф в БТ-3.

387—395. ПР. Ст-ния 1—7 и № 402— ВР. 1926, № 5, № 8—9 в одноименном цикле, без посвящ. Ст-ния 8, 9— Сб. «Окно». Париж 1924, № 3, под загл. «Деревья», «Листья». В БТ-3 без посвящ., ст-ния 8, 9 вне цикла, под загл. «Деревья», «Листья». Полностью цикл вошел в С640. В ИП-65 приведены черн. вар. ст-ний 5, 6, 9 и не входящее в цикл ст-ние, приведенное с ошибочной датой (нужно: 6/19 октября 1922) и ошибочно отнесенное к ст-нию 7, как его первоначальный вар. (ИП-65. С. 703—704). Посвящение — Анне Антоновне *Тесковой* (1872—1954) — чешской писательнице, переводчице и общественной деятельнице, с которой в годы своей зарубежной жизни Цветаева регулярно переписывалась. 2. *Авессалом* — см. примеч. № 385. 4. *Элизиум* — см. примеч. № 310. *Стогна* — лошади. 5. *Чернецы* — см. примеч. № 104. *Хламида* — широкий плащ. *Саул за Давидом*. Пророк Самуил открыл царю Израиля Саулу, что его царствование не будет долговечным, так как Бог изберет царем народа «мужа по сердцу Своему», им стал пастух Давид, после чего Саул стал преследовать Давида (Книга Царств I, 13). 6. *Как будто завеса* и т. д. (См. также в 8: *Се — разодранная завеса*). Подразумевается завеса, отделяющая святыню — ковчег завета — от остального помещения храма; завеса «раздралась надвое» в момент смерти на кресте Иисуса Христа (Матф., 27). 7. *Ска́ла* (итал.) — лестница. 9. *Сивилла* — см. примеч. № 302.

396—397. ВР. 1924, № 14—15. - - ПР. В БТ-3 вар. Автограф 1940 г., вар. (ЦГАЛИ). Цикл включен в С640.

398. ПР. Автограф в БТ-3. В С640 под загл. «Седые волосы». *Соломоновы пеллы Над великой тцетой*. Согласно преданию, библейский царь Соломон является автором «Книги Екклесиаста», основной вывод которой: «всё суета и томление духа».

399. ПР. В БТ-3 с дополн. (впоследствии — вычеркнутой) строфой (см. ИП-65, с. 705).

400. «Своими путями». Прага. 1925, № 3—4. - - ПР. В БТ-3 вар. *Есть такая дурная басня* и т. д. Подразумеваются слова Христа: «(...)удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие». (Матф., 19).

401—403. ПР. Ст-ние 3 — СЗ. 1923, № 16, под загл. «Бог». Автограф в БТ-3. Предполагая включить цикл в С640 и сомневаясь в уместности этого, Цветаева записала в черновиках плана книги: «Очень хотелось бы стих. Бог (два последних). Что если назвать *Рок* или *Гермес* (NB! какая ерунда) или — *Зевес?*» (ЧТ-32). В окончательный состав С640 цикл не вошел. 2. *Даже осино́й* и т. д. На

осине, по преданию, повесился Иуда-Христопродавец. 3. *Аз, Ижица* — первая и последняя буквы славянского алфавита.

* 404. ПР. Автограф в БТ-3. Вошло в Сб40. Сохранилось 4 вар. ст-ния. В 1924 г. Цветаева записала: «Есть поэты «без черновиков» — сразу набело — имя их легион и цена им грош. Есть поэты — сплошные черновики. Гёльдерлин, например, с четырьмя вариантами одного и того же стихотворения (абсолют, очевидно, им найден на небесах)». (ТВ-9). *Семирамида* — царица Вавилона, у которой, по преданию, были висячие сады — одно из семи чудес света.

405. «Окно». Париж. 1923. № 2.- - ПР. БТ-3 вар.

406. ПР. В БТ-3 вар.

* 407. ПР. Автограф в БТ-3. Пьетро *Метастазіо* (1698—1782) — итальянский поэт, автор текстов кантат Глюка, Перголези, Гайдна и др.

408. «Своими путями». Прага. 1925, № 8—9, под загл. «Эмигрант (Поэт)». - - ПР. Автограф в БТ-3. Автограф (ЦГАЛИ) с посвящ. «Борису Пастернаку», с пометой под текстом: «(Эти стихи непременно надо читать голосом, иначе пропадут)». *Шуман* Роберт (1810—1856) — немецкий композитор-романтик. *Вега* — звезда в созвездии Лиры, по преданию возникшем из помещенной на небо золотой кифары Орфея.

409. ПР. Автограф в БТ-3. *Нереида* — в греческой мифологии нимфа моря, дочь морского бога Нерея. *Хвалынь* — древнее название Каспийского моря. *Скинния* — в Библии шатер для богослужений, построенный Моисеем в пустыне; Бог спускался в скинию в виде облачного и огненного столпа.

410—412. «Дни». Берлин. 1925, 22 нояб., 3 ст-ние с подзаг. «(Заклятие)». - - ПР. В БТ-3 вар. 1. *Леила* — см.: Лейла и Меджнун, возлюбленные в арабской поэзии. 3. *Иштар* — древнесемитская богиня, супруга бога Ваала, олицетворяла оплодотворяющую силу природы, брака, любви.

413. ПР. В БТ-3 вар. *Царского беса вспугивая* — см. примеч. № 298. *Аггел* — злой дух.

414. ПР. В БТ-3 в цикле из двух ст-ний «Азраил» (2). Ст-ние 1 см. № 517. *Азраил* — ангел смерти у мусульман.

415. ПР. В БТ-3 с лакунами.

416. «Записки наблюдателя». Прага, 1924. Кн. I, вместе с № 450 и 417 в цикле «Гамлет» (1, с подзаг. «Встреча»). - - ПР. Автограф в БТ-3.

417. «Записки наблюдателя». Прага, 1924. Кн. I, в цикле «Гамлет» (2), вар. - - ПР. В БТ-3 вар. Включено в Сб40. *Федра* — жена Тезея (см. примеч. № 38), испытывала роковую страсть к своему пасынку Ипполиту.

418—419. «Записки наблюдателя». Прага, 1924. Кн. I. - - ПР. Автограф в БТ-3. Включено в Сб40. 1. *Геркуланум* — город у подножия Везувия, засыпанный во время извержения вулкана. *Пеплум* (пеплос) — женская одежда. *Элизиум* — см. примеч. № 310. *Гарпии* — в греч. мифологии духи мщения, терзали жертву железными когтями. 2. *Феб* — см. примеч. № 259. *Психея* — душа; в сказке Апулея — возлюбленная Амура. *Стилос* (стиль) — палочка с заостренным концом для письма на восковой поверхности дощечки.

420. ПР, с опеч. в ст. 21, исправленной по БТ-3. В БТ-3 вар. Включено в Сб40. В ст-нии использован миф об Орфее — см. примеч. № 250.

421—430. ПР. В БТ-3 цикл состоит из четырех ст-ний (1—4) с первонач. загл. «Телеграф», впоследствии зачеркнутым. Беловой автограф цикла, включающий 7 ст-ний (ЦГАЛИ). 7 ст-ние — «Московские поэты». Великий Устюг, 1924, с ошибочной датой. Цикл включен в Сб40. Эпиграф — не вполне точная цитата из романа немецкого поэта Гёльдерлина (1770—1843) «Гиперион, или Отшельник в Греции» (атрибутировано по СП-3). 1. *Эмпирей* — небо. *Атлант* — в греч. мифологии титан, держащий на своих плечах небесный свод. *Ариадна* — см. примеч. № 38. *Аид* — в греч. мифологии подземное царство мертвых. *Эвридика* — см. примеч. № 250. 2. *Федра*, *Ипполит* — см. примеч. № 417. *Наксос* — см. примеч. № 38. *Стикс* — подземная река Аида. 4. *Леила* — см. примеч. № 410. 5. *Как пророрливица — Самуила*. Имеется в виду библейский рассказ об Аэндорской волшебнице, вызвавшей по просьбе Саула дух умершего пророка Самуила (Книга Царств 1, 28). 9. *Элизиум* — см. примеч. № 310. 10. *Рахиль* — любимая жена библейского праотца Иакова, за которую он служил ее отцу Лавану 14 лет (Бытие, 29).

431—432. ПР. Автограф в БТ-3. Вошло в Сб40.

433. ВР. 1924, № 14—15. - - ПР. Автограф в БТ-3.

434—436. «Дни». Берлин. 1924, 17 авг. - - ПР. В БТ-3 ст-ния не составляют цикла, вар. Под загл. «Поэт» цикл вошел в Сб40. Размышления о природе поэтического дара составляют основное содержание аналитической прозы Цветаевой. Приводимый ниже фрагмент письма, опубликованный в русском бельгийском журнале, выходившем на правах рукописи, существенно дополняет известные тексты.

«Поэт: определенный духовный строй и определенный словесный дар.

Поэт: определенный духовный строй, осуществляющийся только в слове (певчем).

Поэт без стихов (т[о] е[сть] только духовный строй) — не поэт. Стихи без поэта (т[о] е[сть] голый словесный дар) — просто рифмованные строки. <...>

У поэта нет других путей к постижению жизни кроме слова, этим он отличается от не-поэта, у которого — все (кроме). *Называя — постигает.* <...>

Слово для поэта совершенно самостоятельная единица ценности. Не звук (иначе бы нас удовлетворяло и — а — о, и др.), а данный

звук, соответствующий данному смыслу. Ища слова, поэт ищет смысла.

Поэт неизбежно терпит крах на всех других путях осуществления. Привычный, приученный (собой же) к абсолюту, он требует от жизни то, чего она дать не может, ибо она то, *из чего*, а не *то, что*. Впрочем, бывают поэты-двоеженцы: Гете, напр[имер], Тютчев, сумевшие совместить. Но они были не только поэтами, м[ожет] б[ыть] и больше, Гете — неизмеримо больше.

Поэт не самое большее, что есть, т[о] е[сть] — самая высшая ступень на лестнице ремесла, и самая низшая от точки, где ремесла полагаются. Ибо молитва (святость) не ремесло, а стихи — все-таки ремесло. *Artisan du chant* — вот что, в конце концов, поэт. Мастер певчего слова.

Еще. Область поэта — душа. *Вся душа*. Над душой — дух, не нуждающийся в поэтах, если нуждающийся — в пророках. Пророчество в поэте как соприсутствие, не как сущность — как поэзия в пророке. «Какие большие поэты пророки», так говоря — пророка снижаете. «Какие большие пророки — поэты!», так говоря — поэта возвеличиваете.» («Родные перезвоны». Брюссель. 1952, № 1. С. 2—3).

2. *Иов* — главное действующее лицо библ. «Книги Иова», праведник, история жизни которого представляет собой цепь страданий и бедствий; символ долготерпеливого мученичества.

437. ПР. В БТ-3 под загл. «Несколько слов», перед 2-ой частью ст-ния помета: «(Диалог.) (Ударяются все слоги, кроме 3^{го}. Третий проглатывается.)» *Юдоль* — см. примеч. № 362.

438. ПР. В БТ-3 вар. *Китеж* — см. примеч. № 336. *Памяти гудящий Китеж* — почти несомненная реминисценция строк ст-ния М. Волошина «Письмо» (1904):

В озерах памяти моей
Опять гудит подводный Китеж.

439. ПР. В БТ-3 вар. *Сивилла* — см. примеч. № 302. *Сцевола Муций* — римский воин (VI век до н. э.), сжегший на огне руку в доказательство, что говорит правду и не страшится смерти; стал символом стойкости.

440. ПР. Автограф в БТ-3. *Юдоль* — см. примеч. № 362.

441. ПР. В БТ-3 без загл. Включено в С640. *Федра* — см. примеч. № 417. *Иродиада* — жена царя Ирода; по ее желанию ее дочь, плясавшая на празднестве и угодившая царю, потребовала в награду себе голову Иоанна Крестителя (Матф., 14). *Шествие морем Чермным*. Имеется в виду библ. рассказ о спасении Богом своего народа: Красное море расступилось и народ прошел, а преследователи были потоплены сомкнувшимися водами (Исход, 14). *Юдифь* — героиня библ. «Книги Юдифь», спасшая свой народ; Юдифь прошла в лагерь ассирийского военачальника *Олоферна* и в его шатре отсекла ему голову мечом.

442. ПР. В БТ-3 без загл., вар. Включено в С640. «*Велик Бог — посему крутитесь!*» Имеется в виду ритуальная пляска.

443—444. ПР. В БТ-3 вар. Включено в С640. *Дзингара* (итал.) — цыганка. *Страдивариус* Антонио (1644—1736) — знаменитый итальянский скрипичный мастер.

445. ПР. В БТ-3 под загл. «Занавес (Вдох и выдох)». *Наяда* — речная нимфа.

446. «Дни». Берлин. 1926, 2 апр. - - ПР. В БТ-3 без посвящ. Посвящение — *Аренской* (урожд. Завадской) Вере Александровне (1895—1930), гимназической соученице Цветаевой, сестре Ю. А. и В. А. Завадских (о последнем см. примеч. № 606). В эмиграции знакомство возобновилось, их дружба продолжалась до отъезда В. А. Аренской в 1928 г. в Россию, а переписка — до ее смерти в Ялте.

447. ПР. Автограф в БТ-3.

448. ПР. Автограф в БТ-3. Включено в С640.

449. «Дни». Берлин. 1926, 2 апр. - - ПР. В БТ-3 вар. Включено в С640.

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ

Эпиграф — из книги французского философа М. Монтеня «Опыты». Кн. I, гл. «Об уединении». Это высказывание Монтеня Цветаева часто цитировала; переписав его в записную книжку, она сделала следующую помету: «Montaigne — случайно нашла в словаре, одна в В[оле] Р[оссии] (редакции журнала.— Е. К.), возле холодного самовара.— Подарок на всю жизнь». (ТВ-20).

450. «Записки наблюдателя». Прага, 1924. Кн. I, совместно с № 416 и 417 в цикле из 3 ст-ний «Гамлет» (3). - - ПР. Автограф в БТ-4. Включено в С640. Автограф в собрании Д. Данина без авторской ремарки в последнем ст.

451. ПР. В БТ-4 с лакуной в ст. 5, вар.

452. ПР. В БТ-4 вар. Включено в С640. *Елена* — царица Спарты, жена Менелая; похищение Елены троянским царевичем Парисом послужило причиной Троянской войны. *Эмпедокл* — греческий философ; по преданию кончил жизнь, бросившись в жерло вулкана *Этны*.

453. ПР. В БТ-4 под загл. «Офелия». Автограф в собрании Д. Данина, вар. Включено в С640 под загл. «Свиданье». *Рута* — полевое растение. *Стогны* — см. примеч. № 387—395.

454. ПР. В БТ-4 вар.

455. ПР. В БТ-4 др. ред. *Уrania* — муза астрономии.

456. «Русский современник». Л., 1924. Кн. 3, вар. - - ПР. В БТ-4 вар. Включено в С640. *Федра* — см. примеч. № 417. *Гриф* — крупная хищная птица.

457. ПР. В БТ-4 с той же датой. В ИП-65 дана дата из черновой тетради. Вошло в С640.

458. «Русский современник». Л., 1924. Кн. 3, вар. - - ПР. В БТ-4 вар. Вошло в С640.

459. ПР. В БТ-4 вар. Вошло в С640. *Сколько их, куда их гонит!* — не вполне точная цитата из ст-ния А. С. Пушкина «Бесы» (у Пушкина: Сколько их! куда их гонят?). *Жена Лота* — жена праведника, которого Бог спас при уничтожении Содома, выведя его с семьей из обреченного города; жена Лота оглянулась на родные места и превратилась в соляной столп (Бытие, 19). *Сафо* — древнегреческая поэтесса.

460. ПР. В БТ-4 вар. Вошло в С640. *Цезарь — Лукреции*. По преданию, Цезарь Борджиа (1475—1507), сын папы Александра VI, состоял в кровосмесительной связи со своей сестрой Лукрецией.

461—463. «Дни». Берлин. 1926, 7 марта. - - ПР. Автограф в БТ-4. Вошло в С640. 1. *Волчица римская* — кормилица основателей Рима Ромула и Рема. *Дщерь Египетская*. Согласно библ. рассказу Моисей родился во время действия приказа фараона об истреблении всех еврейских младенцев мужского пола; мать смогла скрывать его три месяца, а потом положила в корзину, которую поставила в тростнике у берега реки, где его нашла и спасла дочь фараона (Исход, 2). 2. *Вега* — см. примеч. № 408. 3. *Струны Давидовой* — см. примеч. № 298.

464. ПР. Автограф в БТ-4. Вошло в С640.

465. ПР. В БТ-4 вар. Вошло в С640.

466. ПР. В БТ-4 вар. Вошло в С640. *Кастальский ток* — источник на склоне горы Парнас в Дельфах, близ храма Аполлона; символ поэтического вдохновения.

467. ПР. Автограф в БТ-4. Вошло в С640.

468. ПР. Автограф в БТ-4. Вошло в С640.

469. ПР. Автограф в БТ-4. Вошло в С640. Сюжет ст-ния, по-видимому, восходит к известному эпизоду средневекового французского эпоса о Тристане и Изольде, когда между спящими в лесу возлюбленными был положен обнаженный меч. Этот же эпизод использовал М. Волошин в ст-нии «Себя покорно предавая сжечь..» (1910):

Напрасно обоюдоострый меч,
Смиряя плоть, мы клали меж собою...

470. ПР. Автограф в БТ-4. *Фома* — см. примеч. № 363.

471—473. ПР. Автограф в БТ-4. 3 ст-ние включено в С640. Цветаева соединяет здесь воедино образы двух евангельских женщин: грешницу из Капернаума, которая пришла в дом фарисея, где был Иисус, «принесла алавастровый сосуд с миром; и, ставши

позади у ног Его и плача, начала обливаться ноги его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром» (Лука, 7), и Марию Магдалину, исцеленную Христом от бесноватости, Мария служила Ему во время его проповеднических странствий до самой Его смерти на кресте.

474. ПР. В БТ-4 под загл. «Отрывок из „Заставы“».

475. ПР. В БТ-4 вар. Вошло в С640. *Приам* — царь Трои.

476—477. ПР. В БТ-4 вар. Вошло в С640. 1. *Синай* — гора в пустыне, на которой Бог дал Моисею заповеди завета (Исход, 19 и сл.). 2. *Давид* — см. примеч. № 257 и 298.

478. ПР. В БТ-4 вар. Вошло в С640. *Ахилл* (Ахиллес) — один из величайших героев Троянской войны. *Поликсена* — троянская царевна.

479. ПР. Автограф в БТ-4. Вошло в С640.

480. ПР. Автограф в БТ-4. Вошло в С640.

481. ПР. Автограф в БТ-4. Вошло в С640.

482. ПР. В БТ-4 вар. *Содом* — см. примеч. № 216.

483. ПР. Автограф в БТ-4. Вошло в С640.

484. ПР. В БТ-4 с подзаг. «(Аллегория)». Вошло в С640 под загл. «Поезд».

485. ПР. Автограф в БТ-4. *Стикс* — см. примеч. № 421—430.

486. ПР. В БТ-4 вар.

487. «Московские поэты». Великий Устюг. 1924, вар. - - ПР. Вошло в С640. Автограф в БТ-4.

488. ПР, с печ. в ст. 3. Автограф в БТ-4. Вошло в С640.

1924

489—491. СЗ. 1925, № 23. - - ПР. В БТ-4 вар. 1 и 2 ст-ния вошли в С640, образовав цикл «Двое». 1. *Гомер* — древнегреческий рапсод, легендарный автор «Илиады» и «Одиссеи». *Елена* — см. примеч. № 452. *Ахиллес* — см. примеч. № 478. 2. *Зигфрид*, *Брунгильда* — герои немецкого средневекового эпоса «Песнь о Нибелунгах». *Пенфезилея* — царица амазонок.

492. ПР. В БТ-4 вар. Вошло в С640. *Нереида* — см. примеч. № 409. *Кбндор* — крупная хищная птица.

493. ПР. В БТ-4 совместно с № 494 и 628 образует цикл из трех ст-ний «Под шалью» (2).

494. ПР. В БТ-4 совместно с № 493 и 628 образует цикл из трех ст-ний «Под шалью» (3), с лакунами. Под загл. «Взгляд» вошло в С640. Елена — см. примеч. № 452.

495. ПР. Автограф в БТ-4. Вошло в С640.

496. ПН. 1925, 17 дек. - - ПР. Автограф в БТ-4. Приведем запись Цветаевой 1928 г.: «Любовь без ревности есть любовь вне пола. Есть ли такая? 1) без ревности 2) вне пола. Есть любовь с невозможностью ревности, т. е. любовь несравненного, вне сравнения стоящего. Так, может ли Гете ревновать любимую — к любому? (Ревность — ведь это некий *низший* заговор равных. Своего рода — братство. Одну дрянь променяла на другую дрянь.)

В ревности ведь элемент — признания соперника, хотя бы — права его на существование. Нельзя ревновать к тому, чего вообще не должно быть, к тому, которого *вообще* — нет. (А Пушкин — Дантэс?) Нельзя ревновать к пустому месту (*néant*).

В ревности есть элемент равенства: ревность есть равенство. Нельзя ревновать к заведомо-низшему, соревноваться с заведомо-слабейшим тебя, здесь уже ревность замещается презрением.

Позвольте, но есть разные планы превосходства (соревнования). Бетховен превосходил любого — сущностью, но любой превосходил Бетховена — красотой. Гете (80-ти лет) превосходил любого гением (*и* красотой!), но любой превосходил его молодостью.

Ревность от высшего к низшему (Бетховена — к Иксу, Гете — к Игреку, Пушкина — к Дантэсу) не есть ревность *лица* к лицу, а *лица* — к стихии, т. е. к красоте, молодости, скажем вежливо — шарму, которые есть — стихия (слепая).

К *лицу* ревновать не будешь, *сам* полюбишь! Гете не может ревновать к Бетховену — вздор! Либо: не та ревность, боль — *иного* качества: боль — *восторг*, за которую — благодарность.

Но ревность Гете к помощнику садовника, на к-го загляделась его (пропуск в рукописи) (я такого случая не знаю: наверное — был) — есть именно ревность в ее безысходности, ревность к стихии — и потому — стихийная.

Только не надо путать стихии — с данным, его «лицо» (не-лицо) удостаивать своей ревности (страдания). Надо знать, что терпишь от легиона: слепого и безымянного.

И чем *нулевее* соперник — тем *полнее* ревность: Пушкин — Дантэс. (Нулевее — и как круглый нуль, и как последний нуль порядкового числительного: миллионный, ста-миллионный и т. д.)

В лице Дантэса Пушкин ревновал к нелицу. И — *нелицом* (пóлом — тем самым шармом!) был убит». (ТВ-20). *Синай* — см. примеч. № 476. *Каррара* — город в Тоскане (Италия), где добывается высококачественный белый мрамор. *Лилит* — по кабалистическим преданиям первая жена Адама.

497. ПР. Автограф в БТ-4.

498—499. ПР. В БТ-4 вар. 1. *Морфей* — в греч. мифологии бог сна. *Сбирр* (итал.) — сыщик. 2. *Мартын Задека* — имя, под которым в России с 1770 по 1914 гг. издавались гадательные книги, сонники, сборники предсказаний и др. подобные издания.

500. ПН. 1925, 20 дек. - - ПР. Автограф в БТ-4.

501. ПР. В БТ-4 под загл. «Любовь».

502. ПР. Автограф в БТ-4. *Иегова* — см. примеч. № 133—135.

503. ВР. 1925, № 1. Автограф в БТ-4. *Ламанова* Надежда Петровна (1861—1941) — известная московская портниха, мастер театрального костюма.

504. ПР. В БТ-4 с лакунами. Вошло в Сб40 под загл. «Молвь». *Эмпирей* — см. примеч. № 421—430. *Суламифь*, *Соломон* — см. примеч. № 378. *Се* — *напоровишись на конский череп* и т. д. Имеется в виду «Песнь о вещем Олеге» А. С. Пушкина.

505—506. ПР. В БТ-4 без загл., вар. Цикл вошел в Сб40.

1925

* 507. ПР. В БТ-4 с лакунами и не вошедшей в ПР строфой. *Савл* — имя апостола Павла до его обращения.

508. ПР. Автограф в БТ-4.

* 509. ПР. Автограф в БТ-4.

510. ПР. Автограф в БТ-4, с лакунами, вар. *Илион* — Троя.

511. ПР. В БТ-4 с лакунами. Включено в Сб40.

512. ПР. В БТ-4 с лакунами. *Гейне пел.* Имеется в виду ст-ние Г. Гейне «Азра». *Вагнер?* — *нырни!* Подразумевается опера Р. Вагнера (1813—1883) «Золото Рейна».

513. ПР. В БТ-4 с лакуной. Существует комментарий Цветаевой 1933 г.: «Любопытна судьба этих стихов: от меня — к Борису (Пастернаку. — Е. К.), о Борисе и мне. Часто, и даже годы спустя, мне приходилось слышать: «Самое замеч[ательное] во всей книге», узнавать, что эти стихи — чьи-то любимые: гвоздь в доску и перст в рану. Оказывается, они большинством были поняты, как о нас (здесь) и тех (там), о нас и России, о нас и *вне* России, без России.

И теперь, перечитывая: все, каждая строка совпадает, особенно:

Разбили нас — как колоду карт!

Строка, за выразительностью, тогда мною оставленная, но с огорчительным сознанием несоответствия образа: *двух* нельзя разбить как *колоду*, колода — множество, даже зрительно: карты летят.

Даже мое, самое личное, единоличное:

Который уж, ну — который *март*? (Месяц того потока стихов к Борису) *март* — почти что пароль нашего с Б. заговора — даже этот март оказался общим, всеобщим («Которую весну здесь сидим и сколько еще??»)

Редкий, редчайший случай расширения читателем писательского образа, обобщения, даже увечения частности.

Ни о какой эмиграции и России, пища, не думала. Ни секунды. Думала о себе и о Борисе.— И вот.—». (ТВ-9).

514. ПР. В БТ-4 вар. Включено в Сб40. *Гомер* — см. примеч. № 489.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В КНИГИ

В этом разделе объединены две группы произведений. Первую составляют 10 стихотворений 1922—1925 гг., входящие в хронологические рамки ПР, но не включенные в нее. Эти произведения (кроме 515 и 517) публикуются здесь впервые. Разумеется, каждую книгу Цветаевой можно было бы дополнить не вошедшими в нее по той или иной причине стихотворениями, и это не сделано здесь не столько из-за соображений технических и композиционных, сколько из принципиальных. Период ПР — заключительный этап лирики Цветаевой в ее прежнем качестве — лирического потока и лирического дневника, и именно поэтому представлялось важным наиболее полно показать этот этап. С 1926 г. лирика Цветаевой меняет русла, устремляясь в поэмы и лирическую прозу, собственно лирика представлена отдельными редкими образцами: в 1926 г. написано одно стихотворение, в 1927 — ни одного, в 1928 г. — шесть, и такое положение сохраняется все последующие годы.

Группа произведений 1928—1941 гг., хронологически следующих за ПР, составляет основную часть раздела. Часть их была опубликована в периодике при жизни Цветаевой, большая часть включена в ИП-65, Соч-1 и др., некоторые появились только в советской периодической печати 1970—1980-х гг., шесть стихотворений публикуются здесь впервые.

1922—1925

515. БТ-3 (Впервые ИП-65 с опеч. в ст. 35). *Логос* (греч.) — слово; в различных философских системах, начиная с Гераклита, «мировой разум», пронизывающий всю природу.

516. БТ-3.

517. БТ-3 (впервые — Марина Цветаева. Неизданное. Стихи. Театр. Проза. Париж, 1976), где совместно с № 414 образует цикл из двух ст-ний «Азраил» (1).

518. БТ-3.

519. БТ-4.

520. БТ-4.

521. БТ-4.

522. ЧТ-12. В тетради под текстом помета: «(на прогулке)».

523. ЧТ-12.

524. ЧТ-12.

1928—1941

* 525. Беловой автограф 1928 г. (ЦГАЛИ). Заглавие и точная датировка по БТ-4, где текст записан с лакунами. Как и два последующих, обращено к молодому поэту Николаю Павловичу Гронскому (1909—1934), с которым Цветаева подружилась в начале 1928 г. Внешним поводом к написанию ст-ния послужило намерение Цветаевой подарить Гронскому мундштук. *Кий* — в «Повести временных лет» упоминается как один из легендарных основателей Киева (братья Кий, Хорив и Щек и сестра их Лыбедь).

526. ПкТ. - - Беловой автограф 1928 г. (ЦГАЛИ). *Ваграм* — селение в Австрии; в 1809 г. французская армия Наполеона в сражении близ Ваграма разбила австрийскую армию эрцгерцога Карла.

527. Беловой автограф 1940 г. (впервые — МС, где ошибочно включено в цикл «Надгробие»). В БТ-5 — ошибочная дата (1929), повторяемая в Соч-1 и последующих изд., и помета под текстом: «(Стихи — морского лета, случайно не вписанные никуда, — нашла в своих письмах к нему)». В автографе 1940 г. под загл. «Стихи одному юноше» и пометой под текстом ст-ния: «(Жиронда, Океан, лето 1928 г.— Голицыно, Снег, январь 1940 г.)».

528. ВР. 1930, № 11—12. - - Оттиск ВР с авторской правкой (ЦГАЛИ). В БТ-4 ст-ние вписано с лакунами цензурного характера. Стихотворение (М. Л. Слоним называет его поэмой) построено как «житие с клеймами»: рождение, деяния, чудеса, смерть, посмертное житие. 2. *Литературная — не в ней*. Имеется в виду «Лит. газета». 17 апреля 1930 г. был выпущен экстренный выпуск газеты, весь посвященный Маяковскому. *Черновец — милюковцу*. То есть: эсер — кадету, образования от фамилий лидеров этих партий В. М. Чернова (1876—1952) и П. Н. Милюкова (1859—1943). 3. Эпиграф — цитата из заметки Б. Лихарева в однодневной газете «Владимир Маяковский» от 24 апреля 1930 г. 4. Эпиграф — цитата из предсмертного письма Маяковского, опубликованного в газетах. *«Тоска»* — опера Дж. Пуччини (1858—1924). 6. Эпиграф — измененная цитата из романа А. Белого «Петербург», гл. 5, главак «Красный как огонь» (У Белого: «Краски огненного цвета...»). Встреча Маяковского и Есенина на том свете и упоминание в их диалоге имен Блока, Сологуба, Гумилева продолжает определенную «традицию»; из хронологически близких прецедентов назовем стихотворение Вл. Сирина «На смерть Блока» («Руль». 1921, № 256, 20 сентября), где «душу Александра Блока» встречают в раю Пушкин, Лермонтов, Тютчев и Фет. 7. Цветаева использует здесь слова православной заупокойной молитвы: «Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего в месте светле, в месте злачне, в месте покойне».

В ТВ-20 сохранилась запись реплик Цветаевой «во время каких-то прений» в апреле 1930 г. — быть может, на одном из вечеров

литературной группы «Кочевье», посвященном Маяковскому. Приводим текст записи:

«— Маяковский не только не прислуживался к Революции, а сидел за нее в тюрьме гимназистом 16 лет.

— Поэма Октябрь ничуть не хуже первых вещей.

— Умер вовсе не потому что Революция умерла — а потому что девушка не любила. И умер вовсе не потому что *и* одна умерла *и* другая не любила — потому что — как еще Наполеон сказал Гёте о Вертере — от *двух* вещей не умирают (Вертер: любовь и расстроенные дела), *всегда* — от одной. (Иногда — от всего, но это тоже — от одного.) Народное: двум смертям не бывать относится не только к смерти, а к причине смерти. Так, например, Блок умер не от подагры + астмы + еще чего-то, а — от *тоски*. Которая — одна. *Всегда* — одна!

— Самое обидное, что можно сейчас сделать М[аяков]скому (а сделать ему может сейчас — *всё* — всякий — на к[оторо]го он даже бы не плюнул!) — это сказать, что он умер разочаровавшись в (лакуна в рукописи. — Е. К.) Он был ей предан вплоть до двух (2-х) тысяч уплоченного налога. Сила этой смерти — в том, что он умер в полной силе, на высоте дара и судьбы.

Поэтому я его не жалею, а на него (за него) — радуюсь».

529. БТ-4 (впервые — «Часть речи». Нью-Йорк. 1980, № 1, без загл.).

* 530—535. БТ-4 (кроме 1 ст-ния). 1—4 ст-ния — СЗ. 1937, № 63, 64; 5—6 ст-ния — ДП, 1956. Датировано по ЧТ-20, ЧТ-22, ЧТ-26. 1. Печ. по тексту первой публикации. В БТ-4 ст-ние записано с лакунами, Беловой сводки его в ЧТ не удалось обнаружить. Текст ИП-65 напечатан по БТ-4 с дополнениями из черновых вариантов, и в нем присутствуют девять строф, дописанных в 1935 г. и отсутствующих в первой публикации. Предположение о том, что эти строфы были изъяты редакцией СЗ (см. ИП-65: С. 755) и что Цветаева согласилась на публикацию усеченного текста, вызывает сомнения. Анализ рукописей подкрепляет их. Стихотворение было написано в 1931 г., и в Беловой его сводке упомянутые девять строф отсутствуют, они появляются лишь при доработке цикла в 1935 г. Можно предположить, что в распоряжении редакции СЗ был текст 1931 г.

* 536. БТ-4 (впервые — «Избранное»).

* 537. СЗ. 1933, № 51, без даты, вар. - БТ-4.

* 538. «Избранное». Беловая сводка в ЧТ-26. Загл. — по БТ-4. *Хунхузы* — собирательное назв. китайцев на дальневосточных окраинах России.

* 539. БТ-4, с восстановлением цензурной лакуны в 4 строфе по БТ-31 г. (впервые — «Поэзия». 1978, № 22). О несоответствии поэзии Цветаевой своему времени задумывался и ее девятилетний тогда сын. В ТВ-20 Цветаева записала его слова: «Мур — 23 февраля 1934 г. (9 л. 23 дня) — 1-ый школьный год: — Вот я сегодня глядел на учительницу и думал: — Вот у нее есть какая-то репутация, ее знают в обществе, а мама — ведь хорошо пишет? — а ее никто не знает, п. ч. она пишет отвлеченные вещи, а сейчас не такое время, чтобы читали отвлеченные вещи. Так что же делать? Она же не может писать другие вещи».

540. «Поззия», 1983, № 37. В БТ-31 г.— помета под текстом: «(в лесу, за дровами)».

541. СЗ, 1936, кн. 61, без даты. - БТ-4. В БТ-4 без загл., с пометой под текстом: «(Эти стихи — первые в новой синей тетради и в Кламаре — 101, Rue Condorcet, куда переехали 1-го апреля.— 12-го мая 1932 г., хоронят Президента (П. Думера, убитого русским эмигрантом П. Горгуловым, чтобы привлечь внимание мировой общественности к бедственному положению русской эмиграции.— Е. К.) — в окно похоронный марш и звон.) — Начинаю тетрадь, не докончив Искусства при свете совести, м. б. за-день (теперь — за сколько?) до окончания, не вытерпев чего-то. (Пишу ее больше полугода! NB! Если мой суд над стихами кончится апофеозом стихов — так и должно было кончиться.)».

542. БТ-4 (впервые — «Избранное»). В ИП-65 (с. 760) приведено четверостишие, записанное в БТ-4 вслед за этим ст-нием, но не имеющее к нему отношения. В тетради помета под текстом ст-ния: «Начато в 1932 г.— кончено летом 1935 г. в Фавьере — *у моря*. Было еще четверостишие с: Людоеды в английских сукнах!»

* 543—547. 1—3 ст-ния — «Встречи». Париж. 1934, № 4, 5 с подзаг. «(Из цикла памяти Максимилиана Волошина)». 4 ст-ние — «Новый журнал». 1953, № 33.-Печ. по: Беловая сводка 1935 г. в ЧТ-26. 5 ст-ние — «Новый мир». 1977, № 2, с опеч. Печ. по: БТ-4. В БТ-4 под загл.— «Стихи Максусу», цикл записан со значительными цензурными лакунами. Посвящено памяти Максимилиана Александровича Волошина (1877—1932) — поэта, друга Цветаевой. Работу над циклом Цветаева начала сразу же по окончании своих воспоминаний о Волошине «Живое о живом» и их публичного чтения 13 октября 1932 г. 4. М. А. Волошин похоронен в Коктебеле на горе Кучук-Янышар.

548—552. БТ-4. 1,5 ст-ния — «Встречи». Париж. 1934, № 1, в цикле из 2 ст-ний «Стол». 2, 3, 4 — ИП-65. В ИП-65 цикл состоит из 6 ст-ний, с прибавлением № 637.

553. БТ-4 (впервые — «Избранное»). В тетради под текстом помета: «первый стих после полугода прозы — всякой, и Б[ог] знает какой рвани (переводов)».

554. СЗ. 1935, № 57.- БТ-4. В тетради помета под текстом: «эти стихи могли бы быть моими последними».

* 555. СЗ. 1936, № 62. В БТ-5 без загл., с лакунами, с пометой под 1 частью ст-ния: «(Пометка: писала *десять* дней — позор! Вот что значит месяцами не писать стихов!)».

556. БТ-5 (впервые — «Поззия». 1978, № 22, с ошибочным чтением ст. 12—13). Глубокая органичность этой жизненной позиции в 30-е годы выражалась у Цветаевой не только в лирике, но и во многих размышлениях и записях в ее тетрадях. Ср., например: «Оставьте меня, потрясения, войны и т. д. У меня свои события: свой дар и своя обида — о, за него, не за себя.

Летопись своей судьбы.

Свое самособытие.

Войны и потрясения станут школьной невнятицей, как те войны, которые учили — мы, а мое — вечно будет петь». (ТВ-20).

* 557. «Русский сборник». Париж: «Подорожник», 1946. Кн. I. - Беловая сводка в ЧТ-25. В БТ-5 текст записан с лакунами в ст. 27, 32. Еще в начале 1939 г. Цветаева продолжала искать недостающее слово. Приводим запись этих поисков в ЧТ-32:

«На старость лет моих пошли —

На умиление души.

охлаждение души

возрождение (бrrr!)

На — имеет *два* смысла: *для* и временное понятие: в такой-то день: на именины, на Пасху и т. д.

Искать чего-то зеленого

По *звуку* нужно *ш* и *щ*: *очень* хорошо бы: (по звуку: опрощение)

По смыслу — что-нб. зеленое, исцеляющее — м. б. праздник?»

Далее Цветаева находит сорок четыре понятия, но ни одно ее полностью не успокаивает.

«...На утешение души — тоже хорошо — м. б. лучше всего, п[о-тому] ч[то] самое простое, простонародное, даже общее место.

На вознесение души

На отпущение души ++ (очень хорошо)

На омовение души ++ (+ смысл, хуже по звуку)

обновление

очищение

одарение

озарение

оперение хор [ошо]: умиротворение

На отрешение души

На умиление — яснее всего по смыслу: чтобы еще раз умилиться (душе, после всяких гадостей) стать *милой*

На вознесение — два смысла: праздник — и чтобы из этого сада вознестись.

На отпущение — один смысл: временной

На отрешение — один смысл: чтобы из этого сада и т. д.

На омовение — хорошо, п. ч. холод и зелень: *Bad* *, но хуже по звуку и не сильно по образу.

умирение } хуже

утишение }

У «на отпущение» — еще какой-то, первый, *до-смысла*, что-то окончательное и успокоительное, м. б. мой смертный день — ».

558—560. СЗ. 1935, № 58, в цикле из 3 ст-ний под загл. «Памяти Н. П. Гронского», без последней строфы в 1 ст-нии и пятой — во 2 ст-нии. - БТ-5. Загл. дано в 1940 г. при составлении плана Сб40. Н. П. Гронский (см. примеч. № 525) был сбит поездом на станции парижского метро «Пастёр» 21 ноября 1934 г.

561. Беловая сводка в ЧТ-25.

562. Беловая сводка в ЧТ-25.

* Купальня (нем.).— *Ред.*

564. «Поэзия», 1983, № 37. В ЧТ-26 — помета под текстом: «т. е. моя Норвегия Зигрид Ундсет или моя Чехия, вовсе без моря». 21 июля 1935 Цветаева записывает отзыв своего десятилетнего сына: «(В ответ на мои стихи: Небо — синей знамени, Сосны — пучки пламени...) — Синее знамя? Синих знамен нет. Только у канáков (европейское название жителей островов Полинезии. — Е. К.) Пучки пламени? Но ведь сосны — зеленые. Я так не вижу, и никто не видит. У Вас белая горячка: синее знамя, красные сосны, зеленый змей, белый слон. Как? Вы не любите красивой природы? Вы — сумасшедшая! Ведь все любят пальмы, синее море, горностаи, белых шпицов. Для кого Вы пишете? Для одной себя, Вы одна только можете понять, потому что Вы сами это написали!» (ТВ-20).

565. БТ-5. В тетради под текстом — помета: «Форт Вобана (Брегансон — где по преданию ночевал, после Эльбы, Наполеон. Садовник: «(<...> lorsqu'il s'est enfin de St.-Hélène...!» — Hélas!) * В ЧТ-26 вар. ст. 8 («Навек — цвет глаз его»).

566—567. СЗ, 1936, кн. 60, 61.- БТ-5. В тетради под текстом — помета: «Начато еще в Фавьере, конечно 16^{го} Окт [ября] 1935 г. в Ванве (14 *мелких* страниц черновика: честное слово!)».

568. ИП-65. В БТ-5 под датой — помета: «конец Фавьера». *Масонское Око* — символический знак в виде заключенного в треугольник ока, обозначающий один из атрибутов божества — его всевидение.

569. «Наше наследие». 1988, № 1. Эпиграф — измененная цитата из ст-ния А. К. Толстого «Двух станов не боец, но только гость случайный...». *Орфей* — см. примеч. № 250. *Иродиада* — см. примеч. № 441. *Ты царь: живи один...* — цитата из ст-ния А. С. Пушкина «Поэту» (1830).

570. БТ-5 (впервые — ДП, 1956). В ЧТ-26 начало работы над ст-нием предваряет запись: «Дай Бог — Читателей газет! (Влезаю с отвращением — как в то самое 6 час. метро, ибо знаю, *как буду биться* и отчаиваться. Но regain настолько хорошо, что — стоит.)

Словесный материал:

а	е	и	о	у
цитат	побед	обид	пустот	минут
солдат		защит		
заплат		мастик		
котят				

P. S. Помимо всего — страшная пошлость — любить *новое*. Au fond de l'Inconnu — pour trouver le Nouveau ** — т. е. как Колумб, т. е.

* «...если бы после Святой Елены...» — Увы! (франц.) — *Ред.*

** «В неведомого глубь — чтоб новое обрести!» — (франц. — перевод Цветаевой 1940 г.) — заключительная строка «Плавания» Бодлера. — *Ред.*

создать». *Гуттенбергов пресс* — печатный станок. *Шварцев прах* — порох.

571. ИП-65.- Беловая сводка в ЧТ-26. Во время работы над ст-нием в ЧТ-24 — запись: «Деревья бросаются в окна — на этой строке узнала о смерти Андрея Белого (8-го января в Москве, 53 л. от роду. Мог бы жить еще 20 лет)». Эпиграф. В 1931 г. в очерке «История одного посвящения» Цветаева писала: «Кстати, заметила: лучшие поэты (особенно немцы: *вообще-лучшие* из поэтов) часто, беря эпиграф, не представляют откуда, живописуя — не представляют — кого, чтобы помимо исконной сокровенности любви и говорения вещи самой за себя, дать лучшему читателю эту — по себе знаю! — несравненную радость: в сокрытии — открытии.» (Oxford Slavonic Papers, Volume XI (1964). С. 123). *Людвик Святой* (1215—1270) — король Франции.

572—577. СЗ. 1938, кн. 66.- БТ-5. Обращено к молодому поэту Анатолию Сергеевичу Штейгеру (1907—1944), приславшему Цветаевой письмо из швейцарского санатория, в котором он находился накануне операции. 1. *Провела на граните замка*. В августе 1936 г. Цветаева жила в русском семейном пансионе в замке Шато д'Арсин, в Гавоие. 2. *Так вплелась в мои русые пряди...* — парфраз известных строк Ахматовой 1912 г. «Как вплелась в мои темные косы Серебристая нежная прядь». *Савойя, Пьемонт* — горные области соответственно во Франции и Италии. 3. В СЗ без подзаг. 4. В БТ-5 — запись на полях: «Пометка: — Господи, какой логики, логической акробатики, стоило мне это *безумие!*»

* 578. ИП-65.- Беловая сводка в ЧТ-27.

* 579—593. Полностью ИП-65. Печ. по: Беловая сводка в ТВ-21. Цикл состоит из двух разд. — «Сентябрь» (1—4) и «Март» (1—10), которые посвящены событиям соответственно сентября 1938 г., когда в результате сговора глав европейских государств от Чехословакии была отторгнута часть территории и фактически была ликвидирована государственная самостоятельность страны, и марта 1939 г., когда Чехословакия была оккупирована гитлеровскими войсками.

С е н т я б р ь.

1. ИП-65. *Двадцать лет свободы...* До первой мировой войны Чехия и Словакия входили в состав Австро-Венгрии, и лишь в 1918 г. Чехословакия обрела национальную независимость. 2. ИП-65. *Родина сына моего*. Сын Цветаевой Георгий Сергеевич Эфрон (1925—1944) родился в чешском селе Вшеноры. *Трекляты — кто продали*. С апреля 1938 г. главы европейских государств оказывали систематическое давление на Чехословакию, требуя уступить притязаниям Гитлера, обеспечив таким образом мир в Европе (см. разд. «Другие редакции и варианты», с. 683-684). 29 сентября 1938 г. на конференции в Мюнхене Чехословакия была принесена в жертву. Соглашение о ее расчленении подписали премьер-министр Англии Чемберлен, премьер-министр Франции Даладье, Гитлер и Муссолини. *Всех — кто без страны*. Чехословакия принадлежала инициатива расселения и обеспечения работой русских военных беженцев. В 1921 г. ею было принято на полное иждивение 1500 русских студентов. В числе первой партии их, прибывших в ноябре 1921 г. из Константинополя, был и муж Цветаевой — С. Я. Эфрон. Для детей

русских беженцев и эмигрантов в Моравии была основана русская гимназия, где несколько месяцев училась дочь Цветаевой. Кроме того, в течение ряда лет чехословацкое правительство выплачивало деятелям русской культуры денежное пособие, которое Цветаева получала, даже уже покинув Чехословакию. *Край мой, край мой, проданный* и т. д. Условиями Мюнхенского соглашения была предусмотрена передача Судетской области во власть Германии, в трехмесячный срок удовлетворение территориальных притязаний Венгрии и Польши. Земли должны были передаваться со всеми материальными ресурсами: шахтами, заводами, транспортом, сырьем и т. п. 11 октября 1938 г. А. А. Тескова писала Цветаевой: «Дорогая Марина, что могу написать? Связали народ по рукам и ногам, плевали на него, били, — тысячелетнюю границу его земли отрезали, искалечили то, что было родиной чешского народа за тысячу лет... Трудно понять... А привыкнуть? — едва ли...» (ЦГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 178). 4 ноября 1938 г. добавляла: «(<...> И очень болит душа и сердце за бедных выселенных из своих родных углов, нахлынувших в Прагу с детьми и животными, лишенных хлеба и почвы». (Там же). 3. „Избранное“. В Беловой рукописи под текстом — помета: «(19^{го} ноября 1938 г. — первая версия, 22^{го} ноября 1938 г. — эта, окончательная)». Далее в тетради написано заглавие: «4. Родина Радия» и выделено место для стихотворения, оставшегося неосуществленным (см. раздел «Другие редакции и варианты», с. 684). 4. ДП, 1956. В Беловой рукописи — помета: «Начато в первые дни Октября, кончено 16-го — 17-го апреля 1939 г. Париж, Пастёр». В уже цитированном письме к Цветаевой от 11 октября 1938 г. А. А. Тескова писала об обстоятельствах отторжения Судет: «Народ силен, с ним правда, и чести своей не потерял. Будет жить и бороться. Но никогда уже «дружеское» «не стреляй!» не будет слышано чехами. Умеете представить себе чувства солдат, стоявших на границах родины (с единым девизом в душе: «защитить родину или отдать жизнь!»), когда собственное начальство должно было у них отнять оружие, иначе не оставили бы своего места, и только тогда могли сказать: «даем, что готовы были защищать, — ибо взяли нам возможность защиты»... Ваше сочувствие, и сочувствие всех, кто не утратили чувства правды и справедливости, — дает возможность дышать, не задохнуться в атмосфере подлости и лжи. Спасибо!»

М а р т.

14 марта 1939 г. Гитлер начал оккупацию Чехословакии. На следующий день Цветаева записывает в тетради:

«15-го марта 1939 г. — вход в Прагу. В 7 ч. 45 мин. освещается градчанский замок, взвигается флаг. Вся Прага — на площади: последний гимн, вся толпа поет и плачет. 16-го — сплошной парад, оркестры военной муз[ыки], вся Прага залита офицерами. Толпа идет к Памятнику павшим (Monument aux morts) — за независимость Чехии: толпа нашла свою дорогу.

Так что мое «Можно ль чтоб века бич слепоок родину света взял под сапог» (см. раздел «Другие редакции и варианты», с. 684) — сказанное тогда в сентябре и недосказанное, п[отому] ч[то] не знала: где радий? в отобранных или неотобр[анных] областях? — *сбылось*: вся родина (света) взята под сапог!» (ЧТ-32). Непосредственно после этой записи начинается стихотворение 8 — «О, слезы на глазах!...»

1, 2. „Избранное“. 3. ДП, 1956. *Где мой дом?* — начальные слова чешского национального гимна. 4. „Избранное“. В Беловой рукописи — помета под текстом: «Париж, Пастёр, 1-ый и 2-ой день Пасхи

(9-го — 10-го апреля) 1939 г.» Накануне Цветаева записывает: «Страстная Суббота — 8-го апреля 1939 г. Пастёр.— Вчера сожрали *Албанию*. Скипер вопил на всех языках: Спасите Албанию! (S. O. S.) Потрясающая телегр[амма] какого-то министра — захватчику: 500 л[ет] назад варварами были — азиаты... У азиатов были руки в нашей крови... [Муссолини?], пока не поздно... Мы — не сдадимся. Нам честь — дороже жизни. В наш край вы придете по трупам, не только мужчин, но и женщин...— Attention! Tirana parle... Attention! Tirana parle...* — и безумный (нарочный) треск моря — не заглушающего. 100 000 ит[альянцев] — (иные говор[ят] — сорок: всё равно) напали на стр[ану] с милл[ионом] населения. Жена короля Зогу — Джеральдина — бежала с *2х дневным* сыном... Нынче, в Страстную Субботу, итальянцы вошли в Тирану и Скутари (по-албански — Шкодра, второй по величине город в Албании.— Е. К.). Население ушло в горы. Нет пуль — бросают камни.— «Черногорцы, что такое?..» И Тироль. И Кавказ». (ЧТ-32). *Наздар!* (чеш.) — да здравствует! 5. „Избранное“. *Каждый март*. В марте 1938 г. совершился Аншлюсс, в результате которого Гитлер захватил Австрию, в марте 1939 г. произошла оккупация Чехословакии. *Скалой Тарпейской* — см. примеч. № 366. *Мартовские Иды* — календарные определения в Римской империи, в мартовские иды 44 г. до н. э. был убит Юлий Цезарь. 6. ДП, 1956. Среди черновиков стения — запись: «Вчера, 8-го мая — Hommage à la Tchecoslovaque.** Узнаю в 1 ч. дня. Занимаю деньги, бегу (NB! по плану, ежесекундно сличая) на Bonaparte: 18, Rue Bonaparte — Colonie Tchecoslovaque ***— где продаются билеты — там билетов уже нет, все остающиеся вернули утром в Trocadéro (театрально-концертный зал.— Е. К.) — вечер [ом], в 8¹/₂ ч. вхожу в Trocadéro — везде полиция — потоки дам и господ — билетов нет — ни одного, ни за 10 — ни за 15 — ни за — (все мои чешские стихи).

Идем с Муром домой — Сэной. Мур — утешает. Я — спокойна: так со мной было — всю жизнь.

А пели — чешский гимн. И были — *все чехи Парижа*. И этого я уже *никогда* не увижу и не услышу.

Единств[енное] «зрелище» на которое мне — за годы — м. б. за *всю* за границу (17 л.) страстно захотелось — п. ч. *не зрелище*.

И —

Ну — судьба. (Моя вечная *несудьба*). Fatalité.**** Но — *c'est dur*.***** МЦ». (ЧТ-32). 7. „Избранное“. В беловой рукописи — помета под текстом: «9-го мая 1939 г., на улице». 8. ДП, 1956. В беловой рукописи — помета под датой: «(Начато 15-го марта 1939 г.)», то есть в день входа гитлеровцев в Прагу. *Творцу вернуть билет* — слова Ивана Карамазова, отказывающегося от мировой гармонии, купленной ценой страданий людей (Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Ч. 2. Кн. 5. Гл. «Бунт»). 9. „Избранное“. В беловой рукописи — помета под

* Внимание! Говорит Тирана! Внимание! Говорит Тирана! (франц.).— *Ред.*

** Вечер в честь Чехословакии (франц.).— *Ред.*

*** Ул. Бонапарт — Колония Чехословацкой Республики (франц.).— *Ред.*

**** Рок (франц.).— *Ред.*

***** Тяжело (франц.).— *Ред.*

текстом: «15-го мая 1939 г.— на Av[enue] du Maine — обратно от Аллы, которой носила пирог». Имеется в виду молодая поэтесса Алла Сергеевна Головина, с которой Цветаева подружилась после переписки с ее братом — А. С. Штейгером (см. примеч. 572—577). 10. ДП, 1956. Под текстом — помета: «20-го мая 1939 г. (внезапно)». [11.] ДП, 1956. Заключительное ст-ние записано без номера, после прочерка под 10, и является таким образом эпилогом ко всему циклу. В рукописи под текстом — помета: «(дописано, мысленно, на улице — 21 мая 1939 г.)».

594. Беловая сводка в ЧТ-32 (впервые — в тексте воспоминаний З. А. Шаховской «Марина Цветаева» — «Новый журнал». Нью-Йорк. 1967, № 87).

* 595. «Нева». 1982. № 4.

596. «Нева». 1982. № 4.

* 597. «Нева». 1982. № 4.

598. Беловая сводка в ЧТ-32.

599. «Нева». 1982. № 4. Эпиграф — из ст-ния поэта А. А. Тарковского «Стол накрыт на шестерых...»

ПОЭМЫ

С 1914 по 1936 гг. Цветаевой были написаны двадцать поэм (не считая драматических произведений, которые она сама определяла как «драматические поэмы»): «Чародей», «На Красном коне», «Царь-Девница», «Егорушка» (поэма не завершена), «Переулочки», «Мблodeц», «Поэма Горы», «Поэма конца», «Крысолов», «Лестница», «Несбывшаяся поэма», «Попытка комнаты», «С Моря», «Новогоднее», «Поэма Воздуха», «Красный бычок», «Перекоп», «Поэма о Царской Семье» (текст поэмы утрачен), «Певница», «Автобус» (обе последних не завершены).

В настоящем изд. публ. восемь завершенных поэм в основном корпусе книги и две в разделе «Незавершенные произведения, фрагменты». Четыре поэмы данного раздела в советской печати появляются впервые, «Крысолов» и «Лестница» впервые публикуются полностью (в ИП-65 обе поэмы напечатаны с купюрами цензурного характера; в 1988 г. в «Избранном» Цветаевой в серии «Поэтическая Россия» «Крысолов» перепечатан в редакции ИП-65).

600. ВР. 1925, № 4, 5, 6, 7—8, 12; 1926, № 1. В ИП-65 опубл. с изъятием 265 строк. Печ. по тексту первой публикации с исправлением опечаток и неисправностей текста по белой сводке в ЧТ-12. В ИП-65 подробно раскрыта история создания произведения. В основу «Крысолова» положена средневековая немецкая легенда, известная по собранию братьев Гримм, о бродячем музыканте, согласившемся за вознаграждение избавить город Гаммельн от нашествия крыс. Своей игрой на флейте он заманил их в реку, где они утонули. Не получив обещанного вознаграждения, музыкант таким же образом увел из города всех детей. Известны и многочисленные обработки легенды

в немецкой поэзии — баллада К. Зимрока, «Крысолов» Гёте, «Бродячие крысы» Г. Гейне. О связи своего замысла с именем последнего Цветаева говорит прямо: «Ему посвящаю то, что сейчас пишу» (НП, с. 163). Во многих строках поэмы чувствуется та «провокационная ирония Гейне», о которой писал Блок.

Город Гаммельн. Глава первая. *Жардиньерка* — подставка для комнатных растений. *Города Гаммельна гражданин* и т. д. — несомненный намек на знаменитые слова Сатина «Человек — это звучит гордо». *Эльдорадо* — легендарная страна изобилия. *Шатун* — здесь: Дьявол. *Бедлам* — сумасшедший дом. *Санкюлот* — насмешливое наименование черни во время Великой французской революции. *Пугач* — Емельян Пугачев. *Сен-Жюст* — один из деятелей французской революции, член Конвента. Сны. Глава вторая. *Тора* — закон Моисея, Пятикнижие. *Соломонова пшеница*. Вероятно, намек на «Песнь Песней», в которой красота возлюбленных уподобляется прекрасным плодам и злакам. *За всех и за вся* — использование возгласа Евхаристической молитвы священника в алтаре: «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся». На пасть. Глава третья. *Тугендбунд* — «Союз добродетели», тайное общество в Германии в начале XIX в. *Кораблем, говорят...* — намек на эвакуацию из Крыма остатков «Русской армии» Врангеля и гражданских беженцев, рассеявшихся затем по всей Европе. Увод. Глава четвертая. *Трехсотлетние Lind'ы*. Расшифровка этого образа в ИП-65 и СП-4 — «Центральная улица в Берлине «Unter der Linden» — представляется сомнительной. Дважды повторенное числительное («Свежесть, которой триста лет...») и революционное прошлое коллективного образа хулителей «трехсотлетних» лип позволяет увидеть здесь, например, намек на трехсотлетие династии Романовых и липовые аллеи русских дворянских усадеб. *Lind'ы* же вместо лип вызваны общим макароническим стилем «Крысолова». *Штурм унд драг* — «Буря и натиск», романтическое литературное движение в Германии конца XVIII в., в котором принимали участие молодые Гёте и Шиллер. *Шираз* — город в Иране, родина знаменитых поэтов Гафиза и Саади; уподобление женской красоты красоте розы — один из устойчивых мотивов восточной лирики. *Гаолян* — злаковое растение Восточной Азии. *Галлия* — Франция. *Влахия* — Румыния. *Четвертый день* — то есть земля без людей и животных, которые были созданы соответственно в шестой и пятый день творения (Бытие, I). *Брамин* — член жреческой касты в Индии. В Ратуше. Глава пятая. *Ратсгерр* (нем.) — городской советник. *Анданте!* (итал.) — спокойно, не спеша (музыкальный термин для обозначения темпа). *Шлиф* (нем.) — хорошие манеры. *Унтерgrund* (нем.) — суть, основа. *Септаккорд* — аккорд, гармонически объединяющий четыре звука, расположенных по терциям. *Фохт* (нем.) — управляющий. *Филомела* — соловей, по имени греческой царевны, обращенной в эту птицу. *Азры* — легендарное племя, см. стихотворение Г. Гейне «Азра». *Буква доступна: ять*. «Все» по старой русской орфографии писалось через ять (всь). *Штранд* (нем.) — пляж, морской берег. «*Вещество лишь знак. Гёте*» — можно предположить, что имеются в виду знаменитые строки финала II части «Фауста»: «*Alles Vergängliche Ist nur ein Gleichnis*», ставшие формулой символизма; в дословном переводе: «Всё преходящее есть только подобие». *Кварта, квинта* — музыкальные интервалы четвертой и пятой ступеней. *Иерофант* — верховный жрец в Древней Греции. *Каперцы* — маринованные бутоны южного растения, употребляются в качестве приправы к различным блюдам. Детский рай. Гла-

ва шестая и последняя. *Розы Саади*. Один из сборников стихов Саади называется «Гюлистан» («Розовый сад»). *Флинты* (нем.) — ружья. *Гусова казнь*. Имеется в виду Ян Гус (1369—1415) — вождь чешского национального религиозно-политического движения, был объявлен еретиком и сожжен. *Нежнейшее dolce* (итал.) — нежно, ласково, сладко (музыкальный термин для обозначения оттенка исполнения).

601. «Версты». Париж. 1928, № 3. Автограф 1927 г. (ЦГАЛИ), вар. В БТ-4 текст записан с лакунами, под загл. «Вместо письма», вар. Обращено к Б. Пастернаку. Вызвано его письмом к Цветаевой от 20 апреля 1926 г.: «...Мне снилось начало лета в городе, светлая безгрешная гостиница без клопов и быта, а м. б. и подобье особняка, где я служил. Там внизу были как раз такие коридоры. Мне сказали, что меня спрашивают. С чувством, что это ты, я легко пробежал по взволнованному светом пролетам и скатился по лестнице. Действительно, в чем-то дорожном, в дымке решительности, но не внезапной, а крылатой, планирующей, стояла ты точь-в-точь так, как я к тебе бежал. Кем ты была? Беглым обликом всего, что в преломленное мгновение чувства доводит женщину на твоей руке до размеров физической несовместимости с человеческим ростом, точно это не человек, а небо в прелести всех плывших когда-либо над тобой облаков. Но это было рудиментом твоего обаяния. Твоя красота, переданная на фотографии, — красота в твоем особом случае — т. е. явленность большого духа в женщине, — ударяла в твое окружение прежде, чем я попадал в эти волны блаженствующего света и звучности. Это были состояния мира, вызванные в нем тобою (...)» («Дружба народов». 1987, № 6). *С Моря* — Цветаева жила в это время в Вандее, на побережье Атлантического океана, в деревне Сен-Жиль-сюр-Ви. *В чем-то дорожном* — цитата из приведенного письма Пастернака. *Решеткой штемпельной... без марки... вместо депеши* и т. д. Обилие почтово-письменных реалий связано с тем, что Цветаева и Пастернак узнали друг друга и сблизились посредством переписки. *Ченчи* — римская семья XVI в., известная своими богатствами, несчастьями и жестокостью; глава семьи, Франческо Ченчи, распушенный и жестокий, был убит по подстрекательству своей семьи; его дети — Беатриче и Джакомо — кончили жизнь на эшафоте. *Темп из «rêtit navir'a»* — французская детская песенка про «маленький кораблик». *Только песок между пальцев, ливкий*. Ср. «Прими ладонями моими пересыпаемый песок» О. Мандельштама. *Прекрасная мельничиха* — цикл песен Ф. Шуберта на слова В. Мюллера. *Арфист* — персонаж романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера». *Мужикам в колосьях* — образ, заимствованный с советской почтовой марки 1920-х годов. *Коли отпали от Вифлеемской*. Декретом 1918 г. церковь в России была отделена от государства.

602. ВР. 1928, № 3. Сверено с беловым автографом (наборной рукописью) — ЦГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 74. Обращено к Б. Пастернаку и продолжает тему встречи по сне. Во время работы над поэмой Цветаева получила первое письмо от Рильке. Под влиянием возникшей переписки с ним тональность поэмы существенно изменилась, о чем Цветаева через полгода — 9 февраля 1927 г. — писала Пастернаку: «Очень важная вещь, Б[орис], о к[отор]ой давно хочу сказать. Стих о тебе и мне — начала лета — оказался стихом о нем и мне, каждая строка. Произошла любопытная подмена: стих

писался во время моего крайнего сосредоточения на нем, а направлен был — сознанием и волей — к тебе. Оказался — мало о нем! — о нем сейчас (*после 29-го декабря* (то есть, после смерти Рильке. — Е. К.)), т. е. предвосхищением, т. е. прозрением. Я просто рассказывала ему, живому, к которому же *собиралась!* — о встрече с ним — там. Вещь называлась «Попытка комнаты» и, направленная на тебя, казалась странной — до такой страсти отрешенной и нелюбовной. Прочти внимательно, вчитываясь в каждую строчку, *проверь*. Этим летом, вообще, писала три вещи: 1) Вместо письма 2) Попытка комнаты и Лестница — последняя, чтобы освободиться от средоточия на нем — здесь, в днях, по причине *его, меня еще в жизни* и (оказалось!) завтра смерть — безнадежного (...)». (ЧТ-16). Денеша «Дню», Царь отрекся... — в ночь с 28 февраля на 1 марта 1917 г. царский поезд, следовавший из Ставки (Могилева) в Петроград, был остановлен на станции Дню, так как подступы к Петрограду были заняты восставшими, и отправлен во Псков, где 2 марта царем был подписан манифест об отречении от престола за себя и за сына. *Кому и кол Не препятствие ночью майской*. По народному поверью, если в могилу упыря забить осиновый кол, он никогда не сможет выйти из нее. *Ревельская отмель* — побережье Балтийского моря близ Таллинна (Ревеля). *Прислуживают — руки?* Ср. письмо Цветаевой к А. Штейгеру от 9—10 августа 1936 г.: «Но я хотела бы быть с Вами *совсем*, совсем одна в огромной утробе замка — и нам прислуживали бы *руки*, как в сказке Аленький Цветочек... Я хочу с Вами только этого, только такого, никак не называющегося, не: сна-на-яву, сна — во сне, войти вместе с Вами в сон — и там жить... Когда я нынче думала о комнате, в которой мы бы с Вами жили и мысленно примеривала — и отбрасывала — одну за другой — все знакомые и незнакомые, я вдруг поняла, что такой комнаты — нет, п. ч. это должна быть *не-комната*: отрицание ее, обратное ее, а именно: комната сна, растущая и суживающаяся, возникающая и пропадающая по необходимости внутреннего действия, с — когда надо — дверью, когда *не-надо* — невозможностью ее. Комната сна (Вы видите сны?). Та комната, которую мы сразу узнаем — и на которую *немножко* похожи, в памяти, наши детские (...)» («Опыты», Нью-Йорк, 1955, кн. V, с. 59). *Карманьола* — хороводные танец и песня времен французской революции. *Пруф* — от water-proof (англ.) — непромокаемый плащ.

603. ВР. 1926, кн. XI. В БТ-4 под загл. «Поэма лестницы». Печ. по тексту первой публикации с исправлением опечаток по авторизованной машинописи 1940 г. (ЦГАЛИ, ф. 1190, оп. 2, ед. хр. 47). Анализ черновой тетради Цветаевой 1926 г. позволяет уточнить творческую историю «Лестницы». 26 января 1926 г. Цветаева начинает «Поэму одного часа» строками «Короткая ласка На лестнице тряской» и т. д., и все дальнейшие наброски этой поэмы вплоть до марта 1926 г. совпадают с текстом 1 части «Лестницы». В феврале Цветаева получила от Пастернака рукописи двух глав его поэмы «Девятьсот пятый год» — «Детство» и «Морской мятеж». К марту относится собрание Цветаевой с историком литературы и критиком Д. П. Святополк-Мирским, страстным пропагандистом «героического» начала в современной русской поэзии. Не будет неосторожным предположить, что именно эти обстоятельства положили начало переосмыслению первоначального замысла поэмы, вернее — появлению в нем новых тем — темы прошлого, революции, эмиграции. Эти темы, которые Цветаева продолжала разрабатывать вплоть до апреля 1926 г., образовали

«линию», которую можно назвать «историко-революционной». Впоследствии эта «линия» была выделена Цветаевой в отдельное произведение и под названием «Несбывшаяся поэма» внесена в БТ-4 (см. № 658). Это произведение весьма существенно для верного восприятия «Лестницы» — как предыстория (и социальная характеристика) обитателей парижской черной лестницы, судьбу которых разделяет и автор. В мае 1926 г. Цветаеву полностью захватывает переписка с Рильке, «Поэма одного часа» переходит в «Попытку комнаты» (см. предыдущее примечание), и только 10 июня, среди «замыслов лета», появляется «Поэма о том, как живет и работает черная лестница». 21 июля 1926 г. «Лестница» была закончена. Смонтированная из тем и мотивов трех разнонаправленных произведений, поэма тем не менее производит цельное впечатление, благодаря единству лирической стихии, объединившей их. *Cothy* — французская парфюмерная фирма. *Анаш* (франц.) — хулиган, уличный грабитель. *Франценсбад* — курорт в Богемии (Чехословакия, соврем. название Франтишкова-Лазни). *Сон Иакова*. Согласно библейскому рассказу, Иаков, по пути в Месопотамию, увидел во сне лестницу, стоящую на земле, верх которой касался неба; на вершине ее явился Бог и благословил Иакова (Бытие, 28). *Это ты — тростник-то мыслящий?*... — намек на известное определение человека Блезом Паскалем. *Гефест* — в греческой мифологии бог огня и кузнечного ремесла, *Посейдон* — бог моря, *Зевес* — громовержец. *Гешефты* — коммерческие сделки. *Восходящие — нисходящие — Радуги*. В сне Иакова по лестнице восходили и нисходили ангелы.

604. «Версты». 1928, № 3. Печ. по тексту первой публикации с исправлением опечаток по БТ-4. Поэма — последнее, посмертное письмо к Р.-М. Рильке, умершему в швейцарском санатории 29 декабря 1926 г. Дата окончания «Новогоднего» — 7 февраля 1927 г. — сороковой день со дня смерти Рильке. По преданию — это срок окончательного расставания души умершего с землей. — *Недоразумение, что — злачно*. Оспаривание православной заупокойной молитвы: «Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего в месте светле, в месте злачне, в месте покойне». *Человек вошел — любой*. Согласно воспоминаниям М. Л. Слонима, известие о смерти Рильке принес Цветаевой он. В *Новостях* и в *Днях*. Имеются в виду русские эмигрантские газеты — «Последние новости» и «Дни». *Альказар* — парижский ресторан. *Как на рысках орловских* и т. д. Цветаева вспоминает здесь стихотворение Рильке «Ночная езда. Санкт-Петербург», вошедшее во вторую часть «Новых стихотворений». *Ночь, которой чаю*. Не исключено, что это намек на заключительные слова «Символа веры»: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века, аминь». *Тринадцати, в Новодевичьем*. Возможно, Цветаева вспоминает смерть в 1905 г. Нади Иловойской — первое сильное переживание смерти (см. НП, с. 402). *Не без-а всё-язычен* и т. д. Эти темы затрагивались в летней переписке поэтов. *Кастор и Поллукс (Полидевк)* — сыновья Леды, братья Елены; Полидевк — сын Зевса, Кастор — царя Спарты Тиндарея, неразлучные в жизни, братья не разлучились и в смерти: бессмертный Полидевк и смертный Кастор часть посмертной жизни проводят в Аиде, часть — на Олимпе. *Наши Беллево и Бельведеры*. Оба названия — французское и итальянское — означают «прекрасный вид». *Не один ведь Бог? Над ним — другой ведь Бог?* Ср. предположение Мандельштама о Франсуа Вийоне: «Быть может, в духе своей сухой и рассудочной мистики он продолжил лестницу феодаль-

ных юрисдикций в бесконечность, и в душе его смутно бродило дикое, но глубоко феодальное ощущение, что есть Бог над Богом» (Мандельштам О. Проза. «Ардис», 1983. С. 8). *Рона* — река в Швейцарии и Франции. *Рарон*. У стены церкви в Рароне похоронен Р.-М. Рильке.

605. ВР. 1930, № 1. Печ. по тексту первой публикации с исправлением опечаток и датировкой по БТ-4. Первоначальный замысел поэмы связан с образом Рильке и записан в тетради в день окончания «Новогоднего» — 7 февраля 1927 г.: «Мечта о Прогулке в горах — сначала Савойи (купить путеводитель) потом — оказывается — того света. Он *водит*. Мечта о другой прогулке — здесь (выбрать место!) — я вожу. Оставить до лета, до годовщины его первого письма ко мне, ставя на воскрешающей силе сроков (NB! Додумать)» (ЧТ-15). Однако приступить к осуществлению замысла Цветаева смогла позже определенного себе срока: «15-го мая 1927 г. принимаюсь за прерванную «После России» (подготовка книги к печати.— Е. К.) поэму — надеюсь, короткую, ибо надо писать «Федру» (долг!) Решить: весна или лето? Лучше — ранняя весна, как сквозное, пустое. Этапы: Лестница (винтовая, вниз) — хорошо бы: два света: сверху лунное, снизу, из открытой двери в столовую — электр[ичество]. Ход через сад. Решить: маршрут: лучше на ту, мал[ую?] террасу... весь Париж. Фабулы никакой: постояли — пошли. Все в обр[азах] перемены, в его овеществлении — и в моем развеществлении. Он почти Ding *, я — почти — и — что-нибудь нарушающее, *резкий звук!*» (ЧТ-15). Из приведенных записей видно, что первоначальный замысел еще держит Цветаеву в планах ее переписки с Рильке и в рамках земной географии. Среди черновиков первых двух частей «Поэмы Воздуха» — запись: «NB! Не отвлекаться в сторону 1) себя 2) описаний — блюсти только взаимную линию преображения. Резко и определенно дать сначала его отсутствие, потом, по мере *моего*, его присутствие: руку, дуновение (вдох) или же — неопределимый срок полного равенства, а потом — разминование, он во мне притянут землей, я в нем простр[анством]. Из ощущений: ходьба по воздуху — упругость, но не твердость почвы, воздух хорошо отдает, коленом раздвигая рожь» (ЧТ-17). Заметим, что в самом начале поэмы, после «неопределимого срока полного равенства» (которым кончались все предыдущие поэмы Цветаевой данного лирического сюжета от «На Красном коне» до «Попытки комнаты») Цветаева планирует «разминование» и дальнейший одинокий путь лирического «я». Роль Рильке, таким образом, свелась к функции проводника, о чем Цветаева писала: «...когда буду умирать — за мной придет. *Переведет* на тот свет» (ПкТ, с. 71). В мае 1927 г. американский летчик Карл Линдберг (1902—1974) совершил первый беспосадочный перелет через Атлантический океан из Америки во Францию. В ЧТ-17, среди черновиков третьей части «Поэмы Воздуха» появляются записи: «Мечта об Авионе. Эпиграф: Никаких земель не открыть вдвоем. Причина гибели тех: парность. Линдберг: образ славы. Уединение (Линдберг) победило Одиночество (Океан). Океан надо брать наедине». В этой записи Цветаева упоминает французских летчиков Ненжессера и Колли, пытавшихся совершить трансатлантический перелет одновременно с Линдбергом, но в обрат-

* Вещь, предмет (нем.). Важнейшее в эстетике Рильке понятие, охватывающее весь предметный мир — как природный, так и мир материальной культуры.—Ред.

ном направлении — из Франции в Америку (сообщено А. С. Эфрон. — Е. К.). Приведенное осмысление Цветаевой полета Линдберга повлияло на замысел поэмы, которую теперь Цветаева осуществляет как поэму об одиночестве, о победе одиночества. Ср. в письме к Пастернаку мая 1927 г.: «...я пишу вещь, от которой у тебя мороз пойдет по коже. Эта вещь — начало моего одиночества, ею я из чего-то выхожу (изымаюсь)» (ЦГАЛИ). *Расколотый ящик Пандорин* — здесь: сердце как вместилище бед; по мифу, Пандора из любопытства открыла ларец, в котором были заключены все людские несчастья, пороки и болезни, и человечество навсегда попало под их власть. *Оптина пустынь* — мужской монастырь в Калужской губернии, по преданию основан разбойником Оптою в XIV в., принявшим в иночестве имя Макария. *Феллах* — земледelec Аравии и Египта. *Еврея с цитрою*. Имеется в виду Давид-псалмопевец. *Мать! Не даром чаяла!..* до *Заново*. Это лирическое отступление отмечено в БТ-4 подзаголовком: «(Обращение к Линдбергу)». *Для чего Гермесу — Крыльца?* Один из богов греческого Олимпа, Гермес олицетворял различные силы природы; здесь имеется в виду Гермес — вестник богов, которого обычно изображали в крылатом шлеме и крылатых сандалиях. *Ирида* — богиня радуги, вестница богов (Ирис — франц. транскрипция имени). *Кашир* — город в Индии, *Шемаха* — в Азербайджане, оба известны производством шелковых тканей. *Наяда* — нимфа воды в греческой мифологии. *Пэри* — см. примеч. № 379. *Credo* — «Верую», католический «Символ веры». *Лиро-черепаха*. По преданию, первую лиру из панциря черепахи и ивовых ветвей сделал Гермес. *Фив нерукотворных* и т. д. Согласно греческому мифу, братья Зет и Амфион, сыновья Зевса, укрепили свой город Фивы высокой стеной: могучий Зет носил каменные глыбы, а Амфион играл на лире, и под звуки его игры камни сами двигались и складывались в стену. *Heilige Sieben* (нем.) — священное семь; в мифопоэтических воззрениях многих народов число семь имеет магическое значение, это число лежит в основе многих универсальных систем: семь дней недели, семь нот звукоряда (и отсюда — семь струн многих музыкальных инструментов, в том числе — лиры), семь цветов спектра и др.

606. ВР. 1928, кн. XII. Печ. по тексту первой публикации с исправлением опечаток по беловому автографу (наборной рукописи) — ЦГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 75. В БТ-4 текст записан с цензурными лакунами. Написано на смерть Владимира Александровича Завадского (1896—1928), младшего брата подруги Цветаевой В. А. Аренской (о ней см. примеч. № 446). В письме к Тесковой от 11 марта 1928 г. содержатся подробности события, многие из которых вошли в текст поэмы. «Недавно, на самых днях, пережила очередную встречу со смертью (помните, в «Твоя смерть» — кто следующий?). Умер от туберкулеза кишок брат моей подруги, Володя, 28 лет, на вид и по всему — 18. Добровольец, затем банковский служащий в Лондоне. (...) Ни секунду за всю болезнь не подозревал об опасности. «Вот поправлюсь»... А жизнь ему была нужна не для себя, а для других. Жить, чтобы работать, и работать, чтобы другие жили. Умер тихо, всю ночь видел сны. — «Мама, какой мне веселый сон снился: точно за мной красный бычок по зеленой траве гонится» ...А утром уснул навсегда. Это было 8-го, — вчера, 10-го хоронили. У француззов не закапывают при родственниках, родные оставляют голый гроб. Насилу добились у могильщика, чтобы заровняли яму при нас, и длилось это

1 час 20 мин. Час 20 мин. мать стояла и смотрела, как зарывают ее сына. Лопаты маленькие, могильщики ленивые, снег, жидкая глина под ногами. А за день погода была летняя, все деревья цвели. Точно природа, пожалев о безродном, захотела подарить ему на этот последний час русские небо и землю. Проводила мать и сестру до дому, зашла — тетушка накрывает на стол, кто-то одалживает у соседей три яйца, говорят про вчерашнее мясо. — Жизнь. — В тот же вечер мать принялась за бисерные сумочки, этим живут. Вот и будет мешать бисер и слезы (...)» (ПкТ, с. 62—63). В очерке «История одного посвящения» (1931 г.) Цветаева вспоминает об Александровской свободе лета 1916 г., куда к ней на несколько дней приехал О. Мандельштам. «(...) А однажды за нами погнался теленок. На косягове. Красный бычок. Гуляли: дети, М(андельшта)м, я. Я вела Алю и Андрюшу (дочь и племянник Цветаевой. — Е. К.), М(андельшта)м шел сам. (...) И вдруг — галоп. Оглядываюсь — бычок. Красный. Хвост — молнией, белая звезда во лбу. На нас. (...) Теперь знаю: весь мой Красный бычок оттуда, с той погони. Спал во мне с мая 1916 г. и воскрес в 1929 г. (описка Цветаевой. — Е. К.) в Париже, в предсмертном бреду добровольца. Знаю, что его бычок был именно мой — наш — александровский. И смех, которым он, умирающий, бычку смеялся — тот же смех Али и Андрюши: чистая радость бегу, игре, быку.

Смеясь, не знал, что смерть. И не 30-летним осколком несуществующей Армии, гражданином несуществующего государства, не на чужой земле столицы мира — нет! на своей, моей! — под всей защитой матери и родины — смеясь! — трехлетним — на бегу — умер». (Oxford Slavonic Papers, vol. XI (1964), p. 124—125). *Вот Москву когда возьмем...* Имеется в виду деникинский поход на Москву летом-осенью 1919 г., где Добровольческая армия действовала на направлении главного удара Курск—Орел—Тула. *Шептала* — сухие абрикосы. *Смоква* — инжир, винная ягода. *Марковцы, корниловцы* — бойцы «именных» полков Добровольческой армии, названных в честь убитых генералов С. Л. Маркова и Л. Г. Корнилова.

607. «Воздушные пути». Нью-Йорк. 1967, № 5. - ЛСБ. Поэма посвящена эпизоду последнего этапа Гражданской войны — выходу армии Врангеля из Крыма и переходу ее в наступление в июне 1920 г. Источниками для Цветаевой послужили дневники и рассказы ее мужа, С. Я. Эфрона, бывшего бойца марковского офицерского полка. Цветаева начала работать над поэмой в августе 1928 г. В середине ноября она сообщает А. А. Тесковой: «Пишу большую вещь — Перекоп (конец Белой Армии) — пишу с большой любовью и охотой, с несравненно большими, чем например, Федру. Только времени мало, совсем нет — как всю (взрослую!) жизнь...» (ПкТ, с. 68). Законченную весной 1929 г. поэму Цветаевой не удалось напечатать. «(...) Вот я полгода писала Перекоп (поэму гражданской войны) — никто не берет, правым — лева по форме, левым — права по содержанию. Даже Воля России отказалась — мягко, конечно, — не задевая, — скорее *отвела*, чем отказалась. Словом полгода работы даром, — не только не заплатят, но и не напечатают, т(о) е(сть) *не прочтут*» (ПкТ, с. 81). В 1932 г. в статье «Поэт и Время» Цветаева писала о «Перекопе»: «Знаю еще, что истинные слушатели моему белому Перекопу — не белые офицеры, которым мне, каждый раз как читаю, в полной чистоте сердца хочется рассказать вещь в прозе — а красные курсанты, до которых вещь вплоть до молитвы священника перед наступлением — дошла бы — дойдет. Если бы между поэтом и наро-

дом не стояло политиков!» (ВР. 1932, № 1—3). В 1938 г., готовясь к отъезду в СССР, Цветаева переписала поэму набело, снабдив подробными примечаниями, и оставила рукопись на хранение профессору Базельского университета Е. Э. Малер. В этой рукописи за текстом поэмы следует помета Цветаевой: «Переписан в эту книжку 5-го — 8-го сентября 1938 г. в Dives-sur-Mer (Морском Диве) — Calvados.

Последнего Перекопа не написала — потому что дневника уже не было, а сам перекопец (который коню скормил сирень — «а может быть это была яблоня — не знаю» — так что за *сирень* не отвечаю, за скорм — *да*) к Перекопу уже остыл — а остальные, бывшие и *не* остывшие — рассказывать не умели — или я не понимала (военное).

Так и остался последний Перекоп без меня, а я — без последнего Перекопа. — Жаль. — МЦ».

Под «последним Перекопом» в этом авторском послесловии к поэме подразумевается наступление Красной армии под руководством М. В. Фрунзе на перекопские позиции белых в начале ноября 1920 г., кончившееся поражением армии Врангеля и освобождением Крыма. В 1931 г. в интервью Н. Городецкой Цветаева рассказала о своих неудачных попытках дописать «Перекоп»: «(...)но мне хотелось дать и последний Перекоп, последних два, три дня, конец всего. Тут-то и начинается. Не могу найти очевидца. Предлагают мне побеседовать со штабным генералом. Но мне ведь не генерал нужен, а рядовой офицер — мелочи важны, какая погода была, какие слова говорились. Наконец, отыскали мне какого-то дроздовца — теперь работает на заводе. Пишу ему. Получаю ответ — в таком смысле: по субботам мы *пьем*, в иные же дни некогда. А так как при Вас пить неловко, то значит мы потеряем свой единственный день отдыха... Так ничего и не вышло. «Документ» сохранила. (...)» («Возрождение». Париж. 1931, № 2104, 7 марта). Посвящение — С. Я. Эфрону. Эпиграфы: 1 — из главы «Перебежчики»; 2 — как установил Г. П. Струве, это — трехстишие из стиха Теодора Шторма (1817—1888) «Frauen-Ritornelle»; Цветаева предполагала, что это строки Н. Ленау; 3 — собеседником Цветаевой в этом диалоге был П. П. Сувчинский. В а л. Имеется в виду так называемый «Турецкий вал» — земляной вал высотой в несколько сажен, сооруженный еще во времена турецкого владычества и замыкавший Перекопский перешеек в самом узком его месте. Это была третья, наиболее укрепленная, линия обороны белых, непосредственно южнее г. Перекопа. Впереди вала шли две полосы проволочных заграждений, которые фланкировались огнем из специально устроенных пулеметных гнезд. *Жив бы Колчак*. А. В. Колчак (1873—1920), адмирал Черноморского флота, в конце 1918 г. в Омске был провозглашен «верховным правителем России»; после разгрома колчаковцев Красной армией в конце 1919 г. адмирал был взят под охрану чехословацким корпусом; чехи, в обмен на свою свободу, выдали Колчака эсэро-меньшевистскому «Политическому центру» в Иркутске, власть которого в январе 1920 г. сменил ревком, по приговору которого 7 февраля 1920 г. Колчак был расстрелян. *Перекоп — Наш*. В начале 1920 г. остатки разгромленной армии Деникина были эвакуированы в Крым, где из них была сформирована так называемая «Русская армия» Врангеля. В это время была укреплена линия обороны армии на Перекопе. *Тот, не размоченный слезой Паек*. После смерти своей младшей дочери Ирины в феврале 1920 г. Цветаева,

по ходатайству Ю. И. Айхенвальда, Б. К. Зайцева и др., стала получать академический паек. *Лепили — в Маркова ребят*. Перекопские укрепления обороняли части I армейского корпуса, куда входили остатки марковского офицерского полка. *Дно — станция* — см. примечание № 602. *А то — Гуляй-Поле!* — село в Екатеринославской губернии, родина знаменитого анархиста Н. И. Махно (1884—1934), бывшего в 1918—1919 гг. союзником добровольцев; столица так называемой «махновской республики». *Галлиполи* — см. примеч. № 244. *Д н е в а л ь н ы й. Бог — раз, а два — Марков*. Генерал Сергей Леонидович Марков (1879—1918) — легендарная в Добровольческой армии личность, кумир своего офицерского полка. А. И. Деникин, знавший его с 1914 г., пишет о нем, как о человеке редкой воинской доблести, «который сам в боевом активе армии был равноценен дивизии» (Деникин А. И. Очерки русской смуты. Берлин, 1924. Т. 3. С. 135). *За б́товку с Троцким*. Л. Д. Троцкий (1879—1940) в 1920 г. был наркомом по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета. *Блин с черной каймой* — двухцветная фуражка марковца. *Нашивки не бесчесть!* Имеется в виду нашивка за ранение. *С и р е н ь. За провиантом — офицер*. Продовольствие армий в Гражданскую войну осуществлялось в основном за счет населения. В связи с малой населенностью района и бедностью жителей обе армии, по воспоминаниям М. В. Фрунзе, испытывали в Крыму тяжкие затруднения с продовольствием, фуражом, топливом, местами отсутствовала даже питьевая вода. («Перекоп и Чонгар. Сборник статей и материалов». М., 1933. С. 25). *Каб сказ — Егорьем назвала б*. В том же 1928 г., когда был начат «Перекоп», Цветаева в третий раз возобновила работу над начатой еще в России в 1921 г. поэмой «Егорушка», героем которой был Егорий Храбрый — народный вариант Георгия Победоносца. *Б р у с и л о в. Брусилов Алексей Алексеевич (1853—1926)* — потомственный военный, генерал русской армии, в мае 1917 г. — верховный главнокомандующий; одним из первых офицеров присягнул Временному правительству, затем перешел на сторону советской власти. *Не то чайки, не то соколы* — листовки с воззванием к бывшим русским офицерам, составленным Брусиловым. *Враг переступил границу!* и т. д. Достаточно точный пересказ этого воззвания. 25 апреля 1920 г. польские армии перешли в наступление против Советской России на широком фронте от Припяти до Днепра. По предложению Брусилова 2 мая 1920 г. Реввоенсоветом было принято решение об образовании «Особого совещания» при главнокомандующем С. С. Каменеве. Задачей «совещания», состоявшего из опытных военачальников старой армии, была разработка военно-административных и хозяйственных вопросов, связанных с обслуживанием Западного фронта. «Особое совещание» выпустило воззвание к бывшим русским офицерам, написанное Брусиловым и подписанное всеми участниками «совещания». Оно было напечатано в «Правде» 30 мая 1920 г. Воззвание призывало русских офицеров в критический для Родины час оставить «эгоистические чувства классовой борьбы» и идти в Красную армию защищать Россию. 2 июня 1920 г. Лениным был подписан декрет «О бывших офицерах», обещавший освобождение от ответственности за бывшие деяния против власти рабочих и крестьян в случае содействия в «ликвидации белогвардейских отрядов» и ускорения победы над шляхетской Польшей. *Умрем — не забудем у тех дверей* и т. д. Имеется в виду эпизод, рассказанный в воспоминаниях С. Я. Эфрона об октябрьских днях 1917 г. в Москве. После того, как командующий войсками Московского округа полковник Рябцов, избегая бесполезного крово-

пролития, сдал Кремль с арсеналом большевикам, войска, оставшиеся верными Временному правительству, решили продолжать борьбу. «Наш взвод идет к ген. Брусилову с письмом, приглашающим его принять командование всеми нашими силами. (...) Пречистенка. Бухают снаряды. Чаше шелкают пули по домам. Заходим в какой-то двор и ждем, чем кончатся переговоры с Брусиловым. Все уверены, что он станет во главе нас. Ждем довольно долго — около часу. (...) Наконец, возвращаются от Брусилова. — Ну, что, как? — Отказался по болезни. Тяжелое молчание в ответ» (Эфрон С. Я. Октябрь (1917 г.). — В кн. «На чужой стороне». Историко-литературные сборники под ред. В. А. Мякотина, при ближайшем участии Е. А. Ляцкого и С. П. Мельгунова. Прага: «Пламя», 1925. XI. С. 164—165). *Перебегчики. Генеральский сын.* Возможно, намек на судьбу сына Брусилова — А. А. Брусилова-младшего (1887—1919), корнета царской армии, потом командира красной конницы, попавшего в плен к белогвардейцам в боях под Орлом и в декабре 1919 г. расстрелянного по приговору военно-полевого суда. *Врангель.* Врангель Петр Николаевич (1878—1928) — прибалтийский барон, генерал-лейтенант русской армии. В апреле 1920 г. на военном совете в Севастополе был назначен вместо Деникина главнокомандующим вооруженных сил Юга России. Реорганизовал остатки разгромленных деникинских войск в новую, так называемую «Русскую армию», насчитывавшую до 40 тысяч бойцов. Укрепив материальную часть и подняв дух деморализованного войска, Врангель летом 1920 г. сумел совершить ряд успешных военных операций. М. В. Фрунзе в 1921 г. дал следующую характеристику «Русской армии» и ее главнокомандующему: «(...) в лице Врангеля и руководимой им армии наша родина имела несомненно чрезвычайно опасную силу. Во всех операциях полугодичной борьбы Врангель как командующий в большинстве случаев проявил и выдающуюся энергию и понимание обстановки. Что касается подчиненных ему войск, то и о них приходится дать безусловно положительный отзыв» («Перекоп и Чонгар». С. 21). *Раньше морозов Первых — в Москве гудящей.* Врангель принимал на себя ответственность главнокомандующего как тяжкий крест, полностью понимая обреченность «белого дела». Считая бесчестным обещать войскам победу, он брал на себя только обещание спасти армию и сохранить честь знамени, поэтому сразу же при вступлении на пост им был разработан тщательный план эвакуации армии и сопровождающего ее гражданского населения, который и был осуществлен после разгрома армии 12—14 ноября 1920 г. В апреле 1920 г. главнокомандующий прямо заявил в печати: «Не триумфальным шествием из Крыма к Москве можно освободить Россию...» (Врангель П. Н. Записки. Берлин, 1928. С. 44). *На лет. Верните Брест!* Согласно мирному договору между Советской Россией и странами Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария), подписанному 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске, от России в пользу Германии и Австро-Венгрии отторгались весьма значительные территории, в том числе Западная Белоруссия. *Прожектор.* М. В. Фрунзе вспоминал: «Линия неприятельского расположения обнаруживалась непрерывными снопами лучей прожекторов, старавшихся пронизать мрак и раскрыть движение наших частей» («Перекоп и Чонгар». С. 28). *Каин, брат где твой?* и т. д. Тема первого пролития братской крови (Каин, убивший брата своего Авеля, — Бытие, 4) несет в себе мотивы проклятия и избранничества и переходит в тему грядущего Страшного Суда для всех. *На главе звонаря Ивана!* — колокольня Ивана Великого в Московском Кремле. *Каиун. Каховка...*

Любимовка... Каховка — степной городок на левом берегу Днепра. Именно там 7 августа 1920 г. Красная армия начала свое наступление на врангелевцев. Любимовка — перевод на русский язык украинского «Каховка». Цветаева высоко ценила известную песню на стихи М. Светлова «Каховка». П о с л е д н и й ч а й. *Многоводная, обильная и т. д.* — вольная передача первого куплета одной из самых популярных донине народных песен на Кубани. Ее начало:

Ты, Кубань, ты, наша Родина,
Вековой наш богатырь!
Многоводная, раздольная
Разлилась ты вдаль и вширь.

Из далеких стран полуденных,
Из турецкой стороны
Бьем тебе челом, родимая,
Твои верные сыны.

Автор текста — Константин Образцов. Стихотворение было опубликовано 12 июня 1915 г. в «Кубанском казачьем вестнике» (№ 28), с посвящением: «Казакам первого Кавказского казачьего полка, в память боевой их славы. Турция. Позиция действующих частей Кавказской армии». *Перекопский Патерик*. Патерик — букв. «отечник», «деяния отцов», византийские и древнерусские рассказы о подвижнической жизни монахов, например: «Луг духовный» Мосха, Киево-Печерский патерик. Выход. В главе речь идет о выходе врангелевской армии из Крыма на север и переходе ее в наступление. На рассвете 7 июня 1920 г. при поддержке танков, броневиков и самолетов I армейский корпус вышел в наступление на позиции Красной армии в районе Перекопа, а Сводный армейский корпус — в районе Чонгара. *В тьму — тьмы нас!* — переключка со «Скифами» Блока. *На слух — полтораста тысяч*. Армия Врангеля, предназначенная к выступлению из Крыма, значительно превосходила противостоящие ей советские войска как численно, так и в техническом оснащении. *С латышами — Бой!* Оборону на Перекопском направлении держали части 3-ей и Латышской стрелковых дивизий Красной армии. 13-й армией, куда входили эти дивизии, командовал латыш Паука. *Проволока проби — и — та!* Во время наступления врангелевцев впереди конницы и пехотных цепей двигались танки и броневики, уничтожая проволочные заграждения. *Млад! млад!*. Марков погиб в бою при взятии станции Шаблиевки 12 июня 1918 г. в возрасте 39 лет. *Мая двадцать пятую* — то есть 7 июня; у Цветаевой дата наступления дана по старому стилю, принятому в армии Врангеля. *Бита на голову их Девятая армия*. На Перекопском направлении врангелевским частям противостояла 13-я армия красных, потерпевшая в этом бою поражение.

НЕЗАВЕРШЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ФРАГМЕНТЫ

1916—1941

В этом разделе объединены произведения, оставшиеся неоконченными, — стихотворения 1916—1940 гг., «Несбывшаяся поэма» 1926 г. и сохранившиеся фрагменты утраченной «Поэмы о Царской

Семье» (1929—1936). Сюда вынесены и стихотворения, записанные в БТ с лакунами и опубликованные в ИП-65 с дополнениями из черновиков, цельной белой сводки которых обнаружить не удалось. Для поэзии Цветаевой 1930-х годов характерна ранее не бывавшая трудность завершения произведений. Ср. ее запись мая 1936 г.: «Мне нечего давать в С[овременные] З[аписки], п. ч. *все* стихи недописаны: в последнюю секунду уверенность, что можно — или отчаяние, что должно — данную строку (иногда дело в *слове*) сделать лучше...» (ЧТ-27). За такие стихотворения, как «Стол», «Дом», «Ода пешему ходу» и др., Цветаева принималась многократно, называя этот процесс «штопкой старых стихов», но все же в БТ вписала их с лакунами. «Это у меня *уже болезнь* (воли: выбора)», — записывала Цветаева в сентябре 1936 г. (ЧТ-27).

608. БТ-1 (впервые — СП-2).

609. БТ-1. *Потир* — см. примеч. № 300.

610. БТ-1. В тетради помета: «(Не окончено. Жаль.)».

611—612. БТ-2. Об А. А. Стаховиче см. примеч. № 228—229. *Девичье Поле* — район в Москве, где находится Новодевичий монастырь и кладбище при нем.

613. БТ-3. *И тихо валится перо Из смуглых рук* — возможно, реминисценция строк М. Лермонтова: «И — падает перо из слабых рук» («Письмо»).

614. БТ-3.

615. БТ-3. В ТВ-3 вар. Фрагмент (ст. 9—16) — «Огонек». 1982, № 28, вар. *Троицын день* в 1921 г. приходился на 16 мая.

616. БТ-3.

617. БТ-3. В тетради помета: «(Первая роза — за 4 советских тысячелетия, — от А. А. Чаброва. — На вечное цветение!)». Об А. А. Чаброве см. примеч. № 335.

618—619. БТ-3. В ст-нии № 2 говорится о Крыме.

620. БТ-3 (впервые — Соч-1). Ст-ние созвучно словам о Блоке 1913 г. Е. Ю. Кузьминой-Караваевой: «(...) У России, у нашего народа родился такой ребенок. Самый на нее похожий сын, такой же мучительный, как она. Ну, мать безумна, — мы все ее безумьем больны. Но сына этого она нам на руки кинула, и мы должны его спасти, мы за него отвечаем. Как его в обиду не дать, — не знаю, да и знать не хочу, потому что не своей же силой можно защитить человека. Важно только, что я вольно и свободно свою душу даю на его защиту». (Монахиня Мария. Встречи с Блоком. — СЗ, 1936. Кн. 62. С. 222).

621. БТ-3. *Баран круторогий* — месяц; когда месяц на небе находится справа от путника, это считается доброй приметой (см. ст-ние А. С. Пушкина «Приметы»).

622. БТ-3.

623. БТ-3.

624. БТ-3.

625. Беловая сводка в ЧТ-7. В БТ-3 под текстом помета: «(Весь стих в скобках)».

626. Беловая сводка в ЧТ-8. *Милóть* — меховая накидка, короткий плащ.

627. Беловая сводка в ЧТ-8.

628. БТ-4. В тетради этим ст-нием открывался цикл «Под шалью», куда входили №№ 493, 494. Цикл обращен к будущему сыну Георгию, родившемуся 1 февраля 1925 г.

629. Беловая сводка в ЧТ-13. Фрагмент (ст. 7—10) — ТС, вар. В январе 1926 г. Цветаева запросила Пастернака об обстоятельствах смерти Есенина, намереваясь писать поэму о нем. Материалы, по просьбе Пастернака, собрал П. Н. Лукницкий, и они были отправлены Цветаевой. Однако Цветаева оставила замысел поэмы, записав в тетради: «Тайна смерти Есенина... У этой смерти нет тайны. Она пуста. Умер от чего? Ни от чего: от ничего. Смерть Есенина равна жесту петли на шее. Есенин весь как на ладонке, и жизнь, и смерть. И лицо, и стихи. (...) Пустота иногда полна звуками. Вот Есенин». (ЧТ-13). *Жить конечно не новей...* — цитата из предсмертного стихотворения Есенина («В этой жизни умереть не ново, Но и жить, конечно, не новей»).

630. БТ-4.

631. БТ-4. В тетради помета над текстом: «Несостоявшееся (Н. П. Г.)». См. примеч. № 525.

632. БТ-4 (впервые — „Избранное“). В БТ-31 г. вар. ст. 6: «Нам кажется Царь-Париж». Два последние ст. — измененные строки русской народной песни «Лучинушка»: «Что же ты, моя лучинушка, не ясно горishь?»

633. БТ-4. Приведено в кн.: Шаховская З. Отражения. Париж, 1975. В тетради под текстом помета: «(NB! Эпиграф ко всей мне.)»

634. ТВ-20.

635. БТ-4. В ЧТ-26 вар. ст. 11—12: «Такая светлая, что и кастетом Не затемнишь! — Да попросту — от света». *Жаркий ключ* — образ из ст-ния М. Лермонтова «Свиданье».

* 636. БТ-31 г. (впервые — Цветаева М. Мой Пушкин. Изд. 3-е. М., 1981). В тетради над текстом — помета: «(Сомнительное)».

637. БТ-4. Впервые — Избранное, без 3 и 7 строф. В ИП-65 они восстановлены по черновикам и ст-ние включено в цикл «Стол». В БТ-

4 ст-ние записано вне цикла, в плане С640 также не включено в цикл. Дата восстановлена по ЧТ-24, там же вар. ст. 10: «— Долго до рождения!» и ст. 27: «Вытряхнут вас всех со скатерти».

638. БТ-4. За текстом ст-ния помета: «(Поезд)».

639. Беловая сводка в ЧТ-25.

* 640. «Поэзия», 1983, № 37. В БТ-5 под текстом — помета: «(NB! Стóит — кончить)». *Шумом Времени не моего* — возможно, намек на «Шум времени» О. Мандельштама.

641. Беловая сводка в ЧТ-25.

642. БТ-5.

643. БТ-4. Загл. относится к циклу 1934 г. «Стол» (см. №№ 548—552).

* 644. БТ-5 (впервые — ИП-65). Вызвано известием о трагической гибели Н. П. Гронского. О нем см. примеч. № 525, № 558—560.

* 645. БТ-5 (впервые — ИП-65). В тетради над текстом — помета: «(Неоконченное)».

646. Беловая сводка в ЧТ-26. На острове *Святой Елены* умер в ссылке Наполеон.

* 647. БТ-5, где оно не входит в цикл (впервые — ИП-65). В плане С640 стихотворения цикла «Стихи Сироте» не пронумерованы, поэтому нельзя с уверенностью сказать, было ли оно в 1940 г. включено в цикл или просто стоит в перечне на своем хронологическом месте.

648—650. *Савойские отрывки* — часть лета 1936 г. Цветаева провела в Сен-Пьер-де-Рюмийи (Верхняя Савойя). [1]. БТ-5 (впервые — ИП-65). [2]. БТ-5. В тетради под текстом — помета: «(NB! стóит дописать)». В основу стихотворения положен евангельский рассказ о двух сестрах — Марии и Марфе, в доме которых однажды остановился Христос. В то время как Марфа заботилась об угощении Христа с учениками, Мария села у ног Иисуса и слушала его Слово. На жалобу Марфы, что сестра оставила ее без своей помощи в хозяйственных хлопотах, Христос ответил: «Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно. Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее» (Лука, 10). [3]. БТ-5.

651. ЧТ-31. 27 сентября 1937 г. Цветаева закончила переписку II части «Повести о Сонечке» и в этой же тетради записала стихотворение, обращенное к героине «Повести» С. Е. Голлидей (1894—1934; точные даты сообщены Е. С. Черниной и А. И. Ушаковым).

* 652. ЧТ-32. *Зеленый дым* — возможно, переключка с «Зеленым шумом» Некрасова.

653. БТ-4.

654. БТ-4 (впервые — ИП-65, как не вошедшая в ст-ние 1934 г. «Тоска по родине» строфа). Написано при составлении белой сводки незавершенной поэмы 1936 г. «Автобус» (см. ИП-65) и является, таким образом, «послесловием» к поэме.

655. ЧТ-34. Первые строки стихотворения записаны в тетради сразу после набросков «Автобиографии», открывающей настоящее издание.

* 656. ЧТ-34.

657. ЧТ-33. К последним строкам в тетради помета: «Небесные персики (вариант яблоки, рифма — кораблики) (NB! По-мбему все волшебные заморские яблоки всех сказок — всегда *персики*: яблочко — да не наше!)

Это — *ванвские* фонари — тот угловой ночной сад с тонким свистом вроде Эоловой арфы... — которые, с растравой сердца я узнала в здешних, на Покр[овском] бульв[аре], — тоже *сверху*, как бы повисшие в воздухе...».

658. ЧТ-13. Фрагменты опубл.: ст. 14—21, 26—33, 82—89 в ИП-65 (с. 774—775), ст. 96—147 в ЛСБ. В БТ-4 первая часть поэмы (до отбивки) под загл. «Несбывшаяся поэма», вторая под загл. «Невошедшие строки», обе записаны со значительными цензурными лакунами. На полях первой части в БТ-4 ремарка Цветаевой: «NB! Собственное мнение 12 лет спустя: — Вся поэма бессмысленная, но выразительная. Vanves, 18-го мая 1938 г.» Фрагмент второй части (ст. 96—147) был переписан Цветаевой в ЛСБ со следующим предисловием: «Прилагаемый отрывок прошу — если когда-нибудь, кто-нибудь, в *нужный срок*, этим займется — включить хронологически в мои стихи (— всё, что после «После России» —), если уцелеют.

Здесь он только потому, что нигде у меня не вписан, а напечатан был в однодневной газете («День русской культуры») — ненадежной. — Все-таки жаль.—

М. Ц.

Dives-sur-Mer, 30-го августа 1938 г.» К ст. 112 в ЛСБ — примеч. Цветаевой: «Дансёры в дансингах». Замысел поэмы возник во время работы Цветаевой над поэмой «Лестница», в начале апреля 1926 г. Работа продолжалась около месяца и первая часть была закончена до отъезда Цветаевой в Сен-Жиль. Вторая часть в ЧТ-13 оборвана следующей записью: «Необходим перерыв до приезда С. (С. Я. Эфрона в Сен-Жиль. — Е. К.). Провести по верхам деревьев весь (1917 г. — 1920 г.) — поход. Несколько эпизодов. Главные бои. Великий отход. Крым. *Последнее*. Последний Крым. Последняя пядь российской земли. В Крым, видение Екатерины в старости». 7 мая 1926 г. Цветаева получила первое письмо от Рильке и к оставленной поэме больше не вернулась. *Шарантон, Бедлам* — дома для умалишенных соответственно в Париже и Лондоне.

659. ЧТ-26. Полный текст поэмы утрачен. При жизни Цветаевой опубл. одна глава «Сибирь» — ВР, 1931, № 3—4. Публикуемые фрагменты сохранились благодаря счастливой случайности: в ЧТ-26 было оставлено несколько чистых страниц для продолжения неоконченной поэмы «Певница» (1935), но к завершению ее Цветаева не вернулась и воспользовалась этими страницами, приступив в январе

1936 г. к правке имеющегося у нее к тому времени текста «Поэмы о Царской Семье». Сохранившаяся таким образом запись представляет собой перечень эпизодов поэмы с фрагментами, подлежащими правке. К работе над поэмой Цветаева приступила в 1929 г., сразу за окончанием «Перекопа». 1 февраля 1930 г. Цветаева писала Р. Н. Ломоносовой: «Сейчас пишу большую поэму о Царской Семье (конец). Написаны: Последнее Царское — Речная дорога до Тобольска — Тобольск воевод (Ермака, татар, Тобольск до Тобольска, когда еще звался Искер или: Сибирь, отсюда — страна Сибирь). Предстоит: Семья в Тобольске, дорога в Екатеринбург, Екатеринбург — дорога на Рудник Четырех братьев (там жгли). Громадная работа: гора. Радуюсь.

Не нужна никому. Здесь не дойдет из-за «левизны» («формы» — кавычки из-за гнусности слова), там — туда просто не дойдет, физически, как все, и больше — меньше — чем все мои книги. «Для потомства»? Нет. Для очистки совести. И еще от сознания силы: любви и, если хотите, — дара. Из любящих только я смогу. Потому и должна.» (Минувшее. Исторический альманах. 8. Atheneum, Paris, 1989. С. 220). Сохранилось свидетельство современника об этом произведении — воспоминание М. Л. Слонима об авторском чтении поэмы в доме их общих друзей — В. И. и М. Н. Лебедевых: «Марина Ивановна объяснила, что мысль о поэме зародилась у нее давно, как ответ на стихотворение Маяковского «Император» (ст-ние 1928 г. — Е. К.). Ей в нем послышалось оправдание страшной расправы, как некоего приговора истории. Она настаивала на том, что уже неоднократно высказывала: поэт должен быть на стороне жертв, а не палачей, и если история жестока и несправедлива, он обязан пойти против нее.

Поэма была длинная, с описаниями Екатеринбурга и Тобольска, напминавшими отдельные места цветаевской «Сибири». Почти все они показались мне очень яркими и смелыми. Чтение длилось больше часу, и после него все тотчас заговорили разом. Лебедев считал, что — вольно или невольно — вышло прославление царя. Марина Ивановна упрекала его в смешении разных плоскостей — политики и человечесности. Я сказал, что некоторые главы взволновали меня, они прозвучали трагически и удались словесно. <...> («Новый журнал». Нью-Йорк, 1971. Кн. 104. С. 167—168). Судя по сохранившемуся в ЧТ-26 перечню, поэма была построена как хроника последнего пути героев к гибели — от Царского Села до Екатеринбурга. Нумерация отрывков принадлежит редакции. 1. Фрагмент посвящен образу «старца» — Григория Ефимовича Распутина (1872—1916). Его приближение ко двору и влияние на царицу благодаря умению «заговаривать кровь» наследнику сыграло роковую роль в последние предреволюционные годы. 2. Наследник российского престола царевич Алексей Николаевич (1904—1918) был болен наследственной болезнью гемофилией (несвертываемостью крови). *Ходынское Поле* — место в Москве, где во время коронации Николая II 14 мая 1896 г. было устроено народное гулянье, окончившееся трагедией — тысячи людей погибли или были искалечены в давке. 3. *Аня* — Анна Александровна Вырубова (1884—после 1929) — фрейлина императрицы Александры Федоровны и ее близкая подруга. 4. Во фрагменте использованы подлинные письма царицы к А. А. Вырубовой, опубли. последней в книге: «Страницы из моей жизни А. А. Танеевой (Вырубой)». Париж, 1922. *Абалакская* (Абалацкая) чудотворная икона Пресвятой Богородицы находилась в Абалакском монастыре под Тобольском

(в настоящее время — в Крестовоздвиженском кафедральном соборе г. Омска), почиталась как покровительница Сибири с середины XVII в.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

233. *Эскуриал* — резиденция испанских королей.

404. *Царица Савская* — легендарная царица Сабейского царства в Южной Аравии. Услышав о славе царя Соломона, царица Савская пришла в Иерусалим испытать его загадками и изумилась его мудрости (Книга Царств 3, 10).

509. *Платонова половина*. В «Пире» Платона Аристофан рассказывает предание, согласно которому боги рассекли прежде единого человека на две половины; стремление к соответствующей себе половине определяется жаждой целостности человеческого существа, в этом цель и счастье любви.

530. *«Трусоват был Ваня бедный»* — цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Вурдалак».

536. *На конец Маргариты*. По-видимому, имеется в виду финал мелодрамы А. Дюма-сына «Дама с камелиями», героиня которой умирает от чахотки.

538. *Таруса* — см. примеч. к Автобиографии.

555. *Калипсо* — нимфа, в плену у которой семь лет пробыл герой Троянской войны Одиссей.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронτισпис*. М. И. Цветаева. Прага, 1924 г.
2. С. 83. Автограф ст-ния «Под шалью» в белой тетради.
3. С. 137. Автограф ст-ния «Лучина» в белой тетради.
4. С. 157. Автограф ст-ния «Страна» в белой тетради.

Между с. 448 и 449.

5. М. И. Цветаева, И. В. Цветаев. Москва, 1909 г.
6. М. И. Цветаева. Коктебель, 1911 г.
7. М. И. Цветаева. 1912 г.
8. М. И. Цветаева, М. П. Кювилье (Кудашева). Коктебель, 1913 г.
9. М. И. Цветасва. Москва, 1914 г.; Групповая фотография. Коктебель, 1913 г.
10. М. И. Цветаева. Феодосия, 1914 г.
11. М. И. Цветаева. Коктебель, 1914 г.; М. И. Цветаева с дочерью Ариадной. Москва, 1916 г.
12. М. И. Цветаева, А. И. Цветаева. Феодосия, 1914 г.
13. М. И. Цветаева с дочерью Ариадной. Чехия, 1923 г.
14. М. И. Цветаева. Прага, 1923 г.
15. М. И. Цветаева, С. Я. Эфрон с детьми Ариадной и Георгием. Вшеноры (Чехия), 1925 г.
16. М. И. Цветаева с сыном Георгием. Мёдон, 1928 г. Фотография Н. П. Гронского.
17. М. И. Цветасва с сыном Георгием. Сен-Лоран, 1930 г.
18. М. И. Цветаева на Колониальной выставке в Париже, 1931 г.
19. М. И. Цветаева с сыном Георгием. Фавьер, 1935 г.
20. Памятник на месте предполагаемой могилы М. И. Цветасвой в Елабуге.
21. С. 655. Автограф ст-ния «Вскрыла жилы: неостановимо...» в белой тетради.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

- «А Бог с вами!..» 653
«А во лбу моем — знай!..» 142
«А девы — не надо...» (Георгий, 6) 220
«А и простор у нас татарским стрелам!..» 258
«А любовь? Для подпaska...» 646
«А может, лучшая победа...» (Прокрасться...) 344
«А над равниной...» 190
«А покамест пустыня славы...» (Поэма Заставы) 332
«А сугробы подаются...» 273
«А уж так: ни о чем!..» 267
«А что если кудри в плат...» 635
Але («Аля! — Маленькая тень...») 61
Але («В шитой серебром рубашечке...») 176
«Аля! — Маленькая тень...» (Але) 61
Андрей Шенье (1—2) 166
«Андрей Шенье вззошел на эшафот...» (Андрей Шенье, 1^а) 166
Анне Ахматовой («Узкий, нерусский стан...») 78
Ариадна (1—2) 332
Асе (1—2) 58
«Атлантским и сладостным...» (Окно) 342
«Атлас — что колода карт...» (Март.— Стихи к Чехии: Март, 5) 465
«Ах, золотые деньки!..» (Ока, 2) 52
«Ах, с откровенного отвеса...» (Балкон) 287
Ахилл на валу («Отлило — обдало — накатило...») 365
Ахматовой («Кем полосынька твоя...») 246
«Aeternum vale! Сброшен крест!..» 49
- Байрону («Я думаю об утре Вашей славы...») 60
Балкон («Ах, с откровенного отвеса...») 287
Бальмонту («Пышно и бесстрастно вянут...») 178
Барабан («По богемским городам...») (Стихи к Чехии: Март, 3) 463
«Башенный бой...» (Разлука, 1) 207
«Беглецы? — Вестовые?...» (Деревья, 5) 300
«Беженская мостовая!..» (Хвала Времени) 342
«Бежит тропинка с бугорка...» (Ока, 4) 53
«Без зова, без слова...» 191
«Без поворота и без возврата...» 645
«Без рук не обнять!..» (Наука Фомы) 360
«Без самовластия...» 240
«Безумье — и благоразумье...» 77
«Белая гвардия, путь твой высок...» (Дон, 1) 163
«Белизна — угроза Черноте...» 169
«Белогвардейцы! Гордые узел...» 170
«Белое солнце и низкие, низкие тучи...» 123
Берлину («Дождь убаякивает боль...») 290
«Бессонница! Друг мой!..» (Памяти Т. Ф. Скрябиной) 206
«Бич жандармов, бог студентов...» (Стихи к Пушкину, 1) 411
Благая Весть (1—5) 222—225
«Благословляю ежедневный труд...» 148
«Благоухала целую ночь...» 641
«Блаженны дочерей твоих, Земля...» 236
«Бледно — лицый...» (Пражский рыцарь) 367
Блоку («Как слабый луч сквозь черный морок адов...») 180
Бог (1—3) 310—311
«Бог — прав...» 168
«Бог согнулся от заботы...» 130
«Брали — скоро и брали — щедро...» (Взяли...— Стихи к Чехии: Март, 6) 466
Брат («Раскалена, как смоль...») 352
«Брат по песенной беде...» 649
«Братья! В последний час...» (Новогодняя) 250

- «Брожу — не дом же плотничать...» 371
 В. Я. Брюсову («Улыбнись в мое „окно“...») 50
 «Буду выпрашивать воды широкого Дона...» 184
 Бузина («Бузина цельный сад залила!...») 424
 «Бузина цельный сад залила!...» (Бузина) 424
 «Бури-вьюги, вихри-ветры вас взлелеяли...» 174
 «Был час чудотворен и полн...» (Ученик, 5) 200
 «Были огромные очи...» 660
 «Быть в аду нам, сестры пыльные...» 81
 «Быть голубкой его орлиной!...» (Марина, 1) 203
 «Быть мальчиком твоим светлоголовым...» (Ученик, 1) 197
- «В век сплошных скоропадских...» (Ода пешему ходу) 419
 «В ворко-клекочущий зоркий круг...» 268
 «В глубокий час души...» (Час Души, 2) 353
 «В глубокий час души и ночи...» (Час Души, 1) 353
 «В день Благовещения...» 93
 «В лоб целовать — заботу стереть...» 138
 «В мире, где всяк...» (Двое, 3) 374
 «В мире, ревушем...» (Отцам, 1) 445
 «В мозгу ухаб пролёжан...» (Сон, 2) 380
 «В некой разлинованности нотной...» (Рельсы) 351
 «В огромном городе моем — ночь...» 123
 «В оны дни певала дрема...» («Колыбельная»). — Стихи к Чехии: Март, 1) 461
 «В оны дни ты мне была как мать...» 109
 «В очи взглянула...» 136
 В Париже («Дома до звезд, а небо ниже...») 42
 «В первой любила ты...» (Подруга, I, 15) 75
 «В полнолуние кони фыркали...» (Даниил, 3) 128
 «В просторах покроя...» (Дочь Иaira, 2) 260
 «В пустынной храмине...» 395
 В раю («Воспоминанье слишком давит плечи...») 48
 «В светлом платьице, давно-знакомом...» (Ока, 5) 54
 «В своих младенческих слезах...» (Подруга, II, 2) 194
 «В седину — висок...» 389
 «В синее небо ширя глаза...» (Савойские отрывки, 1) 658
 «В смертных изверясь...» (Деревья, 1) 297
 «В сновидящий час мой бессонный, совиный...» 639
 «В сокровищницу...» (Благая Весть, 1) 222
 «В старом вальсе штраусовском впервые...» (Маме) 41
 «В стране, которая — одна...» (Ici — Haut, 3) 429
 «В тумане, синее ладана...» 80
 «В час, когда мой милый брат...» (Провода, 7) 329
 «В черном небе — слова начертаны...» 148
 «В шитой серебром рубашечке...» (Але) 176
 «Вам одеваться было лень...» (Подруга, I, 4) 68
 «Вдруг вошла...» 125
 «Веками, веками...» 229
 «Вереницею певчих свай...» (Провода, 1) 325
 «Верстами — врозь — разлетаются брови...» 256
 «Веселись, душа, пей и ешь!...» 105
 «Весна наводит сон. Уснем...» (Провода, 9) 330
 Вестнику («Скрежешут якорные звенья...») 214
 «Ветхозаветная тишина...» (Ici — Haut, 2) 428
 «Вечерний дым над городом возник...» (Встреча) 39
 Взяли... («Брали — скоро и брали — щедро...») (Стихи к Чехии: Март, 6) 466
 (Взятие Крыма) («И страшные мне снятся сны...») 184
 «Видел, как рубят? Руб...» (Лес. — Стихи к Чехии: Март, 7) 466
 «Виноградины тщетно в садах ржавели...» (Отрок, 4) 229
 Вифлеем (1—2) 242
 «Вкрадчивостию волос...» 291
 «Во имя расправы...» (Благая Весть, 5) 225

«Водопадами занавеса, как пеной...» (Занавес) 349
 «Воды не перетеплил...» (Крестины) 386
 Вождям («Срок исполнен, вожди! На подмостки...») 52
 Возвращение вождя («Конь — хром...») 226
 «Возле любви...» 276
 «Война, война! — Кажденья у кнотов...» 65
 «Волны и молодость — вне закона!...» (Дон, 3) 164
 Волшебство («Чуть полночь бьют куранты...») 50
 «Волшебство немецкой феерии...» (Ока, 1) 52
 «Вошь стародавний...» (Плач Ярославны) 186
 «Воспоминанье слишком давит плечи...» (В раю) 48
 «Вот он — гляди — уставший от чужбин...» 189
 «Вот опять окно...» 134
 «Врылась, забылась — и вот как с тысяче...» (Сон, 1) 379
 «Все глаза под солнцем — жгучи...» (Подруга, I, 11) 73
 «Всем покадили и потрафили...» 662
 «Всё великолепелье...» (Ученик, 6) 200
 «Всё круче, всё круче...» (Разлука, 3) 208
 «Всё перебрав и всё отбросив...» (Пути. — Провода, 3) 327
 «Всё повторяю первый стих...» 471
 «Всё таить, чтобы люди забыли...» (Литературным прокурорам) 55
 «Всё так же, так же в морскую синь...» 648
 «Всё твое: тоска по чуду...» (Из сказки — в сказку) 54
 «Всё у Боженьки — сердце! Для Бога...» (Ока, 3) 53
 «Вскрыла жилы: неостановимо...» 436
 Встреча («Вечерний дым над городом возник...») 39
 «Всю меня — с зеленью —...» 649
 «Всюду бегут дороги...» 106
 «Вся его наука...» (Станок. — Стихи к Пушкину, 3) 415
 «Вся жизнь твоя — в едином крике...» (Петру) 181
 «Вы счастливы? — Не скажете! — Едва ли!...» (Подруга, I, 1) 65
 «Высокой горести моей...» (Памяти А. А. Стаховича, 2) 176
 «Высокомерье — каста...» 399
 «Выше! Выше! Лови — летчицу!...» (Душа) 315
 «Вьюга наметает в полы...» 379
 «Гамлетом — перетянутым — нутуго...» (Офелия — Гамлету) 321
 « — Где лебеди? — А лебеди ушли...» 170
 Георгий (1—7) 215—221
 Германии («О, дева всех румянее...») (Стихи к Чехии: Март, 4) 464
 Германии («Ты миру отдана на травлю...») 76
 «Гибель от женщины. Вót — знак...» 90
 «...Глазами казненных...» (Отрывок) 362
 «Говорила мне бабка лютая...» 104
 «Годы твои — гора...» 663
 «Голоса с их игрой сулящей...» 80
 «Голуби реют серебряные, растерянные, вечерние...» 89
 «Голубиная купель...» 397
 «Голубые, как небо, воды...» 159
 «Горы — турам поприще!...» (Стихи к Чехии: Сентябрь, 2) 457
 «Гришка-Вор тебя не ополчал...» (Москве, 2) 162
 « — Грудь Ваша благоуханна...» (Марина, 4) 205
 «Грудь женская! Души застывший вздох...» 241
 «Да с этой львиною...» 105
 «Дабы ты меня не видел...» 286
 Даниил (1—3) 127—128
 «Два зарева! — нет, зеркала!...» 213
 Двое (1—3) 373—374
 «Двух — жарче меха! рук — жарче пуха!...» 469
 «Двух станом не боец, а — если гость случайный...» 447
 «День августовский тихо таял...» (П(етру) Э(фрону)) 63
 Деревья (1—9) 297—303
 Деревья («Кварталом хорошего тона...») 450

Детский день («Утро... По утрам мы...») 46
 «Детство: молчание дома большого...» («Курлык») 45
 Диалог Гамлета с совестью (« — На дне она, где ил...») 345
 Дикая воля («Я люблю такие игры...») 47
 «Димитрий! Марина! В мире...» (Марина) 97
 «Для тех, отживших последние ключья...» (Эвридика — Орфею) 324
 «Дно — оврага...» (Овраг, 1) 363
 «До Эйфелевой — рукою...» (Лучина) 650
 «Доблесть и девственность! — Сей союз...» 150
 «Дождь убаюкивает боль...» (Берлину) 290
 «Должно быть — за той рощей...» (Стихи к Блоку, 7) 115
 Дом («Из-под нахмуренных бровей...») 422
 «Дом, с зеленою гущей...» 651
 «Дома до звезд, а небо ниже...» (В Париже) 42
 Дон (1—3) 163—164
 «Дорожкою простиранною...» 177
 Дортуар весной («О весенние сны в дортуаре...») 39
 Дочь Ианра (1—2) 260
 «Древняя тщета течет по жилам...» 370
 «Други! Братственный сон!...» (Дерева, 4) 299
 «Други его — не тревожьте его!...» 189
 «Думали — человек!...» (Стихи к Блоку, 6) 115
 «Думалось: будут легки...» 288
 Душа («Выше! Выше! Лови — летчицу!...») 315
 «Душа, не знающая меры...» 202

 «Его и пуля не берёт...» (Народ. — Стихи к Чехии: Март, 10) 468
 «Елисейские Поля: ты и я...» 637
 «Если душа родилась крылатой...» 171
 «Есть в мире лишние, добавочные...» (Поэты, 2) 335
 «Есть в стане моем — офицерская прямота...» 182
 «Есть имена, как душевные цветы...» (Подруга, 1, 13) 75
 «Есть на карте место...» (Стихи к Чехии: Сентябрь, 3) 458
 «Есть некий час — как сброшенная клаж...» (Ученик, 2) 198
 «Есть рифмы в мире сем...» (Двое, 1) 373
 «Есть счастливы и счастливы...» 656
 «Есть такие голоса...» (Сергею) Э(фрону), 1) 59
 «Есть час Души, как час Луны...» (Час Души, 3) 354
 «Есть час на те слова...» 279
 «Еще и еще — песни...» 89
 Еще молитва («И опять пред Тобой я склоняю колени...») 44
 «Еще один огромный взмах...» (Стихи к Ахматовой, 3) 118
 «Емче органа и звонче бубна...» 384
 Ех — ci-devant («Хоть сто мозолей — трех веков не скроешь!...») 180

 «Жив, а не умер...» 387
 «Жив и здоров!...» (Благая Весть, 2) 223
 «Живу — не трогаю...» 381
 «Жидкий звон, постный звон...» (Москве, 3) 162
 Жизни (1—2) 385—386
 «Жизни с краю...» 443

 «За девками доглядывать, не смей...» 96
 За книгами («Мама, милая, не мучь же!...») 45
 «За Отрока — за Голубя — за Сына...» 156
 «За то, что некогда, юн и смел...» (Надгробие, 3) 442
 «За этот ад...» (Сад) 439
 Заводские (1—2) 304—305
 «Завораживающая! Крест...» 257
 «Закачай меня, звездный челн!...» (Морепоплаватель) 346
 «Закнув голову и опустив глаза...» 146
 «Заклинаю тебя от злата...» 140
 «Закрыв глаза — раз иначе нельзя...» 651

- Занавес («Водопадами занавеса, как пеной...») 349
 Заочность («Кастальскому току...») 356
 «Запечатленный, как рот оракула...» (Под шалью) 375
 «Зверю — берлога...» (Стихи к Блоку, 4) 114
 «Здесь, меж вами: домами, деньгами, дымами...» (Эмигрант) 315
 «Здравствуй! Не стрела, не камень...» 285
 «Златоустой Анне — всяя Руси...» (Стихи к Ахматовой, 9) 121
 «Знаю, умру на заре! На которой из двух...» 152
- «И другу на руку легло...» 130
 «И засим, упредив заране...» (Хвала богатым) 308
 «И кто-то, упав на карту...» 158
 «И марш вперед уже...» (Посмертный марш) 256
 «И не плача зря...» 131
 «И не спасут ни стансы, ни созвездья...» 151
 «И опять пред Тобой я склоняю колени...» (Еще молитва) 44
 «И скажешь ты...» 396
 «И сказал Господь...» 145
 «И страшные мне снятся сны...» (Взятие Крыма) 184
 «И тучи оводов вокруг равнодушных кляч...» 116
 «Идет по луговинам лития...» 165
 «Идите же! — Мой голос нем...» 57
 « — Иду на несколько минут...» (Надгробие, 1) 440
 Из лепрозария лжи и зла...» (Раковина) 355
 «Из недр и на ветвь — рысями!...» (Скифские, 1) 316
 «Из облаков кивающие перья...» (Георгий, 4) 219
 «Из рук моих — нерукотворный град...» (Стихи о Москве, 2) 99
 Из сказки в жизнь («Хоть в вагоне темном и неловко...») 49
 Из сказки — в сказку («Всё твоё: тоска по чуду...») 54
 «Из строгого, стройного храма...» 158
 «Из-под копыт...» (Цыганская свадьба) 139
 «Из-под нахмуренных бровей...» (Дом) 422
 «Имя ребенка — Лев...» (Стихи к Ахматовой, 4) 119
 «Имя твоё — птица в руке...» (Стихи к Блоку, 1) 111
 «Ипполит! Ипполит! Болит!...» (Жалоба. — Федра, 1) 322
 «Ипполиту от Матери — Федры — Царицы — весть...» (Послание. — Федра, 2) 323
 «Искательница приключений...» 126
 «Ищи себе доверчивых подруг...» 282
 Ici — Haut (1—5) 427—430
- «К озеру вышла. Крут берег...» 85
 «Кабы нас с тобой — да судьба свела...» 132
 «Каждый день всё кажется мне: суббота!...» 133
 «Каждый стих — дитя любви...» 141
 «Как весело сиял снежинками...» (Подруга, I, 6) 69
 «Как водоросли Ваши члены...» (С(ергею) Э(фрону), 2) 59
 «Как живется вам с другою...» (Попытка ревности) 377
 Как мы читали «Lichtenstein» («Тишь и зной, везде синеют сливы...») 40
 «Как настигаемый олень...» 638
 «Как начнут меня колеса...» 245
 «Как по синей по степи...» (Скифские, 2) 317
 «Как по тем донским боям...» 243
 «Как правая и левая рука...» 149
 «Как разгораются — каким валежником!...» 206
 «Как слабый луч сквозь черный морок адов...» (Блоку) 180
 «Как сонный, как пьяный...» 192
 «Каким наитием...» (Деревья, 9) 303
 «Каменногрудый...» 252
 «Каменной глыбой серой...» (Сивилла, 2) 293
 «Канун Благовещения...» 93
 «Кастальскому току...» (Заочность) 356
 «Кварталом хорошего тона...» (Деревья) 450

«Квиты: вами я объедена...» 652
 «Кем полосынька твоя...» (Ахматовой) 246
 Клинок («Между нами — клинок двуострый...») 359
 Кн. С. М. Волконскому («Стальная выправка хребта...») 201
 «Книгу вечности на людских устах...» (Заводские, 2) 305
 «Когда друг другу лжем...» (Ночь) 646
 «Когда же, Господин...» 283
 «Когда обидой — опилась...» (Деревья, 2) 298
 «Когда рыжеволосый Самозванец...» (Москва, 1) 162
 «Когда я гляжу на летящие листья...» 454
 «Коли в землю солдаты всадили — штык...» 166
 «Коли милым назову — не соскучишься!..» 108
 «Колотёры-молотёры...» (Полотерская) 382
 «Колыбель, овейная красным!..» 172
 (Колыбельная) («В быны дни певала дрема...») (Стихи к Чехии: Март, 1) 461
 «Конь — хром...» (Возвращение вояды) 226
 Корнилов («...Сын казака, казак...») 161
 «Косматая звезда...» 203
 «Красавцы, не ездите!..» (Сахара) 350
 «Красною кистью...» (Стихи о Москве, 9) 103
 Красный бычок 585
 Крестины («Воды не перетеплил...») 386
 Крик станций («Крик станций: останься!..») 366
 «Крик станций: останься!..» (Крик станций) 366
 «Кровных коней запрягайте в дровни!..» 163
 «Крутогорьями глаголь...» 338
 Крысолов 475
 «Кто спит по ночам? никто не спит!..» 133
 «Кто-то едет — к смертной победе...» (Деревья, 8) 303
 «Кто уцелел — умрет, кто мертв — воспрянет...» (Дон, 2) 164
 «Купальщицами, в легкий круг...» (Деревья, 3) 299
 «Курлык» («Детство: молчанье дома большого...») 45
 Куст («Что нужно кусту от меня?...») 437

 «Ладони! Справочник...» (Ладонь) 338
 Ладонь («Ладони! Справочник...») 338
 «Легкомыслие! — Милый грех...» 79
 «Ледяная тиара гор...» (Стихи сироте, 1) 451
 Лес («Видел, как рубят? Руб...») (Стихи к Чехии: Март, 7) 466
 «Лес: сплошная маслябояня...» 404
 Лестница 555
 «Леты подводный свет...» 297
 «Леты слепотекущий всхлип...» 292
 Литературным прокурорам («Всё таить, чтобы люди забыли...») 55
 «Лицо без обличия...» (Бог, 1) 310
 «Ломающимся голосом...» 644
 Луна — лунатику («Оплетавшие — останутся...») 348
 Лучина («До Эйфелевой — рукою...») 650
 «Люблю — но мука еще жива...» 372
 «Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе...» 152
 «Люди на душу мою льстятся...» 107
 «Лютая юдоль...» 280
 Лютня («Лютня! Безумица! Каждый раз...») 318
 «Лютня! Безумица! Каждый раз...» (Лютня) 318

 Магдалина (1—3) 360—361
 «Мало ада и мало рая...» (Сестра) 343
 «Мама, милая, не мучь же!..» (За книгами) 45
 Маме («В старом вальсе штраусовском впервые...») 41
 Марина (1—4) 203—205
 Марина («Дмитрий! Марина! В мире...») 97
 Март («Атлас — что колода карт...») (Стихи к Чехии: Март, 5) 465

- «Масляница широка!..» 269
 «Масти, плоченные втрое...» (Магдалина, 2) 361
 «Материнское — сквозь сон — ухо...» (Наклон) 355
 Маяковскому («Превыше крестов и труб...») 230
 Маяковскому («Чтобы край земной не вымер...») 404
 «Меж нами — десять заповедей...» (Магдалина, 1) 360
 «Между нами — клинок двуострый...» (Клинок) 359
 «Милые спутники, делившие с нами ночлег!..» 136
 «Мимо иди!..» (Дочь Иаира, 1) 260
 «Мимо ночных башен...» (Стихи о Москве, 3) 100
 Минута («Минута: минущая: минешь!..») 358
 «Минута: минущая: минешь!..» (Минута) 358
 «Мировое началось во мгле кочевье...» 135
 «Мне Францией — нету...» 469
 «Могла бы — взяла бы...» (Пещера.— Стихи сироте, 3) 452
 «Могу ли не вспоминать я...» (Подруга, I, 10) 72
 «Мой письменный верный стол!..» (Стол, 1) 432
 «Мой письменный-верный стол!..» (Стол, 5) 435
 «Мой путь не лежит мимо дому — твоего...» 143
 Молитва («Христос и Бог! Я жажду чуда...») 43
 «Молодость моя! Моя чужая...» 238
 «Монистом, расколотым...» (Ручьи, 2) 341
 Мореплаватель («Закачай меня, звездный челн!..») 346
 «Москва! Какой огромный...» (Стихи о Москве, 8) 103
 Москве (1—3) 162
 Москве («Первородство — на сиротство!..») 247
 «Московский герб: герой пронзает гада...» 168
 «Мракобесие.— Смерч.— Содом...» 169
 Муза («Ни грамот, ни праотцев...») 239
 «Мы быстры и наготове...» (Асе, 1) 58
 «Мы — весенняя одежда...» (Асе, 2) 58
- «На базаре кричал народ...» (Стихи к Ахматовой, 8) 121
 На возу («Что за жалобная нота...») 51
 «— На дне она, где ил...» (Диалог Гамлета с совестью) 345
 «На заре — немедленнейшая кровь...» 262
 «На кортике своем: Марина...» 154
 «На крыльцо выхожу — слушаю...» 92
 «На льдине...» (Стихи сироте, 4) 453
 «На назначенное свиданье...» 347
 «На пушок девичий, нежный...» 261
 «— На смарку твой стих!..» 426
 «На тебе, ласковый мой, лохмотья...» (Психея, 2) 147
 «На што мне облака и степи...» 202
 «Наворковала...» 272
 «Над вороним утесом...» (Ici — Haut, 5) 430
 «Над городом, отвергнутым Петром...» (Стихи о Москве, 5) 101
 «Над колыбелью твоею — где ты? ...» 648
 «Над синевой подмосковных рош...» (Стихи о Москве, 6) 102
 «Над синеморскою лоханью...» 246
 «Над спящим юнцом — золотые шпоры...» (Благая Весть, 4) 224
 «Над церковкой — голубые облака...» 154
 «Над черною пучиной водною...» 173
 Надгробие (1—3) 440—442
 «Надобно смело признаться, Лира!..» 171
 «Наездницы, развалины, псалмы...» (Даниил, 2) 127
 Наклон («Материнское — сквозь сон — ухо...») 355
 «Накопец-то встретила...» (Стихи сироте, 6) 454
 «Налетевший на град Вацлава...» (Пепелище.— Стихи к Чехии: Март, 2) 462
 «Напрасно глазом — как гвоздем...» (Надгробие, 2) 441
 Народ («Его и пуля не берет...») (Стихи к Чехии: Март, 10) 468
 «Народоправству, свалившему трон...» 652

«Настанет день — печальный, говорят!..» (Стихи о Москве, 4) 101
 «Настежь, настежь...» (Царю — на Пасху) 155
 Наука Фомы («Без рук не обнять!..») 360
 «Не бесы — за иноком...» (Стихи к Чехии: Март, 9) 467
 «Не ветром ветренным — до — осени...» 90
 «Не возьмешь моего румянца...» (Жизни, 1) 385
 «Не возьмешь мою душу живу...» (Жизни, 2) 386
 «Не здесь, где связано...» 265
 «Не знаю, какая столица...» 470
 «Не краской, не кистью!..» (Деревья, 6) 301
 «Не лавром, а терном...» 641
 «Не моя печаль, не моя забота...» 129
 «Не надо ее окликать...» 313
 «Не от запертых на семь замков пекарен...» (Памяти А. А. Стаховича, 1) 175
 «Не отстать тебе. Я — острожник...» (Стихи к Ахматовой, 6) 120
 «Не похорошела за годы разлуки!..» 255
 «Не приземист — высокоросл...» 259
 «Не проломанное ребро...» 190
 «„Не расстанусь! — Конца нет!“ И льнет, и льнет...» (Подруга) 369
 «Не растеклась еще...» (Ханский полон, 4) 234
 «Не ревновать и не клаясь...» 253
 «Не с серебром пришла...» (Вифлеем, 1) 242
 «Не самозванка — я пришла домой...» (Психея, 1) 147
 «Не сегодня-завтра растает снег...» 88
 «Не суждено, чтобы сильный с сильным...» (Двое, 2) 374
 «Не узнаю в темноте...» (Андрей Шенье, 2) 166
 «Не умрешь, народ!..» (Стихи к Чехии) 468
 «Не флотом, не потом, не задом...» (Петр и Пушкин.— Стихи к Пушкину, 2) 413
 «Не чернокижница! В белой книге...» (Провода, 5) 328
 «Не штык — так клык, так сугроб, так шквал...» (Поезд жизни) 369
 «Небо катило сугробы...» (Сугробы) 264
 «Небо — синей знамени!..» 443
 «Нежно-нежно, тонко-тонко...» 129
 «Нежный призрак...» (Стихи к Блоку, 2) 112
 «Некоторым — не закон...» 286
 «— Ненужен твой стих...» 425
 «Необычайная она! Сверх сил!..» 245
 «Неподражаемо жлет жизнь...» 288
 Несбывшаяся поэма 663
 «Нет, бил барабан перед смутным полком...» (Поэт и царь, II.— Стихи к Пушкину, 5) 419
 «Нет, правды не оспаривай...» 314
 «Ни грамот, ни праотцев...» (Муза) 239
 «Ни тагана...» (Ханский полон, 2) 232
 «Никогда не узнаешь, что жгу, что трачу...» (Овраг, 2) 364
 «Никому не отмыла и не отмщу...» 443
 «Никто ничего не отнял!..» 85
 «Никуда не уехали — ты да я — ...» 427
 «Нищих и горлиц...» (Бог, 2) 310
 «...Но вал моей гордыни польской...» (Отрывок из стихов к Ахматовой) 230
 «Но тесна вдвоем...» 295
 Новогодняя («Братья! В последний час...») 250
 Новогодняя («Тот — вздохом взлелеянный...») 251
 Новогоднее 569
 Новолунье («Новый месяц встал над лугом...») 41
 «Новый месяц встал над лугом...» (Новолунье) 41
 «Ночного гостя не застанешь...» 287
 Ночные места («Темнейшее из ночных...») 368
 «Ночные шепота: шелка...» 281
 Ночь («Когда друг другу лжем...») 646
 Ночь («Час обнажающихся верховий...») 343
 «Ночь.— Норд-Ост.— Рев солдат.— Рев волн...» 160

«Ночью над кофейной гущей...» (Подруга, I, 7) 70
«Нынче я гость небесный...» 124

«О, весенние сны в дортуаре...» (Дортуар весной) 39
«О всеми ветрами...» (Георгий, 7) 221
« — О, всеми голосами раковин...» (Ариадна, 2) 332
«О, дева всех румянее...» (Германии. — Стихи к Чехии: Март, 4) 464
«О, его не привяжете...» (Бог, 3) 311
«О муза плача, прекраснейшая из муз!...» (Стихи к Ахматовой, 1) 117
«О, неподатливый язык!...» (Родина) 426
«О первое солнце над первым лбом!...» 203
«О поэте не подумал...» 654
«О путях твоих пытаться не буду...» (Магдалина, 3) 361
«...О, самозванцев жалкие усилия!...» 165
«О, слезы на глазах!...» (Стихи к Чехии: Март, 8) 467
«О ты — из всех залиннейных нот...» (Последний моряк) 365
«О тяжесть удачи!...» (Георгий, 2) 216
«Об ушедших — отошедших...» 183
«Обвела мне глаза кольцом...» 108
«Обидел и обошел?...» (Стол, 4) 435
Облака («Перерытые — как битвой...») 339
«Облака — вокруг...» (Стихи о Москве, 1) 99
«Обнимаю тебя кругозором...» (Стихи сироте, 2) 451
Овраг (1—2) 363—364
«Огнепоклонник! Красная масть!...» (Отрок, 2) 227
«Огромного воскрылья взмах...» (Подруга, II, 3) 195
Ода пешему ходу («В век сплошных скоропадских...») 419
Один офицер («Чешский лесок...») (Стихи к Чехии: Сентябрь, 4) 459
Ока (1—5) 52—54
Окно («Атлантским и сладостным...») 342
«Окно раскрыло створки...» 444
Око («Фонари, горящие газом...») 398
«Оперением зим...» 319
«Оплетающие — останутся...» (Луна — лунатику) 348
«Оползающая глыба...» 404
«Опустивши забрало...» 661
«Орел и архангел! Господень гром!...» 167
«Оставленного зала тронного...» 398
«Оставленной быть — это втравленной быть...» (Ариадна, 1) 332
«Останешься нам иноком...» 642
Остров («Остров есть. Толчком подземным...») 375
«Остров есть. Толчком подземным...» (Остров) 375
«От гнева в печени, мечты во лбу...» 238
«От меня — к неведомому...» 277
«От родимых сёл, сёл...» 400
«От руки моей не взыгрывал...» 397
«От стрел и от чар...» (Скифские, 3) 317
(Отголоски Стола) («Плоска — доска, а всё впитывает...») 656
«Откуда такая нежность?...» 87
«Отлило — обдало — накатило...» (Ахилл на валу) 365
«Отмыкала ларец железный...» 84
Отрок (1—4) 227—229
Отрывки из Марфы (Савойские отрывки, 2) 658
Отрывки Ручья (Савойские отрывки, 3) 659
Отрывок («...Глазами казненных...») 362
Отрывок из стихов к Ахматовой («...Но вал моей гордыни польской...») 230
Отцам (1—2) 444—445
Офелия — в защиту Королевы («Принц Гамлет! Довольно червивую
залежь...») 321
Офелия — Гамлету («Гамлетом — перетянутым — натуго...») 321
«Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь!...» 185
«...Ох, речи мои морочные...» 661
«Охватила голову и стою...» (Стихи к Ахматовой, 2) 117

«По божьим городам...» (Барабан.— Стихи к Чехии: Март, 3) 463
 «По дорогам, от мороза звонким...» 133
 «По загарам — топор и плуг...» 285
 «По нагорьям...» 254
 «По холмам — круглым и смуглым...» (Ученик, 7) 201
 «Под горем не горбась...» (Благая Весть, 3) 224
 «Под занавесом дождя...» (Побег) 370
 «Под лаской плюшевого пледа...» (Подруга, I, 2) 66
 «Под рокот гражданских бурь...» 171
 Под шалью («Запечатленный, как рот оракула...») 375
 «Пало прениже волн...» (Ученик, 4) 199
 Памяти А. А. Стаховича (1—2) 175—176
 Памяти Т. Ф. Скрыбиной («Бессонница! Друг мой!...») 206
 Педаль («Сколь пронзительная, столь же...») 337
 «Пела как стрелы и как морены...» 377
 «Пела рана в груди у князя...» 398
 Пепелище («Налетевший на град Вацлава...») (Стихи к Чехии: Март, 2) 462
 «Первородство — на сиротство...» (Москве) 247
 « — «Переименовать!» — Приказ...» (Ici — Haut, 4) 430
 Перекоп 589
 «Перерытые — как битвой...» (Облака) 339
 «Переселенцами...» 262
 П(етру) Э(фрону) («День августовский тихо таял...») 63
 Петру («Вся жизнь твоя — в едином крике...») 181
 Письмо («Так писем не ждут...») 357
 Плач цыганки по графу Zubovu («Расколюсь — так в стклянь...») 319
 Плач Ярославны («Вопль стародавний...») 186
 «Плоска — доска, а всё впитывает...» (Отголоски Стола) 656
 «Плоти — плоть, духу — дух...» 147
 «Плохо сильным и богатым...» 161
 Побег («Под занавесом дождя...») 370
 «Повторю в канун разлуки...» (Подруга, I, 12) 74
 «Погоди, дружок!...» 132
 Подруга I (№ 1—15) 65—75
 Подруга II (№ 1—5) 193—196
 Подруга («„Не расстанусь! — Конца нет!“ И льнет, и льнет...») 369
 Поезд жизни («Не штык — так клык, так сугроб, так шквал...») 369
 «Пожирающий огонь — мой конь...» 140
 «Покамест день не встал...» (Рассвет на рельсах) 312
 «Поколенью с сиренью...» (Отцам, 2) 445
 «Ползет подземный змей...» (Читатели газет) 448
 «Полнолуние и мех медвежий...» 82
 «Полон и просторен...» (Стихи к Чехии: Сентябрь, 1) 455
 Полотерская («Колотёры-молотёры...») 382
 «Помни закон...» 282
 «По-небывалому...» 644
 Попытка комнаты 548
 Попытка ревности («Как живется вам с другою...») 377
 « — Пора! для этого огня...» 470
 «Посадила яблоньку...» 84
 «Посвящаю эти строки...» 56
 «После бессонной ночи слабеет тело...» 124
 Последний моряк («О ты — из всех залитых нот...») 365
 «Последняя дружба...» (Подруга, II, 5) 196
 «Последняя прелесть...» 640
 Посмертный марш («И марш вперед уже...») 256
 «Поступью сановнически-гордой...» 173
 «Потусторонним...» (Поэт и царь, I.— Стихи к Пушкину, 5) 418
 Поэма Воздуха 575
 Поэма Заставы («А покамест пустыня славы...») 332
 Поэма о Царской Семье 669
 Поэт и Царь («Потусторонним...») (Стихи к Пушкину, 5) 418
 «Поэт — издаലെка заводит речь...» (Поэты, 1) 334
 Поэты (1—3) 334—336

Пражский рыцарь («Бледно — лицый...») 367
 «Превыше крестов и труб...» (Маяковскому) 230
 «Преодоление...» (Стихи к Пушкину, 4) 417
 «Приключилась с ним странная хворь...» 91
 Приметы («Точно гору несл в подоле...») 380
 «Принц Гамлет! Довольно червивую залежь...» (Офелия — в защиту Королевы), 321
 Провода (1—10) 325—331
 «Продаю! продаю! продаю!...» 111
 «Прокрасться... («А может, лучшая победа...») 344
 «Променивши на стремя...» 390
 «Прорицаниями рокоча...» (Ручьи, 1) 341
 «Проста моя осанка...» 144
 «Простоволосая Агарь — сию...» (Отрок, 3) 228
 Психея (1—2) 147
 «Пустоты отроческих глаз! Провалы...» (Отрок, 1) 227
 «Пустыней Девичьего Поля...» 637
 «Пуше чем женщина...» 249
 «Пышно и бесстрастно вянут...» (Бальмонту) 178
 «Развела тебе в стакане...» 142
 «Разлетелось в серебряные дребезги...» 88
 Разлука (1—8) 207—213
 Раковина («Из лепрозария лжи и зла...») 355
 «Ранне-утреня...» 274
 «Рано еще — не быти!...» 347
 Рассвет на рельсах («Покамест день не встал...») 312
 «Раскалена, как смоль...» (Брат) 352
 «Расколюсь — так в стклянь...» (Плач цыганки по графу Зубову) 319
 «Рас — стояние: версты, мили...» 391
 Расщелина («Чем окончился этот случай...») 346
 Рельсы («В некой разлинованности нотной...») 351
 «Ресницы, ресницы...» (Георгий, 1) 215
 Родина («О, неподатливый язык...») 426
 Рождественская дама («Серый ослик твой ступает прямо...») 46
 «Ростком серебряным...» (Разлука, 7) 212
 «Руки даны мне — протягивать каждому обе...» 123
 «Руки — и в круг...» 289
 «Руки, которые не нужны...» 149
 «Руки люблю...» 116
 «Русской ржи от меня поклон...» 392
 Ручьи (1—2) 341
 «Рыцарь ангелоподобный...» 149
 «С архангельской высоты седла...» (Георгий, 5) 220
 «С другими — в розовые груди...» (Провода, 10) 331
 С Моря 542
 «С Новым Годом, Лебединый стан!...» 187
 «С такою силой в подбородок руку...» 238
 «С фонарем обшарьте...» (Страна) 411
 «С этой горы, как с крыши...» 362
 «Сабли взмах...» (Юнкерам, убитым в Нижнем) 160
 Сад («За этот ад...») 439
 «Самовластная слобода!...» (Провода, 4) 327
 Сахара («Красавцы, не ездите!...») 350
 «Светло-серебряная цвель...» 290
 «Свободно шея поднята...» (Подруга, I, 8) 71
 «Сегодня ночью я одна в ночи...» 128
 «Сегодня таяло, сегодня...» (Подруга, I, 3) 67
 «Сегодня, часу в восьмом...» (Подруга, I, 5) 68
 «Седой — не увидишь...» (Разлука, 6) 211
 «Села я на подокозник, ноги свесив...» (Даниил, 1) 127
 «Семеро, семеро...» 235
 «Семь мечей пронзали сердце...» 169

«Семь холмов — как семь колоколов...» (Стихи о Москве, 7) 102
 С(ергею) Э(фрону) (1—2) 59
 С(ергею) Э(фрону) («Хочешь знать, как дни проходят...») 177
 «— Сердце, измена!..» (Марина, 3) 205
 «Серый ослик твой ступает прямо...» (Рождественская дама) 46
 Сестра («Мало ада и мало рая...») 343
 Сивилла (1—3) 292—294
 «Сивилла: выжжена, сивилла: ствол...» (Сивилла, 1) 292
 «Сивилла — младенцу...» (Сивилла, 3) 294
 «Сини подмосковные холмы...» 79
 «Синие версты...» (Георгий, 3) 218
 Скифские (1—3) 316—317
 «Сколь пронзительная, столь же...» (Педадь) 337
 «Сколько их, сколько их ест из рук...» (Хвала Афродите, 3) 237
 «Сколько спутников и друзей!..» (Стихи к Ахматовой, 5) 119
 «Скоро уж из ласточек — в колдуньи!..» 240
 «Скороговоркой — ручья водой...» (Стихи сироте, 5) 453
 «Скрежещет якорные звенья...» (Вестнику) 214
 «Слава падает так, как слива...» 399
 «Следок твой непытан...» (Ханский полон, 3) 233
 «Слезы — на лице моей облезлой!..» 259
 «Слезы, слезы — живая вода!..» 148
 Слова и смыслы («Ты обо мне не думай никогда!..») 336
 «Смуглой оливкой...» (Разлука, 4) 209
 «Собирая любимых в путь...» 86
 «Солнце Вечера — добрее...» (Ученик, 3) 198
 «Солнцем жилки налиты — не кровью...» 57
 «Сомкнутым строим...» 263
 Сон (1—2) 379—380
 «Спаси, Господи, дым!..» 307
 «Спит, муки твоя — веселье...» (Подруга, II, 1) 193
 «Справа, справа — баран круторогий!..» 643
 «Срок исполнен, вожди! На подмостки...» (Вождям) 52
 «Стальная выправка хребта...» (Кн. С. М. Волконскому) 201
 Стихи к Блоку (1—7) 111—115
 Стихи к Ахматовой (1—11) 117—122
 Стихи к Пушкину (1—5) 411—418
 Стихи к Чехии (I. Сентябрь, 1—4; II. Март, 1—10) 455—468
 Стихи о Москве (1—9) 99—103
 Стихи сироте (1—6) 451—454
 Стол (1—5) 432—435
 «Стоят в чернорабочей хмури...» (Заводские, 1) 304
 Страна («С фонарем обшарьте...») 411
 «Странноприимница высоких душ...» 642
 «Строительница струн — приструню...» 350
 «Стройте и пойте стройку!..» 654
 Сугробы («Небо катило сугробы...») 264
 «Существования котловиною...» 388
 «...Сын казака, казак...» (Корнилов) 161

 «Та, что без видения спала...» (Деревья, 7) 302
 «Так, в скудном труженичестве дней...» 280
 Так вслушиваются... («Так вслушиваются (в исток...)») 340
 «...Так вслушиваются (в исток...)» (Так вслушиваются...) 340
 «Так, высоко запрокинув лоб...» 150
 «Так говорю, ибо дарован взгляд...» 244
 «Так, Господи! — И мой обол...» 193
 «Так, заживо раздав...» 312
 «...Так, не дано мне ничего...» 661
 «Так, одним из легких вечеров...» 636
 «Так писем не ждут...» (Письмо) 357
 «Так плыли: голова и лира...» 241
 «Так — только Елена глядит над кровлями...» 376

«Так ясно сиявшие...» 663
 «Твои черты...» 639
 «Темнейшее из ночных...» (Ночные места) 368
 «Терпеливо, как щебень бьют...» (Провода, 8) 330
 «Тихонько...» (Разлука, 5) 210
 «Тише, тише, тише, век мой громкий!..» 651
 «Ты и зной, везде синеют сливы...» (Как мы читали «Lichtenstein») 40
 «Товарищи, как нравится...» (Ici — Haut, 1) 427
 Только девочка («Я только девочка...») 48
 «Только живите! — Я уронила руки...» 146
 «Только закрою горячие веки...» 135
 «Тоска по родине! Давно...» 436
 «Тот — вздохом взлелеянный...» (Новогодняя) 251
 «Точно гору несли в подоле...» (Приметы) 380
 «Трем Самозванцам жена...» (Марина, 2) 204
 «Три царя...» (Вифлеем, 2) 242
 «Тридцатая годовщина...» (Стол, 2) 433
 «Тридцатая годовщина...» (Стол, 3) 433
 Тройственный союз («У нас за робостью лица...») 47
 «Трудно и чудно — верность до гроба!..» 165
 «Тщетно, в ветвях заповедных кроюсь...» (Хвала Афродите, 2) 237
 «Ты дал нам мужества...» 172
 «Ты запрокидываешь голову...» 86
 «Ты миру отдана на травлю...» (Германии) 76
 «Ты обо мне не думай никогда!..» (Слова и смыслы) 336
 «Ты проходишь на запад солнца...» (Стихи к Блоку, 3) 113
 «Ты проходишь своей дорожкой...» (Подруга, I, 9) 71
 «Ты солнце в выси мне застишь...» (Стихи к Ахматовой, 11) 122
 «Ты, срывающая покров...» (Стихи к Ахматовой, 7) 120

 «У меня в Москве — купола горят...» (Стихи к Блоку, 5) 114
 «У нас за робостью лица...» (Тройственный союз) 47
 «У тонкой проволоки над волной овсов...» (Стихи к Ахматовой, 10) 122
 «Удар, заглушенный годами забвенья...» 657
 «Ударило в виноградник...» 446
 «Удостоверись — повремени!..» 290
 «Уединение: уйди...» 439
 «Уж если кораллы на шее...» 442
 «Уж и лед сошел, и сады в цвету...» 636
 «Уже богов — не те уже щедроты...» (Хвала Афродите, 1) 236
 «Узкий, нерусский стан...» (Анне Ахматовой) 78
 «Улыбнись в мое „окно“...» (В. Я. Брюсову) 50
 «Уроненные так давно...» (Разлука, 2) 208
 «Устилают — мои — сени...» 91
 «Утро... По утрам мы...» (Детский день) 46
 Ученик (1—7) 197—201
 «Ушел — не ем...» 469

Федра (1—2) 322—323
 «Фонари, горящие газом...» (Око) 398

Ханский полон (1—4) 231—234
 «Ханский полон...» (Ханский полон, 1) 231
 Хвала Афродите (1—3) 236—237
 Хвала богатым («И засим, упредив заране...») 308
 Хвала Времени («Беженская мостовая!..») 342
 «Хоть в вагоне темном и неловко...» (Из сказки в жизнь) 49
 «Хоть сто мозолей — трех веков не скроешь!..» (Ex — ci-devant) 180
 «Хочешь знать, как дни проходят...» (С(ергею) Э(фрону)) 177
 «Хочу у зеркала, где муть...» (Подруга, I, 14) 75
 «Христос и Бог! Я жажду чуда...» (Молитва) 43

Царь и Бог! Простите малым...» 174
Царю — на Пасху («Настежь, настежь...») 155
«Цветок к груди приколот...» 81
«Целовалась с нищим, с вором, с горбачом...» 145
«Целую червонные листья и сонные рты...» 131
Цыганская свадьба («Из-под копыт...») 139

Час Души (1—3) 353—354
«Час, когда вверху цари...» (Провода, 6) 329
«Час обнажающихся верховий...» (Ночь) 343
«Чем заслужить тебе и чем воздать...» (Подруга, II, 4) 195
«Человека защищать не надо...» 654
«Чем — не боги же — поэты!...» 650
«Чем окончился этот случай...» (Расщелина) 346
«Черная как зрачок, как зрачок сосущая...» 130
«Черные стены...» 657
«Четвертый год...» 95
«Чешский лесок...» (Один офицер.— Стихи к Чехии: Сентябрь, 4) 459
Читатели газет («Ползет подземный змей...») 448
«Что другим не нужно — несите мне!...» 150
«Что же мне делать, слепцу и пасынку...» (Поэты, 3) 336
«Что за жалобная нота...» (На возу) 51
«Что, Муза моя? Жива ли еще?...» 389
«Что нужно кусту от меня?...» (Куст) 437
«Чтоб высказать тебе... да нет, в ряды...» (Провода, 2) 326
«Чтобы край земной не вымер...» (Маяковскому) 404
«Чтобы помнил не часочек, не годок...» 141
«Чуть полночь бьют куранты...» (Волшебство) 50
«Чуть светает...» 156

«Шаг за шагом, мак за маком...» 658
«Широкое ложе для всех моих рек...» 266

Эвридика — Орфею («Для тех, отженивших последние клочья...») 324
Эмигрант («Здесь, меж вами: домами, деньгами, дымами...») 315
«Это жизнь моя пропела — провыла...» 653
«Это пеплы сокровищ...» 307
«Это просто, как кровь и пот...» 167

Юнкерам, убитым в Нижнем («Сабли взмах...») 160
Юноше в уста («Юноше в уста...») 402
«Юноше в уста...» (Юноше в уста) 402

«Я думаю об утре Вашей славы...» (Байрону) 60
«Я знаю, я знаю...» (Разлука, 8) 213
«Я люблю такие игры...» (Дикая воля) 47
«Я пришла к тебе черной полночью...» 110
«Я расскажу тебе — про великий обман...» 140
«Я счастлива жить образцово и просто...» 151
«Я только девочка. Мой долг...» (Только девочка) 48
«Я эту книгу поручаю ветру...» 179
«Ятаган? Огонь?...» 381

СОДЕРЖАНИЕ *

Поэтический мир Марины Цветаевой. <i>Вступительная статья</i>	5
<i>Е. Б. Коркиной</i>	34
[Автобиография]	

СТИХОТВОРЕНИЯ

ИЗ КНИГИ «ВЕЧЕРНИЙ АЛЬБОМ» 1907—1910

1. Встреча	39
2. Дортуар весной	39
3. Как мы читали «Lichtenstein»	40
4. Маме	41
5. Новолуние	41
6. В Париже	42
7. Молитва	43
8. Еще молитва	44

ИЗ КНИГИ «ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ» 1910—1911

9. «Курлык»	45
10. За книгами	45
11. Рождественская дама	46
12. Детский день	46
13. Дикая воля	47
14. Тройственный союз	47
15. Только девочка	48
16. В раю	48
17. «Aeternum vale! Сброшен крест!..»	49
18. Из сказки в жизнь	49
19. В. Я. Брюсову	50

* Произведения, отмеченные звездочкой, печатаются впервые.

20. Волшебство	50
21. На возу	51
22. Вождам	52
23—27. О к а	
1. «Волшебство немецкой феерии...»	52
2. «Ах, золотые деньки!..»	52
3. «Всё у Боженьки — сердце! Для Бога...»	53
4. «Бежит тропинка с бугорка...»	53
5. «В светлом платье, давно-знакомом...»	54
28. Из сказки — в сказку	54
29. Литературным прокурорам	55

ИЗ КНИГИ «ЮНОШЕСКИЕ СТИХИ»

1913—1915

30. «Посвящаю эти строки...»	56
31. «Солнцем жилки налиты — не кровью...»	57
32. «Идите же! — Мой голос нем...»	57
33—34. А с е	
1. «Мы быстры и наготове...»	58
2. «Мы — весенняя одежда...»	58
35—36. С (ергею) Э (фрону)	
1. «Есть такие голоса...»	59
2. «Как водоросли Ваши члены...»	59
37. Байрону	60
38. Але («Аля! — Маленькая тень...»)	61
39. П (стру) Э (фрону) («День августовский тихо таял...»)	63
40. «Война, война! — Кажденья у киотов...»	65
41—55. П о д р у г а	
1. «Вы счастливы? — Не скажете! — Едва ли!..»	65
2. «Под лаской плюшевого пледа...»	66
3. «Сегодня таяло, сегодня...»	67
4. «Вам одеваться было лень...»	68
5. «Сегодня, часу в восьмом...»	68
6. «Как весело сиял снежинками...»	69
7. «Ночью над кофейной гущей...»	70
8. «Свободно шея поднята...»	71
9. «Ты проходишь своей дорожкой...»	71
10. «Могу ли не вспоминать я...»	72
11. «Все глаза под солнцем — жгучи...»	73
12. «Повторю в канун разлуки...»	74
13. «Есть имена, как душевные цветы...»	75
14. «Хочу у зеркала, где муть...»	75
15. «В первой любила ты...»	75
56. Германии	76
57. «Безумье — и благоразумье...»	77
58. Анне Ахматовой	78
59. «Легкомыслие! — Милый грех...»	79
60. «Сини подмосковные холмы...»	79
61. «Голоса с их игрой сулящей...»	80
62. «В тумане, синее ладана...»	80
63. «Цветок к груди приколот...»	81
64. «Быть в аду нам, сестры пыльные...»	81
65. «Полдольные и мех медвежий...»	82

66. «Отмыкала ларец железный...»	84
67. «Посадила яблоньку...»	84
68. «К озеру вышла. Крут берег...»	85
69. «Никто ничего не отнял!...»	85
70. «Собирая любимых в путь ...»	86
71. «Ты запрокидываешь голову...»	86
72. «Откуда такая нежность?..»	87
73. «Разлетелось в серебряные дребезги...»	88
74. «Не сегодня-завтра растает снег...»	88
75. «Голуби реют серебряные, растерянные, вечерние...»	89
76. «Еще и еще — песни...»	89
77. «Не ветром ветреным — до — осени...»	90
78. «Гибель от женщины. Вот — знак...»	90
79. «Приключилась с ним странная хворь...»	91
80. «Устилают — мои — сени...»	91
81. «На крыльцо выхожу — слушаю...»	92
82. «В день Благовещенья...»	93
83. «Канун Благовещенья...»	93
84. «Четвертый год...»	95
85. «За девками доглядывать, не скис...»	96
86. Марина	97
87—95. Стихи о Москве	
1. «Облака — вокруг...»	99
2. «Из рук моих — нерукотворный град...»	99
3. «Мимо ночных башен...»	100
4. «Настанет день — печальный, говорят!...»	104
5. «Над городом, отвергнутым Петром...»	101
6. «Над синевою подмосковных рощ...»	102
7. «Семь холмов — как семь колоколов...»	102
8. «Москва! Какой огромный...»	103
9. «Красною кистью...»	103
96. «Говорила мне бабка лютая...»	104
97. «Да с этой львиною...»	105
98. «Веселись, душа, пей и ешь!...»	105
99. «Всюду бегут дороги...»	106
100. «Люди на душу мою льстятся...»	107
101. «Коли милым назову — не соскучишься!...»	108
102. «Обвела мне глаза кольцом...»	108
103. «В оны дни ты мне была как мать...»	109
104. «Я пришла к тебе черной полночью...»	110
105. «Продаю! продаю! продаю!...»	111
106—112. Стихи к Блоку	
1. «Имя твое — птица в руке...»	111
2. «Нежный призрак...»	112
3. «Ты проходишь на запад солнца...»	113
4. «Зверю — берлога...»	114
5. «У меня в Москве — купола горят...»	114
6. «Думали — человек!...»	115
7. «Должно быть — за той рощей...»	115
113. «И тучи оводов вокруг равнодушных кляч...»	116
114. «Руки люблю...»	116

115—125. Стихи к Ахматовой	
1. «О, муза плача, прекраснейшая из муз!...»	117
2. «Охватила голову и стою...»	117
3. «Еще один огромный взмах...»	118
4. «Имя ребенка — Лев...»	119
5. «Сколько спутников и друзей!...»	119
6. «Не отстать тебе. Я — острожник...»	120
7. «Ты, срывающая покров...»	120
8. «На базаре кричал народ...»	121
9. «Златоустой Анне — всяя Руси...»	121
10. «У тонкой проволоки над волной овсов...»	122
11. «Ты солнце в выси мне застишь...»	122
126. «Руки даны мне — протягивать каждому обе...»	123
127. «Белое солнце и низкие, низкие тучи...»	123
128. «В огромном городе моем — ночь...»	123
129. «После бессонной ночи слабеет тело...»	124
130. «Нынче я гость небесный...»	124
131. «Вдруг вошла...»	125
132. «Искательница приключений...»	126
133—135. Д а н и и л	
1. «Села я на подоконник, ноги свесив...»	127
2. «Наездницы, развалины, псалмы...»	127
3. «В полнолуние кони фыркали...»	128
136. «Сегодня ночью я одна в ночи...»	128
137. «Не моя печаль, не моя забота...»	129
138. «Нежно-нежно, тонко-тонко...»	129
139. «Черная как зрачок, как зрачок сосущая...»	130
140. «Бог согнулся от заботы...»	130
141. «И другу на руку легло...»	130
142. «И не плача зря...»	131
143. «Целую червонные листья и сонные рты...»	131
144. «Погоди, дружок!...»	132
145. «Кабы нас с тобой — да судьба свела...»	132
146. «Каждый день всё кажется мне: суббота!...»	133
147. «По дорогам, от мороза звонким...»	133
148. «Кто спит по ночам? никто не спит!...»	133
149. «Вот опять окно...»	134

ВЕРСТЫ 1917—1920

I

150. «Мировое началось во мгле кочевье...»	135
151. «Только закрою горячие веки...»	135
152. «Милые спутники, делившие с нами ночлег!...»	136
153. «В очи взглянула...»	136
154. «В лоб целовать — заботу стереть...»	138
155. Цыганская свадьба	139
156. «Заклинаю тебя от злата...»	140
157. «Я расскажу тебе — про великий обман...»	140
158. «Пожирающий огонь — мой конь...»	140
159. «Каждый стих — дитя любви...»	141
160. «Чтобы помнил не часочек, не годок...»	141
161. «Развела тебе в стакане...»	142

162. «А во лбу моем — знай!...»	142
163. «Мой путь не лежит мимо дому — твоего...»	143
164. «Проста моя осанка...»	144
165. «Целовалась с нищим, с вором, с горбачом...»	145

II

166. «И сказал Господь...»	145
167. «— Только живите! — Я уронила руки...»	146
168. «Закинув голову и опустив глаза...»	146
169. «Плоти — плоть, духу — дух...»	147
170—171. П с и х е я	
1. «Не самозванка — я пришла домой...»	147
2. «На тебе, ласковый мой, лохмотья...»	147
172. «В черном небе — слова начертаны...»	148
173. «Благословляю ежедневный труд...»	148
174. «Слезы, слезы — живая вода!...»	148
175. «Руки, которые не нужны...»	149
176. «Как правая и левая рука...»	149
177. «Рыцарь ангелоподобный...»	149
178. «Доблесть и девственность! — Сей союз...»	150
179. «Так, высоко запрокинув лоб...»	150
180. «Что другим не нужно — несите мне!...»	150
181. «Я счастлива жить образцово и просто...»	151
182. «И не спасут ни стансы, ни созвездья...»	151
183. «Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе...»	152
184. «Знаю, умру на заре! На которой из двух...»	152

ЛЕБЕДИНЫЙ СТАН

1917—1920

185. «На кортике своем: Марина...»	154
186. «Над церковкой — голубые облака...»	154
187. Царю — на Пасху	155
188. «За Отрока — за Голубя — за Сына...»	156
189. «Чуть светает...»	156
190. «Из строгого, стройного храма...»	158
191. «И кто-то, упав на карту...»	158
192. «Голубые, как небо, воды...»	159
193. Юнкерам, убитым в Нижнем	160
194. «Ночь. — Норд-Ост. — Рев солдат. — Рев волн...»	160
195. «Плохо сильным и богатым...»	161
196. Корнилов	161
197—199. М о с к в е	
1. «Когда рыжеволосый Самозванец...»	162
2. «Гришка-Вор тебя не ополячил...»	162
3. «Жидкий звон, постный звон...»	162
200. «Кровных коней запрягайте в дровни!...»	163
201—203. Д о н	
1. «Белая гвардия, путь твой высок...»	163
2. «Кто уцелел — умрет, кто мертв — воспрянет...»	164
3. «Волны и молодость — вне закона!...»	164
204. «Идет по луговинам литня...»	165
205. «Трудно и чудно — верность до гроба!...»	165
206. «...О, самозванцев жалкие усилья!...»	165

207—208. Андрей Шенье	
1. «Андрей Шенье взшел на эшафот...»	166
2. «Не узнаю в темноте...»	166
209. «Коли в землю солдаты всадили — штык...»	166
210. «Это просто, как кровь и пот...»	167
211. «Орел и архангел! Господень гром!...»	167
212. «Московский герб: герой пронзает гада...»	168
213. «Бог — прав...»	168
214. «Семь мечей пронзали сердце...»	169
215. «Мракобесие. — Смерч. — Содом...»	169
216. «Белизна — угроза Черноте...»	169
217. «— Где лебеди? — А лебеди ушли...»	170
218. «Белогвардейцы! Гордился узел...»	170
219. «Надобно смело признаться, Лира!...»	171
220. «Если душа родилась крылатой...»	171
221. «Под рокот гражданских бурь...»	171
222. «Колыбель, овеванная красным!...»	172
223. «Ты дал нам мужества...»	172
224. «Поступью сановнически-гордой...»	173
225. «Над черною пучиной водною...»	173
226. «Бури-вьюги, вихри-ветры вас взлелеяли...»	174
227. «Царь и Бог! Простите малым...»	174
228—229. Памяти А. А. Стаховича	
1. «Не от запертых на семь замков пскарен...»	175
2. «Высокой горести моей...»	176
230. Але («В шитой серебром рубашечке...»)	176
231. С(ергею) Э(фрону)	177
232. «Дорожкой простиною...»	177
233. Бальмонту	178

1920

234. «Я эту книгу поручаю ветру...»	179
235. Блоку	180
236. Ех — ci-devant	180
237. Петру	181
238. «Есть в стане моем — офицерская прямоть...»	182
239. «Об ушедших — отошедших...»	183
240. (Взятие Крыма)	184
241. «Буду выпрашивать воды широкого Дона...»	184
242. «Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь!...»	185
243. Плач Ярославны	186
244. «С Новым Годом, Лебедный стан!...»	187

ИЗ КНИГИ «СТИХИ К БЛОКУ»

1921

II

245. «Вот он — гляди — уставший от чужбин...» (1)	189
246. «Други его — не тревожьте его!...» (2)	189
247. «А над равниной...» (3)	190
248. «Не проломанное ребро...» (4)	190

249. «Без зова, без слова...» (5)	191
250. «Как сонный, как пьяный...» (6)	192
251. «Так, Господи! — И мой обол...» (7)	193

III

252—256. П о д р у г а	
1. «Спит, муки твоя — веселье...»	193
2. «В своих младенческих слезах...»	194
3. «Огромного воскрылья взмах...»	195
4. «Чем заслужить тебе и чем воздать...»	195
5. «Последняя дружба...»	196

РЕМЕСЛО

1921—1922

257—263. У ч е н и к	
1. «Быть мальчиком твоим светлоголовым...»	197
2. «Есть некий час — как сброшенная клажа...»	198
3. «Солнце Вечера — добрее...»	198
4. «Пало прениже волн...»	199
5. «Был час чудотворен и поли...»	200
6. «Всё великолепелье...»	200
7. «По холмам — круглым и смуглым...»	201
264. Кн. С. М. Волконскому	201
265. «На што мне облака и степи...»	202
266. «Душа, не знающая меры...»	202
267. «О первое солнце над первым лбом!...»	203
268. «Косматая звезда...»	203
269—272. М а р и н а	
1. «Быть голубкой его орлиной!...»	203
2. «Трем Самозванцам жена...»	204
3. «— Сердце, измена!...»	205
4. «— Грудь Ваша благоуханна...»	205
273. «Как разгораются — каким валежником!...»	206
274. Памяти Т. Ф. Скрыбиной	206
275—282. Р а з л у к а	
1. «Башенный бой...»	207
2. «Уроненные так давно...»	208
3. «Всё круче, всё круче...»	208
4. «Смуглой оливой...»	209
5. «Тихонько...»	210
6. «Седой — не увидишь...»	211
7. «Ростком серебряным...»	212
8. «Я знаю, я знаю...»	213
283. «Два зарева! — нет, зеркал!...»	213
284. Вестнику	214
285—291. Г е о р г и й	
1. «Ресницы, ресницы...»	215
2. «О тяжесть удачи!...»	216
3. «Синие версты...»	218
4. «Из облаков кивающие перья...»	219
5. «С архангельской высоты седла...»	220
6. «А девы — не надо...»	220
7. «О всеми ветрами...»	221

292—296. Б л а г а я В е с т ь	
1. «В сокровищницу...»	222
2. «Жив и здоров!..»	223
3. «Под горем не горбясь...»	224
4. «Над спящим юнцом — золотые шпоры...»	224
5. «Во имя расправы...»	225
297. Возвращение вождя	226
298—301. О т р о к	
1. «Пустоты отроческих глаз! Провалы...»	227
2. «Огнепоклонник! Красная масть!..»	227
3. «Простоволосая Агарь — сажу...»	228
4. «Виноградины тщетно в садах ржавели...»	229
302. «Веками, веками...»	229
303. Отрывок из стихов к Ахматовой	230
304. Маяковскому	230
305—308. Х а н с к и й п о л о н	
1. «Ханский полон...»	231
2. «Ни тагана...»	232
3. «Следок твой непытан...»	233
4. «Не растеклась еще...»	234
309. «Семеро, семеро...»	235
310. «Блаженны дочерей твоих, Земля...»	236
311—313. Х в а л а А ф р о д и т е	
1. «Уже богов — не те уже щедроты...»	236
2. «Тщетно, в ветвях заповедных кроясь...»	237
3. «Сколько их, сколько их ест из рук...»	237
314. «От гнева в печени, мечты во лбу...»	238
315. «С такою силой в подбородок руку...»	238
316. «Молодость моя! Моя чужая...»	238
317. Муза	239
318. «Скоро уж из ласточек — в колдуньи!..»	240
319. «Без самовластия...»	240
320. «Такплыли: голова и лира...»	241
321. «Грудь женская! Души застывший вздох...»	241
322—323. В и ф л е е м	
1. «Не с серебром пришла...»	242
2. «Три царя...»	242
324. «Как по тем донским боям...»	243
325. «Так говорю, ибо дарован взгляд...»	244
326. «Необычайная она! Сверх сил!..»	245
327. «Как начнут меня колеса...»	245
328. «Над синеморскою лоханью...»	246
329. Ахматовой	246
330. Москве	247
331. «Пуше чем женщина...»	249

1922

332. Новогодняя	250
333. Новогодняя (вторая)	251
334. «Каменногрудый...»	252
335. «Не ревновать и не клясть...»	253
336. «По нагориям...»	254
337. «Не похорошела за годы разлуки!..»	255

338. «Верстами — врозь — разлетаются брови...»	256
339. Посмертный марш	256
340. «Завораживающая! Крест...»	257
341. «А и простор у нас татарским стрелам!...»	258
342. «Слезы — на лисе моей облезлой!...»	259
343. «Не приземист — высокоросл...»	259
344—345. Д о ч ь И а и р а	
1. «Мимо иди!...»	260
2. «В просторах покроя...»	260
346. «На пушок девичий, нежный...»	261
347. «На заре — наимедленнейшая кровь...»	262
348. «Переселенцами...»	262
349. «Сомкнутым строим...»	263
350. Сугробы	264
351. «Не здесь, где связано...»	265
352. «Широкое ложе для всех моих рек...»	266
353. «А уж так: ни о чем!...»	267
354. «В ворко-клекочущий зоркий круг...»	268
355. «Масляница широка!...»	269
356. «Наворковала...»	272
357. «А сугробы подаются...»	273
358. «Ранне-утреня...»	274
359. «Возле любви...»	276
360. «От меня — к невесте...»	277

ПОСЛЕ РОССИИ

1922—1925

Тетрадка первая

1922

Б е р л и н

361. «Есть час на те слова»	279
362. «Лютая юдоль...»	280
363. «Так, в скудном труженичестве дней...»	280
364. «Ночные шепота: шелка...»	281
365. «Ищи себе доверчивых подруг...»	282
366. «Помни закон...»	282
367. «Когда же, Господин...»	283
368. «По загарам — топор и плуг...»	285
369. «Здравствуй! Не стрела, не камень...»	285
370. «Некоторым — не закон...»	286
371. «Дабы ты меня не видел...»	286
372. Балкон	287
373. «Ночного гостя не застанешь...»	287
374. «Неподражаемо жжет жизнь...»	288
375. «Думалось: будут легки...»	288
376. «Руки — и в круг...»	289
377. Берлину	290
378. «Удостоверись — повремени!...»	290
379. «Светло-серебряная цвель...»	290
380. «Вкрадчивостию волос...»	291
381. «Леты слепотекущий всхлип...»	292

П р а г а

382—384. С и в и л л а	
1. «Сивилла: выжжена, сивилла: ствол...»	292
2. «Каменной глыбой серой...»	293
3. Сивилла — младенцу	294
385. «Но тесна вдвоем...»	295
386. «Леты подводный свет...»	297
387—395. Д е р е в ь я	
1. «В смертных изверясь...»	297
2. «Когда обидой — опилась...»	298
3. «Купальщицами, в легкий круг...»	299
4. «Други! Братственный сонм!..»	299
5. «Беглецы? — Вестовые?..»	300
6. «Не краской, не кистью!..»	301
7. «Та, что без видения спала...»	302
8. «Кто-то едет — к смертной победе...»	303
9. «Каким наитием...»	303
396—397. З а в о д с к и е	
1. «Стоят в чернорабочей хмури...»	304
2. «Книгу вечности на людских устах...»	305
398. «Это пеплы сокровищ...»	307
399. «Спаси Господи, дым!..»	307
400. Хвала богатым	308
401—403. Б о г	
1. «Лицо без обличия...»	310
2. «Нищих и горлиц...»	310
3. «О, его не привяжете...»	311
404. «Так, заживо раздав...»	312
405. Рассвет на рельсах	312

1923

406. «Не надо ее окликать...»	313
407. «Нет, правды не оспаривай...»	314
408. Эмигрант	315
409. Душа	315
410—412. С к и ф с к и е	
1. «Из недр и на ветвь — рысями!..»	316
2. (Колыбельная)	317
3. «От стрел и от чар...»	317
413. Лютня	318
414. «Оперением зйм...»	319
415. Плач цыганки по графу Zubову	319
416. Офелия — Гамлету	321
417. Офелия — в защиту Королевы	321
418—419. Ф е д р а	
1. Жалоба	322
2. Послание	323
420. Эвридика — Орфею	324
421—430. П р о в о д а	
1. «Вереницею певчих свай...»	325
2. «Чтоб высказать тебе... да нет, в ряды...»	326
3. (Пути)	327
4. «Самовластная слобода!..»	327
5. «Не чернокнижница! В белой книге...»	328

6. «Час, когда вверх цари...»	329
7. «В час, когда мой милый брат...»	329
8. «Терпеливо, как щепень бьют...»	330
9. «Весна наводит сон. Уснем...»	330
10. «С другими — в розовые груди...»	331
431—432. А р и а д н а	
1. «Оставленной быть — это втравленной быть...»	332
2. « — О, всеми голосами раковин...»	332
433. Поэма Заставы	332
434—436. П о э т ы	
1. «Поэт — издалека заводит речь...»	334
2. «Есть в мире лишние, добавочные...»	335
3. «Что же мне делать, слепцу и пасынку...»	336
437. Слова и смыслы	336
438. Педаль	337
439. Ладонь	338
440. «Крутогорьями глаголь...»	338
441. Облака	339
442. Так вслушиваются...	340
443—444. Р у ч ь и	
1. «Прорицаниями рокоча...»	341
2. «Монистом, расколотым...»	341
445. Окно	342
446. Хвала Времени	342
447. Сестра	343
448. Ночь	343
449. Прокрасться...	344

Тетрадь вторая

450. Диалог Гамлета с совестью	345
451. Мореплаватель	346
452. Расщелина	346
453. «На назначенное свиданье...»	347
454. «Рано еще — не быти!»	347
455. Луна — лунатику	348
456. Занавес	349
457. «Строительница струн — приструню...»	350
458. Сахара	350
459. Рельсы	351
460. Брат	352
461—463. Ч а с Д у ш и	
1. «В глубокий час души и ночи...»	353
2. «В глубокий час души...»	353
3. «Есть час Души, как час Луны...»	354
464. Наклон	355
465. Раковина	355
466. Заочность	356
467. Письмо	357
468. Минута	358
469. Клинок	359
470. Наука Фомы	360
471—473. М а г д а л и н а	
1. «Меж нами — десять заповедей...»	360

2. «Масти, плоченные втрое...»	361
3. «О путях твоих пытаться не буду...»	361
474. Отрывок	362
475. «С этой горы, как с крыши...»	362
476—477. О в р а г	
1. «Дно — оврага...»	363
2. «Никогда не узнаешь, что́ жгу, что́ трачу...»	364
478. Ахилл на валу	365
479. Последний моряк	365
480. Крик станций	366
481. Пражский рыцарь	367
482. Ночные места	368
483. Подруга	369
484. Поезд жизни	369
485. «Древняя тщета течет по жилам...»	370
486. Побег	370
487. «Брожу — не дом же плотничать...»	371
488. «Люблю — но мука еще жива...»	372

1924

489—491. Д в о е	
1. «Есть рифмы в мире сем...»	373
2. «Не суждено, чтобы сильный с сильным...» . . .	374
3. «В мире, где всяк...»	374
492. Остров	375
493. Под шалью	375
494. «Так — только Елена глядит над кровлями...» . . .	376
495. «Пела как стрелы и как морены...»	377
496. Попытка ревности	377
497. «Вьюга наметает в полы...»	379
498—499. С о н	
1. «Врылась, забылась — и вот как с тысяче-...»	379
2. «В мозгу ухаб пролёжан...»	380
500. Приметы	380
501. «Ятаган? Огонь?...»	381
502. «Живу — не трогаю...»	381
503. Полотерская	382
504. «Емче органа и звонче бубна...»	384
505—506. Ж и з н и	
1. «Не возьмешь моего румянца...»	385
2. «Не возьмешь мою душу живу...»	386

1925

507. Крестины	386
508. «Жив, а не умер...»	387
509. «Существования котловиною...»	388
510. «Что, Муза моя? Жива ли еще?...»	389
511. «В седину — висок...»	389
512. «Променявши на стремя...»	390
513. «Рас—стояние: версты, мили...»	391
514. «Русской ржи от меня поклон...»	392

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В КНИГИ

1922—1925

515. «В пустынной хранине...»	395
*516. «И скажешь ты...»	396
517. «От руки моей не взыгрывал...»	397
*518. «Голубиная купель...»	397
*519. Око	398
*520. «Оставленного зала тронного...»	398
*521. «Пела рана в груди у князя...»	398
*522. «Высокомерье — каста...»	399
*523. «Слава падает так, как слива...»	399
*524. «От родимых сёл, сёл!...»	400

1928—1941

*525. «Юноше в уста...»	402
526. «Лес: сплошная маслособойня...»	404
527. «Оползающая глыба...»	404
528. Маяковскому	404
529. Страна	411
530—535. С т и х и к П у ш к и н у	
1. «Бич жандармов, бог студентов...»	411
2. (Петр и Пушкин)	413
3. (Станок)	415
4. «Преодоление...»	417
5. (Поэт и Царь)	
1 — «Потусторонним...»	418
2 — «Нет, бил барабан перед смутным полком...»	419
536. Ода пешему ходу	419
537. Дом («Из-под нахмуренных бровей...»)	422
538. Бузина	424
539. «— Ненужен твой стих...»	425
540. «— На смарку твой стих!...»	426
541. Родина	426
542. «Никуда не уехали — ты да я...»	427
543—547. I c i — H a u t	
1. «Товарищи, как нравится...»	427
2. «Ветхозаветная тишина...»	428
3. «В стране, которая — одна...»	429
4. «— «Переименовать!» Приказ...»	430
5. «Над вороньим утесом...»	430
548—552. С т о л	
1. «Мой письменный верный стол!...»	432
2. «Тридцатая годовщина...»	433
3. «Тридцатая годовщина...»	433
4. «Обидел и обошел?...»	435
5. «Мой письменный верный стол!...»	435
553. «Вскрыла жилы: неостановимо...»	436
554. «Тоска по родinie! Давно...»	436
555. Куст	437
556. «Уединение: уйди...»	439
557. Сад	439

558—560. На д гр о б и е	
1. «— «Иду на несколько минут»...»	440
2. «Напрасно глазом — как гвоздем...»	441
3. «За то, что некогда, юн и смел...»	442
*561. «Уж если кораллы на шее...»	442
*562. «Никому не отомстила и не отмщу...»	443
563. «Жизни с краю...»	443
564. «Небо — синей знамени!..»	443
*565. «Окно раскрыло створки...»	444
566—567. О т ц а м	
1. «В мире, ревушем...»	444
2. «Поколенью с сиренью...»	445
568. «Ударило в виноградник...»	446
569. «Двух станом не боец, а — если гость случайный...»	447
570. Читатели газет	448
571. Деревья («Кварталом хорошего тона...»)	450
572—577. С т и х и с и р о т е	
1. «Ледяная тиара гор...»	451
2. «Обнимаю тебя кругозором...»	451
3. (Пещера)	452
4. «На льдине...»	453
5. «Скороговоркой — ручья водой...»	453
6. «Наконец-то встретила...»	454
578. «Когда я гляжу на летящие листья...»	454
579—593. С т и х и к Ч е х и и	
Сентябрь	
1. «Полон и просторен...»	455
2. «Горы — турам поприще...»	457
3. «Есть на карте — место...»	458
4. Один офицер	459
Март	
1. (Колыбельная)	461
2. Пепелище	462
3. Барабан	463
4. Германии	464
5. Март	465
6. Взяли...	466
7. Лес	466
8. «О, слезы на глазах!..»	467
9. «Не бесы — за иноком...»	467
10. Народ	468
«Не умрешь, народ!..»	468
594. «Мне Францией — нету...»	469
595. «Двух — жарче меха! рук — жарче пуха...»	469
596. «Ушел — не ем...»	469
597. « — Пора! для этого огня...»	470
*598. «Не знаю, какая столица...»	470
599. «Всё повторяю первый стих...»	471

ПОЭМЫ

600. Крысолов. <i>Лирическая сатира</i>	475
601. С Моря	542
602. Попытка комнаты	548
603. Лестница	555
604. Новогоднее	569
605. Поэма Воздуха	575
606. Красный бычок	585
607. Перекоп	589

НЕЗАВЕРШЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ФРАГМЕНТЫ

1916—1941

608. Из цикла «Стихи к Ахматовой»	
10. «А что если кудри в плат...»	635
*609. «Так, одним из легких вечеров...»	636
*610. «Уж и лед сошел, и сады в цвету...»	636
**611—612. Из цикла «Памяти А. А. Стаховича»	
3. «Пустыней Девичьего Поля...»	637
4. «Елисейские Поля: ты и я...»	637
*613. «Как настигаемый олень...»	638
*614. «В сновидящий час мой бессонный, совиный...»	639
**615—616. Из цикла «Разлука»	
4. «Твои черты...»	639
6. «Последняя прелесть...»	640
*617. «Благоухала целую ночь...»	641
**618—619. Из цикла «Георгий»	
6. «Не лавром, а терном...»	641
10. «Странноприимница высоких душ...»	642
620. Из цикла «Стихи к Блоку»	
II (раздел). 3. «Останешься нам иноком...»	642
*621. «Справа, справа — баран круторогий!...»	643
*622. «Ломающимся голосом...»	644
*623. «По-небывалому...»	644
*624. «Без повороту и без возврату...»	645
*625. «А любовь? Для подпаска...»	646
*626. Ночь («Когда друг другу лжем...»)	646
*627. «Всё так же, так же в морскую синь...»	648
*628. Из цикла «Под шалью»	
1. «Над колыбелью твоею — где ты?...»	648
*629. «Брат по песенной беде...»	649
*630. «Всю меня — с зеленью...»	649
*631. «Чем — не боги же — поэты!...»	650
632. Лучина	650
633. «Тише, тише, тише, век мой громкий!...»	651
*634. «Дом, с зеленою гущей...»	651
*635. «Закрыв глаза — раз иначе нельзя...»	651
636. Из цикла «Стихи к Пушкину»	
(Поэт и Царь)	
III. «Народоправству, свалившему трон...»	652
637. «Квиты: вами я объедена...»	652
*638. «Эта жизнь моя пропела — провыла...»	653

*639. «А Бог с вами!..»	653
640. «О поэте не подумал...»	654
*641. «Стройте и пойте стройку!..»	654
*642. «Человека защищать не надо...»	654
*643. (Отголоски Стола)	656
644. «Есть счастливы и счастливы...»	656
645. Из цикла «Надгробие»	
4. «Удар, заглушенный годами забвенья...»	657
*646. «Черные стены...»	657
647. «Шаг за шагом, мак за маком...»	658
648—650. С а в о й с к и е о т р ы в к и	
(1). «В синее небо ширя глаза...»	658
(2). Отрывки из Марфы	658
(3). Отрывки Ручья	659
*651. «Были огромные очи...»	660
*652. «Опустивши забрало...»	661
*653. «...Ох, речи мои морочные...»	661
654. «...Так, не дано мне ничего...»	661
*655. «Всем покадили и потрафили...»	662
*656. «Годы твои — гора...»	663
*657. «Так ясно сиявшие...»	663
*658. Несбывшаяся поэма	663
*659. Поэма о Царской Семье. Фрагменты	669
Другие редакции и варианты	673
Примечания	689
К иллюстрациям	769
Алфавитный указатель произведений	770

Цветаева М. И.

Ц 27 Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. Е. Б. Коркиной.— Л.: Сов. писатель, 1990.—800 с., 16 ил., 1 л. портр. (Б-ка поэта. Большая сер.).

ISBN 5-265-01485-3

Поэтическое наследие Марины Цветаевой (1892—1941) представлено в настоящем томе с большей полнотой, чем в предыдущем издании. В книгу вошло значительное количество произведений, не публиковавшихся ранее. Впервые в СССР печатаются сборник «Лебединый стан», поэмы «Красный бычок», «Перекоп», «Попытка комнаты», «С Моря». Поэмы «Крысолов» и «Лестница» впервые публикуются полностью.

Ц $\frac{4702010202-301}{083(02) - 90}$ **423—90**

ББК 84.Р7

Марина Ивановна Цветаева

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Художник *В. В. Еремин*

Худож. редактор *Г. Г. Семенов*

Техн. редакторы *Е. Ф. Шараева, Г. В. Мисюль*

Корректоры *Э. Н. Липпа, Е. А. Омельяненко*

ИБ № 7732

Сдано в набор 15.01.90. Подписано к печати 21.09.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 42,94. Уч.-изд. л. 39,54. Тираж 150 000 экз. Заказ 499. Цена 10 р. 10 к. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

